

Судан и Большой Ближний Восток

Сборник статей
к 60-летию

проф. И. В. Герасимова

Игорь Вячеславович
Герасимов

Saint Petersburg University
Faculty of Asian and African Studies

Санкт-Петербургский государственный университет
Восточный факультет

Saint Petersburg University
Faculty of Asian and African Studies

Sudan and the MENA

*Festschrift in Honour
of Professor Igor V. Gerasimov*

The Russian Christian Academy
for the Humanities
named after Fyodor Dostoevsky

St Petersburg

2024

Санкт-Петербургский государственный университет
Восточный факультет

Судан и Большой Ближний Восток

*Сборник статей
к 60-летию проф. И. В. Герасимова*

Издательство
Русской христианской гуманитарной академии
им. Ф. М. Достоевского

Санкт-Петербург

2024

ББК 63.3(53+61)я43
УДК 94(5-011+61)-082
С89

С89 Судан и Большой Ближний Восток: сборник статей к 60-летию проф. И. В. Герасимова / сост. А. С. Матвеев, Н. Н. Дьяков, Т. А. Пан; отв. ред. А. С. Матвеев; Восточный факультет Санкт-Петербургского государственного университета. — СПб.: Издательство РХГА, 2024. — 592 с.: ил.

ISBN 978-5-907855-02-1

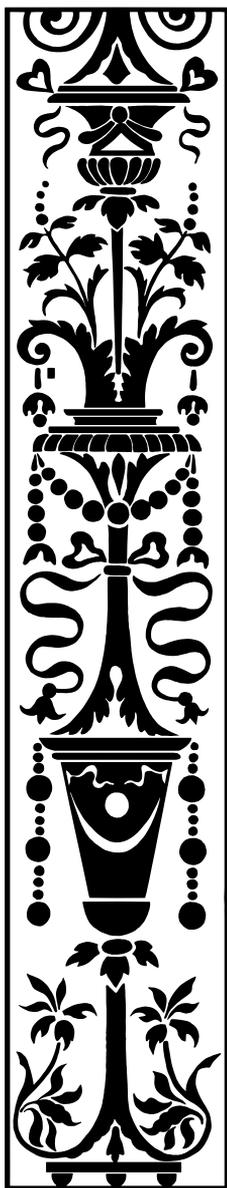
Сборник посвящен 60-летию доктора исторических наук, профессора Игоря Вячеславовича Герасимова — арабиста, преподавателя, переводчика, журналиста, крупнейшего российского специалиста по истории и культуре Судана. В сборник вошли статьи его коллег, посвященные как истории и культуре собственно Судана, так и Большого Ближнего Востока — от Гибралтара до границ Индии. Кроме того, в сборнике затронуты вопросы взаимоотношения России и Востока, включая сюжеты, связанные с историей российского востоковедения.

В оформлении обложки были использованы фотографии Анны Поповой, Натальи Макеевой, Константина Корганова, Алины Чирковой, Юрия Макаренко, рисунок из коллекции Натальи Макеевой, а также фотографии, находящиеся в свободном доступе в интернете.

ББК 63.3(53+61)я43
УДК 94(5-011+61)-082

ISBN 978-5-907855-02-1

© Авторы сборника, 2024
© Восточный факультет СПбГУ, 2024
© АНО ВО «РХГА», 2024

I.
К юбилею
профессора
И. В. Герасимова

Судан как судьба

60-летие выдающегося арабиста — хороший повод поговорить не только о его собственных достоинствах, но и вообще о востоковедении, ярким представителем которого он является.

Игорь Вячеславович отлично говорит по-арабски, свободен в разных стилях арабского разговора и (что не одно и то же) прекрасно переводит и ведет переговоры. Он доброжелателен и легок в общении; студенты и коллеги любят с ним беседовать и работать; он умеет организовывать конференции, экспедиции и стажировки и хорошо улыбаться в самых разных ситуациях. Он строгий и умелый учитель, с доброй манерой взаимного общения, которая очень похожа на стиль его собственного учителя — Ольги Борисовны Фроловой. Я узнаю ее в нем.

Все эти качества основаны на серьезной академической базе серьезного научного творчества. Как и полагается востоковеду, его умения происходят не из «Гугла», а из тщательного исследования и анализа текстов, будь то современные газетные статьи или традиционные «Табакат» Ибн Дайфаллаха или рукопись «Мухтасар» Халила ал-Джунди.

Основным полем научной деятельности Игоря Вячеславовича стал Судан, интереснейшая арабская страна, построенная на динамичных взаимоотношениях Арабского мира и Африки. Это — пограничная территория разных культур и политических влияний, разных типов восприятия и оценки событий. Анализ арабских сочинений, проведенный Игорем Вячеславовичем и основанный на сочетании литературного и исторического подходов, позволяет увидеть в Позднем Средневековье схождения и расхождения арабских и африканских начал, описать их как с богословских, так и этнографических сторон; выпукло показать, как мистика суфиев перерастает в политику и наоборот.

Работы Игоря Вячеславовича стали базовыми для понимания истоков прошлых и сегодняшних политических и культурных событий. В них рядом с культурным присутствует и временное «пограничье». Значительная часть работ нашего «шестидесятника» посвящена становлению суданской журналистики на бурном стыке Средневековья и жгучей современности. Сегодняшняя газета и биография богослова вместе присутствуют в жизни арабских стран вообще, а уж Судана — особенно.

Игорь Вячеславович явно тяготеет к этой проблеме «пограничья», ибо увлекся другой окраиной мусульманского мира — исламом в Монголии и Китае. Эта тема также крайне интересна с точки зрения культурных взаимодействий и так же политически заряжена, как африканско-исламская. Она сливается и с традиционной востоковедной и восточной темой «Великого шелкового пути», ставшей сегодня совместным полем размышлений ученых и политиков, литераторов и экономистов.

У Игоря Вячеславовича есть чудесная статья — «Образ верблюда в монгольской и арабской литературных традициях». Она построена не только на обильном и умело препарированном литературном материале, но и отталкивается от образов материальной культуры, в частности, от найденной в Судане древней китайской фигурки верблюда. Два схожих и одновременно резко различных животных — двугорбое и одногорбое — являются ярчайшими знаками схождения и различия миров, соединенных культурными и торговыми связями и разъединенных военными

и политическими событиями. «Люди одногорбых верблюдов» в Сирии остановили накатившуюся на мир волну армий из мира «людей двугорбых верблюдов» (монгольское нашествие).

Великие исторические процессы помечены во времени множеством явлений и событий разных культур, за которыми ученые, среди которых и умелый дайвер Герасимов, ныряют в пучину фактов, легенд и намеков. Петербургская традиция учит тому, как в этой пучине находить жемчужины.

Впереди у него и у нас много новых «пограничий» — Оман, Пальмира, Нубия...

*М. Б. Пиотровский,
декан Восточного факультета СПбГУ,
ген. директор Государственного Эрмитажа,
профессор СПбГУ, академик РАН*

Поздравления

التاريخ ٢٤ جمادى الآخرة ١٤٤٥ هـ
الموافق ٦ يناير ٢٠٢٤ م

جناب البروفيسور الجليل/ إيغور غيراسيموف المحترم تهنئة مقرونة بالتقدير

يسرني أن اجزل لجنابكم الشريف عبارات التحايا منتهزا خطابنا المائل أمامكم لاسطر عبارات المباركة لكم بحلول يوم مولدكم الستون المجيد، داعيًا العلي القدير في هذا المقام بأن يرزقكم نعمه ظاهرة وباطنة، مقرونًا بالإبتهاال بأعوام عديدة ومديدة ترفلون فيها باثواب العافية، وتتألقون بمساعيكم المهنية الحميدة كما هو عهدكم، وأن تكونوا من السعداء.

محبتكم في الله

جمال بن حسن الموسوي
الأمين العام للمتحف الوطني
مسقط — سلطنة عُمان

*Во имя Всевышнего
24 дня месяца джумада-л-ахира,
Соотв. 6 января 2024 г.*

***Милости уважаемого
Профессора Игоря Герасимова
ПОЗДРАВЛЕНИЕ С ВЫРАЖЕНИЕМ ПОЧТЕНИЯ***

*Я рад высказать Вашей милости эти приветствия, пользуясь
счастливой возможностью обратиться к Вам, дабы начертать эти
благословенные выражения в канун дня Вашего славного 60-летия,*

*Взывая к величию Всемогущего, дабы даровал Он Вам милость свою
явную и сокрытую вместе с годами многими и долгими, которые Вы
пронесете в полном здравии и славной силе в течение всего века Вашего,
и да будете Вы счастливы.*

Да пребудет с Вами любовь Господня!

*Джамаль б. Хасан ал-Мусауи,
Генеральный секретарь-хранитель
Национального музея
Маскат — Султанат Оман*

Многоуважаемый Игорь Вячеславович!

От имени сотрудников Духовного управления мусульман Санкт-Петербурга и Северо-Западного региона России, Санкт-Петербургской Соборной мечети и от себя лично примите мои самые искренние поздравления по случаю знаменательного события в Вашей жизни — 60-летия со дня рождения!

Уверен, что вместе со мной в этот день возносят свои молитвы благодарности Всевышнему многие Ваши ученики, работающие ныне практически во всех сферах востоковедения. Всевышний даровал нам быть современниками и учениками, соратниками такого опытного специалиста, востоковеда и уникального переводчика, каковым являетесь Вы, глубоко почитаемый Игорь Вячеславович.

На восточном небосклоне, как известно, немало ярких звезд, но ярчайшая из них уже 30 лет горит над одним из старейших университетов мира — Ленинградским—Санкт-Петербургским, где прославленному Восточному факультету и ленинградской школе арабистики нынешние потомки отдают дань уважения и гордости. В числе выпускников Ваша звезда светит по-особенному и узнаваемо.

Важной чертой Вашей профессиональной деятельности является понимание востоковедческой науки, построение культурных и гуманитарных мостов между цивилизациями и народами, языка общения между нашими партнерами и другими государствами.

Вне сомнения, бесценен для верующих Ваш особый вклад в созидание правильного образа Ислама в постсоветский период. Ваша подвижническая деятельность по развитию отечественного востоковедения и арабистики высоко оценивает Вашу творческую, научную и педагогическую деятельность, замечательные программы и проекты, которые были созданы и реализованы Вами и с Вашим участием.

Сегодня Вы продолжаете профессионально заниматься исследовательскими проектами и развивать взаимопонимание и сотрудничество между народами, принимая участие в важных государственных мероприятиях, конференциях и форумах.

Благодарим Вас за многолетний труд на благо развития востоковедческого образования и академической арабистики. Ваши исключительную эрудицию, богатейший опыт, профессиональную работу с научным словом, методологическую точность, внимательность и отзывчивость высоко ценят как коллеги, так и студенты. Ваш талант научного руководителя помог многим начинающим исследователям успешно изучить многие сложные темы истории, философии, культуры мусульманских стран. Мы благодарим Вас за многолетнее научное сотрудничество с нашим Муфтиятом и за активное участие в миротворческом служении!

В этот благословенный день позвольте пожелать Вам доброго здоровья и удачи во всех начинаниях. Пусть Ваши благородные дела служат и дальше процветанию нашего Отечества — Великой России.

С добрыми молитвами и наилучшими пожеланиями,

*муфтий, председатель Духовного управления
Равиль-Хазрат Панчеев*

Замечательный петербургский арабист

Празднование юбилея — время подвести итоги и наметить планы на будущее. Можно смело сказать, что к своему 60-летию Игорь Вячеславович Герасимов достиг больших и ярких успехов в научной и преподавательской деятельности.

Родившись на Васильевском острове в третьем поколении ленинградцев-петербуржцев, он с детства интересовался историей и собирался поступать на исторический факультет ЛГУ. Тем не менее он решил попробовать себя на вступительных экзаменах на Восточный факультет, которые в то время проходили в июле, раньше, чем на других факультетах. Успешные результаты экзаменов определили его судьбу как арабиста-историка: он окончил кафедру истории стран Ближнего Востока, год стажировался в Сирии в Университете Дамаска и решил посвятить свою жизнь изучению арабского Востока. В этом решении важную роль сыграли его Учители, прежде всего любимый наставник профессор Ольга Борисовна Фролова, увлекшая его историей и культурой Судана — страны на границе арабского и африканского миров, впитавшей в себя мусульманскую культуру и сохранившую самобытность племен.

В 1994 г. И. В. Герасимов защитил кандидатскую диссертацию на тему: «Становление арабоязычной публицистики в Судане (1930–1980-е гг.)», а в 2013 г. — докторскую диссертацию «История и культура Судана XVI — начала XIX века». С 2014 г. он неоднократно выезжал в Судан на конференции или в археологические экспедиции, организуя стажировки студентов Восточного факультета в Хартумском университете. Работа в изучаемой стране дала неоценимый материал для дальнейших научных штудий, а набранный опыт и информацию Игорь Вячеславович постоянно использовал и использует в своих лекциях. Свободное владение языком позволило приобрести суданских друзей и коллег, которые не только помогали стажерам-студентам, но и с удовольствием приезжали в Санкт-Петербург для участия в организованной И. В. Герасимовым постоянной конференции «Судан: прошлое и современность».

И. В. Герасимов является одним из ведущих переводчиков-синхронистов Санкт-Петербурга, которого постоянно приглашают на встречи с арабскими делегациями в Правительство города, ректорат университета, на главные культурные и экономические форумы, проходящие в Северной столице. Работа переводчиком дает возможность не только обогащать лексику, но и следить за развитием живого языка, чему И. В. Герасимов учит своих студентов. Более того, переводческая деятельность требует знания мусульманского этикета, значительно отличающегося от привычного нам, и об этом И. В. Герасимов рассказывает в консультациях фирмам, работающим в арабских странах.

Широта научных взглядов и любознательность однажды привели И. В. Герасимова в рукописный фонд Института восточных рукописей, где он под руководством выдающегося знатока арабских рукописей Вал. В. Полосина в течение нескольких лет пагинировал арабские рукописи, погружаясь в мир необыкновенной ближневосточной рукописной культуры. С этой работы началось многолетнее сотрудничество И. В. Герасимова с ИВР РАН, где он выступает с лекциями и докладами на конференциях, в Лекториях и на Ученом совете ИВР РАН, работает с аспирантами, а с 2023 г. возглавляет Государственную экзаменационную комиссию.

Профессор И. В. Герасимов является замечательным воплощением лучших традиций петербургской интеллигенции, представителем петербургской школы востоковедения, примером плодотворного взаимодействия академической науки и высшей школы.

В день юбилея Игоря Вячеславовича Герасимова все сотрудники Института восточных рукописей РАН желают ему крепкого здоровья, благополучия и новых творческих свершений на благо науки и воспитания новых поколений российских арабистов.

*Член-корр. РАН,
директор ИВР РАН
И. Ф. Попова*

Appreciative Thoughts of a China Historian on the Contribution of Dr Igor V. Gerasimov

It was my great pleasure to get to know Igor Gerasimov at a small conference held at the University of Munich in 2019. The topic of the conference was devoted to the use of archival sources in the Manchu language — seemingly lightyears away from the specialisation of Dr Gerasimov, which is Arabic literature as well as the role of Islam in Middle Eastern and African societies, in particular Sudan. However, in a turn of intellectual agility which will strike those who know Igor Gerasimov as all too typical, he managed to link his own research with the focal region of our conference in a paper titled “The Near East and Central Asia in Russian Scientific Orientalism”. Usually at home in Sufi brotherhoods or the interpretation of the Qur’an, Dr Gerasimov integrated the efforts of the Tsarist government in eastern Siberia, the Mongolian and Tungusic regions of Asia and the Muslim societies in the southern margins of Central Asia with the regions of the Middle East which he is so familiar with.

The ability to integrate one’s own research into the subject matter of only distantly attingent regions revealed to me three aspects of his character. Firstly, we are dealing with a scholar who has accumulated a vast array of knowledge which he adeptly analyses in the discovery of new regions and phenomena. Secondly, Dr Gerasimov is part of a small family of European scholars who

have attained such a high degree of linguistic expertise that he can be at ease with intellectuals from an extra-European setting — be this in the Arab Gulf, in Sudan or in Central Asia. Finally, and this I shall vividly remember, Igor Gerasimov is a gifted speaker, who within a wink managed to establish a lively rapport with his audience — the hallmark of a talented teacher!

Further to the intellectual value of such regional cultures and languages, the recent years have taught us the usefulness of academic knowledge in an increasingly complex world. Without the deep insight into regional trends, and also conflicts, which scholars like Dr Igor Gerasimov possess, our ability to engage in diplomatic and commercial exchange with the regions of the Middle East and of Islamicate Africa would be much reduced. In this sense, Dr Gerasimov has already inscribed his name in the list of valuable scholars of the present century. May his energy, determination and joyful enthusiasm take him far in the decades to come!

*Dr Lars Peter Laamann
School of Oriental & African History
University of London*

**Глубокоуважаемый
Игорь Вячеславович!**

Примите мои самые искренние поздравления со знаменательной датой! Я благодарна судьбе, что она предоставила мне возможность узнать Вас лично. Я знаю Вас как энергичного, инициативного, доброжелательного, открытого для диалога человека, прекрасного знатока истории Судана, поведавшего мне, прожившей сорок лет в Судане, множество интересных фактов из истории этой страны, в совершенстве владеющего арабским языком. А чего стоят русские песни под Ваш аккомпанемент!

Хочу Вам пожелать в этот день в первую очередь крепкого здоровья, ярких, незабываемых встреч. Пусть судьба всегда будет щедра к Вам на удачи, пусть сбываются все Ваши мечты, чтобы работа всегда приносила удовлетворение! Желаю Вам сохранять молодость духа и впредь!

С огромным уважением,

*Наталья Кондра,
Хартумский университет,
Хартум, Судан*

Tabula Gratulatoria

Firuzha Abdullaeva-Melville (Cambridge, UK)
Roswitha Badry (Freiburg, Germany)
Vassilios Christides (Kryoneri Attikis, Greece)
Oliver Corff (Berlin, Germany)
Barbara Kellner-Heinkele (Berlin, Germany)
Lars Peter Laamann (London, UK)
Dimitrios G. Letsios (Athens, Greece)
Jamal al-Moosawi (Muscat, Oman)
Magda El-Nowieemy (Alexandria, Egypt)
Simone-Christiane Raschmann (Berlin, Germany)
George Tsutsos (Athens, Greece)
Hartmut Walravens (Berlin, Germany)
Айман Аламин Яхья Бабикер (Судан)
Акель Ясер Хишамович (Санкт-Петербург, Россия)
Алферов Даниил Андреевич (Санкт-Петербург, Россия)
Бавыкин Олег Митрофанович (Москва, Россия)
Базиленко Игорь Вадимович (Санкт-Петербург, Россия)
Балаценко Юрий Дмитриевич (Санкт-Петербург, Россия)

Белов Сергей Александрович (Санкт-Петербург, Россия)
Бизюков Сергей Николаевич (Санкт-Петербург, Россия)
Блондин Владимир Николаевич (Санкт-Петербург, Россия)
Бобров Кирилл Александрович (Санкт-Петербург, Россия)
Боброва (Чабанная) Оксана Владимировна (Санкт-Петербург,
Россия)
Боков Тимофей Александрович (Посольство России в Сирии,
Дамаск, Сирия)
Валеев Рамиль Миргасимович (Казань, Россия)
Валеева Роза Закариевна (Казань, Россия)
Вилинбахов Вадим Георгиевич (Санкт-Петербург, Россия)
Вилинбахов Георгий Вадимович (Санкт-Петербург, Россия)
Гордеев Фёдор Игоревич (Москва, Россия)
Гулькин Павел Германович (Санкт-Петербург, Россия)
Дегтярева Ольга Викторовна (Санкт-Петербург, Россия)
Ал-Джунди Ваддах (Санкт-Петербург, Россия)
Добронравин Николай Александрович (Санкт-Петербург,
Россия)
Дьяков Николай Николаевич (Санкт-Петербург, Россия)
Дьякова Ольга Васильевна (Владивосток, Россия)
Ермакова Татьяна Викторовна (Санкт-Петербург, Россия)
Жевелева Александра Владимировна (Санкт-Петербург, Россия)
Жуков Константин Александрович (Санкт-Петербург, Россия)
Завельская Светлана Юрьевна – СПбГУ (Санкт-Петербург,
Россия)
Зайцев Илья Владимирович (Москва, Россия)
Зданевич Александр Сергеевич (Санкт-Петербург, Россия)
Иванов Сергей Александрович (Москва, Россия)
Карлинская Светлана Олеговна (Санкт-Петербург, Россия)
Клусова Юлия Дмитриевна (Санкт-Петербург, Россия)
Козинцев Марк Альвиевич (Санкт-Петербург, Россия)
Колесников Александр Антонович (Санкт-Петербург, Россия)
Кондра Анжелика (Хартум, Судан)

Кондра Наталья (Хартум, Судан)
Коровкина Анна Юрьевна (Санкт-Петербург, Россия)
Котин Игорь Юрьевич (Санкт-Петербург, Россия)
Крол Алексей Александрович (Москва, Россия)
Кузнецова Светлана Алексеевна (Санкт-Петербург, Россия)
Кульганек Ирина Владимировна (Санкт-Петербург, Россия)
Макеева Наталья Валентиновна (Санкт-Петербург, Россия)
Матвеев Александр Сергеевич (Санкт-Петербург, Россия)
Маяцкий Дмитрий Иванович (Санкт-Петербург, Россия)
Месхидзе Джульетта Изауовна (Санкт-Петербург, Россия)
Микульский Дмитрий Валентинович (Москва, Россия)
Образцова Татьяна Васильевна (Санкт-Петербург, Россия)
Овсянников Виктор Владимирович (Санкт-Петербург, Россия)
Овсянникова Людмила Ивановна (Санкт-Петербург, Россия)
Османов Евгений Магомедович (Санкт-Петербург, Россия)
Островская Елена Петровна (Санкт-Петербург, Россия)
Островский Александр Борисович (Санкт-Петербург, Россия)
Палладес Виктор Вячеславович (Санкт-Петербург, Россия)
Пан Татьяна Александровна (Санкт-Петербург, Россия)
Панчеев Равиль-Хазрат (Санкт-Петербург, Россия)
Петрова Мария Павловна (Санкт-Петербург, Россия)
Пиотровский Михаил Борисович (Санкт-Петербург, Россия)
Победоносцева-Кая Анжелика Олеговна (Санкт-Петербург,
Россия)
Попов Всеволод Геннадьевич (посольство России в Судане,
Порт-Судан)
Попова Анна Викторовна (Санкт-Петербург, Россия)
Попова Ирина Федоровна (Санкт-Петербург, Россия)
Пумпян Галина Захаровна (Санкт-Петербург, Россия)
Родионов Алексей Анатольевич (Санкт-Петербург, Россия)
Родионова Оксана Петровна (Санкт-Петербург, Россия)
Рыженкова Тамара Алексеевна (Санкт-Петербург, Россия)

Самигулов Гаяз Хамитович (Челябинск, Россия)
Абд ар-Рахман Абд ал-Вахаб Нур ад-Даим Саид (Хартум, Судан)
Суворов Михаил Николаевич (Санкт-Петербург, Россия)
Танонов Антон Валерьевич (Санкт-Петербург, Россия)
Танонова Елена Викторовна (Санкт-Петербург, Россия)
Туманян Тигран Гургенович (Санкт-Петербург, Россия)
Хисматулин Алексей Александрович (Санкт-Петербург, Россия)
Шомахмадов Сафарали Хайбуллоевич (Санкт-Петербург, Россия)
Ястребова Ольга Михайловна (Санкт-Петербург, Россия)

Профессор Игорь Вячеславович Герасимов — ученый-востоковед, педагог, переводчик

60 лет — это много или мало? У многих народов Востока — это завершение важного жизненного цикла, возраст подведения итогов, но при этом и построения планов нового, не менее важного грядущего цикла.

По правде говоря, непросто рассуждать об итогах первого 60-летия вашего, казалось бы, недавнего студента, полного энергии и юного востоковедного задора, — таким запомнился и таким и сегодня воспринимается в глазах своих учителей и ровесников-однокашников Игорь Вячеславович Герасимов.

Представитель одного из последних, так называемых классических, наборов на Восточный факультет Ленгосуниверси-

*После госэкзамена на Восточном факультете
(слева направо: И. В. Герасимов, М. С. Мейер, Н. А. Самойлов),
Санкт-Петербург, июнь 2012 г.*

тета (ЛГУ), пока еще не затронутого «освежающими ветрами перестройки», Игорь Вячеславович впитал лучшие традиции ленинградского / петербургского университетского востоковедения, еще застав блестящие лекции и семинары профессоров О. Б. Фроловой и А. А. Искоз-Долининой, В. И. Беляева и К. О. Юнусова, А. Д. Желтякова и Л. Л. Строевой, М. А. Родионова, О. И. Голузеева, Т. М. Сипенковой и целой плеяды других замечательных ученых и учителей Востфака.

Как и многие восточники, в частности арабисты-историки, Игорь Вячеславович получил счастливую возможность благодаря действовавшим в свое время «межправсоглашениям» пройти после третьего курса (1984—1985 учебный год) языковую стажировку в Дамаске — в столице бурно развивавшейся тогда на пути социально-политических преобразований и экономического подъема Сирийской Арабской Республики.

Вместе с проф. О. Б. Фроловой и проф. Н. Н. Дьяковым после вручения проф. Василиосу Кристидесу (справа), Греция, Афины, почетной медали СПбГУ, 2006 г.

Получив основательную подготовку по арабскому языку, с погружением в культурную среду одной из колыбелей мировой и, в частности, арабо-мусульманской цивилизации, Игорь Вячеславович и далее сохранил любовь не только к слову — к литературе, публицистике, но и не в последнюю очередь, к песне, к яркому музыкальному наследию вечно молодой и цветущей земле Сирии — тысячелетней «*Билад аш-Шам*» (араб.).

Зигзаги судьбы востоковеда привели далее Игоря Вячеславовича в стены братского факультета журналистики ЛГУ, в результате чего в 1994 г. им была успешно защищена кандидатская диссертация на остающуюся и сегодня актуальной тему: «Становление арабоязычной публицистики в Судане (1930–1980-е гг.)».

Такой, казалось, резкий поворот от «левантийских реалий» к истории и культуре Судана — одной из крупнейших арабоязычных стран Африки — был все же не случайным. Возглавлявшая тогда факультетскую арабистику проф. О. Б. Фролова — выдающийся советский и российский востоковед, одна из научных

Встреча с министром иностранных дел Судана Али ал-Карти, август 2013 г.

наставников И. В. Герасимова — была, по сути, инициатором и вдохновителем установления двусторонних межуниверситетских связей между Ленинградом/Санкт-Петербургом и Хартумом, что во многом повлияло на формирование последующих исследовательских пристрастий молодого Игоря Вячеславовича.

Верность урокам О. Б. Фроловой И. В. Герасимов сохранял до конца ее жизни, хранит и сегодня, став в свою очередь энтузиастом и немалым авторитетом «суданских штудий» не только на берегах Невы, но и во всей отечественной науке, а фактически и в сегодняшнем ученом мире — «мире арабистики и африканистики».

Теплоту чувств И. В. Герасимова к Судану — родине древней цивилизации на северо-востоке африканского континента, стране великого Нила с его притоками, стране, обращенной одновременно и к глубинам Африки, и к Аравии, — автору этих строк довелось наблюдать во время поездки в 2014 году в Хартум с посещением исторических земель Сеннара, при первом нашем знакомстве с этим гостеприимным народом (или, скорее,

*Министерство нефти Судана,
август 2013 г.*

народами), явно расположенным к широкому разностороннему сотрудничеству с Россией.

Основательная подготовка, полученная в университетах России и Сирии, отличное знание современного арабского языка при наличии безусловной журналистской «жилки» позволили И. В. Герасимову стать в последние годы, безусловно, одним из ведущих не только «питерских», но и отечественных переводчиков и журналистов, репортеров и интервьюеров, которому не случайно доверена сегодня почетная функция «пресс-атташе» кафедры истории стран Ближнего Востока СПбГУ.

Редкие выступления в качестве переводчика и консультанта на многочисленных проходящих у нас в стране международных форумах с участием арабских гостей тем не менее не смогли «вырвать» Игоря Вячеславовича из рядов преподавателей и исследователей-арабистов Востфака.

Оставаясь глубоко преданным своим «суданским студиям», И. В. Герасимов в 2013 году успешно защитил диссертацию на соискание ученой степени доктора исторических наук на тему: «История и культура Судана XVI — начала XIX века», по следам

Вместе с проф. Германом Беллом из Оксфорда и его книгой о Нубии/Судане (Herman Bell. Paradise Lost: Nubia before the 1964 Hijra. Khartoum: DAL Group, 2009), Санкт-Петербург, 2011 г.

которой вышла затем его одноименная фундаментальная монография (СПб.: Галерея Печати, 2018. 480 с.).

Не оставляя преподавательско-педагогическое поприще, Игорь Вячеславович разработал и читает студентам-востоковедам — историкам и филологам, исламоведам, африканистам и др. — внушительный набор курсов по истории и культуре, религии и политике, журналистике и публицистике арабского Востока, а также по различным аспектам современного и классического арабского языка.

Научные доклады и сообщения И. В. Герасимова регулярно звучат в стенах востоковедных центров нашей страны: в СПб и Москве, в Дагестане и Татарстане, в университетах Кавказа, Урала и др. Карта научных поисков и поездок Игоря Вячеславовича по-прежнему остается чрезвычайно внушительной. Это экспедиции и командировки в университеты Египта и Марокко, Судана и Омана, Китая и Монголии, а в свое время также — Греции, Швеции и т. п.

Вместе с О. М. Бавыкиным в качестве почетных гостей на вручении Международной премии имени шейха Хамада за перевод и взаимопонимание между народами, Доха, Катар, декабрь 2019 г.

Прекрасно понимая и зная по собственному опыту, какое значение для подготовки высококвалифицированных специалистов-востоковедов имеет стажировка в стране изучаемого языка, Игорь Вячеславович много сил и времени уделяет установлению прямых контактов с университетами арабского Востока. Плодом таких усилий стала реальная возможность направления наших студентов-арабистов и исламоведов на практику в университеты Судана, Египта и Омана.

Самое активное участие И. В. Герасимов неизменно принимает в организации и проведении представительных международных форумов по проблемам источниковедения и историографии стран Азии и Африки, которые уже не одно десятилетие (с 1961 г.) проходят на Восточном факультете ЛГУ/СПбГУ.

Немалую популярность в последние годы приобрели и организованные по инициативе проф. И. В. Герасимова научные конференции «Вопросы истории и культуры Судана», в которых активное участие принимают не только востоковеды и африканисты нашей страны, но ученые и учащиеся, дипломаты и журналисты из Судана и других стран Африки.

И. В. Герасимов на закрытии XXV Международной конференции по источниковедению и историографии стран Азии и Африки (слева направо: И. В. Герасимов; д-р Розвита Бадри, Фрайбургский университет, Германия; проф. Барбара Михалак-Пиккульска, Ягеллонский университет, Краков; проф. Н. Н. Дьяков, ВФ СПбГУ), СПбГУ, апрель 2009 г.

Нечасто сегодня можно встретить преподавателя, готового проводить со студентами время не только в стенах аудитории, но и далеко за ее пределами — в музейных и спортивных залах, в парках и даже на мемориальных кладбищах у могил великих востоковедов прошлого. Игорь Вячеславович многие годы был таким исключением, передавая ученикам-восточникам свою страсть не только к востоковедению, но и к скалолазанию и нырянию-дайвингу, устремляясь с ними на лыжню, на хоккейные и футбольные площадки.

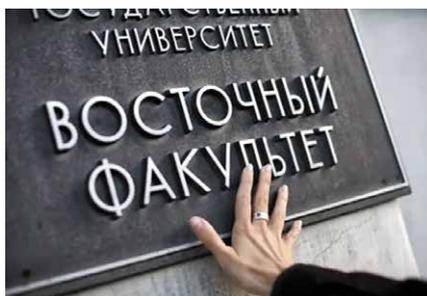
Ученый и преподаватель, научный руководитель и педагог-наставник, Игорь Вячеславович и сегодня остается образцом универсанта — хранителя славных традиций Петербургского/Ленинградского университета.

*Закрытие конференции «Христианство на Востоке:
к 100-летию М. Н. Боголюбова» (слева направо: Н. Н. Дьяков,
М. Б. Пиотровский, И. Г. Герасимов), Санкт-Петербург,
3 ноября 2018 г.*

В свой юбилейный год И. В. Герасимов вновь готовится к очередному выпуску восточников, а затем и к летнему приему историков и исламоведов «юбилейного набора» — в год 300-летия основания СПбГУ, 170-летия Факультета восточных языков (1854) и 80-летия его воссоздания (1944).

Проф. Н.Н. Дьяков

Библиография научных трудов проф. И. В. Герасимова

1. Из истории зарождения прессы Судана // V Всесоюзная школа молодых востоковедов. Т. I. История, литературоведение. Тезисы. М., 1989. С. 24–26.

2. Из истории журналистики Судана // *Вестник Ленинградского университета*. Сер. 2. № 3. Л., 1990. С. 106–109.

3. Египетские периодические издания (сер. XIX в. — 60-е гг. XX в.) в книгохранилищах Санкт-Петербурга и Москвы // Межвузовская конференция молодых ученых «Человек. Природа. Общество. Актуальные проблемы». Ч. 1. Тезисы докладов. СПб., 1992. С. 80.

4. Общая характеристика средств массовой информации Судана в период гражданского правления 1985–1989 гг. // Национальная библиография, издательская деятельность и библиотечное дело в странах Азии и Африки. СПб., 1992. С. 114–121.

5. Публицистическая деятельность в Судане в 30-е гг. XX века // I Международная конференция «Публицистика эпохи Просвещения». Тезисы докладов и сообщений. СПб., 1992. С. 40.

6. Арабская газетная периодика в библиотеках Москвы 1870–1930 гг. // Россия и арабский мир. СПб., 1994. С. 100–109.

7. Проблема Юга Судана в арабоязычной публицистике 1980-х гг. // Конференция молодых учёных «Человек. Природа. Общество. Актуальные проблемы». Тезисы и доклады. СПб., 1994. С. 13.

8. Система высшего образования и журналистика в Судане (1947–1980-е гг.) // Журналистика и массовая культура. 26–27 апреля. Тезисы. СПб., 1994. С. 57–58.

9. Становление арабоязычной публицистики в Судане (1930–1980-е гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 1994.

10. Арабский мир — Запад: сотрудничество в области обмена информацией // Век информации. Тезисы научно-практического семинара. 1–2 ноября 1995 г. СПб., 1995. С. 30–32.

11. Участие суданцев в зарубежной прессе XIX — нач. XX в. // Журналистика и культура. Тезисы научно-практической конференции. 19–20 апреля 1995 г. Ч. 2. СПб., 1995. С. 11–12.

12. Суданские публицисты 30-х гг. XX в. в мемуарных произведениях Йахьи Мухаммада Абд аль-Кадира // II Международная конференция «Публицистика эпохи Просвещения». Тезисы докладов и сообщений. СПб., 1996. С. 34–35.

13. Некоторые проблемы суданского радиовещания на современном этапе // Журналистика — XX век: эволюция и проблемы. Тезисы международной научно-практической конференции. 24–25 апреля 1996 г. СПб., 1996. С. 23–24.

14. О египетском национальном балете по страницам журнала «Бина аль-Ватан» (1960 гг.) // Человек. Природа. Общество. Актуальные проблемы. Материалы конференции молодых учёных. 26–30 декабря 1996 г. СПб., 1996. С. 118–119.

15. Освещение начального этапа кризиса в Персидском заливе 1990–1991 гг. прессой Иордании (по материалам книги Бараката Марвана «Война в Персидском заливе на страницах иорданских газет». Амман, 1992 г.) // Век информации. Тезисы постоянно дей-

ствующего научно-практического семинара 15–16 октября 1996 г. СПб., 1996. С. 32–33.

16. Женщина в культуре Востока: политика, искусство, публицистика // *Невский наблюдатель*. № 1. 1997. (СПб.). С. 94–95.

17. Женщина в Судане // Женщины в культуре Востока: политика, искусство, публицистика. Материалы научного семинара. 5 марта 1997. СПб., 1997. С.20–24.

18. Исламская проблема суданской журналистики 1985–1989 гг. (социально-экономические аспекты) // *Невский наблюдатель*. № 1. 1997. (СПб.). С. 60–62.

19. К вопросу о милосердии в исламе // Ненасильственные коммуникации в культуре и общественной жизни: Восток, Запад, Россия. Материалы конференции. 17–20 апреля 1997 г. СПб., 1997. С. 41–42.

20. Пионеры суданской публицистики: Йусуф Мустафа ат-Тинаи // Средства массовой информации в современном мире. Тезисы научно-практической конференции. 23–24 апреля 1997 г. СПб., 1997. С. 82.

21. Специализированное журнальное издание Египта «Алам ал-китаб» («Мир книги») и библиографические сведения по исламу // Век информации. Тезисы международного постоянно-действующего научно-практического семинара. 5 ноября 1997 г. СПб., 1997. С. 7–8.

22. Судан: правящий режим и пресса в 1990-е гг. // *Невский наблюдатель*. № 2. 1997. (СПб.). С. 87–91.

23. Арабские племена в районе Белого Нила // XIX Научная конференция по историографии и источниковедению истории стран Азии и Африки. Тезисы докладов. 8–10 апреля 1997. СПб., 1997. С. 26–28.

24. Соотечественницы на Востоке: Изабелла Эберхарт // Женщина в массовой коммуникации: штрихи к социокультурному портрету. Сборник тезисов. СПб., 1998. С. 21–24.

25. (*Совместно с:* Виноградова С. М.) Журналистика стран-членов Лиги арабских государств (Африка) (для студентов арабистов и африканистов Восточного факультета): учебное пособие к спецкурсу арабо-африканской публицистики. СПб., 1999.

26. Религиозные мусульманские журналы (1990-е гг.) // Типология печати: проблемы теории и практики. 01 января 1999. СПб., 1999. С. 114–115.

27. Арабская диаспора в Азии: культурная жизнь и журналистика // Век информации. Тезисы международного постоянно действующего научно-практического семинара. 20 декабря 2000. СПб., 2000. С. 31–33.

28. К вопросу об образе суданца: араба и африканца в суданской литературе // Арабистика и семитология в третьем тысячелетии. Тезисы участников конференции кафедр арабистики и семитологии Ереванского, Московского, Санкт-Петербургского и Тбилисского университетов. 26–28 июня 2000. С. 15–17.

29. Суфийские братства в Восточном Судане на начальном этапе махдистского восстания (1883–1884 гг.) (по отчётным документам Османа Абу Бакра Дикны) // XX Научная конференция по историографии и источниковедению истории стран Азии и Африки. 6–7 апреля 1999 г. Тезисы докладов. СПб., 2000. С. 21–24.

30. Периодическая печать Судана (для студентов-арабистов Восточного факультета): учебное пособие к спецкурсу современной арабской публицистики. СПб., 2001.

31. Программа курса «История арабоязычной литературы Судана» (для студентов-филологов кафедры арабской филологии Восточного факультета): учебное пособие. СПб., 2001.

32. Хасан ат-Тураби: взгляд через массмедиа // *Невский наблюдатель*. № 1. СПб., 2001. С. 78–80.

33. Деятельность Санкт-Петербургского Телеграфного агентства в Африке (1907–1917 гг.) // *Вестник Восточного института*. Т. 5. № 2 (10). 2001. (СПб.). С. 63–70.

34. Навал ас-Саадави: путевые зарисовки и зарубежные впечатления // Средства массовой информации в современном мире. Тезисы научно-практической конференции. Ч. 2. СПб., 2002. С. 125–126.

35. О задачах Союза суданских женщин в области образования и культуры // Женщина в жизни общества. Материалы международной конференции «Женская журналистика и женщины в журналистике». 01 февраля 2001 г. СПб., 2001. С. 76–81.

36. (*Совместно с:* Фролова О. Б.) The passages on the Caspian Sea from a Medieval Arabic cosmography // Aspects of Arab Seafaring (An Attempt to Fill in the Gaps of Maritime History). Ed. Y. J. al-Hijji, V. Christides. Athens: Institute for Graeco-Oriental and African Studies; Kuwait Foundation for the Advancement of Science, 2002. P. 117–127.

37. (*Совместно с:* Салим Абу Джабер) Женщины-воительницы в средневековых арабских повестях и романе о Фатиме Зат ал-Химме // Женщина в массовой коммуникации: штрихи к социокультурному портрету. Вып. № 3. СПб., 2002. С. 174–177.

38. (*Совместно с:* Фролова О. Б.) Герои иранского эпоса в арабских народных романах // 300 лет иранистике в Санкт-Петербурге. Материалы международной конференции. 28–30 апреля 2003 г. СПб., 2003. С. 14.

39. (*Совместно с:* Фролова О. Б.) Представления о мире и человеке в средневековых арабских космографиях // Россия — Арабский мир: прошлое и современность. СПб., 2004. С. 5–8.

40. (*Совместно с:* Фролова О. Б.) Раздел о Каспийском море в одном арабском средневековом космографическом сочинении // В мире культуры и литератур Востока. СПб., 2004. С. 153–157.

41. Разрешение конфликта на Юге Судана на современном этапе и международное сообщество // Исследования международных отношений. СПб., 2004. С. 170–174.

42. (*Совместно с:* Фролова О. Б.) Шведская исследовательница проф. Геиль Рамсей о женском литературном движении в арабских странах Персидского залива // Мужчина и женщина: параллельные миры? СПб., 2004. С. 199–202.

43. The Sudanese 18th Century Scholar Ibn Deifallah and his Book, “Biographies as Divisions of Saints, Zealots, Theologians and Poets (*Kitab at-tabaq...*) // L’union Europeenne Arabisants et Islamisants 22th Congress. Book of Abstracts: Authority, Privacy and Public Order in Islam. Cracow, Poland, 29 September — 4 October 2004. С. 27–28.

44. (*Совместно с:* Фролова О. Б.) Герои иранского народного эпоса в арабских народных романах // В мире культуры и литератур Востока. СПб., 2004. С. 189–194.

45. (Совместно с: Фролова О. Б.) Некоторые аспекты суданской газетной журналистики (новое тысячелетие) // Россия — Арабский мир: прошлое и современность. СПб., 2004. С. 86—88.

46. О происхождении некоторых суданских пословиц // *Востоковедение: Филологические исследования*. Вып. 25. 2004. (СПб.). С. 92—99.

47. (Совместно с: Фролова О. Б.) Палестина в путевых описаниях С. Плещеева // Россия — Арабский мир: прошлое и современность. СПб., 2004. С. 12—16.

48. (Совместно с: Фролова О. Б.) Добродетели и благие деяния исламских подвижников в произведении Ибн Дайфаллаха Табакат // Международная научная конференция в университетах Санкт-Петербурга, России, Европы. Актуальные проблемы и перспективы. Тезисы докладов. 4—6 апреля 2006 г. С. 341—342.

49. (Совместно с: Frolova O. B.) Late Medieval Sudanese manuscript of the “*Kitab al-Tabaqat fi khusus al-Awlia wa’l-Salihin wa’l-Ulama’ wa’l-Shu’ara’ fi al-Sudan*” by Ibn Dayfallah and some aspects of Greek-Byzantine cultural influence in Sudan // XI International Congress on Graeco-Oriental and African Studies, 27—30 September 2007. Nicosia, Cyprus. P. 9.

50. (Совместно с: Frolova O. B.) The Concept of Harmony between Man and Universe in Medieval Middle Eastern Cosmographies // Jubilee Volume in Honor to Dr. Najeeb Nabwani. Studies in Philosophy, Culture and Education. The Arab Academic College for Education in Israel, The Institute for Multi-Cultural Research, 2007. P. 39—43.

51. (Совместно с: Фролова О. Б.) Картина мира в космографии Востока // Мужчина и женщина: параллельные миры? Философия. Исследования международных отношений и журналистики. СПб., 2007. С. 42—46.

52. (Совместно с: Фролова О. Б.) Народные певцы в странах Африки и их общественное значение // XI конференция африканистов. Развитие Африки: возможности и препятствия. Москва, 22—24 мая 2008. Тезисы. М., 2008. С. 124.

53. Восточный факультет — центр российского востоковедения // *Ургинские ведомости*. № 15. 2008. С. 18—19.

54. (Совместно с: Петрова М. П.) Ислам в Монголии // *Ургинские ведомости*. № 16. 2008. С. 28—29.

55. Музыкальные инструменты и их названия в историко-литературном суданском памятнике Ибн Дайфаллаха «Kitāb al-Ṭabaqāt fī khuṣūṣ al-Awliyā' wa'l-Ṣālihīn wa'l-'Ulamā' wa'l-Shu'arā' fī al-Sūdān» («Книга разрядов о исламских подвижниках, праведниках, учёных и поэтах в Судане») (XVIII в.) // *Вестник Санкт-Петербургского университета*. Сер. 9: «Филология, востоковедение, журналистика». Вып. 4. Ч. II. 2008. С. 252–257.

56. The sufi rituals and traditions in the work by the Sudanese author ibn Daifallah “The book of ranks of islamic zealots, saints, scholars and poets in Sudan” (18th C.) // Symposium International. Le Livre. La Roumanie. L'Europe — deuxiemé edition-Résumés des communications scientifiques. 20–24 September 2009. Bucarest. P. 73–74.

57. Коранические школы в Судане XVII–XVIII вв. (по материалам произведения Ибн Дайфаллаха «Табакат») // *Востоковедение и африканистика в диалоге цивилизаций. XXV Международная конференция. Источниковедение и историография стран Азии и Африки*. 22–24 апреля 2009. Тезисы докладов. СПб., 2009. С. 48–49.

58. Музыкальные инструменты и их названия в историко-литературном суданском памятнике Ибн Дайфаллаха «Kitāb al-Ṭabaqāt fī khuṣūṣ al-Awliyā' wa'l-Ṣālihīn wa'l-'Ulamā' wa'l-Shu'arā' fī al-Sūdān» («Книга разрядов о исламских подвижниках, праведниках, ученых и поэтах в Судане») (XVIII в.). Ч. 2 // *Вестник Санкт-Петербургского университета*. Сер. 9: «Филология, востоковедение, журналистика». Вып. 1. Ч. II. 2009. С. 196–202.

59. Научно-практическая конференция по Судану (Москва, 6–7 октября 2009 г.) // *Письменные памятники Востока*. № 2(11). 2009. С. 231–232.

60. Россия — Судан: из истории взаимоотношений (по материалам книги Е. П. Ковалевского «Путешествие во внутреннюю Африку») // *Вестник Санкт-Петербургского университета*. Сер. 13: «Востоковедение, африканистика». Вып. 3. 2009. С. 13–16.

61. Символы власти и традиция дарения в суфийских братствах Судана в произведении Ибн Дайфаллаха «Табакат» (Kitāb al-Ṭabaqāt fī khuṣūṣ al-Awliyā' wa'l-Ṣālihīn wa'l-'Ulamā' wa'l-Shu'arā' fī al-Sūdān) — «Книга разрядов о исламских подвижниках, праведниках, ученых и поэтах в Судане») // *Вестник Санкт-Петербургского университета*.

Сер. 9: «Филология, востоковедение, журналистика». Вып. 3. 2009. С. 322–332.

62. Соотечественники за рубежом: к вопросу о калмыках на Ближнем Востоке в XVII–XVIII вв. // Материалы международной научной конференции «Единая Калмыкия в единой России: через века в будущее», посвященной 400-летию добровольного вхождения калмыцкого народа в состав Российского государства. 13–18 сентября 2009. Элиста, 2009. Ч. 1. С. 131–134.

63. On Greeks and Greek culture in Sudan according to Ibn Dayfallah's *Kitāb al-Ṭabaqāt fī khuṣūṣ al-Awliyā' wa'l-Ṣālihīn wa'l-'Ulamā' wa'l-Shu'arā' fī al-Sūdān* // East and West. Essays on Byzantine and Arab Worlds in the Middle Ages. Ed. by Juan Pedro Monferrer-Sala, Vassilios Christides, Theodoros Papadopoulos. Piscataway, NJ: Gorgias Press, 2009. P. 169–175.

64. The Camel: a Sacred Animal of Nomadic Peoples // Permanent International Altaistic Conference. 52 nd Annual Meeting of the PIAC (July 26–31, Huhhot, China. Myth and Mystery in the Altaic World. Proceedings. Inner Mongolia University. The Altaic Society of China. 2009. P. 111–112.

65. The sufi rituals and traditions in the work by the Sudanese author ibn Daifallah “The book of ranks of islamic zealots, saints, scholars and poets in Sudan” (18thC.) // Symposium International. Le Livre. La Roumanie. L'Europe — deuxiéme édition. Résumés des communications scientifiques. 20–24 September 2009. Bucarest, 2009. P. 73–74.

66. Рецензия: R. O. Collins A History of Modern Sudan N. Y. Cambridge Univ. Press, 2008. 331 pp. // *Восток (Oriens)*. № 2. 2010. С. 211–214.

67. Денежные средства в Судане в XVII–XVIII вв. (по «Книге разрядов об исламских подвижниках, праведниках, ученых и поэтах в Судане» Ибн Дайфаллаха) // *Вестник Санкт-Петербургского университета*. Сер. 9: «Филология, востоковедение, журналистика». Вып. 3. 2010. С. 283–288.

68. К историографии суданского фольклора: пословицы и биографии праведников // *Письменные памятники Востока*. № 2(13). 2010. С. 127–135.

69. Легенды о происхождении правящих династий государств Судана (XVI–XVIII вв.) // Россия и Арабский мир: К 200-летию профессора Санкт-Петербургского университета шейха ат-Тантави

(1810–1861). 2–3 ноября 2010. Материалы конференции / отв. ред. Н. Н. Дьяков, А. С. Матвеев. СПб.: Издательство СПбГУ, 2010. С. 151–154.

70. Образ верблюда в монгольской и арабской литературных традициях // *Mongolica-IX. Сборник статей*. 2010. С. 109–116.

71. «Табакат» («Разряды») Ибн Дайфаллаха. Введение, перевод фрагмента текста с арабского языка и комментарии // *Письменные памятники Востока*. № 1(12). 2010. С. 41–51.

72. Теологические труды и деятельность исламских учёных в Судане в XVII–XVIII вв. (по произведению Ибн Дайфаллаха «Табакат») // *Вестник Санкт-Петербургского университета*. Сер. 13: «Востоковедение, африканистика». Вып. 3. 2010. С. 77–82.

73. Islam in Mongolia Peoples Republic and Inner Mongolia // 53 Annual Meeting Permanent International Altaistic Conference. July 25–30. 2010. SPb., “Unknown treasures of the Altaic world in the libraries, archives and museums” Abstracts. Institute of Oriental Manuscripts, Russian Academy of Sciences. P. 22–23.

74. Islam in Darfur in the 17–18th CC. (as seen from Ibn Daifallah “Tabaqat”) // 12th Conference of Africanists “Africa in the changing world development paradigm”. Moscow, Russia. May 24–26, 2011. Abstracts. P. 123–124.

75. Ислам в Дарфуре в XVII–XVIII вв. (по памятнику Ибн Дайфаллаха «Табакат») // XII Конференция африканистов «Африка в условиях смены парадигмы развития». 24–26 мая 2011. Тезисы. М., 2011. С. 175.

76. История публицистики Судана. СПб.: Издательство СПбГУ, 2011. 228 с.

77. Мариса — традиционный напиток в Судане (по материалам книги суданского автора Ибн Дайфаллаха «Табакат») // *Вестник Санкт-Петербургского университета*. Сер. 9: «Филология, востоковедение, журналистика». Вып. 4. 2011. С. 178–181.

78. Напитки для увеселения в Судане (по материалам книги суданского автора Ибн Дайфаллаха «Табакат») // Тезисы докладов XXVI Международной конференции источниковедение и историография стран Азии и Африки «Модернизация и традиции». 20–22 апреля. СПб., 2011. С. 19–20.

79. Средства массовой коммуникации (СМК) Судана в социально-политическом контексте (2000–2010 гг.) // Основные тенденции политического и экономического развития стран современных Азии и Африки. СПб., 2011. С. 67–86.

80. Суфизм и власть в Судане (XVI — XVIII вв.) // *Asiatica: Труды по философии и культурам Востока*. Вып. 5. СПб., 2011. С. 16–30.

81. «Табакат» Ибн Дайфаллаха как источник по истории поэзии Судана // *Вестник Санкт-Петербургского университета*. Сер. 9: «Филология, востоковедение, журналистика». Вып. 1. 2011. С. 193–209.

82. Рецензия: Yuriy Malikov. Tsars, Cossacks, and Nomads. The Formation of Borderland Culture in Northern Kazakhstan in the Eighteen and Nineteenth Centuries. В. Klaus Schwarz Verlag (studien zum Modernen Orient 18). 2011. 321 p. // *Письменные памятники Востока*. 2(17). 2012. С. 348–352.

83. Знамя в суфийских братствах Судана (по материалам труда Ибн Дайфаллаха «Табакат») // Семинар: Геральдика — вспомогательная дисциплина. Государственный Эрмитаж. СПб., 2012. С. 17–23.

84. Медицинские знания и искусство лечения исламских праведников в Судане в XVI–XVIII вв. (по произведению Ибн Дайфаллаха «Kitāb al-Ṭabaqāt» // *Вестник бурятского научного центра сибирского отделения Российской академии наук*. № 2(6). 2012. С. 139–148.

85. Разновидности хлеба в позднесредневековом Судане (по произведению ибн Дайфаллаха «Табакат») // *Varietas delectans*. Сборник статей к 70-летию Николая Леонидовича Сухачева. СПб., 2012. С. 154–159.

86. Рецензия: Freitag U., Gershoni I. The Necessity for Historical Investigation into Arab Responses to Fascism and Nazism // *Geschichte und Gesellschaft. Zeitschrift für historische Sozialwissenschaft*. Heft 3 Juli — September 2011. “Arab Encounters with Fascist Propoganda 1933–1945”. Jahrgang. P. 311–331 // *Вестник Санкт-Петербургского университета*. Сер. 13: «Востоковедение, африканистика». Вып. 2. 2012. С. 132–135.

87. Оппозиционные движения в Восточном Судане и угроза стабильности: региональный аспект // *Актуальные проблемы региональной безопасности современной Азии и Африки* / отв. ред. В. Н. Колотов. СПб., 2013. С. 602–633.

88. (Совместно с: Фролова О. Б.) Особенности политического развития Суданского государства и традиционные религиозные институты // Ислам в России: культурные традиции и современные вызовы. Материалы международной научной конференции 26–28 сентября 2013 / отв. ред. Т. Г. Туманян. СПб., 2013. С. 39–43.

89. Особенности символики в суданском обществе: прошлое и настоящее // Семинар: Геральдика — вспомогательная историческая дисциплина. Заседание 6 ноября 2013 г. Государственный Эрмитаж. СПб., 2013. С. 1–15.

90. Рабы и рабовладение в султанате Сеннара (XVI — начало XIX в.) (по произведению «Табакат» Ибн Дайфаллаха) // Локальное наследие и глобальная перспектива. «Традиционализм» и «революционизм» на Востоке. XXVII Международная конференция по востоковедению и историографии стран Азии и Африки. 24–26 апреля 2013 г. Тезисы докладов / отв. ред. Н. Н. Дьяков, А. С. Матвеев. СПб., 2013. С. 13–14.

91. Рецензия: Michail Rodionov, Hanne Schonig. The Hadramawt Documents, 1904–51: Family Life and Social Customs under the Last Sultans. Beirut, Ergon Verlag Wurzburg, 2011. 342 p. (Beiruter Texte und Studien. Hrsg vom Orient-Institut Beirut. Bd 130) // *Письменные памятники Востока*. № 2(19). 2013. С. 315–319.

92. Ас-Судан ва балад ал-Хабаша фи фитрат султанат ал-фундж. (на араб. яз.) (Судан и Эфиопское государство в период султаната ал-фундж) // Annual Conference of Postgraduate Studies and Scientific Research. Humanities and Educational Studies Conference under the slogan: Towards a Confident Renaissance. Abstracts of Papers. University of Khartoum. 25–28 February 2013. P. 9–10.

93. История и культура Судана XVI — начало XIX вв. (Автореф. дис. ... д-ра ист. наук). СПб., 2013.

94. (Совместно с: Матвеев А. С., Фролова О. Б.) Николаю Николаевичу Дьякову — учителю, коллеге, другу // «Тахиййат»: сборник статей в честь Н. Н. Дьякова. Арабистика — Исламоведение — Этнография / сост. И. В. Герасимов, А. С. Матвеев. СПб., 2013. С. 7–16.

95. Одежда в Судане в период Султаната ал-Фундж (по произведению «Табакат» Ибн Дайфаллаха) // «Тахиййат»: сборник статей

в честь Н. Н. Дьякова. Арабистика — Исламоведение — Этнография / сост. И. В. Герасимов, А. С. Матвеев. СПб., 2013. С. 223–229.

96. Жилища и дома суданцев в «Табакат» Ибн Дайфаллаха // *Письменные памятники Востока*. № 1(20). Весна—лето 2014. С. 64–75.

97. (Совместно с: Дьяков Н. Н.) Наука и образование в современном Судане (об экспедиционной поездке востоковедов СПбГУ. Январь — февраль 2014 г.) // *Вестник Санкт-Петербургского университета*. Сер. 13: «Востоковедение, африканистика». Вып. 3. 2014. С. 148–151.

98. Женщины в медиамире стран Востока (на примере Судана) // Проблемы филологии, культурологии и искусствоведения в свете современных исследований. Материалы XII Международной научно-практической конференции. 14 июня 2015. НИЦ «Апробация». Махачкала, 2015. С. 15–22.

99. Исламские массмедиа на Ближнем Востоке и в России: история, проблематика, идеология: учебное пособие. СПб., 2015.

100. (Совместно с: Фролова О. Б.) Культурная жизнь Омдурмана периода кондоминиума 1920–1940-е гг. // Азия и Африка в меняющемся мире. XXVIII Международная научная конференция по источниковедению и историографии стран Азии и Африки. 22–24 апреля 2015г. Тезисы докладов / отв. ред.: Н. Н. Дьяков, А. С. Матвеев. СПб., 2015. С. 57–58.

101. (Совместно с: Блондин В. Н.) Пресса Ливана: хрестоматия газетных и журнальных текстов с заданиями: учебное пособие. СПб., 2015.

102. Священные дары и символы в братствах Судана (братство кадирийа в городке ал-Илафон) // Семинар: Геральдика — вспомогательная историческая дисциплина. Заседание 8 апреля 2015 г. Государственный Эрмитаж. СПб., 2015. С. 19–27.

103. Эволюция Суданского города в XIX–XX вв. (на примере Хартума) // Азия и Африка в меняющемся мире. XXVIII Международная научная конференция по источниковедению и историографии стран Азии и Африки. 22–24 апреля 2015 г. Тезисы докладов / отв. ред. Н. Н. Дьяков, А. С. Матвеев. СПб., 2015. С. 31.

104. (Совместно с: Блондин В. Н., Дьяков Н. Н.) «Российские востоковеды и арабская культура» о Второй международной конференции российских и арабских ученых в Каире. 29–30 сентября

2015 г. // *Вестник Санкт-Петербургского университета*. Сер. 13: «Востоковедение, африканистика». Вып. 2. 2016. С. 140–143.

105. (Совместно с: Сатаров А. А.) Сведения османского путешественника Эвлии Челеби о султанате ал-фундж в Судане // *Международный научно-исследовательский журнал. Сборник по результатам XLVI заочной научной конференции International Research Journal*. № 1 (43). Ч. 4. 2016. Екатеринбург, 2016. С. 82–85.

106. Экспедиция в Судан январь — февраль 2015 г. // *Вестник Санкт-Петербургского университета*. Сер. 13: «Востоковедение, африканистика». Вып. 1. 2016. С. 136–138.

107. Sacred gifts and symbols in Sudan brotherhoods (the Qadiriyya brotherhood in the town of al-Aylafun) // *Seminar: Heraldry as an auxiliary historical discipline*. The State Hermitage Museum. P. 17–23.

108. Development of the touristic sector in Sudan (1898–2017) // *Новейшие тенденции в науке и образовании: сборник материалов международной научно-практической конференции (г. Сочи, 28 марта 2017 г.)*. Иркутск, 2017. С. 79–87.

109. (Совместно: Адам Ахмед Абдалла Исхаг) Политический аспект территориального конфликта между Республикой Судан и Республикой Южный Судан: район Абьей // *Евразийская дуга нестабильности и проблемы региональной безопасности от Восточной Азии до Северной Африки: итоги 2016 г.* / гл. ред. В. Н. Колотов. СПб., 2017. С. 615–638.

110. История и культура Судана XVI–XVIII вв. СПб.: Галерея Печати, 2018. 480 с.

111. Описание Судана в произведении Мухаммада Хусейна Хайкала «Ашрат айям фи-с-Судан» // *Труды Института востоковедения РАН*. Вып. 18. Арабская филология: традиции и современность / отв. ред. Э. А. Али-заде. М., 2018. С. 97–118.

112. كتابات زوار السوفيت عن السودان خلال القرن العشرين (Описания Судана советскими путешественниками (XX в.)) // *Журнал суданских исследований*. Вып. № 24. 2018.

113. Греческие периодические издания в Судане в XX в. // *Балканистика. Алтаистика. Общее языкознание: Памяти Альбины Хакимовны Гирфановой (1957–2018)* / под ред. Л. Н. Дониной. СПб., 2019. С. 5.

114. К вопросу о толерантности в Судане // С любовью к Востоку: сборник статей / отв. ред. В. Н. Блондин, И. В. Герасимов. СПб., 2019. С. 53–67.

115. Мир суданской *халуа*: терминология, смысл, назначение // Инновации и традиции в арабистике и исламоведении. СПб., 2019.

116. Об исламизации Джабал Нуба: деятельность шейха Мухаммада ал-Амина ал-Кураши // XXX Международный конгресс по источниковедению и историографии стран Азии и Африки. К 150-летию академика В. В. Бартольда (1869–1930). 19–21 июня 2019 г. Материалы конгресса / Отв. ред.: Н. Н. Дьяков, А. С. Матвеев. Т. 1. СПб., 2019. С. 124–125.

117. О музейных коллекциях Судана // *ASIATICA: труды по филологии и культурам Востока*. Т. 13. № 1. 2019. (СПб.). С. 166–176.

118. (Совместно с: Блондин В. Н.) От составителей (к сборнику статей в честь О. Б. Фроловой) // С любовью к Востоку: сборник статей / отв. ред. В. Н. Блондин, И. В. Герасимов. СПб., 2019. С. 5–14.

119. Первая международная научная конференция «История и культура Судана: Новое и новейшее время». СПбГУ. 5–6 марта 2019 г. // *Вестник Санкт-Петербургского университета*. Сер. 13: «Востоковедение, африканистика». Т. 11. Вып. 4. Декабрь. 2019. С. 607–612.

120. Перевод стихотворения тунисского поэта Фатхи Адама «Мой мальчик» // С любовью к Востоку: сборник статей / отв. ред. В. Н. Блондин, И. В. Герасимов. СПб., 2019. С. 68–71.

121. Предисловие // В. Ф. Поликанов «Избранные иракские пословицы с русскими и английскими соответствиями». 2-е изд. СПб., 2019. С. 3–4.

122. (Совместно с: Богданов Д. Ю.) Tourism Industry of Sudan: History and Peculiarities of its Development in the 20th and 21st Centuries // *Вестник Санкт-Петербургского университета*. Сер. 13: «Востоковедение, африканистика». Т. 12. Вып. 4. 2020. С. 579–587.

123. (Совместно с: Алфёров Д. А.) Джибал Нуба: традиции мира прошлого и трудности нового этапа // Актуальные проблемы мировой политики / ред. Т. С. Немчинова. СПб., 2020. С. 130–143.

124. (Совместно с: Пан Т. А.) Формирование мусульманских общин в Китае и исламские святыни Иньчуани (Нинся-Хуэйский

автономный район, КНР) // *Вестник Челябинского государственного университета. Философские науки.* № 9(443). Вып. 50. С. 37–45.

125. Рецензия: 'Абд ас-Салам Сайид Ахмад. «Ал-Фукаха' уа-с-салтана фи-с-Синнар» (Факихи и султанат в Сеннаре). Хартум. Шарикат матабия ас-Судан ли-л-'умла ал-махдуда. 2017. 252 с. // *Письменные памятники Востока.* Т. 17. № 2. Вып. 41. 2020. С. 131–136.

126. Конгресс выпускников учебных заведений в Судане в 1920–1940-е гг. // *Африка: постколониальный дискурс. Тезисы докладов участников Всероссийской конференции / ред. Т. М. Гавристова, Н. Е. Хохолькова.* 25–26 июня 2020. Ярославль, 2020.

127. Особенности установления власти в племенах беджа XVII–XIX вв. // *Аравийские древности: сборник статей в честь 70-летия Александра Всеволодовича Седова / ред. И. В. Зайцев.* М., 2020. С. 186–192.

128. Культурные связи Судана и Западной Африки // *Международная конференция африканистов: судьбы Африки в современном мире.* 24–28 мая 2021. М., 2021.

129. Город Ал-Каууа на Белом Ниле: родовые группы и суфийские братства // *Национальная (Всероссийская) конференция по естественным и гуманитарным наукам «Наука СПбГУ — 2020».* 24 декабря 2020. СПб., 2020.

130. The history of regional relations of the peoples of Jibal Nuba in the 16th — 20th centuries // *Минбар. Исламские исследования.* 10 апреля 2023. Т. 16. Вып. 1. 2023. (СПб.). С. 13.

131. A Manuscript about Sufi Sheikh Miracles from R. Fakhretdinov's Archive in the Collection of the IOM, RAS // *Письменные памятники Востока.* Т. 9. Вып. 1 (17). 2023. С. 82–90.

132. (*Совместно с:* Ахматшина Э. К., Лученков И. Р.) Investigation and Preservation of the Palmyrian Historical and Cultural Heritage by Russian and European Researchers in the 17 th — 21 st Centuries // *Вестник Санкт-Петербургского университета.* Сер. 13: «Востоковедение, африканистика». Т. 15. Вып. 3. 2023. Р. 549–567.

133. (*Совместно с:* Власенкова Е. С.) West African Immigration to Sudan: Areas of Settlement, Interaction with Sudanese Tribes and Cultural Characteristics // *Вестник Санкт-Петербургского университета.* Сер. 13: «Востоковедение, африканистика». Т. 15. Вып. 2. 2023. Р. 375–384.

134. Амулеты и чётки в Судане (по произведению Ибн Дайфал-лаха «Табакат» // сборник статей к юбилею профессора Тиграна Гургеновича Туманяна / под ред. В. В. Маркова и Е. А. Десницкой. СПб., 2023. С. 56–64.

135. (Совместно с: Пан Т. А.) К истории исламского образования в Китае и переводу Корана на китайский язык // Ближний Восток и его соседи: сборник статей к 70-летию профессора Николая Николаевича Дьякова / сост., отв. ред. А. С. Матвеев. СПб., 2023. С. 301–313.

136. Третья Международная научная конференция «Вопросы истории и культуры Судана: Древность, Новое и Новейшее время». Санкт-Петербург. 11–12 октября 2023 г.) // *Письменные памятники Востока*. Т. 20. № 4. Вып. 55. 2023. С. 131–135.

137. Фундж и соседи: отношения между суданскими племенами и султанатом в Сеннаре (XVI–XIX вв.) // XXXII Международный конгресс по источниковедению и историографии стран Азии и Африки: Россия и Восток. К 300-летию СПбГУ. 26–28 апреля 2023 г. Материалы конгресса / отв. ред.: Н. Н. Дьяков, А. О. Победоносцева-Кая, П. И. Рысакова. СПб., 2023. С. 37–38.

Составитель — С. Ю. Завельская

М. П. Петрова

**И. В. Герасимов
в Монголии и Китае**

Игорь Вячеславович Герасимов посетил Монголию дважды — в 2008 и в 2009 г. Нужно сказать, что именно он был инициатором организации экспедиции сотрудников Восточного факультета в Монголию. Цель — знакомство с жизнью и бытом кочевников Центральной Азии и определение состояния исламских общин в этой стране. Было решено отправиться по железной дороге: сначала Санкт-Петербург — Москва, а оттуда по Транссибирской магистрали через всю Россию до Монголии. Путь, конечно, неблизкий, но у нас с собой была гитара, на которой Игорь Вячеславович играл виртуозно, чем привлёк в наш вагон других молодых путешественников.

На четвёртые сутки доехали до столицы Бурятии Улан-Удэ, где нас встречал одноклассник Игоря тоже арабист Эдуард

*И. В. Герасимов с ургой (укрюком) в монгольской степи.
Центральный аймак. 2008 г.*

Николаев — в то время уже заместитель директора Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН. Тёплая дружеская встреча, обмен книгами, и мы мчимся дальше — к монгольской границе.

В июле 2008 г. в Улан-Баторе — столице Монголии — было неспокойно. Только что прошли массовые протесты оппозиции против политики реформ, проводимых находившейся у власти Монгольской народно-революционной партией. Мы увидели разграбленное и подожжённое здание штаб-квартиры МНРП, наряды полиции на улицах города. Игорь Вячеславович как историк знал, как важно фиксировать такие события и делал фотоснимки.

К счастью, в преддверии национального праздника *наадам* всё улеглось, и мы смогли принять участие в грандиозном открытии ежегодного народного фестиваля на Центральном стадионе в Улан-Баторе, а также побывать на скачках в степной местности недалеко от столицы.

Союзом писателей Монголии для широкой общественности была организована пресс-конференция участников экспедиции. И. В. Герасимов рассказал о развитии арабистики и исламоведения в России и Санкт-Петербурге, познакомился с монгольскими коллегами из Института философии Монгольской академии наук.

Заметим, что помимо общих целей у Игоря Вячеславовича была своя собственная — заняться в Монголии дайвингом. Для этого в его багаже имелся гидрокостюм и всё необходимое снаряжение. Решено было отправиться на знаменитое озеро Хубсугул на севере страны. Нашли машину, водителя и поехали. Тогда до

И. В. Герасимов в гидрокостюме на берегу озера Хубсугул с собственноручно выловленным сазаном

И. В. Герасимов в чуме у цаатанской шаманки Энхтуяи

озера Хубсугул ещё не было проложено шоссе, и ехать пришлось по степным монгольским дорогам. Центральный, Булганский и Селенгинский аймаки, ночёвка в юрте, встреча с караваном, перегоняющим свои стада на другую стоянку, аромат степи... Игорь всё записывает, фотографирует, запоминает. Наконец, Хубсугул — величественная природная жемчужина, как её называют монголы. Не успеваем мы расположиться в туристическом лагере на берегу озера, как Игорь уже облачился в гидрокостюм, взял фотоаппарат для подводной съёмки и нырнул в глубину. Результат подводной охоты — крупный глубоководный сазан и масса чудесных подводных пейзажных фотоснимков.

Потом была ещё встреча с *цаатанами* — племенем монгольских оленеводов и его главой — шаманкой по имени Энхтуяа. Узнав, что мы — учёные из России, она пригласила нас в свой чум, показала шаманские атрибуты.

И. В. Герасимов (третий слева) в составе российской экспедиции в гостях у монгольских мусульман в местности Налайх

Вернувшись из поездки на озеро Хубсугул, мы приступили к осуществлению второй, «исламской», цели нашей экспедиции. Для этого отправились в казахское поселение в местности Налайх в 80 км от Улан-Батора. Узнали, что казахи там проживают с начала XX века, занимаются в основном разведением соколов и беркутов для соколиной охоты, исповедуют ислам и имеют мечеть и мусульманское кладбище. Казахи говорят и на казахском, и на монгольском, носят свои национальные костюмы, некоторые живут в своих юртах, отличающихся от монгольских расположением и убранством. В мечети Игорь Вячеславович смог даже поговорить по-арабски с муллой, вместе с ним почитать Коран и поближе познакомиться с прихожанами.

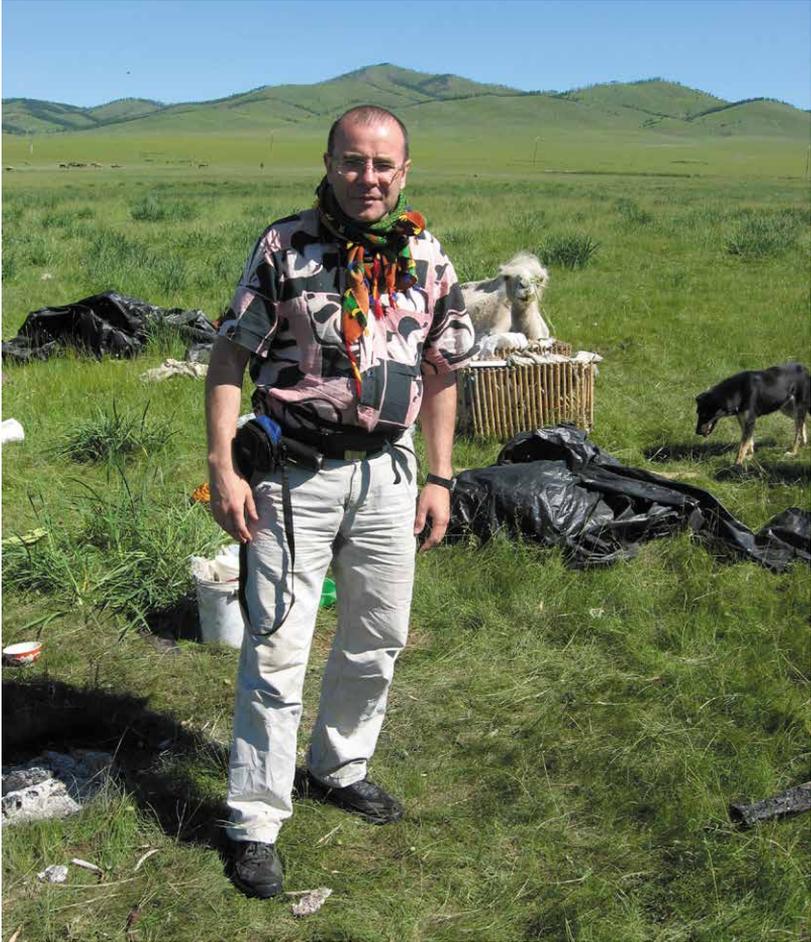
Гостеприимные местные жители пригласили нас к себе домой, угостили чаем. На местном импровизированном рынке удалось

Приходилось перемещаться и верхом

даже подержать на руке соколов, предназначенных для охоты. Чуть позже представилась возможность посетить юрты казахов-кочевников в местности Тэрэлж Центрального аймака Монголии. «В юртах, куда нас приглашали, было уютно и чисто. На стене помещены коранические тексты. На вопрос о наличии самого Корана гостеприимная хозяйка юрты вынесла коранические тексты, снабжённые комментариями на казахском языке и изданные в Казахстане. По загнутым углам страниц чувствовалось, что владельцы прибегают к ним весьма часто и стремятся, несмотря на занятость и напряжённый труд, следовать ритуалам и традициям веры. После того как мы вместе прочитали на арабском несколько сур, владельцы юрты вынесли национальный костюм и с радостью и лёгкой иронией позволили автору данного материала сделать фотографии в национальной казахской одежде», — пишет И. В. Герасимов в своей статье «Научный десант в Монголии»¹.

¹ Герасимов И. В. Научный десант в Монголии // Санкт-Петербургский университет. № 15(3782). 2008.

И. В. Герасимов в степи во время встречи с караваном кочевников

В следующем, 2009 г. мы вместе с Игорем Вячеславовичем, другими коллегами и детьми отправились через Улан-Батор в Автономный район Внутренняя Монголия в КНР. Ехали также по железной дороге. В Монголии вновь посетили мечеть в Налайхе и мусульманское кладбище, где Игорю разрешили

сделать несколько фотографий, в том числе мусульманской могилы-куббы для научной работы.

В Улан-Баторе вновь садимся на поезд и через пустыню Гоби едем в столицу Внутренней Монголии город Хухэ-хото, где принимаем участие в конференции алтаистов РІАС (Permanent International Altaistic Conference). В промежутках между заседаниями вместе с Игорем Вячеславовичем посещаем мусульманские кварталы Хухэ-хото, заходим в мечети, знакомимся с настоятелями и прихожанами. Игорь говорит с ними по-арабски, наизусть читает выдержки из Корана, замечает, что здесь мечети построены в своеобразном ближневосточно-китайском стиле, так же как некоторые школы, магазины и рестораны этого района.

Конференция завершается поездкой в город Ордос с посещением храмового комплекса Чингисхана. Впереди ещё город Датун с его мечетями, буддийскими висячими монастырями и музейным комплексом «1000 будд» в провинции Шаньси. Незабываемые впечатления!

Результатом экспедиций в Монголию и Китай стала серия статей И. В. Герасимова об исламе в этих странах, опубликованная в журнале «Санкт-Петербургский университет»¹, а также его статья о кочевниках Центральной Азии в журнале «Mongolica»².

Литература

1. Герасимов И. В. Научный десант в Монголии // Санкт-Петербургский университет. № 15(3782). 2008. С. 50–54.
2. Герасимов И. В. И снова Монголия... // Санкт-Петербургский университет. № 16(3803). 2009. С. 53–57.
3. Герасимов И. В. Образ верблюда в монгольской и арабской литературных традициях // Mongolica. № 9. 2010. С. 109–116.

¹ Герасимов И. В. Научный десант в Монголии // Санкт-Петербургский университет. № 15(3782). 2008; Герасимов И. В. И снова Монголия... // Санкт-Петербургский университет. № 16(3803). 2009.

² Герасимов И. В. Образ верблюда в монгольской и арабской литературных традициях // Mongolica. № 9. 2010. С. 109–116.

Т. А. Пан

Арабист в Китае

Аннотация. Востоковедное образование, полученное на Восточном факультете СПбГУ, дает возможность ученому и объемно, и детально взглянуть на историю и проблемы развития многонациональных и многоконфессиональных государств Востока. Будучи выпускником этого факультета, И. В. Герасимов стал признанным специалистом по истории и культуре арабского мира. В последние годы он с большим интересом изучает варианты исламского суфизма, представленного в странах Дальнего Востока.

Статья написана по материалам поездок в Китай, совершенных И. В. Герасимовым в основном в 2017–2019 гг., когда он знакомился с китайскими мусульманами и собирал информацию об исламе в Китае. Меткий взгляд арабиста четко выявляет общие и частные особенности китайского ислама. Опыт совместных поездок в Китай и изучения ислама на Дальнем Востоке

однозначно показывает необходимость междисциплинарных исследований. Чтобы понять проникновение культур, распространение ислама в китайской среде, его адаптацию в дальневосточной конфуцианской культуре и особенности взаимовлияния, необходимо базовое образование и китаиста, и арабиста.

Ключевые слова. Ислам в Китае; мечети в Иньчуане; мечети в Чэнду; северо-восток Китая; суфийские братства в Китае.

Tatiana A. Pang. An Arabist in China

Abstract. The traditional education at the Oriental Faculty of the SPbU is supposed to teach the future scholar both general history and detailed history of multinational and multi confessional states of the East. Being a graduate of the Oriental Faculty, Igor V. Gerasimov became a specialist in the history and culture of the Arab world, but during the last years he has also been interested in the variants of Islamic Sufism in the countries of the Far East.

The article is based on the materials of trips to China made by Igor V. Gerasimov, mainly in 2017–2019, when he visited Yinchuan, Changchun, Shenyang, Harbin and Chengdu, where he met the Chinese Muslims and collected valuable information. The Arabist's keen eye caught general and particular features of Chinese Islam. The experience of joint trips to China and the study of Islam in the Far East clearly shows the need for interdisciplinary research. Understanding of the penetration of cultures, the spread, in this case, of Islam in the Chinese environment, its adaptation to the Far Eastern Confucian culture, as well as the peculiarities of mutual influence, require basic education of both a Sinologist and an Arabist.

Keywords. Islam in China; mosques in Yinchuan; mosques in Chengdu; north-west of China; Sufi brotherhoods in China.

Нам повезло, что мы учились на Восточном факультете ЛГУ и еще успели прослушать лекции классиков российского востоковедения, выдающихся ученых, оставивших огромное научное наследие. Они учили нас любить и уважать Восток.

Среди них были те, кто посвятил себя изучению Востока, сделал востоковедение образом жизни. Игорь Вячеславович Герасимов относится к тем востоковедам, которые не только сделали востоковедение своей работой, специальностью, но и востоковедам, любящим Восток. Как ни странно, это качество встречается не у всех наших коллег, и есть такие, которые благодаря востоковедению лишь зарабатывают деньги, не вкладывая в него свою душу. Настоящий востоковед все время собирает эмпирику, анализируя увиденное, выстраивая цепочки явлений и событий даже там, где они скрыты от непрофессионального взгляда. Это в полной мере касается Игоря Вячеславовича — арабиста, волею судьбы последние годы активно работающего в разных странах Ближнего Востока: в качестве переводчика делегаций ректората СПбГУ в Египте и археологических мероприятий по реставрации Пальмиры, сопровождающего делегаций в Оман и Сирию, участника конференций в Марокко. И это понятно, так как преподаватель Восточного факультета должен все время держать руку на пульсе жизни изучаемых стран (в данном случае — арабских), чтобы рассказывать студентам о текущей ситуации глазами очевидца.

В течение последних лет мне удалось вместе с Игорем Вячеславовичем поехать и по нескольким районам Китая. Возможен вопрос: а что делать арабисту в Китае, да еще и без знания китайского языка?

Надо сказать, что любопытство и интерес к Китаю возникли у Игоря Вячеславовича еще в студенческие годы, когда они, студенты-арабисты, бегали на китайскую кафедру смотреть на китайца Пан Ина, преподававшего их однокурсникам. Наличие единственного носителя китайского языка на факультете, ярко и нестандартно проводившего занятия, много рассказывавшего студентам о жизни, обычаях и непрописанных в востоковедных работах особенностях Китая, вызывало любопытство и зависть арабистов, у которых в то время не было преподавателя — носителя языка. Однако впервые в сторону Дальнего Востока Игорь Вячеславович собрался лишь в 2008 г., вместе с небольшой группой коллег во главе с доцентом кафедры монгольской филологии М. П. Петровой, организовавшей поездку в Монголию. Свою

заинтересованность в поездке в монгольские степи Герасимов объяснял желанием увидеть кочевой образ жизни монголов, который в значительной степени совпадает с принципами кочевой жизни его любимых суданцев. Именно эта поездка заронила неугасающий уже многие годы интерес Игоря Вячеславовича к особенностям ислама на Дальнем Востоке. По результатам этой поездки И. В. Герасимов опубликовал серию статей в журнале «Санкт-Петербургский университет» (2008–2009 гг.), рассказав о том, что удалось увидеть, о своих первых впечатлениях о поездке в монгольские степи и, конечно, о встречах с монгольскими мусульманами в мечетях вокруг Улан-Батора. За рассказы о Монголии для российских читателей И. В. Герасимов даже получил почетный значок «Золотое перо Монголии» от Союза писателей Монголии.

На следующий, 2009 г., группа преподавателей Восточного факультета (к которой присоединилась и автор этих строк) решила поехать на 52-ю Постоянную международную алтаистическую конференцию (ПИАК), проводившуюся в тот год в Хух-Хото — столице Внутренней Монголии, КНР. Туда можно было доехать через Пекин или через Улан-Батор. Естественно, монголисты решили воспользоваться очередной возможностью посетить свою любимую Монголию, а И. В. Герасимов решил продолжить изучение конфессиональной и национальной ситуации в стране, сосредоточившись на исламе.

Оказалось, что ислам в Монголии представлен в первую очередь выходцами из Центральной Азии, в основном казахами, перекочевавшими в монгольские степи. При этом присутствие представителей Катара и Эмиратов было очевидно и ощутимо. Они не только закупили монгольских соколов, но и предлагали финансовую помощь мечетям, пытаясь параллельно объяснять местным мусульманам «правильное понимание» ислама. Аналогичную ситуацию мы увидели и в Хух-Хото, где находится одна из старых мечетей в мусульманском районе города, и в Датуне (пров. Шаньдун), куда группа ученых поехала после конференции, чтобы посмотреть знаменитые буддийские пещеры Юньган 云冈石窟. Анализируя собранный в Монголии материал и свои

Ил. 1. Мечеть вблизи Улан-Батора, 2009 г.

впечатления от увиденного, И. В. Герасимов сделал доклад¹ на следующей, 53-й конференции ПИАК, проводившейся в Санкт-Петербурге в ИВР РАН, в организации которой он принял самое активное участие.

Именно с этой поездки началось планомерное изучение И. В. Герасимовым особенностей ислама в Китае. Во многих городах Китая, в которых мы побывали позднее, бросается в глаза первая внешняя особенность мечетей — они чаще всего перестроены из традиционных китайских храмов или специально построены в китайском стиле с квадратными или прямоугольными дворами, со служебными павильонами по бокам и башней-минаретом, поэтически называемой *юэ та* 月塔

¹ Gerasimov I. V. Islam in Mongolian Peoples Republic and Inner Mongolia // Unknown treasures of the Altaic world in libraries, archives and museums. Abstracts. 53rd Meeting of the PIAC. IOM RAS. Saint-Petersburg, 2010. P. 22–23.

Ил. 2 и 3. Мечеть и мусульманская лавка в Хух-Хото

«лунная башня». Особый интерес вызывали надписи на стенах и балках зданий, написанные определенным стилем арабской каллиграфии *сини* (что можно перевести с арабского как «китайский») — письмом, красивым и необычным для арабиста. Как описывает И. В. Герасимов, «этим термином можно обозначать любой вид исламской каллиграфии в Китае, но отличительной чертой *сини* является закруглённый и плавный шрифт со свободным пространственным расположением букв, длинными и широкими изогнутыми линиями. Этим шрифтом часто пишут *тасмию* (*басмаллу*) или *айаты*, которые обычно помещаются над главным входом в мечеть. Также стилем *сини* часто изображают слова *шахады* в виде павлиньего хвоста, например, который помещают над *михрабом*. Применительно ко многим китайским современным мечетям можно заметить сочетание обоих стилей: традиционного арабского почерка *наسخ*, *куфи* и местного *сини*. Сегодня *сини* используется почти повсеместно на востоке Китая. Чуть меньше этот стиль каллиграфии распространён в провинциях Ганьсу, Нинся, Шаньси»¹.

Так удачно сложились обстоятельства, что в течение трех лет подряд нам с Игорем Вячеславовичем удалось побывать в разных районах Китая. В 2017 г. автор данной статьи была приглашена в Иньчуань — столицу Нинся-Хуэйского автономного района КНР, когда-то являвшуюся центром тангутского государства Си-ся (1038—1227 гг.). И. В. Герасимов поехал со мной в надежде собрать материал в одной из исламских провинций Китая. Нам был оказан исключительно доброжелательный прием со стороны моих китайских коллег, которые показали нам исторические памятники тангутов, императорские захоронения и музеи. В университете Бэйфан миньцзу дасюэ 北方民族大学 (Университет северных национальностей) есть кафедра по изучению исламской культуры, преподаватели которой с большим интересом отнеслись к приехавшему арабисту и пригласили И. В. Герасимова рассказать

¹ Герасимов И. В., Пан Т. А. Формирование мусульманских общин в Китае и исламские святыни Иньчуаня (Нинся-Хуэйский автономный район, КНР) // Вестник Челябинского государственного университета. 2020. № 9(443). Философские науки. Вып. 58. С. 43.

Ил. 4. Надпись почерком сини в мечети в Иньчуане

об истории арабистики в СПбГУ. Надо сказать, что лекция, прочитанная на английском языке, вызвала большой интерес у студентов и преподавателей, среди которых были такие, кто проходил практику в арабских странах и вполне прилично мог изъясняться по-арабски. Вопросы и развернувшаяся дискуссия показали тот неподдельный интерес, который есть у китайских студентов к российскому востоковедению, и к арабистике в частности.

Когда И. В. Герасимов сказал, что хотел бы посмотреть местные исламские достопримечательности, то тут же вызвалось несколько студентов и преподавателей, предложивших свою помощь. Благодаря им мы побывали в различных мечетях в самом городе Иньчуань и в его окрестностях. По китайским официальным данным на 2015 г. в регионе Иньчуань действовало сто семнадцать мечетей, а в самом городе было открыто сорок восемь мечетей. Большинство мечетей Иньчуаня были построены в периоды конца династии Юань (1271–1368) и Цин (1644–1912) в духе китайских традиционных комплексов. Однако есть мечети и в арабском стиле, и их строительство или реставрация чаще всего финансировались общинами арабских стран, как, например, главная городская мечеть Наньгуан (у Южной

Ил. 5. Лекция И. В. Герасимова в Университете северо-запада Китая, Иньчуань, 2017 г.

заставы) *Наньгуан цинчжэнь дасы* 南关清真大寺. В 2017 г. это была одна из самых богато украшенных мечетей с огромным зеленым куполом над воротами (по последним данным, этот купол был снесен в 2019–2020 гг.)

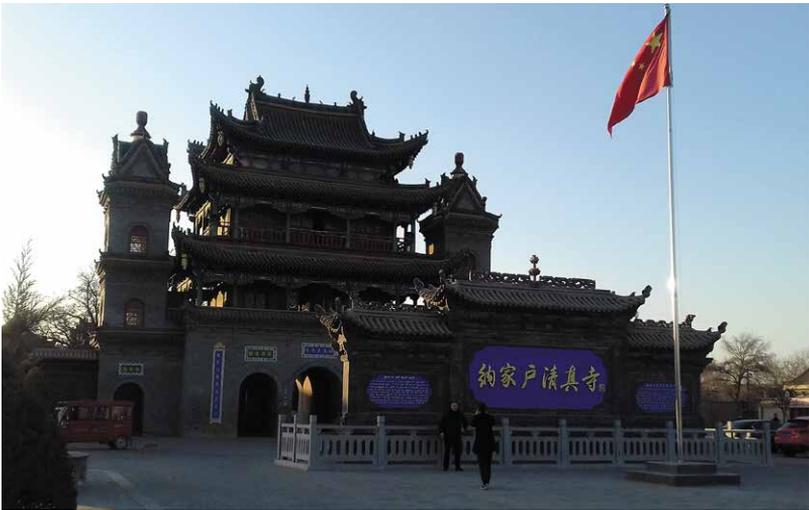
За пределами Иньчуаня мечети построены в китайском стиле, как например, мечеть *Нацзяху цинчжэньсы* 纳家户清真寺 (мечеть клана На), возведенная в 1524 г. Эта мечеть имеет просторный внутренний двор, здание для молитвы мужское и здание для молитвы женское. В центре есть два входа: один — под обзорной башней, а второй — в стене без башни. Как нам объяснили местные мусульмане, красный государственный флаг перед мечетью обозначает то, что мечеть находится на государственном обеспечении. В мечети создана специальная кораническая школа для обучения арабскому языку взрослого населения, и нам повезло, что в тот момент в классе находился один из преподавателей, с которым Игорю Вячеславовичу удалось пообщаться по-арабски.

Другая мечеть, куда И. В. Герасимова отвезли китайские студенты, находилась высоко в горах Алашань. Это была совершенно необычная обитель, в которой среди скал, буквально

Ил. 6 и 7. Главная мечеть у Южной заставы и мечеть 西夏清真寺
Сися цинчжэньсы (мечеть Си-ся), 2017 г.

стена к стене, находились три храма: буддийский, даосский, мечеть *Гунь-чжун-коу* 袞钟口 и расположенная при ней кубба, которые почитаются как место особой святости. Туда совершаются *зийарат* (посещения) местных и приезжающих из других районов Китая мусульман. На территории комплекса есть

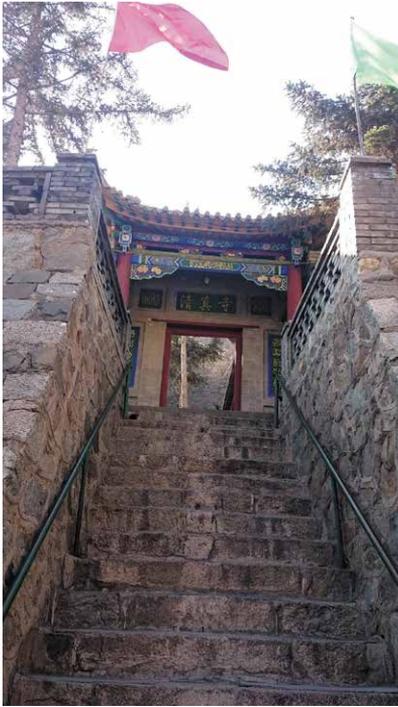
Ил. 8 и 9. Мечеть Нацзяху

мусульманская могила; по свидетельству источников, она датируется 1628 г. и в ней покоится тело праведника, судя по всему, миссионера Османа Камал ад-Дина. Об этом говорит арабская надпись на могиле, надгробие которой застилает отрез зеленой ткани с нанесенным на ней арабским текстом.

Ил. 10. И. В. Герасимов с местными мусульманами

Безусловно, из-за ограниченности времени нам удалось побывать лишь в нескольких мечетях и пообщаться с прихожанами. Разговаривая с местными мусульманами, имамами мечетей и специалистами-историками, Игорь Вячеславович пытался выявить особенности и проследить пути распространения ислама на северо-западе Китая, где ислам в значительной степени существует в своей народной форме. По материалам китайских работ на китайском и арабском языках, а также по результатам увиденного была написана наша совместная статья «Формирование мусульманских общин в Китае и исламские святыни Иньчуаня (Нинся-Хуэйский автономный район, КНР)». В ней был сделан основной вывод, «что Иньчуань как центр китайского мусульманства формировался под воздействием разных исламских народных течений, что нашло отражение в деятельности на его территории суфийских братств, прежде всего *накибандийи* с двумя ее основными направлениями — *хафийа* и *джахрийа*. Они, выйдя из Центральной Азии и Синьцзяна, нашли здесь благодатную почву и приобрели значительное число адептов. В то же время этот регион, не являясь частью тюркского или монгольского мира, тяготел к связям с Ближним Востоком, и прежде всего с арабами. Это обусловлено тем, что местные мусульмане, утратив генеалогиче-

Ил. 11 и 12. Мечеть Гунь-чжун-коу в горах Алашань

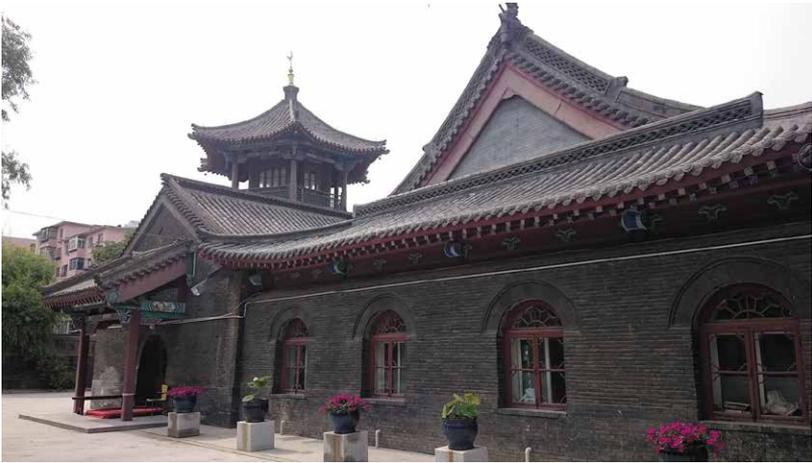
ские сведения и смешавшись с китайским этническим элементом, предпочитают ассоциировать себя с ближневосточными предками и китайцами, выражая тем самым определенное противопоставление другой части последователей ислама в Китае. Святыни и культовые исламские места китайских мусульман Нинся-Хуэйского автономного района отличаются давней историей и своеобразием архитектуры, которая, несмотря на заимствование принципов распределения зданий внутри комплекса мечетей в соответствии с требованиями мусульманского культа, сохраняют принципы строительства и архитектуры, сложившиеся в Китае с древности»¹.

¹ Герасимов И. В., Пан Т. А. Формирование мусульманских общин в Китае... С. 44.

В 2018 г. судьба определила наш маршрут на северо-восток Китая — в города Чанчунь, Шэньян и Харбин. Я была приглашена на Международную конференцию по маньчжуроведению, а Игорь Вячеславович решил поехать со мной и постараться изучить исламскую специфику этого региона Китая. Благодаря китайским коллегам и друзьям, пользуясь картами городов и расспрашивая местных жителей, нам удалось объехать основные мечети крупнейших городов северо-востока. В этом регионе проживают мусульмане из других провинций Китая, переселенные сюда сразу же после завоевания маньчжурами Синьцзяна в середине XVIII в. Среди мусульман-переселенцев есть уйгуры, узбеки, казахи, киргизы, татары и др. Поскольку в мусульманской среде поощряются браки с единоверцами, то вполне закономерно, что представителей мусульманских народностей можно встретить в различных районах, где они создают семьи и находятся в комфортной для них социальной среде. В крупных городах Китая всегда можно увидеть улицу или целый микрорайон компактного проживания мусульман, со своими торговыми рядами, ресторанами, детскими садами.

Интересно, что в этом регионе в декорации и орнаменте мечетей доминировал синий цвет, в отличие от Иньчуаня, где все было в зеленом цвете. Большой мусульманский район находится в Шэньяне рядом с мечетью в традиционном китайском стиле. В районе вокруг нее проживают в основном уйгуры, и на магазинах и зданиях много надписей на уйгурском языке.

В Чанчуне и Харбине мусульмане живут вместе с китайцами, поэтому в этих городах нет отдельного мусульманского квартала. Однако и в этих городах есть мечети. В Харбине построено несколько больших мечетей, по праздникам заполненных прихожанами. Самой известной мечетью в Харбине является мечеть на улице Тунцзян-цзе, построенная российскими татарами в 1923–1937 гг. Ее архитектурный стиль значительно отличается от того, что мы видели раньше (т. е. не китайский и не арабский) — мечеть построена скорее в мавританском стиле и напоминает мечети в европейских странах. Некоторые ученые считают, что она построена в болгарском стиле, так как посвящена 1000-летию

Ил. 13. Мечеть в Шэньяне

принятия булгарами ислама. На одной из табличек у входа, поясняющих историю создания мечети, написано, что это — турецкая мечеть, построенная в 1906 и перестроенная в 1922–1937 гг. Уже в течение многих десятилетий мечеть закрыта, однако на ней появилась когда-то снятая табличка с надписью, что это — татарская мечеть *Дада цинчжэньсы* 鞑靼清真寺.

Действующей мечетью являются две другие, также появившиеся в тот период, когда Россия владела КВЖД (т. е. в первой половине XX в.). Одна из них — Харбинская соборная мечеть на улице Даовай-цзе, построенная в неомавританском стиле в 1897 и восстановленная в 1904 и 1935 гг.¹ Как рассказал имам в одной из мечетей в районе Мацзягоу, основными молящимися являются студенты из арабских стран, обучающиеся в Харбине. Вокруг всех мечетей открыты халяльные магазины и рестораны, поэтому молящиеся всегда могут купить и еду, и одежду, и литературу.

¹ Иванова А. П. Харбинские мечети: к проблеме генезиса дальневосточной версии стиля *moresque* // Электронное научное издание «Ученые заметки ТОГУ». 2014. Т. 5. № 4. С. 974–982.

*Ил. 14. Татарская мечеть
в Харбине*

По результатам этой поездки Игорь Вячеславович сделал доклад «Ислам на северо-востоке Китая» на ежегодной научно-практической конференции в ИВР РАН «Путешествия на Восток-2018», которая специально была посвящена впечатлениям востоковедов о поездках в изучаемые страны. В 2020 г. он прочел большую лекцию «Мусульманские святыни Иньчуаня и северо-востока Китая» в лектории музея Рериха в Санкт-Петербурге.

Наша последняя поездка в Китай состоялась в декабре 2019 г., прямо перед объявлением эпидемии коронавируса. В тот год мы оба были приглашены в Педагогический университет провинции Сычуань в город Чэнду с лекциями по истории российского мань-

чжуроведения и изучения Ближнего Востока. Нашу поездку инициировал и курировал выдающийся китайский тангутовед проф. Не Хуньинь, много лет сотрудничающий с ИВР РАН. Всякий раз, когда он приезжал в Санкт-Петербург с супругой или со своими аспирантами, Игорь Вячеславович помогал в сопровождении их по городу. В результате мы стали друзьями на многие годы. Поскольку наши лекции были объявлены по всем вузам Чэнду и должны были проходить под руководством известного проф. Не Хуньиня (кстати сказать, в течение всего нашего пребывания в Чэнду к Не Хуньиню выстраивалась очередь из студентов за консультациями), то в огромном зале-амфитеатре собралось более 200 человек, интересующихся россий-

ским востоковедением. Если маньчжуроведение для китайцев относительно понятная и привычная тема, то изучение ислама и Ближнего Востока в России для большинства слушателей было новой темой. Лекцию И. В. Герасимова конспектировали и стоя, и сидя на ступеньках амфитеатра.

Зная интерес Игоря Вячеславовича к истории ислама в Китае и закончив с официальной частью нашей поездки, Не Хунъинь помог организовать поездки по археологическим музеям в Саньсиньдуй и мечетям Чэнду — одного из центров китайского ислама. Главная мечеть Чэнду — *Хуанчэн цинчжэньсы* 皇城清真寺 (Мечеть у императорской городской стены) находилась недалеко от гостиницы, поэтому мы смогли не торопясь изучить ее. Считается, что это самая большая мечеть в провинции Сычуань и в ней находится управление Исламской общины провинции Сычуань. Мечеть была построена в начале XVIII в. и неоднократно перестраивалась. Сейчас она находится внутри высотных зданий, но, попав внутрь, осознаешь, что сохранена первоначальная планировка китайских дворишков, все арабские надписи сделаны почерком *сини*, много информации об исламских народностях в Китае.

Вторая мечеть, расположенная в пригороде Чэнду, называется мечеть Туаньцзе *Туаньцзе цинчжэньсы* 团结清真寺 (Мечеть сплоченности) и является самой старой мечетью в провинции Сычуань. Первоначальное здание было построено в 1643 г., затем несколько раз перестраивалось, обновлялось. В течение длительного времени она была закрыта, и службы возобновились только в 2000–2001 гг. Китайские коллеги очень хотели показать ее Игорю Вячеславовичу, поэтому организовывая поездку в отдаленный даосский монастырь, они построили маршрут со специальным заездом в эту мечеть. В настоящий момент мечеть находится в тихом районе поселка городского типа. Небольшой уютный молельный зал украшен параллельными китайскими и арабскими надписями и цитатами из Корана.

В Чэнду у нас было всего несколько дней, и без помощи китайских коллег и друзей мы бы не смогли объехать и осмотреть столько китайских исторических памятников. В китайских

Ил. 15. И. В. Герасимов и проф. Хе Хунбинь в Университете в Чэнду, декабрь 2019 г.

мечетях Игорь Вячеславович чувствовал себя в своей среде; имамы чаще всего обучались в арабских странах, поэтому могли немного говорить по-арабски, и тогда перевод с китайского не требовался. Всегда находился кто-нибудь из служб при мечети, готовый рассказать про нее или напоить чаем. Всякий раз покупалась литература по истории ислама или мусульманской культуре в Китае. Особенно плодотворными в этом плане были поездки в Иньчуань и Чэнду — традиционные районы расселения китайских мусульман. По результатам собранного материала мы написали совместную статью «К истории исламского образования в Китае и переводу Корана на китайский язык», изданную в 2023 г. в сборнике в честь 70-летия заведующего кафедрой истории стран Ближнего Востока проф. Н. Н. Дьякова¹.

¹ Герасимов И. В., Пан Т. А. К истории исламского образования в Китае и переводу Корана на китайский язык // Ближний Восток и его соседи: сборник статей к 70-летию профессора Николая Николаевича

Ил. 16 и 17. Кафедральная мечеть в Чэнду

Есть и другие совместные научные планы (собран большой материал по исламу в Китае, сделаны переводы с арабского и китайского языков), но пока не удастся их реализовать, так как

Дьякова / сост., отв. ред. А. С. Матвеев; Восточный факультет Санкт-Петербургского государственного университета. СПб.: Арт-Экспресс, 2023. С. 301–313.

Ил. 18 и 19. Мечеть Туаньзе в пригороде Чэнду

эта тема является побочной в нашей основной работе. И. В. Герасимов занят Ближним Востоком (главным образом Суданом и постепенно Оманом), а у меня — основная работа в ИВР РАН и маньчжуроведение. Тем не менее опыт совместных поездок в Китай и изучение ислама на Дальнем Востоке однозначно показывает необходимость междисциплинарных исследований. Китаеведы обычно занимаются традиционным Китаем, пользуясь только китайскими источниками, и они не обращают внимания на исламскую специфику, не зная традиций мусульманской культуры. Арабисты же сконцентрированы на истории арабских стран и арабском языке, они не владеют китайским языком, необходимым для общения с местным населением, и им не доступны

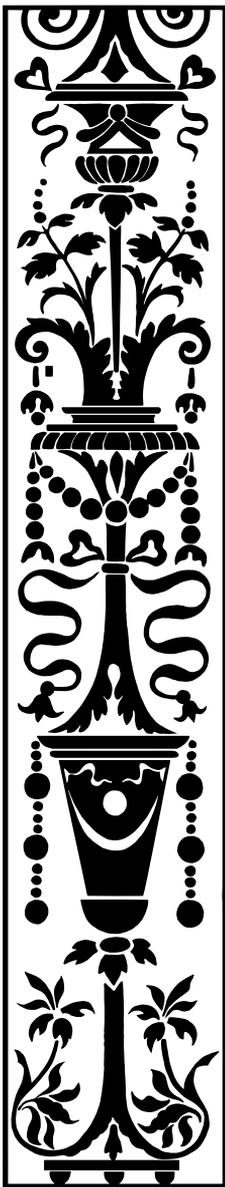
Ил. 20. И. В. Герасимов в Пекине, декабрь 2019 г.

сложные китайские тексты. Чтобы понять взаимопроникновение культур, распространение ислама в китайской среде, его адаптацию в дальневосточной конфуцианской культуре, особенности взаимовлияния, необходимо базовое образование и китаиста, и арабиста.

Если взять за пример хотя бы только Китай, то здесь нужны не только китаисты, изучающие традиционную китайскую культуру, но и тибетологи и индологи для буддийской культуры Сериндики; маньчжуроведы, монголисты, тангутоведы для некихитайских династий в Китае; тюркологи, уйгуроведы и арабисты для мусульманской культуры Китая. Широкий взгляд на явления многонациональной и многоконфессиональной культуры и исследовательские навыки следовало бы прививать студентам на Восточном факультете. Именно эту цель ставит Игорь Вячеславович Герасимов, рассказывая на лекциях студентам всех курсов о своих впечатлениях и размышлениях о поездках в различные страны Ближнего и Дальнего Востока, в том числе и в Китай.

Литература

1. Gerasimov I. V. Islam in Mongolian People Republic and Inner Mongolia // Unknown treasures of the Altaic world in libraries, archives and museums. Abstracts. 53rd Meeting of the PIAC. IOM RAS. Saint-Petersburg, 2010. P. 22–23.
2. Герасимов И. В., Пан Т. А. Формирование мусульманских общин в Китае и исламские святыни Иньчуаня (Нинся-Хуэйский автономный район, КНР) // *Вестник Челябинского государственного университета*. 2020. № 9 (443). Философские науки. Вып. 58. С. 37–45.
3. Герасимов И. В., Пан Т. А. К истории исламского образования в Китае и переводу Корана на китайский язык // *Ближний Восток и его соседи: сборник статей к 70-летию профессора Николая Николаевича Дьякова* / сост., отв. ред. А. С. Матвеев; Восточный факультет Санкт-Петербургского государственного университета. СПб.: Арт-Экспресс, 2023. С. 301–313.
4. Иванова А. П. Харбинские мечет: к проблеме генезиса дальневосточной версии стиля moresque // *Электронное научное издание «Ученые заметки ТОГУ»*. 2014. Т. 5. № 4. С. 974–982.

II. Россия – Восток

М. Н. Суворов

**Несколько слов
о традиции
наставничества
в петербургской
арабистике**

Аннотация. Публикация посвящена неформальной стороне наставничества в петербургской арабистике, а именно тому, как известные ученые-арабисты помогали порой незнакомым им молодым людям определиться с выбором жизненного пути. Речь идет прежде всего о письме П. А. Грязневича автору настоящей публикации, написанном ученым в 1988 г.

Ключевые слова. Арабистика в ЛГУ (СПбГУ); П. А. Грязневич; Йемен.

Прожив в детстве два года (1976–1977) с родителями в Адене, столице Южного Йемена (НДРЙ), где мой отец работал университетским преподавателем математики, я вернулся в родную Рязань с самыми яркими впечатлениями и с мечтой когда-нибудь вновь оказаться в Йемене. Осуществление этой мечты представлялось по тем временам почти фантастическим,

но уже в 1978 г. я прочитал вышедшую тогда же книгу П. А. Грязневича «В поисках затерянных городов», которая подсказала мне путь к возвращению в Йемен.

Петр Афанасьевич Грязневич (1929—1997), известный советский и российский арабист-историк, описал в книге свои поездки по Северному Йемену в 1967 и 1970 гг., в ходе которых он, помимо всего прочего, фотографировал сабейские¹ надписи, сохранившиеся на остатках древних сооружений. Книга сочетала в себе живые наблюдения путешественника с обширными историко-этнографическими сведениями. Все это невероятно гармонично соединилось с моими собственными впечатлениями, и я понял, что хочу стать сабеистом.

В начале 1980-х гг. мой отец вновь был командирован в Аден для работы в Министерстве образования НДРЙ. Я не мог поехать с ним, поскольку учился уже в старших классах школы и готовился к поступлению в вуз. Отец взял с собой в Йемен книгу П. А. Грязневича и в Адене лично познакомился с ее автором, который подписал книгу для меня.

После окончания школы я хотел поступать на отделение арабистики в МГУ или ЛГУ, однако шансы на поступление показались моим родителям малореальными, и мне пришлось избрать другой вуз и другую специальность.

Приближаясь к окончанию вуза, я решил тем не менее попробовать реализовать свою давнюю мечту. Из книги П. А. Грязневича я уже знал, каким образом он сам в свое время встал на путь востоковедения. В 1947 г., будучи студентом Казанского университета, Петр Афанасьевич прочитал книгу «отца русской арабистики» академика И. Ю. Крачковского «Над арабскими рукописями» (1946), которая произвела на него самое сильное впечатление.

«Для меня она решила выбор пути, — писал Петр Афанасьевич. — Бесформенный мир сразу обрел полюсы. Строй жизни в этом мире, цель занятий и вся атмосфера деятельной преданности духовным интересам и гуманитарным идеалам больше всего

¹ Сабейское царство — древнее государство, существовавшее на территории Йемена с конца 2-го тыс. до н. э. по конец III в. н. э.

подходила моему острому восприятию своего одиночества в чужом городе в начале самостоятельной жизни. Я написал И. Ю. Крачковскому и скоро получил ответ, поразивший меня эпическим спокойствием и домашними интонациями. Осенью 1948 г. я поступил на Восточный факультет Ленинградского университета, а скоро вошел и в те же комнаты со шкафами, которые описаны в книге»¹.

Я решил написать Петру Афанасьевичу — так же, как он в свое время написал И. Ю. Крачковскому. Я отправил ему письмо и вскоре получил ответ, который точно так же поразил меня «эпическим спокойствием и домашними интонациями», какие Петр Афанасьевич нашел когда-то в письме И. Ю. Крачковского.

Ответ Петра Афанасьевича представляется мне сейчас интересным в нескольких отношениях. Во-первых, он ярко характеризует личность ученого как человека отзывчивого, мудрого и обстоятельного. Во-вторых, он содержит некоторые детали, вероятно многими уже забытые, связанные с процедурой поступления на Восточный факультет ЛГУ в последние годы существования Советского Союза. Наконец, он демонстрирует (так же, как и ответ И. Ю. Крачковского самому П. А. Грязневичу) тот факт, что передача востоковедческой традиции в Санкт-Петербурге осуществлялась иногда даже в виде «духовной» поддержки, которую состоявшиеся востоковеды оказывали потенциальным абитуриентам, даже абсолютно им не знакомым.

Ниже привожу текст письма П. А. Грязневича. Авторская орфография сохранена; одно слово — в скобках — добавлено мною для связности. Сноски также мои.

30.04.88 г.

г. Аден

Дорогой Миша,

Так получилось, что ответить мне на Ваше письмо удалось только сейчас, и я пользуюсь паузой в моей сумасшедшей жизни

¹ Грязневич П. А. В поисках затерянных городов. Йеменские репортажи. М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1978. С. 179.

здесь, чтобы написать и извиниться за такое безобразие. Но так уж сложились обстоятельства.

Ну, сначала по существу дела. По-моему, все разумно. Жаль только, что мне, наверное, не придется работать с Вами после окончания, т. к. старость уже надвигается и приходится высчитывать годы. Думается, с поступлением после армии проблем не будет. С блатными¹ у нас не очень считаются. Основные места забирают обычно приезжающие из республик² с т. наз. «целевым назначением», т. е. республике нужны востоковеды определенного профиля, они сдают экзамены у себя и приезжают уже с билетом³. Но после армии и если прилично сданы экзамены и (имеется) какая-то рекомендация для тех с факультета, кто проводит собеседование⁴, — думаю шансы верные. Во всяком случае, главное — хорошая подготовка общая — просто культура, умение думать, интерес к жизни как таковой, начитанность (не начетничество) в литературе по Востоку, знание не-специальной информации (география, религия, общие представления о современных проблемах и т. п.) и уже совсем прекрасно, если уже есть выбор специальности и понимание её. Должен сказать, что сейчас нужда в историке-сабеисте острая. Наш единственный историк-сабеист А. Г. Лундин, мой ровесник, и через год ему будет 60. Это — серьезно. Приходит нездоровье, усталость и т. д. Смены ему нет. Наша экспедиция⁵ накапливает материалы — уже более 2 тыс. новых надписей⁶, и каждый год они прибывают, идут интенсивные раскопки крупных центров, накапливается чудовищно большая информация, в которой надо разбираться. Но и независимо от экспедиции — это интересная и совершенно не развитая профессия. Так как всё нынешнее поколение

¹ Имеются в виду абитуриенты, поступающие «по протекции».

² То есть из национальных республик СССР.

³ То есть с документами, гарантирующими зачисление в университет.

⁴ В числе вступительных испытаний в то время было собеседование на предмет представлений абитуриента о сущности будущей специальности.

⁵ Речь идет о Советско-йеменской комплексной экспедиции (СОЙКЭ), работа которой началась в 1983 г.

⁶ Имеются в виду сабейские надписи.

сабеистов — филологи по преимуществу, толкователи надписей, а не исследователи процессов.

Поступать нужно по кафедре арабской филологии, на отделение семитологии, т. к. для чтения надписей (они сложны) нужна хорошая семитологическая подготовка, которую трудно получить на кафедре истории. К тому же Вам нужна будет кафедра Древнего Востока для исторической подготовки. Можно, конечно, идти и на эту кафедру сразу и там получить семитологическую основу — это уже надо обсуждать перед поступлением, т. к. будет решаться по наличию преподавателей — кто к тому времени жив будет. Мне хотелось бы вселить в Вас веру в свои силы, уважение к своему выбору — это главное.

У нас вот закончился полевой сезон, кончились раскопки, поездки, ожидания открытий и сами открытия, находки. Все уже уехали в Союз, я занят отчетами и техническими проблемами. Но скоро и я возьму чемодан, и домой. С июня и до января я буду в Ленинграде и рад буду повидаться, если у Вас будет к тому возможность. Вот и поговорим.

Желаю успехов. Читайте больше Шекспира и Чехова, сначала нужно стать просто образованным человеком, специальность — это узкая специализация от общей культуры. Для конкретных дел, решения своих конкретных вопросов, для служения внутреннему интересу. Кино, музеи, музыка. И, конечно, языки. Сейчас это — решающее условие успешной работы. На серьезные языки (иврит, эфиопский) времени не будет, но англо-франко-немецкие детективы читать можно всюду и всегда. Кланяйтесь Вашим родителям.

С уважением, П. Грязневич.

Я поступил на Восточный факультет в 1991 г. и в течение примерно шести лет имел возможность периодически общаться с Петром Афанасьевичем — по большей части на ежегодном семинаре арабистов Петербургского отделения Института востоковедения РАН (ныне Институт восточных рукописей РАН). В это же время я оказался «под крылом» другого выдающегося петербургского арабиста — проф. М. А. Родионова (1946–2022), чей стойкий интерес к Йемену сложился в резуль-

тате его работы в СОЙКЭ под руководством П. А. Грязневича. Книга М. А. Родионова «Голубая бусина на медной ладони» (1988), которую я прочитал еще до поступления в ЛГУ, дала мне понять, что «живая» культура Йемена привлекает меня больше, чем «мертвая». В итоге я стал не сабеистом, а исследователем йеменской народной поэзии и художественной литературы.

Мне захотелось опубликовать письмо П. А. Грязневича в сборнике, посвященном 60-летию моего дорогого коллеги Игоря Вячеславовича Герасимова, именно потому, что Игорь Вячеславович является тем человеком, которого с полной уверенностью можно назвать продолжателем дела И. Ю. Крачковского, П. А. Грязневича и М. А. Родионова в качестве «духовного» и практического наставника начинающих арабистов, студентов Восточного факультета СПбГУ. Почти всегда, когда я вижу Игоря Вячеславовича в аудиториях и коридорах факультета, он находится в тесном окружении своих студентов, которые слушают его как истинного гуру. Кроме того, Игорь Вячеславович является лидером среди других преподавателей-арабистов Восточного факультета СПбГУ в плане предоставления студентам возможности живого, непосредственного знакомства с современным арабским миром — путем организации студенческих стажировок в странах Арабского Востока. Уверен, что подопечные Игоря Вячеславовича всегда будут испытывать глубокое чувство благодарности к своему любимому наставнику.

Литература

1. Грязневич П. А. В поисках затерянных городов. Йеменские репортажи. М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1978.
2. Крачковский И. Ю. Над арабскими рукописями: Листки воспоминаний о книгах и людях. Изд. 2-е, доп. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1946.
3. Родионов М. А. Голубая бусина на медной ладони. Л.: Лениздат, 1988.

Я. Х. Акель

**Хишам Акель —
основоположник системы
преподавания русского
языка в современной Сирии**

Аннотация. Эссе представляет собой историко-биографический рассказ о жизни и судьбе Хишама Ибрагима Акеля — выпускника филфака МГУ, языковеда, преподавателя и переводчика, положившего начало и построившего многоступенчатую систему обучения русскому языку в школах и вузах современной суверенной Сирии.

Выходец из феодально-мелкобуржуазной ближневосточной семьи, Хишам Акель в середине двадцатого столетия связал свою судьбу с русским языком и отдал все оставшиеся годы своей жизни делу его распространения и популяризации.

Ключевые слова. Хишам Акель; Сирия; советско-арабские отношения; российско-сирийские отношения; русский язык как иностранный.

9 мая 1945 года маленькая девочка Наида, держась за мамину руку и не до конца веря своим глазам, с восторгом разделяла с горожанами радость долгожданной Победы. Пока гремел салют, девочка с любопытством рассматривала, как заливалась красками гора Тарки-Тау, величаво нависшая над Махачкалой, словно горянка-мать над своим дитём. Наида шла с гордо поднятой головой, так как знала, что эту Победу завоевывал, ценой тяжелого ранения, и ее папа — боец Красной Армии Юсуп Аджимуратов.

В один из тех майских дней одиннадцатилетний Хишам — сын директора школы Ибрахима Акеля — вместе с кучкой детворы выбежал из укрытия за углом и, с криками: «Йаскут де Голль, йаскут!» (Долой де Голля, долой! — *араб.*), закидал камнями проезжавший мимо по пыльной улице Искендеруна механизированный патруль французской оккупационной жандармерии, после чего скрылся в хитросплетенных каменных лабиринтах фешенебельного района Джамилия¹ сирийского города Алеппо.

До встречи Наиды и Хишама на московских Ленинских горах оставалось немногим более десяти лет...

5 марта 1946 г. из уст Уинстона Черчилля мир впервые услышал о «железном занавесе», «опустившемся от Штеттина на Балтике до Триеста на Адриатике». В своей речи, произнесенной в Фултоне — родном городе президента США Трумэна, недавний союзник Советского Союза по антигитлеровской коалиции говорил о неминуемом предстоящем противостоянии между «Советской Россией» и ведомой США «братской ассоциацией англоговорящих народов». Участник двух мировых войн и убежденный антикоммунист Черчилль говорил о необходимости остановить коммунистическую экспансию СССР. Началась «холодная война».

17 апреля 1946 г. под заметным давлением со стороны Советского Союза Сирийскую Республику покинул последний фран-

¹ Джамилия — район города Алеппо, основанный в восьмидесятих годах девятнадцатого столетия и названный в честь тогдашнего вали Джамилия-паши, построившего в нем свой дворец.

цузский солдат, и формально независимая Сирия обрела наконец свой суверенитет (де-юре Франция предоставила независимость Сирии 27 сентября 1941 г., оставив там свои войска до окончания Второй мировой войны). Той весной юный Хишам осознал, что его личное сопротивление оккупантам и мощь далекого Советского Союза помогли его родной Сирии обрести свободу — долгожданную и настоящую свободу. Его душа трепетала от радости и гордости, а также и от благодарности «России», как он с любовью и восторгом называл СССР до конца своих дней.

О России Хишам знал тогда немного. Он знал, что его бабушка, уроженка древней финикийской средиземноморской Сайды, училась в «московитской школе»¹ и немного говорила по-русски. Еще он знал, что Россия огромна, холодна и что в центре ее столицы есть «Красная» площадь. Как-то раз он увидел в газете снимок, на котором сотни знамен и штандартов поверженной германской нацистской армии сбрасывались к подножью Московского Кремля на той самой площади. На этом снимке Хишам заметил пять букв на не понятном ему тогда языке. Эти буквы составляли слово, сыгравшее в его жизни судьбоносную роль. ЛЕНИН. Позже пыливый юноша выяснил, что угрюмое и угловатое здание, на фасаде которого были высечены буквы, называется Мавзолеем, а в нем лежит, как живой, человек, совершивший первую в России и мире социалистическую революцию.

Двенадцати лет от роду Хишаму были не ведомы различия социализма-коммунизма и капитализма-империализма, но для себя он сделал вывод, что Ленин наверняка был «хорошим» человеком, потому что он был «за всех людей» и за справедливость, и еще потому, что он создал первое в мировой истории государство трудящихся людей, государство рабочих и крестьян. Насколько удавалось юному уму, он стал интересоваться историей создания и становления СССР — страны, армия и народ

¹ Московитские школы — так называли общеобразовательные школы, учрежденные в конце девятнадцатого — начале двадцатого века Императорским Православным Палестинским Обществом в городах Палестины, Ливана и Сирии. Школы работали на безвозмездной основе, и в них принимались местные дети разного вероисповедания.

которой совсем недавно сумели преодолеть натиск гитлеровской Германии и одержать над покорившей Европу нацистской армией сокрушительную победу. Годами позже, по возвращении с учебы в Москве, он десятки раз вступит в ожесточенные дебаты, в том числе и со своим отцом, о том, кто стал вершителем победы над Третьим рейхом — Советский Союз или Соединенные Штаты Америки. Убедить своего пожилого отца, равно как и большинство своих оппонентов, в жарких дискуссиях ему, увы, ни разу так и не удалось. Свои знания о Второй мировой войне рожденный в 1899 году и мобилизованный по Сеферберлику¹ солдат Османского султана Ибрахим Акель, как и большинство жителей Сирии тех времен, получал исключительно из западноевропейских источников. В Сирии конца сороковых — начала пятидесятых годов минувшего столетия русского языка не знал почти никто, и все новости и знания о СССР, советских людях и великих достижениях социалистического государства сирийский обыватель получал в основном опосредованно — через западноевропейские информационные агентства и радиостанции, вещавшие на арабском языке. Соответственно, информация о Советском Союзе и жизни его общества пропускалась через фильтр черчилльского «Железного занавеса», подвергалась жесткой антисоветской и антикоммунистической обработке и, наконец, поступала конечному ближневосточному читателю и слушателю в чудовищно искаженном, «англосаксонском» варианте. В западноевропейском варианте победы над фашизмом и нацизмом все лавры присуждались англосаксам во главе с США, в то время как героизму советского солдата и гению русского военачальника отводилась лишь вспомогательная роль — и это в том случае, когда о них вообще вспоминалось. Как это современно!

¹ Сеферберлик — мобилизация, осуществленная Османской империей во время Второй Балканской войны 1913 года и Первой мировой войны с 1914 по 1918 год. Сеферберлик включал в себя принудительный призыв сирийских мужчин воевать от имени Османской империи и депортацию многочисленных сирийских семей (5000 — согласно одному из источников) в Анатолию по приказу Джемал-паши.

В 1947–1948 годах молодая, независимая и суверенная Сирийская Республика переживала бурный демократический процесс. У руля государства стоял прошедший долгий путь борьбы и сопротивления османскому и французскому владычеству президент-патриот Шукри аль-Куватли. За кресла в Совете представителей (парламенте) боролись выходцы из буржуазно-феодальных и торговых кланов Дамаска и Алеппо, правые «Братья-мусульмане» и левые члены Сирийской Коммунистической партии. Панарабисты уже громко заявляли о себе и немало преуспели в продвижении своей популистской идеи «возрождения единой арабской уммы», несущей «вечное послание» в границах единой «Арабской родины», простирающейся от «Океана и до Залива». «Возрожденцы», они же «баасисты», предполагали, что единое арабское государство должно включать в себя пространство от североафриканских берегов Атлантического океана до берегов «Арабского» залива, как в арабской традиции именуется Персидский залив. Антиподом баасистов выступали последователи Сирийской социальной националистической партии, отвергавшие идеи панарабизма и ратовавшие за восстановление «Большой» Сирии в границах «Плодородного полумесяца» и подчеркивавшие уникальность и обособленность исторического «большого сирийского» пути от общеарабского аналога.

Небо над головой семиклассника Хишама казалось ясным, будни — наполненными жизнью, а будущее — радужным, когда грянул гром.

14 мая 1948 года, за один день до окончания британского мандата на Палестину, Давид Бен-Гурион провозгласил создание независимого еврейского государства Израиль на территории, выделенной согласно плану ООН по разделению Палестины. Появление сионистского государства в самом сердце арабского мира явилось шоком для всех жителей региона, и четырнадцатилетний Хишам не был исключением. Сирийская Республика в составе коалиции арабских государств вступила в первую арабо-израильскую войну, явившуюся началом длительного и кровопролитного противостояния, продолжающегося и по сей день. По итогам войны 1948–1949 гг.

Израиль сохранил за собой выделенную ему согласно резолюции ООН территорию и вдобавок присоединил половину определенных Палестинскому государству земель.

Сокрушительное поражение сирийской армии в Палестине вызвало упадок в настроениях общества, разочаровавшегося практически во всем, что предлагалось молодой политической элитой. В те тяжелые дни перед глазами разделявшего всеобщее упадническое настроение Хишама вновь возникла картина брошенных к стенам Московского Кремля нацистских знамен. Образ советского офицера, гордо несущего дорогие военные трофеи к сердцу своей родины, резко диссонировал в мыслях молодого человека с образом сирийского воина, воротившегося назад с боев на Святой Земле с поникшей головой.

Хишам впервые задумался над тем, что же является источником силы и вдохновения советских людей? Что придавало «русским» веру в свою победу? Какой внутренний духовный стержень пронес их через самую ожесточенную и кровавую схватку в истории человечества?

В поисках ответов юный гимназист обратился к источникам духовной и общественной жизни «русских». Он штудировал классиков марксизма-ленинизма и вчитывался в лучшие произведения великих русских писателей — Толстого, Достоевского, Чехова. К сожалению для себя, он был вынужден читать произведения российских авторов во втором переводе, как правило через французский, английский или немецкий языки. В ту пору не было переводов художественных произведений советских авторов на арабский язык, однако Хишам понимал, что эти произведения существуют, и мечтал с ними ознакомиться.

Как известно, беда не приходит одна, и вскоре снова грянул гром.

30 марта 1949 года частями сирийской армии под руководством путчиста Хусни аз-Заима был взят в кольцо президентский дворец в Дамаске. Первый президент Сирийской Республики Шукри аль-Куватли оказался за решеткой, был обвинен в растратах, лишен имущества, а затем и изгнан из страны. В Сирии началась череда военных переворотов. Одни мятежники в пого-

нах сменялись другими, порой по три раза в год. Была отменена конституция, распущен парламент и запрещены политические партии. В стране наступили смутные времена, и молодая сирийская демократия была уничтожена навсегда.

В эти беспокойные годы старшеклассник Хишам приближался к самому ответственному испытанию в жизни каждого учащегося молодого человека в Сирии — сдаче «бакалории», или единого государственного экзамена на получение аттестата об окончании полного, двенадцатилетнего, среднего образования. На фоне охватившего страну хаоса военных переворотов молодой человек бурно обсуждал с товарищами стремительно меняющуюся картину общественно-политической жизни, пропускал происходящие события через себя и формировал свое собственное мировоззрение.

Сирийское общество начала пятидесятых годов было охвачено эпидемией преклонения перед Западом. И это понятно, ведь западноевропейская цивилизация весьма успешно рекламировала свой образ жизни, завернутый в красочную обертку, в то время как ее пропагандистская машина в безапелляционной форме предлагала западноевропейскую капиталистическую модель структуры общества в качестве единственно верного ориентира для развивающихся государств. Такой точки зрения придерживался и правоверный мусульманин, разорившийся оливковый плантатор и директор средней общеобразовательной школы Ибрахим Акель. Отец Хишама всегда ориентировал сына на Запад. Он слепо верил в то, что старший из его сыновей не просто должен, но обязан получить высшее, в идеале медицинское, образование где-нибудь в одной из высокоразвитых западноевропейских стран. Карьера врача в ближневосточном обществе считалась и по сей день считается эталоном материального и социального успеха. Врач, или «хаким» (мудрец — *араб.*), как его называют на некоторых местных субдиалектах, пользовался особым уважением в обществе, а его услуги, как правило, оплачивались с особой щедростью.

1955 год. Прошел год, как совершивший два военных переворота за одну пятилетку диктатор Адиб аш-Шишакли бежал

из страны, а отмененное им действие конституции было восстановлено. В результате выборов в президентском кресле вновь оказался президент-патриот Шукри аль-Куватли. Тем временем политическая ситуация в мире и регионе менялась стремительно: появившееся решением международного сообщества сионистское государство в Восточном Средиземноморье, хотя и являлось существующей реальностью, регионально воспринималось как инородное тело. Всемирная политическая, экономическая и военная поддержка, оказываемая Израилю ведущими западноевропейскими державами, не оставила новое «старое» руководство Сирии в стороне, и им было принято решение о диверсификации отношений с мировым сообществом. Подписание рядом европейских государств в мае 1955 года Варшавского договора и создание одноименной организации явилось для руководства Сирийской Республики сигналом о необходимости установления более тесных отношений с участниками Организации Варшавского договора (ОВД), или «Восточным блоком», как его впоследствии называли, во главе с Союзом Советских Социалистических Республик.

На фоне выше описанных событий молодой Хишам Акель успешно сдал «бакалорию», подал документы в один из известных западногерманских медицинских вузов, получил положительный отзыв и уже готовился к отбытию, когда в одной из газет ему попало официальное объявление Министерства иностранных дел Сирии о конкурсе на получение гранта на учебу в СССР. Дело в том, что взятый сирийским правительством курс на «восток» уже принес некоторые плоды в виде подписанных соглашений о поставках вооружений с Чехословакией, Польшей и другими участниками ОВД. В МИД Сирии понимали, что прежде всего требуется установить тесные и доверительные отношения с лидером «восточного блока» — Советским Союзом и что эффективность таких отношений будет во многом зависеть от подготовки квалифицированных кадров, владеющих русским языком.

Не оповестив семью о своем намерении, Хишам подал заявление на участие в конкурсе. Решив тестовые задания и пройдя собеседование, молодой человек в ожидании результатов вновь окунулся в свои бытовые хлопоты по сборам к отъезду на учебу в Германию.

Время шло, результатов по конкурсу не поступало, и молодой человек свыкся с мыслью о том, что он едет в Западную Германию.

26 июля 1956 года, в день, когда арабский мир с воодушевлением принял новость о национализации Суэцкого канала молодым и харизматичным египетским лидером — «свободным офицером» Гамалем Абдель Насером, а мировое сообщество с тревогой обсуждало возможные последствия такого смелого шага, семья Хишама Акеля заканчивала последние приготовления к его отъезду: был куплен авиабилет до германского Ганновера, определена дата проводов сына, а родные и близкие получили приглашения на званый обед по радостному случаю.

И каково было изумление молодого человека, когда за пару дней до торжественной даты он получил извещение о том, что он успешно прошел конкурс и получил грант на учебу на филологическом факультете Московского государственного университета по специальности «русский язык и литература»! В письме также сообщалось, что он должен в кратчайшие сроки явиться в соответствующую инстанцию для завершения формальностей и получения авиабилета до Москвы.

Итак, на руках у Акеля оказалось два билета — один в Ганновер, другой в Москву, и можно только представить масштаб смятения, охватившего молодого парня, столкнувшегося с самым сложным и ответственным выбором в своей жизни. Молодой человек должен был выбрать из двух профессий одну. Стать ли ему, как того хотел отец, врачом и занять гарантированное привилегированное место в обществе, либо взбираться по карьерной лестнице по линии Министерства иностранных дел, что само по себе тоже неплохо? Быть ему «хакимом» или дипломатом?

Тогда Хишаму было неизвестно, что ему уготовлен иной, третий, жизненный путь.

Молодой человек еще должен был сделать выбор между манящим своим лоском и успешностью Западом и между бросившим тому самому Западу вызов «русским» народом. «Холодная война» была в разгаре, и в условиях жесткого противостояния ему нужно было выбрать между двумя мировыми системами — капитализмом и социализмом.

Однако же самый главный выбор Хишам должен был сделать между разумом и сердцем, между житейским прагматизмом и выстраданными убеждениями. И он его сделал.

Он выбрал «Россию».

.....

«Я отрекусь от тебя, и даже мои кости в могиле будут проклинать тебя!» — такими словами Ибрахим Акель — гневу которого не было предела — пытался вразумить сына и заставить его изменить свое решение.

«Каков позор! Старший сын Ибрахим-бека будет жить и учиться среди безбожников-коммунистов. Нет, вы только посмотрите на него: вместо медицинской науки он будет учить никому не известный, не нужный и бесполезный русский язык. Какая глупость!» В ход пошли все известные манипулятивные приемы. От родительских проклятий и лишения материального довольствия до отцовского благословения и обещания лучших невест города.

Не помогло.

...

Прохладным августовским утром, стоя на утопавших в зелени и возвышавшихся над Москвой Ленинских горах, Хишам Акель с восторгом рассматривал одну из знаменитых «сталинских высоток» — величественный главный корпус Московского госуниверситета. Никогда еще Хишаму не приходилось воочию увидеть такое высотное и монументальное здание. «Такая архитектура может быть только творением рук великого народа!» — подумалось тогда первому из арабских граждан, когда-либо учившихся в СССР. В тот миг он влюбился в «Россию», и далее он пронес эту любовь по жизни до последнего вздоха.

Тогда их прибыло двое из Сирии. В последующие годы десятки тысяч сирийских молодых людей получило образование в различных вузах СССР и России, но первыми были и остаются сириец Хишам Акиль и его земляк Джаафар.

Первый учебный год 1956–1957 запомнился молодому человеку яркими впечатлениями от знакомства с величественной Москвой, ее рубиновыми звездами, золотыми куполами, высот-

ными «сталинками», подземными поездами, широкими проспектами, зелеными бульварами, метровыми снегами и ледовыми катками. На буднях он посещал занятия по русскому языку, а по выходным учился кататься на коньках и ходил на студенческие танцевальные вечера.

Будни Хишама можно было бы назвать счастливыми, если бы не тревожные вести, поступавшие из родного региона. На Ближнем Востоке снова беда — полным ходом разгорался Суэцкий кризис, известный в арабском мире, как Тройственная агрессия. Молодая Египетская республика, недавно низвергнувшая марионеточного монарха Фарука и изгнавшая британскую колониальную власть, подвергалась «тройственной» военной агрессии со стороны Великобритании, Франции и Израиля. Заключивши тайное Севрское соглашение, три государства начали одновременные боевые действия против Египта по суше, воздуху и морю. Египетские города, порты и военные части подвергались бомбардировкам, а Синайский полуостров был захвачен израильскими сухопутными войсками. Тревогу усиливало объявление чрезвычайного положения в Сирии, пересечение отдельными сирийскими армейскими частями сирийско-иорданской границы и риск вступления Сирийской Республики в четырехсторонний военный конфликт. Но какова была радость студента, когда он узнал, что агрессия прекращена решительным политическим вмешательством Советского Союза, а войска Франции и Великобритании были отведены после жесткого ультиматума товарища Хрущева, пригрозившего применить силу в случае продолжения агрессии. Хишама переполняли чувства благодарности СССР за спасение от злой агрессии и гордости за себя, ведь он уже тогда отождествлял себя с этой «великой страной».

...

В сентябре 1957 года из числа уже обучавшихся и вновь прибывших на учебу в Москву студентов был создан Союз арабских студентов. На выборах председателя ни у кого не было сомнения, что возглавлять Союз должен был, к тому времени уже бегло говоривший по-русски, активный и общительный Хишам Акель. В этом качестве Акель часто бывал на приемах в посоль-

стве Сирии и посольствах других государств, имел возможность общаться с высокопоставленными ответственными лицами и государственными деятелями советского государства.

Тем временем одним московским сентябрьским вечером первокурсник филфака МГУ Хишам встретил Наиду. Уроженка Дагестана, студентка филфака и комсомолка Аджимуратова тогда еще не знала и не могла представить, сколь судьбоносной для нее станет данная встреча.

Их роман длился полтора года, и в январе 1958 года завершился походом в ЗАГС. Наида и Хишам сделали крайне сложный для себя выбор. Они оба понимали, какие трудности им придется преодолевать в будущем вместе и по отдельности. Наиду пугала неизвестность — она понимала, что выходит замуж за иностранца и, скорее всего, уедет с ним в далекую Сирию, о жизни в которой мало кто знал тогда. Она верила мужу и любила его, и в то же время боялась реакции своей семьи, без разрешения и благословения которой она пошла на этот шаг. Хишам понимал, что приедет на родину с женой-иностранкой и что, нарушив волю отца, он будет встречен неодобрением со стороны своей семьи. Однако любовь молодых людей была сильнее предрассудков, и они верили, что родные поймут и простят.

Родные Наиды приехали в Москву, познакомились с «иностранном» зятем, выяснили, что он мусульманской веры и что «умеет читать Коран». Хишам в качестве зятя был одобрен, и молодые получили приглашение сыграть свадьбу на родине Наиды — в Махачкале.

Тем временем 13 января 1958 года в аэропорту Каира тайно приземлился самолет, на борту которого прилетела делегация высокопоставленных сирийских военачальников. Руководство сирийской армии прибыло в Египет с целью встретиться с Гамалем Абдель Насером и уговорить его дать согласие на объединение Египта с Сирией и создание единого государства. Сирийские панарабисты видели в бросившем вызов империализму Насере всеарабского лидера, способного вести за собой всех на пути к объединению арабской «уммы» и созданию единого арабского государства, простирающегося «от Океана до Залива».

Заклучив один из первых в истории советско-сирийский семейный союз, Хишам не подозревал, что в те самые дни решался вопрос о заключении другого, государственного, союза и что в скором времени помимо изменившегося гражданского состояния у него изменится и гражданская принадлежность. 22 февраля 1958 года президенты Сирии и Египта Шукри аль-Куватли и Гамаль Абдель Насер поставили свои подписи под декларацией об объединении Сирии и Египта в единое государство. Таким образом, Хишам, проснувшись поздним утром воскресенья 23 февраля в Москве, стал гражданином Объединенной Арабской Республики.

Несмотря на разногласия в идеологиях, ближневосточные марксисты разделяли с панарабистами тезис о необходимости все-арабского единения, и Хишам Акель не был исключением. Новость о создании ОАР он встретил с восторгом, ибо считал, что вместе с большим и сильным Египтом его родине будет легче справляться со стоящими перед ней вызовами, а само объединенное государство сможет стать цементирующим ядром для создания более масштабного, единого и процветающего государства всех арабов.

«В Москву приезжал ближайший соратник Насера Абдель Хаким Амер¹, — вспоминает Наида Юсуповна Аджимуратова (Акель), — и в качестве переводчика на одну из встреч с Хрущевым посольство ОАР порекомендовало ему Хишаму. В ту пору он возглавлял Союз арабских студентов и к тому времени уже бывал на высоких приемах и в неофициальной обстановке переводил Кагановича², Булганина³ и других высокопоставленных лиц государства.

¹ Абдель Хаким Амер (1919–1967) — военный и политический деятель Египта и ОАР, первый вице-президент, министр обороны, главнокомандующий вооруженными силами, представитель президента ОАР в «Северной провинции», Герой Советского Союза и кавалер ордена Ленина.

² Лазарь Моисеевич Каганович (1893–1991) — советский государственный, хозяйственный и партийный деятель, близкий сподвижник И. В. Сталина.

³ Николай Александрович Булганин (1895–1975) — советский государственный деятель, Маршал Советского Союза, председатель

Шишам рассказывал, что на приеме присутствовали Хрущев, Амер и переводчики. В самом начале приема Хрущев достал «вспотевшую» бутылку водки и предложил своему визави «пропустить» по рюмочке. Амер поблагодарил и, сославшись на религиозный запрет, любезно отказался. Тогда Никита Сергеевич налил себе, выпил, закусил и сказал: «А хотите, я вам расскажу мой любимый анекдот про тов. Хрущева? Мне тут постоянно свежие подборки приносят». Далее Никита Сергеевич стал «травить» анекдоты про самого себя, перемежая свои рассказы водкой. Выпив половину содержимого бутылки, он распорядился убрать посуду и, безо всяких признаков опьянения, сказал: «Ну, теперь перейдем к делу!» Взяв в руки карандаш и чистый лист бумаги, он, по памяти, стал записывать расклад сил, состав армий, численность боевых самолетов, танков, стволов артиллерии и иного боевого снаряжения главных действующих армий на Ближнем Востоке. Хрущев проявил исключительные компетентность и знания».

«Северная провинция ОАР» — так называлась сирийская часть Объединенной Республики — с восторгом и ликованием встречала Абдель Насера, посетившего крупные сирийские города и выступившего в каждом из них с пламенными речами. Искусный оратор и харизматичный лидер, Насер сумел завладеть сердцами сирийских народных масс. Герой, бросивший вызов монархии, оккупации и франко-британо-израильской агрессии олицетворял мечты и чаяния людей.

Увы, праздник продолжался недолго. Резкие социально-политические преобразования, проводимые руководством Египта, вызвали недовольство самых разнообразных слоев населения «Северной провинции». Национализация сельскохозяйственных земель, крупных промышленных предприятий и частных банков пошла в разрез с интересами местной буржуазии. Запрет на деятельность политических партий нанес ощутимый урон предмету особой гордости сирийцев — разнообразию политической жизни.

Совета Министров СССР, Герой Социалистического Труда. Входил в ближайшее окружение И. В. Сталина.

Ситуация усугублялась резким наплывом рабочих из «Южной провинции» (Египта), вызвавшим дисбаланс на рынке труда, а также назначение на все мало-мальски значимые руководящие посты исключительно египтян.

Вопрос был решен традиционным путем — военным переворотом. 28 сентября 1961 года группа сирийских офицеров берет власть в свои руки и объявляет выход Сирии из состава ОАР. Была восстановлена Сирийская Республика, сформировано правительство из состава правоцентристских традиционных партий — «Хизб аш-Шааб» (Партия народа) и «Аль-хизб аль-Ватани» (Национальная партия), представлявших интересы буржуазных кругов Дамаска и Алеппо, соответственно. В подтверждение приверженности новой власти идеям панарабизма в названии республики появилось слово «Арабская».

Тем временем, пока в Сирии разворачивалась драма объединения и разъединения, студенческая семья Акелей ожидала рождения своего первенца. Не зная пола будущего ребенка, Хишам мечтал о мальчике и уже тогда знал, каким именем он его наречет. Будучи большим ценителем наследия древнеарабского стихотворца Абу Таммама, Акель назвал родившегося летом 1960 года сына Таммамом, став, по сирийской традиции, сам Абу Таммамом.

Хорошо владевший литературным арабским языком — *фусхой* и к старшим курсам филфака уверенно освоивший русский, Хишам Акель принял предложение арабиста Валентина Михайловича Борисова поработать над созданием большого русско-арабского словаря в качестве соавтора. В последние годы учебы Хишам в ущерб молодой семье усердно работал над словарем. «Русско-арабский словарь» увидел свет через пять лет после отъезда Акеля на родину — в 1967 году. Получив по почте экземпляр первого издания, Хишам Акель с великим сожалением увидел свою фамилию не на титульном листе словаря, где и полагалось ей быть, а лишь только в предисловии, в котором автор «считает своим долгом сердечно поблагодарить Хишама Акиля за оказанную ему помощь [...] в обработке арабского текста [...] при подготовке словаря к изданию»!

«Русско-арабский словарь», предназначенный для переводчиков, преподавателей и студентов востоковедных вузов и содержащий более 43 000 слов перетерпел не одно издание.

Наступило лето 1962 года. Хишам Акель успешно сдал экзамены, получил диплом филолога и вместе с женой Наидой и сыном Таммамом отбыл на родину.

...

По прибытии Акель обратился в МИД Сирии, предъявил полученный диплом и поинтересовался, когда можно приступить к работе. Ответ был шокирующим: никогда! Дело в том, что, вступив в брак с гражданкой иностранного государства, Хишам нарушил условие, согласно которому сотрудником МИД не может быть лицо, имеющее иностранную супругу или супруга. Парадоксальность ситуации заключалась в том, что по условиям предоставления гранта молодой специалист считался государственным служащим, но ведомство, направившее его на учебу и сотрудником которого он числился, отказывалось включать его в свой штат. Началось долгое и томительное бездейственное ожидание. Решение пришло через несколько месяцев в виде уведомления о переводе его в штат другого ведомства — Министерства образования.

Акелю было предложено стать преподавателем русского языка, но и здесь скрывалась «небольшая» загвоздка. В 1962 году в сирийских школах и вузах не было предмета «русский язык»! Были французский, английский и немецкий языки, но русского не было. На вопрос, кого и где он будет учить русскому, был получен следующий ответ: набирайте себе учеников и, когда наберете один или два класса, сможете приступить к работе.

Структура школьного образования в Сирии шестидесятых годов состояла из «начальной» школы с шестилетним образованием; «подготовительной» школы с трехгодичным; и «средней», дифференцированной трехгодичной школы, после окончания которой и успешной сдачи единого государственного письменного экзамена — «бакалории» молодые люди могли поступать в вуз. Изучение иностранных языков начиналось с первого класса подготовительной школы, или по-другому, — с седьмого класса школы.

Наступил 1963 год. Хишам Акель начал «набирать» учеников. Для этого он посещал шестые классы начальных школ города Алеппо и агитировал юных ребят выбирать в качестве иностранного языка в будущем учебном году именно русский. Задача была не из простых, так как признавались «полезными» только западноевропейские иностранные языки. Устаз¹ Хишам рассказывал юным школьникам о «России» и годах проведенных в ней, говорил о военных и хозяйственных подвигах советского народа, о первом спутнике земли и Гагарине. Он очаровывал подростков «Россией», а они порой очаровывались молодым и увлеченным устазом.

В 1963 году в жизни сирийского общества произошло два события, явившиеся началом важных процессов. Баасисты (члены партии Баас — Социалистической партии арабского возрождения) совершили очередной военный переворот, положив тем самым начало длящейся и по сей день эпохе правления Баас; а устаз Хишам Акель приступил к занятиям по русскому языку с учениками седьмого класса, положив в свою очередь начало эпохе изучения русского языка в школах и вузах республики.

Уроки русского языка устаза Хишама не были типичными для сирийской школы второй половины двадцатого века. Он превращал свои уроки в увлекательное путешествие по жизни, истории и культуре Страны Советов. Он рассказывал о том, как «русские» победили нацистов, освоили мирный атом и полетели в космос. Не стеснялся устаз Хишам и своих марксистских политических взглядов. Тогда, во второй половине шестидесятых, в сирийских школьных классах и университетских аудиториях еще можно было без последствий и преследования заявлять о своих политических пристрастиях, не совпадающих с идеологией Баас.

Класс устаза Акеля превратился в своеобразную общественно-политическую молодежную дискуссионную площадку, на которой ломали копья и баасисты, и традиционалисты-буржуа, и «Братья-мусульмане», и, конечно, марксисты. На стыке шестидесятых и семидесятых годов теоретические баталии марксистов

¹ *Устаз* (араб. — учитель): обращение к учителю, преподавателю, чиновнику или взрослому образованному мужчине в арабских странах.

с «Братьями-мусульманами», а баасистов со всеми достигли апогея. Порой молодых людей бросало из одной крайности в другую: иной молодой человек вдруг начинал отращивать бороду, примкнув к «братьям», а через полгода сбрасывал растительность на лице и начинал трясти «Манифестом коммунистической партии».

Шли шестидесятые годы. У руля государства одни баасисты сменяли других баасистов единственно известным им путем — военными переворотами. Занятые дворцовыми интригами и расстановкой внутривластных сил они не заметили, как сгущались тучи на региональном небосклоне и как незаметно надвигался шторм.

Катастрофа произошла молниеносно. Всего за шесть дней.

5 июня 1967 года ВВС Израиля стали наносить концентрированные удары по взлетно-посадочным полосам и местам стоянки самолетов военно-воздушных сил Египта и Сирии. В течение первых суток Шестидневной войны Египет потерял почти весь военно-воздушный флот, а Сирия — две трети. Обескрыленные армии двух стран потерпели сокрушительное поражение.

По итогам войны сионистское государство заняло территорию, превышающую первоначальную в несколько раз, захватило Восточный Иерусалим и сирийские Голанские высоты, являющиеся главным источником дефицитной пресной воды в регионе.

Общество в Сирии и Египте было деморализовано, и Хишаму Акелю было невдомек почему, в то время как президент Египта Насер публично объявляет об уходе со своего поста, в Сирии ничего не меняется? Почему отдавший приказ о беспорядочном отступлении с фронта министр обороны не только не подает в отставку, но укрепляет свои позиции в руководстве страной? Тогда устаканенный Хишам понял, что баасисты к руководству страной пришли надолго и всерьез. Кресло министра обороны в сирийском правительстве во время Июньской войны занимал Хафез Асад¹.

¹ Хафез Асад (1930–2000) — сирийский государственный и политический деятель, президент Сирии (1971–2000).

16 ноября 1970 года Хафез Асад, возглавив группу высокопоставленных офицеров, совершил государственный переворот. Бывший командующий Военно-воздушными силами опирался на поддержку командиров авиационных частей и не встретил особого сопротивления со стороны властей предрержащих. Члены «Национального руководства» партии Баас были отстранены от власти, взяты под арест, бежали из страны либо выдворены за ее пределы. Действующий президент Сирии Нуреддин аль-Атасси¹ был помещен за решетку. Следующие 22 года жизни он провел в одиночной камере и свободу обрел лишь на финальной стадии смертельного заболевания, после чего он вскоре скончался.

Получив бразды правления, Хафез Асад стал править страной железной рукой. Наделив себя абсолютными полномочиями, он строил вертикаль власти на принципах личной, семейной, клановой и партийной лояльности.

Прочность и устойчивость новой власти обеспечивали многочисленные спецслужбы, органы разведки и безопасности, часто дублировавшие работу друг друга и не всегда действовавшие в рамках правового поля. Коррупция, несанкционированные аресты и вмешательство в личную жизнь граждан стали обыденным делом. В обществе нарастало недовольство, вылившееся в бунт и вооруженное восстание.

Взяв в свои руки знамя сопротивления власти, «Братья-мусульмане» начали фанатичную борьбу с режимом Асада. Стороны наносили друг другу болезненные и ошутимые удары, и после резни, учиненной «братьями» над курсантами-алавитами² артиллерийского училища в Алеппо, город стал главной

¹ Нуреддин аль-Атасси (1929–1992) — сирийский политический и государственный деятель.

² Алавиты — последователи алавизма — ответвления шиитского толка ислама, распространенного преимущественно на территории современных Сирии, Турции и Ливана. Конфессиональное меньшинство населения Сирии, к которым принадлежит семья предыдущего и нынешнего президентов Сирии — Хафеза и Башара Асад. Главные должности в руководстве органами безопасности и армии в стране обычно занимали выходцы из алавитской среды.

ареной смертельной и кровавой схватки. В период с 1979 по 1982 год по городу прошла широкомасштабная волна убийств, взрывов и массовых расстрелов.

Сочтя момент подходящим, режим Асада на фоне борьбы с исламистами объявил войну всему спектру инакомыслия в стране. Не удалось избежать ударов карательного молота власти и извечным критикам действий Асада — марксистам.

Промозглым зимним утром 1981 года в аудиторию Университета Алеппо, где проводил занятие устаз Хишам Акель, в нарушение традиций университета ворвалось несколько вооруженных автоматами и пистолетами мужчин в штатском. Представившись сотрудниками «мухабарата»¹ и не предъявив никаких документов, прибывшие потребовали от Акеля следовать за ними. На замечание, что в университетской аудитории нет места оружию, и на просьбу подождать за ее пределами до конца занятия в адрес преподавателя прозвучали ругательства и угрозы. Устаз Акель подчинился.

В мрачном Управлении политической безопасности ему было предъявлено его личное досье, и оно было на удивление увесистым. Офицер сообщил Акелю: мы знаем о тебе больше, чем ты сам о себе знаешь!

Далее ему было предложено пролистать первые — пожелтевшие и изрядно потрепанные — несколько страниц. Каково было изумление преподавателя, когда он увидел перед собой протокол, датированный 1946 годом и составленный французской жандармерией. В протоколе значилось, что подросток Хишам Ибрахим Акель участвовал в беспорядках и акциях протеста против присутствия французских войск в стране!

И далее по жизни: что говорил, где говорил и когда говорил.

Акелю было сказано, что дискуссии, проходящие на его занятиях, носят деструктивный характер, и велено «никогда более не ступать на территорию университета», если хочет избежать ареста и других печальных последствий!

¹ *Мухабарат* (разведка — *араб.*) — термин, применяемый в арабских странах и обозначающий различные виды спецслужб и тайной полиции.

Устаз Акель никогда более не ступал на территорию университета и через несколько месяцев вышел на пенсию по состоянию здоровья.

Хишам Акель скончался в 1989 году в Ленинграде, в возрасте 55 лет.

Не дожив два года до подписания Беловежского соглашения¹, устаз Хишам не видел развала СССР. Он нес в себе великую любовь к русским людям и русскому языку, служению которому посвятил бóльшую часть своей жизни.

После кончины Хишама Наида осталась жить в Сирии и проживала в Алеппо до 2011 года — года начала сирийского кризиса. Сейчас Наида Юсуповна Аджимуратова живет в Санкт-Петербурге.

¹ Беловежское соглашение — Соглашение о создании Содружества Независимых Государств. Подписано 8 декабря 1991 года Республикой Беларусь, Российской Федерацией и Украиной. В Соглашении констатировалось прекращение существования Союза Советских Социалистических Республик как «субъекта международного права и геополитической реальности».

Р. М. Валеев, Р. З. Валеева

**Арабо-мусульманские
штудии в России:
воспитанники германских
университетов в Казанском
университете (Х. Д. Френ —
Ф. И. Эрдман — И. Ф. Готвальд)
(XIX в.)¹**

Аннотация. В Российской империи вторая половина XVIII — начало XX в. связана с ключевыми направлениями, этапами и особенностями формирования и развития отечественной системы академического и университетского востоковедения, в частности арабо-мусульманских штудий, практических, научно-исследовательских и мировоззренческих концепций, принципов и идей в деятельности востоковедов Российской империи.

¹ Исследование выполнено при поддержке РНФ и Кабинета Министров РТ (проект № 23–28–10046) и в соответствии с Программой стратегического академического лидерства Казанского (Приволжского) федерального университета.

Соприкосновение границ со странами «Русского Востока» и зарубежного Востока, российско-азиатские военно-политические, дипломатические и культурные отношения и т.д. стали факторами формирования особой отрасли знаний по изучению Востока в целом и арабо-мусульманского мира в частности в Российской империи.

В эпоху имперской России выделяются переломные этапы и рубежи социального и институционального развития ориенталистики и ориентализма в России, во многом связанные с деятельностью отечественных, восточных и европейских (немецких, французских и др.) ученых и преподавателей.

В статье основное внимание уделено обзору деятельности российских востоковедов-арабистов-иранистов-исламоведов немецкого происхождения Х. Д. Френа (Christian Martin Joachim Frähn) (1782–1851), Ф. И. Эрдмана (Friedrich Franz Ludwig Erdmann) (1795–1862) и И. Ф. Готвальда (Gottwaldt/Gotwald Joseph) (1813–1897) в Имп. Казанском университете на протяжении XIX в. Они увлеченно и бескорыстно занимались комплексными арабо-мусульманскими исследованиями. В их творчестве ярко проявились важные черты и особенности европейского и российского востоковедения первой и второй половины XIX в.

Ключевые слова. Россия; Германия; Восток; история востоковедения; арабистика; тюркология; иранистика; исламоведение; Френ Х. Д.; Эрдман Ф. И.; Готвальд И. Ф.

Введение

Особое место в истории российского и европейского востоковедения, в культуре и науке России занимают ключевые центры: Казанский университет, Санкт-Петербургский университет, Азиатский музей и др. Они продемонстрировали значимые исследовательские и преподавательские традиции в области арабистики, тюркологии, иранистики, исламоведения.

В плеяде российских востоковедов немецкого происхождения, сыгравших важную роль в изучении арабо-мусульманской цивилизации и культуры в российских академических

и университетских центрах, в частности в Казани (Казанский университет) и Санкт-Петербурге (Азиатский музей, Публичная библиотека), особо выделяются Х. Д. Френ, Ф. И. Эрдман и И. Ф. Готвальд. Они (выходцы в первую очередь из Германии), несомненно, сыграли большую роль в становлении и развитии востоковедения в России. На протяжении длительного времени специально приглашенные ученые из иностранных переселенцев внесли огромный вклад в формирование отечественного научного сообщества востоковедов.

Начиная с XVIII в. в политике, государственной жизни и науке постепенно по шкале этнической ценности важное место занимали «русские немцы». Этот процесс также проявился в истории российского востоковедения в XIX — первые десятилетия XX в.

В истории российского востоковедения и в основных центрах академической и университетской науки России и Германии в XVIII — начале XX в. выделяются биографии и наследие известных ученых и практиков немецкого происхождения — Г. З. Байера (1694–1738), Г. Я. (Георг Якоб) Кера (1692–1740), Иоганна Иерига (1747–1795), Г. Ю. (Генрих Юлий) Клапрота (1783–1835), Х. Д. (Христиан Мартин) Френа (1782–1851), Б. А. (Иоганес Альбрехт Бернгардт) Дорна (1805–1881), Ф. И. (Фридрих Франц) Эрдмана (1793–1863), И. Ф. Готвальда (1813–1897), В. В. (Фридрих Вильгельм) Радлова (1837–1918) и др., которые окончили университеты в Германии и связали свою судьбу и профессиональную востоковедческую деятельность с Россией.

В основном обратим внимание комплексному обзору педагогической, общественной и научной деятельности Х. Д. Френа (Christian Martin Joachim Frähn) (1782–1851)¹, Ф. И. Эрдмана

¹ См.: Санкт-Петербургский филиал архива РАН (далее — СПбФ АРАН). Ф. 778. Личный фонд акад. Х. Д. Френа. Сформировался разнообразный фонд интернет-ресурсов с краткой биографией Х. Д. Френа. См.: Энциклопедия. Т. 3. (П–Я). М., 2006. С. 677–678; Френ Христиан Данилович. URL: https://gufo.me/dict/biography_encyclopedia/Френ,_Христиан_Данилович (дата обращения: 12.06.2022); Encyclopædia Britannica. Vol. 10 (11th ed.). Cambridge University Press. С. 773; Fück Johann W., Frähn, Christian // Neue Deutsche Biographie. 5 (1961).

(Friedrich Franz Ludwig Erdmann) (1795–1862) и И. Ф. Готвальда (Gottwaldt/Gotwald Joseph) (1813–1897) в основном в Императорском Казанском университете (1807–1897) и их арабо-мусульманскому наследию в истории отечественной и европейской ориенталистики XIX в. Они были первыми приглашенными германскими профессорами восточной словесности в российском университете.

Во многом опубликованные, неопубликованные и особенно архивные фонды и материалы позволяют внести уточнения в имеющиеся о Х. Д. Френе, Ф. И. Эрдмане и И. Ф. Готвальде биографические сведения, дополнить их; обозначить необходимость углубления современной оценки вклада ученых востоковедов в период работы Френа (1807–1817), Эрдмана (1819–1845) и Готвальда (1849–1897) в Казанском университете, а также в целом в российское востоковедение и арабо-мусульманские штудии XIX–XX вв.

Они внесли научный и просветительский вклад в российское востоковедение в романтическую эпоху науки о Востоке, по образной оценке С. Ф. Ольденбурга, когда Восток «... только что открылся удивленной Европе, когда все восточное относили далеко назад в глубь веков и когда на Востоке искали первые проблески человеческой мысли»¹.

Эпоха академика-востоковеда Х. Д. Френа в Казанском университете и Азиатском музее (1807–1851 гг.)

Научный образ и наследие выдающегося российского востоковеда немецкого происхождения, воспитанника крупных германских университетов, профессора, академика-востоковеда Х. Д. Френа (Christian Martin Joachim Frähn) (23.05. (03.06) 1782, г. Росток, герцогство Мекленбург-Шверинское —

S. 309–310. [Online-Version]. URL: <https://www.deutsche-biographie.de/pnd104228458.html#ndbcontent> (дата обращения: 12.06.2022).

¹ Ольденбург С. Ф. Этюды о людях науки / сост. А. А. Вигасин. М.: Российский государственный гуманитарный университет, 2012. С. 155.

16.(28).08.1851, С.-Петербург) и его судьба в известных научных центрах ориенталистики в Российской империи (Казань и Санкт-Петербург) остаются значимыми в истории науки о Востоке и в целом в современной истории отечественных академических и университетских гуманитарных арабо-мусульманских дисциплин.

В летописи российско-немецких связей и взаимодействия в области отечественного востоковедения особое место принадлежит Х. Д. Френу, а также его соратникам и коллегам, в том числе выпускникам университетов Германии и представителям немецкого ориентализма в Российской империи, а именно таким ученым, как Байер Готлиб Зигфрид Теофил (1694–1738) («первый в России академик-востоковед»), Барендт Иоганн Готфрид (?–1805) («первый в России университетский профессор востоковедения»), Дорн Альбрехт Бернгардт (Б. А.) (1805–1881) («впервые в России стал вести курс эфиопского языка») и др. Судьба их востоковедного научного творчества в Германии и России имеет много общего и особенного.

В 1836 г. в своей актовой речи на торжественном собрании в Императорском Казанском университете адъюнкт-профессор М. А. Казем-Бек отметил (и данная оценка стала традиционной для российского и германского востоковедения): «Труды г. Френа, этого первостепенного ориенталиста Европы, известного глубокими познаниями, уважаются ученым светом. Его исследования открыли много весьма важного по части истории Востока и истории России. Нумизматика восточная обязана ему своими успехами. Россия до его времени почти не была знакома с этим любопытным предметом, чрезвычайно полезным для ее истории»¹. Он стоял у истоков широкой и комплексной специализации востоковедения и создал фундаментальные и прикладные работы².

¹ Казем-Бек Мирза А. К. О появлении и успехах восточной словесности в Европе и упадке ее в Азии // Журнал Министерства народного просвещения. Ч. XI. Отд. II. 1836. С. 254.

² Библиографию основных работ Х. Д. Френа и литературу о его жизни и трудах см.: Савельев П. С. О жизни и ученых трудах Френа.

Академик Х. Д. Френ удостоился звания и статуса одного из основоположников отечественной школы востоковедения и восточной нумизматики. Он «сыграл выдающуюся роль в российской науке», «сумел заложить прочные основы русского научного востоковедения»¹, «создал восточную нумизматику как науку»² и получил другие объективные и значимые оценки своих заслуг.

Яркий научный и художественный образ авторитетного исследователя культурного наследия Востока и России, академика Х. Д. Френа сформулировал в середине XIX в. П. С. Савельев: «Френ был истинный ученый по призванию. Предметом его изучений был весь мусульманский мир, а средством к изучению — преимущественно нумизматические памятники. Никто не извлек более света из этих дотоле мертвых материалов, получивших от его воззрения важность исторических документов. Едва ли есть страна Востока, которой история и география не была бы обогащена Френом. Для всякого историка мусульманской Азии, особенно времен халифата и наследовавших ему династий, Френ, как объяснитель монетных памятников этой эпохи, столь же необходимый руководитель, как летописи Табари, Масуди и Мирхонда. Мухамеданская нумизматика, как наука, ему обязана своим настоящим развитием. Для России он открыл исторические источники как в летописях, так и в монетах Востока»³.

Именно Х. Д. Френ стоял у истоков формирования академической традиции привлечения восточных материальных и письменных источников для изучения истории и культуры России в отечественной ориенталистике, которая стала ее ключевой

СПб., 1855. С. 57–74; Азиатский музей — Институт восточных рукописей РАН: путеводитель. М.: Восточная литература, 2018. С. 808–809.

¹ Кононов А. Н. Слово о Х. Д. Френе (23.V.1782–16.VII.1851). К 200-летию со дня рождения // Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока. XVII годичная научная сессия ЛО ИВАН СССР (доклады и сообщения). Январь 1982. Ч. 1. М.: Наука, ГРВЛ, 1983. С. 5.

² Федоров-Давыдов Г. А. Х. Д. Френ — нумизмат и эпитаграфист (К 200-летию со дня рождения) // Нумизматика и эпитафика. Т. XIV. 1984. С. 176.

³ Савельев П. С. О жизни и ученых трудах Френа. СПб., 1855. С. 10–11.

и заметной перспективной тенденцией во второй половине XIX — начала XXI в. Он сыграл исключительную роль в поиске, систематизации и привлечении восточных, в частности арабо-мусульманских нумизматических, эпиграфических и письменных источников для изучения истории и культуры народов России.

Исследования Х. Д. Френа имели широкий региональный, хронологический, междисциплинарный и проблемный диапазон. Он сформулировал критическую позицию по отношению к знанию об истории и культуре народов Востока и признание их исторического, материального, духовного и культурного единства и разнообразия.

В Санкт-петербургский период деятельности Х. Д. Френу (1817–1852) принадлежит особая миссия в установлении тесной связи и взаимодействия Казанского университета и Санкт-Петербургской академии наук. На протяжении всего XIX в. после него в Академии наук блестящая группа ученых представляла Казанскую школу востоковедов. Прежде всего это ученик Х. Д. Френа — А. О. Ярцов, тюрколог и иранист А. К. Казем-Бек, монголовед и буддолог О. М. Ковалевский, китаевед и буддолог В. П. Васильев. С 1870 г. в Петербургской академии наук были представлены известные казанские ориенталисты: арабист, иранист И. Ф. Готвальд, тюрколог и миссионер Н. И. Ильминский, тюрколог, языковед и этнограф В. В. Радлов. Они были яркими представителями Казанского университета XIX в.

Академический статус Х. Д. Френа представлен в следующих известных (но требующих дальнейшего архивного уточнения, поскольку жизненные и профессиональные даты указываются разными источниками по-разному) фактах и событиях: востоковед-арабист, нумизмат, эпиграфист, доктор философии и богословия (1804), ординарный академик «по разряду восточных древностей» Петербургской АН (1817)¹. Учился в известных востоковедческих

¹ В период жизнедеятельности Х. Д. Френа в составе Академии наук были представлены следующие академики-востоковеды европейского происхождения: экстраординарный академик Г. Ю. Клапрот (1807–1812); экстраординарный академик (1831) и ординарный академик (1833) Я. И. Шмидт; экстраординарный академик (1832) и ординарный

университетских центрах Европы — Ростока, Гёттингена, Тюбингена (1802)¹. Его наставником был крупный немецкий востоковед-арабист О. Г. Тихсен (*Oluf Gerhard Tychsen*) (1734–1815). В 1815 г. он был избран почетным корреспондентом Императорского Казанского университета (КУ) не без влияния своего ученика, который по рекомендации Тихсена оказался в Казани и после его смерти в дальнейшем в Азиатском музее в Санкт-Петербурге.

В перспективе интересным представляется подготовка и публикация писем наставника своему ученику периода 1803–1815 гг., сохранившихся в фонде академика Х. Д. Френа в Санкт-Петербургском филиале архива РАН [СПбФ АРАН. Ф. 778. Оп. 2. Д. 307].

Первые десятилетия XIX в. (1800–1817 гг.) связаны с началом и завершением учебы Х. Д. Френа в Германии и казанским этапом формирования его востоковедной деятельности в России.

Академик И. Ю. Крачковский, выявляя особенности личности и профессиональной деятельности Х. Д. Френа в Казани и Санкт-Петербурге отмечал, что он «превратился из обычного на Западе семитолога-экзегета, каким приехал из Германии, в первоклассного арабиста, которого в современной ему Европе решались сравнивать только с Сильвестром де Саси².

...Он положил начало своим, создавшим впоследствии эпоху, работам над арабскими источниками для истории Руси; ...на

академик (1844) А. М. Шегрен; экстраординарный академик (1838) и ординарный академик (1847) М. И. Броссе; экстраординарный академик (1842) и ординарный академик (1852) Б. А. Дорн; экстраординарный академик (1845) и, после смерти Х. Д. Френа (1851), ординарный академик (1855) О. Н. Бётлингк.

¹ Азиатский музей — Институт восточных рукописей РАН: путеводитель. М.: «Восточная литература», 2018. С. 8, 807–809.

² В СПбФ АРАН сохранился интересный пласт эпистолярного наследия французского лингвиста и ориенталиста Антониа Исаака, барона Сильвестра де Саси (*Antoine Isaac, Baron Silvestre de Sacy*) (1758–1838), его письма 1810–1836 гг., адресованные казанскому профессору и петербургскому академику-востоковеду Х. Д. Френу [СПбФ АРАН. Ф. 778. Оп. 2. Д. 280]. О Сильвестре де Саси см.: *Silvestre de Sacy, Antoine Isaac // Encyclopædia Britannica. Vol. 25. (11th ed.). Cambridge University Press. P. 119.*

богатом материале он стал расширять свою нумизматическую подготовку, которая вскоре сделала его не имеющим соперников знатоком»¹. Данная исследовательская культура прослеживается в деятельности Эрдмана и Готвальда. «В восточной нумизматике Френ сделал то, что в античной нумизматике — И. И. Эккель»².

Профессором и академиком Х. Д. Френом в Казани и Санкт-Петербурге были сформированы методологические и прикладные основы востоковедения, в том числе арабистики как гуманитарной и социальной дисциплины Нового времени. С его востоковедного наследия в науке о мусульманском Востоке в России и Европе первой половины XIX в. следует вести отсчет изучения комплексности и междисциплинарности академического и университетского востоковедения. Он заложил исторические и дисциплинарные основы научного и просветительского описания цивилизационного и человеческого мира Востока.

Истоки преподавания восточных языков и формирования востоковедения в Казанском университете связаны с педагогической и научной деятельностью Х. Д. Френа. Он был зачислен на должность ординарного профессора восточной словесности Императорского Казанского университета³. В 1807–1817 гг. возглавлял кафедру восточной словесности, преподавал арабский, персидский, еврейский, сирийский языки, палеографию, золотоордынскую нумизматику⁴. В 1815–1816 гг. был деканом

¹ Крачковский И. Ю. Очерки по истории русской арабистики // Избранные сочинения. Т. V. М.; Л.: Издательство Академии наук СССР, 1958. С. 55.

² Федоров-Давыдов Г. А. Х. М. Френ — нумизмат и эпиграфист (К 200-летию со дня рождения). С. 176.

³ А. Н. Кононов указывает следующие даты: 3 августа 1807 г. Х. Д. Френ был зачислен в штат Казанского университета и прибыл в Казань 3 октября 1807 г. [Кононов А. Н. Слово о Х. Д. Френе (23.V.1782–16.VII.1851). К 200-летию со дня рождения. С. 4].

⁴ Ковалевский О. М. Обзорение хода и успехов преподавания азиатских языков в Императорском Казанском университете до настоящего времени. Казань, 1842. С. 7; Савельев П. С. О жизни и ученых трудах Френа. СПб., 1855. С. 17.

отделения словесных наук философского факультета Казанского университета¹.

В 1808 г. профессор Х. Д. Френ опубликовал на арабском языке в Казани первую научную работу «Книга описания некоторых дирхемов, отчеканенных при династиях Саманидов и Дейлемитов, большинство из которых неизвестно ученым до сегодняшнего дня»². Эта статья была переведена Ф. И. Эрмманом на латинский язык и опубликована в Гёттингене в 1816 г.³ [Frähn, 1816]. Завершающие казанский период жизни ученого последние две латинские публикации из десяти работ, написанных в Казани и опубликованных в 1816–1817 гг., как и предыдущие, были посвящены арабо-мусульманским историческим, нумизматическим, эпиграфическим и письменным памятникам, историко-культурным фактам и событиям Арабского халифата, Волжской Булгарии, Улуса Джучи и Казанского ханства⁴.

Его казанский этап деятельности и начало функционирования первой кафедры восточных языков в университете в 1807 г. обозначили качественно новый уровень в истории казанского научного востоковедения и российского востоковедения, который завершается в 1854/1855 гг. с официальным переводом разряда восточной словесности Казанского университета и образованием Восточного факультета Санкт-Петербургского

¹ Гульбин Г. Г. Биобиблиографический словарь русских и советских арабистов. Часть 2-я. М–Я // Неизвестные страницы отечественного востоковедения. Вып. IV. М.: Изд. фирма «Восточная литература», 2014. С. 290–294.

² Fraehn Ch. *Китаб сигат ба 'д ад-дарахим ал-лати дараба-ха бану Сасан уа бану-д-Дайлами уа му'заму-ха гайр ма'лум инда ахль аль-ильм ила аль-йаум уа накл хатт китабати-ха аль-куфи* [Книга о внешнем виде некоторых дирхемов, чеканенных Сасанидами и дейлемитами и донине в большинстве своём неизвестных науке, с отображением надписей на них куфийским письмом]. Казань, 1808.

³ Frähn С. М. *De quibusdam Samanidarum as Buidarum numis scheidiasma, e lingua Arabica in latinam vertit, notulisque instruxit Fr. Erdmann.* Gottingen, 1816.

⁴ Подробно библиографию публикаций Х. Д. Френа в Казани см.: Савельев П. С. О жизни и ученых трудах Френа. СПб., 1855. С. 60.

университета. Во многом уход из жизни академика Х. Д. Френа (16/28.08.1851 г.) — трагический и переломный в истории науки о Востоке и мусульманском в России и Европе.

В связи с увольнением из Казанского университета в 1817 г. Х. Д. Френ, оценивая свою работу, писал, что в течение девяти с половиной лет деятельности «ревностно и совершенно соответствовал предназначенной цели», а его воспитанник Я. Ярцов «успехами своими делает ему честь и может со временем заступит на его место» [ГА РТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 705. Л. 5].

С фигурой Я. О. Ярцова связана одна из первых университетских научных командировок из России на мусульманский Восток. В период с января 1817 г. по январь 1818 г. Ярцов находился в составе российского посольства в Персии на должности канцелярского чиновника [ГА РТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 822. Л. 1]. В переписке между попечителем Казанского учебного округа и Министерством народного просвещения 29 декабря 1816 г. отмечалось, что «пробыв некоторое время в Персии, он может совершенствоваться в восточных языках и заменить со временем профессора Френа, который собирается оставить Россию, и чрез сие Казанский университет лишится знаменитого и известного в Европе ученого мужа» [РГИА. Ф. 733. Оп. 39. Д. 192. Л. 3]. По итогам данной поездки Я. О. Ярцов представил в Совет университета «Краткий журнал путешествия в Персию», «Дневные записки, веденные во время переезда от Тифлиса до Астрахани» и «Рассуждение о религии персиян». Персидский шах наградил магистра орденом Льва и Солнца второй степени за успехи в изучении персидского языка [РГИА. Ф. 733. Оп. 39. Д. 192. Л. 17].

В представлении Я. О. Ярцова отделением словесных наук Казанского университета к званию адъюнкта от 14 мая 1818 г. было отмечено, что он «оказал отличные успехи в языках восточных и по отбытии из университета проф. Френа остался единственным чиновником, который с пользою для дела и к чести самого университета, как бывший воспитанник оногo, может занять место проф. Френа» [ГА РТ. Ф. 977. Оп. ИФФ. Д. 3. Л. 2].

Однако переезд Я. Ярцова со своим учителем Х. Д. Френом в С.-Петербург не позволили ему продолжить учебную и научную

деятельность в Казанском университете. С утверждения в декабре 1818 г. Я. О. Ярцова в звании адъюнкта восточных языков Академии наук начался его петербургский период востоковедческой деятельности. В Академии наук Ярцов стал «первым русским адъюнктом по тюркским языкам»¹. Ученый оставил заметный след в истории российского востоковедения XIX в.²

Одна из первых учебных программ преподавания арабского языка в Казанском университете была составлена в октябре 1807 г. профессором кафедры восточных языков Х. Д. Френом³.

Традиция приглашения иностранных ученых в Академию наук, сформированная Петром I, стала заметной тенденцией в истории российского востоковедения в первой половине XIX в. и сыграла важную роль в изучении истории и культуры народов Востока. Жизненные реалии и судьба Х. Д. Френа в Казани и Санкт-Петербурге яркий тому пример.

В связи с похоронами акад. Х. Д. Френа 20 августа (по ст. стилю) 1851 г. в журнале «Москвитянин» (сентябрь 1851 г.) отмечалось: «Имя Френа — одно из самых безукоризненных в истории науки. Ученейший арабист, основатель и князь восточной нумизматики, Френ оказал великие услуги и русской истории. Сорок четыре

¹ Азиатский музей — Ленинградское отделение Института востоковедения АН СССР. М.: Главная редакция восточной литературы, 1972. С. 403.

² Материалы для истории факультета восточных языков Санкт-Петербургского университета. Т. IV. Обзор деятельности факультета, 1855—1905, составленный проф. В. В. Бартольдом. СПб., 1909. С. 25—26; Загоскин Н. П. История Имп. Казанского университета за первые сто лет его существования. 1804—1904. Т. 1. Казань, 1902. С. 226—227; Булич Н. Н. Из первых лет Казанского университета (1805—1819). Ч. 1. Изд. 2. СПб., 1904. С. 166—169; Шамов Г. Ф. Роль востоковедов Казанского университета в изучении Монголии и Китая (первая половина XIX века). Дис. ... канд. ист. наук. Казань, 1956. С. 50—53.

³ Мазитова Н. А. Изучение Ближнего и Среднего Востока в Казанском университете (первая половина XIX века). Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1972. С. 23.

года живя в России, он сроднился с Россиею и жил только для своей науки и приложения ея к России»¹.

Он сыграл важную роль в появлении в казанском университетском центре востоковедов — выпускников немецких университетов: Ф. И. Эрдмана (1795—1862)², И. Ф. Готвальда (1813—1897)³, которые внесли свой вклад в развитие российского востоковедения на принципиально новых институциональном и дисциплинарном уровнях и оставили значимый личный след в летописи истории Казанского университета и Казани.

Началом Санкт-петербургского периода деятельности Х. Д. Френа следует считать рубеж, когда 5 июля 1817 г. приказом министра народного просвещения А. Н. Голицыным было поручено ординарному профессору Казанского университета, находящемуся в Петербурге по пути в Ростов, «составить подробный каталог» восточных монет и древностей в академическом Минц-кабинете (т. е. Азиатском музее)⁴.

Значимый личностный, профессиональный и институциональный рубеж — 11 ноября 1818 г., когда Х. Д. Френ был назначен хранителем и директором Азиатского музея (АМ) в Санкт-Петербурге (1818—1842). Это важное событие определило его последующую профессиональную деятельность и в целом перспективы российского академического востоковедения, особенно арабо-мусульманских штудий. «Первым директором Азиатского

¹ Савельев П. С. О жизни и ученых трудах Френа. С. 54.

² В СПбФ АРАН сохранились адресованные письма Ф. И. Эрдмана на 94 листах акад. Х. Д. Френу из Ростoka, Москвы и Казани, относящиеся к 1818—1836 гг. См.: СПбФ АРАН. Ф. 778. Оп. 2. Д. 388. Часть писем 1818—1820 гг., написанные акад. Х. Д. Френу из Ростoka, Москвы и Казани нам удалось опубликовать в книге Х. Валравенса [Franz von Erdmann (1793—1862) als Orientalist in Kazan. Im Spiegel seiner Briefe an Christian Martin Frähn. Die Jahre 1818—1820. С. 89].

³ Также выявлено одно письмо 1850 г. казанского востоковеда И. Ф. Готвальда, написанное акад. Х. Д. Френу [СПбФ АРАН. Ф. 778. Оп. 2. Д. 100].

⁴ Куликова А. М. Востоковедение в российских законодательных актах (конец XVII в. — 1917 г.). СПб.: Центр «Петербургское востоковедение», 1993. С.113.

музея стал Христиан Данилович Френ (1782–1851), который отдал его служению 24 года своей жизни. Во многом благодаря его усилиям АМ за два десятилетия прошел путь, на который другим востоковедным европейским центрам потребовалось около 200 лет. Х. Д. Френ стремился не только превратить АМ в хранилище рукописей и книг, но и сделать его востоковедным научным центром»¹. Такова современная научная оценка Санкт-Петербургского периода деятельности Х. Д. Френа (1818–1851), которая требует углубленного изучения и оценки его наследия на основе личного фонда академика в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН.

Обратимся только к некоторым событиям и материалам данного периода жизни Х. Д. Френа.

Работая в Санкт-Петербурге, академик Х. Д. Френ сохранил неподдельный интерес к событиям, работам профессоров и судьбам казанского университетского востоковедения. Данный пласт его жизненной и научной связи с казанскими официальными лицами и коллегами-учеными сохранился в ряде архивных центров Казани и Санкт-Петербурга, а также в письмах на его имя, представленных в его личном фонде в Санкт-Петербурге, филиале АРАН [СПбФ АРАН. Ф. 778. Оп. 2. Письма]. Среди них казанские коллеги — И. Н. Березин (1848, 1850), Мирза А. К. Казем-Бек (1831–1846), О. М. Ковалевский (1838), М. Л. Магницкий (1820), В. П. Молоствов (1849), П. Я. Петров (1836–1846), С. Я. Румовский (1807–1810), Г. С. Саблуков (1845, 1848), И. М. Симонов (1839), Г. И. Солнцев (?), С. С. Уваров (1815–1828), К. К. Фойгт (1841), К. Ф. Фукс (1832–1840), Ибрагим Хальфин (1819–1820), П. А. Цеплин (1812–1819), Я. О. Ярцов (?). К сожалению, эти и другие письма адресатов Х. Д. Френа не получили должного освещения и публикации.

О жизни и наследии академика Х. Д. Френа в Санкт-Петербурге с середины XIX в. сформировалась объективная историографическая и источниковедческая база². Особенно

¹ Азиатский музей — Институт восточных рукописей РАН: путеводитель. С. 8.

² Баргольд В. В. Работы по истории востоковедения // Сочинения. Т. IX. М.: Издательство Восточной литературы, 1977; Дорн Б. А.

отечественная литература является важной основой для объемного, комплексного и перспективного изучения жизненного портрета и судьбы академика-востоковеда в Германии и России. Тем не менее остается признать отсутствие его современной академической комплексной биографии в отечественной и европейской историографии востоковедения. Новым этапом в изучении наследия академика Х. Д. Френа должен стать поиск, систематизация и публикация оригинальных архивных материалов и фактов из научных и культурных центров России и Европы¹.

После смерти академика Х. Д. Френа научный и общественный интерес к его рукописному наследию, переданному в 1852 г. в Азиатский музей, стал особенно заметен. Отметим, что истоки научного интереса к его рукописям связаны с Б. А. Дорном², В. Г. Тизенгаузен³ и П. С. Савельевым⁴.

Академик Френ и его научная деятельность // Ученые записки имп. Академии наук. 1855. Т. 3. Вып. 2. С. 431–465; История отечественного востоковедения до середины XIX в. М.: Наука, ГРВЛ, 1990; Кононов А. Н. Слово о Х. Д. Френе (23.V.1782–16.VII.1851). К 200-летию со дня рождения // Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока. XVII годичная научная сессия ЛО ИВ АН СССР (доклады и сообщения), январь 1982 г. Ч. 1. М.: Наука, ГРВЛ, 1983. С. 3–11; Крачковский И. Ю. Очерки по истории русской арабистики // Избранные сочинения. Т. V. М.; Л.: Издательство Академии наук СССР, 1958; Мазитова Н. А. Изучение Ближнего и Среднего Востока в Казанском университете (первая половина XIX века). Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1972; Савельев П. С. О жизни и ученых трудах Френа. СПб., 1855; Тизенгаузен В. Г. Френовы рукописи и академик Дорн. Варшава, 1877; и др.

¹ В 2015 г. вместе с коллегами удалось опубликовать неизданные письма Мирзы А. К. Казем-Бека академику Х. Д. Френу [Эпистолярное наследие российских востоковедов: письма Мирзы А. К. Казем-Бека академику Х. Д. Френу (1831–1846) // отв. ред. Р. М. Валеев. Казань: Артифакт, 2015].

² Дорн Б. А. Академик Френ и его научная деятельность // Ученые записки Имп. Академии наук. Т. 3. Вып. 2. 1855. С. 431–465.

³ Тизенгаузен В. Г. Френовы рукописи и академик Дорн. С. 11–14.

⁴ Савельев П. С. О жизни и ученых трудах Френа. С. 77–81.

В 1860 г. В. Г. Тизенгаузен в публикации, изданной в «Северной пчеле», обратил внимание читателей «на то, как Академия наук почтила память своего усопшего собрата и что стало с многочисленными рукописными трудами усопшего», и далее отметил, что «от приобретения научного наследия Френа Академия в некотором отношении приняла на себя обязанность озаботиться изданием этих материалов»¹.

В начале XXI в. актуальными остаются оценки В. Г. Тизенгаузена²: «Все интересующиеся этим делом с нетерпением стали ожидать появления посмертных трудов Френа. Оправдались ли эти ожидания? Нет! В течение восьми лет, которые прошли с того времени, вышел только один небольшой том, заключающий в себя краткое описание восточных монет, поступивших в Азиатский музей после издания Френовой *Recensio*»³.

В результате его активной педагогической и научной деятельности в Казани и Санкт-Петербурге сформировался оригинальный личный фонд [СПбФ АРАН. Ф. 778. Френ Христиан Данилович. Арабист, иранист, тюрколог] и разнообразные официальные и личные материалы в основных научных и культурных центрах, где ему пришлось работать. Эти архивные фонды и материалы состоят из его опубликованных и неизданных работ, подготовительных и черновых автографов и различных текстов, обширного эпистолярного наследия, корреспонденции российских и европейских деятелей науки и культуры и др.

Существующие реестры, каталоги, рукописные фонды и некоторые цифровые данные ряда архивов (в том числе СПбФ АРАН) позволяют частично ориентироваться в архивном и рукописном наследии востоковеда-арабиста и академика Х. Д. Френа⁴. Эти сведения и факты дают возможность уточнить и дополнить жиз-

¹ Тизенгаузен В. Г. Френовы рукописи и академик Дорн. С. 12.

² Там же. С. 12.

³ Под словом «*Recensio*» в данном случае имеется в виду академическое посмертное издание работ акад. Х. Д. Френа под редакцией Б. А. Дорна *Opuscula postuma* («Посмертные сочинения», 1855 г.).

⁴ См.: Реестр описи СПбФ АРАН. URL: [http://tanar.spb.ru/files/visual/pdf/Reestr_fix%20\(1\).pdf](http://tanar.spb.ru/files/visual/pdf/Reestr_fix%20(1).pdf) (дата обращения: 15.06.2022).

ненные реалии, круг научных проблем, которые волновали ученого, и по достоинству оценить его огромный вклад в российское востоковедение, а также пересмотреть некоторые методологические и прикладные оценочные стереотипы в изучении и оценке наследия казанского периода жизни Х. Д. Френа¹.

К сожалению, после известных дореволюционных изданий его трудов² современные сочинения с соответствующими исследовательскими комментариями и оценками не были подготовлены и опубликованы.

В связи с прошедшим 240-летним юбилеем академика Х. Д. Френа ощущается отсутствие его полноценной биографии и целостного освещения опубликованного и рукописного наследия, посвященного материальной и письменной культуре народов Востока, хотя в дореволюционный и советский периоды исследовательский интерес к рукописям и работам Х. Д. Френа сохранялся и развивался.

Нельзя пройти мимо практически неизвестного в истории российской ориенталистики историко-научного события. Напомним о полемике, случившейся в 1860–1870-х гг. между академиком Б. А. Дорном и востоковедом, археологом и нумизматом В. Г. Тизенгаузеном (1825–1902) о «стеснениях, которые приходится испытывать отечественным ориенталистам при пользовании рукописями Френа»³.

В 1972 г. В. А. Ромодин (1912–1975) опубликовал небольшую статью, посвященную рукописям Х. Д. Френа⁴. Он обратил

¹ Например, отзывы о том, что Х. Д. Френ не был готов к профессорской должности в Казанском университете; мало уделял внимания студентам и преподавательская деятельность не принесла ожидаемых успехов, а тем более он не создал научной школы и др.

² В 1851–1877 гг. часть его трудов и материалов была опубликована Б. А. Дорном [Opuscula postuma, 1851–1877].

³ Тизенгаузен В. Г. Френовы рукописи и академик Дорн. С. 3.

⁴ Ромодин В. А. Новые материалы для биографии академика Френа // Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока. VII годичная научная сессия ЛО ИВ АН. М., 1972. С. 111–115.

внимание на «распределительные» автографы академика, т. е. «списки адресатов, получивших от Френа в дар экземпляры его сочинений», и, обобщая, выделял «... ценность найденных списков для биографии Френа. Вместе с сохранившейся перепиской Френа они могут стать предметом интересного исследования»¹.

Перечисленные авторы, а также отечественные (как нам представляется, и европейские) публикации в целом касались лишь отдельных сторон многогранной исследовательской и научно-организаторской деятельности Х. Д. Френа в 1807–1851 гг. Хочется надеяться, что будут переизданы в переводе на русский язык опубликованные на латинском и немецком языках работы Х. Д. Френа и напечатаны его рукописные материалы. А самое главное — будет осуществляться популяризация работ и наследия замечательного востоковеда России и Германии.

Также следует отметить, что казанский период научно-педагогической и общественной деятельности Х. Д. Френа был рассмотрен лишь обзорно², он остается малоизученным, особенно в части судьбы его наследия, хранящегося в архивных центрах России и Европы, а также последующего поиска, выявления и публикации оригинальных архивных фактов и материалов.

Личность и особенно неопубликованные рукописные материалы академика Х. Д. Френа являются благодатной темой в историографии и источниковедении современного востоковедения.

Жизнедеятельность, научные мысли, поиски и наследие Х. Д. Френа во многом связаны с начальным этапом жизни и востоковедного творчества в России — с казанским этапом (1807–1817 гг.). Именно в стенах Казанского университета он начал свой жизненный путь и сформировал яркий и новый тип российского ученого-востоковеда, отличавшегося от своих

¹ Ромодин В. А. Новые материалы для биографии академика Френа. С. 115.

² Например, историк Казанского университета Н. П. Загоскин наиболее полно изложил многие служебные и бытовые реалии жизни Х. Д. Френа в университете и Казани [Загоскин Н. П. История Имп. Казанского университета за первые сто лет его существования. 1804–1904. Т. 1. Казань, 1902].

коллег и выпускников германских востоковедных центров XVIII — первой половины XIX в., чьи судьбы были связаны с Российской империей.

Сегодня справедливо и ярко звучит оценка академика В. В. Бартольда о наследии Х. Д. Френа: «... Несомненно, что он с первых лет своей преподавательской деятельности проявил те черты характера, которые впоследствии снискали ему искреннее уважение всех его учеников: беззаветную любовь к своей науке, полное отсутствие зависти к чужим дарованиям, полную готовность содействовать привлечению к науке новых сил и успеху их деятельности»¹.

В преддверии XX в. эти характерные черты личности ученого ярко проявил академик-арабист и создатель новой школы российского востоковедения В. Р. Розен (1849—1908)². В отечественной историографии вполне справедливо сформировалась объективная оценка: «Успешное развитие русского востоковедения в конце прошлого столетия (XIX в. — *Р. В.*), подготовленное всей историей изучения Востока в России, закономерно связывается с именем выдающегося ученого, педагога и организатора академика В. Р. Розена (1849—1908), воспитанника ФВЯ и его декана с 1893 по 1902 г.»³.

¹ Бартольд В. В. Работы по истории востоковедения // Сочинения. Т. IX. М.: Издательство Восточной литературы, 1977. С. 44.

² Аль-Музаффарийа. Сборник статей учеников профессора барона Виктора Романовича Розена ко дню двадцатипятилетия его первой лекции 13-го ноября. 1872—1897. СПб., 1897; Веселовский Н. И. 30 лет ученой деятельности барона В. Р. Розена // Журнал Министерства народного просвещения. Ч. 344. 1902. С. 157—161; Памяти барона Виктора Романовича Розена. Сообщения, читанные в заседании отделения 20 ноября 1908 г., и список трудов барона В. Р. Розена. Записки Восточного отделения Русского археологического общества. 1909. Т. XVIII. С. 1—48; Памяти академика В. Р. Розена: Статьи и материалы к сорокалетию со дня его смерти (1908—1948) / ред. И. Ю. Крачковский. М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1947.

³ История отечественного востоковедения до середины XIX в. М.: «Восточная литература» РАН, 1997. С. 16.

Будет справедливо выделить преемственную линию в российском востоковедении от академика Х. Д. Френа и его академического наследия середины XIX в. до академика В. Р. Розена и его научной школы в первой половине XX в.

В 1944 г. известный тюрколог В. А. Гордлевский, оценивая творчество И. Ю. Крачковского, справедливо отметил: «Он наследовал богатства, накопленные предшественниками. В нем, как в фокусе, сосредоточились: и ненасытная страсть к изучению рукописей — от Френа, и искусство художественного перевода — от барона Брамбеуса-Сенковского...»¹ Данная преемственная традиция отражает интеллектуальную атмосферу в научной среде востоковедов России. В их профессиональной деятельности и судьбе много общего: не только единое этническое происхождение, но и исследовательские темы и научные линии, посвященные арабо-мусульманским штудиям разных эпох в науке о Востоке в России.

В будущем представляется интересным изучить феномен отражения наследия Х. Д. Френа в творческой деятельности не только В. Р. Розена и его учеников, но и в целом российских и европейских востоковедов и деятелей культуры второй половины XIX — начала XXI в.

Особенно с 1930–1950-х гг. в советском востоковедении начала проявляться тенденция ослабления преподавания классических востоковедных дисциплин (знание древних и новых восточных языков, умение читать рукописные тексты и т. д.) и утверждения современного типа востоковедного образования (узкие специалисты, объясняющиеся на одном языке, не владеющие познаниями в сфере текстологии и чтения священных текстов и др.). В 1943 г. В. М. Алексеев в докладе «Восток и наука о Востоке», обобщая современные ему тенденции в востоковедении, писал: «Комплексное востоковедение вымирает. Никто не сменил на их постах и их ролях академиков Бартольда, Коковцова, Шербатского. Мы, их слабые соратники, умрем — и все распадется

¹ Гордлевский В. А. И. Ю. Крачковский (общая характеристика) // *Советское востоковедение*. № 4. 1947. С. 13.

на части. Историк-китаист не будет уметь читать философов, китаист-философ — поэтов, поэтолог — без знания разговорного языка, географ — без литературы, литературовед — без археологии и т. д. Каждый будет смотреть на Восток из своего уголка, а целого Востока не увидит»¹.

Наследие Х. Д. Френа, отражающее казанский и Санкт-Петербургский периоды деятельности, представлено в основном в двух республиканских архивных центрах: Государственном архиве Республики Татарстан (ГА РТ) и Отделе рукописей и редких книг Научной библиотеки имени Н. И. Лобачевского КФУ (ОРРК НБ КФУ).

Особый интерес представляют сведения и материалы из фондов Государственного архива Республики Татарстан. Например, особо отмечу дело об увольнении профессора Казанского университета Френа от должности [ГА РТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 705 и др.] и т. д. В этом архивном документе выделяются его автографы, а также различные факты и сведения о службе, представленные в свидетельстве Совета университета, выданном по его просьбе².

В связи с приглашением немецкого ученого попечитель КУО С. Я. Румовский отмечал: «...27-летний доктор Френ горит желанием видеть в Казани татар и других азиатских народов, и, судя по его готовности и простому и ничем не приукрашенному обращению, имею причину ожидать от него должных успехов» [РГИА. Ф. 733. Оп. 39. Д. 38. Л. 15].

В архивных фондах и делах ГА РТ выделяются сведения об истоках преподавания, содержании и программе курсов ара-

¹ Алексеев В. М. Восток и наука о Востоке // Наука о Востоке. Статьи и документы. М.: ГРВЛ, 1982. С. 191.

² Некоторые архивные сведения опубликованы. См.: Мазитова Н. А. Изучение Ближнего и Среднего Востока в Казанском университете (первая половина XIX века). Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1972. С. 32–34. Текст «Свидетельства о службе профессора восточных языков Х. Френа в Казанском университете» от 15 мая 1817 г. См.: Из истории казанской иранистики: сборник документов. Казань: Главное архивное управление при Кабинете Министров Республики Татарстан, 2013. С. 30–31.

бо-мусульманских языков Х. Д. Френа и его соратника, преподавателя тюрко-татарского языка Ибрагима Хальфина (1778–1829) в Первой Казанской гимназии (1800–1829 гг.) и университете (1812–1829 гг.) [ГА РТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 5357, 273 и др.]; о первых слушателях предметов восточных языков (Семен Кручинин, Федор Ритгау, Иван Попов, Алексей Пятов, Сергей Гроздовский, Януарий Ярцов, Елпидифор Манасейн и др.) и ежемесячные рапорты (отчеты) профессора и преподавателя о занятиях и успехах студентов; о первом воспитаннике профессора в университете и кандидате восточной словесности Януарии Ярцове (1812 г.), удостоившемся звания по ходатайству Х. Д. Френа, и защите Я. Ярцовым магистерской диссертации и утверждении его в статусе магистра восточной словесности [ГА РТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 481, 600, 602 и др.] и т. д.

Эти служебные сведения, представленные в его послужном списке, а также делопроизводственные и другие материалы о службе Х. Д. Френа соотносятся с другими официальными документами из фондов ГА РТ, ОРПК НБ КФУ, Российского государственного исторического архива (РГИА), Центрального государственного исторического архива Санкт-Петербурга (ЦГИА) и личного фонда академика в СПбФ АРАН.

В целом поиск, систематизация и публикация тематических документов, связанных с академиком Х. Д. Френом и его вкладом в российское и европейское востоковедение, представляют интерес не только в плане академической биографии, но и в оценке результатов его педагогической, исследовательской и общественной деятельности на важных этапах жизни в Германии (Росток, Гёттинген, Тюбинген) и России (Казань, Санкт-Петербург).

Письма Ибрагима Хальфина (1778–1829) на имя петербургского академика-востоковеда Х. Д. Френа сохранились в его личном фонде в Санкт-Петербургском филиале Архива Российской Академии наук [СПбФ АРАН. Ф. 778. Оп. 2. Д. 339]. В фонде Х. Д. Френа сохранились девять писем И. Хальфина, написанные с 1819 по 1825 г. Все его письма имеют личные автографы казанского востоковеда и просветителя и написаны в основном на русском языке, лишь одно из них — на татарском (1825 г.).

В письме от 22 декабря 1819 г. И. Хальфин писал: «Милостивый Государь, Христиан Данилович! Наичувствительнейше благодарю Вас в неоставлении меня своими письмами. Уведомляю Вас, что я нашел все книги, о которых Вы изволили писать в письме к г. ректору Гаврилу Ильичу, кроме Сейфульмулюк (Фәүз ән-нәжәт — Победа спасений), которые все уже разобраны. Хотя также и Юнусовского (Фәтиха — Седьмая печать Корана) не находится здесь в Казани; но я Вам свою посылаю. Сверх сего, у меня нашлась одна старинная штучка с куфийскою надписью (которую, признаться, я худо разбираю), найденная русским мужиком в Иски Казани, в том месте, где была крепость, которую и дарю Вам, яко любителю древностей» [СПбФ АРАН. Ф. 778. Оп. 2. Д. 339. Л. 1].

Разнообразный корпус материалов о наследии Х. Д. Френа в архивных и рукописных центрах Казани и Санкт-Петербурга связан с его продолжающимся интересом к учебной и научной деятельности востоковедов университета; получением информации об арабо-мусульманских письменных источниках и формированием Азиатского музея книгами и рукописями, присылаемыми казанскими коллегами; сообщением, отправкой различной европейской и восточной литературы в университет; академическими советами, отзывами и наставлениями о формировании ключевых направлений развития востоковедения в Казанском университете во второй половине XIX в. и др.

Эти направления сотрудничества академика Х. Д. Френа с университетскими востоковедами Казани ярко отразились в письмах профессора Казанского университета А. К. Казем-Бека академику Х. Д. Френу, сохранившихся в фондах Санкт-Петербургского филиала Архива РАН [СПбФ АРАН. Ф. 778. Оп. 2. Д. 130. Л. 52. Казем-Бек Мирза Александр Касимович, проф., чл.-корр. Его письма к Френу Х. Д. из Казани. 1831–1846 гг.]. К сожалению, не увенчался успехом поиск писем Х. Д. Френа своему адресату из Казани. Личный фонд А. К. Казем-Бека в Государственном архиве Республики Татарстан также не содержит этот пласт эпистолярного наследия Х. Д. Френа и других российских востоковедов [ГА РТ. Ф. 1186. Казем-Бек А. К. — ориенталист, профессор Казанского университета].

Письма профессора А. К. Казем-Бека академику Х. Д. Френу, особенно относящиеся к начальному периоду, написаны высоким стилем и пронизаны огромным уважением. Показателен в этом отношении и отрывок из его письма, в котором он называет Х. Д. Френа «наиученейшим муджтахидом», *مجتهد* (араб. ученый, обладающий правом толкования), а себя — *مقلد* (араб. подражатель).

В своем первом письме Х. Д. Френу А. К. Казем-Бек писал, что видит в его лице «того, кто может оценить, воодушевить и оказать поддержку тем молодым работникам на ниве литературы, которые поистине нуждаются в умелом руководителе, чтобы он их направлял в их начинаниях» [Санкт-Петербургский филиал Архива РАН. Ф. 778. Оп. 2. Д. 130. Л. 1].

Более поздние письма показывают дальнейшее развитие отношений: А. К. Казем-Бек обращался к Х. Д. Френу даже не как к наставнику, а как к отцу: «Ваша непрекращающаяся доброта по отношению ко мне, с самых первых дней моего знакомства с Вашим превосходительством, не могла не выработать во мне глубочайшую благодарность, искреннее уважение и почтение к Вам как к моему новому отцу» [Санкт-Петербургский филиал Архива РАН. Ф. 778. Оп. 2. Д. 130. Л. 34].

Академик Х. Д. Френ неоднократно рассматривал и рецензировал труды А. К. Казем-Бека, покупал у него рукописи, высылал по его просьбе ученые издания в Казанский университет (в частности, полное собрание арабских пословиц Г. В. Фрейтага), рекомендовал представить его к наградам и избрать членом-корреспондентом Академии наук. Именно Х. Д. Френ сыграл важную роль в переводе А. К. Казем-Бека в Санкт-Петербург.

Мирза Казем-Бек также старался быть полезен Х. Д. Френу: искал в Казани по его просьбе турецкое произведение «Кыз Курбач», распространял осуществленный Х. Д. Френом и И. Хальфиним перевод труда «Родословное древо тюрок» Абу-ль-Гази Бахадур-хана, скупал редкие рукописи для Академии наук, описывал монеты, расшифровывал талисман на персидском языке.

Также важен отзыв академика Х. Д. Френа и адъюнкта Б. А. Дорна [ГА РТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 4683. Л. 104–105 об.; Из

истории... 2013. С. 84–85] на план путешествия на Ближний Восток воспитанников университета — магистра В. Ф. Диттеля (1816–1848)¹ и И. Н. Березина (1818–1896)², составленный профессором Мирзой А. К. Казем-Бекком. Отмечая, что известные центры Персии (Тебриз, Казвин, Гилян, Мазендаран, Тегеран) «менее были посещаемы европейцами», то путешественникам, «без сомнения, представят еще обильные случаи к новым наблюдениям». Также были сделаны рекомендации к посещению «публичных и частных библиотек» и «тщательным лингвистическим разысканиям о разных наречиях, например, персидского языка, далее составление каталогов тамошним литературным сокровищам...» и др.

Представленные материалы и другие неопубликованные документы из архивных центров свидетельствуют, что академик Х. Д. Френ определял магистральные пути развития востоковедения в Казанском университете, Азиатском музее и в целом в России в XIX в.

Именно с началом творческой деятельности Х. Д. Френа востоковедение в России приобрело самостоятельный и дисциплинарный статус и стало значимой областью научного знания, а также государственного и общественного признания.

Архивные материалы освещают биографию профессора в Казанском университете и формирование университетского востоковедения, некоторых его составляющих, таких как арабистика, золотоордынская и арабо-мусульманская нумизматика, источниковедение Востока, и в целом неопенимый вклад Х. Д. Френа в российскую и европейскую науку о древностях Востока.

¹ Диттель В. Ф. — выпускник, кандидат КУ (1837 г.) и магистр (1841). После своего путешествия по Ирану, Сирии, Палестине, Египту (1842–1845) и вплоть до самой смерти преподавал арабский и турецкий языки, курс истории и географии Востока в Санкт-Петербургском университете (1846–1848).

² Березин И. Н. — выпускник, кандидат КУ (1837 г.) и магистр (1841 г.). Вел курсы турецко-татарского языка в Казанском (1845–1855) и Санкт-Петербургском университетах (1855–1896).

**Ученик Олафа Тихсена и воспитанник
Ростокского и Гёттингенского университетов:
Эрдман Франц
в Казанском университете (1818–1845)**

Выпускник Университета Ростoka и ученик О. Г. Тихсена (Oluf Gerhard Tychsen) Франц Эрдман (Friedrich Franz Ludwig Erdmann, 1793–1862) в своем первом письме от 29.03.1818 г. из Ростoka писал следующие строки в Россию акад. Х. Д. Френу: «Ваше благородие, многомудрый, высокоуважаемый господин надворный советник! <...> Я, воодушевленный нашим ныне почившим Тихсенем¹ на изучение источников Востока, под его руководством полностью посвятил свое двухлетнее академическое пребывание здесь данному вопросу». Завершая свое первое послание Ф. Эрдман писал: «С тех пор как Вы получили приглашение от нашей Академии, Вы наполнили умы всех нетерпеливым ожиданием. Они с нетерпением ждут того времени, когда смогут по праву с Вашим прибытием созерцать خاتم النبیین (В. Р. — последнего пророка, букв.: печати пророка) в её стенах. Если бы я осмелился высказать пожелание по этому случаю, я бы обратил внимание Вашего Благородия к вакантной в Казани профессорской должности. Я был бы очень признателен, если бы Вы в соответствии с Вашими возможностями замолвили словечко в высшей инстанции за мое продвижение на эту должность»².

¹ Олаф Герхард Тихсен (14 дек.1734, Тённер — 30 дек. 1815, Росток) учился в Галльском университете и в 1763 году стал профессором восточных языков в университете Бютцова. В 1789 г. университеты Бютцова и Ростoka были объединены, и Тихсен получил должность главного библиотекаря. Его главным трудом считаются Bützowische Nebenstunden («Свободные часы в г. Бютцов») в 6 т. 1766–1769. Большую часть его личной библиотеки приобрел Ростокский университет. См.: СПбФ АРАН. Оп. 2. Д. 388; Franz von Erdmann (1793–1862) als Orientalist in Kazan. Im Spiegel seiner Briefe an Christian Martin Frähn. Die Jahre 1818–1820 / Hrsg. H. Walravens, N. Serikoff. BoD-Books on Demand. Norderstedt, 2021.

² Немецкий профессор Франц Эрдман и его арабо-мусульманские исследования в Казани (1819–1845 гг.) // Ломоносовские чтения.

К ростокскому периоду жизни Франца Эрדмана относится опубликованная в 1818 г. традиционная для германской семиологии книга «*Curagum exegetico-criticarum in Jeremiae Threnos specimen*» («Экзегетико-критическое исследование о “Плаче Иеремии”»).

Позволим представить обзор основных вех биографии Федора Ивановича Эрдмана (Friedrich Franz Ludwig Erdmann) (1795–1862), уделяя внимание этапам его педагогической и научной деятельности в Казанском университете (1818–1845 гг.). Он стал вторым, после Х. Д. Френа (1782–1851), приглашенным германским профессором восточной словесности в университете и одним из последних учеников известного немецкого ориенталиста О.-Г. Тихсена (1734–1815). В 1818 г. Ф. И. Эрдман в возрасте 25 лет переселился в Россию, в Казань.

Профессор Ф. И. Эрдман после увольнения из университета (11 мая 1845 г.) был назначен директором училищ Олонецкой губернии (7 февраля 1847 г.) и через два месяца (8 апреля 1847 г.) переведен на должность директора училищ Новгородской губернии, которую он занимал до увольнения со службы (20 августа 1855 г.). Ученый умер 14 ноября 1862 г., похоронен в Казани.

Представленные архивные и неопубликованные материалы позволяют внести уточнения в имеющиеся о Ф. И. Эрдмане биографические сведения, дополнить их; обозначить процесс оценки вклада ученого в казанскую ориенталистику в период его работы

Востоковедение и африканистика (Москва, 20–29 апреля 2021 г.): тезисы докладов научной конференции / Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Институт стран Азии и Африки; отв. ред. Н. С. Кулешов. М.: Издательство Московского университета, 2021. С. 12–13; Валеев Р. М., Валеева Р. З., Эрдман А. В. Профессор-ориенталист Франц Эрдман в Казанском университете (1818–1845 гг.) // *Эхо веков — Гасырлар авазы*. № 2. 2021. С. 88–102; Валеев Р. М., Валеева Р. З., Hartmut Walravens, Эрдман А. В. Востоковед Эрдман Франц (Эрдман Ф. И.) (1795–1862) и его наследие в архивах России и Германии // V Международная научная конференция «Архивное востоковедение». Москва, 17–19 ноября 2021 г. М., 2021. С. 43–45; Franz von Erdmann (1793–1862) als Orientalist in Kazan. Im Spiegel seiner Briefe an Christian Martin Frähn. Die Jahre 1818–1820. Norderstedt, 2021.

в университете (1818–1845 гг.), а также в целом в российское востоковедение, особенно в феномен российских и германских арабо-мусульманских штудий первой половины XIX в.

Профессор Императорского Казанского университета Франц Фридрих Людвиг Эрдман (Эрдман Федор Иванович) (16 марта 1795–14 ноября 1862)¹ родился в г. Людвигслуст (Великое герцогство Макленбург-Шверинское).

Франц Эрдман до 1808 г. получал домашнее образование. С 1808 по 1812 г. вместе со своим кузеном Иоганном Леопольдом Абелем учился в Катаринеуме, в Любекской гимназии. В 1813 г. они вместе поступили в Ростокский университет на богословский факультет. В числе преподавателей был Тихсен, который и увлек Франца Эрדмана Востоком и востоковедением.

По окончании Ростокского университета Франц Эрдман продолжает образование в Гёттингенском университете. После окончания Гёттингенского университета Франц защищает теологическую диссертацию и получает место помощника преподавателя. С 1818 г. он переписывается с Френом, который рекомендовал его в Казанский университет. В 1816–1817 гг. Франц Эрдман был приглашен в Казанский университет и 4 сентября 1818 г. утвержден ординарным профессором, но приехать в Казань и приступить к работе он смог только в августе 1819 г. Таковы некоторые важные этапы детства и молодости Ф. И. Эрדмана до его приезда в Казань, начальной и профессорской деятельности в Императорском Казанском университете в 1819–1845 гг.

Начало функционирования в университете в 1807 г. первой кафедры восточных языков с приглашенным профессором Х. Д. Френом обозначило новый рубеж в истории казанского научного востоковедения, который завершается в 1854/1855 гг. в связи с переводом разряда восточной словесности в Северную

¹ В биографических словарях и энциклопедиях (например, в Русском биографическом словаре) даны неточные и неполные сведения о конкретных датах рождения и смерти Ф. И. Эрдмана. Работа в ряде архивных центров Германии и Англии позволила уточнить биографические сведения и систематизировать архивные факты и материалы для более полного очеркового изучения его научного наследия.

столицу и образованием на его основе Восточного факультета Санкт-Петербургского университета.

Казанский период деятельности Ф. Эрдмана (1819–1845 гг.) связан с важными институциональными и исследовательскими (введены основные востоковедные курсы и дисциплины, образованы ключевые кафедры, сформировался состав профессоров и преподавателей, публикация источников и оригинальных работ, научные путешествия на мусульманский Восток и Центральную Азию и др.) переменами в истории формирования востоковедения в Казанском университете¹.

Важные личностные и профессиональные рубежи биографии Ф. И. Эрдмана в университете следующие: с августа 1819 по май 1845 г. он занимал административные и научно-педагогические должности в Казанском университете: ординарный профессор восточных языков (с 1819 г.), с 1825 г. — заведующий кафедрой арабской и персидской словесности разряда Восточной словесности. Одновременно, с 1824 г., — заведующий нумизматическим кабинетом и кабинетом редкостей; в 1822–1832, 1835–1836 гг. — декан отделения словесных наук философского факультета, в 1841–1845 гг. — философского факультета; в 1822–1826 гг. — преподаватель арабского и персидского языков в Казанской Первой мужской гимназии. В 1828–1845 гг. Ф. И. Эрдман — «отдельный цензор» восточных сочинений². В 1832–1835 гг. — инспектор студентов и директор педагогического института. С 23 августа 1839 г. приказом министра народного просвещения он был утвержден проректором, в 1843 г. — заслуженным профессором университета³.

¹ Валеев Р. М. Ориенталистика в Казанском университете (1807 — 20-е гг. XX в.). Lambert, 2019.

² Проф. Ф. И. Эрдман исполнял должность цензора после Ибрагима Хальфина (1801–1828). В XIX в. цензуру арабо-мусульманских книг в Казани проводили профессора-ориенталисты университета: Мирза А. К. Казем-Бек (1845–1850), И. Н. Березин (1850–1855), И. Ф. Готвальд (1855–1874).

³ Центральный архив Нижегородской области (далее — ГКУ ЦАНО). «Дело Нижегородского дворянского депутатского собрания

В 1825 г. по поручению попечителя Казанского учебного округа Ф. Эрдман совершил научную экспедицию в г. Оренбург и Прикамье с целью исследования древностей Казанской, Оренбургской и Вятской губерний¹. В 1820-е гг. перед Советом университета он неоднократно ставил вопрос о необходимости подготовки грамматики и словаря татарского языка, в 1829 г. представил «Программу для составления полного татарского словаря».

В 1836 г. Ф. И. Эрдманом был составлен проект «Распределения преподавания арабского, персидского и турецко-татарского языков» в Казанской Первой гимназии. Этот проект не был напечатан, но сохранился в архивных фондах [ГА РТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 3833. Л. 135–140 об.]. В своем распределении Ф. Эрдман при изучении языков мусульманских народов ориентировался на известные учебники и хрестоматии А. Сильвестра де Саси, Е. Розенмюллера, В. Джонса, Ф. Вилькена, М. Лимсдена, А. Болдырева по арабскому и персидскому языкам, которые были изданы в Европе и России в 1818–1833 гг. Среди грамматик и учебных пособий по тюркскому языкознанию выделяются издания А. Давидса (грамматика турецкого языка, Лондон, 1833), П. Жобера (турецкая грамматика, Париж, 1823), А. Троянского (татарская грамматика, Казань, 1824) и хрестоматия И. Хальфина («Жизнь Джингиз-хана и Аксак Тимура», Казань, 1822). Распределение преподавания мусульманских языков в Казанской Первой гимназии было составлено Ф. Эрдманом на основе его практики преподавания в гимназии.

К периоду увольнения Ф. И. Эрдмана из университета (1845 г.) по «Положению о преподавании азиатских языков в I Казанской гимназии» в преподавании восточной словесности выделялось

о внесении Эрдман О. П. ... в дворянскую родословную книгу Нижегородской губернии за 1884–1885 гг.». Ф. 639. Оп. 126. Д. 10854. Л. 2–5. Эти основные должности и этапы административной и научно-педагогической деятельности Ф. И. Эрдмана записаны в выданном ему Аттестате.

¹ Одним из опубликованных материалов данной поездки стала заметка Ф. И. Эрдмана. См.: Замечания во время путешествия по берегам Камы и в Оренбургскую губернию // Заволжский муравей. 1834. № 2. С. 76–89.

пять разрядов: 1) арабско-персидский, 2) арабско-турецкий, 3) армянско-турецкий, 4) китайско-маньчжурский и 5) монгольско-маньчжурский.

В период работы Ф. И. Эрдмана ориенталистика в Казанском университете претерпела крупные научно-организационные, учебные и исследовательские изменения. 1807–1840-е гг. — это значимый этап институционализации и оформления дисциплинарного статуса казанского университетского востоковедного образования и науки.

Впервые целевая программа формирования и развития университетского востоковедения в Казани была изложена попечителем учебного округа М. Н. Мусиным-Пушкиным 14 апреля 1833 г. в письме в Министерство народного просвещения. Выделяя общественный интерес к Востоку и трудности в его исследовании, оценивая состояние востоковедения в университете, он писал, что студенты «многие изъявляют желание обучаться восточным языкам, и многие из них с значительным успехом занимаются оными. Но трехлетнего академического курса при многообразности предметов, в оный входящих, недостаточно для усовершенствования в восточных языках. Сверх того казеннокоштные студенты, занимавшиеся прилежно восточными языками, при окончании курса определяются наравне с прочими в старшие учителя гимназии. И так все их труды, все их успехи, все их познания в языках восточных остаются совершенно бесполезными, как собственно для них, так и для государства, и они, не имея в виду никакой цели, побуждающей их к усовершенствованию и распространению сведений, оставляют наконец совершенно свои занятия» [РГИА. Ф. 733. Оп. 41. Д. 86. Л. 1–1 об.].

По твердому убеждению М. Н. Мусина-Пушкина, именно «Казань, соединяя Европейскую Россию с Азиатскою, служа складочным местом для товаров восточных, привлекая обширную торговлю своею азиатцев, заключая много татар, а в числе их довольно образованных, обучавшихся в Бухарии, — есть... то место, где весьма легко соединено быть может без больших издержек теоретическое и практическое изучение языков восточных» [РГИА. Ф. 733. Оп. 41. Д. 86. Л. 2].

В 1828 г. в Казанском университете на базе кафедры восточной словесности были образованы первые две самостоятельные специализированные кафедры: турецко-татарской словесности, возглавляемая до 1846 г. А. К. Казем-Бекем (1802–1870), с 1846 г. — экстраординарным и с 1854 г. — ординарным профессором И. Н. Березиным (1818–1896), и арабо-персидской словесности, руководимая до 1845 г. Ф. И. Эрдманом, в 1846–1849 гг. — А. К. Казем-Бекем, в 1849–1855 гг. — ординарным профессором И. Ф. Готвальдом (1813–1897).

25 июля 1833 г. в Казанском университете была учреждена первая в России и Европе кафедра монгольского языка. Ординарные профессора кафедры монгольского языка О. М. Ковалевский (1800–1878) и А. В. Попов (1808–1865) стали основателями научного университетского монголоведения и буддологии в Казани и России и в целом в Европе.

11 мая 1837 г., впервые в России, была открыта кафедра китайского языка и словесности, в 1844 г. преобразованная в китайско-маньчжурскую кафедру. Первым профессором китайского языка в Казанском университете стал архимандрит Даниил (Д. П. Сивиллов (1798–1871), который преподавал в 1837–1844 гг. Преемником архимандрита Даниила в Казанском университете стал И. П. Войцеховский (1793–1850), в 1844–1850 гг. заложивший основы научного маньчжуроведения в Казани. В 1851–1855 гг. кафедру возглавлял В. П. Васильев (1818–1900)¹.

Активная институционализация и специализация университетского востоковедения была связана также с тем, что в Казанском университете в 1842 г. создаются две новые кафедры — армянского языка и санскрита. В 1842–1849 гг. кафедрой армянского языка руководил С. И. Назарьянц (Назарян, Назариянц) (1812–1879). В 1841–1851 гг. санскритский язык преподавал П. Я. Петров (1814–1875), возглавлявший в 1842–1852 гг. кафедру санскритологии. Традиции санскрито-

¹ Академик-востоковед В. П. Васильев: Казань — Пекин — Санкт-Петербург (очерки и материалы) / сост. Т. А. Пан; отв. ред. Р. М. Валеев и И. В. Кульганек. СПб.; Казань: Петербургское востоковедение, 2021.

логии в Казани в 1852—1856 гг. были продолжены Ф. Ф. Боллензенем (1809—1896), получившим образование в Гёттингенском университете. Библиотекарь гидрографического департамента Морского министерства, Ф. Ф. Боллензен 6 февраля 1852 г. был определен ординарным профессором кафедры санскритского языка университета. После закрытия разряда восточной словесности Казанского университета и увольнения Ф. Ф. Боллензен в 1858 г. уехал в Германию.

После увольнения Ф. И. Эрдмана в 1846 г. в университете открылась кафедра калмыцкого языка, возглавляемая монголоведом и калмыковедом А. В. Поповым. Эта кафедра не получила в дальнейшем организационного, научно-методического и исследовательского развития.

В 40-е гг. XIX в. планировалось открытие трех новых восточных кафедр — индустанского, тибетского и еврейского языков¹. Таковы примечательные факты и процессы феномена развития научных дисциплин и дисциплинарности университетского востоковедения в России. Такая широкая специализация диктовалась не только внутренним ходом развития классического востоковедения, но также внешними политическими и социальными процессами во взаимоотношениях России — Востока — Запада.

Основные работы Эрдмана, опубликованные на латинском, немецком, английском и русском языках в Европе и России в период деятельности в Казанском университете, были посвящены истории, этнографии, нумизматике, литературе, языкам мусульманских народов и арабо-мусульманским источникам.

Выделяя конкретную тематику исследований профессора Ф. И. Эрдмана, отметим следующие: изучение и каталогизация монет средневековых арабо-мусульманских династий тюрко-монгольского и персидского происхождения; разбор и описание арабо-мусульманских письменных источников (хроника Искандера Мунши, рукописи «Сабатул аджизин» (Стойкость

¹ См.: ГА РТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 5529. «Об учреждении при Казанском университете кафедры индустанского языка. 15 января 1844 г.». 5 л.; ГА РТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 5256. «Об открытии при Казанском университете кафедры еврейского языка. 29 января 1843 г.». 12 л. и др.

слабых) Суфи Алаяра, монголы в Персии по сборнику летописей Рашид ад-Дина (издание Этьенн-Марка Катрмера в Париже (1836 г.); генеалогия тюрок и монголов и биография Темучина; древняя история Персии на основе древнегреческих авторов о персах и сказаний «Шах-намэ» Фирдоуси и др.

Наследие профессора Ф. И. Эрдмана отразило развитие отечественной институциональной модели востоковедения в университете и в целом в Казани, тесно связанной с направлениями преподавания восточных языков и комплексных исследований письменных и материальных памятников как историко-культурных источников Востока: поиск рукописей, каталогизация¹, издание и перевод оригинальных текстов; изучение и публикация отдельных памятников и извлечений из разных исторических и литературных источников; описание и каталогизация рукописей и книг и в целом источниковедческое формирование и систематизация рукописной и книжной коллекции народов Востока².

Ф. И. Эрдман также был избран членом-корреспондентом и действительным членом известных научных обществ Европы и России: Парижского азиатского общества (1825 г.), Московского общества истории и древностей российских (1829 г.), Лондонского азиатского общества (1829 г.), Копенгагенского

¹ В этом направлении важной преемственной работой Ф. И. Эрдмана стало издание каталога восточных монет «*Numi Asiatici Musei Universitatis Caesariae Literarum Casanensis quos recensuit et illustravit Franciscus Erdmann*» («Азиатские монеты Музея Казанского Императорского университета, описанные и иллюстрированные Францем Эрдманом»). Казань, 1834. Мирза А. К. Казем-Бек в своем письме академику Х. Д. Френу в июне 1845 г. писал: «Завтрашней почтой я отправляю Вашему превосходительству труд г-на Эрдмана *Numi Asiatici* в двух томах; поскольку Вы пожелали отправить его в Германию, согласно Вашему последнему письму г-ну Пушкину». См.: Эпистолярное наследие российских востоковедов: письма Мирзы А. К. Казем-Бека академику Х. Д. Френу (1831–1846). С. 126.

² Зайцев И. В. О книжном собрании Ф. Эрдмана, находящемся в отделе редких книг Всероссийской государственной библиотеки иностранной литературы // *Эхо веков — Гасырлар авазы*. № 1/2. 2003. С. 227–231.

общества северных древностей (1833 г.), Королевской академии наук истории и древности в Стокгольме (1844 г.), Германского общества ориенталистов (1847 г.), Санкт-Петербургского археолого-нумизматического общества (1849 г.), Императорского Русского географического общества (1850 г.).

10 мая 1840 г. Ф. И. Эрдман принимает присягу на подданство России, но лютеранское вероисповедание сохраняет.

После увольнения из Казанского университета 11 мая 1845 г. начался новый этап биографии Ф. И. Эрмана. Высочайшим приказом он был назначен директором училищ Олонецкой губернии (7 февраля 1847 г.), через два месяца (8 апреля 1847 г.) переведен на должность директора училищ Новгородской губернии, которую занимал до 20 августа 1855 г., был уволен от службы «за выслугу срока, с мундиром, присвоенным должности профессора университета». Ученый умер 14 ноября 1862 г. в возрасте 67 лет, похоронен на лютеранском кладбище в Казани. Его супруга и дети ранее приняли православие.

Педагогическая и научная деятельность Ф. И. Эрмана не нашла подробного и тщательного освещения в дореволюционной отечественной, советской, современной российской и европейской востоковедческой литературе. В российской и германской литературе¹ даже сформировался не совсем объективный образ востоковедческой деятельности Ф. И. Эрмана в России и его роли в истории казанского университетского востоковедения. Академик В. В. Бартольд отразил эту оценку в своем выводе: «Как ученый Эрдман не имел успеха ни в своей родине, ни в России...»² Далее, сравнивая двух первой волны ведущих представителей разряда восточной словесности университета 1820–1840-х гг., он писал: «Несомненно, что создателем казанской

¹ Пока единственным исключением данной традиции остается наша совместная работа с Х. Валравенсом и И. Сериковым по публикации небольшой части писем Ф. И. Эрмана акад. Х. Д. Френу, написанных в 1818–1820-х гг. См.: Franz von Erdmann (1793–1862) als Orientalist in Kazan.

² Бартольд В. В. Работы по истории востоковедения // Сочинения. Т. IX. М.: ГРВЛ, 1977. С. 47.

школы ориенталистов с гораздо большим правом может быть назван Казем-Бек, чем Эрдман»¹. К сожалению, данная оценка до настоящего времени сохранилась в историографии российского востоковедения. Также излишне категоричным представляется вывод о том, что, «проработав вместе более 35 лет в Казанском университете, ни Френ, ни Эрдман не оставили преемников»² [История... 1990, с. 121].

На современном этапе современным известным немецким ученым, специалистом по истории востоковедения, восточного книгопечатания и маньчжуроведом Хартмутом Вальравенсом (Walravens Hartmut) (род. 09.09. 1944 г.) сформирована полная библиография основных работ Ф. И. Эрмана, опубликованных в 1816–1863 гг.³

К сожалению, не дана подробная комплексная оценка его исследований в казанский и последующий периоды педагогической, научной и административной деятельности ученого. Сегодня в различных справочных и энциклопедических изданиях России и Европы, каталогах библиотек университетов Европы (например, в Германии в университетах Ростока и Гёттингена) можно обнаружить списки и традиционные (и электронные) форматы статей и работ, опубликованных Эрманом в 1820–1863 гг.⁴ Особого внимания заслуживают историко-архивные поиски в архивных и библиотечных центрах России и Германии рукописных материалов, посвященных биографии Ф. И. Эрмана, ученому-ориенталисту, отдавшему свою жизнь педагогическим и научным изысканиям по истории и культуре мусульманского Востока.

Первая работа Ф. И. Эрмана «*Descriptio quarundam drachmarum...*» («Описание некоторых драхм...») была связана с переводом с арабского на латинский язык известного труда Х. Д. Френа, посвященного описанию 17 саманидских и буидских

¹ Бартольд В. В. Работы по истории востоковедения. С. 47.

² История отечественного востоковедения до середины XIX в. М.: ГРВЛ, 1990.

³ Franz von Erdmann (1793–1862) als Orientalist in Kazan. С. 11–26.

⁴ URL: <https://opac.sub.uni-goettingen.de/DB=1/SET=1/TTL=22/MAT=/NOMAT=T/REL?PPN=528668358>.

монет (1806 г.). Перевод был опубликован в Гёттингене в 1816 г.¹ Эту работу следует считать важным рубежом в востоковедческой деятельности ученого, которая получила свое развитие в Казанском университете в 1819–1845 гг.

Последней прижизненной опубликованной работой на немецком языке в 1862 г., написанной в имении Фёдоровка, расположенном в Васильсурском уезде Нижегородской губернии (3/15 марта 1859 г.) стала: «Темуджин Несокрушимый. Включая географически-этнографическое вступительное слово, необходимые особые комментарии и приложения профессора д-ра Франца фон Эрдмана» (Лейпциг: Ф. А. Брокгауз, 1862. XIV, 647 с.)².

Нам еще предстоит полностью изучить и опубликовать с переводом на русский язык совместно с Х. Валравенсом и другими заинтересованными коллегами 36 писем (в 94 листах) Ф. И. Эрдмана на немецком языке, начиная с 1818 г. написанных академику Х. Д. Френу из Ростова, Москвы и Казани [СПбФ АРАН. Ф. 778. Оп. 2. Д. 388].

В биографии Ф. И. Эрдмана, истории востоковедения в Казанском университете и арабомусульманских штудий заслуживают внимания переписка и взаимоотношения ученого с ханом Букеевского ханства Джангиром (1801–1845). Их взаимоотношения сыграли важную роль в пополнении университетской библиотеки «драгоценными рукописными сочинениями». Профессор Ф. И. Эрдман в своем донесении в Совет Казанского университета (от 27 мая 1844 г.) писал: «Все сии приношения³,

¹ Christiani Fraehn de qvibvsdam Semanidarvm ac Bvidarvm nvms schediasma, ex lingua arabica in latinam vertit notvlisqve instrvxit Franciscus Erdmann. URL: <https://www.digitale-sammlungen.de/de/view/bsb10741616?page=5> (дата обращения: 25.06.2023).

² Temudschin der Unerschütterliche. Nebst einer geographisch-ethnographischen Einleitung und den erforderlichen besondern Anmerkungen und Beilagen von Professor Dr. Franz von Erdmann. Leipzig, 1862.

³ В 1839 и 1844 гг. хан Джангир преподнес в дар шесть оригинальных арабо-мусульманских рукописных сочинений. См.: История Букеевского ханства. 1801–1852 гг.: сборник документов и материалов. Алматы: Дайк-Пресс, 2002. С. 416.

отзыв и пожертвования в пользу как Казанского университета, так и ученого света, доказывающие и любовь к наукам, и покровительство ученым сословиям и заведениям, а в особенности восточным языкам и их словесности со стороны... хана, дают мне смелость спросить снова почтеннейший Совет университета: не благоугодно ли будет оному избрать хана Чегангира Букеева в почтенные члены Императорского Казанского университета?»¹. 19 июля 1844 г. попечитель Казанского учебного округа М. Н. Мусин-Пушкин сообщал Совету университета об утверждении министром народного просвещения хана Джангира в звании почетного члена Императорского Казанского университета и предлагал «внести хана Букеева в список почетных членов университета и доставить ему на звание диплом»². Проректор университета Ф. И. Эрдман (с 17 декабря 1844 г.) сообщил об исполнении данного поручения 28 октября 1844 г. и писал: «...вместе при том составленный мною список арабским, персидским и турецким рукописным сочинениям, из которых хан желает приобрести по возможности для Казанского университета от бухарцев», покорнейше прошу... Совет утвердить этот список, позволить мне войти в сношение с ханом по этому столь полезному делу для университета»³. Это список включал 60 оригинальных арабо-мусульманских исторических, филологических, религиозных рукописей⁴.

Наши планируемые комплексные архивные исследования и материалы позволяют в дальнейшем написать очерк и критически пересмотреть устоявшийся стереотип о вкладе Ф. И. Эрдымана в формирование ориенталистики в Казанском университете в 1819–1845 гг. и в целом в российскую ориенталистику первой половины XIX в.

Творческое наследие ординарного профессора Ф. И. Эрдымана периода деятельности в Казанском университете отличается

¹ История Букеевского ханства. 1801–1852 гг. С. 417.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 433–434.

комплексностью, характеризуется широтой междисциплинарного подхода, органичным сочетанием филологии, истории, литературы, культуры, религий народов арабо-мусульманского Востока. Профессор Ф. И. Эрдман внес организационный и исследовательский вклад в формирование университетской модели востоковедения в Казани и в целом в России в первой половине XIX в.

Академик Х. Д. Френ, оценивая публикации Франца Эрдемана начала 1820-х гг., писал в своем отзыве: «Притом всякий беспристрастно судящий человек должен согласиться, что оные три сочинения г. Эрдемана¹ ясно свидетельствуют о его быстрой деятельности, его неутомимом прилежании, его великом упражнении в сочинениях по его части и его ревности быть полезным также сочинениями» [ГА РТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 1428. Л. 29 об.].

Оценивая научное наследие профессора Ф. И. Эрдемана, следует учитывать мнение С. Ф. Ольденбурга: «Не следует, однако, их преемникам забывать, что эти же работы создали тот интерес к Востоку, который сделал возможными те быстрые и прочные успехи, которыми гордится востоковедение»² в XIX–XX вв.

В заключение хотелось бы отметить, что неизученное востоковедческое наследие Ф. И. Эрдемана представляет историческое, историографическое и источниковедческое значение и является ярким свидетельством научных и культурных связей России

¹ В основном имелись в виду следующие работы Ф. И. Эрдемана, опубликованные в типографии Казанского университета в 1821–1823 гг.: *Historiam Elmuluk wabhulafā wawelā mekke es's'urafā in compendium redactam Auctore Takkieddino Muhammede fil. Muhammedis fil. Alii, Ex Cod. ms. arab. Bibliothecae Tychsenianae primum edidit notisque illustravit Franciscus Erdmann. Partic. I. Casani: Typis Universitatis Caesareis, 1822; al-Muqni' min ahbār al-mulūk wa-al-ḥulafā' wa-wulāt Makka' al-šurafā' (ta'lif Taqī al-Dīn Muḥammad ibn Aḥmad al-Ḥusnī al-Fāsī [1373–1429]). [История правителя и наместника Мекки]; De manuscripto persico Iskenderi Menesii eruditus huius usque incognito disseruit Franciscus Erdmann. Casani: Typis Universitatis caesareis, 1822. VIII, 28 с.; Arabsiaden ex noto ignoto Ibn Schonah supplevit et emendavit Franciscus Erdmann. Casani: Ex Universitatis Officina Typographica, 1823. XXXII, 30 S.*

² Ольденбург С. Ф. Этюды о людях науки. С. 155.

и Германии. Его биография и наследие — яркий пример и важный фактор российско-германских связей в истории ориенталистики России и Германии XVIII — начала XX в.

И. Ф. Готвальд в Казанском университете (1849–1897): «Серьезный арабист с основательной подготовкой»

Имя и биография Готвальда Иосифа (Йозеф/Осип) Федоровича (Gottwaldt/Gotwald Joseph) (25.10.1813, г. Ратибор, Силезия — 07.08.1897, г. Казань), филолога-востоковеда, арабиста и библиотекаря, вошли в анналы истории казанского востоковедного центра и в целом российского и европейского востоковедения.

В плеяде выпускников университетов Германии, оказавшихся в Публичной библиотеке в Санкт-Петербурге, а также в Казани и Императорском Казанском университете (1840/1841–1897 гг.), он занимает почетное третье место (после Х. Д. Френа и Ф. И. Эрдемана). Выдающийся востоковед и академик И. Ю. Крачковский, оценивая казанских арабистов, писал: «В самом конце 40-х годов (XIX в. — *Р. В.*), уже накануне ликвидации разряда восточной словесности, на университетской кафедре, впервые после Френа, появился серьезный арабист с основательной подготовкой — И. Ф. Готвальд (1813–1897)»¹.

Опубликованные и рукописные материалы о жизни и деятельности И. Ф. Готвальда в Российской империи и Казанском университете отличаются отрывочностью, разнообразием по своему содержанию и происхождению, типологии, степени информативности и отсутствием единой базы архивных документов и полноценным списком работ арабиста и библиотекаря университета. Только их комплексное исследование дает возможность изучить страницы его академической биографии и наследия.

¹ Крачковский И. Ю. Избранные сочинения: [в 6 т.]. Т. V: [Русские и зарубежные востоковеды]. М.; Л., 1958. С. 123.

Отечественные и зарубежные словари и справочные издания достаточно традиционно и кратко описывают биографию И. Ф. Готвальда¹. В них приводятся скудные биографические сведения о востоковеде и его семейном окружении, особенно незначительна информация о его научном вкладе и роли в развитии востоковедения и арабо-мусульманских штудий в Казани и в целом в России, а также в Германии XIX в.

В 1832—1836 гг. И. Ф. Готвальд учился в Бреславльском (Вроцлавском) университете (Восточная Силезия), где изучал восточные языки и литературу. Он занимался у известных немецких ориенталистов Хр.-М. Хабихта (1775—1839) (Habicht, Christian Maximilian) (подготовил к изданию часть текста «1001 ночи» в Бреслау; 1835—1843 гг.) и Г.-Х. Бернштейна (Бернштейн Георг-Генрих) (Georg Heinrich Bernstein (1787—1860) (известный исследователь памятников сирийского языка и литературы). Г.-Х. Бернштейн также известен в истории европейской ориенталистики изданием оды основателя известного на Востоке суфийского ордена Сефевие и родоначальника династии Сефевидов — шейха Сефи ад-Дина Исхака Ардебилли (1816). Подготовкой и публикацией переработанной книги Георга Вильгельма Кирша «Сирийская хрестоматия» (Chrestomathia Syriaca) (1832—1836 гг.).

В 1836 г. И. Ф. Готвальд получил степень доктора философии и магистра свободных искусств, был оставлен при университете

¹ Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского казанского университета (1804—1904): в 2 ч. / под ред. Н. П. Загоскина. Казань, 1904; Готвальд Иосиф Федорович // Сотрудники Российской национальной библиотеки — деятели науки и культуры. Биографический словарь / гл. ред. Л. А. Шилов. СПб., 1995. Т. 1. Императорская Публичная библиотека, 1795—1917. С. 168—172; Готвальд (Gottwaldt; Gotwald) Иосиф / Йозеф / Осип Федорович (Joseph) (13/25 октября 1813, Ратибор, Силезия — 7/19 августа 1897, Казань), филолог-востоковед, арабист, специалист по персидскому языку; действительный статский советник // RusDeutsch: информационный портал российских немцев. URL: <https://enc.rusdeutsch.ru/articles/5902> (дата обращения: 04.07.2022); Gottwald, Joseph Feodorovich // Celebrities. URL: <https://persona.rin.ru/eng/view/f/0/23570/gottwald,-joseph-feodorovich> (дата обращения: 04.07.2022).

для приготовления к профессорскому званию, но вскоре перешел в Ростовский университет.

Эти и другие краткие жизнеописания этапов биографии и особенно научного вклада И. Ф. Готвальда нуждаются в подробной корректировке и дополнении на основе опубликованных и вновь выявленных оригинальных архивных документов. В первую очередь это касается периодов его деятельности в Санкт-Петербурге (1838/1840—1849 гг.) и Казани (1849—1897 гг.).

Первая научная работа И. Ф. Готвальда на латинском языке в области европейской арабистики («Анналы» Хамзы Исфаганского), опубликованная в Бреславле в 1836 г., была посвящена персидскому историку и филологу Хамзе ибн ал-Хасану [ибн] ал-Муаддиб ал-Исфакани (более известен как Хамза ал-Исфакани) (ок. 893 — после 960/961 или 970/971), который писал свои работы на арабском языке¹.

В санкт-петербургский период творчества И. Ф. Готвальд подготовил и опубликовал полную историческую хронику Хамзы ал-Исфакани «Тарих сини мулук ал-ард ва-л-анбий» («Летопись царей земли и пророков»), в 1844—1848 гг. — ее латинский перевод². По свидетельству И. Ю. Крачковского, данные «издание и перевод... приобрели ему известность и до сих пор служат всем арабистам»³.

Истоки арабистической деятельности Иосифа Федоровича связаны с этой исторической и филологической работой и демонстрируют его глубокий научный интерес к письменным памятникам арабо-мусульманской культуры, их поиску и каталогизации и в целом к мусульманской цивилизации. В его арабо-мусульманских студиях в меньшей степени представлено переводческое направление, в особенности переводы на русский язык арабских, персидских, тюркских и османских рукописей. Вполне естественно, что в основном переводы

¹ Hamsae Ispahanensis Annalium caput quartum. Vratislaviae, 1836.

² Hamsae Ispahanensis Annalium Libri X. / Ed. J. M. Gottwaldt. T. I. Textus arabicus, Petropoli, 1844; Translatio latina, Lipsiae, 1848.

³ Крачковский И. Ю. Избранные сочинения: [в 6 т.]. Т. V. С. 123.

текстов арабо-мусульманских авторов связаны с латинским и немецким языками.

Санкт-петербургский период жизни И. Ф. Готвальда (1840–1849 гг.) был связан с его должностью библиотекаря восточного отделения Императорской Публичной библиотеки (утвержден в должности в 1844 г.). В 1847 г. была опубликована его небольшая работа на французском языке «Заметка об одной арабской рукописи, содержащей продолжение всемирной истории Абу-л-Фида»¹. В этой публикации библиотекарь И. Ф. Готвальд, основываясь на материалах своих рукописных поисков, сообщал о том, что им обнаружена рукопись неизвестного продолжателя труда знаменитого арабского историка Абу-л-Фида.

Также до своего окончательного приезда в Казань в 1849 г. востоковед публикует в немецком журнале «*Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft*»² еще одну работу арабистической направленности — статью «*Aus einem Briefe des Bibliothekar Dr. Gottwaldt*» («Из письма библиотекаря д-ра Готвальда»). В ней он прокомментировал сложные моменты, с которыми столкнулся немецкий востоковед И.-Г.-Л. Козегартен³ при разборе автобиографии шейха Тантави, с которым И. Ф. Готвальд имел длительные и теплые дружеские и профессиональные связи, а также вел переписку.

¹ Gottwaldt I. Notice d'un manuscrit araberfermant une continuation de l'histoire universelle d'Aboulféda. Paris, 1847. 24 s.

² Gottwaldt I. Aus einem Briefe des Bibliothekar Dr. Gottwaldt // *Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft*. Т. 4. Leipzig, 1850. S. 243–247.

³ Иоанн Готтфрид Людвиг Козегартен (1792–1860) (Johann Gottfried Ludwig Kosegarten) — немецкий ориенталист и историк, член-корреспондент Петербургской академии наук (1839 г.). Автор европейской арабской хрестоматии, опубликованной в 1828 г. на латинском языке, а также Сирийской хрестоматии (*Chrestomathia Syriaca*) (1832–1836 гг.). См.: *Arabica ex codicibus manuscriptis Parisiensibus, Gothanis et Bero-linensibus collecta atque tum adscriptis vocalibus*. См.: Johann Gottfried Ludwig K. [Электронный ресурс]. URL: https://de.wikisource.org/wiki/ADB:Kosegarten,_Gottfried (дата обращения: 12.07.2022).

Интерес ученого к арабистическим, иранистическим и тюркологическим исследованиям сохранился и углубился в Казанском университете в 1849–1897 гг.¹ Направления его многогранной библиотечной и арабистической, а также более разносторонней арабо-мусульманской исследовательской деятельности расширились и углубились в стенах Казанского университета. И. Ю. Крачковский дал высокую оценку этому завершающему земной путь ученого и просветителя этапу: «Готвальд всю свою жизнь связал с Казанью, провел почти пятьдесят лет в скромной должности библиотекаря университета и инспектора университетской типографии, сделав очень много для арабистики не только в местном масштабе»².

Различные материалы и документы о казанском периоде деятельности И. Ф. Готвальда представлены в фондах Государственного архива Республики Татарстан (ГА РТ), посвященных попечителю Казанского учебного округа, Казанскому университету и др. Их можно классифицировать как биографические и административно-служебные сведения и факты о назначении в университет, о почти 50-летней педагогической, научной и общественной деятельности в Казани, о его окружении (семья, преподаватели, профессора, студенты, атмосфера университета и др.) в Казанском университете и разнообразные факты и материалы, освещающие его личные связи и роль в развитии дисциплинарного статуса востоковедения и арабо-мусульманских студий после закрытия в 1855 г. восточного разряда в университете.

¹ Диван-и хикмет (сборник изречений) Ходжи Ахмеда Ясави. 3-е изд. Казань, 1893; Описание арабских рукописей, принадлежавших Библиотеке Казанского университета. Казань: Унив. тип., [1855]. [2], X, 302 с.; Опыт арабско-русского словаря на Коран, семь моаллакат и стихотворения Имрулькейса. Казань: Унив. тип., 1863. 507 с.; Хикам (изречения) Ходжи Ахмеда Ясави, на джагат. яз. 1-е изд. Казань, 1878; Хикам (изречения) Ходжи Ахмеда сына Ибрагима, сына Махмуда, сына Ифтихара, Ясави. Изд. 2-е Ш. Хусеинова. Казань, 1887.

² Крачковский И. Ю. Избранные сочинения: [в 6 т.]. Т. V. [Русские и зарубежные востоковеды]. С. 123.

Особое место в сравнении с документами Государственного архива Республики Татарстан и даже с фондами исторических архивов и библиотек Москвы и Санкт-Петербурга занимают личный фонд и материалы, связанные с И. Ф. Готвальдом, в Отделе рукописей и редких книг Научной библиотеки им. Н. И. Лобачевского КФУ, а также, безусловно, его личной библиотеки, переданной университету в 1895—1897 гг.¹

Нужно особо отметить очень ценную коллекцию арабомусульманских рукописей, которую И. Ф. Готвальд собрал на протяжении своей жизни и пожертвовал университету. В 1895 г. он передал университету 111 уникальных единиц хранения. «Фонд профессора Иосифа (Йозеф/Осип) Федоровича Готвальда» до настоящего времени сохранился как отдельное единое собрание и имеет большое научное и гуманистическое значение в истории арабо-мусульманских исследований в России и Европе. Разнообразие и широта репертуара рукописей из фонда И. Ф. Готвальда дает в целом достаточно содержательное представление о литературной и текстологической культуре письменного и культурного наследия мусульманского Востока широкого хронологического среза.

Рукописный фонд и библиотека книг И. Ф. Готвальда по просьбе Совета университета были описаны и опубликованы в 1900 г. профессором Н. Ф. Катановым (1862—1922). Арабографическая часть фонда до настоящего времени, к сожалению, не подвергалась полному и комплексному археографическому и источниковедческому изучению. Для всестороннего представления о его полном составе в будущем еще предстоит серьезная комплексная работа над арабоязычной, тюркоязычной и османской частями коллекции. Знакомство с библиотекой и рукописными памятниками И. Ф. Готвальда дает возможность определить его мировоззрение, источниковедческие и арабо-мусульманские интересы. Уникальная коллекция иллюстрирует его научные, нравственные и эстетические поиски и в целом направления

¹ Катанов Н. Ф. Императорского казанского университета почетный член, профессор и библиотекарь Иосиф Федорович Готвальд. Казань, 1900. 240 с.

развития востоковедения в Казани во второй половине XIX в. По значимости представленных в ней трудов она, безусловно, имеет исключительную ценность для современной ориенталистики России и Европы.

В последние годы сотрудник Отдела рукописей и редких книг Научной библиотеки К(П)ФУ А. А. Арсланова взяла на себя кропотливый труд изучения и каталогизирования персоязычной части фонда, включающей сочинения различных исторических эпох и жанров иранской культуры¹.

По оценке к.и.н. А. А. Арслановой: из общего числа единиц хранения, составляющих арабографическую часть рукописей фонда, в настоящее время выявлено 46 персоязычных списков (включая 1 сборник). Большая их часть имеет отношение к художественной литературе. Имеются также рукописи по фикху, суфизму, этике, агиографии, лексикографии, грамматике, истории, космографии, тафсиры, жизнеописание Мухаммада, письма, документы, календари и др. В целом эти списки датируются широкими хронологическими рамками — от XIV до конца XIX в., а география переписки простирается от Казани до Бухары.

В данном случае хотелось бы отметить наиболее ценные из выявленных рукописей. Самым древним является манускрипт сочинения «'Аджа'иб ал-махлукат ва гара'иб ал-мауджудат» («Чудеса творений и диковины существующего») знаменитого космографа, географа и натуралиста Закарийи ибн Мухаммада ал-Казвини (1203–1283), который представляет собой перевод с арабского языка на персидский.

«'Аджа'иб ал-махлукат» — это монументальная космографическая энциклопедия, в которой в форме коротких статей, сопровождающихся иллюстрациями, описывается всеобъемлющая картина Вселенной. Труд написан в жанре мирабилей и имел

¹ См.: Арсланова А. А. Описание рукописей на персидском языке Научной библиотеки им. Н. И. Лобачевского Казанского государственного университета. М.; Казань, 2005. Вып. I. 576 с.; Арсланова А. А. Описание рукописей на персидском языке Научной библиотеки им. Н. И. Лобачевского Казанского (Приволжского) федерального университета. Вып. II. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2015. 796 с.

большое значение для развития этого направления в арабской и персидской литературах. К сожалению, пока не обнаружены сведения об истории поступления списка в распоряжение И. Ф. Готвальда, как, впрочем, и всех остальных списков фонда. Сохранились лишь начало и конец рукописи, но переписчик, место и дата переписки в колофоне не указаны. А. А. Арсланова считает, что имеются весомые основания для отнесения по палеографическим признакам (элементам архаичной орфографии, свойствам бумаги и т. д.) собственно рукописной части к XIV в., а художественное оформление в начале и конце рукописи (колотритные миниатюры, развернутый фронтиспис и переплет), скорее всего, датируется более поздним периодом, возможно, они были добавлены в XVI — начале XVII в. Список снабжен мастерски выполненными небольшими, иногда по две или три на странице, миниатюрами, изображениями астрономических фигур, картами, иллюстрирующими содержание сочинения; всего на 273 страницах размещены 432 миниатюры, 18 схем, изображений магических квадратов, черно-белая карта.

Произведения персидской художественной литературы представлены в фонде замечательными рукописями. Нужно отметить два списка сочинений Маулана 'Абд Аллаха Хатифи (1454—1521) — персидского историка и поэта конца правления династии Тимуридов (нач. XVI в.) и начала эпохи Сефевидов (1502 г.), племянника поэта-мистика и шейха Джамии (1414—1492). Это, во-первых, полный список «Хамсе» («Пятерица»), а именно «Книги о Тимуре и четырех других поэм», переписанной мелким каллиграфическим наста'ликом Ахмадом Джамии в г. Бухаре в 1588 г. В начале рукописи мы видим небольшой изящный унван с растительным декором, выполненный золотом, а ниже — автограф И. Ф. Готвальда на латинском языке. Имеется еще один полный список поэмы «Хафт манзар» («Семь видов») того же автора, переписанный Мухаммад-Гали Махмудовым в 1854 г. В этой рукописи представлен автограф И. Готвальда на французском языке. Несомненно, интересен и полный список XV в. первого и второго дафтаров мистико-дидактической поэмы «Маснави-йи Ма'нави» («Поэма о Скрытом Смысле») знаменитого персидского

мистика и поэт Джалал ад-Дина Руми (1207–1273). В связи с этим важен и полный список XVII в. анонимного сочинения «Дака'ик ал-хака'ик би хазрат моулана», представляющий собой произведение-подражание на «Маснави» Джалал ад-Дина Руми.

Нужно выделить также два неполных списка поэтических диванов: Мирзы 'Абд ал-Кадира Бедиля (1644–1720), оказавшего большое влияние на развитие философской и общественной мысли в среднеазиатской, особенно в таджикской и узбекской поэзии и литературе (XIX в., переписан в Средней Азии), и Камала ад-Дина Худжанди (1321–1391/1400), персидского поэта-мистика, суфийского шейха и теолога (XIX в. (?), с 16-й по 151-ю газель).

В области фикха стоит обратить внимание на полный список 1797 г. комментария на персидском языке о ханафитском наследственном праве «Шарх-и Мулла Йунус» (Комментарии Имама деревни Ура Казанского уезда Муллы Йунуса бин Ивана Казани (род. 1637 — ум. между 1688 и 1691 гг.) на книгу «О наследстве» Сиджаванди). В этом списке также имеется автограф И. Ф. Готвальда на французском языке.

В разделе «Жизнеописание Мухаммада» размещен полный список XVII в. «Раузат ал-ахбаб фи сийар ан-Наби ва-л-Ал ва-л-асхаб» («Сад друзей, посвященный жизнеописанию Пророка, его семьи и сподвижников»). Автор — Амир Джамал ад-Дин 'Ата'аллах ибн Фазлаллах ал-Хусайни Даштаки Ширази Хират — написал это сочинение в 1494–1495 гг. по заказу Мир 'Али-Шира Навани.

Заслуживает внимания полный список по этике 1642 г. «Ахлак-и Насири» («Насирова этика») знаменитого ученого-энциклопедиста, мусульманского философа, астронома и богослова, государственного деятеля Насира ад-Дина Туси (1201–1274 гг.). Это сочинение получило широкую известность на мусульманском Востоке, в том числе в Дагестане и Волго-Уральском регионе. Известен переписчик — 'Абд Аллах ибн Мухаммад Файиз ал-Хусайни. В начале списка имеется автограф И. Ф. Готвальда¹.

¹ Подроб. см.: Валеев Р. М., Арсланова А. А., Валеева Р. З. Профессор-арабист И. Ф. Готвальд в Казанском университете и его арабо-мусульманские исследования (1849–1897 гг.) // Ближний Восток и его соседи: сборник статей к 70-летию профессора Николая Николаевича

В рассматриваемом фонде представлен еще один неполный список по этике конца XVII — начала XVIII в. (?) сочинения «Ахлак-и Мухсини» («Мухсинова этика») Камала ад-Дина Хусайна ибн ‘Али ал-Кашифи (ум. в 1504–1505) — одного из ярких представителей общественно-философской мысли мусульманского Средневековья, крупного мыслителя, ученого, писателя и поэта, астронома и философа XV в., который был проповедником при султানে Хусейне Байкаре (1438–1506), правителе Хорасана и представителе династии Тимуридов. Часть текста утрачена, после вступления следует глава 16 («О прощении»), что отмечено на латыни рукой И. Ф. Готвальда.

Интересен неполный ветхий список по агиографии XVIII в. «Тазкират аш-шу’ара» («Биографии поэтов») — известного сочинения Давлашаха ибн ‘Ала ад-Даула Бахтишаха ал-Гази ас-Самарканди (ум. 1494–1496 г.), представляющего собой антологию произведений арабских, персидских и таджикских поэтов X–XV вв., созданную в 1487 г.

Среди тафсиров следует отметить неполный список «Джавахир ат-тафсир ли-тухфат ал-Амир» («Драгоценности толкования для подарка эмиру»), или «Тафсир аз-Захравайн», Камала ад-Дина Хусайна б. ‘Али Ва’из Кашифи. Сочинение представляет собой посвященный Мир ‘Али-Ширу Навои (1441–1501) комментарий широкого плана, который не был продолжен дальше первого тома. Здесь также имеется автограф И. Готвальда. Его рукой черными чернилами аккуратно расписано содержание книги по сурам, на полях рукописи в разных местах на латыни отмечены номера сур.

В фонде сохранился и неполный список 1629–1630 гг. сур I–XXI «Тафсир-и Хусайни» Йа’куба б. ‘Осман б. Махмуд б. Мухаммад ал-Газнави, а затем ал-Чархи (ум. 1434–1435), ученика известного бухарского шейха Баха ад-Дина Накшбанда (ум. в 1447 г.) — одного из выдающихся руководителей ордена накшбандийа. Известно имя переписчика — это Йусуф бин Мулла Айад бин Гаффар.

Дьякова / сост., отв. ред. А. С. Матвеев; Восточный факультет Санкт-Петербургского государственного университета. СПб.: Арт-Экспресс, 2023. С. 291–300.

Автографы И. Ф. Готвальда на латыни, французском и немецком языках, обнаруженные в 14 персоязычных списках, свидетельствуют о его кропотливой текстологической работе со своей личной коллекцией. Некоторые рукописи, по-видимому, были переписаны по его личной просьбе. Пометки свидетельствуют о тесном творческом общении в этом плане с известным востоковедом и дипломатом Н. В. Ханьковым (1822–1878), преподавателем тюрко-татарского языка и восточной каллиграфии, художником-каллиграфом, мастером книжной миниатюры, статским советником Мухаммад-Галеем (Али) Махмудовым (1820–1891) и преподавателем персидского языка в Казанском университете Н. Сониным (Н. Д. Багиров) (1804–1861).

Библиотека И. Ф. Готвальда, переданная в университет им самим в 1895 г., а также дочерью ученого после его смерти, включает европейские, русские и восточные напечатанные книги в основном XVIII–XIX вв. Особую ценность имеют, к сожалению, до настоящего времени подробно не изученные рукописные издания различных авторов и И. Ф. Готвальда на латинском, европейских и восточных языках.

Сегодня Казанский федеральный университет и современное российское востоковедение вправе гордиться именем и арабо-мусульманским наследием профессора И. Ф. Готвальда, и он не должен быть предан забвению.

Перспективным направлением научного исследования остается поиск и систематизация опубликованных и архивных материалов, обобщение современного историко-научного, этнокультурного и социокультурного образа ориенталистики, развивающейся в центральных и региональных центрах академической и университетской науки России XVIII — нач. XXI в.

Литература

Сокращения:

ГА РТ — Государственный архив Республики Татарстан
РГИА — Российский государственный исторический архив
СПбФ АРАН — Санкт-Петербургский филиал архива РАН

1. Christiani Fraehn de quibusdam Semanidarum ac Buidarum numis schediasma, ex lingua arabica in latinam vertit notulisque instruxit Franciscus Erdmann. URL: <https://www.digitale-sammlungen.de/de/view/bsb10741616?page=5> (дата обращения: 25.06. 2023).

2. Fraehn Ch. *Китаб сигат ба 'д ад-дарахим ал-лати дараба-ха бану Сасан уа бану-д-Дайлами уа му'заму-ха гайр ма 'лум инда ахль аль-ильм ила аль-йаум уа накл хатт китабати-ха аль-куфи* [Книга о внешнем виде некоторых дирхемов, чеканенных Сасанидами и дейлемитами и доньине в большинстве своём неизвестных науке, с отображением надписей на них куфийским письмом]. Казань, 1808.

3. Frähn C. M. De quibusdam Samanidarum as Buidarum numis schediasma, e lingua Arabica in latinam vertit, notulisque instruxit Fr. Erdmann. Gottingen, 1816.

4. Franz von Erdmann (1793–1862) als Orientalist in Kazan. Im Spiegel seiner Briefe an Christian Martin Frähn. Die Jahre 1818–1820 / Hrsg. H. Walravens, N. Serikoff. BoD-Books on Demand. Norderstedt, 2021. 89 с.

5. Fück J. W. Frähn, Christian // Neue Deutsche Biographie. 5 (1961). С. 309–310 [Online-Version]; URL: <https://www.deutsche-biographie.de/pnd104228458.html#ndbcontent> (дата обращения: 12.06.2022).

6. Gottwald, Joseph Feodorovich // Celebrities. URL: <https://persona.rin.ru/eng/view/f/0/23570/gottwald,-joseph-feodorovich> (дата обращения: 04.07.2022).

7. Gottwaldt I. Aus einem Briefe des Bibliothekar Dr. Gottwaldt // Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft. Т. 4. Leipzig, 1850. S. 243–247.

8. Gottwaldt I. Notice d'un manuscrit araberenfermant une continuation de l'histoire universelle d'Aboulféda. Paris, 1847. 24 s.

9. Hamsae Ispahanensis Annalium caput quartum. Vratislaviae, 1836.

10. Hamsae Ispahanensis Annalium Libri X. / Ed. J. M. Gottwaldt. T. I. Textus arabicus, Petropoli, 1844; Translatio latina, Lipsiae, 1848.

11. [Ch. M. Fraehni] Opuscula postuma. Ed. B. Dorn. SPb., 1851–1877. 2 vols.

12. Temudschin der Unerschütterliche. Nebst einer geographisch-ethnographischen Einleitung und den erforderlichen besondern Anmerkungen und Beilagen von Professor Dr. Franz von Erdmann. Leipzig, 1862. XIV, 647 с.

13. Азиатский музей — Ленинградское отделение Института востоковедения АН СССР. М.: Наука, Главная редакция восточной литературы, 1972. 595 с.

14. Азиатский музей — Институт восточных рукописей РАН: путеводитель. М.: Восточная литература, 2018. 895 с.

15. Академик-востоковед В. П. Васильев: Казань — Пекин — Санкт-Петербург (очерки и материалы) // Р. М. Валеев, Х. Валравенс, В. Г. Дацышен, О. П. Еланцева, В. Ю. Жуков, И. В. Кульганек, Лю Лицю, Д. Е. Мартынов, Д. И. Маяцкий, Т. А. Пан, В. Л. Успенский. Сост. Т. А. Пан; отв. ред. Р. М. Валеев и И. В. Кульганек. СПб.; Казань: Издательство «Петербургское востоковедение», 2021. 320 с.

16. Алексеев В. М. Восток и наука о Востоке // Наука о Востоке. Статьи и документы. М.: Наука, Главная редакция восточной литературы, 1982.

17. Аль-Музаффарийа. Сборник статей учеников профессора барона Виктора Романовича Розена ко дню двадцатипятилетия его первой лекции 13-го ноября. 1872—1897. СПб., 1897.

18. Арсланова А. А. Описание рукописей на персидском языке Научной библиотеки им. Н. И. Лобачевского Казанского государственного университета. М.; Казань, 2005. Вып. I. 576 с.

19. Арсланова А. А. Описание рукописей на персидском языке Научной библиотеки им. Н. И. Лобачевского Казанского (Приволжского) федерального университета. Вып. II. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2015. 796 с.

20. Бартольд В. В. Работы по истории востоковедения // Сочинения. Т. IX. М.: Главная редакция восточной литературы, 1977. 969 с.

21. Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского казанского университета (1804—1904): в 2 ч. / под ред. Н. П. Загоскина. Казань, 1904.

22. Биография и научное наследие востоковеда О. М. Ковалевского (по материалам архивов и рукописных фондов) / изд. Р. М. Валеев, В. Ю. Жуков, И. В. Кульганек, Д. Е. Мартынов, О. Н. Полянская; отв. и науч. ред. Р. М. Валеев и И. В. Кульганек. СПб.; Казань: Петербургское востоковедение, 2020. 440 с.

23. Булич Н. Н. Из первых лет Казанского университета (1805—1819). Ч. 1. Изд. 2. СПб., 1904.

24. Готвальд (Gottwaldt; Gotwald) Иосиф / Йозеф / Осип Федорович (Joseph) (13/25 октября 1813, Ратибор, Силезия — 7/19 августа 1897, Казань), филолог-востоковед, арабист, специалист по персидскому языку; действительный статский советник [Электронный ресурс] // RusDeutsch: информационный портал российских немцев. URL: <https://enc.rusdeutsch.ru/articles/5902> (дата обращения: 04.07.2022).

25. Готвальд Иосиф Федорович // Сотрудники Российской национальной библиотеки — деятели науки и культуры. Биографический словарь / гл. ред. Л. А. Шилов. СПб., 1995. Т. 1. Императорская Публичная библиотека. 1795—1917. С. 168—172.

26. Валеев Р. М. Ориенталистика в Казанском университете (1807—20-е гг. XX в.). Lambert, 2019. 303 с.

27. Валеев Р. М., Валеева Р. З., Hartmut Walravens, Эрдман А. В. Востоковед Эрдман Франц (Эрдман Ф. И.) (1795—1862) и его наследие в архивах России и Германии // V Международная научная конференция «Архивное востоковедение». Москва, 17—19 ноября 2021 г. М., 2021. С. 43—45.

28. Валеев Р. М., Валеева Р. З., Эрдман А. В. Профессор-ориенталист Франц Эрдман в Казанском университете (1818—1845гг.) // *Эхо веков — Гасырлар авазы*. № 2. 2021. С.88—102.

29. Валеев Р. М., Эрдман А. В., Валеева Р. З. Профессор-ориенталист Франц Эрдман в истории казанского востоковедения (1818—1845) // Немцы в Санкт-Петербурге: Биографический аспект. XVIII — XX вв. Вып. 13. СПб.: МАЭ РАН, 2022. С. 295—310.

30. Веселовский Н. И. 30 лет ученой деятельности барона В. Р. Розена // Журнал Министерства народного просвещения. Ч. 344. 1902. С. 157—161.

31. Гордлевский В. А. И. Ю. Крачковский (общая характеристика) // Советское востоковедение. № 4. 1947. С. 13—18.

32. Гульбин Г. Г. Биобиблиографический словарь русских и советских арабистов. Ч. 2-я. М—Я // Неизвестные страницы отечественного востоковедения. Вып. IV. М.: Издательская фирма «Восточная литература», 2014. С. 290—294.

33. Диван-и хикмет (сборник изречений) Ходжи Ахмеда Ясави. Изд. 3-е. Казань, 1893.

34. Дорн Б. А. Академик Френ и его научная деятельность // *Ученые записки имп. Академии наук*. Т. 3. Вып. 2. 1855. С. 431—465.

35. Загоскин Н. П. История Имп. Казанского университета за первые сто лет его существования. 1804—1904. Т. 1. Казань, 1902.

36. Зайцев И. В. О книжном собрании Ф. Эрдмана, находящемся в отделе редких книг Всероссийской государственной библиотеки иностранной литературы // *Эхо веков — Гасырлар авазы*. № 1/2. 2003. С. 227—231.

37. Замечания во время путешествия по берегам Камы и в Оренбургскую губернию // *Заволжский муравей*. 1834: 1, с. 157–161; 2, с. 76–89; 6, с. 324–347.

38. Из истории казанской иранистики: Сборник документов / Отв. сост. Л. В. Горохова; сост. О. Е. Пантелеева, О. В. Федотова, Н. А. Шарангина. Казань: Главное архивное управление при Кабинете Министров Республики Татарстан, 2013. 208 с.

39. История Букеевского ханства. 1801–1852 гг. Сборник документов и материалов. Алматы: Дайк-Пресс, 2002. 1118 с.

40. История отечественного востоковедения до середины XIX в. М.: Наука, Главная редакция восточной литературы, 1990. 434 с.

41. История отечественного востоковедения с середины XIX века до 1917 года. М.: Издательская фирма «Восточная литература», 1997. 534 с.

42. Казем-Бек Мирза А. К. О появлении и успехах восточной словесности в Европе и упадке ее в Азии // *Журнал министерства народного просвещения*. Ч. XI. Отд. II. 1836. С. 243–269.

43. Катанов Н. Ф. Императорского казанского университета почетный член, профессор и библиотекарь Иосиф Федорович Готвальд. Казань, 1900. 240 с.

44. Ковалевский О. М. Обзорение хода и успехов преподавания азиатских языков в Императорском Казанском университете до настоящего времени. Казань, 1842. 36 с.

45. Кононов А. Н. Слово о Х. Д. Френе (23.V.1782–16.VII.1851). К 200-летию со дня рождения // Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока. XVII годичная научная сессия ЛО ИВ АН СССР (доклады и сообщения), январь 1982 г. Ч. 1. М.: Наука, Главная редакция восточной литературы, 1983. С. 3–11.

46. Крачковский И. Ю. Очерки по истории русской арабистики // Избранные сочинения. Т. V. М.-Л.: Издательство Академии наук СССР, 1958. 564 с.

47. Куликова А. М. Востоковедение в российских законодательных актах (конец XVII в. — 1917 г.). СПб.: «Петербургское востоковедение», 1993. 448 с.

48. Описание арабских рукописей, принадлежавших Библиотеке Казанского университета. Казань: Унив. тип., [1855]. [2], X. 302 с.

49. Опыт арабско-русского словаря на Коран, семь моаллакат и стихотворения Имрулькейса. Казань: Унив. тип., 1863. 507 с.

50. Мазитова Н. А. Изучение Ближнего и Среднего Востока в Казанском университете (первая половина XIX века). Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1972. 255 с.

51. Материалы для истории факультета восточных языков Санкт-Петербургского университета. Т. IV. Обзор деятельности факультета, 1855—1905, составленный проф. В. В. Бартольдом. СПб., 1909. 206 с.

52. Немецкий профессор Франц Эрдман и его арабо-мусульманские исследования в Казани (1819—1845 гг.) // Ломоносовские чтения. Востоковедение и африканистика (Москва, 20—29 апреля 2021 г.): тезисы докладов научной конференции / Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Институт стран Азии и Африки; отв. ред. Н. С. Кулешов. М.: Издательство Московского университета, 2021. С. 12—13.

53. Немцы России. Энциклопедия. Т. 3. (П—Я). М., 2006. 893 с.

54. Ольденбург С. Ф. Коссович Каетан Андреевич // Этюды о людях науки / сост. А. А. Вигасин. М.: Российский государственный гуманитарный университет, 2012. 477 с.

55. Ольденбург С. Ф. Этюды о людях науки / сост. А. А. Вигасин. М.: Российский государственный гуманитарный университет, 2012. 477 с.

56. Памяти академика В. Р. Розена: Статьи и материалы к сорокалетию со дня его смерти (1908—1948) / ред. И. Ю. Крачковский. М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1947.

57. Памяти барона Виктора Романовича Розена. Сообщения, читанные в заседании отделения 20 ноября 1908 г, и список трудов барона В. Р. Розена // Записки Восточного отделения Русского археологического общества. Т. XVIII. 1909. С. 1—48.

58. Переписка академиков А. Е. Крымского и И. Ю. Крачковского 1920—1930-х годов (Публикация И. М. Смилянской). Неизвестные страницы отечественного востоковедения. М.: Издательская фирма «Восточная литература», 1997.

59. Ромодин В. А. Новые материалы для биографии академика Френа // Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока. VII годичная научная сессия ЛО ИВ АН. М., 1972. С. 111—115.

60. Савельев П. С. О жизни и ученых трудах Френа. СПб., 1855. 83 с.

61. Тизенгаузен В. Г. Заметка в память Х. Д. Френа // *Северная пчела*. № 183. 1860.

62. Тизенгаузен В. Г. Френовы рукописи и академик Дорн. Варшава, 1877. 15 с.

63. Федоров-Давыдов Г. А. Х. М. Френ — нумизмат и эпитаграфист (К 200-летию со дня рождения) // *Нумизматика и эпиграфика*. Т. XIV. 1984. С.176–179.

64. Хикам (изречения) Ходжи Ахмеда Ясави, на джагат. яз. 1-е изд. Казань, 1878.

65. Хикам (изречения) Ходжи Ахмеда сына Ибрагима, сына Махмуда, сына Ифтихара, Ясави. Изд. 2-е Ш. Хусеинова. Казань, 1887.

66. Шамов Г. Ф. Роль востоковедов Казанского университета в изучении Монголии и Китая (первая половина XIX века). Дис. ... канд. ист. наук. Казань, 1956.

67. Эпистолярное наследие российских востоковедов: Письма Мирзы А. К. Казем-Бека академику Х. Д. Френу (1831–1846) / Отв. ред. Р. М. Валеев; перевод с англ. Т. И. Зяппарова, М. В. Поникаровской; подготовка к изданию, предисловие, комментарии Р. М. Валеева, Т. И. Зяппарова, Т. В. Костиной, О. А. Кириковой; вступит. статьи Н. Н. Дьякова, И. Ф. Поповой, И. В. Тункиной. Казань: Артефакт, 2015. 214 с.

Alexander S. Zdanevich

**The Crisis of Autocracy
in Russia (the mid-19th —
early 20th C.) and the Role
of the Russian Volunteer
Movement during
the Anglo-Boer War**

Abstract. The crisis of autocracy in Russia became a trigger for destructive processes in Russian society and at the same time gave rise to the phenomenon of the Russian volunteer movement. This study intends to demonstrate a cross-section of the period, starting from the events of the mid-19th century, taking into account the global confrontation between Great Britain and Russia.

The participation of Russian volunteers in the Anglo-Boer War (1899–1902) deserves special discussion. The British invasion of the Orange Free State and Transvaal caused widespread public outcry throughout the world. Russia was no exception. The solidarity of Russian society in the struggle for the independence of the Afrikaners is due to a number of factors. To a large extent, this was caused by the “weak” position of European states that tried not to be involved in confrontation with Great Britain.

Russian volunteers took an active part in many armed conflicts, at times contrary to the official foreign policy doctrine of the state. One of the most important factors determining the phenomenon of volunteerism was the awareness of the need to provide assistance to those who needed it, especially if this was related to the preservation or achievement of freedom and independence. This characterizes the very essence of the evolution of the social consciousness in Russia towards the formation of a “new” person, the one who, at the cost of his own life, is ready to defend the future of a world free from prejudice and violence.

Keywords. Volunteers; Anglo-Boer War; South Africa; Russian Empire.

А. С. Зданевич

Кризис самодержавия в России и роль русского добровольческого движения в ходе англо-бурской войны (середина XIX — начало XX в.)

Аннотация. Кризис самодержавия в России стал пусковым механизмом деструктивных процессов в российском обществе, породив собой феномен русского добровольческого движения. Данное исследование призвано продемонстрировать срез эпохи, отталкиваясь от событий середины XIX века, с учетом глобального противостояния Великобритании и России. В данном контексте особого внимания заслуживает участие русских добровольцев в англо-бурской войне (1899–1902).

Вторжение Великобритании на территорию Оранжевого свободного государства и Трансвааля вызвало широкий общественный резонанс во всем мире. Россия не стала исключением. Солидарность российского общества в борьбе за независимость африканеров обусловлена целым рядом факторов. В немалой степени подобный характер был вызван «слабой» позицией европейских государств, старавшихся не вовлекаться в противостояние с Великобританией.

Русские добровольцы принимали активное участие во многих вооруженных конфликтах, временами вопреки официальной внешнеполитической доктрине государства. Одним из важней-

ших факторов, обуславливающих феномен добровольчества, стало осознание необходимости оказания помощи тем, кто в ней нуждался, тем более если это было связано с сохранением и завоеванием свободы и независимости. Это само по себе в достаточной степени характеризует саму суть эволюции общественного сознания в России в сторону формирования «нового» человека, того, кто ценой собственной жизни готов отстаивать будущее мира, свободного от предрассудков и насилия.

Ключевые слова. Добровольцы; англо-бурская война; Южная Африка; Российская империя.

The objective of this article involves an attempt to rethink the fact of the participation of Russian volunteers in the Anglo-Boer War (1899–1902) — an important historical episode that for a short period of time united Russia and the Boer republics of Transvaal and the Orange Free State in confrontation with the British Empire.

A modern view of the evolution of Russian society in the 19th century will allow us to pay attention to the patterns and historical background for the emergence of the Russian volunteer movement. It should be noted that the participation of Russian volunteers in national liberation movements in Europe and Africa can be traced throughout the 19th century.

The background of the story for us will be mainly the event outline, including the prerequisites for liberal reforms in Russia, the reaction of the ruling Romanov dynasty, and the peculiarities of foreign policy. It is worth emphasizing that the role of Russia in the international arena in the 19th century determined by its geographical location, geopolitical, strategic and economic interests, as well as military potential and resources.

It seems that now is the right moment to rethink the global confrontation between Great Britain and Russia, focusing on the socio-political processes and events of the 19th century. The modern historical context is of paramount importance for us, since we still observe, and it is important to note a similar wary attitude towards British foreign policy among foreign fellow historians.

*“In the first place, we must remember the historical background from which British sea-power started. German writers seem to consider that the oceans of the world were peacefully opened to the nations till the selfishness and hostility of England stepped in and claimed a monopoly”.*¹

Since the moment of summing up the results of the Patriotic War of 1812, public consciousness in Russia has experienced a rise in patriotic feelings, which we understand as the spiritual unity of the people, manifesting itself most clearly in years of hardship and danger. By the end of the 19th century, the degree of social tension had not decreased at all. The struggle for the freedom of the enslaved, which remained in the minds of people, was superimposed on the heightened sense of justice and the desire to help the “weak”, so characteristic of the Russian people both then and in our days.

The ground for this kind of internal evolution of the consciousness of Russian society was provided by practically constant conflicts happened throughout the 19th century both within the Russian Empire and beyond. The confrontation, varied in intensity, was united by the widest geography of geopolitical and economic interests of the Great Powers, striving for the final redistribution of spheres of influence in the world. To varying degrees and at different periods, Russia was forced to become involved in conflicts with the Ottoman Empire, Great Britain, and France. Quite often the “honor and freedom” of the oppressed peoples were defended by Russian volunteers where and when the confrontation was not direct, but was of great strategic importance.

“Patriotic feelings of society and an individual are a complex and multifaceted psychosocial phenomenon. Its political component, depending on the specific historical situation in society, can vary from full support of the existing political regime to its harsh criticism and complete denial, but at

¹ Egerton H. E. British foreign policy in Europe to the end of the 19th century; a rough outline. London: Macmillan and Co., 1918. P.363. URL: <https://archive.org/details/britishforeignpo00eger/page/n7/mode/2up> (accessed: 27.10.2023).

the same time, this entire range of sentiments has its own understanding of the good of the Fatherland as its internal core”¹

However, the participation of Russian volunteers in the Anglo-Boer War (1899–1902) deserves special discussion.

“Russia, like all major countries at the time, harboured imperialist aspirations which were mirrored by strong pro-imperialist sentiment at popular level. Many Russian volunteers came to South Africa on the assumption that they needed to gain experience for an inevitable future war with Britain. Such a war was perceived as simply a natural political development”²

From the long list of key moments under which Russia developed in the 19th century, it is worth highlighting two: the limitation of autocracy, which was never achieved despite truly colossal efforts, and the abolition of serfdom, which was achieved only during the reign of Alexander II the Liberator. However, we must make a reservation, to the already mentioned milestones we will have to add much of what, in our opinion, led the situation to the tragic end of the Empire at the beginning of the 20th century.

By the beginning of the 19th century Russia was one of the largest countries in Europe, the main branch of the economy of which was agriculture, since the vast majority of the population lived in the countryside and was engaged in processing of the land plots. Nevertheless, the land continued to remain the monopoly property of the state, and the land issue was very acute.

In the first quarter of the 19th century Russia was in search of new forms of organizing the socio-economic and political life of the

¹ Krot M. N., Chernicin S. V., Zavyalova O. O. The Patriotic Enthusiasm during the Crimean War (1853–1856) as a factor of modernization turn in Russia // *Bylye Gody*. Vol. 43. Iss. 1. 2017. P. 105. URL: https://www.researchgate.net/publication/316935701_The_Patriotic_Enthusiasm_during_the_Crimean_War_1853–1856_as_a_Factor_of_Modernization_Turn_in_Russia (accessed: 27.10.2023).

² Davidson A., Filatova I. *The Russians and the Anglo-Boer War 1899–1902*. Cape Town — Pretoria — Johannesburg: Human & Rousseau, 1998. P. 63.

country. From the beginning of the 19th century the issue of peasant reform was considered both by the tsarist government and by radical circles of Russian society. In search of ways to resolve contradictions, representatives of the younger generation (nobles and academic liberals) demanded a change in the socio-political system, freedom of personality and property, and a transition to a constitutional system limiting autocracy.

The reforms carried out by Alexander I at the beginning of his reign did not lead to significant changes in the political system of Russian society, since they were selective in nature. Moreover, over time, the efforts of the reigning house were reduced to strengthening the autocratic system. The more radical nature of the transformations in the western part of the country — the Baltic states and Finland, in fact, was aimed at creating a liberal image of Russia in Europe.

The domestic policy of Alexander I in the period 1815–1825 was characterized by increased reaction and rejection of any kind of liberal reforms. The main conductor of this course was the chairman of the military department of the State Council A.A. Arakcheev, who demonstrated the complete opposite of the soft and thoughtful policies of M.M. Speransky, who proposed the path of reform at the beginning of the reign of Alexander I.

At the end of the emperor's reign, the arbitrariness of the police and officials intensified, censorship became rampant, and discussion of political issues and disclosure of details of trials in the press were prohibited. The rallying potential of a “common victory” over the aggressor — France was lost. The result of reactionary policies was the final split in society. The idea of modernizing Russia was opposed to the postulate of strengthening autocracy. Veterans of the Patriotic War and young representatives of the nobility lost hope for the peaceful transformation of the country. Revolutionary ideology was emerging in Russia. In practice, this manifested itself in the Decembrist Uprising on Senate Square in St. Petersburg in 1825.

The death of Alexander I, the abdication of Grand Duke Konstantin Pavlovich and the tragic ending of the Decembrist Uprising became a kind of background for the establishment of a new autocrat on the Russian throne — Nicholas I. The thirty-year reign of Nicholas I was

a time of severe suppression of freedom and liberalism both within the country, and in Europe. At the same time, as has often happened in history, tyranny accompanies the flourishing of culture. The second quarter of the 19th century is the golden age of Russian literature, natural science and arts.

Nicholas I, taking a sharply conservative position and strictly adhering to it, tried to preserve the state and social system that had developed over centuries, which did not contribute to the growth of Russia's international influence and the solution of internal problems.

The defeat of Russia in the Crimean War (1853–1856) showed a deep crisis of public administration, persistently dictated the need for radical changes in all spheres of life, and at the same time, brought the country out of a state of political stagnation, causing protest in wide sections of society against the existing order, caused an increase in peasant uprisings. Autocracy, as a form of governing the empire, was perhaps shaken for the first time.

*“After the war of 1853–1856, a new stage began in the development of public self-awareness, which was expressed in a sharp intensification of the intellectual activity of representatives of Russian social thought. The Crimean War and its results updated the imperative of renewal, making it a dominant element of both public initiatives and various government practices in the first years of the reign of Emperor Alexander II. The patriotic upsurge that gripped Russian society during the war made it possible to transform foreign policy failure into a powerful transformative impulse, which the supreme power was able to sense and implement within the framework of the Great Reforms of the 1860s and 1870s”.*¹

The country had a hard time emerging from the crisis generated by the defeat in the Crimean War and the subsequent humiliation by the Paris Peace of 1856. The time for diplomats had come.

¹ Krot M. N., Chernicin S. V., Zavyalova O. O. The Patriotic Enthusiasm during the Crimean War (1853–1856) as a factor of modernization turn in Russia. P. 104.

“Activities of A. M. Gorchakov, as Russian Foreign Minister, left a noticeable mark on the history of diplomacy. Consistently defending the country's national interests after the defeat in the Crimean War and bringing Russia onto the European stage again as not only a continental, but also a maritime power is the undoubted merit of the noble diplomat”¹.

The extensive program of reforms carried out under Alexander II significantly changed the state of affairs, both in the state itself and beyond. The issue of expanding the borders of the empire remained acute in the face of active opposition from the Great Britain and other political actors. It seemed that society expected changes in the system of government. Limitation of the powers of the reigning house could be initiated through the introduction of a constitutional monarchy. But Alexander II never decided to take radical measures. The efforts of the monarch were generally focused on liberating the peasants from the yoke of serfdom. The emperor went down in history under the glorious name of Tsar the Liberator.

The era of Alexander II ends with a tragedy towards which the emperor had been heading for many years, unable to overcome the inertia of tradition, concentrating at the end of his reign on preserving autocracy as a stronghold of the state. This tradition was inherited in its entirety by his successor, Alexander III.

Alexander III, who ascended the throne, was to some extent doomed to be involved in a series of internal and external actions that were “protective and reactionary in nature.” Sedition within the imperial borders was suppressed and terrorist activity practically ceased. However, in the foreign policy of the empire, Alexander III demonstrated a constant, consistent desire for a balance of power in Europe.

Throughout the reign of Alexander III, there was a tendency to pursue a national centripetal policy within the borders of the empire. In the Baltics, Poland and Finland, extensive consistent measures

¹ Ахтамзян А. А. Верный сын Отечества // *Этносфера*. 8 (119). 2008. С. 3. URL: https://mgimo.ru/library/publications/32618/?utm_source=yandex.ru&utm_medium=organic&utm_campaign=yandex.ru&utm_referrer=yandex.ru (дата обращения: 31.10.2023).

were taken to promote the Russian language and culture. Government control over internal affairs was strengthened, and measures were taken to “limit the isolation” of the provinces of the empire.

On November 1, 1894, Alexander III died and was succeeded by his son, Nicholas II, who, as time has shown, was completely unprepared for his high mission. At the first stage he continued the existing line of policy in domestic and foreign affairs. But, notwithstanding, in his actions throughout the entire period of his reign it is difficult to discern any inclination to pursue policy in general, both internal and external. The only exception can be considered the initiative to hold an international conference on arms limitation in The Hague in 1898.

The sovereign consistently strove only to preserve the firm power of the monarch. At the highest level of government, such a line of behavior of the autocrat was frankly outdated and turned out to be unacceptable in view of external and internal threats. However, a completely opposite position was taken by Empress Alexandra Feodorovna (nee Princess of Hesse-Darmstadt), who showed an active interest in state affairs, filled the emperor’s chambers with random people and exerted enormous influence on her husband.

As a result, the imperial family was led to the tragic outcome of 1918 by a mixture of endless absolutism, with a touch of theological mysticism and fatalism.

Meanwhile, the vector of British foreign policy has shifted south, and attentive contemporary observers could not help but notice the fact that the future of the independent Boer republics of the Transvaal and the Orange Free State was in great doubt. However, it must be admitted that the need for the development of mining, realized by all participants in the process, led to the fact that, in modern terms, people and technology poured into the south of the African continent. It is not a secret that mining and railway engineers, etc. came to the south of the continent among the others who wanted to get rich. Quite a few of them included immigrants from Russia.

“One might have imagined that all the volunteers were united by a single overriding motivation, but this was not so. The reasons that brought them to South Africa to fight for the Boers were actually quite varied. Some

volunteers, <...>, were émigrés from Russia who had come to South Africa before the war. They had already become part of the local situation and knew perfectly well why and for what they were fighting. Their motivations and interests, nonetheless, may have differed from those of the Boers, but they were defined by local realities. Those who came directly from Russia had different ideas and ideals, none of which had much to do with South Africa. They were, inevitably, motivated by Russian realities and by Russian circumstances and Russian perceptions of world events rather than by what was going on in South Africa, a situation about which they actually knew very little”.¹

The overwhelming majority of the settlers were, however, subjects of the British Crown.

Returning to the events of Russian history, we come to the conclusion about the results of the development of Russia throughout the 19th century and the role of the ruling dynasty in the situation that had developed by the beginning of the 20th century. The distancing of the ruling house of the Romanovs from society and the elites represented by the serving nobility, which lasted for almost a hundred years, gave rise to despondency and, as a result, created the ground for rebellion and revolutions. The national policy on the borders of the empire, especially in Poland and the surrounding territories, had exactly the same effect. Deprived of social elevators and prospects, active youth from the outskirts of the empire were tirelessly drawn into revolutionary circles.

Internal reforms, the need for which had matured in the first quarter of the 19th century, were (for the most part) never implemented. The tossing of autocrats and those around them between the liberal-democratic and conservative agendas led to an imbalance in domestic and foreign policy efforts. “Imperial overheating”, as we put it, was partly provoked by a bias towards a forceful style of resolving issues of internal and external security in defiance of diplomatic efforts. The desire (the only exception, in fact, was the reign of Alexander III) to

¹ Davidson A., Filatova I. The Russians and the Anglo-Boer War 1899–1902. P. 60.

get involved in the war for the “entire Slavic/Orthodox world” did not lead to anything creative, especially since the “Slavic world” itself was divided and always tried to escape the initiatives promoted by St. Petersburg.

Growing with lands in the Caucasus and Asia, losing the potential for development in wars and strife on the borders, the empire, represented by the ruling monarchs and entourage, moved from absolutism to reaction, from populism to complete indifference and fatigue from the events taking place. The balance of rapprochement with European ruling circles and reliance on the serving nobility of Catherine’s time is a thing of the past.

“Imperial overheating” became possible due to a number of circumstances, among which it is necessary to highlight: unbalanced foreign and domestic policies (as a result of the tragic and hasty steps in the Far East at the beginning of the twentieth century), the separation of the ruling house from the people (slipping into mysticism and fatalism), distrust of close elites — led to turmoil in public circles, and then to the revolutionary events of 1905 and 1917.

It must be said that the last active attempts at dialogue with the authorities were made by reactionary circles at the end of the reign of Alexander II.

Then, pressure from above on the people’s masses gave way to indifference, and disappointment from below with the lack of progress towards change and influence from the outside which must not be forgotten, led to a series of revolutions and the collapse of the Empire.

Before moving on to considering Russian volunteerism as a socio-political phenomenon, we posed a number of questions that would allow us to rethink the processes in which Russia was involved at the turn of the 19th-20th centuries.

List some of them and try to understand the phenomenon of volunteering as such:

- what part of Russian society was involved in the process of selfless help;
- whether the emergence of the volunteer movement was a consequence of the evolution of Russian society;

- can this phenomenon be considered as a feature of the Russian national character;
- whether volunteerism was a reaction to the action or inaction of the reigning house and government on issues that were of paramount importance for all levels of public institutions;
- whether volunteerism at its inception became a confirmation of involvement in a certain community (Slavic or Orthodox world) and why it evolved into a kind of “internationalism”;
- whether volunteerism was related to information policy in Russia, and to what extent public opinion influenced the evolution of this social phenomenon.

The British invasion of the Orange Free State and Transvaal caused widespread public outcry throughout the world. Russia was no exception this time. The solidarity of Russian society in the struggle for the independence of Afrikaners is due to a number of factors, which we will mention in particular. To a large extent, this nature was caused by the “weak” position of European states that tried not to be involved in confrontation with Great Britain.

For the same reasons, neither Nicholas II nor representatives of the government authorities of the Russian Empire interfered with the national volunteer movement, without directly becoming involved in the conflict with Great Britain at the state level.

“The expansion of the colonial possessions of European powers since the 70s of the 19th century has attracted close attention from the world community. The Russian government, personally Nicholas II, also followed with interest the actions of Great Britain in South Africa. This was explained by the fact that in an effort to strengthen its influence in Iran, Afghanistan and the Far East, Russia constantly faced opposition from Great Britain. The Russian Foreign Ministry sought to receive complete information about the military, economic and internal political situation of Great Britain, and its colonial policy”.¹

¹ Англо-бурская война 1899–1902. По архивным материалам и воспоминаниям очевидцев / авт.-сост. Н. Г. Воропаева, Р. Р. Вяткина, Г. В. Шубин. М.: Восточная литература, 2001. С. 4.

The evolution of society in Russia as such has come a long way from hopes and reflections about the fate of the Fatherland, dating back to the rise of the popularity of philosophical studies, to the heyday of the movement of Slavophiles and Westerners, which arose in public circles (mainly the urban intelligentsia) as a response to the reactionary policies of Nicholas I. This path ran no less through disappointment with bureaucracy and censorship, the inertia of thinking of those in power, “officialdom”. Disappointment led to the realization of the inevitable need for change. Ultimately, both patriots and liberals found themselves shoulder to shoulder in the ranks of the opposition to the ruling dynasty. An abyss opened up between the sovereign and society, which was impossible to fill, because the will to constructive actions within the state was lost.

*“<...> the majority of the Russian volunteers were young men who sincerely wanted to support what they considered a righteous cause, but many also felt a romantic desire for military glory, hoped for fame, wanted to test and assert their courage, and simply to experience the exotic adventure of “wild Africa”, so much spoken about in Europe. For some Africa was understandably also an escape from the dreary routine of military drill, from the domineering spirit of Russian bureaucracy, and the strains, tensions and unattractiveness of a rapidly growing Russian capitalism”.*¹

Thus, the Russian volunteer movement can be considered as an alternative, or a compromise between the revolutionary impulses of the noble youth and criticism of the students, the cautious philosophical speculations of the intelligentsia, wise with life experience, and the extreme radicalism of representatives of society who advocated the reign of terror.

The location of the action became blurred and lost its significance over time. The active phase of Russian volunteerism quite understandably occurred in the period following the defeat in the Crimean War and, as a consequence, a series of events in southern Europe. The

¹ Davidson A., Filatova I. The Russians and the Anglo-Boer War 1899–1902. P. 60–61.

phenomenon of Russian volunteerism is interesting because, first of all, it combines the entire range of humanities from philosophy to political science.

The participation of Russian volunteers in the Anglo-Boer War (1899–1902) has been well studied in our country and is gradually becoming more and more known abroad. Briefly, it can be characterized as a fusion of political circumstances and the personal attitude of the participants to the processes that were the result of the “Great Game” — the strategic confrontation between Great Britain and Russia on the world stage, which arose at the very beginning of the 19th century. It should also be noted that assassination of Paul I in 1801, which became a turning point in the tragic event in the history of the fatherland, giving impetus to destructive processes.

The breakdown of the traditional foundations of Russian society, which is known, but is by no means accepted by everyone, began in the era of Peter the Great. The penetration of new, according to some estimates, “alien” ideas from Europe to Russia was perceived extremely ambiguously. Since the accession to the throne of Tsar the Reformer, the border between archaism and modernity has run through the very fabric of Russian traditional society, which has lived from time immemorial by faith, manner of living, and within the framework of the social contract of the ruling dynasty with the people.

The traditions of rationality and pragmatism introduced by Peter the Great coexisted with deep religiosity and national tolerance. An example of the latter is the invitation to Russia of a huge number of foreign specialists, designed to breathe new things into various spheres of life in patriarchal society.

Since the French Revolution, the tsar’s distancing from society and paradoxical “flirting” with the very idea of change have been added to the general liberal background, which replaced the foundations of faith and social order. Revolutionary impulses, which affected only a small layer of society were denied by the ruling dynasty in favor of the primacy of autocracy, which in itself speaks of the stability of the archaic idea of the form of power in Russia.

Here it is necessary to make a reservation that we are by no means inclined to idealize or criticize the past. The task facing us is an attempt

to give our own view of events, as objective as possible, that are forever fixed on the unchanging historical outline of time.

Close contacts between Russia and European countries have at times developed into confrontation. The entire 19th century — an almost never-ending series of conflicts in the widest theater from the Black Sea to the Baltic, from the Caspian to the Amur river border. Only occasionally did the efforts of the “sons of the fatherland” — commanders and diplomats — lead to glorious strategically important victories, achieved with minimal losses.

The result of the gradual distancing of the ruling dynasty from the people was the loss of faith in the Tsar among educated people — a minority, and atmosphere of turbulence among ordinary residents of the empire — the overwhelming majority. The cornerstone or a kind of “anchor” of social processes was the preparation for the abolition of serfdom. The best minds of the empire took up the solution to this problem throughout the first half of the 19th century, but they came only in the 1860s, completely unprepared.

For obvious reasons, the troubles brought to Russian soil by Napoleon's invasion could not contribute to the rapprochement and acceptance of the ideas of European liberalism, and the results of the Crimean War plunged the country into a protracted economic crisis. The high degree of hostility towards everything European in society was aggravated by the detached attitude towards internal problems on the part of the ruling dynasty. We should not forget about such a delicate topic as dynastic marriages of Russian autocrats during the reign of the Romanovs.

Apparently, no one had any illusions about changes within the borders of the empire, so the participation of the passionate part of society in conflicts outside the imperial borders can be considered as an example of socio-psychological relief. With regularity, volunteers from various walks of life became involved in their personal battle with the “enemy.” The geography of Russian volunteerism and its goals are very wide. They went to war for the entire Slavic world in the Balkans, fought for the Orthodox faith in the confrontation with Turkey, defended honor and freedom as such in the ranks of the Garibaldians in Italy and the Boers in South Africa.

Last mentioned, but not least, became the most remote and exotic geographical point to which Russian volunteers rushed. It can be assumed that over a fairly long period of time, which seems to be the 19th century, the Russian volunteer movement evolved into some kind of “internationalism”. Unable to correct the situation within the borders of their fatherland and humbly look at the gradual collapse of a once powerful power, Russian passionaries could strive to fight for the honor and freedom of the oppressed. The reasons for their actions varied greatly. Of course, in the overwhelming majority we are talking about “service nobility”. The issue of studying the motivation of this layer of Russian society must be approached with extreme caution. But among the worthiest, there were, as in any war, adventurers and romantics.

*“The Boer society was romanticised as representing the virtues of a “natural peasant democracy”, as opposed to the evils of capitalism, imperialism and authoritarianism. The clash between such dreams and South African realities often confused and baffled the young men. Many of them thought that they had already achieved hero status just because they had offered to shed their blood for a foreign people, and expected to be greeted like heroes upon their arrival”.*¹

So, the Russian volunteer movement is a fusion of personal qualities of a person who finds himself in a situation where an internal readiness for action and a heightened sense of justice coincide with the current political situation. It is especially worth pointing out that there is and has always existed a fundamental difference between the selfless impulse of the individual and mercenaryism — quite widespread and popular at all times. In our study, we are talking only about the sincere impulse of the soul of a Russian person — a fundamentally noble and essentially gratuitous desire to help a neighbor who has suffered from the powers that be, or circumstances that are unfavorable and leading to the loss of justice, the acute shortage of which the Russian person has experienced at all times.

¹ Davidson A., Filatova I. The Russians and the Anglo-Boer War 1899–1902. P. 61.

The paradox of Russian volunteerism also lay in the fact that the reigning dynasty viewed these impulses from the standpoint of detached interest, rather than sincere involvement.

The Russian volunteer movement is a phenomenon of spirituality in its purest form. Fighting shoulder to shoulder with the Boer militias, who, it should be noted, never asked anyone for help from anyone, which earned them even more respect in wide circles of Russian society, the volunteers forgot about religious and social differences.

In the opposition to the Great Britain, perhaps, Russian volunteers saw some kind of veiled reason for internal problems in their fatherland. The result of the joint fierce struggle with the British regular troops was respectful acceptance and admiration for the courage and perseverance of the Russian fighters on the part of the Boer militia.

In conclusion, it is necessary to say a few words that the press played an important role in the development and strengthening of the Russian volunteer movement. Unable to move on to concluding an agreement with society, the ruling elites strongly emphasized the importance and righteousness of the participation of their compatriots in the war. The tools used by journalists were very diverse and gave quite tangible results. It seems that if it were not for the geographical distance and the significant cost for the participants of the voyage to the south of the African continent, the number of volunteers would have been orders of magnitude higher. However, it is also worth paying attention to the fact that in Russian society, which was very concerned about the fate of the Boer republics, there was no consensus on the issue of participation of compatriots in the conflict.

Turning to events so distant from us in time, it is necessary to emphasize the fact that any wars, no matter how cruel, lengthy and bloody they were, ended in peace.

The Anglo-Boer War came to its finale at the end of May 1902 in the city of Vereeniging, where the parties signed a peace treaty. The once free Boer republics and their inhabitants became subjects of the British Crown.

At the moment, we feel a certain junction of times, accompanied by an inevitable repetition of the seemingly already learned lessons of

history, which only emphasizes the importance and urgent need for historical research.

It is important in this regard that warm and friendly relations between Russia and South Africa — so different, but in some ways very similar countries — continue today.

Events of the distant past arouse genuine interest in both domestic and foreign historical science. For these reasons, we, relying on published works of specialists and open sources, tried to provide an overview of the key socio-political processes that took place in Europe, Russia and South Africa in the 19th century.

Perhaps we can agree that the Russian volunteer movement has become for the whole world an example of selfless service to the very idea of Freedom and Independence. This, in our opinion, characterizes the essence of the evolution of public consciousness in Russia towards the formation of a “new” person, one who, at the cost of his own life, is ready to defend the future of a world free from prejudice and violence.

Bibliography

1. Davidson A., Filatova I. The Russians and the Anglo-Boer War 1899–1902. Cape Town — Pretoria — Johannesburg: Human & Rousseau, 1998. 91 p.

2. Egerton H. E. British foreign policy in Europe to the end of the 19th century; a rough outline. London, Macmillan and Co., 1918. 440 p. URL: <https://archive.org/details/britishforeignpo00eger/page/n7/mode/2up> (accessed: 27.10.2023).

3. Krot M. N., Chernicin S. V., Zavyalova O. O. The Patriotic Enthusiasm during the Crimean War (1853–1856) as a factor of modernization turn in Russia // *Bylye Gody*. Vol. 43. Iss. 1. 2017. P. 103–111. URL: https://www.researchgate.net/publication/316935701_The_Patriotic_Enthusiasm_during_the_Crimean_War_1853-1856_as_a_Factor_of_Modernization_Turn_in_Russia (accessed: 27.10.2023).

4. Англо-бурская война 1899–1902. По архивным материалам и воспоминаниям очевидцев / авт.-сост. Н. Г. Воропаева, Р. Р. Вяткина, Г. В. Шубин. М.: Восточная литература, 2001. 528 с., карта, схемы, ил.

5. Ахтамзян А. А. Верный сын Отечества // *Этносфера*. 8 (119). 2008. С. 48–50. URL: https://mgimo.ru/library/publications/32618/?utm_

source=yandex.ru&utm_medium=organic&utm_campaign=yandex.ru&utm_referrer=yandex.ru (дата обращения: 31.10.2023).

References

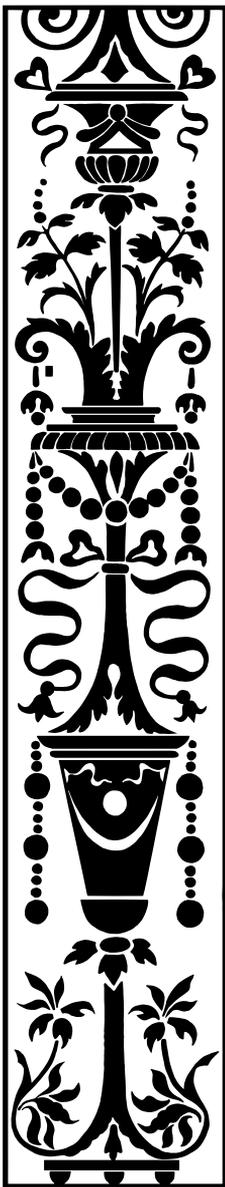
6. Akhtamzyan A. Vernyi syn otechestva // *Athnosphaera*. 8 (119). 2008. P. 48–50. URL: https://mgimo.ru/library/publications/32618/?utm_source=yandex.ru&utm_medium=organic&utm_campaign=yandex.ru&utm_referrer=yandex.ru (accessed: 31.10.2023).

7. Egerton H. E. British foreign policy in Europe to the end of the 19th century; a rough outline. London: Macmillan and Co., 1918. 440 p. URL: <https://archive.org/details/britishforeignpo00eger/page/n7/mode/2up> (accessed: 27.10.2023).

8. Davidson A., Filatova I. The Russians and the Anglo-Boer War 1899–1902. Cape Town — Pretoria — Johannesburg: Human & Rousseau, 1998. 91 p.

9. Voropaeva N.G., Vyatkina R.R., Shubin G.V. Anglo-burskaya voyna, 1899–1902. Po arkhivnim materialam i vospominaniyam ochevidtsev (Anglo-Boer War, 1899–1902: Memoirs and Archival Materials). Moscow: “Vostochnaya literatura”, 2001. 528 p.

10. Zavyalova O., Krot M., Chernicin S. The Patriotic Enthusiasm during the Crimean War (1853–1856) as a factor of modernization turn in Russia // *Bylye Gody*. Vol. 43. Iss. 1. 2017. P. 103–111. URL: https://www.researchgate.net/publication/316935701_The_Patriotic_Enthusiasm_during_the_Crimean_War_1853–1856_as_a_Factor_of_Modernization_Turn_in_Russia (accessed: 27.10.2023).

III. Судан и его соседи

Д. А. Алферов

**Омдурман: предпосылки
основания города
и его развитие в период
Махдистского государства
(1885 – 1898)**

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы, касающиеся предпосылок основания Омдурмана, а также приводятся сведения о его становлении в качестве столицы махдистского государства.

На протяжении многих веков территория современного города находилась вдалеке от караванных маршрутов и не представляла интереса с точки зрения основания каких-либо поселений. Первые упоминания о постоянных жителях на западе от места слияния Белого и Голубого Нилов относятся к XVII в., когда один из факихов с острова Тути основал там свою обитель-*халеу*. Согласно запискам путешественников, первые постоянные поселения в данной области появились лишь после основания Хартума и представляли собой места концентрации торговцев.

В 1885 г. Омдурман обретает статус столицы махдистского государства, превращаясь в крупный город, а также становится политическим и экономическим центром обширной части современного Судана.

Ключевые слова. Судан; Омдурман; Хартум; остров Тути; *анадж*; *фундж*.

Омдурман — второй по численности населения город Судана, располагающийся на западном берегу Белого Нила напротив Хартума. Вместе с Северным Хартумом (или Хартумом Бахри) эти три города формируют столичную агломерацию Хартум.

На сегодняшний день не известно, существовали ли какие-либо поселения на территории современного Омдурмана до XVII в., к которому относятся первые задокументированные упоминания об обители-*халве* факиха Хаммада ибн Мухаммада ибн 'Али ал-Маша'ихи, также известного как Хаммад ибн Марийум. Он родился в 1646 г. на острове Тути и умер в возрасте восьмидесяти семи лет¹. Как пишет Г. А. МакМайкл: «Никаких более ранних свидетельств, говорящих о существовании деревни, чем упоминание в связи с Хаммадом ибн Марийум — нет»². Считается, что на месте современного Омдурмана он основал собственную *халву*, однако из-за разногласий с человеком по имени Шейх 'Абд ал-Махмуд Абу Шаба Араки, Ибн Марийум был вынужден переселиться на северный берег Голубого Нила, в район современного Северного Хартума³. Примечательно, что первые упоминания городов в области слияния двух Нилос связывают с именами религиозных учителей — выходцев с острова Тути.

Одной из важных причин того, что на территории Омдурмана на протяжении многих веков не существовало хоть сколь-

¹ MacMichael H. A. A history of the Arabs in the Sudan and some account of the people who preceded them and of the tribes inhabiting Darfur. Vol. II. Cambridge: University Press, 1922. P. 242.

² Ibid. P. 277.

³ Rehfish F. A sketch of the early history of Omdurman // *Sudan Notes and Records*. Vol. 45. 1982. P. 36.

ко-нибудь значимого поселения, была удаленность данной местности от торговых маршрутов и соседство с ключевыми городами-центрами торговли, например Карри. Швейцарский востоковед А. Мец в своём труде «Мусульманский ренессанс» отмечал, что ещё в X в. нубийские купцы из Судана занимались торговлей в районе Асуана. А. Мец писал: «...нубийские купцы из Судана, которые выше порогов выгружали свои товары на берег и 12 дней везли их на верблюдах по берегу Нила. Область, расположенная на юге от 2-го порога, была даже строго закрыта для всех чужеземцев»¹.

На регулярной основе дважды в год в столице *фундж* снаряжались караваны для отправки в район Верхнего Египта. Маршрут начинался в Сеннаре, затем шёл вдоль Голубого Нила до города Карри, затем пересекал Нил в районе шестого порога и продолжался напрямик через пустыню Байуда до Донголы, выходил к оазису Салима и направлялся на север в Асьют (см. рис. 1). Вероятно, он мог носить название «*Дарб ал-джамал*» (в переводе с арабского — «путь верблюда»). Как отмечал И. В. Герасимов, «...преимуществом Карри было то, что этот город господствовал над торговым маршрутом, известным как «*Дарб ал-джамал*». По нему шли караваны вдоль нильского берега с юга на север, и наоборот, а в районе Карри этот путь разветвлялся»². Принимая во внимание тот факт, что конечным пунктом маршрута мог быть Сеннар, а город Карри был промежуточной точкой, можно предположить, что такое название относилось в целом к маршруту от столицы *фундж* до Верхнего Египта.

Однако со временем появился новый вариант данного маршрута. Это было связано с возросшей угрозой, исходившей от племени *шайкийя*, которое проживало в районах западнее Нила: «На сегодняшний день они разделены на множество племён... Они находятся в постоянной войне друг с другом, а их молодёжь

¹ Мец А. Мусульманский ренессанс / пер. с нем., предисл., библиогр. и указатель Д. Е. Бертельса; отв. ред. В. И. Беляев. 2-е изд. М.: Наука, 1973. С. 389.

² Герасимов И. В. История и культура Судана XVI–XVIII вв. СПб.: Галерея Печати, 2018. С. 53.

делает вылазки в Дарфур на западе и в Вади-Хальфа на севере»¹. Альтернативный маршрут начинался от города Карри и уходил на север вдоль восточного берега Нила через Шенди, Эд-Дамер, Бербер и далее через Нубийскую пустыню в Верхний Египет.

В контексте наиболее ранних упоминаний топонима «Омдурман» можно вспомнить французского путешественника Фредерика Кайо, участвовавшего в египетской военной экспедиции, который отметил в своих записях, что в период между 27 и 29 мая 1821 г. военный лагерь египетско-турецких войск находился в месте под названием «Омдурман». Он не давал никаких сведений относительно поселений или какой-либо активности в данном районе. Вполне вероятно, что местные жители накануне прихода войск покинули эти места и перебрались на остров Тути или ушли южнее².

Также в связи с топонимами, имеющими отношение к территории современного Омдурмана, необходимо отметить суданского копта Йусуфа Михаила, присоединившегося к Махди в 1883 г., а затем служившего в государственном казначействе и руководившего коптским подразделением в армии махдистского государства. Он оставил после себя мемуары, в которых писал, что раньше Омдурман носил название «*Вашал*» и являлся поселением народа *анадж*³. Как писал И. В. Герасимов, «... а это (*анадж*) название племени или народности, которое населяло государство Алва, и этим этнонимом арабы предпочитали называть всех жителей Алвы», и добавлял: «Можно предполагать, что оно (*анадж*) служило для обозначения всех народов, живших на территории государств Мукурра и Алва, кроме арабов и *беджа*...»⁴ Вполне вероятно, что здесь могло находиться некое поселение, однако на сегодняшний день нет данных, способных опровергнуть или подтвердить данное утверждение.

¹ Burckhardt J. L. Travels in Nubia. London: J. Murray, 1819. P. 69–70.

² Cailliaud F. Voyage à Méroé, au fleuve Blanc, au-delà de Fâzoql dans le midi du royaume de Sennâr, à Syouah et dans cinq autres oasis; fait dans les années 1819, 1820, 1821 et 1822. T. 4. Paris: Imprimerie royale, 1826. P. 97.

³ Rehfisch F. A sketch of the early history of Omdurman. P. 40.

⁴ Герасимов И. В. История и культура Судана XVI–XVIII вв. С. 51.

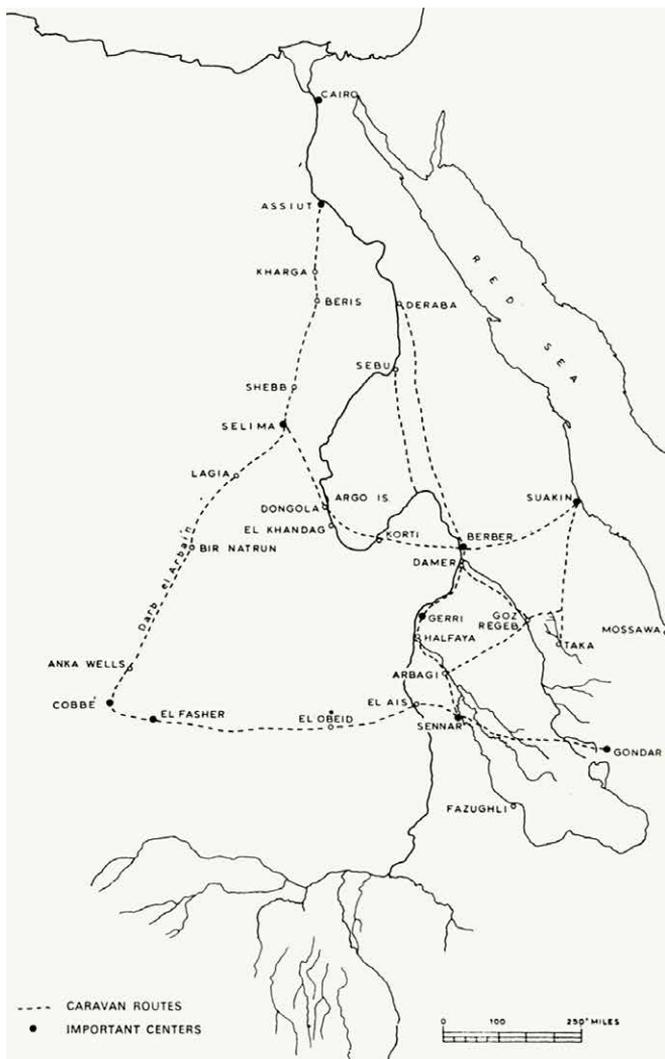

Рис. 1. Схема торговых маршрутов в долине реки Нил¹

¹ El-Bushra S. Towns in The Sudan in the Eighteenth and Early Nineteenth Centuries // *Sudan Notes and Records*. Vol. 52. 1971. P. 66.

Первые достоверные упоминания о поселениях на противоположном от Хартума берегу Белого Нила относятся к 40-м годам XIX в. Некоторые европейские путешественники отмечали, что на месте современного Омдурмана проживало несколько племён, занимавшихся преимущественно земледелием. Среди них упоминается племя *фитихаб*, одна из ветвей *джумуйя*, которое в свою очередь является ответвлением *джаалитов*. Как пишет И. В. Герасимов: «Термином *джаалиты* обозначают представителей арабских племенных групп, которые считают своим предком Аббаса — дядю пророка Мухаммада. В отличие от другой крупнейшей племенной группы Судана — *джухайна* — среди них больше оседлых жителей»¹.

В эти же годы Судан посетил ещё один французский путешественник — инженер Жозеф Понс Д'Арно, который начертил схему Хартума, охватив прилегающие территории (см. рис. 2). На западном берегу Нила указаны 3 участка: "*Fogani*" (верхний), "*Oustani*" (средний) и "*Tahtani*" (нижний). Необходимо отметить, что оригинал данной схемы утрачен, однако её репродукция представлена в работе Анри Деэрена «*Le Soudan égyptien sous Mehemet Ali*»². Можно предположить, что это названия поселений, расположенных на месте современного Омдурмана. Эта теория подтверждается заметками ещё одного французского путешественника — Гийома Лежана, который посетил место слияния Нилов в 1860 г. и в своей работе «*Voyage aux deux Nils: Nubie, Kordofan, Soudan oriental: exécuté de 1860 à 1864*»³ писал, что Омдурман состоит из трёх поселений, которые были основаны *джаалитами* и *фитихаб*, что соответствует информации, которую можно увидеть на карте Д'Арно. Лежан также отмечал, что на западном побережье Белого Нила находилось пересечение трёх торговых путей: в направлении Кордофана, Донголы и Кассалы⁴.

¹ Герасимов И. В. История и культура Судана XVI–XVIII вв. С. 38.

² Dehéraïn H. *Le Soudan égyptien sous Mehemet Ali*. Paris: Georges Carré, 1898.

³ Lejean G. *Voyage aux deux Nils: Nubie, Kordofan, Soudan oriental: exécuté de 1860 à 1864*. Paris: L. Hachette, 1865. P. 38.

⁴ Ibid. P. 38.

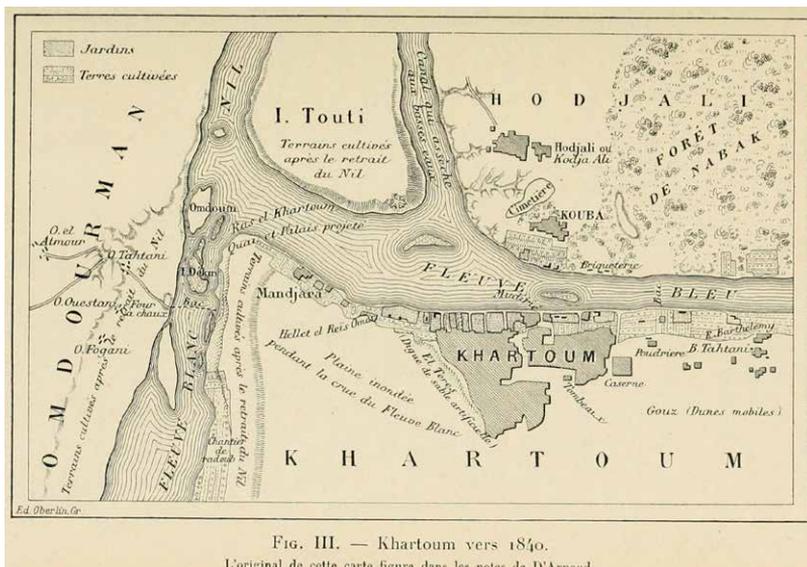

Рис. 2. Схема Хартума и территории Омдурмана в 1840 г.¹

На основании всех заметок, которые представлены выше, можно предположить, что на месте будущей столицы Махди, вероятнее всего, располагалось стихийное поселение, обеспечивавшее нужды арабских торговцев. Они собирались на берегу в ожидании, когда будет организована переправа через Нил для продолжения своего пути в Хартум, который в те времена являлся одним из крупнейших центров торговли в долине Нила.

С самого начала восстания Мухаммада Ахмада, объявившего себя «Махди», захват Хартума — центра иностранного влияния — был одной из важных целей национально-освободительного движения. В 1884 г. войска махдистов начали осаду Хартума, которая продлилась приблизительно восемь месяцев и завершилась взятием города в январе 1885 г. Сразу после Хартума Махди перенёс все административные институты в Омдурман, сделав его столицей махдистского государства. В июне 1885 г. Махди

¹ Dehérain H. Le Soudan égyptien sous Mehemet Ali.

умер, а его преемник Абдуллах ибн Мухаммад, принявший титул халифа, почти сразу приказал покинуть Хартум, остатки которого на протяжении следующих тринадцати лет служили источником строительных материалов для Омдурмана. Так некогда один из крупнейших городов Африки постепенно превратился в руины. Уже к 1886 г. новая столица по праву стала сердцем махдистского государства.

Причин для переноса столицы на Западный берег Нила, напротив острова Тути, было несколько. Прежде всего это было связано с военными интересами: расположение новой столицы давало возможность напрямую взаимодействовать с западным Кордофаном без необходимости пересекать реки или другие значительные препятствия — именно оттуда исходила основная поддержка Махди. Кроме того, немаловажным был и тот факт, что сухопутный характер ведения боевых действий махдистов не позволял использовать преимущества расположения Хартума, который был спроектирован таким образом, чтобы противостоять осаде с юга и при этом получать снабжение со стороны реки. Принимая во внимание вышесказанное, становится очевидным, что египетские войска зависели от Нила, в то время как махдисты действовали только на суше. Помимо военных причин были и другие. Наиболее явная из них — нежелание жить в городе, который являлся одним из символов иностранного вторжения на территорию Судана.

Подробные сведения о том, что собой представлял Омдурман в период махдистского государства можно почерпнуть из воспоминаний христианского миссионера Паоло Россиньоли. Он был направлен в 1881 г. в Диллинг, а в 1883 г. после того, как город был захвачен махдистами, попал в плен и на протяжении долгого времени находился в Омдурмане, пока в 1894 г. не бежал в Асуан. Он оставил подробное описание своей жизни в работе «*I miei dodici anni di prigionia in mezzo ai dervisci del Sudan*». Россиньоли попал в Омдурман в 1886 г. и отметил, что к этому времени из небольшого египетского фортификационного сооружения, построенного накануне завоевания, Омдурман уже превратился в военный лагерь, который растянулся на 6 км

вдоль берега Нила, а его население составляло от 120 до 150 тыс. человек. К 1888 г. здесь осели представители почти всех племён Судана, поддерживавшие махдистов. Улицы Омдурмана были узкими и зловонными, поскольку отходы не убирались и гнили там, где были оставлены. При этом Россиньоли отмечал, что «в последние годы» в поселении начали появляться египтяне, индусы, арабы с Аравийского полуострова, сирийцы, греки, итальянцы, турки и эфиопы. Он также указывал, что уже тогда сформировалось разделение поселения по кварталам. Представители разных племён жили изолированно друг от друга, каждый в своей части Омдурмана¹.

Важным источником сведений об Омдурмане махдистского периода является труд «Fire and Sword in the Sudan», написанный австрийцем Рудольфом Карлом фон Слатином. В своей работе он привёл карту, на которой было изображено место слияния двух Нилов с подробным описанием Омдурмана и Хартума (см. рис. 3). Сам Р. Слатин в 1883 г. принял ислам, поскольку считал, что его подчинённые мусульмане будут сражаться гораздо более охотно против Махди, если ими будет руководить единоверец. В том же году, после того как махдистами был взят Эль-Обейд, Р. Слатин, чьи линии снабжения были перерезаны, принял решение сдаться. Вплоть до своего побега в 1895 г. он оставался при дворе халифа, благодаря чему ему удалось достаточно подробно изучить новую и старую столицы. Он отмечал, что город в большей степени представлял собой военный лагерь, в котором не было развито капитальное строительство. Вдоль Белого Нила на участке длиной не более 10 км и не более 3 км в ширину располагались тысячи соломенных хижин. Единственным зданием, которое было окружено стеной из глины, была мечеть. Первым капитальным зданием из кирпича стал дом халифа. Со временем начали появляться кирпичные дома у его родственников и наиболее состоятельных местных жителей.

¹ Rosignoli P. I miei dodici anni di prigionia in mezzo ai dervisci del Sudan. Mondovì: B. Graziano, 1898. P. 169–178.

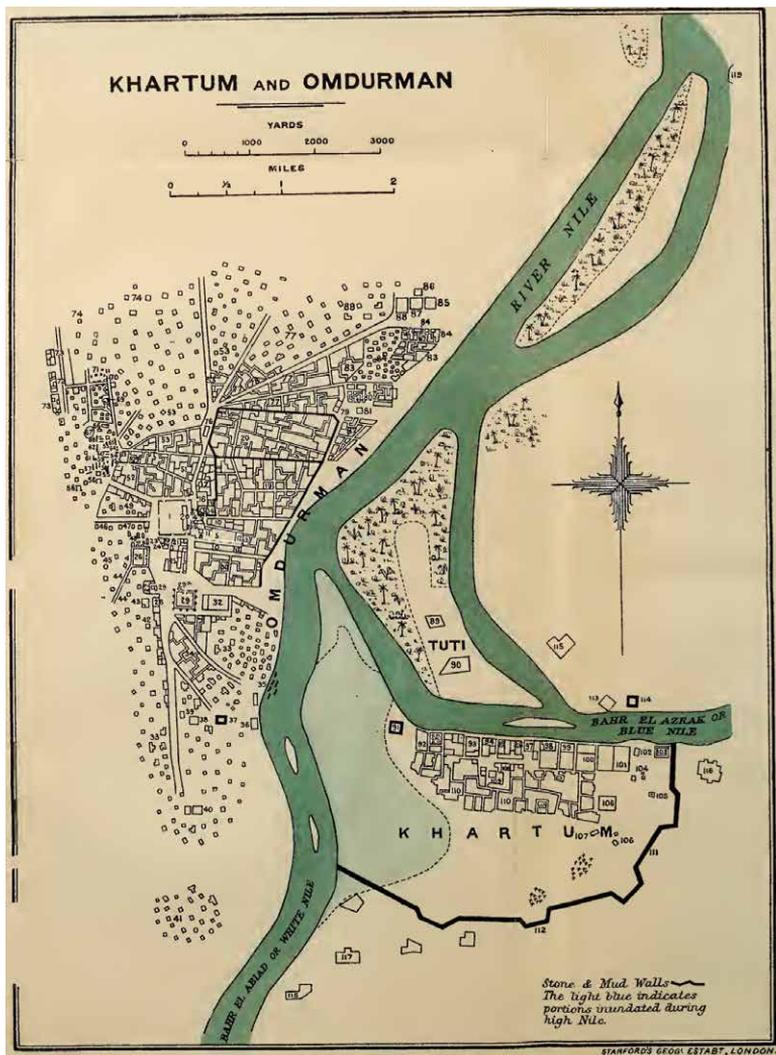

Рис. 3. Схема Хартума и Омдурмана в 1880–1890 гг.¹

¹ Slatin R. Fire and Sword in the Sudan: A Personal Narrative of Fighting and Serving the Dervishes, 1879–1895. London: Edward Arnold, 1896. P. 636.

В Омдурмане того периода выделялись районы согласно племенной принадлежности. Так, в северной части города располагались представители племён нильской долины, в то время как в южной — представители западных аравийских племён. Р. Слатин также отмечал, что в городе было развито производство различных товаров, по большей части военного назначения, таких как копья, стремена, поводья, ножи, различные орудия труда и многие другие¹. Центральная площадь столицы располагалась в южной части города. Её отличительной чертой можно назвать то, что она формировалась рядом с гробницей Махди. Торговые площади находились в северо-восточной части города на берегу Нила, где осуществлялась торговля рабами и товарами, поступавшими по воде. В западной и в юго-западной частях столицы предлагались товары местного производства, а также располагались ремесленные мастерские.

Как и в случае с Хартумом, можно отметить, что застройка города велась в большей степени хаотично. Тем не менее, судя по карте, в Омдурмане было несколько основных дорог, ведущих с юга на север, вдоль которых и возводились постройки. Эти направления соответствуют основным торговым маршрутам, которые претерпели очередные изменения в связи с установлением власти махдистов. Наиболее значимым из них стало то, что теперь дорога из южных районов страны проходила вдоль Белого Нила напрямик через новую столицу и продолжалась на север вдоль Нила и через пустыню. Как уже отмечалось ранее, основные оборонительные сооружения города возводились вдоль речных берегов. Тем не менее Р. Слатин отмечал, что центральный район города был окружён глиняной стеной, однако не указывал, можно ли её считать полноценным укреплением.

Важной чертой, отличавшей Омдурман от других городов, основанных в течение XIX в., стало следование местным традициям. Прежде всего об этом говорит зонирование столицы. В отличие, например, от Хартума, в центральной части лагеря, а затем и города доминантой была гробница Махди, которая,

¹ Slatin R. *Fire and Sword in the Sudan*. P. 357–359.

по сути, и стала отправной точкой для расширения Омдурмана. Ближе всего к ней располагались здание резиденции халифа и сопутствующие символы власти: гарем, конюшни, приёмные, склады. Кроме того, в непосредственной близости находились жилища религиозных учителей и приближённых представителей племён. Однако одной из наиболее интересных черт Омдурмана периода махдистского государства можно считать специальный склад знамён и барабанов — ключевых символов власти над местными племенами.

Менее чем за пятнадцать лет на месте трёх маленьких поселений выросли фортификационные сооружения, затем большой палаточный военный лагерь, и в итоге появился обширный город, занимавший площадь около 28 кв. км и насчитывавший до 150 тыс. человек населения. Такой интенсивный рост был обусловлен разными факторами. Во-первых, это связано с переносом всех административных функций из Хартума в новую столицу и значительным расширением бюрократического аппарата, который был необходим для управления многочисленными племенами, проживавшими на территории всего Судана. Во-вторых, необходимостью держать поблизости как можно больше представителей дружественных племен. Они могли быть быстро собраны в случае военной угрозы или начала нового военного похода. Кроме того, таким образом халиф имел возможность держать при себе наиболее верные племена.

Литература

1. Burckhardt J. L. *Travels in Nubia*. London: J. Murray, 1819. 655 p.
2. Cailliaud F. *Voyage à Méroé, au fleuve Blanc, au-delà de Fâzoql dans le midi du royaume de Sennâr, à Syouah et dans cinq autres oasis; fait dans les années 1819, 1820, 1821 et 1822*. T. 4. Paris: Imprimerie royale, 1826. 429 p.
3. Dehérain H. *Le Soudan égyptien sous Mehemet Ali*. Paris: Georges Carré, 1898. 385 p.
4. El-Bushra S. *Towns in The Sudan in the Eighteenth and Early Nineteenth Centuries // Sudan Notes and Records*. Vol. 52. 1971. P. 63–70.
5. Lejean G. *Voyage aux deux Nils: Nubie, Kordofan, Soudan oriental: exécuté de 1860 à 1864*. Paris: L. Hachette, 1865. 197 p.

6. MacMichael H. A. A history of the Arabs in the Sudan and some account of the people who preceded them and of the tribes inhabiting Darfur. Vol. II. Cambridge: University Press, 1922. 348 p.

7. Rehfishch F. A sketch of the early history of Omdurman // *Sudan Notes and Records*. Vol. 45. 1982. P. 35–47.

8. Rosignoli P. I miei dodici anni di prigionia in mezzo ai dervisci del Sudan. Mondovi: B. Graziano, 1898. 263 p.

9. Slatin R. Fire and Sword in the Sudan: A Personal Narrative of Fighting and Serving the Dervishes, 1879–1895. London: Edward Arnold, 1896. 636 p.

10. Герасимов И. В. История и культура Судана XVI–XVIII вв. СПб.: Галерея Печати, 2018. 480 с.

11. Мец А. Мусульманский ренессанс / пер. с нем., предисл., библиогр. и указатель Д. Е. Бертельса; отв. ред. В. И. Беляев. 2-е изд. М.: Наука, 1973. 473 с.

А. А. Крол, Ф. И. Гордеев

**Меч и седло. Два предмета
традиционной культуры
беджа в собрании НИИ
и Музея антропологии МГУ
имени М. В. Ломоносова**

Аннотация. Статья посвящена предметам материальной культуры суданского народа *беджа бишарин*, которые по согласованию с суданской стороной дополнили коллекцию НИИ и Музея антропологии МГУ в результате этноархеологических работ Нубийской археолого-антропологической экспедиции в 2022 г. в котловине Ониб. В начале статьи даётся описание работы экспедиции начиная с 2016 г. и, в частности, сезона 2020 г., в котором принимал деятельное участие д.и.н. Игорь Вячеславович Герасимов. В статье рассматриваются два предмета из коллекции Музея антропологии МГУ: традиционный меч *беджа* — *каскара* и женское верблюжье седло-паланкин. Помимо описания физических параметров и особенностей конструкций предметов, их атрибуции в работе рассматривается значение находок из

котловины Ониб в историческом контексте и с точки зрения традиционной культуры *беджа*.

Ключевые слова. Судан; котловина Ониб; Нубийская археолого-антропологическая экспедиция МГУ; *беджа*; меч-*каскара*; верблюжье седло-паланкин.

Keywords. Sudan; Onib depression; Nubian archeological and anthropological expedition of the Lomonosov MSU; Beja people; *kaskara* sword; camel saddle-palanquin.

С 2016 г. в центральном Атбае, как принято называть район Нубийской пустыни между Абу-Хамадом и Асуаном, работает Нубийская археолого-антропологическая экспедиция НИИ и Музея антропологии МГУ. До настоящего времени было проведено пять сезонов полевых исследований на памятниках Дерахейб и Ониб¹.

В третьем сезоне российских исследований в Дерахейбе принял участие и уважаемый юбиляр. Помимо Игоря Вячеславовича в состав экспедиции, которая насчитывала 12 человек, вошли и еще два востоковеда из Санкт-Петербургского университета: египтолог Наталья Валентиновна Макеева и арабист Даниил Юрьевич Богданов (фото 1). Дорога от Хартума до памятника была, как всегда, сложной и наполненной неожиданностями, но в целом вполне благополучной. В среднем она занимает от двух с половиной до пяти дней, в зависимости от опытности водителей, степени подготовленности машин и везения. Караван из четырех (в среднем) внедорожников должен проехать до города Атбара по шоссе, а затем свернуть в пустыню и оставшиеся 500 км ехать по песку, местами по накатанным трекам, местами по целине. С двумя ночевками в спальниках под пустынным звездным небом.

¹ Krol A., Berezina N., Chirkova A., Fedorchuk O., Gordeev F., Kalinina O., Tolmacheva E. Research of the Nubian Archaeological and Anthropological Expedition of the Research Institute and Museum of Anthropology of Moscow State University in Central Atbai (2017–2022) // *Moscow University Anthropology Bulletin*. 3. 2022. P. 100–124.

Фото 1. Участники третьего сезона Нубийской археолого-антропологической экспедиции МГУ. Фото К. Самурского

Особенностью поездки до памятника в феврале 2020 г. было то, что в тот раз машины были арендованы на фирме, владельцем которой, как потом выяснилось, был один из крупных чинов Сил быстрого реагирования (СБР). Поэтому когда рано утром участники экспедиции вышли из гостиницы с вещами для погрузки в машины, оказалось, что в кузовах Toyota Hilux уже сидели по два автоматчика со своими пожитками, а в кабинах — по офицеру. Лишь путем длительных переговоров, в которых Игорь Вячеславович принимал самое деятельное участие, удалось убедить хозяина компании в том, что при таком количестве солдат и офицеров мы не сможем поехать, так как не остается места для самих участников экспедиции и экспедиционного оборудования. В результате каждую машину сопровождал лишь один автоматчик, ехавший в кузове поверх оборудования, закрытого брезентом (фото 2).

На остановках Игорь Вячеславович общался с солдатами, которые, как выяснилось, много где уже успели повоевать, а затем пересказывал нам содержание их разговоров. Выясни-

*Фото 2. По дороге в Дерахейб.
Фото А. Крола*

лось, правда, что солдаты были приданы в сопровождение для охраны вовсе не археологов, а машин, которых, по мнению хозяина компании, могли в пустыне поджидать многочисленные опасности. Солдаты на памятнике вскоре заскучали и коротали время за едой, которой мы должны были их снабжать, и охотой в горах. Поэтому экспедиция вздохнула свободно, когда в результате переговоров, которые провел Игорь Вячеславович, удалось всех солдат уговорить вернуться в Хартум вместе с востоковедами из СПбГУ, время пребывания которых на памятнике подошло к концу.

Питерские коллеги провели на памятнике неделю, самым активным образом участвуя в обустройстве лагеря и экспедиционного быта и начале раскопок у Северной Крепости. А по вечерам Вади-аль-Аллаки наполнялось песнями на русском, английском и арабском языках под гитару в исполнении Игоря Вячеславовича.

Блистательный арабский язык нашего уважаемого юбиляра помог начать этнографические исследования народа *беджа*, что

является одним из важнейших направлений работы Нубийской экспедиции. Информантом был некий Али, который, как и многие местные жители, говорил только на та-бедауи. В интервью участвовали четыре человека: собственно интервьюируемый, этнограф Фёдор Игоревич Гордеев, Игорь Вячеславович, переводивший заданный этнографом вопрос на арабский и водитель одной из привезших нас машин, который в армии служил с *беджа* и немного знал их язык и переводил вопрос с арабского на та-бедауи, а затем ответ Али (фото 3)¹.

Так с помощью Игоря Вячеславовича было положено начало изучения *беджа бишариин*, обитающих в окрестностях Дерахейба. В 2022 году были продолжены этнографические и начаты этноархеологические исследования. О некоторых результатах этих работ и повествует данная статья, которую мы с удовольствием посвящаем юбиляру.

Основная отличительная черта ландшафта центрального Атбая — Красноморские горы, достигающие здесь своей максимальной высоты около 2 км. В конце осени и начале зимы здесь выпадают обильные осадки, которые по многочисленным вади селевыми потоками дренируют в сторону Нила. Часть влаги впитывается в песок, устилающий ложе вади, и, дойдя до скального основания, скапливается в многочисленных подземных источниках. Крупнейшее вади центрального Атбая — Вадиль-Аллаки. В верховьях Вади подпочвенные воды расположены близко к поверхности. Этим объясняется обильная (по сравнению с остальной частью пустыни) растительность, которая даёт пищу, строительный материал и топливо для обитающих здесь *беджа бишариин*, возможные предки которых *маджаи* и *блемми* населяли этот регион в течение четырех тысяч лет. Подобная экологическая ниша сформировалась в верховьях вади, вероятно, около IV тыс. до н. э. с завершением периода неолитического

¹ Крол А. А., Гордеев Ф. И., Зайцев Ю. П., Семенов Е. В., Слепченко С. М., Толмачева Е. Г. Сезон 2020 года Нубийской археолого-антропологической экспедиции НИИ и Музея антропологии им. М. В. Ломоносова на памятнике Дерахейб (Республика Судан) // *Вестник Московского университета. Серия XXIII. Антропология*. 4. 2021. С. 135–137.

*Фото 3. Интервью с представителем беджа бишариин Али.
Фото Н. Макеевой*

субплювиала, когда саванна постепенно обратилась в пустыню, а люди, обитавшие в регионе Красноморских гор, перешли к кочевому животноводству и занимаются им по сей день.

Другая важная особенность центрального Атбая — высокая золотоносность этой части Красноморских гор. Самородковое золото, которое до сих пор регулярно находят в Нубийской пустыне; золото россыпное, которое можно добывать промывкой песка; и золото рудное, содержащееся в кварцевых жилах — главная причина притягательности центральной части Нубийской пустыни начиная с IV тыс. до н. э. и до настоящего времени. Золотодобыча в Нубийской пустыне знала три наиболее актив-

ных периода: эпоха Нового царства (время правления XVIII–XIX династий), Средние века (IX–XI вв.) и период, начавшийся с 2011 г. и длящийся до сегодняшнего дня¹. Наиболее интенсивно разработка золотых жил происходит в регионе Вади-аль-Аллаки.

И наконец, последняя важная особенность региона: сухое русло Вади-аль-Аллаки представляло собой удобный путь, который соединял плодородную долину Нила с глубинными районами центрального Атбая, которые, судя по данным письменных источников (древнеегипетских, греческих, латинских, арабских), были населены племенами, занимавшимися кочевым скотоводством, и с побережьем Красного моря. По этому пути спускались к Нилу кочевники для меновой торговли с жителями долины; перемещались экспедиции, отправлявшиеся для добычи золота; пролегал маршрут, который в римское время соединял Египет и Аксумское царство; позднее, в арабское время, этим маршрутом двигались караваны, перевозившие товары из Юго-Восточной Азии, Аравии, а также паломники, направляющиеся в хаджж.

Неудивительно поэтому, что в 1831 г. французский инженер Леннан де Беллефон обнаружил в верховьях Вади-аль-Аллаки в местности, которую местные жители из племени *бишариин* именовали Дерахейб, руины города и нескольких укрепленных зданий, которые он назвал замками. Де Беллефон идентифицировал Дерахейб с городом Аль-Аллаки, неоднократно упомянутом в арабских средневековых источниках².

Дерахейб несколько раз упоминается в статьях чиновников британской колониальной администрации, занимавшихся на досуге научными изысканиями³. Научное же изучение древностей верховий Вади-аль-Аллаки началось лишь с 1989 г. Это была экспедиция Анджело и Альфредо Кастильони и организованного

¹ Klemm R., Klemm D. Gold and Gold Mining in Ancient Egypt and Nubia. Geoarchaeology of the Ancient Gold Mining Sites in the Egyptian and Sudanese Eastern Deserts. Berlin Heidelberg: Springer-Verlag, 2013. P. 1–20.

² Linant de Bellefonds, L. M. A. L'Etbaye ou pays habité par les arabes Bichariehs: Géographie, ethnologie, mines d'or. Paris, 1868. P. 70, 72.

³ Paul A. A history of the Beja Tribes. Cambridge, 1954. P. 27; Newbold D. Deraheib Gold Mines // *Antiquity*. XXII. 1948. P. 33–34.

ими Центра изучения Восточной пустыни (Centro Ricerche sul Deserto Orientale (CeRDO))¹.

Итальянскими исследователями в результате разведок, проводившихся с 1989 по 2006 г., была изучена огромная территория в 50 000 км² и выявлено, описано и нанесено на карту более 200 археологических памятников². Обследовав большую часть центрального Атбая они не обнаружили иных городищ помимо Дерахейба. Вероятно, поэтому в их публикациях несколько навязчиво звучит мысль о том, что Дерахейб на всем протяжении своей истории начиная с фараоновского периода был центром золотодобычи и региональной власти. По мнению братьев Кастильони, именно в Дерахейбе может быть локализовано поселение золотодобытчиков, изображенное на одной из древнейших карт, хранящейся в Туринском музее; там же, по их мысли, находился город Береника Панхрисос, центр золотодобычи в птолемеевский период³. В Дерахейбе, как считали итальянские исследователи, находилась и одна из столиц *блеммиев*, куда переместился центр власти этого кочевого государства после того, как они были изгнаны *нобадами* из долины Нила, причем царский некрополь *блеммиев* находился на расстоянии 40 км от Дерахейба в котловине Ониб⁴. Наконец, братья Кастильони утверждали, что в Дерахейбе располагался административный центр золотодобывающего региона в арабский период. С последним тезисом, как

¹ Castiglioni Al., Castiglioni An., Vercoutter J. Das Goldland der Pharaonen. Die Entdeckung von Berenike Pancrisia. Mainz, 1998; Castiglioni Al. et al. Travelling the Korosko Road: Archaeological Exploration in Sudan's Eastern Desert. Ed. by W. Vivian Davies and Derek A. Welsby. London: Archaeopress, 2020.

² Sadr K., Castiglioni Al., Castiglioni An. Nubian Desert archaeology: a preliminary view // *Archéologie du Nil Moyen*. 7. 1998. P. 203–204.

³ Бухарин М. Д., Крол А. А. Береника Всезлатая — Аль-Аллаки-Дерахейб: археологическая реальность в контексте исторической географии // *Вестник древней истории*. 1. 2020. С. 172–192.

⁴ Sadr K., Castiglioni Al., Castiglioni An. Deraheib: Die goldene Stadt der Nubischen Wüste // *Mitteilungen der Sudanarchäologische Gesellschaft zu Berlin*. 9. 1999. P. 55.

показывают результаты российских исследований на памятнике, сложно поспорить.

В Дерахейбе экспедиция МГУ начиная с 2016 г. исследует городище, которое было центром золотодобычи в регионе в период между XI и XI вв. Через Дерахейб также пролегал торговый путь, который соединял красноморский порт Айзаб и египетские города на Ниле, в первую очередь Асуан, Кус и Кену. Этот же путь использовали и паломники, отправлявшиеся в хадж к священным городам ислама из Египта, стран Магриба и мусульманской Испании.

За четыре сезона полевых исследований экспедицией была изучена часть средневекового некрополя; проведены раскопки Северной крепости; Объекта 3 (Мечеть) в центре городища Дерахейб¹. В 2022 г. после проведенной разведки в котловине Ониб, расположенной на расстоянии 40 км к юго-востоку от Дерахейба, в Национальную корпорацию по делам древностей и музеев было подано прошение о присоединении к российской концессии также и территории котловины. Прошение было удовлетворено суданскими властями. В декабре 2022 г. были проведены разведывательные работы в Онибе, которые выявили обширный некрополь, вероятно относящийся к позднеантичному и раннесредневековому периоду; две стоянки эпохи неолита²; многочисленные писаницы средневекового периода; петроглифы, предположительно II тысячелетия до н. э.; было

¹ Krol A., Berezina N., Chirkova A., Fedorchuk O., Gordeev F., Kalinina O., Tolmacheva E. Research of the Nubian Archaeological and Anthropological Expedition of the Research Institute and Museum of Anthropology of Moscow State University in Central Atbai (2017–2022) // *Moscow University Anthropology Bulletin*. 3. 2022. P. 100–124.

² Krol A., Chulei A., Ershova V., Kandinov M., Mazei N., Mazei Y., Petrova N., Simonenko A., Pastukhova J., Tsyganov A. Fourth and fifth seasons of the Nubian Archaeological and Anthropological Expedition of the Anuchin Research Institute and Museum of Anthropology, Lomonosov Moscow State University at the Sites of Deraheib and Onib (Republic of the Sudan). Part I. Stone Age Sites' Survey at the Onib Depression // *Moscow University Anthropology Bulletin. Seria XXIII. Antropologia*. 4. 2023. P. 132–149.

проведено этноархеологическое обследование заброшенной деревни *беджа*¹.

Этноархеологическое обследование заброшенной деревни *беджа* в Онибе

Этнографическая общность *беджа* населяет горные вадии вдоль побережья Красного моря от юга Египта до севера Эритреи². Из-за сильных засух 1980–1890-х гг. значительная часть кочевого сообщества была вынуждена изменить свой традиционный хозяйственный уклад и переселиться в города и районы так называемого интенсивного земледелия³. Промышленная золотодобыча и производство древесного угля в некоторых районах Восточной пустыни также нарушили традиционный порядок землепользования, ранее регулировавшийся обычным правом *беджа*⁴. Тем не менее в наиболее отдалённых и изолированных районах Этбая некоторые группы *беджа* сохраняют кочевое скотоводство в качестве основного источника средств пропитания.

К одному из таких мест можно отнести котловину Ониб где и проводились этноархеологические работы Нубийской экспедиции. Как было установлено в ходе опроса респондентов, коренное население Ониба идентифицирует себя как *беджа бишариин* рода Алиаб линиджа Амраб. Из-за ограниченности кормовой базы для скота в условиях засушливого климата разные группы *беджа* Восточной пустыни в зависимости от факторов окружающей среды придерживаются различных форм

¹ Исследование проводилось полевым директором экспедиции канд. ист. наук Ю. П. Зайцевым и этнографом Ф. И. Гордеевым.

² Dahl G., Hjort-af-Ornas A. Precolonial Beja: A Periphery at the Crossroads // *Nordic Journal of African Studies*. 15 (4). 2006. P. 473.

³ Babiker M., Pantuliano S. Addressing chronic livelihoods vulnerability in Red Sea State, Sudan. A report prepared for OXFAM GB. London, 2006. P. 25.

⁴ Christensen A. Charcoal and Coffee // *Deserting the Desert. A Threatened Cultural Landscape between the Nile and the Sea*. Bergen: University of Bergen, 2001. P. 122–123.

номадизма. *Беджа* Амраб котловины Ониб практикуют форму хозяйствования, которая может быть классифицирована как вертикальное отгонное кочевое скотоводство¹. Особенность этой модели заключается в том, что часть группы проживает в постоянном поселении, в то время как другая её часть вместе со скотом поднимается на временные стоянки в горы, где скапливается вода после зимних ливней. Помимо этого, возможно перемещение всей группы из одного постоянного поселения в другое на длительный промежуток времени. При этом типе хозяйствования кочевой цикл не является сезонным, то есть не ограничивается одним годом, и зависит от выпадения осадков. Такая форма кочевий в свою очередь предопределяет большую фундаментальность построек *бишариин* по сравнению с другими племенами *беджа*, которые перемещаются в течение года и используют легко транспортируемые жилища, сравнимые по архитектуре с бедуйским тентом². В отличие от тех кочевых сообществ, которые не имеют постоянных мест проживания и находятся в перманентном движении, что приводит к отсутствию мест накопления материальных остатков³, в поселениях *беджа бишариин* формируется культурный слой, который позволяет проводить археологические работы на заброшенных ими стоянках.

Когда группа *беджа* оставляет постоянное поселение на длительный срок, деревня подвергается «консервации»: жилые и нежилые постройки накрываются тентами, циновками и одеялами, закладываются тяжёлыми ветвями акаций. Входы в поме-

¹ Wendrich W., Barnard H. The Archaeology of Mobility: Definitions and Research Approaches // The Archaeology of Mobility: Old World and New World Nomadism. Ed. by H. Barnard and W. Wendrich. Los Angeles, 2008. P. 5–7.

² Abdel-Magid A. History of the Nomadic Architecture of the Haden-dowa in Northeast Sudan // The Archaeology of Mobility: Old World and New World Nomadism. P. 444–454.

³ Smith A. Is Absence of Evidence, Evidence of Absence? Problems in the Archaeology of Early Herding Societies of Southern Africa // The Archaeology of Mobility: Old World and New World Nomadism. P. 267–268.

щения также перегораживаются ветками для предотвращения проникновения скота внутрь построек.

В ходе разведывательной экспедиции в феврале 2022 г. в северной части Ониба была обнаружена деревня *беджа*, которая, вероятно, была «законсервирована» много лет назад. По какой-то причине жители так и не вернулись в поселение, и большая часть зданий со временем разрушилась и стала непригодной для проживания. Было принято решение о проведении обследования данного поселения археологическими методами для сравнения его результатов с этнологическими данными, полученными в ближайшей населённой деревне *беджа* — Камой.

Этноархеология как направление междисциплинарных исследований за более чем полвека своего существования доказала продуктивность изучения и интерпретации археологических находок с привлечением этнографических данных о предметах материальной культуры современных сообществ. Показателен пример археологических раскопок античного порта Береника (*Berenica Troglodytica*) в Египте, к которым привлекались местные *беджа абабде* в качестве работников. Многолетнее сотрудничество учёных с представителями коренного населения вылилось в обширный культурный проект, в результате которого были изучены и описаны предметы материальной культуры *абабде*, что позволило расширить исследовательский взгляд на интерпретацию археологических находок¹.

В ходе этноархеологических исследований в Онибе был составлен ортофотоплан заброшенного поселения с указанием жилых и нежилых построек, проведена фотофиксация найденных предметов материальной культуры в контексте обнаружения, составлено их предварительное описание. По своему назначению находки носили как бытовой, так и ритуальный характер. После завершения экспедиции по соглашению с суданской стороной (Национальная корпорация по делам древностей и музеев) 27 предметов (текстиль, сосуды для хранения сыпучих веществ,

¹ Abdel-Qadr M., Wendrich W, Kosci Z., Barnard H. Giving a Voice to Ababda // *The History of the Peoples of the Eastern Desert*. Ed. by H. Barnard and K. Duistermaat. Los Angeles, 2012. P. 400–404.

бурдюки, предметы для кофейной церемонии, оружие, седло и украшения для верблюда, женские украшения, символы власти (посох шейха) были переданы в НИИ и Музей антропологии МГУ для реставрации и хранения.

Промежуточные выводы, сделанные в результате обследования заброшенной деревни археологическими методами, обнаружили две тенденции жизненного уклада *беджа*. С одной стороны, большое количество находок свидетельствовало о бережном отношении кочевого сообщества к предметам промышленного производства. Так, было найдено значительное количество неоднократно отремонтированной обуви, одежды и предметов быта. На посуде и кухонной утвари были обнаружены следы длительного использования. С другой стороны, были найдены ценные предметы ритуального значения, главные из которых — традиционный меч *беджа* и верблюжье седло-паланкин. Оставление этих предметов противоречило практике переиспользования и длительного хранения вещей бытового назначения.

Серия этнологических интервью с жителями деревни Камой помогла интерпретировать назначение различных предметов быта *беджа*. Кроме того, была получена информация о формах кочевий бишариин Амраб, а также о социальных нормах, регулирующих кочевой образ жизни. Так, по словам наших респондентов, проникновение на территорию законсервированного поселения без ведома хозяев у *беджа* находится под запретом, потому они могут не беспокоиться о сохранности имущества во время своего отсутствия. Универсальность этого культурного табу подтверждается свидетельствами о другой группе *беджа* — *абабде*¹.

Тем не менее причина, по которой обследованная деревня была оставлена его жителями, так и не была установлена. Респонденты настаивали на том, что жители этого поселения вернутся обратно. Это утверждение входило в явное противоречие со степенью разрушения построек, которые находились в аварийном состоянии и уже не были пригодны для проживания. Также

¹ Wendrich W. From Objects to Agents: the Ababda Nomads and the Interpretation of the Past // The Archaeology of Mobility: Old World and New World Nomadism. P. 536.

оставалась неясной причина, по которой жители деревни Камой не забрали из заброшенного поселения предметы, пригодные для переиспользования. Было сделано предположение, что обозначенное выше табу на посещение законсервированных деревень носит безусловный характер и сохраняет своё значение даже в случае полного оставления деревни её жителями.

Меч

Меч был обнаружен в ножнах внутри одной из жилых построек заброшенной деревни *беджа*. Он находился в свёртке из отдельных кусков ткани, который был подвешен под потолком на стене дома с внутренней стороны.

Описание (фото 4, 5, 6)

Клинок.

Стальной, кованый, прямой, двухлезвийный, линзовидного сечения, пята не выражена. От основания клинка у эфеса до середины его длины на обеих сторонах клинка выбраны один длинный центральный и два коротких боковых дола¹.

Фото 4. Меч каскара.
Фото А. Мухина

¹ Согласно типологии, которая приводится в работе У. Кларка, меч из Ониба принадлежит к типу Сулимани Дауд, характерной особенностью которого является наличие трех параллельных долов, из которых центральный длиннее остальных [Clark W. T. Manners, Customs and Beliefs of the Northern Bega // *Sudan Notes and Records*. XXI. 1938. P. 18.].

Фото 5. Внешняя сторона клинка. Фото А. Мухина

Фото 6. Внутренняя сторона клинка. Фото А. Мухина

Общая длина оружия в ножнах — 1080 мм.

Длина оружия без ножен — 1030 мм.

Длина клинка — 915 мм.

Ширина клинка у пяты — 45 мм.

Длина ножен — 895 мм.

На одной стороне клинка у основания частично перекрытое перекрестьем выгравировано изображение цветка, над которым по обеим сторонам расположены звезды. Далее посередине дола изображен месяц с человеческим лицом, снизу и сверху которого по обеим сторонам выгравированы звезды. Ниже в конце дола помещено изображение солнца с человеческим лицом.

Далее — две строки арабской надписи:

الله أكبر
ولك الحمد

Аллах велик
Тебе — хвала¹ (фото 7)

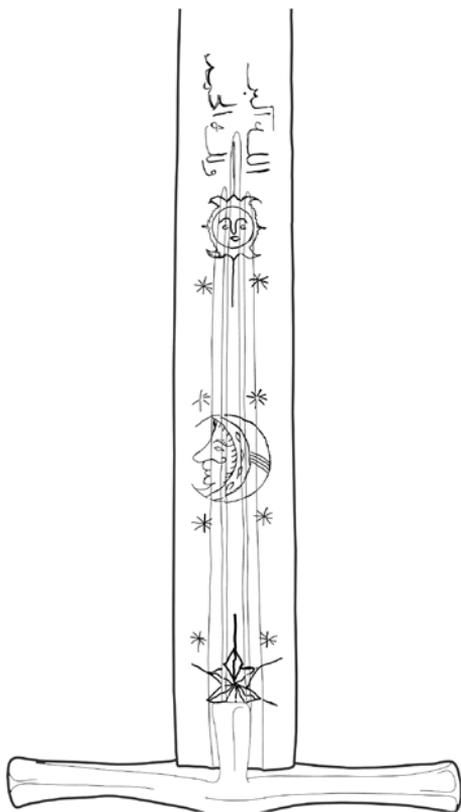
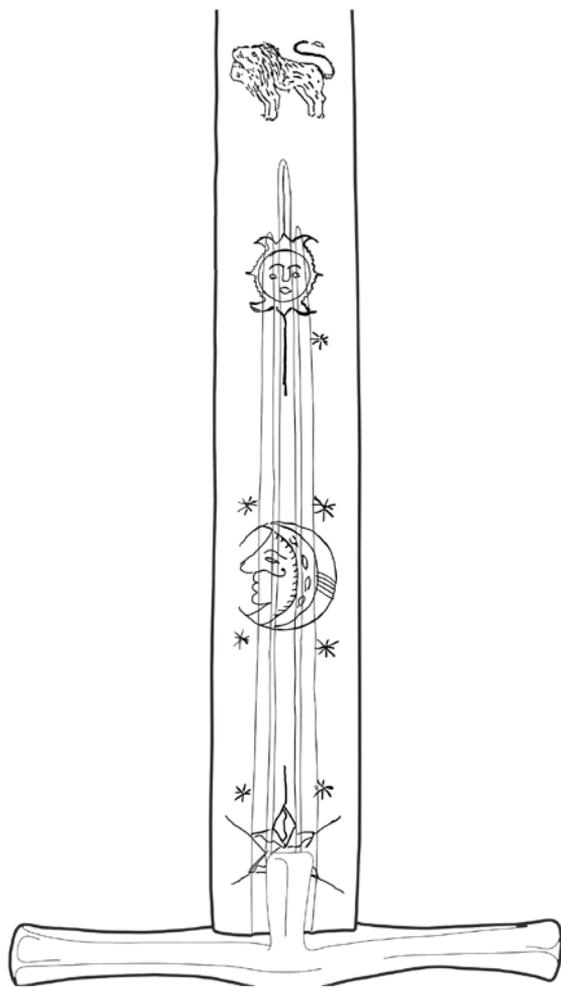

Фото 7. Изображения на мече. Внешняя сторона. Прорисовка О. Калининой

¹ Вероятно, отсылка ко второму аяту первой суры Корана (Аль-Фатихе) الْحَمْدُ لِلَّهِ رَبِّ الْعَالَمِينَ «Хвала Аллаху, Господу миров» (перевод И. Ю. Крачковского).

На противоположной стороне помещены аналогичные изображения цветка, луны и солнца, а выше выгравирован стоящий лев, с поднятой кверху мордой и поднятым хвостом (фото 8).

*Фото 8. Изображения на мече. Внутренняя сторона.
Прорисовка О. Калининой*

Эфес состоит из гарды и рукояти с навершием. Гарда образована гладкой железной крестовиной с перекрестьем со слегка расширяющимися окончаниями. Рукоять деревянная цилиндрическая. На верхнюю часть рукояти надет обрезок бронзовой трубы, нижняя часть покрыта кожей. В ходе реставрации¹ рукоять была размонтирована. Это позволило выявить ее конструкцию, которая, безусловно, является результатом сравнительно недавней работы: на хвостовик была надета деревянная рукоять с отверстием посередине. Рукоять была закреплена гвоздем, который, вероятно, проходит сквозь отверстие в хвостовике.

Ножны сделаны из плотного картона и зашиты в кожу животного; имеют характерное для ножен мечей типа *каскара*² лукообразное расширение на конце. Кожа украшена несколькими поясами тисненого орнамента. Обоймицы — кожаные в виде накладок из картона, обтянутого кожей. Сохранились фрагменты портупей. Видны следы ремонта: лопнувшая на сгибе кожа была грубо сшита белыми нитками.

Клинки мечей, имевших хождение на территории Африки (прежде всего типа *каскара* и *такуба*), по преимуществу изготавливали в кузницах Золингена в Германии, Толедо в Испании, и Беллуно в Италии с XVI по XIX в. Однако применительно к XIX в. можно говорить о том, что большинство клинков, которые попадали на территорию Западной Сахары и Судана, производились в Золингене³. Из Европы клинки доставлялись в средиземноморские порты

¹ Реставрация была выполнена сотрудником реставрационного отдела ГМИИ имени А. С. Пушкина Ю. А. Ворониным.

² Этимология термина *каскара* не совсем ясна. В Судане это слово не используется. Мечи подобного типа называют общим арабским словом, обозначающим меч, — *сейф* [<http://www.vikingsword.com/ubb/Forum1/HTML/001607.html>]. Возможно, слово происходит из языка народа багирми, проживающего на территории современного государства Чад. На этом языке слово означает меч [<http://takouba.org/kaskara-terminology>].

³ Briggs L. C. European Blades in Tuareg Swords and Daggers // *The Journal of the Arms and Armour Society*. Vol. 5. Iss. 2. 1965. P. 38; Крол А. Меч каскара из коллекции В. Ф. Машкова в НИИ и Музее антропологии им Д. Н. Анучина МГУ // *Вестник Московского университета. Серия 23: Антропология*. 4. 2015. С. 107–115.

Туниса, в Триполи и Александрию, откуда по караванным путям через Сахару они попадали в Судан. Другой путь пролегал через порты на атлантическом побережье Марокко и Мавритании. В Кано (северная Нигерия), в ал-Фашире (Дарфур), Тимбукту (Мали) для этих клинков делали рукояти, ножны, наносили на клинки коранические надписи¹. Своего пика экспорт клинков достигает в XIX в. и по преимуществу из Германии. По воспоминаниям одного европейского путешественника, относящимся к 1851 г., подавляющее большинство клинков, продававшихся на оружейном рынке в Кано, были произведены в Золингене². Однако, по мнению Спринга, во многих кузницах Тимбукту, Кано европейские клинки подделывались, причем настолько искусно, что определить подделку до сих пор порой представляется затруднительным³. Здесь же на «местные» мечи, равно как и на клинки, привезенные из Европы, часто ставились поддельные разновременные европейские клейма⁴. Клейма были призваны увеличить как стоимость, так и магическую силу меча, ибо кузнецы в традиционных культурах Африки, согласно Л. Бриггсу, составляли особую замкнутую касту, которая помимо обработки металла была также тесно связана с магией⁵.

Антропоморфные изображения полумесяца и солнца со звездами характерны для декора европейских сабельных, реже палашных, клинков XVIII в. Солнце символизировало небесные божественные сферы, ум, совершенство, власть, вечность, возрождение и таким образом являлось монархическим знаком, что воплотилось в титуле Людовика XIV⁶. Луна была символом

¹ Spring C. *African Arms and Armour*. London: British Museum Press, 1993. P. 41; Spring C. *African Hilt Weapons // Swords and Hilt Weapons*. London: Multimedia Books Limited, 1989. P. 208.

² Spring C. *African Arms and Armour*. P. 42.

³ Spring C. *African Hilt Weapons*. P. 208.

⁴ Кулинский А. Н. Атрибуция и описание холодного и некоторых видов ручного метательного оружия и штыков. Методические рекомендации. Санкт-Петербург: ВИМАИВиВС, 2007. С. 11–12.

⁵ Briggs. *Op. cit.* P. 54.

⁶ Lhoste J., Buigné J.-J. *Armes blanches françaises. Symbolisme, inscriptions, marquages, fourbisseurs, manufactures Editions du Portail*, 1994. P. 12.

быстротечности времени и грядущего воскресения и изображалась на европейских клинках в виде серпа¹.

Изображенные на мече из Ониба символы: цветок, полумесяц с человеческим лицом, солнце можно найти на мече туарегов, опубликованном Бриггсом. Клинок, согласно исследователю, был изготовлен в Германии в XVIII в.² Другой клинок с аналогичными декоративными элементами датирован Бриггсом XVII в.³

Это позволяет, таким образом, предположить, две возможные датировки клинка из Ониба: либо он был выкован и декорирован в Европе в XVII — самом начале XVIII в., когда подобный тип оружия все еще использовался, либо клинок изготовили в XIX в. специально для продажи в Северной Африке и Судане и затем уже декорировали в одной из африканских мастерских используя широко распространенные европейские декоративные элементы.

Что касается изображения льва, то он является одним из декоративных элементов, использовавшихся на клинках, изготовленных в Золингене в XIX в.⁴ Либо лев мог быть изображен на клинке уже в Африке вместе с арабской надписью на другой стороне клинка⁵.

В культуре *беджа* меч, наряду со щитом, кинжалом, седлом, предметами, которые приторачиваются к седлу, украшениями верблюда, расческой-заколкой с длинными зубьями, является важнейшим атрибутом мужественности⁶ (фото 9). Согласно информации У. Кларка, меч передается от отца к старшему сыну.

¹ Lhoste J., Buigné J.-J. Op. cit. P. 13.

² Briggs. Op. cit. P. 56–57. Pl. XII D.

³ Briggs. Op. cit. P. 88.

⁴ Briggs. Op. cit. P. 82.

⁵ Мы благодарим ведущего научного сотрудника Оружейной палаты Музеев Московского Кремля В. Р. Новоселова за ценные замечания, связанные с атрибуцией меча.

⁶ Wendrich W., Barnard H. The Archaeology of Mobility: Definitions and Research Approaches // The Archaeology of Mobility: Old World and New World Nomadism. Ed. by H. Barnard and W. Wendrich. Los Angeles, 2008. P. 530.

*Фото 9. Беджа бишариин проезжают по памятнику Дерахейб.
На заднем плане — Северная Крепость.
Из архива Ан. и Ал. Кастильони*

Для тех же сыновей, кто не наследует меч, он становится самым первым и желанным приобретением¹.

В настоящее время *беджа* редко используют меч по своему прямому назначению, так как у многих мужчин есть огнестрельное оружие. Однако он не является всего лишь аксессуаром. Меч и щит используются во время танцев, которыми сопровождается почти каждый праздник: свадьба, рождение ребенка, *карама* (коллективная трапеза). Во время танца два мужчины с мечами в правой руке и щитами в левой в соответствии с ритмом, который задает песня, исполняемая другими *беджа*, стоящими кругом, двигаются и совершают прыжки. При этом кистями рук они придают мечам вибрирующее движение, которое должно сохраняться на протяжении всего танца. Танец мужчин длится несколько минут, после чего их сменяет другая пара². Именно задачами подобного использования, вероятно, объясняется тот факт, что большинство современных мечей *каскара* имеют тонкий, легко гнущийся клинок.

¹ Clark. Op. cit. P. 18.

² Wendrich. Op. cit. P. 532.

На наш взгляд, данный меч *каскара* был оставлен в деревне, потому что несмотря на свою очевидную древность (вне зависимости от того, был он изготовлен в XVII, XVIII или XIX веке), он утратил репрезентативную привлекательность и, вероятно, в течение определенного времени, до того как деревня была оставлена своими обитателями, уже хранился как реликвия. Покидая деревню, хозяин дома предпочел взять с собой новый меч.

Седло

Описание

Седло представляет собой конструкцию, состоящую из основы в виде двух вилкообразных рогулей, сопряжённых четырьмя продольными прямыми прутьями (по два с каждой стороны) и надстройки для натягивания тента из согнутых под воздействием высокой температуры прутьев. Места соединения перевязаны лоскутами ткани. Материал седла, как и надстройки, — древесина растения рода *Вахелия* (*Vachellia tortilis*), характерного для экосистемы Восточной пустыни (фото 10).

Ширина всей конструкции — 505 мм.

Глубина всей конструкции (длина от заднего края до переднего) — 515 мм.

Высота задней части — 890 мм.

Высота передней части — 1220 мм.

Седло было обнаружено недалеко от заброшенной деревни *беджа* в специально оборудованном месте хранения. Такой вариант хранения распространён среди *беджа* и представляет собой настил из сухих прутьев, уложенный между ветвей живого дерева рода *Вахелия* на высоте 1–1,5 м над землей.

Известны несколько вариантов верблюжьего седла у *беджа*: *сарг* (седло для верховой езды), *ховийя* (седло для навьючивания), *сарг сеннар* (седло для верховой езды с клинообразным выступом в задней части), *до'а* (ритуальное свадебное седло для невесты)¹, *хоудаж* или *шибрийя* — седло-паланкин².

¹ Wendrich W. Op. cit. P. 529.

² Abdel-Magid A. Op. cit. P. 458.

Фото 10. Седло. Фото Ю. Зайцева

Конструктивные особенности седла, найденного в заброшенной деревне *беджа* в Онибе, позволяют отнести его к разновидности седла-паланкина. Такое седло состоит из двух частей — самого седла и конструкции-каркаса, который крепится сверху. При кажущейся конструктивной простоте седло выполняет важную функцию правильного распределения массы всадника на спину верблюда для предотвращения деформации горба при больших

нагрузках. Центр тяжести одногорбого верблюда, в отличие от лошади, смещён к передним ногам, что определяет наклон седла в сторону холки¹. Основой седла служат две вилкообразные деревянные конструкции, каждая из которых устанавливается спереди и сзади горба верблюда. Они связываются и укрепляются продольными прямыми перекладинами. В центр получившейся конструкции укладывается подушка или мат для всадника. Верхнюю часть седла делают с помощью нагревания на огне зелёных ветвей дерева, для их последующего скручивания и связывания верёвками или полосками кожи. Верхняя конструкция может служить как в качестве каркаса для натягивания тента, закрывающего седока, так и для перевозки свёрнутых палаток в горизонтальном положении. Паланкины *беджа* относятся к категории женских сёдел и служат для укрывания женщин в дороге — не только от солнца, но и от посторонних глаз: в традиционной культуре *беджа* женщинам запрещаются любые контакты с неродственными ей мужчинами² (фото 11). Обязанности по изготовлению, ремонту и покрыванию седла тентом также являются женской прерогативой³.

Главным отличительным признаком таких сёдел, встречающихся не только у *беджа*, но и у других кочевников Восточной Африки (например, народы *теда/тубу* в Чаде, *хабаши* в Судане) является неразборность конструкции⁴. Точных данных о времени возникновения такого типа седла у *беджа* нет, со слов респондентов *беджа хадендоуа*, техника его производства передаётся от матери к дочери по наследству с незапамятных времён⁵. Можно, однако, предположить, что такой тип седла получил распространение на территории Восточной пустыни ещё во времена Фатимидского халифата, когда паломнический путь

¹ Prussin L. African Nomadic Architecture: Space, Place, and Gender. Washington, 1995. P. 47.

² Vanhove M. The Beja language today in Sudan: the state of the art in linguistics. Bergen, 2006. P. 6.

³ Abdel-Magid A. Op. cit. P. 458.

⁴ Prussin L. Op. cit. P. 50.

⁵ Abdel-Magid A. Op. cit. P. 458.

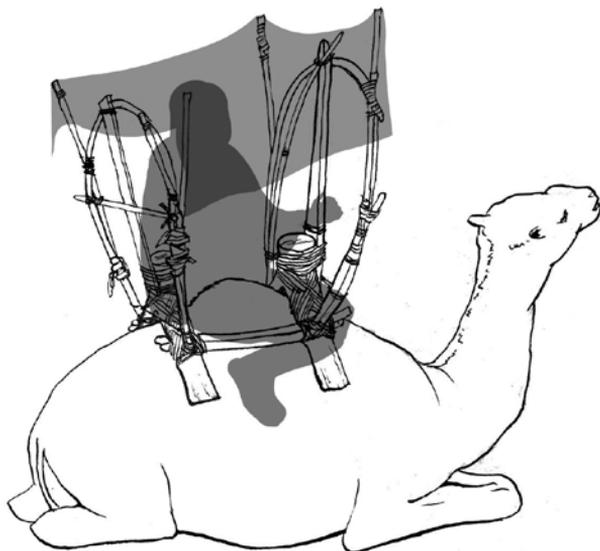

Фото 11. Седло-паланкин. Реконструкция О. Калининой

в Мекку через Ближний Восток был отрезан созданным в XI в. государством крестоносцев. В этот период *беджа* выполняли роль проводников через Восточную пустыню, сопровождая караваны из Асуана в красноморский порт Айзаб¹. Из исторических источников известно, что паломники часто пользовались этим видом транспорта для комфортного путешествия по пустыне².

Литература

1. Abdel-Magid A. History of the Nomadic Architecture of the Hadendowa in Northeast Sudan // *The Archaeology of Mobility: Old World*

¹ Le Quesne C. Hajj Ports of the Red Sea: A Historical and Archaeological Overview // *The Hajj: Collected Essays*. Ed. by V. Porter and L. Saif. London, 2013. P. 55–57.

² Milwright M. Trade and the Syrian Hajj between the 12th and the early 20th Centuries: Historical and Archaeological Perspectives // *The Hajj: Collected Essays*. P. 33.

and New World Nomadism. Ed. by H. Barnard and W. Wendrich. Los Angeles, 2008.

2. Babiker M., Pantuliano S. Addressing chronic livelihoods vulnerability in Red Sea State, Sudan. A report prepared for OXFAM GB. London, 2006.

3. Briggs L. C. European Blades in Tuareg Swords and Daggers // *The Journal of the Arms and Armour Society*. Vol. 5. Iss. 2. 1965.

4. Castiglioni Al. et al. Travelling the Korosko Road: Archaeological Exploration in Sudan's Eastern Desert. Ed. by W. Vivian Davies and Derek A. Welsby. London: Archaeopress, 2020.

5. Castiglioni Al., Castiglioni An., Vercoutter J. Das Goldland der Pharaonen. Die Entdeckung von Berenike Pancrisia. Mainz, 1998.

6. Christensen A. Charcoal and Coffee // *Deserting the Desert. A Threatened Cultural Landscape between the Nile and the Sea*. Bergen: University of Bergen, 2001.

7. Clark W. T. Manners, Customs and Beliefs of the Northern Bega // *Sudan Notes and Records*. Vol. XXI. 1938.

8. Dahl G., Hjort-af-Ornas A. Precolonial Beja: A Periphery at the Crossroads // *Nordic Journal of African Studies*. 15(4). 2006.

9. Klemm R., Klemm D. Gold and Gold Mining in Ancient Egypt and Nubia. Geoarchaeology of the Ancient Gold Mining Sites in the Egyptian and Sudanese Eastern Deserts. Berlin — Heidelberg: Springer, 2013.

10. Krol A., Chulei A., Ershova V., Kandinov M., Mazei N., Mazei Y., Petrova N., Simonenko A., Pastukhova J., Tsyganov A. Fourth and fifth seasons of the Nubian Archaeological and Anthropological Expedition of the Anuchin Research Institute and Museum of Anthropology, Lomonosov Moscow State University at the Sites of Deraheib and Onib (Republic of the Sudan). Part I. Stone Age Sites' Survey at the Onib Depression // *Moscow University Anthropology Bulletin. Seria XXIII. Antropologia*. 4. 2023.

11. Le Quesne C. Hajj Ports of the Red Sea: A Historical and Archaeological Overview // *The Hajj: Collected Essays*. Ed. by V. Porter and L. Saif. London, 2013.

12. Lhoste J., Buigné J.-J. Armes blanches françaises. Symbolisme, inscriptions, marquages, fourbisseurs, manufactures. La Tour-du-Pin: Éditions du Portail, 1994.

13. Linant de Bellefonds, L. M. A. L'Etbaye ou pays habité par les arabes Bichariéhs: Géographie, ethnologie, mines d'or. Paris, 1868.

14. Milwright M. Trade and the Syrian Hajj between the 12th and the early 20th Centuries: Historical and Archaeological Perspectives // *The Hajj: Collected Essays*. Ed. by V. Porter and L. Saif. London, 2013.

15. Newbold D. Deraheib Gold Mines // *Antiquity*. XXII. 1948.
16. Paul A. A history of the Beja Tribes. Cambridge, 1954.
17. Prussin L. African Nomadic Architecture: Space, Place, and Gender. Washington, 1995.
18. Sadr K., Castiglioni Al., Castiglioni An. Deraheib: Die goldene Stadt der Nubischen Wüste // *Mitteilungen der Sudanarchäologische Gesellschaft zu Berlin*. 9. 1999. P. 52–57.
19. Sadr K., Castiglioni Al., Castiglioni An. Nubian Desert archaeology: a preliminary view // *Archéologie du Nil Moyen*. 7. 1998.
20. Smith A. Is Absence of Evidence, Evidence of Absence? Problems in the Archaeology of Early Herding Societies of Southern Africa // *The Archaeology of Mobility: Old World and New World Nomadism*. Ed. by H. Barnard and W. Wendrich. Los Angeles, 2008.
21. Spring C. African Arms and Armour. London: British Museum Press, 1993.
22. Spring C. African Hilt Weapons // *Swords and Hilt Weapons*. London: Multimedia Books Limited, 1989.
23. Vanhove M. The Beja language today in Sudan: the state of the art in linguistics. Bergen, 2006.
24. Wendrich W. From Objects to Agents: the Ababda Nomads and the Interpretation of the Past // *The Archaeology of Mobility: Old World and New World Nomadism*. Ed. by H. Barnard and W. Wendrich. Los Angeles, 2008.
25. Wendrich W., Barnard H. The Archaeology of Mobility: Definitions and Research Approaches // *The Archaeology of Mobility: Old World and New World Nomadism*. Ed. by H. Barnard and W. Wendrich. Los Angeles, 2008.
26. Бухарин М. Д., Крол А. А. Береника Всезлатая — Аль-Аллаки-Дерахейб: археологическая реальность в контексте исторической географии // *Вестник древней истории*. 1. 2020.
27. Крол А. А., Гордеев Ф. И., Зайцев Ю. П., Семенов Е. В., Слепченко С. М., Толмачева Е. Г. Сезон 2020 года Нубийской археолого-антропологической экспедиции НИИ и Музея антропологии имени М. В. Ломоносова на памятнике Дерахейб (Республика Судан) // *Вестник Московского университета. Серия XXIII. Антропология*. 4. 2021.
28. Крол А. Меч каскара из коллекции В. Ф. Машкова в НИИ и Музее антропологии им Д. Н. Анучина МГУ // *Вестник Московского университета. Серия XXIII. Антропология*. 4. 2015.
29. Кулинский А. Н. Атрибуция и описание холодного и некоторых видов ручного метательного оружия и штыков. Методические рекомендации. Санкт-Петербург: ВИМАИВиВС, 2007.

Alexander S. Matveev

A Case of Survival of an Early Medieval Straight Sword: “Kaskara” Broadwords in Pre-Modern Sudan

Abstract. The straight-bladed double edged Sudanese swords, known as *kaskara*,¹ were a main shock weapon in the hand-to-hand combat in pre-modern Sudan and survived as such until the 20th century. The *kaskara*'s characteristic cross-shaped hilt drew the attention of European travellers and British officers who fought against the Mahdist movement in the late 19th century; and prompted the assumption that these swords were borrowed from the Crusaders. Despite such a popular belief, they have nothing to do with the Crusaders or Medieval Europe, but represent a continuation of a pre-Islamic Arabic tradition brought to the Sudan by the Arab tribes that migrated there in the Middle Ages; later this pattern was adopted by indigenous tribes in Darfur and Kordofan, as well as by the Beja in Eastern Sudan.

¹ The term is not an 'indigenous' Sudanese name of the sword, as one may expect, but rather a result of some misunderstanding; hence it has to be considered as a European collectors' convention to be used for the sake of brevity.

The main focus of the paper is the reason of survival of the straight sword in Sudan, despite a preponderance of a more sophisticated curved sabre in the Middle East and North Africa (MENA) and beyond. Though occasionally curved sabres, mostly imported fancy Persian shamshirs, found their way to the arsenals of higher nobility, as well as to those of the members of the military classes and affluent urbanites, especially in Khartoum, they remained of a marginal importance for the Sudan in general. Various military, social and cultural reasons discussed in the paper, made *kaskara* the most suitable weapon in the context of Sudanese warfare. As a result, the sabre, which became a weapon of choice among most of the Sudanese neighbours, was not able to challenge the dominance of the traditional straight sword; neither the colonial British and Egyptian military practices, seriously affected the indigenous pattern.

Early in the 20th century, after the fall of 'Ali Dinar's Darfur Sultanate in 1916, *kaskara* stopped being major army arms, but remained a self-defence weapon (the carrying of firearms was banned, while steel arms were not), required in a turbulent and unsafe tribal periphery, such as Darfur, Kordofan or Beja-dominated Eastern Sudan. Thus, Michael Asher who travelled in Darfur in 1980, purchased such a sword for self-protection. The owner of a *kaskara* I managed to buy in Darfur in 2020, in his younger days used to take it with him while travelling from his village to the weekly market in El Fasher. As such *kaskara* had survived until the start of the large-scale conflict in Darfur in the early 21st century, then being replaced by AK47. Nevertheless, it continues to be used till now as a sacred object in the traditional ritual dancing, e. g., at wedding ceremonies; being also a symbol of masculinity, resembling in this respect the Yemeni *jambiya*. Hence, though having relinquished its combat significance, the *kaskara* remains an indispensable element of the modern Sudan traditional society as a symbolic object.

Keywords. Sword; *Kaskara*; Arab Warfare; Sudan; Darfur; Kassala; the Mahdist State; Sultan 'Ali Dinar; Beja; *Fuzzy-Wuzzy*.

Ключевые слова. Меч; *каскара*; военное дело арабов; Судан; Дарфур; Кассала; Махдистское государство; султан 'Али Динар; беджа; *Фуззи-Вуззи*.

So we must certify the skill 'e's shown
In usin' of 'is long *two-'anded swords*:
When 'e's 'oppin' in an' out among the bush
With 'is coffin-'shield an' 'shovel-spear...
 ...So 'ere's to you, Fuzzy-Wuzzy, at your 'ome in the Soudan;
 You're a pore benighted 'eathen but a first-class fightin' man;
 An' 'ere's to you, Fuzzy-Wuzzy, with your 'ayrick 'ead of 'air —
 You big black boundin' beggar — for you broke a British square!
Fuzzy-Wuzzy (Soudan Expeditionary Force), Rudyard Kipling [1890]¹

I. Introductory remarks

While selecting a paper for this Festschrift, I have not hesitated a minute. For such a renowned scholar on the history and culture of Sudan as Prof Igor Gerasimov, a major Russian specialist in this field,

¹ Газеты не видал он никогда,
Медальями побед не отмечал,
Так мы расскажем, до чего удал
Удар его *двуручного меча!*..
 ...За твоё здоровье, Фуззи, за Судан, страну твою,
 Первоклассным, нехристь голый, был ты воином в бою!
 За здоровье Фуззи-Вуззи, чья башка копна копной:
 Чертов чёрный голодранец, ты прорвал британский строй!
(Перевод С. Тхоржевского)

the choice was obvious: among my works, a paper on the Sudanese swords-*kaskara* suited the best. A draft of this paper had emerged long ago — in relation to an innovative conference jointly held at the State Hermitage Museum and the Institute of the History of Material Culture in St Petersburg in September 1998: “Military Archaeology: Weaponry and Warfare in a Historical Perspective”. The major goal of the conference was linking together technological, tactical and social dimensions of weaponry. Usually, the specialists in the weaponry and warfare pay only a lip service to the social dimension of the military questions. Similarly, general historians usually do not pay attention to the military matters, though the latter had direct impact on the political systems and social structure of the society — and vice versa.

When the idea of the conference was conceived by Prof Anatoliy Kirpichnikov and Prof Vadim Masson in 1997, Prof Kirpichnikov contacted me through Natalya Alexeeva, my former supervisor in Archaeology, so as I would invite my British and other western colleagues in the field of the Military History (at that time, I held a fellowship of the Royal Asiatic Society of Scotland, doing research in a related field at the Edinburgh University). The idea was supported by a number of prominent scholars in the field, including Dr David Nicolle, a major British expert in the Middle Eastern weaponry, and Prof John Mason Smith (Jr.) from US, a major specialist on Mongol warfare. At that moment we understood this international forum as a starting point to promoting *Military Archaeology* as a specific historical discipline with its own recognized field of study, with a view to make St Petersburg conference a recurrent event. I also managed to attract attention of the Brill publishers, so they were keen to publish proceedings of the conference. Unfortunately, the conference coincided with the start of acute economic crisis (“default”) in Russia, which prevented the plans of future conferences from being brought to life at that period. Moreover, the proceedings I have been preparing, have not also been completed by various financial reasons. In fact, it was my major failure in the editing of academic volumes. One of the “casualties” was my own paper on the Sudanese swords.¹

¹ A short version of the paper has been published prior to the beginning of the above-mentioned conference: Bell Herman, Alexander Matveev. A Case of Survival of Early Medieval Straight Swords: “*Kaskara*” Broadwords

The idea of the Proceedings was to select papers where technical and social aspects of pre-modern warfare have been analysed together, thus linking technology, culture and history (conceptionally marrying “technological”, “social” and “historic” approaches, was to be the main *raison d'être* for the Conference). The paper on the Sudanese straight swords was supposed to be such an example of a broader approach to the study of weapons. It attempts to keep *both* technological and cultural sides of the studied phenomenon together and show how they influence each other, producing a cumulative result where military and social aspects are tightly interrelated.

The paper points out *inter alia*, that the social aspects of local warfare led to surviving of the broadsword when most of neighbouring regions switched to a technically different curved sabre. The next aspect was to consider various elements of the weapon in a wider context of its perception in the given culture. In this respect, numerous symbolic elements in the *kaskara* decoration provide a wealth of material for discussing the combination of real and sacral in the weaponry, both being equally important for its owner. High quality steel and Qur'anic inscriptions created a deadly weapon against the enemies, or the best protection when the body armour or helmet were involved.

For the Festschrift, I have altered the initial paper and considered newly published materials, though I had to omit the ‘Real and Sacral in Weaponry’ section for the sake of space, focusing mainly on the reasons behind survival of the early medieval straight sword in Sudan.

The present paper aims to further examine a remarkable phenomenon of the straight-bladed double edged Sudanese swords, *kaskara*. These swords, following a traditional medieval Arabic pattern, were a main shock weapon in the hand-to-hand combat in pre-modern Sudan and survived as such until the 20th C.

in the 17th — early 20th Centuries Sudan // Military Archaeology: Weaponry and Warfare in the Historical and Social Perspective. Materials of the International Conference, 2–5 September 1998. St Petersburg, 1998. P. 299–303.

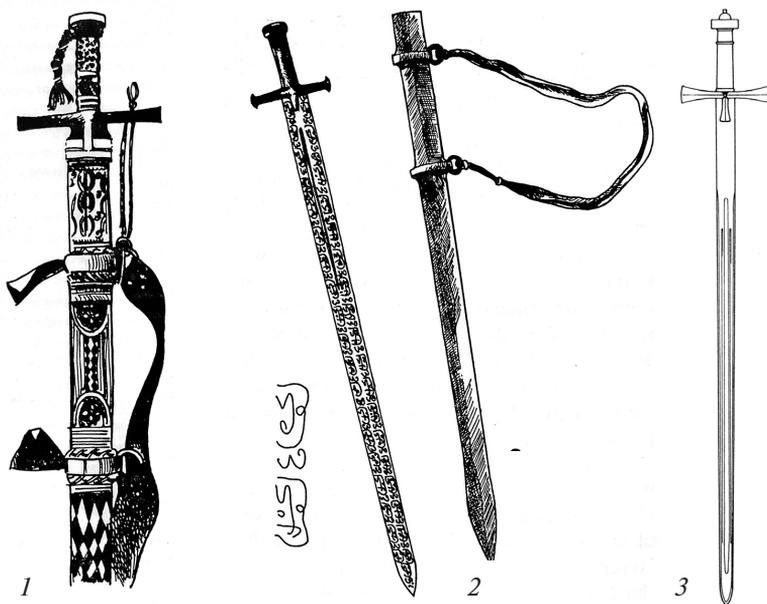

Fig. 1. 1 — A typical example of the kaskara broadsword from the late 19th century Sudan, in scabbard (after R. Elgood, Pl. 2.12¹); 2 — A kaskara with a pseudo-Arabic inscription, with a scabbard covered by serpent skin, Eastern Sudan, late 19th C.; L = 112 cm (A.1905.195, The Royal Museum of Scotland, Edinburgh).² 3 — line drawing of a typical kaskara (G. S. Reed, Pl. LII, A³)

Some of the extant exemplars of *kaskara* swords are believed to be as early as 17–18th C.; however this is true as regards the blades only (all their mounts, to the best of my knowledge, are of the late 19th — early 20th CC.). Most of the earlier *kaskara*, though usually undated, are of the

¹ Elgood R. *The Arms and Armour of Arabia in the 18–19th and 20th centuries*. Brookfield, Vermont, 1994. P. 16.

² Bell H., Matveev A. A Case of Survival of Early Medieval Straight Swords: “*Kaskara*” Broadswords in the 17th — early 20th Centuries Sudan. P. 302.

³ Reed G. S. *Kaskara from Northern Darfur, Sudan // The Journal of the Arms & Armour Society*. Vol. XII. No. 1. March 1987. Pl. LII.

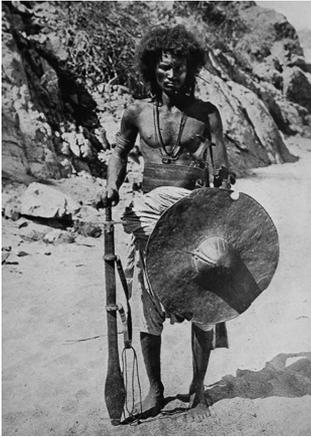

Fig. 2. *A Beja warrior (from the Amarar tribe¹)*

2nd half (mostly, the last quarter) of the 19th C., as they originated from the armies of *al-Mahdiyya* movement in Sudan.² Alongside this group, another distinctive batch of the early 20th C. swords of the time of Sultan Ali Dinar (1898–1916) should be mentioned, with his personal highly decorated swords on the first place (some of them were his own possessions, others were produced to be presented as gifts for high-ranking individuals).

In 1880s–1890s, during the fighting against al-Mahdi and his followers — especially in 1889, after the defeat at Toski of an invasion of Egypt organized by al-Mahdi's successor Khalifa;³ and later in

1896–1898, during the Sudanese campaigns of Lord Kitchener culminated in the final defeat of *al-Mahdiyya* troops in the battle of Omdurman on 2 September 1898, — a lot of the captured Sudanese weapons appeared in the markets of Aswan and Luqсор in Upper Egypt. And one of the most common item there were the above straight swords. They could be easily purchased both in Egypt and Sudan in the late 19th — early 20th C., and even later. A number of them were brought by colonial officers (usually as trophies) and travellers to Britain, where they remained in private collections, or were later given as gifts (or sold by the relatives of

¹ On the Amarar faction of the Beja tribal group see: Sandars G. E. R. *The Amarar // Sudan Notes and Records*. Vol. 18, No. 2. 1935. P. 195–220.

² On the Mahdist movement in general see: Holt P. M. *The Mahdist State in the Sudan 1881–1898: A Study of Its Origins, Development and Overthrow*. Oxford: Clarendon Press, 1970. On the Mahdist army and military system see an excellent overview by Stephane Pradines in the first part of otherwise irrelevant paper Pradines S., Khorasani M. M. *Sufi in War: Persian Influence on African Weaponry in 19th Century Mahdist Sudan // JAAS*. Vol. XXII, No 5. 2018. P. 254–258.

³ Egerton, Lord of Tatton. *A description of Indian and Oriental Armour*. London, 1896. P. 156.

Fig. 3. Sudanese (Beja) warriors at the turn of the 20th C.

the former owners) to the local museums, as is the case, for example, of the Sudanese collection in the Royal Museum of Scotland. Though both Egyptian and Sudanese markets have long been exhausted, these trophy swords still can be found on the auctions in UK, being even cheaper than the exemplars available in the Khartoum market where only modern *kaskara* (late 20th C. at the best) could now be found.¹

The *kaskara* were mass material, thus often neglected, till very recently. Besides, being an ordinary weapon, these swords are not particularly distinguished by their decoration — the virtually only feature that used to attract attention of the collectors. Consequently, only few of them — such as a richly decorated and heavily gilded example from Khalili collection,² made in 1312 AH (1898–9 AD) for Sultan ‘Ali Dinar,³ — managed to break their way into the exhibitions, while most of their counterparts are bound to remain in the back-shelves of

¹ In fact, I undertook such an attempt when had a chance, in the late 2010s, and it was a challenge to find something produced in the past century.

² Cat. 144: David Alexander. *The Arts of War: Arms and Armour of the 7th to 19th C.* (The Nasser D. Khalili Collection of Islamic Art, v. XXI). Oxford, 1992. P. 211–12.

³ ‘Ali Dinar — Sultan of Darfur in Sudan (1898 — 6.11.1916), who established his rule after the defeat of *al-Mahdiyya* movement and was recognized by English authorities. See Theobald A. B. ‘Ali Dinar: Last Sultan of Darfur 1898–1916. London: Longmans, Green and Co., 1965; on the Darfur Sultanate in general see O’Fahey R. S. *The Darfur Sultanate. A History.* London, 2008.

the museums. Thus, for example, the above-mentioned collection in the Royal Museum of Scotland has never been exposed, nor studied.

The first mentioning of the Sudanese swords in the scholarly literature goes back to the end of the 19th century, being connected — not surprisingly — with the above-mentioned English fighting against the troops of Mahdi. Lord Egerton of Tatton, a major late 19th C. specialist in Indian and Persian arms and armour, had to add a new chapter to the 2nd edition of his book on Oriental weaponry.¹ It concerns the Sudanese arms which became familiar to the British during the Mahdist war. Among other types of the military equipment, he mentioned straight swords and published two of them from his own collection (No. 191 and 195, the second one, characteristically, was bought in Assouan²). It seems, however, that the interest to such weapons was exhausted by this publication, and afterwards they were mentioned only occasionally. Specialists in the history of Middle Eastern weaponry usually just note them *in passim* as a late material not deserving a special attention.

In fact, the only scholarly publication dedicated to the *kaskara* at the time I had been studying them in 1997, was a ground-breaking article by Graham Reed “*Kaskara* from Northern Darfur, Sudan”, based on the field material collected by him in Darfur from April 1984 to March 1985,³ though it has been published in a specialized journal with relatively limited circulation outside of the UK. Fortunately, in two widely known books dealing with the Arab weaponry, some examples of such swords were published — three in the book of Anthony North⁴ and one in the book of Robert Elgood,⁵ though no thorough analysis

¹ Egerton, Lord of Tatton. *A description of Indian and Oriental Armour*. London, 1896. P. 155–159; P. 168–169.

² *Ibid.* P. 168.

³ Reed G. S. *Kaskara* from Northern Darfur, Sudan // *The Journal of the Arms & Armour Society*. Vol. XII. No. 1. March 1987. P. 165–201.

⁴ Anthony North. *An Introduction to Islamic Arms*. London, 1985. P. 30. Pl. 23a, b, c.

⁵ Robert Elgood. *The Arms and Armour of Arabia in the 18–19th and 20th centuries*. Brookfield, Vermont, 1994. P. 16. Pl. 2.12.

of this weapon has been done. The second sword from the North's book¹ also appeared in a publication of Khalili's collection by David Alexander who briefly discussed the origins of this type of swords.²

The real material, however, is quite abundant, but the swords are scattered among many, mostly private, collections, which makes their study not an easy task. Besides, some more field work, similar to that of Graham Reed and Edwin Hunley (see below), would be most welcome, as such swords are still in use in different parts of the Sudan — though now mostly for ritual purposes (wedding festival dances and the like).³ Such a research would verify geographical distribution of *kaskara* variants, the latter being known rather vaguely (in fact, we have some concrete information from Darfur and from Beja areas in East Sudan only). Recent developments in the Sudan, though, make my wishful thinking dated back to the late 1990s, completely unrealistic...

Fortunately, since the draft of this paper has been written in 1998, some seminal works by Dr Edwin Hunley on various aspects of *kaskara* elements/ construction have been published,⁴ which would spare me

¹ North A. Op. cit. Pl. 23b.

² Alexander D. The Arts of War. P. 211–12.

³ See a story about *kaskara* makers in Kassala (the main centre of *kaskara* manufacturing in Sudan since the 2nd quarter of the 20th C.), by Hiba Morgan — an al-Jazeera journalist who became well-known through reporting on anti-Bashir protests in Khartoum in 2019: Centuries old trade of sword making under threat in Sudan. 14 July 2017. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=xKGA6XUKAc> (accessed: 30.08.2022). Another similar 'story': Swordsmiths keeping Sudanese traditions alive. 1 March 2018. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=FiwvGpbYhms> (accessed: 30.08.2022).

⁴ They are published on the *Vikingsword: Medieval Sword Resource Site*, in the *Ethnographic Arms & Armour* section: Hunley E. *Kaskara Fuller Styles & Names*. URL: http://vikingsword.com/ethsword/hunley/kaskara_fullers.pdf; Hunley E. *Kaskara Cross-guards/Quillons*. URL: http://vikingsword.com/ethsword/hunley/kaskara_guards.pdf; Hunley E. The Social Economics of Small Craft Production: The Sword and Knife Makers of Kassala, Eastern Sudan, September 1984 [Modified October 2010]. URL: <http://www.vikingsword.com/ethsword/hunley/kassala.pdf> (all accessed: 30.08.2022).

To this list two not less revealing articles on 'Ali Dinar's highly decorated swords should be added: Hunley E. The Sudanese *Kaskara* Sword in Silver

from entering into much technical detail now. Thus, I would limit myself with highlighting main points, also mentioning some still popular misconceptions.

II. *Kaskara: General characteristics*

The Sudanese sword has some characteristic features, which makes it distinct from other similar weapons. Kaskara has a straight double-edged blade, which is normally very long — about 90 cm; its total length usually varying from 100 to 110 cm, sometimes even longer, ca 115 cm — like a gold-hilted ‘Ali Dinar sword belonged to Sir Harold MacMichael,¹ and a sword from the Edinburgh Museum (A. Loan 144.22), though shorter versions (85–90 cm) are also known; the width of the blade is 3,5–4,5 cm; the hilt’s length — ca 12–15 cm (the grip itself is usually ca 10–12 cm); its weight is normally ca 2 pounds (the European blades are often heavier, up to 1100 g or even more, while locally made blades produced in Kassala are usually 800–900 g).² The sword’s tip is smoothly pointed/ rounded; the blade is not tapering, the upper part of the forte near the hilt is only slightly broader and thicker than the rest of the blade, only at the last few cm near the tip the blade starts curving smoothly down to the point. Sometimes the blades are slightly narrower

Dress. URL: http://vikingsword.com/ethsword/hunley/kaskara_silver_dress.pdf, and Anderson J., A. Ali Mohaned, et. al. Royal Regalia: a sword of the last Sultan of Darfur, Ali Dinar // *Sudan and Nubia: Bulletin of the Sudan Archaeological Research Society*. No. 20. 2016. P. 161–169.

¹ Anderson J., et al. Royal Regalia: a sword of the last Sultan of Darfur, Ali Dinar. P. 166–168. See: <https://www.christies.com/en/lot/lot-6065527>.

² E. g., one of my 20th C. Kassala swords weights 810 g, other two — 880 g. Usually, the weight of swords is not being published, so I have no statistics, esp. for older swords. Herman Bell’s early 20th C. sword with a European blade weights 1100 g; the sword with a Persian blade published by D. Alexander [Islamic Arms and Armor in the Metropolitan Museum of Art. New York, 2015. P. 180] is 1288 g. The “Swordis” website considers the most common kaskara weight as 1,2 kg, but provides no reference [David Mickov. Kaskara Swords: Unveiling Sudan’s Storied Blades and Battlefield Prowess. URL: <https://swordis.com/blog/kaskara>]. It would be of great help if owners/keepers would spare a few moments to weight out their swords and publish the results.

in the middle, an effect likely caused by wearing off the central part of the blade as a result of fighting and subsequent sharpening of the edge.

Such a sword is designed mostly for cutting, and only secondly for thrusting, not “for cutting and above all for thrusting” as David Alexander considered¹: its end is not sharply pointed, as it is characteristic of the swords specially designed for thrusting. This corresponds to a general opinion of the 19th century European travellers in the Arabic lands who stressed the Arabs’ luck of skill in thrusting: “The Badawin boast greatly of sword-play; but it is apparently confined to delivering a tremendous slash, and to jumping away from the return-cut instead of parrying either with sword or shield... None of these Orientals knows the *use of the point* which characterises the highest school of swordsmanship”.² Such a typical contemptuous attitude was also expressed by Wyman Bury: “They are none of them good swordsmen as a rule and do not seem to have much idea of guarding or delivering thrusts.”³ This is quite understandable, though, as the early modern European school of swordsmanship (gradually developed under the specific conditions of West European warfare) was based on thrusting. As a result, even the most open-minded Europeans could not imagine that some other approach may have a right to exist or might make any sense, hence the Arab ‘cutting’ tradition was interpreted by them as another manifestation of the ‘uncivilized’ Orient.

The preconception that the swordsmanship as an equivalent to modern fencing based on thrusting continued to exist in the 20th century. Thus, a recent traveller to Darfur, Michael Asher, remembering his former fencing achievements at Stamford School, exclaimed after a Sudanese boy demonstrated “a crushing cut against the wooden prop”

¹ Alexander D. *The Arts of War*. P. 13.

² R. Burton. *Pilgrimage to Al Madinah and Meccah*. London, 1893 (1st ed. 1855) Vol. II. P. 107. He was the author of a book on sword drill (*A New System of Sword Exercise for Infantry*. London, 1876) and *The Book of the Sword*. London, 1884 (discussed below). The same attitude can be seen in Tavernier’s book about India [J. B. Tavernier. *Travels in India*. London, 1889: cited in Rawson P. S. *The Indian Sword*. London, 1968. P. 23].

³ Bury W. *The land of Uz*. London, 1911. P. 296: cited in Elgood R. *The Arms and Armour of Arabia*. P. 22.

with his newly bought sword-*kaskara*: “Evidently, for the Sudanese *the edge was mightier than the point!*” (meaning, they use swords for cutting, not for thrusting).¹

On the other hand, Egerton’s suggestion that these swords originally were two-handed (cf. the above-mentioned Kipling’s ballad) was a typical attempt to apply another European tradition — this time a medieval one — to quite different Oriental practices. Theoretically, almost any sword could occasionally be used to produce a blow with both hands employed, but it would be an exception. Besides, for a dexterous application of the second hand, the handle of the sword should be rather broad. Thus, when the European armour had been further developing in the 14th C., the ‘hand-and-a-half’ swords emerged: though being designed for a typical use with one hand, they got a longer grip, some 15 cm or more, so as to use both hands when a mightier blow was required. The grip of the Sudanese sword, on the contrary, is not broad (typically some 10–12 cm), being obviously single-handed. Besides, *kaskara*, though rather long, is not as heavy as the late medieval European examples of similar length, so even a foot warrior could easily handle it with one hand, resembling in this respect the Viking swords.

1. Blade

When we are dealing with blade weapons, the blade, naturally is supposed to be the most important element. The real variety of *kaskara* blades shape, though, is quite broad, especially taking into account that before the Kassala centre of sword manufacturing has been established in the 1930s,² various imported European blades were predominantly used. Among them, there are flat blades or with rudiments of fullers, and blades with clearly seen fullers. The number of fullers varies from one (going down almost to the point, seemingly, being the most typical for local production of the pre-Kassala period) to three,³ occasionally even five — running along the flat of the blade, usually on its forte and slightly beyond, but

¹ Asher M. In Search of the Forty Days Road. Harlow, 1984. P. 63.

² On the Kassala centre of the *kaskara* production see: Hunley E. The Social Economics of Small Craft Production: The Sword and Knife Makers of Kassala, Eastern Sudan; also videos mentioned on p. 234 footnote 3.

³ Egerton, Op. cit. No. 191. P. 168.

sometimes going further down; locally made blades have crudely drawn not parallel fullers. These type of blades broadly correspond to a medieval Arabic generic term “*al-sayf al-mushattab*”, i. e. the “channelled sword”. Hunley identified and described in great detail five types of fullers.¹

Ends of two chiselled grooves are occasionally joined, thus producing a sort of cartouche, filled with Arabic inscriptions, like that on a relatively early example published by North.² The cartouche may take the form similar to the wooden ‘Qur’anic boards’ used by the pupils in the traditional religious ‘Qur’anic schools’ — *kuttāb*,³ in Sudan such schools are called *khalwa*, i. e. cell for religious retirement, a synonym to the Sufi *zawiya* (Fig. 4). The wooden board for writing is named ‘*lawh*’ (Ar. ‘board’), in the colloquial pronunciation — ‘*loh*’ (not ‘*lohr*’ as overheard by Reed⁴). Such schools used to be the main element of the traditional educational system, now replaced by the governmental public schools. However, some of them managed to survive and still use the same *lawh* for training in writing, as in a major ‘Qur’anic school’ in Omdurman.⁵

The *kaskara* blades may have Arabic inscriptions, sometimes accompanied by ‘magic squares’ — *buduh*,⁶ as well as some sort of maker’s stamps, the latter being more typical for the imported blades or their imitations. Thus, for example, the blade of the No. 191 from

¹ Clark W. T. Manners, Customs and Beliefs of the Northern Bega // Sudan Notes and Records. Vol. XXI. 1938. P. 1–30; Hunley E. Kaskara Fuller Styles & Names. P. 1–2, then passim. I presume, though, these types and their classification fully developed in post-‘Ali Dinar period in Kassala.

² North A. Op. cit. Pl. 23c, M.47–1953. The blade is heavily damascened in gold, and has some inscriptions, including the maker’s name “Abdallah b. Ibrahim Sudanese”; it is dated by the publisher as 17th C., which is difficult to confirm or otherwise; the hilt, though, is a later ‘alteration’, thus bringing us to the same point when all the available *kaskara* had emerged in relation to the Mahdist war, i.e. the last quarter of the 19th — beginning of the 20th C.

³ Efim Rezvan. Qur’an and its World. St Petersburg, 2001. P. 337; fig. 9b.

⁴ Reed G. S. *Kaskara* from Northern Darfur, Sudan. P. 170.

⁵ خلاوي القرآن في السودان تدعم المعاهد والجامعات بالحفظة <https://www.albayan.ae/economy/2010-10-01-1.288645>. I am thankful to my former colleague Angelica Kondra for attracting my attention to this important school.

⁶ Macdonald D. B. 1981. *Budūh* // Encyclopedia of Islam. 2nd ed. Vol. XII. Supplement. P. 153–154.

Fig. 4. 1 — ‘Qur’anic boards’ — lawh; 2 — Children studying Qur’an in a traditional khalwa school in Omdurman¹; 3 — cartouche with an Arabic inscription on a kaskara blade²

Egerton collection which he considered as being most likely from Solingen, “has been engraved roughly by native workmen, in imitation of other European blades, near the handle with six-pointed stars and the sun and moon, with human faces introduced into them on both sides; but the artist could not draw the outline of a face accurately.”³ These ‘stamps’ (in fact, their imitations) are the most typical for the *kaskara* blades (see a detailed stamps’ analysis by Edwin Hunley⁴).

It was a common feature for the ‘Oriental’ swords of the time to have European, mostly Solingen, blades — not only in Sudan, but also

¹ <https://www.albayan.ae/economy/2010-10-01-1.288645> (accessed: 30.08.2022).

² G. S. Reed. *Kaskara* from Northern Darfur, Sudan. Pl. LV, D.

³ Egerton R. Op. cit. P. 168.

⁴ Hunley E. *Kaskara* Fuller Styles & Names. P. 8–12.

in North Africa and Arabia. A notion, popular among scholars who are dealing with imported blades in the pre-modern MENA, that some of these blades might come from Toledo or Italy, is merely a misunderstanding based on the maker's stamps. Though some of these stamps shapes had originated from medieval Toledo or Italy indeed, they were later imitated by German sword makers, as in Passau and Solingen. In the 19th C. all the swords imported to the MENA were manufactured in Germany (mostly in Solingen)¹; by then Toledo had long stopped being a major centre of swords production, while Italian centres also lost their importance in comparison to the medieval period.

The same is true for the curved blades as well, most of which were also imported, though they were mainly not German, but Hungarian, Eastern European and, at the end of the 19th C., Caucasian.² In fact, in all Arabic — as well as neighbouring African — regions, the European blades, as well as other military equipment, became increasingly important in the pre-modern period (though the trade in European blades in North Africa dates back to the Middle Ages; trade 'in swords', i. e. the Carolingian/Viking swords, has already been attested in the famous Ibn Khordadbeh's accounts about the trade of the Jewish *al-Radhaniyya* and the *al-Rus* merchants³).

Thus, the European blades have been prevailed in the pre-modern MENA.⁴ However, it does not mean that the local blades have not been produced, but their number should be limited, since swords' manufac-

¹ In 1814, Burckhardt mentioned 3000 sword blades from Solingen being annually sold in Cairo to the traders from Sudan [Egerton. Op. cit. P. 157]. Lane, who visited Egypt in 1825–1828 and 1833–1835, mentioned Germany as the only place where swords for the Sudanese market were manufactured: “The principal *imports* [to Egypt] from Europe are ... straight sword-blades (from Germany) for the Nubians, etc. ...” [Lane E. W. An Account of the Manners and Customs of the Modern Egyptians. London, 1860. Vol. 2. P. 319]. See also Burton R. The Book of the Sword. London, 1884. P. 162-3.

² Elgood R. Op. cit. P. 99.

³ Matveyev A. International Long-distance Trade in Europe and Beyond in the 9th C. //XXXII IC SSHAA. Proceedings. St Petersburg, 2023. P. 77–78.

⁴ North A. Op. cit. P. 30. When Egerton had been purchasing Soudanese swords in Egypt in the early 1890s, he was “assured by Zubeyr Pasha that these blades are not, and have not been, manufactured in the Soudan”.

turing required both a developed steel production (e. g., modern mass swords making in Kassala is based on the use of... Land Rover and various lorry leaf springs,¹ obviously unavailable in the 19th C.) and high level of professionalism on the swordsmith side. Thus, blades production in some meaningful numbers in Sudan was always a result of the regional authorities' efforts, when there was high demand in weapons; viz., the Mahdist state in the 1880s–1890s, and 'Ali Dinar's Sultanate in 1898–1916. In other periods the imported European blades, of a better quality (and perhaps even cheaper than to produce them locally), met the demand. This was true as regards other sophisticated military production. Thus, the Sudanese armourers not only mounted European blades, but also used the late 19th C. European industrially manufactured "split rings" to produce and repair chain-mail coats (a bizarre example of such mail can be seen, e. g., in the Royal Museum of Scotland). A high-quality steel of these rings (obviously created for other purposes), provided a better protection than Sudanese local iron mail rings. For the neighbouring Arabia, there is evidence of T. E. Lawrence about using split rings from Birmingham for repairing mail coats.

Besides, despite of a certain difference in the quality of steel and its composition, it is difficult — until a metallographic analysis is done — to distinguish a genuine European blade from its Sudanese imitation. Facing similar problem in Arabia, Elgood notes that the local blades in Oman *tended* to be lighter, and their "fullers are more crudely drawn".² The same thumb rule could be applied to the Sudanese swords. On the other hand, imported blades were often re-worked/ 'improved' by local craftsmen anyhow. Arabic inscriptions and imitations of famous producers' stamps were often added to increase their market value as well as to enhance their battle quality through securing divine protection to the sword bearer — by adding Qur'anic inscriptions, 'magic squares' and maker's marks which also had magic value.³

¹ Hunley E. *The Social Economics of Small Craft Production: The Sword and Knife Makers of Kassala*. P. 5.

² Elgood R. *Op. cit.* P. 16.

³ Sometimes stamps' interpretation by the Sudanese customers was absolutely different from that of the swords makers themselves. E. g., the famous 'Orb and Cross' sign was interpreted in Sudan as a drum called *nugara*

Thus, we can see that, on the one hand, a sort of diffusion between local and imported blades took place; on the other hand, it seems that the real difference in the manufacturer of the blade was not so important for the customers.

2. Hilt

All the above poses another problem: the shape of the blade itself cannot be defined as the main distinctive feature of the Sudanese *kaskara*. In fact, the most characteristic part of it is the *hilt*, which was *always* produced locally. Such a correlation between a blade and a hilt was also typical for Arabic sabres, which quite often made use of the imported Persian, Indian or European blades; however, they were always mounted on the locally designed hilts. The latter, thus, should be considered as the basis of sword identification, not the shape of the

Fig 5. A typical *kaskara* hilt with the grip bound with leather strips

[according to Hunley E. *Kaskara Fuller Styles & Names*. P. 9.]. Dozy in his *Supplément aux dictionnaires arabes*, t. II, p. 710, mentions *nuqara* [نُقَارَة] with a reference to Burckhardt, *Nubia*, 319, though Egerton [Op. cit. P. 159] gives variant *noggara*. Likely, it is a Sudanese/ North African variant of a more common medieval Arabic form *naqqara* (نَقَّارَة) — a war kettledrum (‘*qaf*’ [ق] in some North African Arabic dialects (Libya, Sudan) is pronounced as ‘g’); all forms are derived from the verb *naqara* (“to knock”, “to bit the drum”).

blade itself (e. g. the famous Moroccan *nimcha*, discussed below, had several variants of blades, absolutely different, but retained the same name, obviously, due to the similarity in the hilt's shape).

If we put aside the decoration, the Sudanese hilts are quite uniformed. The handle has always a precisely cylindrical form, only the covering material differs. A common sword of the *Mahdist* era has the grip bound with narrow leather strips (Fig. 5) or, sometimes, covered with snake-skin, like those from Edinburgh and Egerton collections mentioned above. The richly decorated examples from the following 'Ali Dinar period (1898–1916) are covered with silver sheets¹ (Fig. 6) or even gilded, like a magnificent sword of Sultan 'Ali Dinar chosen to decorate the cover of an Oriental arms album;² though some sword owners were ready to accept a less expensive tinned brass imitation of silver.³ It should be noted that the

Fig. 6. Hilt of a sword of 'Ali Dinar, Darfur, Sudan, dated 1316 and 1320 AH (1899 and 1903)

very idea of gilded hilts is of a late origin, as the gold became 'fashionable' in Arabia and neighbouring lands only by the end of 19th C. Before that, the local Muslims generally preferred silver, thus following the example of the Prophet who, according to his servant Anas b. Malik, possessed a sword named *Ṣamṣāma*, which had a silver hilt.⁴

On 'Ali Dinar's period swords, the metal covering of the hilt was usually embossed with diamond (Fig. 6) or stars and comets (Fig. 7) ornamental patterns. The embossed diamonds, in addition to a decoration effect, also

¹ North A. Op. cit. Pl. 23a; Elgood R. Op. cit. Pl. 2.12.

² Ricketts H., Missillier P. *Splendeur des Armes Orientales*. Paris, 1988.

³ North A. Op. cit. Pl. 23c, mentions "traces of tinning". Possibly, tin originally covered all of the hilt, thus imitating silver covering.

⁴ *Al-Munawī*. Vol. I. P. 193: cited by A. R. Zaki. *Medieval Arab Arms // Islamic Arms and Armour*. Ed. by Elgood. London, 1979. P. 203.

increased the firmness of grasping the handle, as the metal covering was much slipperier than more traditional leather or snakeskin, especially given the hot climate of Sudan. In fact, predominantly flat metal-covered handles of the modern *kaskaras*, broadly imitating the ‘Ali Dinar’s period fashion, indicate their ceremonial rather than military use. For more detail on the decoration patterns of this type of sword, see Hunley’s research.¹

The pommel is uniformly disk-like (Persian-style two discs variants are rare, and always ornate silver/metal plated), one to two cm thick, covered — in accordance with the grip decoration — either with leather or with thin metal sheet; metal-covered pommels are normally also topped with a pin-like knob.

The most typical part, however, is the guard. The iron quillons are straight, smooth flattened rhombus or hexagon in cross-section, slightly broadened at the ends or considerably flared.² But what really make them look peculiarly “Crusading” and giving them — as Ewart Oakeshott put it — “cross-hilted medieval shape”,³ is a languet — a strip of metal extending from the centre of the guard down the blade, often being rather long (see Figs. 5–8). The shape of the languet follows that of the quillons, being usually narrower near the guard and slightly broader at the end. Altogether it produces an effect of a semi-cross shape (the version on Fig. 6 with notably flared guards and languet looks particularly cross-like), which was especially against the backdrop of pre-modern Arabic, Persian and Turkish sword hilts, which had two pointed triangle-like “extensions” — one going down the blade, the second up the grip — composing together with the guards a rhombus-like shape (Fig. 9).

3. Scabbard

The scabbard is also very characteristic. It has normally been made of wood covered by tooled leather or serpent skin,⁴ though later 20th C. variants, instead of wood, use more convenient cardboard. Ornamental

¹ Hunley E. The Sudanese *Kaskara* Sword in Silver Dress. See also: Anderson J. et al. Royal Regalia: a sword of the last Sultan of Darfur, Ali Dinar.

² For more details see Hunley E. *Kaskara Cross-guards/Quillons*.

³ Ewart Oakeshott. *The Archaeology of Weapons*. Woodbridge, 1960. P. 112.

⁴ E.g., Egerton. *Op. cit.* No. 191.

Fig. 7. *An early 20th C. sword from Prof Herman Bell's collection (the hilt decoration and quillons follow the same pattern as on the sword KH 394 of the Sudan National Museum, allegedly belonged to Funj Sultanate regent Nasir)¹*

Fig. 8. *'Ali Dinar's workshop stile hilt, wrapped with silver filigree wire (left); see the internal construction of the hilt on the right: the grip is stripped from its leather covering (Hunley E. Kaskara Fuller Styles & Names. Fig. 18)*

¹ Hunley E. *The Sudanese Kaskara Sword in Silver Dress*. P. 6; Anderson J. et al. *Royal Regalia*. P. 162. However, even if the blade belonged to Nasir (1762–1769) (no evidence of this effect has been published), it seems to be mounted early in the 20th C., possibly in 'Ali Dinar's workshop in El Fasher.

patterns are various, often really beautiful (the ornamentation depends on the region, being worth a separate research). The most distinctive feature, however, is the leaf-shaped ending of the sheath, which broadens near the tip and form a sort of smooth rhombus or oval. This form is a clear deviation from traditional Arabic straight scabbards and obviously owed its origin to an African influence (cf. a similar feature of the scabbards for otherwise absolutely different West African Mandinka swords, Fig. 10). The point of sheath is reinforced by a metal chape, occasionally ornamented.¹

The mounts are also characteristic. They are, uniformly, a pair of leather bands encircling the sheath, 1–2 cm broad, with an iron ring attached to each — for fastening a strap for suspending a sword. The locket has a form of plain or ornamented metal or leather band.

The most interesting from the historical point of view, however, is the way of carrying of these swords. Sudan and neighbouring Arabia preserved an old tradition of suspending a sword from a shoulder on a short leather strap. In this respect this way of sword-carrying is more archaic than the blade itself. In the most part of the neighbouring Arabia, for instance, the straight blade disappeared completely, but the above tradition of wearing swords was re-applied to the imported curved sabres.

This tradition goes back to the pre-Islamic period. One can easily recall the famous pre-Islamic poet-brigand (*ṣuʿlūk*) Thabit b. Djabir known under his nickname *Taʿabbata Sharran*, lit. “[the one who] carried under his arm an evil”. Those who study pre-Islamic poetry tend to ascribe some “legendary significance”² to this nickname, though in fact it simply referred to Thabit’s sword, which he wore on a leather

Fig. 9. Syrian shamshir, The Royal Armoury, Stockholm Sweden. Note the guards’ shape

¹ North A. Op. cit. Pl. 23a — plain chape, Pl. 23b — ornamented.

² Arazi A. *Taʿabbata Sharran* // Encyclopedia of Islam. 2nd ed. V. 10. P. 2.

Fig. 10. *Mandinca sword with scabbard (left) and kaskara in scabbard*

strap under his left arm — the same way as the ‘Fuzzi-Wuzzi’ did much later, and likewise had been inflicting a lot of ‘evil’ on their British adversaries, as recognized by another ‘bard of war’, Kipling. Another example showing traditional Arabic way of carrying swords, can be found on the illustrations to the mid-13th C. *Maqamas* of al-Hariri in Iraq and early 14th C. Rashid al-din’s “World History” miniatures from Tabriz, on the scenes depicting the life of the Prophet¹ (Fig. 11–12). This tradition survived for long, until it was suppressed by a new fashion of attaching swords to the belt, which happened almost everywhere in the Middle East — except Sudan and Arabia. In Egypt, for instance, the European way of wearing swords was introduced by Muhammad Ali as a part of his military reforms.

¹ Sheila Blair. *A Compendium of Chronicles. Rashid al-Din’s illustrated history of the world.* (The Nasser D. Khalili Collection of Islamic Art, v. XXVII). Oxford, 1995. Fig. 34 (fol. 66a), fig. 35 (fol. 67a), fig. 36 (fol. 72a), fig. 49 (fol. 292a).

Fig. 11. Fragment of a miniature of Rashid al-Din's "World History" (Ms. Or. 20 of the Edinburgh University Library, 706 AH/1306–7 AD)

Fig. 12. 1 — An Arab Mahdist emir, 1898¹; 2–3 — Arab warriors, line drawings after miniatures of Rashid al-Din's "World History" (Ms. Or. 20, Tabriz, 706 AH/ 1306–7 AD)²

¹ <https://de.wikipedia.org/wiki/Datei:Mahdist.jpg>.

² Nicolle D.C. The Arms and Armour of the Crusading Era 1050–1350. V. II. New York, 1988. Fig. 385L, 385P.

The early Arab tradition was noted by many European travellers of the 19th century, who assumed the European system as the only possible way of carrying swords, thus they were surprised by such oddity. For instance, when the Blunts stopped at Kaf in the Wadi Sirhān during their 1879 journey they were startled a little by the way the people carried swords, which they “either sloped over their shoulders or grasped in both hands by the scabbard”.¹ This tradition was also recorded by such travellers as Buckhardt, Burton, Doughty and others,² and it similarly surprised them. Even such a good specialist on Oriental arms as Egerton had doubts about the way of carrying Sudanese swords: he described a sword from his collection as “*probably* worn over the shoulder”.³

A short leather strap for wearing over the shoulder is present on most of extant examples of the Sudanese scabbards, as well as additional leather tongs or cords to attach sword to the saddle. Besides that, a new “fashionable” way of using silk cords with big tassels became popular among wealthier people by the end of the 19th century. “These cords, called ‘*ḥabak*’, were made in great quantities in Cairo which possessed a special bazaar for them and exported them to all the neighbouring countries where their price increased considerably.”⁴ Probably, modern thick tassels attached to the upper part of the grip by short cords, usually associated with Beja tradition, are rooted in this late 19th C. fashion.

4. *Kaskara*: the Name

And last but not least: the name of the Sudanese swords, i.e. the very term “*kaskara*” used to denote this type of weapon. Where it came from and when? One may, naturally, expect that it is a Sudanese — Arabic or some other local language — name of these swords.

¹ Lady Anne Blunt. A Pilgrimage to Nejd, the Cradle of the Arab Race. London, 1881. Vol. I. P. 85.

² E.g., C. M. Doughty [Travels in Arabia Deserta. Vol. 1. Cambridge, 1888. P. 223] noted, describing the Bedouins: “...where *menzils* are far asunder, or after nightfall, they carry sword in their hands: the sword is suspended with a cord from the shoulder”.

³ Egerton. Op. cit. P. 168.

⁴ Elgood R. Op. cit. P. 21.

Though definitely not Arabic, the word, indeed, does exist in the sub-Saharan Africa — in the Kanuri language of the Lake Chad region, and means “sword”.¹ However, surprisingly enough, the Sudanese Arabs and Africans alike have no idea that their swords are named *kaskara* (perhaps, except a few Omdurman dealers who used to interact with the tourists some of whom may know the term). In short, the term is *not* in use in Sudan: neither nowadays, nor in the recent past when Michael Asher was travelling in Darfur and purchased a sword for self-protection.² When Reed interacted with his interlocutors in El Fasher in 1984–1985,³ the *kaskara* was simply called in Arabic ‘*seif kassalawi*’, which means “Kassala sword” (referring to the main centre of *kaskara* manufacturing in Sudan which seems to supply the whole country).

One might expect, though, that this term had been in use in the Mahdist times when a bulk of *kaskaras* was brought to the UK as trophies of war. However, Egerton who introduced the British reader to these arms, just named them ‘swords’. The same is true regarding records/ catalogues of the trophy weapons brought to the UK at the end of the 19th — early 20th C. from Sudan.

So, where and when the term first appeared? It looks like the first instance of a published picture of the Sudanese sword under this name was the famous encyclopaedia of weaponry by G. C. Stone.⁴ As quite convincingly argued Iain Norman, the modern use of the term *kaskara* is owned to this Stone’s work, as it has been widely used by arms collectors and experts as a standard reference book, becoming “a bible for arms and armour collecting”.⁵ This is hardly surprising given the fact that the interest to the *kaskaras* prevails not

¹ See details in: Norman Iain. *Kaskara Terminology* // [Internet resource] *African Arms*. 8 October 2023. URL: <http://iainnorman.com/kaskara-terminology> (accessed: 27.01.2024).

² No term *kaskara* was used in his book, just “sword”. [Asher M. In *Search of the Forty Days Road*. Harlow: Longman, 1984. P. 63].

³ Reed G. S. *Kaskara* from Northern Darfur. P. 171.

⁴ Stone G. C. *A Glossary of the Construction, Decoration and Use of Arms and Armor*. New York: Jack Brussel, 1934. P. 339. Fig. 425.

⁵ Norman Iain. *Kaskara Terminology*.

that much in the strictly speaking ‘scholarly community’ but rather among the collectors.¹

However, how exactly this happened?

Being a reference book, the *Kaskara* entry is short:

*KASKARA. The sword carried by the Baghirmi (Sahara). It is a straight-bladed sword with a plain cross guard such as is used in the Sudan. (Burton Sword 162). Some have fine old European or Oriental blades which are very highly valued. Occasionally the chapes and hilts are covered with gold. Fig. 425.*²

The figure (see Fig. 13) contained some further information in the caption:

Figure 425. Kaskara. 1. Double-edged Arab blade dated A. H. 357 (A. D. 967) covered with inscriptions. Length 35.5 inches. Straight cross guard gold plated; grip and pommel covered with gold plates, the former embossed and the latter carved with inscriptions in Arabic. Scabbard of leather partly covered with velvet with a gold chape. 2. Straight, double-edged blade 2 feet 8 inches long. Plain iron cross guard. Leather scabbard and belt.

Calling the *kaskara* the ‘Baghirmi’ sword, Stone meant the Bagirmi ‘kingdom’ that existed in the South-West of the modern Republic of Chad, to the South-East of the Lake Chad (see the map on Fig. 14), i. e. some 500 km West of Darfur. He referred to the book of Richard Burton ‘The Book of the Sword’, printed in 1884,³ i. e. before the Sudanese swords have been published by Egerton. While describing Sahel weaponry, Burton, in turn referring to the book of Henry Barth,⁴ simply

¹ Thus, the major works on the matter, by Dr Edwin Hunley, have been published not in well-established Academic journals, but mainly in the ‘Viking Sword’ web forum.

² Stone G. C. Op. cit. P. 339.

³ Burton Richard F. The Book of the Sword. London: Chatto and Winders, 1884. P. 162.

⁴ Barth H. Travels and discoveries in North and Central Africa from the journal of an expedition undertaken under the auspices of H.B.M.’s government in the years 1849–1855. 5 vols. (In fact, Burton’s information

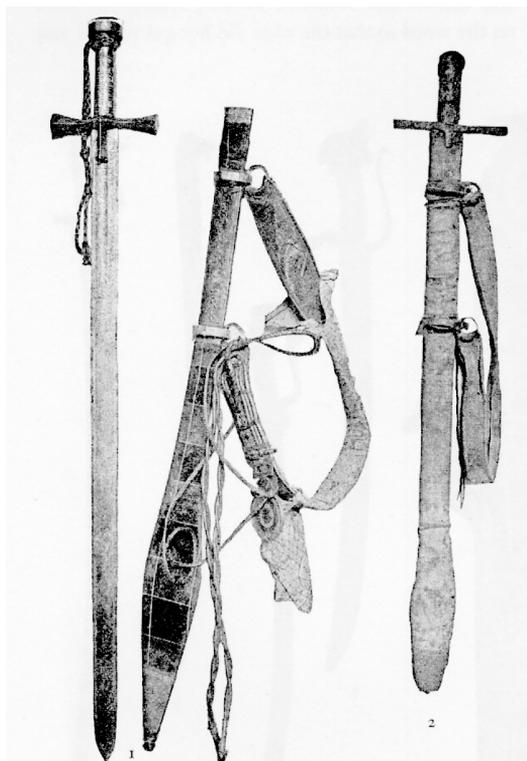

Fig. 13. *Kaskara* from G. C. Stone's book *'A Glossary of the Construction, Decoration and Use of Arms and Armor'*

mentions that “few of the Baghirmi can afford ‘*Kaskara*’ (Swords)”, but provides no drawing neither description.

Iain Norman argues that Dankali sword published by Burton is “*kaskara*”, but it is not quite exact, as the latter specifically mentioned that the Dankali sword “broadens towards the point” (see Burton’s drawing, Fig. 15); besides, the guard has no typical Sudanese languet projecting down the blade; though the grip and cross-guard are similar

was derived — almost verbatim — from the Barth’s book: Vol. 3. New York: D. Appleton and Co., 1857. P. 450–451).

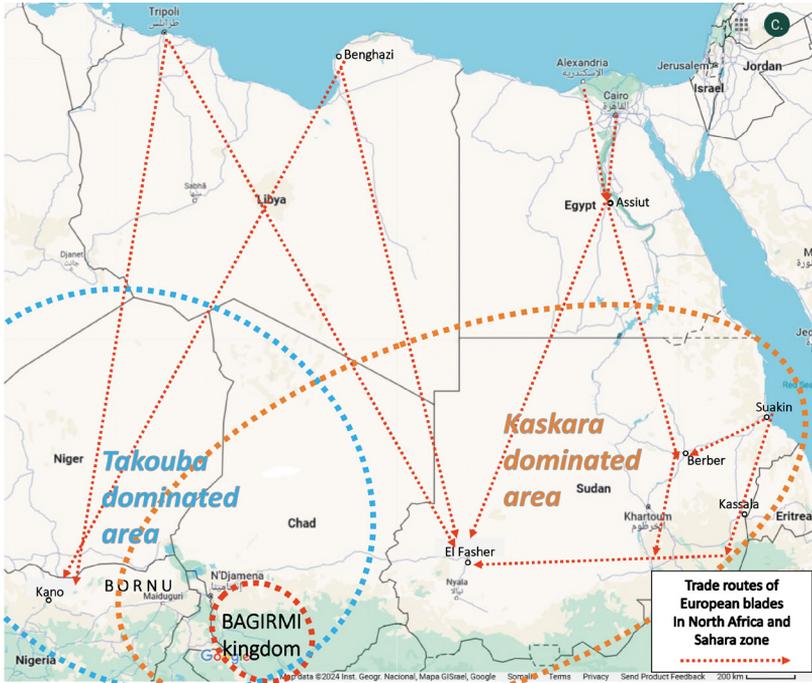

Fig. 14. Bagirmi 'kingdom'; Takouba and Kaskara dominated areas; European blades trade routes in Sahara-Sahel zone

indeed. The Dankali lived in the northern part of Djibouti and southern part of Eritrea, i. e. slightly to the south of Sudan, thus they might have influenced the Sudanese tradition, or rather they simply belonged to the same historical area (which also included Ethiopia, despite its increasing use of the sickle-shaped blades in the 19th C.), where straight blades preserved — as well as a general idea of cross-shaped hilt.

Why Stone decided that Sudanese swords are exactly the *kaskara* of Bagirmi, is the most enigmatic part of the story. Though Norman suggested a possible variant that the term might be brought to Sudan by the nomadic Baggara Arabs of Darfur who have been migrating far and wide in Sahel, as far as Kamerun and northern Nigeria, thus interacted with the Bagirmi and theoretically could borrow the word

'*kaskara*'.¹ This version, already considered by Norman as highly improbable, should be totally rejected, however. Barth specifically noted that the Bagirmi possessed few swords and did not produce them: "Very few of the Bagirmi people are wealthy enough to purchase swords ("kaskara"), which they are not able to manufacture themselves".² That implies that their use of *kaskara* was limited, thus they could not possibly introduce this type of sword and by extension its name in their language to the region of Chad and neighbouring areas. In fact, the Bagirmi kingdom (sometimes referred as 'sultanate', though the title of the ruler was "banga"³) was located in the area where two major types of North African sword types — *kaskara* and *takouba* (Fig. 16) — overlapped, though the latter prevailed (see map on Fig.14).

The only plausible explanation for Stone's interpretation (unless it was merely some misunderstanding on his part) is that the sword(s) he referred to originated from Bagirmi region of Chad. The item published in his book (Fig. 13, right) does fit to such an explanation: it is a worn-out, old sword with shabby scabbard that has obviously lost its chape, while the languet of the guard is short and seemingly rusted. All these correspond to Barth's information about scarcity of swords among the Bagirmi, hence they could keep them as long as possible, and may continue to use even a dilapidated weapon.

The second sword published by Stone is a typical luxury *kaskara*, most likely produced for 'Ali Dinar in El Fasher.⁵ Since Stone men-

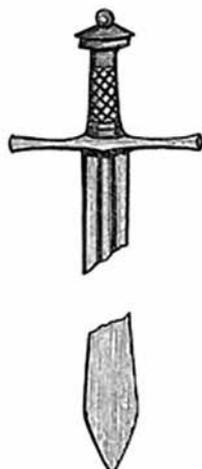

Fig. 15. A 'Dankali' sword. From: Burton Richard F. *The Book of the Sword*. London, 1884. P. 165. Fig. 180

¹ Norman Iain. *Kaskara Terminology*.

² Barth H. Op. cit. Vol. 3. P. 450–451.

³ Ibid. P. 452.

⁴ North A. Op. cit. Pl. 23c, d.

⁵ See similar examples presented in: Hunley E. *The Sudanese Kaskara Sword in Silver Dress*; Anderson J. et al. *Royal Regalia: a sword of the last Sultan of Darfur, Ali Dinar*.

Fig. 16. *Takouba*

tioned that these swords were also “used in the Sudan”, he might have intended to demonstrate a specimen of a better quality and a more illustrative example of this type of swords out of those available in Britain, without mentioning that this item came from Sudan. Alternatively, this piece of weaponry could indeed come from Chad, but in this case this sword had been initially brought to the Bagrimi territory from Darfur. We know that ‘Ali Dinar made to produce a number of such luxury weapons not only for his personal use, but as gifts to the local tribal chiefs, high British officials or neighbouring rulers. As such it may come to Bagrimi territory as a gift, e. g., to one of its rulers, perhaps, even to Rabih al-Zubayr (or one of his lieutenants) who till his death in 1900 controlled a part of former Bagrimi kingdom; though this remains merely speculations. In any case, the main trade route linked Bagirmi with outside world in the first quarter of the 20th C. went to Khartoum via Darfur, thus making it possible for the Sudanese blades to be brought there.

Thus, finally, we can state that the term “*kaskara*” introduced by Stone, is not based on any local realities, being rather a result of some misunderstanding — unlike the term *takouba* which is a real local name of other, western Sahara type of straight sword. Nevertheless, since the word *kaskara* became widely used in the West, both among collectors and in the scholarly literature, it makes sense to keep it as a conventional term to denote a specific type of the Sudanese straight double-edged sword — though keeping in mind that it is merely a convention.

5. The origins of the Sudanese sword: A ‘Crusading’ misconception

The Sudanese swords were usually referred as “Crusading” swords, and their attribution to the earlier crusading pattern is commonly accepted. As epitomised in Egerton’s description of *kaskara*: “In most cases there is a straight crosspiece of steel like a Crusader’s sword”.¹ David Alexander, while describing the above-mentioned sword from al-Khalidi collection, briefly discussed the origins of this type of swords and also claimed that they had Western origin.² Though it has never been supported by any concrete evidence, this notion has been taken for granted, as a ‘common knowledge’, recurrent in the *kaskara* descriptions in on-line auctions catalogues.³

Nevertheless, the question whether these swords have really something to do with the Crusaders, has never been studied.⁴ The very attitude merely reflects a traditional stereotype of the European travellers (“all travellers remark that it preserves the old knightly form of crusading days”⁵) — and even scholars — of the last century, who used to attribute anything ‘heavy’ among both arms and armour to a “Crusading influence”. Thus, for example, Burckhardt, in 1830, describing an old Arabic chainmail, characteristically suggested that “such coats are of antique workmanship, and belonged probably to the European knights of the Crusades.”⁶

The assumption that the Crusaders had heavy swords, while their Muslim opponents relied on light though sharp sabre — as it was

¹ Egerton. A description of Indian and Oriental Armour. P. 157.

² David Alexander. The Arts of War. P. 211–12.

³ E. g., ‘*Kaskara* sword from the 19th century’: <https://www.raritaeten-shop.com/Collectors-Items/Militaria/Cut-and-thrust-weapons/Kaskara-sword-from-the-19th-century::2329.html?language=en> (accessed: 30.08.2022)

⁴ In fact, the real ‘Crusader swords’ are rare; they have their own peculiarities indeed, and require a separate study, as e. g., a thorough research by Michalak A. “From Every Side Armed with a Cross Sign”. A Crusader’s (?) Sword from the Collection of the Hungarian National Museum in Budapest // Studia Universitas Cibiniensis, Series Historica. Supplementum No. 1. P. 53–71.

⁵ Burton R. F. The Book of the Sword. London: 1884. P. 162.

⁶ Burckhardt. Bedouins. P. 135: cited in Elgood R. Op. cit. P. 97.

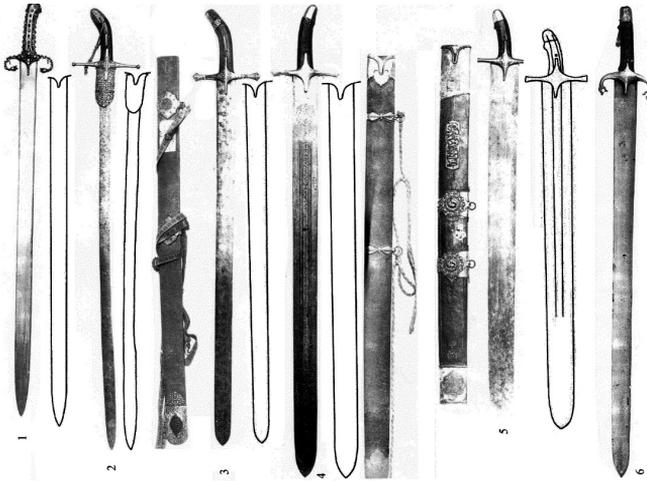

Fig. 17. *Arabic swords attributed to the 7(?)–13th C. in Topkapi Saray Museum (after Zaki A.R. Medieval Arab Arms. Figs. 203–6)*

portrayed by Sir Walter Scott in his “The Talisman” novel — is nothing but fiction (as well as the idea that Arabs lacked armour). Though the Muslims already new a curved blade by the time of the First Crusade, their major shock weapon at that time was the straight sword, not very different from the European one. A traditional Arabic sword was always straight, and the extant exemplars clearly show it: see, e. g., the earliest Arab blades preserved in Topkapi Saray Museum¹ (Fig. 17). All those swords of 7(?)–13th CC are straight, some of them are very broad and heavy (the hilts, though were mounted much later and belong to the epoch of the sabre domination). Thus, there was no need for the Crusaders to bring coal to Newcastle in order to invent its use.

Secondly, if we assume that this particular type of sword appeared under the influence of the Crusaders, and then came through Egypt to Sudan, we have to find some evidence to this hypothesis. In fact, a comparison proves rather the opposite, as Sudanese blades are lighter, more flexible and thinner than the European knightly swords

¹ A.R. Zaky. Medieval Arab Arms // Elgood R. Op. cit. P. 202–211.

Fig. 18. Swords from Alexandria Arsenal, believed to have been connected to the Peter I of Cyprus Crusade in 1365¹

of the 12–13th C. A more substantive prove could be the shape of hilt: the blade could be brought from very distant lands but mounted locally (which in fact, was the case with *kaskara*).

The hilts of the Sudanese swords are quite standard, of virtually one type — unlike the blades which differ. However, if the quillons resemble those of medieval European swords indeed (cf. 15th C. European blades kept in Alexandria arsenal, Fig. 18), the guard in general is quite different, as the European swords — to the best of my knowledge — have no peculiar languet extending down the blade.

Moreover, the disc-like *kaskara* pommel that may seem to resemble the disc-shaped pommels of the ‘Crusader’ swords (as on Fig. 18), in reality differs completely from them, both in form (Western knights’ sword discs are parallel to the hilt while the *kaskara*’s pommel is perpendicular to it) and, more importantly, in function: Western swords’ heavy iron pommels counterbalanced the heavy blade, while *kaskara*’s pommels are mainly made of leather; therefore, their weight is insignificant (even if the disc is covered with silver, the sheet is too thin to make any difference). Thus, when we start examining the “similarities” between the Sudanese and West European medieval swords, we immediately find that the resemblance is superficial, and in reality they have very little in common.

¹ After: Alexander D. European Swords in the Collections of Istanbul. Pt. I: Swords from the Arsenal of Alexandria // *Waffen- und Kostümkunde*. 27(2). 1985.

III. Causes of survival of straight swords in Sudan

Besides being an important element of the local warfare, the Sudanese sword is also a good example reflecting a general problem of Medieval warfare, namely comparative development of *straight* and *curved* blades in the East and West. The major problem related to the *kaskara* swords is the reason of their very existence, as in the most part of the Middle East and North Africa the straight blade was almost totally superseded by a more sophisticated curved sabre. Hence, the reason for preserving of this type of sword in Sudan requires some scrutiny.

Basically, there could be two reasons of using some weapon in a given culture: (1) technical advantages in the context of the given warfare system that allow to perform its military task and (2) power of tradition or fashion. Thus, first of all, there should be a ‘*technical*’ reason rooted in some basic features of the Sudanese warfare that made the straight sword more suitable weapon than a sabre. To understand this phenomenon, one has to consider general reasons behind transition to the curved blades in the Middle East, as there — similarly to Europe where the Viking, or Carolingian, broadswords initially prevailed — the early medieval swords were straight; the curved sabre as the main type of edged weapon emerged later.

1. Curved sabre vs. straight sword

Let us start from comparing the main features of straight and curved blades.

First, the sabre possesses some major advantages, as the curved blade’s stroke combines two simultaneous actions: (1) cutting/hewing the target (this major function of the straight sword remained, being even strengthened, as a curved blade at the point of percussion can apply a greater pressure on the unit of surface than a straight one), but also (2) “slicing”/“sawing” it. Unlike the straight sword which almost immediately stops after its falling on the target (however strong the initial blow was!), the sabre blade continues its slashing movement — even under its own weight — producing a long-lasting pressure on the surface, thus being able to cut deeper through unarmoured parts of

the body. As it was said about the famous Japanese curved sword, it penetrates the body by itself, as if into butter. Moreover, it even could cut through the armour, in particular when the lamellar armour of the Steppes was involved, as lamellas were joint together by leather tongues.

When this basic sabre feature was skilfully used by a swordsman, who applied a “back stroke” — i. e. dragged the sabre backwards after hitting his target — the result was overwhelming. As described by Doughty typical Arabic attitude towards such a stroke is quite characteristic:

*Of their side-arms the Persian scimitar and then the Indian, are of fine temper and so much arched as were lately our cavalry officers' sabres: that is held the better shape in the East. They say with truth, “the effectual sword cut is the stroke with a sawing draught.” The hatchet stroke they think uncunning; it will not well bite and open. The plain-handed stroke is, they say, weak; but the back stroke is that wherein a man may assemble all his force, and with the finest blades in a valid hand, the neck of a mother's son may be severed at a stroke.*¹

Seabrook describes a visit to the Al Khour *Menzil* in North Arabia, in the 1920s, where he happened to examine a ‘scimitar’, obviously a sabre, belonged to a tribal warrior named Dirdar:

*Dirdar was mild-voiced, gentle, with hands as delicate as a woman's. I remarked them for contrast with his scimitar, which seemed heavier than most. I asked to see the blade and discovered the difference was in width rather than weight. It was an old blade, ground to razor sharpness, without ornament or inlay, but only the maker's mark, rudely stamped, like a sun and crescent. My request to see the blade pleased him, for Dirdar was a famed swordsman. He had cut a Wahabi in two, clean through the waist, in recent fighting, and with this same sword, in his lifetime, had slain more than thirty men.*²

¹ C. M. Doughty. *Travels in Arabia Deserta*. Vol. 1. P. 457.

² Seabrook W. B. *Adventures in Arabia: Among the Bedouins, Druses, Whirling Dervishes and Yezidee Devil-worshippers*. New York: Harcourt, Brace and Co., 1927. P. 107.

Of course, it would not be that easy to “cut in two” a mailed warrior (most likely, even impossible), but still the picture is telling (viz., a standard expression describing a mighty stroke of a Russian cavalryman or Cossack: “he cut him in two down to the saddle”).

However, the sabre is less convenient for thrusting. Nevertheless, unlike a late medieval Persian *shamshir*, the earlier sabres of the Great Steppe were just slightly curved and never completely abandoned their thrusting function. Besides, early medieval swords with their smoothly rounded tip were not specifically designed for thrusting, either.

Secondly, the sabre was easier to operate in the melee of battle. A traditional broadsword was able to generate a more powerful stroke than a sabre simply because of its higher weight, producing “great slow slashing blows with a straight arm and swung from the shoulder using the strength of the back to supplement the weight of the sword... which is centred at a percussion-point”.¹ However, it could not be easily used again in the melee of a battle, as it requires more space and time to rise it high enough for a full-strength blow: it is virtually impossible to parry strokes and swing sword “from the shoulder” simultaneously. The sabre, on the contrary, can be *swiftly re-used* to strike again, as it was lighter than a sword and due to its form required less efforts to strike. Sword’s trajectory had to be longer and smoother than that of the sabre, which gains higher velocity in a shorter time, and can strike from various angles, as even a moderate slash could be lethal because of its continued “slicing” effect. Note the right warrior’s stroke on Fig. 19: it would be ineffective with a broadsword, as the latter has to be lifted higher to strike — as the left warrior does.

As a result, in the melee of a battle, most of straight sword strokes were not actually cutting but rather ‘punching’ the enemy, thus chainmail and shield have been a sufficient defence against the sword. It can be clearly seen from an extremely low level of casualties in the European knightly warfare, of which the knights were fully aware.² The latter is evident, e. g., from the Rule of Templars, when

¹ Oakeshott E. Records of the Medieval Sword. P. 103.

² See a typical medieval attitude towards the matter: “Formerly [i. e. in antiquity], many thousands perished in battle, but now, because of increasing calamities the means of protection have also been improved, and new defense

Fig. 19. *Mongol warriors, line drawing after a miniature of Rashid al-Din's "World History" (Ms. Or. 20 of the Edinburgh University Library, 706 AH/ 1306–7 AD)*

a knight — or even a fully armoured sergeant — had no right to flee, as his armour gave him a full protection in the hand-to-hand combat, though the same sergeant had a right to retreat when he had no armour.¹ It was considered as a necessary feature of a brave warrior to have his mail shirt damaged in many places during the battle. “I know full well that you are a coward: your coat of mail is neither pierced nor torn, and neither your head nor arms are wounded,” said Bueves de Commarchis to his son Girart.² The latter indicates a typicality of receiving a number of sword-strokes without blade going deep into the body. The same effect manifested itself in the case of the Crusaders taken prisoners after the battle of Hattin in 1187. The Arabs were astonished when they found out that most of the “killed” knights were in fact merely exhausted, many of them were even not wounded at all, only bruised.

has been found against new weapons.” G. le Breton, *Philippide*, 11: v. 129–132. [Verbruggen J. F. *The Art of Warfare in Western Europe during the Middle Ages* (from the 8th C. to 1340). Amsterdam, 1977. P. 64].

¹ La règle du Temple, c. 172. [Verbruggen J. F. Op. cit. P. 63].

² Le siège de Barbastre, v. 2287–2289. [Verbruggen J. F. Op. cit. P. 64].

In theory, a full-strength blow of the sword could penetrate through the mail and flesh, but such a stroke was not easy to perform in the actual battle. As a result, the hauberk remained an extremely efficient protection until mid-13th C. Even at the tournaments knights could use their usual battle-weapons, not being afraid to be killed or seriously wounded (though, of course, such things happened — but the same is true about modern fully-protected sporting fence-duels). Thus, further development of the defensive armour was due not to the increase of strength of the swords, but to the threat of improved *projectile* weapons. The sword simply had to follow the armour improvements, as reflected in the history of West European swords.

A. Sword in European warfare

What was, however, the reason for prevailing of a relatively inefficient straight sword as a major shock weapon in the West? Obviously, it was not only lack of sophistication, but rather an effectiveness of this weapon in the peculiar context of Western warfare.

On the one hand, such a sword was quite efficient against infantry, as the stroke from the horseback was deadly anyhow, regardless the quality of the armour. This fact was reflected in a contemptuous knights' attitude towards infantry, e. g., communal militia, which was based on a real military superiority, not just knightly pride. It can be clearly seen, for example, from the swift destroying of Irish troops consisted of poorly equipped foot soldiers by extremely small knightly units, or from the analysis of wounds of the warriors buried after the battle of Visby on Gotland, where knights faced relatively well-equipped footmen.¹ It should be stressed, however, that the defeat of Visby militia was not due to their inferior armour, as it is usually assumed — their armour was reasonably good, though outdated by about a generation, — but because of the general inadequacy of the heavy cavalry and infantry. No infantry could withstand a shock of the heavy cavalry attack if relayed on their swords.

A cutting stroke of the infantryman's sword was too weak to be dangerous for such a high target as a cavalryman; in fact, only a *thrusting*

¹ Bengt Thordeman. *Armour from the Battle of Wisby, 1361*. Stockholm: Kungl. Vitterhets Historie Och Antikvitets Akademien, 1939.

stroke makes any sense under circumstances, the latter being one of the reasons for developing of tapering blades later in the 13th–14th C. As for the knight, he had all the advantages of his higher position, let alone the weight of the horse itself. As a result, the knights just wiped out the Irish infantry or local militia of Visby, cutting them up at will. Thus, it is not surprising that the infantry had to develop its own types of arms, the major one being a long pike used to create a defensive wall to keep knights on distance, as well as various staff-weapons, such as halberd or hedging bill, which were more effective against cavalry than the sword.

The early medieval straight sword, with minor modifications, remained a sufficient tool to secure knight dominance over his subjects, who were bound to fight on foot, as cavalry warfare required a lengthy training, preferably from the childhood.

The second reason of keeping straight sword in its once established form was the very basis of knightly warfare. The knightly combat was a single combat *par excellence*, not only at the tournament. On the battlefield the knights often followed the same pattern. A concerted shock attack of the knightly units could be applied at the first stage of a battle, but afterwards the fighting usually split into a number of single combats. This is not a feature of the knightly literature only, as one may believe,¹ but also a reality of many battles, especially of most common local ones, and of those fought by the knights only (without mercenaries involved). Moreover, it was a typical of knightly warfare, at least in local skirmishing, to stop fighting when the horses and men were exhausted (which is by no means strange, as even a well-trained knight could not swing his heavy sword for long), rest for a while, and then resume the battle. It is difficult to imagine such a courteous behaviour on the battlefield in the East!

¹ This opinion became quite popular; though in fact, it is merely another extremity — as opposite to the previous literal acceptance of poetical descriptions of battles in the medieval literature as a series of champions' duels. See, e. g., a typical attempt by Bernard Bachrach to deny the reality of such single combats and even to reject the very importance of the knight cavalry in Medieval warfare. [The Cambridge illustrated History of Warfare. The Triumph of the West. Ed. G. Parker. Cambridge, 1995. P. 88–91.]

In a single combat, however, the straight sword was quite efficient. It allows a warrior to make the first deadly blow, then, if it did not succeed, as it just too often happened, he would continue fighting for a long time without being seriously in danger. Relatively weak follow-on strokes could be parried by a shield or a sword; a risk of swift unexpected stroke or thrust was also limited. In fact, it was a sort of tacit convention, which allowed the knights to keep fighting without any decisive, i.e. deadly, result. This perfectly corresponds to the knightly warfare system in general, where war was an important “leisure activity”, being *rarely decisive* — either local skirmishing, or a war of attrition rather than that of a decisive battle. Finally, all elements of the system suited each other; only some unexpected nasty arrow of some poorly equipped archer or crossbowman could spoil the knightly idyll... Unfortunately, it was exactly what happened in the 13th C. — despite all attempts of the knightly minded pious Popes to ban missile weapons.

Though it may look as an exaggeration, this was, indeed, a period when the knight rarely was in real danger — both because of his effective protection in the hand-to-hand combat, and as he knew that in the worst case scenario, his successful opponent would take him prisoner — in order to get ransom, which was the major prize in everlasting feuds. This confidence in his personal security is particularly obvious from knightly complains when they had to face such “barbarians” as, e. g., Scotsmen who had a nasty habit to kill (sic!) the prisoners of war. Nevertheless, until some point it was merely an exception.

Thus, a knightly sword completely fit its *social* (controlling the subjects) and *military* (feuds and tournaments) purposes. As for the fighting in closely packed formation in major battles, it was a *spear* and a large shield which were essential, not sword.

B. Sword in Nomadic warfare

The armies of the Great Steppe, on the contrary, were fast and numerous, and some type of closely packed formation emerged rather early, as despite of initial reliance on bow and arrows, the battle was often decided in ensuing hand-to-hand combat. As for the fighting in

such a formation, it did not leave space for numerous full-trajectory strokes in principle. Thus, it is not surprising that first nomadic cavalymen — the Scithian — chose a very short sword (40–60 cm) called *akinakes*. The fighting was rather a sort of melee, where it was essential to hit *fast* and without wasting too much energy (in order to be able to fight longer), and, simultaneously, to defend himself from *many* strokes, not from a single blow of one though mighty opponent. A powerful early medieval sword though had a large range of action, was relatively slow and cumbersome, thus inefficient under circumstances, especially taking into account that most of the enemies were unarmoured.

On the other hand, the lamellar armour had also been developing, so the simplest solution — making the sword thinner and lighter — would not work satisfactorily against nomadic heavy cavalry. So, it was nothing but logical to start searching for some other, more efficient weapon, which in due course had been elaborated in the Great Steppe by the 9th C., then gradually spread out among settled neighbours. It was a slightly curved sabre, which on the one hand, was (1) lighter, more efficient and easier to handle than a straight sword, thus *faster*, and on the other hand, (2) it remained not less efficient against the armoured opponent — because of the higher penetrative power of a curved blade in comparison to the straight one, — and (3) even more efficient against unprotected warrior because of the ‘slicing’ effect of the ‘back stroke’.

2. 13th century: A crucial point

A. *Changes in the Middle East*

First variants of the ‘proto-sabre’ were known in the Great Steppe from the early medieval period (initially, it was merely an angular fixing of the handle to the blade, which remained straight, only later the blade began to curve), while ‘classic’ forms spreaded widely in the 9th–10th C. In the lands of the former Abbasid Caliphate, the sabres did not appear until the Seljuk period, i. e. in the middle of the 11th C.; though, as the written sources and pictorial record testify, the sabre was not used there in any considerable amounts — except, perhaps, by

the Turkish tribal warriors of Asia Minor and al-Djazira (not Seljuk Sultans' mamluks).¹

The real changes in swordsmanship in the Middle East did not occur until the 13th C., which witnessed the start of gradual transition of defensive arms from relatively light lamellar cuirass and occasional use of horse-armour towards fully armoured horses and heavier protected warriors with vambrace, gauntlets and tassets of the Timurid period. A lamellar horse-armour, though rather common among the picked Mongols troops of the Great Khans in Mongolia proper (see the description of Plano Carpini, 1246 AD),² did not appear in the Persian art until 1330s — on the miniatures of Inju school in Shiraz (e. g., 1333AD Shahnamah MS. from the National Library of Russia in St Petersburg, or similar MSS. from Istanbul). Some Mamluk metalwork of the late 13th — early 14th C. also depicts horses protected by soft armour; there was also mentioning of the early 14th C. royal Mamluks having their horses armoured in steel caparisons and cheek

¹ See the analysis of the earliest examples (late 12th–13th C.) of curved blades in the Middle East in: David Nicolle. *An Introduction to Arms and Warfare in Classical Islam // Islamic Arms and Armour*. Ed. Elgood R. P. 179–180; fig. 38–41, 43.

² On the 13th C. Mongol and Middle Eastern warfare see: Matveev A. Main aspects of the “Classic” Mongol warfare (late 12th–13th CC.) // *Military Archaeology: Weaponry and Warfare in the Historical and Social Perspective. Materials of the International Conference, 2–5 September 1998*. St Petersburg, 1998. P. 314–319; Matveev A. Works of art as a source for the history of warfare: on the example of Persian miniatures (a database project) // *Manuscripta Orientalia*. 1998. Vol. 4. No. 3. P. 39–61; Matveev A. A 13th Century Mongol Armour Suite from Tuva // *Ancient Cultures of Central Asia and St Petersburg. (Proceedings of the International Conference Dedicated to the 70th Anniversary of Alexander D. Grach)*. St Petersburg, 1998. P. 232–236. (In Russian); Matveev A. The Quality vs Quantity: On the Basic Features of the Mongol Warfare // *Proceedings of the International Conference “Central Asia from the Achaemenids to Timurids. On the Occasion of the the 100th Anniversary of A.M. Belenitskiy”*. St Petersburg, 2005. P. 315–319. (In Russian); Matveev A. The Mongol Warfare in the 13th — early 14th CC.: On the Causes of the Mongol military success // *Proceedings of the International Conference “Warfare of Russia and its Neighbours”*, St Petersburg, 29–31 March 2005. Moscow: Ministry of Defence Publishing House, 2006.

pieces.¹ The late 14th and especially 15th C. Persian miniatures, however, uniformly represent armoured horses.

B. Changes in the West

Characteristically, the major changes in the system of Western knightly warfare occurred in the course of the same 13th C.:

(1) A fully closed helmet (*Great Helm*) providing defence for the face was invented at the beginning of the century and became a common type of helmet by its end,

(2) Different types of coat of plates (*brigandine*) were added to the defensive arms arsenal, and

(3) A traditional mail hauberk was reinforced by plates, which was a first step towards creation of a full plate armour,

(4) Horse armour (“barbed horses”), which appeared by the end of the 12th C., had been spreading out, and became a relatively common feature of the knightly equipment by the end of the 13th C. (though initially it was mostly 'soft armour', with metal chanfrons protecting a horse's forehead and face).

Finally, as a response to all these revolutionary changes in the defensive arms, though with a certain delay, new types of swords emerged.

From mid-13th C., the sword development in the West went into two major directions:

1. Improving a traditional cutting blade: creation of longer and heavier swords — such as a popular from the 2nd half of the 13th C. *Épée de Guerre*/ Sword of War (types XIII/XIIIa after Oakeshott), later called Great Sword, able to break through a stronger defence. They had a heavy pommel for counter-balancing; some also had a longer hilt to strike with both hands when necessary — the so-called “hand-and-a-half” swords (type XIIIa). (A century later they would develop into the huge two-handed Great Swords, which became increasingly popular in the 15th–16th CC., when inventing of complete plate armour made shields unnecessary). In parallel, traditional slightly tapering swords

¹ D. Ayalon. Notes on Furusiyya Exercises and Games in the Mamluk Sultanate // *Scripta Hierosolymitana* IX. Jerusalem, 1961. P. 48.

with acute point (type XII) gradually developed their larger “hand-and-a-half” variant (type XIIa).

2. Invention by the end of the 13th C. of a new form designed primarily not to cut, but to *thrust*. It had heavily tapering to a very acute point and strongly reinforced diamond-shaped blade, able to penetrate through the mail and reinforced armour, finding its way between plates, or even through them (type XV and its “hand-and-a-half” XVa variant). In the 2nd half of the 14th C. even more stiff hexagonal section blades emerged, always with a longer “hand-and-a-half” grip (type XVII).

Besides, in the course of the 1st half of the 14th C., in some blades the cutting function was combined with the thrusting one. Traditional broadswords evolved into sharply pointed tapering swords, with a lower part of the blade (types XVI/XVIa), or most of the blade (type XVIII/XVIIIa), being of a rigid flattened diamond section with a strong mid-rib.

The shorter, thus lighter variants of thrusting swords were easier to handle for the infantrymen, allowing a footman to produce a deadly upward thrust against his equestrian opponent. Thus, they became a very good complement to a long pike and halberd, also becoming particularly important in this period.

On the other hand, there is another sequence of employing thrusting rather than cutting stroke: it is much *faster* and easier to accomplish on the battlefield, especially in a closely packed formation. The first powerful cutting stroke would be followed by a series of thrusting ones, which were easier to repeat, less energy-consuming and even more effective than cutting against a heavily armoured opponent.

Finally, besides all the above, an increased use of the crossbow has its starting point at around the same time, a trend which was later completed by inventing large detachments of much cheaper and faster English longbow archers who would dominate the battlefields of the Hundred Years’ War.

C. Coming of the Mongols

If one tries to study every single phenomenon mentioned above separately, he would certainly be able to find some more or less convincing explanations in every particular case. Indeed, a general trend of European warfare development in the 13th–14th C. went towards

increasing importance of infantry, including archery, which followed social developments in the West, such as growth of towns. This in turn influenced knightly warfare, including armour improvements. Muslim warfare roughly followed the same direction of archery development and armour improvement. However, something should initiate the above-mentioned technical changes at this particular point. What exactly? The Crusades? But there was nothing new about them in the 13th C., and anyhow their impact on both Eastern and Western warfare proved to be quite limited. What else?

Evidently, the only event that affected both the West and the Middle East in the 13th C., was the arrival of the Mongols. Thus, all those military changes may have something to do with the last great invasion of the Steppes. Unlike all other medieval nomadic invasions in Europe and Muslim East, the Mongols managed to penetrate very far in both directions (in fact, even three: Europe, the Middle East and China¹), and not gradually, in a generations-long penetration, but quite fast, overwhelming their opponents by the best inventions of nomadic warfare. Even more importantly, in the course of the 2nd half of the 13th C., they remained a major *threat* for both Western knights and Middle Eastern Mamluks of Egypt, thus producing an imperative to learn — as fast as possible — how to cope with this new danger.

In the case of the Mamluks it is particularly evident, as for half a century they fought against the Mongols virtually every year, and this permanent war was the *main* concern of the Mamluk sultans. The same is not less true for Eastern Europe. Russian principalities, especially the principality of Galicia — Volhynia, had to adopt the Mongol military equipment and warfare system, at least partially. Even Western Europe, though not in a direct contact with Mongols after the 1241–1242 AD invasion, remained under a permanent *threat* of a new invasion. This concern is evident from accounts about the “Devil’s horsemen” produced by the horror-stricken Christian chroniclers, as well as from the Papal envoys sent to the Mongol court and their

¹ For more details on the exceptional Mongol phenomenon see: Fletcher J. The Mongols: Ecological and Social Perspectives // *HJAS*. XLVI/1. 1986. P. 11–50; Barfield T. J. The Perilous Frontier. Nomadic Empires and China. Cambridge, Mass., 1989.

“relations” (see, e. g. extremely popular in the 13th C. Plano Carpini’s thorough description of the Mongol military system and especially his recommendations “*how to fight*” this invincible foe).

Thus, what the Mongols brought with them so special? There were several aspects of those new features of warfare, which they invented, or rather introduced to the West and the Middle East.

First of all, it was an unprecedented importance of *horse-archery*. The horse-archery in itself was not, of course, something new for their Eastern opponents who used horse-archers for centuries themselves — and even the Western knights learned about it after their ‘visits’ to the Holy Land. Nevertheless, we should not be misled by the Crusaders’ descriptions of Turkish horse-archers. However strange and unexpected they seemed for the knights, they did not play so prominent role in the Muslim armies — except the troops of the Saljuks of Asia Minor.

However, with the Mongols it was absolutely different, as they brought with them a tremendous army where horse-archers played a prominent part. But what was absolutely unprecedented, it was the *scale* and *consistence* with which the horse-archers were applied on the battlefield. It was not hit-and-run tactics of the Saljuk tribesmen who approached, shot arrows — only to disappear again, thus being more annoying than dangerous,¹ but waves after waves of shooting horse-archers, destroying the men- and horse-power of their opponents even before the hand-to-hand engagement started.

This tactic, first of all, made imperative to produce an efficient defence for the warriors who had to withstand this squall of arrows, and, not less importantly, to protect their horses. A traditional Western mail hauberk provided a very good protection against swords, but it was not efficient against arrows.² It could withstand shock of a relatively weak ordinary

¹ See for example a battle of Dandanakan of 1040, when a perfect Ghaznavid army was utterly destroyed by the Seljuks. However, it was not one major encounter, but rather a series of skirmishes — “raids” of light horse-archers against marching columns of Mas’ud’s army, which continued for several days — until the army was ripe enough to collapse on its own after a relatively minor attack.

² See, e. g., experiments and conclusion of Saxton T. Pope that “a bodkin-pointed arrow, shot from a heavy bow, can penetrate steel mail.”

Western bow but not armour-piercing arrows of the Asiatic composite bow (as well as the English longbow of a later period), let alone the crossbow's bolts used by the European infantry. The plate armour is a much better protection in this respect, which was the major reason behind the prevalence of lamellar armour in the nomadic warfare. Thus Mongol-fashioned plate armour (e. g., brigandine) was adopted,¹ and mail shirts were reinforced by plates. This, in turn, created a new problem for offensive weapons, leading in due course, as it was mentioned, to a further development of shaft-weapons and creating new types of swords which were able to deal with this new type of protection.

A quite similar process took place in the Middle East. First, the lords of Western Iran, Azerbaijan and Iraq who survived Chingis-Khan's invasion, and then the Syrian emirs and Mamluks of Egypt had to face the Mongol menace and create an increasingly *heavily* armoured cavalry. Again, it was not something new per se, as the heavy cavalry had been deployed there for centuries, but only Egyptian Mamluks were able to produce a *large* heavily armed army, with light horse-archers as auxiliaries. And only this army was able, eventually, to stop the Mongols in Syria.

Besides, the Mongols had their own large units of heavy armoured cavalry — as their predecessors Turkic Qaghans used to have some centuries earlier — which also influenced warfare of their neighbours. It was another serious reason to find some weapon effective against

Pope T. Bows and Arrows. Berkeley, 1930, P. 63; P. 82, pl. 13, fig. 7. Pope also gives an interesting example of mail-piercing effect of arrows, from the period of Spanish conquests in Northern America: "Hansard [P. 22.] quotes some Spanish historian, probably DeLery, to the effect that one of the early explorers in Florida, wishing to test the power of the native archery, offered a young Indian captive his liberty if he could shoot an arrow through a coat of mail. The garment was hung on a wicker basket and the Indian, standing 150 paces distant, shot a flint-headed reed clean through the armor. A second coat of mail was placed over the first, and the Indian shot an arrow with great force through both." Pope T. Op. cit. P. 40–41.

¹ See, e. g., Matveev A. A 13th Century Mongol Armour Suite from Tuva // Ancient Cultures of Central Asia and St Petersburg. St Petersburg, 1998. P. 232–236. (In Russian); Mikhail Gorelik. The Armies of Tatar-Mongols in the 10th–14th C. Warfare, Arms and Military Equipment. Moscow, 2002. (In Russian).

armour (mainly lamellar armour and a coat of plates, as chain mail was little used by the Mongols). If the West, which was not that much in a direct contact with the nomad invaders, solved the problem by further elaborating the European straight sword, the Muslim opponents of the Mongols, especially the Mamluks, adopted the weapon of their foes. In the 13th C. the only Middle Eastern army equipped exclusively with curved blades were Il-Khanid Mongols; however, the Egyptian Mamluks eventually also adopted the sabre as a major edged weapon in their army, as it was among the most effective arms of the time. In Egypt, however, the straight swords continued to be used, though on a much lesser scale. It seems that the final transition to the curved blade did not take place there until the Ottoman period.¹

Thus, after all, the changes in the sword shape in the West and in the East, however different they seemingly were — heavy “hand-and-a-half” straight or highly tapering acutely pointed swords; and a slightly curved heavy sabre, — ultimately had the same starting point and the same purpose: to cope with improved body defences of the opponents, which had been previously developed to defend the cavalymen from arrows. So, technical problems faced by knights and Mamluks were quite similar, though they were solved by absolutely different ways, thus leading to a further divergence of Western and Eastern warfare.

The peculiarities of Western knightly warfare determined further development of plate armour, which — due to the highly developed technology of European armourers — in due course led to creation of the full armour. In the East, however, this line of armour development has not been completed, because of both inadequacy of a too heavy armour in the much warmer climate of the East, and inability of the Eastern armourers to produce large pieces of metal to create one-piece

¹ A number of European 14th — early 15th trophy swords were stored in the arsenal of Alexandria (see Fig. 16), thus indicating use of European heavy swords in Mamluk warfare. Another evidence of employing heavy straight swords can be found in the *furusiyya* manuals, which mentioned swords weighed from 2 to 5 pounds, the heaviest obviously being European-like broadswords (likely, “hand-and-a-half” type or even heavier). [H. Rabie. *The Training of the Mamlūk Fāris // War, Technology and Society in the Middle East*. London, 1975].

breast-plates similar to the European full armour of the 15th C.¹ Thus, this line of armour development stopped in the East on the stage of combined plate-mail armour and four-piece Persian *chahār-ā'īneh* chest armour (lit. 'the four mirrors'), worn on top of a mail shirt-*zirah*.

3. Sudan "relict" area

By the end of the 13th C. the curved blade became prevalent in the Middle East — though the straight sword did not disappear completely from arsenals of the region. In the Mongol Ilkhanid period the latter was still a major weapon of the Bedouins in Arabia, along with spear, as illustrated in the above-mentioned early 14th C. Mss. of the *World History* by Rashid al-din (see Fig. 10–11). In some areas of the Middle East and North Africa, the straight blade continued to be used for quite a long period, or even survived till the 20th C., as in the Sudan.

Thus, in **Maghrib**, the traditional straight swords prevailed in the Sahara region, the most typical being the above mentioned *takouba*, primarily associated with Tuaregs of the Sahara, though also used by Arabs and some of their Sahara-Sahel neighbours (Fig. 14; see, e. g., a well-decorated 18th C. *takouba* from the Southern Sahara with a slightly tapering imported German blade, mounted locally, published by North together with *kaskaras*²). Besides, some straight blades of a Pallasch/ backsword type were in use on the mediterranean littoral, along with famous Moroccan *nimsha* that combined mostly European imported blades and characteristic local hilt fitted with knuckle bow linked to curved quillons.³ It had two main variants: one with a rather narrow slightly curved blade, the other had a shorter curved blade with a broaden heavy foible, similar to the European *cutlass*. The latter,

¹ See Alan Williams comparison of the Eastern and the European techniques of steel-making [Alan Williams. *Ottoman Military Technology: The Metallurgy of Turkish Armour: War and Society in the Eastern Mediterranean, 7th–15th CC.* Leiden, Brill, 1997. P. 363–405].

² North A. Op. cit. Pl. 23.d.

³ See, e. g., North A. Op. cit. P. 29, pl. 22a; Elgood R. Op. cit. Pl. 2.1, 2.2, 2.4.

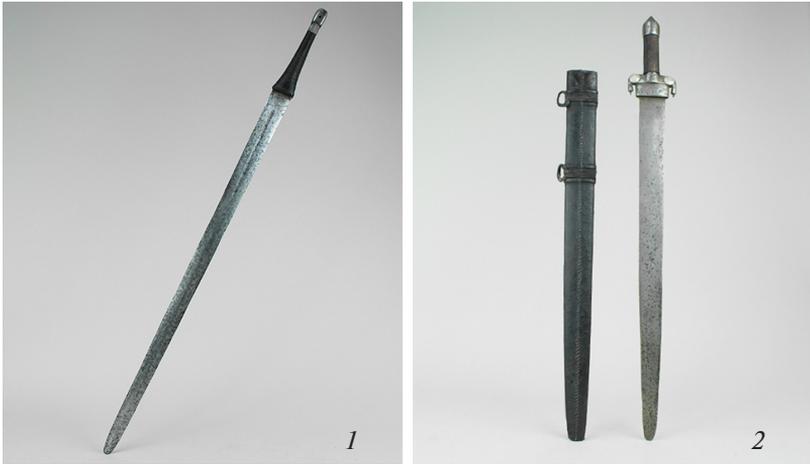

Fig. 20. *Kattara*, Oman: 1 — ‘slim’ type; 2 — ‘Omani’ type

particularly useful in naval warfare, was widespread alongside the coastal area from Morocco to Oman.

In **Oman** one can distinguish two types of straight double-edged swords. First, *kattara*,¹ the most typical of them, has a thin and flexible blade with fullers, and a characteristic handle without any guard, tapering to a small cylinder-like pommel (Fig. 20, 1). The second type, the so-called *Omani*, though also often referred to as *kattara*, is quite different. These are broad and solid, inflexible swords, with blades mostly of European origin,² and with typical curving downwards quillons (Fig. 20, 2), which closely resemble the shape of the guards depicted, e. g., on the low-relief of Goliath from the 10th C. Armenian church on Aght’amar island in lake Van (Fig. 21), and at a finding in an early 11th C. Serçe Liman shipwreck, in Asia Minor.³ They are rarer than standard *kattara*, and it is possible to attribute the emerging of

¹ Elgood R. Op. cit. Pl. 2.14, 2.16.

² Elgood R. Op. cit. Pl. 2.13; 2.15 (the latter with a Persian blade).

³ Bass G. F., et al. Serçe Limani: An Eleventh-Century Shipwreck. Vol. 1. The Ship and Its Anchorage, Crew, and Passengers. College Station: Texas A&M University Press, 2004.

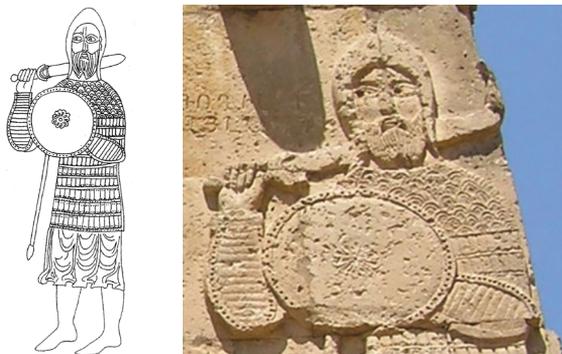

Fig. 21. A relief of Goliath from the 10th C. Armenian church in Aght'amar island on lake Van, 915–921 AD

this type of blade (but not the hilt) to the large trophies caught by the Omanis in the arsenals of the defeated Portuguese in the mid-17th C.¹

In the most part of **Arabia**, however, the straight sword was gradually replaced by sabre, which indicates both a strong foreign (Persian) influence and high demand in a weapon suited for mounted combat: pre-modern Arabia had more horses than in the times of the Prophet and they were employed in the numerous local wars in the period of the Wahhabi — counter-Wahhabi contest in Arabia. The highly esteemed Persian *shamshirs* remained relatively rare, though, being rather a symbol of rank than an ordinary field weapon. However, quite common were Syrian and European (especially Hungarian) slightly curved sabres²; later in the 19th C., the Caucasian slightly curved *shashkas* became popular: though designed for the cavalry fighting they could also be used on foot, thus making more cumbersome straight sword unnecessary for the Arabian Bedouin warfare.

All of the above can help to explain the preserving of a traditional early medieval sword in **Sudan**. The first reason was the *absence* of all the factors which led to the introducing of the curved blade in the Middle East. The Sudanese warfare did not experience strong external influences or invasions, thus *remained based on a traditional Arabic military system*

¹ See discussion in Elgood R. Op. cit. P. 17–18.

² Elgood R. Op. cit. P. 22.

brought in Sudan by the Arab Bedouins migrating from Upper Egypt, who in turn influenced the local tribes, like the Beja, who adopted their weaponry and also became very well versed in using Arabic broadsword.¹

The early medieval Arabia with its limited population was much closer to the European pattern of warfare than to the Great Steppe nomadic system; the single combat prevailed in the Arabic tribal warfare. Though we should not always take the descriptions of purely single-combated encounters depicted in the pre-Islamic Arabic oral tradition, such as *Ayyam al-Arab*, at face value, but they are still closer to reality than it might look. Even the Bedouin pride, *muruwwa*, has a lot of similarities with the knightly one. On the other hand, the actual battles of the pre-Islamic period, as well as of the great Arab conquests, were conducted mostly by foot soldiers, because of the limited number of horses in Arabia (unlike horses, the camel was a means of transport to bring the warriors to the battlefield, but the Arabs did not fight from the camel's back). In the latter respect it resembled the Viking military system based on the mobile footmen, partially armoured in mail and relied on sword and also spear, as the Arabs did, only the means of transport were different (the Vikings used ships, as their desert to cross was the sea).

Thus, the straight sword was quite efficient for the Bedouin warfare with its prevalence of the single-combat and fighting *on foot* of relatively small groups of warriors — as opposite to the *cavalry* warfare and continuous operating of large units in the Mamluk-Mongol confrontation of the 13th–14th C., where the sabre had all advantages.

The situation in the Sudan was quite similar to Arabia. Standard adversaries were not too sophisticated Nilotic, or neighbouring nomadic tribes, though not horsemen but cattle or camel breeding Bedouins, who also fought almost exclusively on foot. Some rulers in Sudan had picked cavalry units, including the heavily armoured, but they were small. In the inner conflicts the older traditions of the tribal warfare lingered, with a limited importance of cavalry — exactly as in the pre-Islamic Arabian society. The same was true regarding the neighbouring Sahara Tuaregs,

¹ “The Beja, under Arab influence, abandoned the spear as a weapon in favour of the broad-bladed Crusader [*sic!*] sword with which they have since proved themselves such formidable fighters at close quarters”. [Paul A. A History of the Beja tribes of the Sudan. Cambridge: Cambridge University Press, 1954. P. 78.]

Fallata/Fulani, *Baggara* and *Abbala* Arab tribes, etc., who followed the same Bedouin pattern of life with a correspondent tribal military system.

Besides, in Sudan, as well as in the neighbouring *takouba*-dominated Sahara area, the external cultural influences were limited, resulting in a particular 'traditionalism' of the local society. It was always a peripheral area in terms of the Middle Eastern history. The eastern military practices of the Abbasid era never reached farther than Egypt. Thus in Maghrib the tribal levy has never been replaced by semi-regular *ghulam* contingents of the emirs. Later, the Great Steppe influence did not affect this area either, and no outer invasion ever reached it in pre-colonial period; thus only Egyptian influence was of some significance. The absence of the Steppes' 'impulses' is of particular importance, since the transition from straight blades to curved ones, as it has been mentioned, took place in the Middle East after the coming of the Mongols.

In Sudan, as well as in the neighbouring Sahara, the traditional society remained almost unchanged. Thus traditions of tribal warfare inherent in older Arabian society managed to survive there, providing a social basis for preserving the straight blade. There was simply no objective need to invent some new weapons, as the traditional sword remained appropriate for the given type of warfare. As external cultural influences were also limited, this led to the survival of the straight sword throughout centuries, though in its regional form in each particular area.

The same — to some extent — is true for the rest of Maghrib (beyond Sahara), Oman and Arabia in general, as the Bedouin warfare did not seriously change, being not affected by the problems which the Mamluks had faced. This factor allowed them to preserve the straight blade in their arsenal for a much longer period than in Syria and Egypt, but in their case the older tradition was finally undermined by a stronger external influence — the European one in Maghrib and the Persian in Arabia and Oman. In result, the foreign influence and objective advantages of the sabre eventually led to the victory of the latter. The sabre became dominant; and even the straight swords' types that survived in those areas underwent serious changes.

Thus, only in the case of Sudan and the neighbouring Sahara-Sahel region the early Arabic tradition remained almost intact. But even there it was not a stagnation, as a certain development took place. A typical

Sudanese sword — presumably because of an almost total lack of body armour among the Sudanese warriors — is lighter and thinner than its early medieval prototype, as can be clearly seen from the comparison with pre-Mongol swords preserved in the Topkapi Saray museum¹ (Fig. 17). The latter have a sort of central rib, being a smooth rhombus in cross-section, thus thicker and less flexible than their Sudanese counterparts. So, we cannot completely accept North's statement, that "the Arab version survived in its straight form in North Africa and the Sudan until this century in the form of the Sudanese sword known as a 'Kaskara'. The straight quillons and blade differ only slightly from their 13th- and 14th-century Arab forebears."² An actual comparison shows that both blade and quillons are quite different, only the general idea of straight double-edged blade remained the same. Nevertheless, it is obviously a continuation of the older pattern, rooted in the continuity in *social* and, correspondingly, *military* system.

And a last remark. All the above 'technical' military reasons behind adopting curved sabre or preserving (or further development) of a straight sword indicate merely a general tendency, a set of objective factors which *influenced* the choice made by a given culture, but not predetermined it. There are many other reasons behind adopting a particular type of weaponry, and the "fashion" is by no means the least one.³ Thus, it is often difficult to determine the exact reason behind adopting of a certain weapon by a given society, as we can see on the example of Morocco, Oman, and Central-Northern Arabia, where situation was in many respects similar to the Sudanese one, but the choice these cultures finally made was quite different.

Nevertheless, the practical fitness of the weapon for a particular military task always played an important role, which cannot be superseded

¹ A. R. Zaky. Medieval Arab Arms. Pl. 206–208.

² North A. Op. cit. P. 30.

³ For instance, what was behind an increasing popularity of the *shashka* blades in the late 19th — early 20th C. Arabia? Technical quality? Correspondence to some major requirements of the Bedouin warfare? Or a result of some general Caucasian influence due to the mass 'Circassian' migration to the Ottoman Empire in the late 18th–19th C.? Or simply a fashion? More likely, all these factors together.

by ‘fashion’. In any case, we have to consider all possible factors involved, in order to find explanations of the choice made by a given culture.

Bibliography

1. Alexander D. G. European Swords in the Collections of Istanbul. Pt. I: Swords from the Arsenal of Alexandria // *Waffen- und Kostümkunde*. 27(2). 1985. P. 81–118.
2. Alexander D. G. *Islamic Arms and Armor in the Metropolitan Museum of Art*. New York: The Metropolitan Museum of Art, 2015.
3. Alexander D. G. *The Arts of War: Arms and Armour of the 7th to 19th C. (The Nasser D. Khalili Collection of Islamic Art. Vol. XXI)*. Oxford, 1992.
4. Anderson J., Mohamed A. A., et al. Royal Regalia: a sword of the last Sultan of Darfur, Ali Dinar // *Sudan and Nubia: Bulletin of the Sudan Archaeological Research Society*. No. 20. 2016. P. 161–169.
5. Arazi A. Ta’abbata Sharran // *Encyclopedia of Islam*. 2nd ed. Vol. 10.
6. Asher M. *In Search of the Forty Days Road*. Harlow: Longman, 1984.
7. Ayalon D. Notes on *Furusiyya* Exercises and Games in the Mamluk Sultanate // *Scripta Hierosolymitana*. IX, 1961. (Jerusalem).
8. Barfield T. J. *The Perilous Frontier. Nomadic Empires and China*. Cambridge, Mass., 1989.
9. Barth H. Travels and discoveries in North and Central Africa from the journal of an expedition undertaken under the auspices of H. B. M.’s government in the years 1849–1855. 5 vols. Vol. 3. New York, 1857.
10. Bass G. F., et al. *Serçe Limani: An Eleventh-Century Shipwreck. Vol. 1. The Ship and Its Anchorage, Crew, and Passengers*. College Station: Texas A&M University Press, 2004.
11. Bell H., Matveev A. A Case of Survival of Early Medieval Straight Swords: “*Kaskara*” Broadwords in the 17th — early 20th Centuries Sudan // *Military Archaeology: Weaponry and Warfare in the Historical and Social Perspective. Materials of the International Conference, 2–5 September 1998*. St Petersburg, 1998. P. 299–303.
12. Blair Sh. *A Compendium of Chronicles. Rashid al-Din’s Illustrated History of the World. (The Nasser D. Khalili Collection of Islamic Art, v. XXVII)*. Oxford, 1995.
13. Blunt A. *A Pilgrimage to Nejd, the Cradle of the Arab Race. Visit to the Court of the Arab Emir, and “Our Persian Campaign.”* London: John Murray, 1881. Vol. 1.

14. Briggs L. C. European Blades in Tuareg Swords and Daggers // *The Journal of the Arms & Armour Society*. Vol. V, No. 2. June 1965. P. 37–95.
15. Burton R. F. A New System of Sword Exercise for Infantry. London: William Clowes and Sons, 1876.
16. Burton R. F. Pilgrimage to Al Madinah and Meccah. Vol. II. London, 1893 (1st ed. 1855).
17. Burton R. F. The Book of the Sword. London: Chatto and Winders, 1884.
18. Clark W. T. Manners, Customs and Beliefs of the Northern Begas // *Sudan Notes and Records*. Vol. XXI. 1938. P. 1–30.
19. Doughty C. M. Travels in Arabia Deserta. Vol. 1. Cambridge: University Press, 1888.
20. Egerton W., Lord of Tatton. A description of Indian and Oriental Armour. London, 1896.
21. Elgood R. The Arms and Armour of Arabia in the 18–19th and 20th centuries. Brookfield, Vermont, 1994.
22. Fletcher J. The Mongols: Ecological and Social Perspectives // *HJAS*. XLVI/1. 1986. P. 11–50.
23. Holt P.M. The Mahdist State in the Sudan 1881–1898: A Study of Its Origins, Development and Overthrow. Oxford: Clarendon Press, 1970.
24. Hunley E. *Kaskara* Cross-guards/Quillons // *Vikingsword: Ethnographic Arms & Armour*. URL: http://vikingsword.com/ethsword/hunley/kaskara_guards.pdf (accessed: 30.08.2022).
25. Hunley E. *Kaskara* Fuller Styles & Names // *Vikingsword: Ethnographic Arms & Armour*. URL: http://vikingsword.com/ethsword/hunley/kaskara_fullers.pdf (accessed: 30.08.2022).
26. Hunley E. The Social Economics of Small Craft Production: The Sword and Knife Makers of Kassala, Eastern Sudan, September 1984 [Modified October 2010] // *Vikingsword: Ethnographic Arms & Armour*. URL: <http://www.vikingsword.com/ethsword/hunley/kassala.pdf> (accessed: 30.08.2022).
27. Hunley E. The Sudanese *Kaskara* Sword in Silver Dress // *Vikingsword: Ethnographic Arms & Armour*. URL: http://vikingsword.com/ethsword/hunley/kaskara_silver_dress.pdf (accessed: 30.08.2022).
28. Lane E. W. An Account of the Manners and Customs of the Modern Egyptians. 5th ed. London, 1860. 2 vols.
29. Lee J. *Kaskara* Broadsword of Sudanic Africa. 1998 // *Vikingsword: Ethnographic Arms & Armour*. URL: <http://www.vikingsword.com/ethsword/kaskara/index.html> (accessed: 30.08.2022).

30. Macdonald D. B. 1981. *Budūh* // Encyclopedia of Islam. 2nd ed. Vol. XII. Supplement. P. 153–154.

31. Matveev A. A 13th Century Mongol Armour Suite from Tuva // Ancient Cultures of Central Asia and St Petersburg: Proceedings of the International Conference Dedicated to the 70th Anniversary of Alexander D. Grach, December 1998. St Petersburg, 1998. P. 232–236. (In Russian).

32. Matveev A. Main aspects of the “Classic” Mongol warfare (late 12th–13th CC.) // Military Archaeology: Weaponry and Warfare in the Historical and Social Perspective. St Petersburg, 1998. P. 314–319.

33. Matveev A. The Mongol Warfare in the 13th — early 14th CC.: On the Causes of the Mongol Military Success // Proceedings of the International Conference “Warfare of Russia and its Neighbours”, St Petersburg, 29–31 March 2005. Moscow: Ministry of Defence Publishing House, 2006.

34. Matveev A. The Quality vs Quantity: On the Basic Features of the Mongol Warfare // Proceedings of the International Conference “Central Asia from the Achaemenids to Timurids. On the Occasion of the 100th Anniversary of A. M. Belenitskiy”. St Petersburg, 2–5 November 2004. St Petersburg, 2005. P. 315–319. (In Russian).

35. Matveev A. Works of Art as a Source for the History of Warfare: on the Example of Persian Miniatures (A Database Project) // *Manuscripta Orientalia*. Vol.4 No. 3. 1998. P. 39–61.

36. Matveyev A. International Long-distance Trade in Europe and Beyond in the Ninth Century: Ibn Khurdadbeh’s account on the Trade Routes of the Jewish Merchants al-Radhaniyya and the East European traders al-Rus // XXXII International Congress on Source Studies and Historiography of Asia and Africa. St Petersburg, 2023. P. 77–78.

37. Michalak A. “From Every Side Armed with a Cross Sign”. A Crusader’s (?) Sword from the Collection of the Hungarian National Museum in Budapest // *Studia Universitas Cibiniensis, Series Historica*. Supplementum No. 1. P. 53–71.

38. Mickov D. Kaskara Swords: Unveiling Sudan’s Storied Blades and Battlefield Prowess. [Published: 17 May 2023] URL: <https://swordis.com/blog/kaskara> (accessed: 30.11.2023)

39. Nicolle D. An Introduction to Arms and Warfare in Classical Islam // Islamic Arms and Armour. Ed. R. Elgood. London, 1979.

40. Nicolle D. The Arms and Armour of the Crusading Era 1050–1350. V. II. New York, 1988.

41. Norman Iain. Kaskara Terminology // [Internet resource] African Arms. 8 October 2023. URL: <http://iainnorman.com/kaskara-terminology>. (Accessed: 30.11.2023).
42. North A. An Introduction to Islamic Arms. London, 1985.
43. O'Fahey R. S. The Darfur Sultanate. A History. London, 2008.
44. Oakeshott E. Records of the Medieval Sword. Woodbridge: The Boydell Press, 1991.
45. Oakeshott E. The Archaeology of Weapons. Woodbridge, 1960 (1994).
46. Paul A. A History of the Beja tribes of the Sudan. Cambridge, 1954.
47. Pope S. T. Bows and Arrows. Berkeley, 1930.
48. Pradines S., Khorasani M. M. Sufi in War: Persian Influence on African Weaponry in 19th Century Mahdist Sudan // *JAAS*. Vol. XXII, No. 5. 2018. P. 254–279.
49. Rabie H. The Training of the Mamlūk Fāris // *War, Technology and Society in the Middle East*. London, 1975. P. 153–163.
50. Rawson P.S. The Indian Sword. London, 1968.
51. Reed G. S. *Kaskara* from Northern Darfur, Sudan // *The Journal of the Arms & Armour Society*. Vol. XII. No. 1. March 1987. P. 165–201.
52. Rezman E. Qur'an and its World. St Petersburg, 2001. 601 p. (In Russian).
53. Ricketts H., Missillier P. Splendeur des Armes Orientales. Paris, 1988.
54. Sandars G. E. R. The Amara // *Sudan Notes and Records*. Vol. 18, No. 2. 1935. [University of Khartoum]. P. 195–220.
55. Spring C. African Arms and Armour. London, 1993.
56. Stone G. C. A Glossary of the Construction, Decoration and Use of Arms and Armor. New York: Jack Brussel, 1934.
57. The Cambridge illustrated History of Warfare. The Triumph of the West. Ed. G. Parker. Cambridge, 1995.
58. Theobald A. B. 'Ali Dinar: Last Sultan of Darfur 1898–1916. London: Longmans, Green and Co., 1965.
59. Thordeman B. Armour from the Battle of Wisby, 1361. Stockholm: Kungl. Vitterhets Historie Och Antikvitets Akademien, 1939. 2 vols.
60. Verbruggen J. F. The Art of Warfare in Western Europe during the Middle Ages (from the 8th C. to 1340). Amsterdam, 1977.
61. Williams Alan. Ottoman Military Technology: The Metallurgy of Turkish Armour // *War and Society in the Eastern Mediterranean, 7th–15th C*. Leiden: Brill, 1997. P. 363–405.
62. Zaki A.R. Medieval Arab Arms // *Islamic Arms and Armour*. Ed. R. Elgood. London., 1979. P. 202–212.

Айман Аламин Йахйа Бабикер

Крупный рогатый скот в обществе фульбе

Аннотация. В этом исследовании описывается роль крупного рогатого скота в жизни фульбе, известных соседним народам под многими названиями, в том числе «фулани» (у хауса Нигерии и Нигера) и «фаллāта» (в Судане), с использованием описательного аналитического подхода. Автор собирал материал как из письменных, так и из устных источников, включая его собственные наблюдения в Судане. Показано, что крупный рогатый скот упоминается в мифологии и некоторых пословицах фульбе (пословицы приведены в тексте статьи на языке фульфульде и в арабском переводе). Другой вывод состоит в том, что особая роль крупного рогатого скота отражена в системе именных классов в фульфульде, языке народа фульбе.

Ключевые слова. Фульбе; крупный рогатый скот; фульфульде; мифология; пословицы; именные классы.

Ayman Alamin Yahia Babiker

Cattle in the Fulbe Community

Summary. This study describes the role of the cattle in the life of the Fulbe, known to neighboring peoples by many names, such as “Fulani” (among the Hausa in Nigeria and Niger) and “Fallāta” (in Sudan), using a descriptive analytical approach. The author collected his material from both written and oral sources, such as his personal observations in Sudan. It is demonstrated that the cattle is mentioned in Fulbe mythology and in a number of their proverbs (quoted in the Fulfulde language and in Arabic translation). Another conclusion is that the special role of the cattle is reflected in the system of nominal classes in Fulfulde, the language of the Fulbe.

Keywords. Fulbe; cattle; Fulfulde; mythology; proverbs; nominal classes.

أيمن الأمين يحيى بابكر

البقر في مجتمع الفلبي Fulbe

مقدمة:

للبقر رمزية خاصة في مجتمع الفلبي، فهي ظاهرة جديرة بالدراسة؛ فقد وقف الباحث على عدد من ظواهر تأثير البقر على حياة الفلبي.

استخدم الباحث المنهج الوصفي والتحليلي في هذه الدراسة واعتمد على مصادر مكتوبة وأخرى شفاهية وملاحظاته الشخصية. وقد اشتمل البحث على تعريف القبيلة من حيث كينونتها وأسمائها ومناطق انتشارها ودينها وما إلى ذلك، ثم تكلم عن البقر في الأساطير الشعبية وفي اللغة وفي الأمثال وفي عموم المجتمع.

وفي النهاية حُتِمَ البحثُ بخاتمة ذُكرت فيها أبرز النتائج؛ وأوصى الباحث بضرورة مواصلة البحث حول هذه القبيلة في مختلف نواحي حياتها.

تعريف بقبيلة الفلبى Fulbe:

هي قبيلة إفريقية رعوية تمتهن رعي البقر في المقام الأول، وقد اختلف كثيرًا في أصلها وأصل اكتسابها لهذه المهنة⁽¹⁾.

تعددت أسماء القبيلة كثيرًا؛ فمن أسمائها: فُلبي ebluf، وفَلاتَة atallaf، وفُلان nalluf، ويُولاز ralup، وييل lep، وولو ollow، وغيرها، إلا أن القبيلة تسمى نفسها فلبى؛ هذا للجمع والمفرد يُلو ollup، والأسماء الأخرى تطلقها عليهم القبائل الأخرى⁽²⁾، ونحن نختار تسميتهم بما يسمون به أنفسهم.

تنتشر القبيلة في الحزام المداري الإفريقي الممتد من سواحل المحيط الأطلسي في السنغال وموريتانيا إلى سواحل البحر الأحمر في السودان وإريتريا، وقد عبر عدد منهم البحر الأحمر واستقر به المقام في الحجاز، فهم مواطنون في كل دول هذه المنطقة⁽³⁾، وتقدر أعدادهم الكلية بنحو ثمانين مليونًا، والرأي عندنا أن العدد أكبر من هذا بكثير.

أغلب القبيلة بدو ينتقلون خلف أبقارهم وهم أكثر من نصف القبيلة؛ والبقية مستقرون في المدن والقرى وقد انصهروا في الحياة العامة وخاضوا كل مناحي الحياة حتى وصل عدد منهم إلى منصب رئيس الدولة مثل محمد بخاري في نيجيريا وأحمدو أهيجو في الكاميرون ومكي سال في السنغال وتوماس سنكارا في بوركينافاسو وغيرهم كثير.

ازدهرت منهم شخصيات لها دور عظيم في التاريخ الإفريقي منهم الحاج عمر الفوتي تال في فوتاتورو وأحمدو لبو في ماسنا - دولة مالي حاليًا - والأسرة الفودبوية في بلاد هوسا - نيجيريا حاليًا - وغيرهم كثير، ومن رموزهم في الحجاز الشيخ عمر بن حسن عثمان فلاتة الأستاذ بالبحر المدني ومنهم في السودان البروفسيور الأمين أبو منقة الأستاذ بجامعة الخرطوم وغيرهم كثيرًا كثيرًا.

والسبب - برأينا - في هذا الانتشار الواسع يرجع إلى سببين أساسيين هما:

1. البحث عن المراعي: بما أن القبيلة رعوية فإنها باحثة عن مراعي لقطعائها لا محالة، لأجل هذا كثر تنقلهم وتجوالم بهم بحثًا عن مراعي أفضل؛ وتنقل كهذا يسمى Eggol.
2. الهجرة لأسباب دينية أو سياسية: أغلب الفلبي يدينون بالإسلام - سنفصل في هذا - لذلك كثر عندهم السفر إلى الحجاز بغرض الحج، فاستقر بعضهم في الحجاز وانقطع آخرون في السودان عند العودة من الحجاز وأحيانًا قبل الوصول إليه.

¹ دراسة تقابلية بين اللغة العربية ولغة الفلفلدي على المستوى الصرفي، أيمن الأمين يحيى بابكر، رسالة دكتوراه غير منشورة، جامعة الخرطوم 2023م، ص 38.

² المصدر أعلاه، ص 44.

³ المصدر أعلاه، ص 45.

وأما الهجرة السياسية فأسيابها المباشرة متعددة ولكنها ذات طابع سياسي كلها ولا مجال للتفصيل فيها هنا إلا أننا سنمثل لها بهجرة أمير المؤمنين الطاهر الأول سلطان سكتو Sokkoto بعد أن احتل الإنجليز دولته في بلاد هوسا – نيجيريا الحالية – كان هدف الهجرة الوصول إلى الحجاز إلا إنها انتهت عند بلدة مي ورنو (مايرنو) على النيل الأزرق بالسودان⁽¹⁾ والتي تفرعت منها قرى كثيرة بعد ذلك على طول مجرى النيل الأزرق ونهر الدندر ونهر الرهد ووصل بعضها نهر عطبرة في شرق السودان⁽²⁾، ومثل هذه الهجرات تسمى Perol.

يُعتقد أن الموطن الأصلي للفلبلي هو إقليم فوت تورو – بين السنغال وموريتانيا حاليًا – ومن هنالك انتشروا في البلاد، بعد أن كثرت أبقارهم حتى ضاقت بهم الأرض فقرروا اكتشاف أراضٍ أخرى، فخرجت أكبر هجرة في نهاية القرن الثامن الهجري بقيادة موسى جكلو Jokollo⁽³⁾ وانتهى بها المسير في إقليم دارفور السوداني، وكانت جماعات من المهاجرين تتخلف عن الركب في الطريق، بهذا تشكلت بداية وجود الفلبلي في هذه المناطق، وقد كانت موجودة قبل هذا ولكن هذه كانت أبين.

الدين عند الفلبلي وسبل كسب المعيشة:

حاليًا يُدين أغلب الفلبلي بالإسلام الذي وصل إلى مضاربهم في العصر المرابطي⁽⁴⁾، بما أنه وصلهم عبر المغرب فقد أخذوه وفق الطابع المغربي فهم على المذهب السني المالكي في الغالب وينتشر بينهم التصوف خاصة الطريقة التجانية والقادرية، وحديثًا بدأت تنتشر بينهم السلفية بسبب زيادة النفوذ السعودي في إفريقيا، وقد وجد التشيع والأحمدية طريقتيها إليهم خاصة في نيجيريا وسانغامبيا⁽⁵⁾ وغينيا وغيرها⁽⁶⁾.

في الحقبة الاستعمارية اجتهدت الكنيسة في التبشير بين الفلبلي؛ ولكن لم يجد المشروع نجاحًا يذكر إلا قليلًا جدًّا، وممن تنصر بهذا المشروع أسرة توماس سنكارا الزعيم البوركيناابي المشهور.

1 تتبع حاليًا لولاية سنار، وهي في الجنوب قليلًا من مدينة سنار.

2 نهر النيجر وبحر النيل، الأمين أبو منقفة، دار جامعة الخرطوم للنشر، ط1، 2020م.

3 كنز الأولاد والزراعي في تاريخ الأجداد والديار، محمد سمبو بن أحمدو لاميطو، مخطوطة بجامعة بابرو، كنو – نيجيريا، ص 112 (بتصرف).

4 موسوعة التاريخ الإسلامي والحضارة الإسلامية، أحمد شلبي، مكتبة النهضة المصرية، ط 1983م، ص224.

5 يقصد بها دولتي السنغال وغامبيا.

6 مقابلة أسفيرية مع الباحث الموريتاني أحمد عمار الفوتي، نوفمبر 2023م.

معلوم أن أول دبن سماءو وصل ديار الفلبو هو الإسلام؛ ومن قبله كانوا على الوثنية الإفريقية ولهم قيمهم التي يحتكمون إليها وهي بمثابة الدين عندهم يسمنونها بلاكو Pulaaku.

لا تزال فكرة احترام البلاكو باقية ويحتكم إليها إلا إنها قد تأثرت بالإسلام جدًا حتى أصبح لكان البلاكو هو الاسم الثاني للإسلام عندهم مع بقاء القليل من الرواسب الوثنية التي لم يستطع الإسلام محوها وهي قليلة لا تكاد تحس.

البقر في أساطير الفلبو:

ارتبط البقر ارتباطًا وثيقًا بكل تفاصيل حياة الفلبو لذلك فقد حظي بقسط وافر في أساطيرهم، سنذكر منها نماذج ندلل بها على قولنا، منها:

1. يعتقدون أن الشمس تشرق من بين قرني ثور (1)، يفهم من هذه الأسطورة أن بداية الحياة تبدأ من الثور، وربما ذكروا الثور دون البقرة لأنهم لظنهم أن الأرض ثقيلة تحتاج لحيوان قوي ليحملها فالبقرة لا تقوى على ذلك، ولأنهم يحملون أمتعتهم على الثيران في ترحالهم لذا ارتبط الثور في أذهانهم بالقوة وحمل الأثقال فهو قوي قادر على حمل الشمس أيضًا. وهذا المفهوم له مفهوم مشابه له في التراث الإسلامي فقد أخرج الإمام مسلم حديثًا في معرض الكلام عن أوقات الصلاة ذكر فيه أن الشمس تشرق بين قرني شيطان (2)، ولكن اعتقاد الفلبو المذكور هنا سابق للإسلام نفسه لذا فهو من صميم تكوينهم الروحي الذي لم يغيره الإسلام.

2. يعتقدون أن الأرض مثبتة على ظهر ثور، وتأويل هذه الأسطورة لا يختلف كثيرًا عن تأويل سابقتها، فالثور هو رمز القوة والمنعة وهو من يقوى على حمل الأثقال.

3. يعتقدون أن البقر بدأ بهم وهو رزق خصهم الله به ومنهم انتقل إلى بقية الشعوب، ونسجوا في ذلك أسطورة لطيفة هي: أن شابة منهم لا تلتزم بتقاليد المجتمع فتخرج عند الهاجرة لجلب الماء – يعتقدون أن هذا الوقت تنشط فيه الشياطين – في يوم ما خرجت إلى المورد في الوقت المحظور فخرج لها جني فواقعها فحبلت منه ثم ولدت ولدًا ذكرًا نشأ لا يعرف له أبًا؛ فأخذ الصبية يعيرونه بذلك فشكاه لأمه، فأخبرته بقصة والده وأمرته بأن يذهب إلى ذلك المورد عند الهاجرة ويشعل نارًا ففعل؛ فخرج له أبوه الجني، فأعطاه عصا وأمره بالذهاب وأن لا يلتفت فكل ما يأتي خلفه فهو له، فمشى الولد وأخذت الأبقار تخرج من الماء وتسير خلفه وهو يسمع ضجيجها حتى تمالكه الفضول فالتفت فتوقفت (3). من هنا عرفت البشرية البقر وأصبح الولد مالكة الأول ومنه انتقلت إلى الناس كافة. نرى أن نكتفي بهذا القدر لأن هذه البئر عميقة لا يدرك قعرها.

1 دراسة تقابلية بين اللغة العربية ولغة الفلندي على المستوى الصرفي، مصدر سابق، ص 46.

2 صحيح الإمام مسلم، كتاب الصلاة.

3 مقابلة مع الحاج علي كلدبي، مسن من الفلبو عاش في قرية بدوس بالنيل الأزرق، كانت المقابلة في منزله سنة 2010م.

البقر في لغة الفُلْفُلدي: Fulfulde :

لغة الفُلْفُلدي من اللغات غرب الأطلسية من فرع اللغات النيجر كنگولية من عائلة اللغات النيجر كرفانية حسب تقسيم اللغات الإفريقية المشهور⁽¹⁾، وهي من كبرى لغات إفريقيا؛ ولهجاتها متعددة لدرجة صعوبة التفاهم بين بعضها؛ إلا أن لها مشتركات ثابتة في كل اللهجات. تعددت أسماء هذه اللغة فهي الفُولَانِيَّة واليُولَارِيَّة والفُلَانِيَّة إلا أن أهلها يسمونها الفُلْفُلدي Fulfulde، وهي من اللغات التي تُستخدم نظام المجموعات الاسمية، فالأسماء تُصنف فيها حسب ما يجمعها إما شكلها أو أصلها أو ما تستخدم فيه وما إلى ذلك، وأحياناً بتشابه المقطع الأخير منها⁽²⁾.

تحتوي المجموعة الاسمية nge على كلمات محدودة جداً والرابط بينها أسطوري عقدي وهي كلمات: nagge nge, yiite nge, naange nge وتعني الشمس والنار والبقرة، لا يبدو أن في ظاهر الكلمات علاقة لكن ثمة علاقة خفية والإجابة في الأسطورة السابقة، فقد أشعل الولد النار وكانت الشمس مشرقة فخرجت الأبقار، فالحياة تدور حول النار والشمس والبقر.

لم نجد لهذه المجموعة كلمات غير هذه – في حد ما وقفنا عليه من كلمات اللغة - إلا كلمة Toonange nge وتعني الظلم، وكلمة Wiige nge وتعني العجل، فهذه الأخيرة لم تخرج من الدائرة الكبرى للمجموعة. للبقرة وجهة ورمزية خاصة في عموم المجتمع ولها تأثير خاص على الأسماء، فمن أسمائهم Kalkaldi, Ngaari, Baleeri, Mbodeeri وغيرها كثير، وكلها صفات في الثور يُسمى بها الرجال مدحاً لهم.

البقر في الأمثال:

ذكرت الأبقار كثيراً في أمثال الفلبي من ذلك:

1. كمن أراد حَلْبَ الثور: Ba mbiido birai ngaari

يضرب المثل في وصف من ادعى فعل المستحيل فهو يطلب أمراً لا يدرك كمن طلب اللبن من ثور⁽³⁾.

اختيار الثور هنا لم يأت عبثاً؛ إنما لأنه راسخ في أذهانهم يعرفون أدق تفاصيل حياته؛ فإذا ضُرب به المثل فالمقصود واضح بيّن، ولأن المثل عادة ما يقال مقارنة بين

¹ صوتيات لغات الشعوب الإسلامية في إفريقيا (هوسا - فولاني - سواحيلي) الأمين أبومنقة، سلسلة صوتيات اللغات المكتوبة بالحرف الفراءني، منشورات الأيسيسكو 1999م، ص 19 (بتصرف).

² دراسة تقابلية بين اللغة العربية ولغة الفلفلدي على المستوى الصرفي، مصدر سابق، ص 55.

³ أمثال وحكم الفلبي، أبو الطبري أيمن البدوسي، دار الأجنحة للنشر والتوزيع، الخرطوم، ط 2023م، ص 14.

بعيد لا يعرفه المخاطب يُقارن بقريب معروف لديه، فالقليبي ليس أقرب إلى أذهانهم كالبقير في كل تفاصيله لذا اختاروا الثور نموذجًا لهذا المعنى العميق.

2. لا يجتمع ثوران في ذريبة واحدة: Ga'i didi kautata hoggo wooto:
من عادة الثيران التعارك ومحاوله كل واحد منها السيطرة على القطيع، فإذا اجتمع ثوران في ذريبة واحدة يكثر العراك بينهما، فهذا معروف جدًا لدا القليبي لاحتكاكهم الشديد بالبقير لذا تمثلوا به⁽¹⁾.

3. رفست البقرة إيناء الحلب فلا نبكي المسكوب: Nagge lati birdude wala ko mboyanen ndufadam:

البقرة هي مالكة اللبن فإذا رفست الإبناء وسكبت ما فيه من يستطيع معاتبتهما؟⁽²⁾.
تُلاحظ رمزية البقرة واللبن في المثل وجعل كل ملكية كملكية البقرة للبن، فهذا يدل على تمكن البقر من تفكيرهم.

4. ولدت بقرتك: Nagge ma rimi:

البقرة رمز الوجهة والرزق عند القليبي فإن ولدت فقد زاد ما ترمز إليه؛ فهذا مقام يُهنؤ عليه صاحبه⁽³⁾، يُلاحظ كيف جعلوا البقرة رمز النماء والزيادة.

5. لو وقع الثور فالذابحون كثر: Ngaari to yibbi hirsoobe duudai:

الثور رمز القوة والوجهة ولكن مع قوته ومنعته إذا أصابه مكروه فكل من هبَّ ودبَّ يدعي ذبحه، كذلك من له مقام في المجتمع إذا أصابه مكروه فكل الناس يستطيع أن يتكلم فيه وإن كان لا يستطيع من قبل⁽⁴⁾. نرى كيف جعلوا الثور موازيًا لوجهاء القوم.

6. باع ما يعرف واشترى ما لا يعرف: Soori ko andi soodi ko anda:

أصل قصة المثل أن فلاتيًا بدويًا باع ثورًا فحلًا أسودًا واشترى مصحفًا وهو لا يعرف القراءة؛ فأصبح مضرب مثل في من يفرط فيما يعرف لأجل ما لا يعرف⁽⁵⁾.
هذه نماذج قليلة من الأمثال المتعلقة بالبقير نكتفي بها اختصارًا.

البقر في المناسبات العامة:

في البداية يكتسب الفرد عددًا من الأبقار منذ الصغر عبر عادة تُسمى Sukkilgo، وقد تكون في مختلف المراحل العمرية ولكن لها رمزية خاصة عند الولادة، فإذا وُلد الطفل فإن أهله يدفعون له عجلًا يكون نواة لقطيعه، ومن كان ابن عائلة غنية فإنه يحظى

1 أمثال وحكم القليبي، مصدر سابق ص 25.

2 المصدر أعلاه، ص 46.

3 المصدر أعلاه، ص 47.

4 المصدر أعلاه، ص 49.

5 المصدر أعلاه، ص 57.

بجول كثيرة وقد يدفعون له بقرة مسنة عبر هذه العادة، لذا قد يصل قطع أحدهم العشرات وهو ما يزال صبيًا يلعب.

ومنهم من يشتري بقرة يبدأ بها قطيعه، ومنهم من يرث من أقربائه، هذه أكثر طرائق الحصول على الأبقار.

وصاحب الأبقار ذو وجهة مجتمعية وله عمامة خاصة يكون لونها حسب عدد قطيعه⁽¹⁾، ويُقدم البقر مهراً في الزواج في الغالب، والبدوي يعرف تفاصيل حياة بقرته أكثر من معرفته بتفاصيل بيته، ويعتقدون أن وجود روث البقر في البيت يباركه وغير ذلك من الاعتقادات⁽²⁾.

ومن أقوالهم: Njangen ha laamoodfen, nduren ha ndisken, ndemen، ha tooskodfen، بمعنى: نتعلم حتى نسود، ونرعى حتى نغنى، ونزرع حتى نتورط، فالتعليم هو طريق الملك والسيادة والرعي - وهو للبقر خاصة - طريق الغنى؛ أما الزراعة فهي ورطة لا يقع فيها إلا سيء حظ⁽³⁾.

وكذلك يقولون: Njangen, nduren, ndemen، بمعنى نتعلم ونرعى ونزرع⁽⁴⁾، رأينا كيف جعلوا الزراعة آخر شيء؟ ومن أقوالهم: Pullo roni alluwal be luwal، بمعنى ورث اليلو اللوح والقرن، كناية عن الدراسة والبقرة، يلاحظ هنا عدم ذكر الزراعة فهي مهنة دخيلة عليهم لا يعرفونها إلا إذا اضطروا إليها.

أورد الشيخ محمد بلو بن فودي Muhammadu Bello في كتاب إنفاق الميسور قصة نصها: "وله مع شيخه البكري جزء يسير في مجابته حيث كفر الشيخ⁽⁵⁾ الفلاتيين بسبب العادة التي يمارسونها في الصحارى قبل ظهور الشيخ⁽⁶⁾ وهي أن يجتمعوا ويخرجوا مع أولادهم الصغار حتى ينتهوا إلى موضع بعيد عن العمارة ثم يعقدون على رؤوس أولادهم ما يعقدون ثم يوقدون ناراً عظيمة ويذبحون البقر ما استطاعوا ويغرزون اللحم حول النار، فإذا جاء وقت السحر حضر أولادهم الكبار وهم واقفون وبأيديهم عصي فيجعلون يضرّبونهم حتى ينتهي هؤلاء الأولاد إلى النار واللحم، ثم يطوفون بالنار هم وأولادهم وهم يقولون: نحن وداعة الله ثم وداعتك أيتها النار وأنت أبونا وأمناء، بعضهم يرقص عليها وبعضهم يقعد عليها فلا تضره ثم يأكلون لحومهم هم وأولادهم الكبار

¹ محاورات مع بعض الفلبي البدو الذين يأتون للتسوق في قرية بدوس بالنيل الأزرق بالسودان.

² محاورات مع رجل من عشيرة بوظي boodi البدوية في بادية جفيرة، محافظة الروصيرص، النيل الأزرق، السودان، سنة 2011م.

³ محاورات مع الحاج محمد أبكر، قرية السراجية، النيل الأزرق، السودان، 2022م.

⁴ دراسة تقابلية بين اللغة العربية ولغة الفلبدلي على المستوى الصرفي، مصدر سابق، ص 48.

⁵ يقصد الشيخ البكري.

⁶ يقصد والده الشيخ عثمان دانفويو.

والصغار، ثم إذا أصبحوا قام خطبائهم وتكلموا بكلام يرؤنه بليغاً عندهم وأدبوا أولادهم بما يرؤنه أدباً⁽¹⁾.

يلاحظ كيف تربط هذه القصة بين البقر والنار والروحانيات، وهذه العادة باقية في نطاق ضيق عند عشيرة الوظابي Wodabe، وتسمى عندهم Ngarol. وتكلم الباحث الكاميروني أحمد جروزا طاهر عن هذه الظاهرة حيث قال: كما لم يعرف لهم أصل محدد كذلك لا يعرف لمزاولتهم الرعي بداية محددة فقد عرفوا رعاة وعرفوا برعي الأبقار لا غيرها، ومن شدة تعلقهم بها حتى قدسوها، فهل يمكن أن يتصل هذا ببني إسرائيل الذين عظموا العجل والبقر دون سائر الحيوانات؟ حتى وصل بهم الأمر إلى عبادة العجل؟⁽²⁾.
وقد اشتقت أسماء بعض العشائر من أبقارها التي اشتهرت بها مثل: مبرورو Mbororo، ودينجي Daneeji، وبوظي Boodi وغيرها كثير.

خاتمة:

درس الباحث دور البقر في مجتمع قبيلة الفليبي الإفريقية البدوية لأهمية هذا الحيوان في مجتمعهم، وتوصل إلى نتائج أبرزها:
• ارتبط البقر بأساطير شعبية عديدة عندهم وكذلك في أمثالهم.
• للبقر تأثير واضح على لغتهم.
• للبقر دور كبير في انتشارهم في الحزام المداري الإفريقي.
• أغلب القبيلة على الإسلام السني المالكي الصوفي.
ويوصي الباحث بضرورة مواصلة البحث حول هذه القبيلة الإفريقية واسعة الانتشار والتي يعتريها الكثير من الغموض في أكثر تفاصيل حياتها.

قائمة المصادر والمراجع:

أولاً: الكتب:

- 1- أمثال وحكم الفليبي، أبو الطبري أيمن البدوسي، دار الأجنحة للنشر والتوزيع، الخرطوم، ط1 2023م.
- 2- إنفاق الميسور في تاريخ بلاد التكرور، محمد بلو بن فودي، طبعة مصرية، 1964م.
- 3- صحيح الإمام مسلم النيسابوري

¹ إنفاق الميسور في تاريخ بلاد التكرور، محمد بلو بن فودي، طبعة مصرية، 1946م، ص 50.

² () تحليل أخطاء معلمي القرءان الكريم الفولانيين في شمال الكمرور، أحمد جروزا طاهر، رسالة ماجستير غير منشورة، معهد الخرطوم الدولي للغة العربية، 1998م، ص 110.

- 4- صوتيات لغات الشعوب الإسلامية في إفريقيا (هوسا – فولاني – سواحيلي) الأمين أبو منقة محمد، سلسلة صوتيات اللغات المكتوبة بالحرف القراءني، منشورات الأبيسيكو، ط 1، 1999م.
 - 5- كنز الأولاد والذراري في تاريخ الأجداد والديار، محمد سمبو بن أحمدو لاميطو، مخطوطة بجامعة بايرو، كنو – نيجيريا.
 - 6- موسوعة التاريخ الإسلامي والحضارة الإسلامية، أحمد شلبي، مكتبة النهضة المصرية، ط 4 1983م.
 - 7- نهر النيجر وبحر النيل، الأمين أبو منقة محمد، دار جامعة الخرطوم للنشر ط 1، 2020م.
- ثانياً: الرسائل الجامعية:
- 1- تحليل أخطاء معلمي القراءان الكريم الفولانيين في شمال الكمرن، أحمد جروزا طاهر، رسالة ماجستير غير منشورة، معهد الخرطوم الدولي للغة العربية، 1998م.
 - 2- دراسة تقابلية بين اللغة العربية ولغة الفلفلدي على المستوى الصرفي، أيمن الأمين يحيى بابكر، رسالة دكتوراه غير منشورة، جامعة الخرطوم، 2023م.

ثالثاً: المقابلات الشخصية:

- 1- مقابلات مع فليبي بدو بتسوقون في قرية بدوس، 2010-2020م.
- 2- مقابلة مع الحاج علي غلدي، قرية بدوس- النيل الأزرق- السودان، 2010م.
- 3- مقابلة مع الحاج محمد أبكر، قرية السراجية- النيل الأزرق- السودان، 2022م.
- 5- مقابلة مع رجل من عشيرة بوذي boodi، بادية جفيرة، محافظة الروصيرص – النيل الأزرق- السودان، 2011م.

Nikolai A. Dobronravin

New sources on the Tijānī Emigration from West Africa in the Early 20th Century

Summary. Unexplored manuscript sources for the study of the Tijānī emigration from West Africa in the early 20th century are discussed in the article. Special attention is paid to the discussion on the choice between *hijra* and *jihād* in the correspondence between Alfā Hāshim and other Tijānī *shaykhs* in the wake of the colonial conquest of today's Nigeria.

Keywords. West Africa; European conquest; Sufism; Tijānīya correspondence; migration.

The so-called “Umarian” emigration from Western Sudanic Africa (mostly within the borders of modern West African region) before the advancing forces of European colonization is a well-known episode of African history. A group of the relatives and followers of the famous

shaykh and *mujāhid* ‘Umar b. Sa‘īd al-Fūtī (al-Ḥājj ‘Umar, ‘Umar Tall, Alahajji Umaru Taal, died in 1864), decided to opt for the *hijra* instead of an apparently futile *jihād*. These emigrants were Toorobbe (from the community known to the French conquerors as “*toucouleur*”), mainly spoke the Fula (Pulaar, Fulfulde) language and belonged to the Tijānī *tariqa*. In the 1890s, they settled in the Sokoto empire down the stream of the River Niger, in a country run by their distant relatives (known there as *Toronkawa* or, more generally, *Fulani* in the Hausa language), only to see a new wave of European conquest in the beginning of the 20th century.

Then, some of these Tijānī refugees took part in the anti-colonial struggle, including the battle with the British conquerors at Bormi (Mbormi, or Burmi, in today’s Gombe State of Nigeria) in 1903, where the Sokoto *amīr al-mu‘minīn* Attahiru (Muhammadu Attahiru I) was killed. A number of “Umarians” managed to escape and continued their exodus, settling in today’s Sudan and eventually in the holy cities of Mecca and Medina.

Among the scholarly publications dealing with the Tijānī emigration from Western Sudanic Africa, one can mention a few authoritative books and articles written by David Robinson and Rüdiger Seesemann¹. While the general course of the Tijānī *hijra* has been known from both European and African sources, the micro-history of the movement, and especially between Sokoto and the Nile Valley in today’s Sudan, remains relatively understudied. Some existing sources are still unexplored by the historians.

One group of such sources, written in Arabic, has been preserved in the library of Trinity College, Dublin. This library is globally known

¹ See, e.g., Robinson D. The Umarian emigration of the late nineteenth century // *International Journal of African Historical Studies*. Vol. 20. № 2. 1987. P. 245–70; Robinson D. Between Hashimi and Agibu. The Umarian Tijāniyya in the early colonial period // Triaud J.-L., Robinson D. (eds). *La Tijāniyya. Une confrérie musulmane à la conquête de l’Afrique*. Paris: Karthala, 2000. P. 101–24; Seesemann R. Alfā Hāshim Muḥammad al-Hāshimī b. Aḥmad b. Sa‘īd // *The Encyclopaedia of Islam*. 3rd edition. Vol. 10. Leiden: Brill, 2010. P. 77–79 [Brill Online. URL: http://www.brillonline.nl/subscriber/entry?entry=ei3_COM-23463 (accessed: 14.01.2024)].

for its rich collection of Western manuscripts, such as the famous Book of Kells. The Islamic manuscripts in the Trinity College library have attracted less attention, although they certainly deserve it. Most of them were described in Abbott's catalogue¹. However, the majority of the manuscripts brought from Sub-Saharan Africa had not yet been acquired by that time and thus remained unknown to the scholars.

The situation changed in 1968, thanks to the interest of Jan Knappert, who was looking for an early Swahili manuscript. Jan Knappert left a detailed description of his visit to Trinity College in 1968:

I had to wait fourteen years before the opportunity came. It was when the then Chairman of the British Association of Orientalists suggested that the Association's annual meeting should be held in Dublin in 1968.

On the morning of the 27th of March, I visited Mr William O'Sullivan, Curator of the Manuscripts in the Library of Trinity College, Dublin, and requested him to show me every manuscript in Arabic script he could find. There appeared to be at least four manuscripts in Hausa, two of them signed 'Uthman b. Fodio'².

Later on, West African manuscripts were also studied by Brad Martin, who specialized in the history of West African Islamic brotherhoods (*turuq*) such as Tijāniya. After Knappert and Martin, short descriptions of these manuscripts were inserted in the library catalogue and made accessible on-line. Thus, the author of the present article has had more opportunity to study the manuscripts in detail, "standing on the giants' shoulders".

The history of my own interest in the Dublin manuscripts took as much time as that of Jan Knappert to materialize, starting with a copy of a multilingual Caribbean work in Arabic script (TCD MS 2683) seen in the Africana library of Northwestern University, Evanston, in 1998.

¹ Abbott T. K. Catalogue of the Manuscripts in the Library of Trinity College, Dublin. Dublin; London: Hodges, Figgis & Co.; Longmans, Green & Co., 1900.

² Knappert J. The Discovery of a Lost Swahili Manuscript from the Eighteenth Century // *African Language Studies*. Vol. 10. P. 1. 1969.

Finally, the study of the manuscripts in Dublin was made possible thanks to a fellowship at the Trinity Long Room Hub in January 2012.¹

It turned out that none of the manuscripts were written in Hausa, except a few medical prescriptions and glosses. At the same time, some manuscripts were in fact typical *kundi*, that is, collections of various texts, mainly, but not only of medical or magic content. One of these *kundi*, TCD MS 3335, came to the library of Trinity College somewhere before 1953. According to the catalogue description of custodial history, this manuscript was “found in Classing Room, March 1953”. The catalogue describes the content of TCD MS 3335 as “Arabic fragments”.

At first glance, the description in the catalogue was satisfactory, although far from exhaustive. It was only after a while, that I was able to notice a few texts of obvious historical value. None of these texts could be easily recognized, being written on a small sheet of paper with traces of folding, and without any seal on it. Most prayers and amulets in a *kundi* would have the same appearance.

All the texts in question are letters.² Except one letter, the handwriting is *Sūdānī*, either close to the Kano variety of it (no. 3 and 8) or more “Sokoto” or Western Sudanic style (no.1–2, 4–6, 9–10). One letter (no. 7) was written in a more Mashriqī-like style (Eastern *fā’* and *qāf*, final *yā’* with two dots below), although it would be rather difficult to describe it as *Naskhī*. This “mixed” (with elements of both *Sūdānī* and *Naskhī*) style of writing can still be found in today’s Sudan.

The writers and addressees of the letters in TCD MS 3335 are as follows:

- 1) Sulaymān ibn Muḥammad Tuqur to ‘Abd al-Qādir ibn Muḥammad;
- 2) Sirē ‘Āli (sic) to Muḥammad al-Hāshimī;
- 3) Muḥammad, *khātīb* of the Friday mosque, son of the imam of Hadejia Ibrāhīm ibn *mu’allim* Abyaḍ (perhaps a partial translation from

¹ I am grateful to all colleagues, first of all to those from the Trinity Long Room Hub and Trinity College Library, without whose kindly help this study could not be possible. Of course all mistakes are mine.

² A more detailed description of these texts is also being prepared for publication.

Hausa, the latter name to be read as “Ibrāhīm, son of Malam Fari”), to an unknown “mentor of scholars” (*ustādh al-‘ulamā*’);

4) Sa‘id ibn Muḥammad to Muḥammad al-Hāshimī ibn Alfā Aḥmad;

5) ‘Abdallāh ibn Maḥmūd to Muḥammad al-Hāshimī;

6) Mālik ibn Aḥmad to Muḥammad al-Hāshimī ibn al-Fāhim Aḥmad;

7) *mu‘allim* Amdūl (?) ibn *mu‘allim* (sic) to *mu‘allim* Sulēmāni (sic) ibn *mu‘allim* Mūsā (partly vocalized, with an *imāla* sign under the *sin*);

8) Nabūku to ‘Alī Jatau and the rest of the community (*wa-sā’ir al-jamā’a*);

9) Muḥammad Bello (probably Muhammadu Bello Mai Wurno, son of *amīr al-mu’minīn* Attahiru; his *hijra* led him to a village in the Sennar region of Anglo-Egyptian Sudan¹) and Aḥmad Sambo Tūmi to Sirē ‘Āli;

10) Sirē ‘Āli to Muḥammad al-Hāshimī, Muḥammad Bello, Aḥmad Ṣambo and *amīr al-jaysh* Aḥmad ibn ‘Umar.

Thus, seven out of ten letters are undoubtedly a part of correspondence between Muḥammad al-Hāshimī, Sirē ‘Āli, and their followers and relatives.

Muḥammad al-Hāshimī b. Aḥmad b. Sa‘id Tāl (Alfā Hāshim, born circa 1865, died 1931 or 1932), a nephew of ‘Umar b. Sa‘id al-Fūtī, was a well known Tijānī *shaykh*. Rüdiger Seesemann describes Alfā Hāshim’s emigration from West Africa to Medina in the following words:

At the dawn of French colonial rule in the region, soon followed by the conquest of the ‘Umarian capital Segou (Ségou) in 1893, some of his cousins and uncles decided to stay and tried to reach a modus vivendi with the emergent non-Muslim rulers. Alfā Hāshim, on the other hand, was part of the group led by Aḥmad al-Kabīr that saw emigration, or hijra (the “emigration” in 622 C.E. of the prophet Muḥammad from Mecca to Medina in order to escape persecution) to the land of Muslims as the only viable option. However, their destination, Sokoto, in present-day Northern Nigeria, soon

¹ I was able to visit this place, also named Mai Wurno, thanks to my friend and colleague Igor Gerasimov, together with a few Russian and Sudanese students and scholars during my first visit to Sudan in 2015.

also became the target of colonial ambitions and became a British colony after the Battle of Burmi, in 1903, in which Alfā Hāshim participated.

Alfā Hāshim then embarked on another emigration, this time via Darfur and the Nilotic Sudan to the Hījāz. From about 1905 onwards he resided in Medina, where he spent much of his time in the Prophet's Mosque and acted as a liaison for West African visitors, emerged as the supreme leader of the Tijāniyya order in the Hījāz, and instructed many students in Islamic law and issued legal opinions¹.

Taking into account the role of Muḥammad al-Hāshimī in the modern history of West African Tijānīya and African diaspora Islam,² the letters to him preserved in the Trinity College Library are certainly of interest, adding some valuable details to the micro-history of this *shaykh* and other Tijānī emigrants from West Africa.

Another interesting figure is that of Sirē ‘Āli. I could not find much about him, except a few words by the French officer, colonial administrator and scholar Henri Gaden, paraphrased by David Robinson:

The location and movement of the fragments after 1903 is even more difficult to trace. Gaden states that the “warrior” groups tended to settle in British Nigeria and French Niger, while the “maraboutic” Umarians were determined to push on to the east and the Holy Lands. This distinction concords with his record of specific movements in the wake of Burmi: 1904, Alfa Hashimi, traveling alone in order to avoid detection;

1905, Sire Ali, an influential “Tokolor” marabout;

1906, a group led by several Tal and some talibes of Toro clearly attached to the Tal family.

It is clear that the basic impulse to continue the emigration came from those who had fought at Burmi with Bassiru and Hashimi³.

¹ Seesemann R. Alfā Hāshim Muḥammad al-Hāshimī b. Aḥmad b. Sa‘īd // *The Encyclopaedia of Islam. 3rd edition*. Vol. 10. Leiden: Brill, 2010.

² About his role in the diaspora see e.g. Chanfi A. West African ‘Ulamā’ and Salafism in Mecca and Medina: *Jawāb al-Ifriqī, the Response of the African*. Leiden: Brill, 2015. P. 24–27.

³ Robinson D. The Umarian emigration of the late nineteenth century. P. 260.

From the letters to and from Sirē ‘Āli it becomes clear that he certainly had a high rank in the *tarīqa*. On the one hand, Muḥammad al-Hāshimī was his *shaykh*, or at least was considered as such by Sirē ‘Āli’s correspondents. On the other hand, it does not look like Sirē ‘Āli (referred to as “the advisor”, *al-nāṣiḥ*, by Muḥammad Bello and Aḥmad Sambo) was just a modest follower of Alfā Hāshim. Moreover, we can see that he wrote to Muḥammad al-Hāshimī to give him advice on the modalities of *hijra* and *jihād* and was apparently sure of his right to advise the *shaykh*.

This letter of advice (no.2) demonstrates that Muḥammad al-Hāshimī was a rather complex figure, a fact that had already been known to the historians of the “Umariān” emigration. While taking part in the *hijra*, he also participated in the anti-colonial *jihād* in Northern Nigeria, although this attitude did not correspond to his intentions, if he wanted to leave the lands occupied by the *Naṣārā* (Europeans/Christians).

Sirē ‘Āli suggested that the *shaykh* should make a choice between *jihād* and *hijra*, and the latter was advisable under the current circumstances. The author of the letter wrote to Muḥammad al-Hāshimī: “Many of the people only give you power in their interest and for their own pleasure”. Meanwhile, the *Naṣārā* had already waged war with *amīr al-mu’minīn* of Sokoto and the emir ‘Umar of Bauchi, as well as in Gombe.

The picture of defeat ends with the dramatic phrase, “and your children are in their hands until now”, apparently referring to the fate of some Tijānī followers including the relatives of Muḥammad al-Hāshimī.

Sirē ‘Āli then compared the choice between *hijra* and *jihād*, stressing that the latter was preferable:

As concerns *hijra*, it precedes *jihād* nowadays beyond any doubt, I advise you to leave everything that distracts you from *hijra*, from [going to] Mecca and Medina.

There is no argument and no clause [in the Islamic law] today against *hijra*. Because there is a road, and there is a way [to follow it] (al-ḥīla). And one of the ways is going group after group (bi-fi’a ba’d fi’a), as it was done by the Prophet, God’s blessing and greeting be upon him, and by his followers.

[...] And the happiness (nu‘m) of jihād is when you are able to wage it. But the circumstances for it today are missing. And the necessary today is the flight (al-firār) in the name of faith.

Despite Sirē ‘Āli’s advice, Muḥammad al-Hāshimī was apparently still reluctant to make a final decision in favour of either fighting or leaving the territory to be occupied by the British. The participation of the Tijānī brethren in the battle at Burmi was not an active one. They probably did take part in the fighting, but William Wallace, the Acting Governor of Northern Nigeria, wrote in his dispatch to Sir Chamberlain after the battle: “The Tejanīyah [Tijānīya] did not join in the fighting at Burmi but were in communication with the Sultan [*amīr al-mu‘minīn* Attahiru] and were inclined to join him but were afraid, they not having forgotten the lesson taught them by the French”¹.

Such was the European conqueror’s view and British “army way” of thinking about the colonial war. From the African Tijānī side, the discussion revolved around a different set of concepts, that is, *hijra* and *jihād*.

Remarks by Sirē ‘Āli present a plan of the *hijra* that was in fact followed by Muḥammad al-Hāshimī and other Tijānī brethren who preferred emigration to staying in colonial Northern Nigeria. Other letters from the *kundi* show that the followers of Muḥammad al-Hāshimī did not only discuss his travel, but also checked the route and made necessary preparations for their *shaykh*.

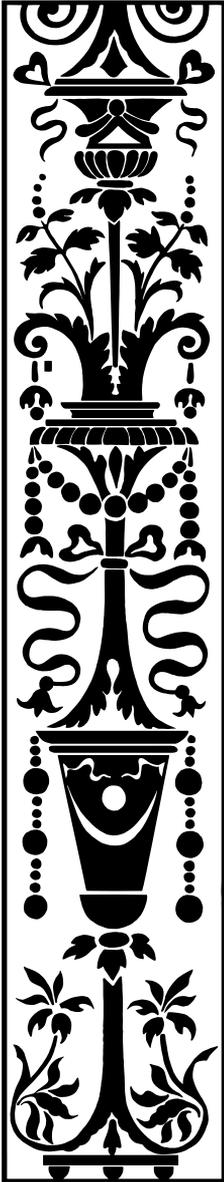
Thus, the emigration to the East and finally to Mecca and Medina was not just a chaotic flight under the pressure of unhappy circumstances, but rather a prepared movement (as much as it was possible), discussed among the brethren in the Tijānī *tariqa* before their *hijra* towards today’s Sudan and the holy cities of Mecca and Medina.

¹ Muffett D. J. M. Concerning brave captains; being a history of the British occupation of Kano and Sokoto and of the last stand of the Fulani forces. London: André Deutsch, 1964. P. 192.

Bibliography

1. Abbott T. K. Catalogue of the Manuscripts in the Library of Trinity College, Dublin. Dublin; London: Hodges, Figgis & Co.; Longmans, Green & Co., 1900.
2. Chanfi A. West African 'Ulamā' and Salafism in Mecca and Medina: *Jawāb al-Ifriqī, the Response of the African*. Leiden: Brill, 2015.
3. Knappert J. The Discovery of a Lost Swahili Manuscript from the Eighteenth Century // *African Language Studies*. Vol. 10. 1969. P. 1–30.
4. Muffett D. J. M. Concerning brave captains; being a history of the British occupation of Kano and Sokoto and of the last stand of the Fulani forces. London: André Deutsch, 1964.
5. Robinson D. Between Hashimi and Agibu. The Umarian Tijāniyya in the early colonial period // Triaud J.-L., Robinson D. (eds). *La Tijāniyya. Une confrérie musulmane à la conquête de l'Afrique*. Paris: Karthala, 2000. P. 101–24.
6. Robinson D. The Umarian emigration of the late nineteenth century // *International Journal of African Historical Studies*. Vol. 20. № 2. 1987. P. 245–70.
7. Seesemann R. Alfā Hāshim Muḥammad al-Hāshimī b. Aḥmad b. Sa'īd // *The Encyclopaedia of Islam*. 3rd edition. Vol. 10. Leiden: Brill, 2010. P. 77–79 [Brill Online. URL: http://www.brillonline.nl/subscriber/entry?entry=ei3_COM-23463 (accessed: 14.01.2024)].

IV.
Ближний
Восток
и его соседи

Vassilios Christides

**The Cycle of the Arab-Byzantine
Struggle in Crete (ca 824/6–
961 AD) in the Illuminated
Manuscript of Skylitzes
(Codex Matritensis Graecus
Vitr. 26–2)¹**

Abstract. Few comprehensive studies concerning the Emirate of Crete (ca 824/6–961) have been written. Our knowledge of this frontier state, which can be compared to that of Sicily, is inadequate mainly because of limited relevant archaeological evidence²

¹ This is an amended version of the article published in *Graeco-Arabica XI*, 2011 (The Institute for Graeco-Oriental and African Studies, the Municipality of Heraklion and Vikelaiia Library; Heraklion, Crete).

² For the Emirate of Crete in general, see mainly: N. Panagiotakis, *Θεοδόσιος ο Διάκονος και το ποίημα αυτού 'Άλωσις της Κρήτης'*, Heraklion 1960; V. Christides, *The Conquest of Crete by the Arabs (ca. 824). A Turning Point in the Struggle between Byzantium and Islam*, Athens 1984; idem, “Five Notes on the Emirate of Crete”, in *The Image of Cyprus in the Arabic Sources*,

and the sparse and often conflicting literary Byzantine and Arabic sources.¹

Among the Byzantine sources, of particular value is the Synopsis Historiorum of Ioannes Skylitzes (12th – 13th c.). A manuscript of this work, now found in the National Library of Madrid, has been marvelously illustrated.² The illustrated manuscript of Skylitzes includes valuable material reflecting various aspects of the Byzantine historical events, arranged in chronological order according to the dates of the ruling of the emperors, but simultaneously forming pictorial cycles of various topics.³ Of particular importance are a number of

Lefkosa 2006, 153–166; D. Tsougarakis, *Byzantine Crete from the 5th Century to the Venetian Conquest*, Athens 1988; M. Kremp, *Arabisches Kreta. Das Emirat der Ansalusier (827–961)*, Frankfurt 1995; Ch. Makrypoulias, “Byzantine Expeditions against the Emirate of Crete c. 825–949”, *Graeco-Arabica* 7–8 (2000), 347–362; M. A. Makki and F. Corriente, trans. and commentary, Ibn Hayyān, *Crónica de los emires Alhakam I y ‘Abdarrahmān II entre los años 796 y 847 [Al-muqtabis II-1]*, Zaragoza 2001; M. A. Makki, ed., *Al-Sifr al-ṭānī min kitāb al-Muqtabis*, Riyadh 2003; L. Molina, “La «Historia de los Omeyas de Al-Andalus» en los Masālik al-Abṣār”, *Al-Qanṭara* 26.1 (2005), 133; M. Penelas and L. Molina, “Dos fragmentos inéditos del volumen II del Muqtabis de Ibn Hayyān”, *Al-Qanṭara* 32.1 (2011), 229–241.

¹ For the Byzantine author Ioannes Skylitzes, see H. Hunger, *Die hochsprachliche profane Literatur der Byzantiner*, Greek trans. T. Koliass et al., *Βυζαντινή Λογοτεχνία. Η λόγια κοσμική γραμματεία των Βυζαντινών. Ιστοριογραφία, Φιλολογία, Ποίηση*, vol. II, Athens 1992, 211–216; A. Karpozilos, *Βυζαντινοί Ιστορικοί και Χρονογράφοι (11^{ος}–12^{ος} αι.)*, vol. III, Athens 2009, 239–258.

² The iconography of Skylitzes’ illustrated manuscripts has been extensively discussed by S. C. Estopanan, *Skylitzes Matritensis I*, Barcelona-Madrid 1965; A. Grabar and M. Manoussakas, *L’Illustration du manuscrit de Skylitzes de la Bibliothèque Nationale de Madrid*, Venice 1979; and more recently by A. Tselikas, ed., *Joannis Scylitzae Synopsis Historiarum, Codex Matritensis Graecus Vitr. 26*, Athens 2000, and Vasiliki Tsamakda. *The Illustrated Chronicle of Ioannes Skylitzes in Madrid*, Leiden 2002. See also I. Sevčenko, “The Madrid Manuscript of the Chronicle of Skylitzes in the Light of its New Dating”, in I. Hutter, *Byzanz und der Westen, Studien zur Kunst des europäischen Mittelalters*, Vienna 1984, 117–130.

³ For the iconographic cycles in historical works, see K. Weitzmann, “Illustrations for the Chronicle of Sozomenos, Theodoret and Malalas”, *Byzantion* 16 (1942–43), 87–134 (repr. in idem, *Byzantine Book Illumination and Ivories*, London 1980, no. IV.

illuminations which render in pictures “The Conquest and Occupation of Crete by the Andalusian Arabs (ca 824/6 — 961)”, starting with the conquest of this almost impregnable island and culminating in its re-conquest by Nicephorus Phocas (961 AD).

The aim of this paper is to present and discuss the most important illuminations of the above cycle in an effort to examine the way the artists of Skylitzes’ manuscript presented the Arabs on the one hand, and on the other the artists’ awareness of the historical scenes described. Limited references to other illuminations of the manuscript will be presented when it is needed and certain general remarks concerning the mannerism of the painters of the manuscript will be added; of course, any further investigation of the latter topics lies beyond the scope and the expertise of the present author.

Keywords. Kraterus; Ibn al-Dāya; Abū Ḥafṣ; Skylitzes; Nicephorus Phocas; Theophanes Continuatus; Cretan Arabs; Andalusian Arabs; Aegean Sea; Emirate of Crete; Handax.

While discussing the illuminations of Skylitzes’ manuscript that render the conquest and occupation of Crete by the Andalusian Arabs, it should be noted that there are not any systematic works concerning the appearance of the Muslim Arabs either in the manuscript of Skylitzes or in any other Byzantine source. Concerning the pre-Islamic Arabs, the present author has written a short article concentrating on the appearance of the pre-Islamic Arabs in the 10th century *Menologium of Basil II*,¹ illustrated by a team of miniaturists.² Some of the conclusions of that article relevant to certain similar aspects of the present work are useful to be repeated.³

¹ In my preliminary work, “From the Cycle ‘The Conquest and Occupation of Crete by the Arabs’ in Skylitzes’ Illuminations: A Naval Battle and the Execution of General Crateros”, in *Studia Semitica Necnon Iranica*, Wiesbaden 1989, 54–64, I briefly discussed certain illuminations concerning naval battles.

² V. Christides, «Pre-Islamic Arabs in Byzantine Illuminations», *Le Muséon* 83 (1970), 167–181.

³ See Fratelli Bocca, *Il Menologio di Basilio II* (Codices Vaticanus Selecti, VIII), Turin 1907; for the illustrated text, see I. Sevcenko, “The Illuminators of the Menologium of Basil II”, *DOP* 16 (1962), 245–276. N. Oikonomides, “Η στολή του επάρχου και ο Σκυλιτζής της Μαδρίτης”, in *Ευφρόσυνον. Αφιέρωμα στο*

In their efforts to show the Arabs different from the Byzantines, the miniaturists of the

Menologium of Basil II follow the following: (a) They simply coarsen the features of the Arabs and present them dressed in garments exhibiting exotic styles and fabrics of non-Arab designs, which are not actually Arab but a product of their imagination.

(b) In case they are raiding warriors, they present them in horrifying characteristics and occasionally dressed like the Roman executioners. (c) The turbans that wrap the heads of the Arabs in most of the miniatures are undoubtedly Arab. In an illumination in which Blemmyes (a Nubian tribe) appear raiding a Byzantine monastery of Sinai, the painter presents two of the raiders with Negroid features; instead of a turban, the first one's head is covered with a cap while the second displays curly hair and a flat nose. Obviously, the painter was an eyewitness monk living in Sinai at the time of the raid (ca 4th–5th c. AD), and could easily distinguish the African Blemmyes from the Saracens. Since the illustrated *Menologium of Basil II* was produced in the 10th century, most probably the painter used a handbook available to the Byzantine painters from an earlier period which reached the 10th century painter (see **Fig. I**, not from SkM).

To turn to Skylitzes' manuscript, A. Grabar — M. Manoussakas noticed that while most of the pictures depicting Arabs do not betray painters drawing from eyewitness experience, they acknowledged the existence of a small number of illustrations with realistic representations of the Arabs, but did not proceed to any further research with concrete examples.¹ A. Tselikas undertook a further study of this problem and indicated a concrete number of such illuminations (fol. 178v, 179ra).² According to his view, most probably such illuminations were painted by Western painters, who, living in Sicily at the time of their work, had an opportunity to watch Arabs living on the island and study their

Μανόλη Χατζηδάκη, vol. 2, Athens 1992, 422–432. There is now a magnificent new edition: *El Menologio de Basilio II*, Vatican City: Biblioteca Apostolica Vaticana, Vat. Gr. 1613, ed. Francesco d'Aiuto, Spanish ed. Inmaculada Perez Martin. Athens: Αποστολική Διακονία της Εκκλησίας της Ελλάδος, 2008.

¹ Christides, “Pre-Islamic Arabs in Byzantine Illuminations”, 177–178.

² Tselikas, op. cit., 141.

Fig. 1. Blemmyes' (Nubians) attack on the monasteries of Sinai

appearance.¹ Unfortunately, none of the illuminations of “the Cycle of the conquest of Crete” seem to belong to the illuminations of Western painters mentioned by Tselikas.

Before starting with the description of the illuminations and their interpretation, it should be noted that the illuminations do not always coincide with the text and even the captions were written by a different scribe, who also worked independently and did not faithfully follow either the text or the content of the picture.² In this paper the enumeration of the figures from Skylitzes’ manuscript follows Vasiliki Tsamakda’s order.

¹ Ibid. The details about the number of the painters and their assistants in Skylitzes’ manuscript as well as their origin go beyond the scope of this article.

² For such deviations of the text and image in general, see Leslie Brubaker, “Every Cliché in the Book. The Linguistic Turn and the Text-Image. Discourse in Byzantine Manuscripts”, in Liz James, ed., *Art and Text in Byzantine Culture*, Cambridge, et al., 2007, p. 59: “Miniatures in manuscripts are normally tied to a particular text, yet they almost always incorporate elements that the Byzantines knew about from other sources entirely.”

In our Fig. 1 illumination of the “Cycle of the conquest of Crete” (Fig. 80, Fol. 38r, bottom), the painter presents a group of six Andalusian warriors who visit the chief of the state of Spain. Skylitzes’s text reports that the Andalusians were common citizens not warriors, who requested to be helped to emigrate to a richer area because of the poverty of the Spanish land.¹ The leader they visited was supposedly the chief of Spain, called Abu Hafṣ (“Ἀπόχαψ”), holding the title of “Ἀμερμουμνης”, corresponding to the official title of a caliph, i. e. Amīr al-Mu’minīn (the Emir of the believers). Actually, we meet the proper translation of this term as “Ἀμιρας των πιστων” (the Emir of the believers) in the Greek papyri of Egypt.² Of course, at this time no one could hold such a title in Spain. The emir of Spain was not Abu Hafṣ but Hakam (r. 796–822), who cruelly persecuted the Andalusian Spanish who had newly converted to Islam (*mualladūn*) and demanded equal rights with the Muslims of Arab descent.³

The depiction of the six Andalusian suppliants is bizarre. They were supposed to be peaceful Andalusian citizens (from Cordoba) asking assistance from the Emir to emigrate to a prosperous area in the Mediterranean, but paradoxically they are depicted as soldiers clad in military attire, just as in the later miniatures, where they appear as conquerors of Crete. Their heads are covered with the usual pointed helmets with ear or cheek pieces, which seems to have been common for Byzantine and Arabs in the 13th–14th centuries, and a sword attached to their belts⁴. Their double-edged swords, painted black in order to indicate metal, are of the usual type for Byzantines and Arabs.⁵ They slightly move their

¹ Narrative in I. Skylitzes, ed. H. Thurn, *Ioannis Scylitzae Synopsis Historiarum*, Berlin — New York 1973, p. 42, lines 2–10.

² See R. Rémondon, *Papyrus grecs d’Apollônios Anô*, Cairo 1953, no. 37, 10.

³ For an excellent description of Hakam’s policies see É. Levi-Provençal, *Histoire de l’Espagne musulmane*, vol. I, Paris — Leiden 1950, 169–173. For the situation in Spain at that time see Lirola Delgado, *El poder naval de al-Andalus en la época del Califato Omeya*, Granada 1993, and Ibn Hayyān, op. cit., note 1 above.

⁴ David Nicolle, *The Mamluks 1250–1517*, Oxford 1993; reprinted 1998, 17.

⁵ Ada Bruhn Hoffmeyer, *Military Equipment in the Byzantine Manuscript of Scylitzes in Biblioteca Nacional in Madrid*, Granada 1966, 91; Tsamakda, op. cit. 313.

Fig. 1. A group of Arabs appears in the court of their Emir, Abu Hafsa (Aphaps), asking permission to resettle. Fol. 38r, bottom

Fig. 2. An emir reclining on his throne. Fol. 113v, top

Fig. 3. Thomas the Rebel flies to the Arabs on a Byzantine ship. Fol. 29v

Fig. 4. The imperial fleet burns the ships of Thomas with Greek fire. Fol. 34v, bottom

Fig. 5. The Andalusian Arabs sail towards Crete. Fol. 38v

Fig. 6. Abu Hafs (Apohaps) orders the torching of his ships. Fol. 39r

Fig. 7. The Cretan Arabs defeat Damianus' forces. Fol. 39v, top

Fig. 8. Kraterus' landing and first encounter with the Cretan Arabs. Fol. 40v, top

Fig. 9. Second encounter of Kraterus' forces and their defeat on their own camp. Fol. 40v, bottom

Fig. 10. Two consecutive scenes: (a) Kraterus and the Cretan Arabs in a sea battle. Last stage of body-to-body confrontation. (b) Kraterus' hanging on a pole on the island of Kos

Fig. 11. The Cretan Arabs attack and slaughter Gongyles' soldiers. Fol. 138v, top

Fig. 12. Nicephorus Phocas' military camp in Handax. Fol. 140r

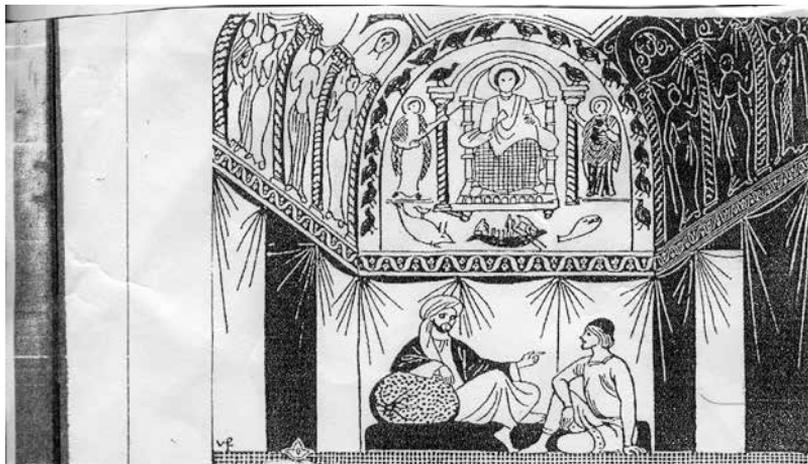
Fig. 13. Nicephorus Phocas' triumphant entrance into Constantinople on horseback through the Golden Gate. Fol. 145r, bottom

Fig. 14. An Arab prisoner demonstrating his dexterity in horsemanship in the Byzantine hippodrome. Fol. 55r, top

heads, lifting their hands upwards. This is not a gesture of prayer, as it is wrongly suggested by Grabar and Manoussakas, since the Muslim posture of praying is definitely different.¹ The Emir is depicted somewhat different from the six Andalusians and is seated on a humble throne in a conventional edifice. Obviously, utterly unaware of the appearance of an Arab emir, his attire and manners, the Byzantine painter created an imaginary image irrelevant to the reality. It is worthy to compare this

¹ A. Grabar and M. Manoussakas, op. cit., 37.

*Fig. II. Depiction of an enthroned Arab prince
in the main Hall of Quṣayr ‘Amra*

picture to illumination no. 259, fol. 113v top, which realistically depicts an Arab ruler drawn by a Western painter of Skylitzes’ manuscript. The emir appears on the left side of the picture with a turban fully covering his head, sitting nonchalantly in the typical Arab way with crossed legs on a wide cushion. Similarly, a painting of an enthroned Arab leader from the palace of Quṣayr ‘Amra (near Amman) is almost identical (see **Fig. II**). Obviously, as noted by Tsamakda,¹ the painter of Fig. 259 was well familiar with the Arabs’ appearance, attire and manners.

Thus, in general, in the first figure initiating the “Cycle of the conquest of Crete”, the text, illumination and caption coincide without any deviations. Skylitzes, as well as all the relevant Byzantine sources, reports erroneously that the Andalusian Arabs, called “Ἰσπανοί” or “Ἰβήριοι”, departed from Spain under the blessings of the supreme authority (*Amīr al-Mu‘minīn*) in order to settle in another area. This is definitely a common error in all Byzantine sources that failed to report that the Andalusians started their expedition from Alexandria of Egypt for the conquest of Crete.

¹ See Tsamakda, *op. cit.*, 306.

A scrutiny of the text of Skylitzes can clarify the cause of this confusion. According to Skylitzes, the Andalusian suppliants asked their emir to help them emigrate to any prosperous place without mentioning the island of Crete in particular, and he sent them to the eastern [Aegean] islands.¹ It was actually during their search in the Aegean that they found and raided Crete, and Abu Hafṣ, their leader, knowing how prosperous the island of Crete was, arranged later a systematic expedition against it and conquered it. According to the Arabic sources, the expedition took place after a temporary settlement of the Andalusians in Alexandria from where they started their expedition with 40 ships provided by the Egyptians.² Skylitzes and other Byzantine authors, omitting the temporary settlement of the Andalusians in Alexandria, created a confusion about the dating of the Andalusians' expedition to Crete. As N. Panagiotakis suggested, probably there was an initial Andalusian raid against Crete [on the way of their first aimless wandering in the Eastern Mediterranean], dated, as I believe, to ca 822–824, followed later by an [organized by the Egyptians] expedition for the conquest of the island (ca 826).³ This explains the inconsistency of the Arabic sources concerning the exact dating of the Arab conquest of Crete.⁴

The second Andalusian attack was facilitated by the chaotic situation that prevailed in the Aegean during the revolution of Thomas (ca 821–823).⁵

¹ See Thurn, 42, line 12: “των πρὸς την εω χειμένων νήσων”.

² Christides, *The Conquest of Crete by the Arabs*, 89–92.

³ Ibid.

⁴ The exact dating of the Andalusians' settlement in Egypt cannot be defined precisely. Modern scholars usually place it ca 200–210 A.H (AD 826); see W. Muiz, *The Caliphate: Its Rise, Decline and Fall*, Beirut 1963, 507: “Egypt had been long the scene of chronic revolts, aggravated by the inroad of Spanish refugees who joined the insurgents and for several years held Alexandria (200–210 A.H.)”.

⁵ It is surprising that a number of modern scholars failed to understand one of the basic rules of naval warfare that warships, especially in medieval times, cannot be easily replaced when destroyed. See M. Kremp, “Thomas/Michael-Konfliki”, in *Arabisches Kreta*, 326.

Tsougarakis' argument (*Byzantine Crete*, 178) that the Byzantine fleet was not destroyed during Thomas' revolt because immediately after the Arab conquest of Crete, the Byzantines started their attempts to reconquer the island cannot be sustained. In fact, the provincial fleet was utterly destroyed during

Both the Greek and the Arabic sources are equally explicit about the devastating results of this revolt on the Byzantine fleet and the disaster brought upon their maritime defensive line in the Aegean which was actually vanished. The Arabic sources report that the whole sea was empty, without any Byzantine warships: *وكانت يومئذ خالية من الروم* (=and the sea [Aegean] was empty).¹ Skylitzes characteristically states: “Του ειωθότος φυλάττειν στόλου συστρατευομένου πάντες ...του Θωμα” (=the whole fleet normally in charge of the protection [of the Aegean] sided with Thomas) and “there was not a single Byzantine ship at the time of the disembarkation of the Arab fleet [on Crete to confront the forty ships of the Andalusian Arabs]”.²

The disastrous impact of Thomas' revolution on the maritime defense of the Byzantines is vividly described in two illuminations preceding the “Cycle of the Conquest of Crete”. In the first (fig. 57, fol. 29v), Thomas appears on a warship fleeing from Constantinople to the Arabs. The ship appears in a simplified, conventional form without sails but with two stern rudders, the second depicted as a triangular object, which sticks out horizontally from the stern.³ It should be noted that just one oarsman handles one oar, as in a number of other illustrations of Skylitzes' manuscript, confirming the view that until at least the 14th century there were no more than one oarsman for each oar.⁴ On the prow, Thomas is depicted dressed in a long tunic and crowned. In front of him are protruded the heads of two men bearing white gears, “usually worn by dignitaries”, as Tsamakda suggested.⁵ Closer to the helmsman, three trumpets are protruded in the middle of the boat

Thomas' revolt, while the fleet of Constantinople was still in service. Nevertheless, the fleet of Constantinople was inadequate as it is vividly illustrated in Kraterus' humiliating defeat in his attempt to reconquer Crete.

¹ Ibn al-Abbār, *Ḥullah al-Siyarā*, ed. Ḥ. Mu 'nis, I, Cairo 1963, 45.

² Thurn, 42, lines 16–18.

³ A. Babuin correctly points out that this beam was a spare rudder; A. Babuin, “Some Remarks on Arab Ships in Byzantine Iconography”, in A. A. Hijji and V. Christides, eds., *Aspects of Arab Seafaring*, Athens 2002, 30–31.

⁴ For the oar power in general, see J. T. Shaw, “Oar Mechanics and Oar Power in Ancient Gallies”, in Robert Gardiner and John Morrison, *The Age of the Galley*, London 1995, 163–171.

⁵ Tsamakda, op. cit., 70.

while next to the helmsman, a flag is waving. Tsamakda expressed the view that the caption “Thomas flying to the Agarenoi” is misleading and does not actually correspond to any flight, suggesting an expedition instead.¹ The painter actually depicted a triumphant realistic flight of Thomas, who was very popular, and his escape was followed by a large number of supporters.

The second depiction of Thomas’ activities appears in a frequently reproduced illumination because of its unique representation of a Byzantine fire-thrower (Fig. 70, fol. 34v, bottom in SkM). It is a simplified sketch of a Byzantine warship with double series of oars and a soldier carrying a lance representing the marines. A fire-thrower is presented holding a trumpet-tube from which Greek fire is launched against the enemy ship. It is not clear whether the painter wanted to draw the flame thrower mounted on the bow or instead a hand flame thrower.²

¹ Tsamakda, *op. cit.*, 70.

² For the Greek fire and the fire throwers, see V. Christides, “New Light on Navigation and Naval Warfare in the Eastern Mediterranean, the Red Sea and the Indian Ocean (6th — 14th centuries AD), *Nubica* III/1 (1994), p. 7–8, figs. 2–3. It should be noted that in contrast to the Byzantine sources, there are many descriptions of various types of Greek fire and illuminations of fire throwers in the Arabic sources. Of particular importance is an Arabic description of a fireproof cloak; see V. Christides, “Fireproofing of War Machines, Ships and Garments”, in *Sailing Ships of the Mediterranean Sea and the Arabian Gulf*, ed. C. G. Makrypoulias, Athens 1998, 13–14. M. J. de Goeje had already noticed the use of fireproof cloaks by the Arabs; see “Quelques observations sur le feu grégeois”, in *Homenaje à D. Francisco Codera*, Zaragoza 1904, p. 97: “Ce sont probablement des vêtements imbibés de ce talc qu’on a en vue dans le récit d l’expédition de Haroun ar-Rashîd en Asie Mineure de 802”. Concerning the Greek fire and the machinery for launching it, Arab technology was enriched with relevant Chinese technology; see Christides, “Once Again the Transmission of Chinese Naval Technology to the Arabs: Primitive Propellor Rockets”, in *Proceedings of the 1st International Congress for Sino-Greek Studies* (Ioannina, 2–4 October 2004), ed. Ch. Stravvakos, Ioannina 2008, 59–66, and figs. II and III of the present paper; see also J. Haldon, “«Greek Fire» Revisited: Recent and Current Research”, in *Byzantine Style, Religion and Civilization*, in Honour of Sir Steven Runciman, ed. Elizabeth Jeffreys, Cambridge 2006, 290–325. This work is based on a detailed analysis of the Byzantine sources, but the Arabic sources cited above are not taken into consideration.

The description of the use of Greek fire against the warships of Thomas manifests the extensive devastation of the Byzantine thematic fleet which was completely annihilated and thus opened the way for the Andalusians' fleet that consisted of only forty ships constructed in Egypt.

In the next illumination of "The Cycle of the Conquest of Crete" (fig. 81, fol. 38v), three Andalusian ships appear sailing in the Aegean Sea. The caption reports that, in addition to the Andalusians, the warships also carried other people who joined them, but Tsamakda correctly reports that "this is not justified by the text [of Skylitzes]"¹, since the Arabic sources report that the Andalusians were not permitted to take any Egyptians with them.² The warships depicted in this illumination are simplified. Once more we notice that the helmsman uses two steering rudders while each oar is manned by one oarsman. According to the Arabic sources, the Andalusian fleet carried the armed male population along with their families, but our illumination solely depicts armed soldiers dressed in the same way as the Andalusian suppliants appeared in front of the emir in the previously described illumination. Only their leader Abu Hafṣ (Ἀπόχαψ) seems to be standing in one of the warships, clad in a blue tunic.

The determination of the Andalusians to secure a permanent settlement on the rich island of Crete is clearly shown in a legend described by Skylitzes and reproduced by the painter of the SkM. According to this legend, the Andalusians' leader Abu Hafṣ ordered the burning of their ships to discourage any attempt of retreat. In the illumination fig. 82, fol. 39r, Abu Hafṣ is depicted in front of a hill, dressed in his ordinary military attire, sitting in a small chair and watching the burning of his ships. Next to him two of his soldiers, one carrying a lance and the other a sword, gesture with surprise for this event, while four workers set the three ships on fire.

The Byzantines' reaction to the Andalusians' raid and the establishment of a military base in Handax by the Arabs was immediately confronted but carelessly organized. Since the thematic fleet was devastated, they sent a fleet from Constantinople under the *protospatharios*

¹ Tsamakda, op. cit. 79.

² Christides, *The Conquest of Crete by the Arabs*, op. cit. 89–90.

Photeinos, general of the Anatolikōn, and Damianus, chief of the royal cavalry.¹ The exact dating of this Byzantine expedition and the number of the warships which were mobilized cannot be easily determined. Based on all available evidence in a thorough study, Ch. Makrypoulias dated this expedition sometime ca 825–826, immediately after the Arabs landed on Crete and before they completed their conquest.² Concerning the number of the ships of the fleet of this expedition and its weaponry, nothing is known since Skylitzes' vague statement “μετά πολλης δυνάμεως και παρασκευης” (strong naval power and preparation) should not be taken at its face value.³

The painter of Sk. M., in just one illumination, condensed the two scenes of the Arab-Byzantine expedition, i. e. the landing of the Byzantine fleet and the ensuing battle in which the Byzantine general Damianus was killed and the Byzantines were defeated (fig. 39v, top). Such double events described in a single miniature are not rare in the illustrated manuscript. The illustrators of the Byzantine manuscript often tried in such cases to paint a smooth decorative dividing line between the two scenes arranged in the same space and simultaneously to link the two scenes with certain common elements in order to clarify the consecutive action of the two scenes.⁴

The painter of the above-mentioned illumination made no effort to draw a subtle dividing line; instead, he drew a crude line over the Byzantine warships under the heading “Rōmaioi” (Romans) and portrayed the Arab-Byzantine battle on the right side, which covers most of the space of the illumination. Byzantines and Arabs are clad in identical military attire and over the head of the latter the word “Krētes” (Cretans) was written. It is only of particular importance that the Arabs appear equipped with very small round shields. Such shields were called “*ṣaghīra*” (small), and were made of leather and

¹ Skylitzes, Thurn, 43, 54–58.

² Makrypoulias, “Byzantine Expeditions against the Emirate of Crete c. 825–949”, 350.

³ Thurn, 43, 59.

⁴ For example, see Christides, “From the Cycle ‘The Conquest and Occupation of Crete by the Arabs’ in Skylitzes’ Illuminations: A Naval Battle and the Execution of General Crateros”, 57.

Fig. III. An Egyptian horseman equipped with a shield (*ṣaghīra*) (13th C.)

were common in the Mamluk army,¹ although they were also used by the Byzantines (see Fig. III).²

Soon after their first unsuccessful attempt of re-conquering Crete, the Byzantines organized a second expedition (dated ca 826), under the general Krateros, which was dispatched by Michael II (820–829).³ According to Skylitzes' text, Krateros landed on Crete with seventy ships, and fought against the Andalusians whom he defeated. But while the Byzantines were celebrating their victory, the Andalusians attacked them during the night and slaughtered almost all of them. The general Krateros managed to escape on a merchant ship and found refuge on the island of Kos. The Andalusians, called "Krētes" by Skylitzes, pursued him and caught him in Kos where they hung him on a pole.⁴

¹ See D. Nicolle, *The Mamluks 1250–1517*, p. 14.

² Hoffmeyer, *op. cit.*, 87; T. G. Koliass, *Byzantinische Waffen. Ein Beitrag zur byzantinischen Waffenkunde von den Anfängen bis zur lateinischen Eroberung*, Vienna 1988, 111.

³ Makrypoulias, *op. cit.*, 151.

⁴ Thurn, 45, 1–28.

Krateros' expedition appears in a rather incoherent way in three miniatures (Figs. 86, 87, 88). In the first miniature (fig. 86, fol. 40v, top), Krateros' soldiers (Ρωμαίοι) appear armed with arches battling against the Andalusians (Κρητες). The Andalusians retreat in disorder. Although Krateros' name is not written, a prominent Byzantine leader dressed in blue attire and holding a lance, is obviously he. In the second miniature (fig. 87, fol. 40v bottom), under the caption "Κρητες φονεύουσι τους Ρωμαίους", the Byzantine soldiers appear overcrowded in a miserable mass, suffering a humiliating defeat. The third miniature (fig. 88, fol. 41r, top) is a combination of two non-consecutive scenes. The first scene illustrates a naval battle between Krateros' forces and the Cretan Arabs, and the second depicts the hanging of Krateros on a pole, on the island of Kos.

Although Skylitzes' text does not mention any such confrontation in Krateros' expedition and instead it reports an unopposed landing of the Byzantines, such a confrontation could have taken place. Perhaps another literary text could have inspired its artistic depiction. Again, the painter made no effort to clearly disassociate the two different scenes which did not coincide chronologically. The painter did not even draw a thin line separating the second scene which has no pictorial relationship with the first. Actually, the beholder would not have understood the sequence of the two scenes, i.e. the defeat of Krateros in a naval battle and his consequent flight on the island of Kos and execution by hanging, had he not read Skylitzes' text or the caption in this miniature. The painter of our illumination divided the two scenes awkwardly. The naval battle occupied most of the space from the left end of the beholder to the far right where he squeezed the second scene. No dividing line appears which was necessary, especially since the first scene, the naval battle, took place in the sea and the second on land, i. e. the island of Kos. Most probably the painter used a stereotyped model in fixed form for the naval battle, sacrificing most of the available space and thus reducing the part left for the second scene.

The painter of this naval battle could have provided us with some useful details in his illustration concerning naval technology, since it is in Skylitzes' manuscript that we have one of the few Byzantine illustrations of the use of Greek fire by warships.¹ 38 Unfortunately, there

¹ Skylitzes, Grabar-Manoussakas, fol. 34v bottom, p. 35.

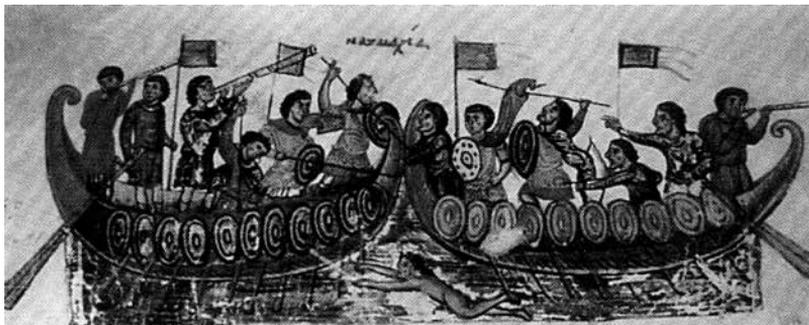

Fig. IV. Naval battle in its last hand-to-hand stage

are few interesting details in our illumination. The painter chose to render in picture the last phase of a naval battle, i.e. the hand-to-hand fighting, following the exhaustion of missiles and the use of Greek fire. His picture is almost a replica of a naval battle depicted in a manuscript of the *Cynēgētica* of Oppian, found in the Marcian Library of Venice (see Fig. IV).¹

In both illuminations two rival ships are depicted in a head-on confrontation, prow to prow. In the illumination of the MS of the Marcian Library, the main weapons held by the fighters of both parties are shields for defense, spears and /or lances for attack, while in Skyltizes' manuscript the defensive weapons are shields and the offensive are swords. Of course, both Byzantines and Arabs used a large range of weapons in the hand-to-hand fight whether on land or at sea confrontations, among which spears, lances, swords and axes were included.²

It should be noted that the weapons used by Byzantines and Arabs are identical in the depictions of sea battles since they both used the same naval preparedness. In both Greek and Arabic literary sources, especially in Leo VI and Ibn al-Manqali, prow-to-prow confrontation appears almost identical, but Ibn al-Manqali adds more useful

¹ For Oppian's *Cynegetica*, see I. Spatharakis, *The Illustrations of the Cynegetica in Venice*, Leiden 2004.

² Hoffmeyer, op. cit., passim; Kolias, op. cit., passim.

information, i.e. he reports that each Arab marine carried a hidden short dagger inside his shield.¹ The same author reports that the deck of the ship should be covered with

The next attempt for the conquest of Crete took place, under the leadership of Logothetēs Theoctistus, during the turbulent reign of Michael III (842–867) and is dated to 18 March 843 in the Byzantine sources.² Little is known about this expedition in the Byzantine sources which briefly report that Theoctistus landed on Crete unopposed, set up his camp and fought successfully against the Cretan Arabs, but suddenly he decided to return to Constantinople abandoning a large portion of his army that was slaughtered by the Arabs. Vasiliev expressed the view that it was in this expedition, as mentioned in the “Synaxarium of Constantinople”, that Magister Sergius, an ardent zealot of Orthodoxy, undertook the command of the abandoned Byzantine army in Crete where he died.³

While more details about this expedition are not reported in the Byzantine sources, it is of great importance that there is an Arabic source in which some valuable information is added. Ibn Dāya (d. ca 941), based on eyewitness evidence, reports that the Byzantines in this expedition established a strong military camp and tightly besieged the Arabs outside the walls of Handax. The Cretan Arabs, suffocated by hunger, were ready to surrender when suddenly the Byzantines mysteriously decided to stop the siege. Moreover, Ibn Dāya mentions that a holy man, the leader of the abandoned Byzantines, was killed. (See Appendix.) Obviously, this holy man should be identified with Sergius. Unfortunately, Theoctistus’ important siege of Handax is not illustrated in Skylitzes’ manuscript.

¹ See J. H. Pryor and Elizabeth M. Jeffreys, *The Age of the ΔΡΟΜΩΝ. The Byzantine Navy ca 500–1204*, Leiden — Boston 2006, especially pp. 488–489, 578; and J. Dimitroukas, *Ναυμαχικά*, Athens 2005, especially p. 260; Ibn al-Manqālī, *Ahkām*, ed. M. ‘Abd al-Rāim, Cairo n.d., 34 (typewritten dissertation).

² A. A. Vasiliev, “La dynastie d’Amorium 820–867”, in *Byzance et les Arabes*, I, Brussels 1935, 194–95; Makrypoulias, op. cit. 351, where there are references to all relevant Byzantine sources.

³ Vasiliev, op. cit., 195, note 1.

Another failed attempt of the Byzantines to reconquer Crete was organized by Caesar Bardas, who was murdered before his fleet reached Crete, at the time of Michael III, in 866.¹ Less is known about another attempt for the reconquest of Crete during Leo VI's reign (886–912). Neither the exact date of this expedition, usually dated ca 911–912, nor any details about it are certain.² The last unsuccessful attempt to reconquer Crete, before Nicephorus Phocas' expedition, took place in 949 under the leadership of the eunuch Gongyles.³ In Constantine Porphyrogenitus' work *De Cerimoniis*, there is a description with a long list of the impressive equipment and supplies with which the Byzantine fleet was provided.⁴

The most extensive description of this expedition appears in the works of Leo Diaconus and Skylitzes. They describe an unopposed landing and a humiliating defeat of the Byzantines in Handax. Taking profit of the inadequate Byzantine defense preparedness of Gongyles' army, the Cretan Arabs attacked the Byzantines' military camp, killed a large number of them and forced them to abandon Crete.⁵ Skylitzes attributed the failure of this expedition to the incompetence of Gongyles, whom he calls sarcastically “inexperienced and effeminate”⁶ Makrypoulias considers Skylitzes' derogatory comments somewhat exaggerated and attributes the Byzantines' disastrous defeat and abandonment of their expedition mainly to the lack of supplementary

¹ Makrypoulias, op. cit. 352; for another attempt by Himerios, see *ibid.*

² See R. Jenkins, *The Imperial Centuries AD 610–1071*, New York 1969, 210, and Makrypoulias, op. cit. 352, notes 27–31 with the relevant bibliography

³ Makrypoulias, 353 ff.

⁴ For Skylitzes' historical value, see A. Karpozilos, op. cit., especially 31–36 and 251 ff., and for Leo Diaconus, Alice Mary Talbot and Dennis Sullivan, op. cit. 11–49; also, some important remarks in S. Ivanof, *Leo Diaconus' History*, Moscow 1988, 166 ff (in Russian).

⁵ Thurn, 245, lines 20–26, 246, lines 1–11.

⁶ Thurn, 245, line 25: “θηλυδρίαν ανθρώπου”; See also Leo Diaconus' relevant passage, “ανανδρία και απειρία...”, *Leonis Diaconi Historiae*, ed. Bonn, 1828, p. 7., l. 3; see the English translation in Alice-Mary Talbot and Denis F. Sullivan, trans., *The History of Leo the Deacon. Byzantine Military Expansion in the Tenth Century*, Washington D.C. 2005, 59.

provisions which could not reach them during the winter.¹ There is no doubt, as Makrypoulias remarks, that both the Byzantine historians Leo VI and Skylitzes were influenced by their hostility against Gongyles,² but Gongyles' limited competence cannot be denied.

Skylitzes' illumination (fig. 334, fol. 138v, top) depicts the Cretan Arabs' unexpected The Arab conquerors are called "Krētes" in the relevant illuminations, while none of them reveals any aspect of the ethnic and social and sanguinary attack against Gongyles' soldiers who are described in the caption as "slaughtered by the Arabs" (Ἀγαρηνοὶ τρέπουσι τοὺς Ρωμαίους καὶ σφάζουσι). The island of Crete is painted like a hill; on the left side six ships are moored in the bay, lying at anchor, without their sails. A number of terrified Byzantine soldiers run towards their ships; in the middle of the picture three tents are depicted which symbolize the Byzantines' military camp, and on the extreme right there is a sketchy representation of the fortifications of Handax. Some Byzantine soldiers are depicted lying dead while a number of them run terrified towards their ships, pursued by their Cretan attackers raising their swords. Both Byzantine and Arab soldiers hold long similar shields, those of the Arabs marked with a red sign while those of the Byzantines marked with designs.³

After the several unsuccessful attempts of the Byzantines for the reconquest of Crete, finally the great victory came under the general Nicephorus Phocas who managed to conquer it (960–961). Skylitzes' attitude towards Nicephorus Phocas is ambivalent in contrast to Leo Diaconus who admires and praises him. On the one hand, Skylitzes vividly described the negative aspects of Phocas' character, and on the other he exalted him whenever he mentioned his military achievements.⁴

¹ Makrypoulias, 356–357

² For Skylitzes' historical value, see A. Karpozilos, *op. cit.*, especially 31–36 and 251 ff., and for Leo Diaconus, Alice Mary Talbot and Dennis Sullivan, *op. cit.* 11–49); also, some important remarks in S. Ivanof, *Leo Diaconus' History*, Moscow 1988, 166 ff (in Russian).

³ For the decoration of the Byzantine shields, see Katerina Karapli, *Κατευόδωσις Στρατού*, Athens 2010, 97.

⁴ For a comparison of Skylitzes and Leo Diaconus' attitude towards Nicephorus Phocas, see Karpozilos, *op. cit.*, 248; J. N. Ljubarskij, "Nike-

Skylitzes briefly reports on Nicephorus Phocas' prudent establishment of a “*χάραξ*” (= military camp) in front of the Arab walls of Handax, and his building of a palisade around it with a surrounding ditch.¹ Thus, in contrast to Gongyles' carelessness, he did not ignore one of the first principles of warfare, i. e. establishing a well-protected camp in a foreign land before starting any additional military activities beyond it. Skylitzes further reports that Nicephorus Phocas forced the Arabs to remain within their walls until they were compelled to surrender because of starvation, and that even their leaders were captured.²

Just one of Skylitzes' illuminations reflects Phocas' activities (fig. 339, fol. 140r), which resembles Gongyles' previously presented picture. Again, the island appears in the form of a hill; on the right, a two-story edifice with large arches symbolizes the besieged Arab fortress. The center is occupied by a sketchy depiction of the Byzantines' camp symbolized by three tents, two painted brown and one blue, behind which appear just the heads of the Byzantine soldiers. On the left, four ships without their sails are moored in a bay. In this static picture, the artist painted the long-awaited triumph of the Byzantines over the Cretan Arabs. The caption just mentions Nicephorus Phocas' capture of the provincial Arab fortresses (“...τα φρούρια εχειρώσατο”), and simply adds the word Byzantines (Ρωμαῖοι) over their camp. No depiction of the defeated Cretan Arabs appears.

The reconquest of Crete by Nicephorus Phocas (961) marks the end of “The Cycle of the Conquest of Crete by the Arabs”. Fig. 358 (fol. 145r) depicts his entry into Constantinople after his victory. He appears triumphant entering Constantinople on horseback, dressed in

forus Phocas in Byzantine Historical Writings”, *Byzantinoslavica* 54 (1993), 245–253. For the personality of Nicephorus Phocas, see Rosemary Morris, “The Two faces of Nicephorus Phocas”, *Byzantine and Modern Greek Studies* 12 (1988), 83–115; N. Gigourtakis, *Ο Νικηφόρος Φωκάς και η Κρήτη*, Herakleion 1988; see also A. Markopoulos, “Ζητήματα κοινωνικού φύλου στον Λέοντα Διάκονο”, in *Ενθυμώσεις Νικολάου Μ. Παναγιωτάκη*, Herakleion 2000, 475–493. For Nicephorus Phocas' military tactics, see T. G. Kolias, *Νικηφόρος Β' Φωκάς (963–969)*, Athens 1993, 28–32.

¹ Thurn, 249, line 19.

² Thurn, 249, line 27; 250, line 1.

a blue tunic and red mantle. Although the painter, reflecting Skylitzes' spirit, does not fail to pinpoint Phocas' deficiencies, he glorifies him for his victory and vividly describes the enthusiastic people rushing to welcome him with trumpets and drums.¹

Conclusion

The painter (s) of the manuscript of Skylitzes who illuminated the "Cycle of the Conquest and Occupation of Crete" solely describes the struggle between Byzantium and the Arabs of Crete which terminated with the victory of Nicephorus Phocas whose triumphant entrance into Constantinople is presented in the illumination Fig. 358 (fol. 145r).

In general, the painter (s) of the "Cycle" seems to know little about the actual Arab world; for them they are only raiders and fighters while in a number of other of Skylitzes' illuminations, the Arabs appear as ambassadors, peaceful guests and even entertaining captives. Thus, a depiction of an Arab prisoner demonstrating his dexterity as a horseman is presented in the miniature Fig. 129, fol. 55r, top, with the caption «ο Ἀγαρηνός παύζων σὺν τοῖς δυσὶν δόρασι».² This illumination shows the emperor Theophilus in the hippodrome watching the demonstration of an Arab prisoner riding a horse and skillfully holding two spears. A comparison to an Arabic illumination of a horseman of the same period manifests obvious similarities (see Fig. V).

The Arab conquerors are called "Krētes" in the relevant illuminations, while none of them reveal any aspect of the ethnic and social changes caused by the Arab invasion of Crete and its occupation. There is no depiction of any palaces and/or mosques of the Andalusian Arabs of Crete. We must retrace our steps to the famous mosque of Cordoba, the place of origin of the Andalusian Arabs, which started being built

¹ For the entry of Nicephorus Phocas in Constantinople and his celebration of his triumph, see Alice-Mary Talbot and Dennis F. Sullivan, op. cit., 81 and note 50; see also M. McCormick, *Eternal Victory: Triumphal Rulership in Late Antiquity, Byzantium and the Early Medieval West*, Cambridge — Paris 1986, 167, n. 141.

² Thurn, 68, line 27.

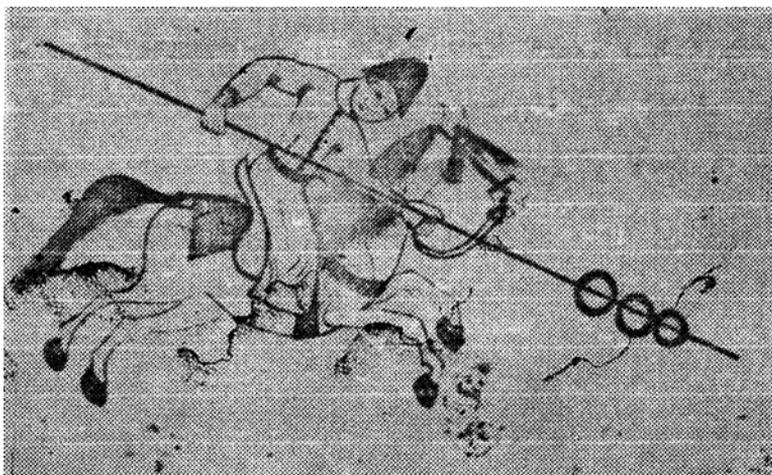

Fig. V. An Egyptian horseman demonstrating his dexterity (13th c.)

in 786, in order to imagine the types of mosques constructed in the Emirate of Crete. Likewise in the Byzantine sources, in which the raids of the Andalusian Arabs in the Aegean appear extensively,¹ there is only one reference to a mosque in occupied Crete.² This is not surprising, as it has been noted by A. Bozhkov, for the Byzantine artists [of the “Cycle...”] history passes before them with a sword.³

¹ See my article “Byzantinoislamica: Piracy and Conquest in the Aegean Sea (AD 800–961)”, XXI. Deutscher Orientalistentag (24–29 March 1980), in *Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft*, Supplement V, 224–232, and also in a communication, “Piracy, Privateering (Cursus) and Maritime Violence in the Eastern Mediterranean from the 7th c. — the 12th c.)”, in the international conference “Piraterie im Mittelmeerraum”, Bochum 5–7 May 2011, I discussed the nature and aim of the Arab maritime raids for the extension of the Arab-Byzantine maritime frontier line in the Aegean Sea.

² See Angela C. Hero, “Life of St. Theoctiste of Lesbos”, in Alice-Mary Talbot, ed., *Holy Women of Byzantium. Ten Saints’ Lives in English Translation*, Washington D.C. 1996, 107: “The mosque of Agarenes [in Handax of Crete]”.

³ A. Bozhkov, *The Miniatures of the Madrid Manuscript of Johannes Scylitzes*, Bulgarian Academy of Sciences, Sofia 1972, English summary, 240 ff.

APPENDIX I

AN UNSUCCESSFUL ATTEMPT BY THE BYZANTINES TO RECONQUER CRETE (843) ACCORDING TO IBN DĀYA (d. ca. 941)

Ibn al-Dāya's Arabic text concerning Theoctistus'
attempt to reconquer Crete (843):¹

حصار أفریطش ٦٧ - وحدثني الحسن بن مسلم الأفریطشي - ورأيتُه بعد أن
عَلَّتْ سِنُّهُ وبلغ المائة سنة ، وكان صحیح التمييز ، سليم الحواس -
والإخلاص لله
قال :

« أَلَحَّ غزُونَا على الروم ، ونالهم منا مكروهٌ عظيم . فوجدتُه مَمْلُوكٌ
الروم من هَذَا ، وَتَدَّرَأْن يُخْرَبُ أفریطش ولو أنفق ذخائر
مملكته . فنظر إلى راهب محبوب تَدَام الروم زَهَادته . فَأَنْزَلَهُ من
مُتَعَبِّدِهِ ، وضمَّ إِلَيْهِ أَكْثَرُ جُيُوشِهِ ، فوَاقَى جمعٌ لم يُحِطْ بِأفریطش
مُشَلِّهُ قَط . ففزعنا إلى غَاقِ الحِصْنِ ، وَتَسَرَّعَ الروم إلى بناء
مساكن لهم ، وخرجوا من المراكب ، وغلَبونا على وِيرةِ البلد وما
يكون في جواره . واشتدَّ الحِصَارُ ، وَنَزَعَ السَّعْرُ ، وَتَحَاقَ
المَأْكُولُ ، وشاع الجَهْدُ

ثم زادت المكاره حتى أكل الناس مامات من البهائم جوعاً ،
وأجمعوا على أن يفتحوا البابَ له ،

¹ Ibn al-Dāya. *Kitāb al-Mukāfa'a*. Ed. M. Muhammad Shākir. Beirut, 1998. P. 132–133.

Translation: Siege of Crete and Loyalty towards God

And Hasan bn. Muslim the Cretan narrated to me. I saw him when he had aged and had reached one hundred years. And he was healthy in his senses and physically sound. He said: “We insisted on raiding the Byzantines and they suffered severe discomfort from us and because of that the ruler of the Byzantines was annoyed and vowed to destroy Crete even if he had to spend the wealth of his kingdom. And he asked a monk who was loved and the Byzantines learnt from his asceticism. And he removed him from his place of worship and he (the emperor) gathered for him most part of his army. And a number of soldiers, never collected before [for an expedition against Crete], were provided. And we [the Arabs] sought refuge by closing our fortress. And the Byzantines hurried to construct dwellings and after they had come out of their ships, they seized the supplies of the country and whatever existed in the surroundings [of Handax of Crete]. And the siege was strengthened and the prices [of commodities] increased and the food became scarce and suffering prevailed. Then the suffering increased to the point that the people due to the famine ate dead animals and they decided unanimously to open the gates [to the monk]...

Summary of the end of the narration

[Miraculous ending:]

A suggestion follows by a sheikh to the Arabs to find refuge in God and pray loudly. When the chief of the Byzantine army [the monk] heard their cries, he died of a heart attack and the frightened Byzantines embarked their ships and departed.

Commentary

Ibn Dāya’s short narration of a Byzantine attempt to reconquer Crete is of unique importance, because it is the only Arab account reporting any such attempt. The aim of Ibn Dāya — as in a number of his similar accounts— is moralistic trying through some real historical episodes to instruct his fellow Moslems to act properly in order to gain God’s grace and assistance.

Ibn Dāya reports this narration as it was told by a certain Hasan bn. Muslim called al-Iqrītishi, an appellation attached to the Moslems of the Emirate of Crete, who traveled to other Islamic countries, since the Moslem inhabitants of Crete were in constant relations with Egypt, Syria and North Africa.

A. M. Fahmy, who first noticed the above passage without commenting on it, expressed the view that it refers to Theoctistus' expedition in March 843. This is most plausible, since the immediately previous unsuccessful Byzantine attempt took place earlier and the later one by Bardas was launched in April 866. Ibn Dāya lived at the peak of the glory of the Emirate of Crete and his description of the Byzantine attempt for the reconquest of Crete offers us some important information supplementing that of the Byzantine sources.

The Byzantine fleet, for which we have no concrete information, must have been of substantial number, since the Moslem Cretan fleet did not try to oppose it, and the landing of the Byzantine troops was unopposed. There is no information of what happened on the island and the Byzantine sources, as mentioned above, only inform us that the Arabs used a ruse to force the Byzantines to end their efforts to reconquer Crete, i.e. learning about the conflicts which existed in the Byzantine court, they spread the rumor that the Queen Mother Theodora had appointed another co-regent. Deceived by this false information, Theoctistus, the leader of the Byzantine army, left Crete in panic, abandoning his army. As epigrammatically reported by Theophanes Continuatus, he returned to Constantinople abandoning not a small number of his troops in Crete. (Theophanes Continuatus, *Chronographia*, ed. Bonn, 1838, 203.)

Ibn Dāya reports that, the Byzantines, like later on their successful expedition under Nicephorus Phocas in 960–61, applied the strategy of besieging the castle of Handax, blocking any communication with the surrounding, in order to force the Arabs to surrender by famine. Ibn Dāya reports that the besieged Arabs, like in Phocas' later successful expedition, were forced to eat all sorts of animals in order to survive. Ibn Dāya attributes the abrupt ending of the Byzantine siege to a miracle, i.e. caused by God's intervention.

Appendix II

List of Illuminations of the “Cycle of the Conquest of Crete” in Skylitzes’ Manuscript (Codex Matritensis Graecus Vitr. 26–2)

Our Figure No.	Scene depicted	Skylitzes’ Text	Tsamadka’s listing of figures No.
1	A group of Arabs appears in the court of their Emir, Abu Hafis (Apohaps) asking permission to resettle	Fol. 38r, bottom	80
2	The emir reclining on his throne	Fol. 113v, top	259
3	Thomas the Rebel flies to the Arabs embarked on a Byzantine ship	Fol. 29v	57
4	The imperial fleet burns the ships of Thomas with Greek fire	Fol. 34v, bottom	70
5	The Andalusian Arabs sail towards Crete	Fol. 38v	81
6	Abu Hafis (Apohaps) orders the torching of his ships	Fol. 39r	82
7	The Cretan Arabs defeat Damianus’ forces	Fol. 39v, top	83
8	Kraterus’ landing and first encounter with Cretan Arabs	Fol. 40v, top	86
9	Second encounter of Kraterus’ forces and their defeat on their own camp	Fol. 40v, bottom	87
10	Two consecutive scenes: (a) Kraterus and Cretan Arabs in a sea battle (b) Last stage of body-to-body confrontation Kraterus’ hanging on a pole on the island of Kos	Fol. 41r, top	88
11	The Cretan Arabs attack and slaughter Gongyles’ soldiers	Fol. 138v, top	334
12	Nicephorus Phocas’ military camp in Handax	Fol. 140r	339
13	Nicephorus Phocas’ triumphant entrance into Constantinople on horseback through the Golden Gate	Fol. 145r	358

Our Figure No.	Scene depicted	Skylitzes' Text	Tsamadka's listing of figures No.
14	An Arab prisoner demonstrating his dexterity in horsemanship in the Byzantine hippodrome	Fol. 55r, top	129

Illustrations not included in Skylitzes' Manuscript

Figure No.	Scene depicted	Source
I	Blemmyes' (Nubians') attack on the monasteries of Sinai	Fratelli Bocca, <i>Il Menologio di Basilio II</i> (Codices e Vaticani Selecti, VIII). Turin, 1907. II, pl. 317.
II	An Egyptian horseman equipped with a shield (<i>shagira</i>) (13 th c.)	Brit. Lib. Ms. Add. I8866, f. 129v, London. From: D. Nicolle, <i>The Mamluks 1250–1517</i> . Oxford, 1998. P. 14.
III	Naval battle in its last hand-to-hand stage	Venice, Cod. Marc. Gr. 479. <i>Cynegetica</i> by Pseudo-Oppian (11 th c.). From: V. Christides et al., ed. <i>Treasures of Arab-Byzantine Navigation (7th–13th c.)</i> . Athens, 2004. P. 161.
IV	An Egyptian horseman demonstrating his dexterity (13 th c.)	Illumination from: Najm al-Dīn Hasan al-Rammāh (d. 1294), <i>Al-Furūsiyyah wa'l Manāsāl al-Harbiyyah</i> , ed. A. Abbadi. Baghdad, 1984. P. 134.
V	Depiction of an enthroned	From: Hana Taragan, "Constructing a Arab prince in the main Hall of Qusayr 'Amra Visual Rhetoric: Images of Craftsmen and Builders in the Umayyad Palace" // <i>Al-Masāq</i> 20.2 (2008). P. 147, Fig. 7.

Bibliography

1. Babuin A. A. Some Remarks on Arab Ships in Byzantine Iconography // A. A. Hijji, V. Christides, eds. *Aspects of Arab Seafaring*. Athens, 2002.
2. Bocca Fratelli. *Il Menologio di Basilio II* (Codices e Vaticani Selecti, VIII). Turin, 1907.

3. Bozhkov A. The Miniatures of the Madrid Manuscript of Johannes Scylitzes, Bulgarian Academy of Sciences. Sofia, 1972.
4. Brubaker Leslie. Every Cliché in the Book. The Linguistic Turn and the Text-Image. Discourse in Byzantine Manuscripts // Liz James, ed. Art and Text in Byzantine Culture. Cambridge, et al., 2007.
5. Bruhn Hoffmeyer Ada. Military Equipment in the Byzantine Manuscript of Scylitzes in Biblioteca Nacional in Madrid. Granada, 1966.
6. Christides V. Pre-Islamic Arabs in Byzantine Illuminations // *Le Muséon* 83 (1970). P. 167–181.
7. Christides V. The Conquest of Crete by the Arabs (ca. 824). A Turning Point in the Struggle between Byzantium and Islam. Athens, 1984.
8. Christides V. From the Cycle ‘The Conquest and Occupation of Crete by the Arabs’ in Skylitzes’ Illuminations: A Naval Battle and the Execution of General Crateros // *Studia Semitica Necnon Iranica: Rudolpho Macuch Septuagenario ab Amicis et Discipulis Dedicata*. Ed. Maria Macuch, Christa Muller-Kessler and Bert G. Fragner. Wiesbaden, 1989. P. 54–64.
9. Christides V. New Light on Navigation and Naval Warfare in the Eastern Mediterranean, the Red Sea and the Indian Ocean (6th — 14th centuries AD). *Nubica* III/1 (1994).
10. Christides V. Fireproofing of War Machines, Ships and Garments // *Sailing Ships of the Mediterranean Sea and the Arabian Gulf*. Ed. C. G. Makrypoulias. Athens, 1998.
11. Christides V. Five Notes on the Emirate of Crete // *The Image of Cyprus in the Arabic Sources*. Lefkosia, 2006. P. 153–166.
12. Christides V. Once Again the Transmission of Chinese Naval Technology to the Arabs: Primitive Propel Rockets // *Proceedings of the 1st International Congress for Sino-Greek Studies (Ioannina, 2–4 October 2004)*. Ed. Ch. Stravakos. Ioannina, 2008. P. 59–66.
13. De Goeje M. J. Quelques observations sur le feu grégeois // *Homenaje à D. Francisco Codera*. Zaragoza, 1904
14. Delgado Lirola. El poder naval de al-Andalus en la época del Califato Omeya. Granada, 1993.
15. Dimitroukas J. Ναυμαχικά. Athens, 2005.
16. Estopanan S. C. Skylitzes Matritensis, I. Barcelona-Madrid, 1965.
17. Gigourtakis N. Ο Νικηφόρος Φωκάς και η Κρήτη. Herakleion, 1988.
18. Grabar A., Manoussakas M. L’Illustration du manuscrit de Skylitzes de la Bibliothèque Nationale de Madrid. Venice, 1979.

19. Haldon J. Theory and Practice in the 10th century Military Administration // *Travaux et Mémoires* 13 (2000). P. 200–352.
20. Haldon J. ‘Greek Fire’ Revisited: Recent and Current Research // Byzantine Style, Religion and Civilization, in Honour of Sir Steven Runciman. Ed. Elizabeth Jeffreys. Cambridge, 2006. P. 290–325.
21. Hero Angela C. Life of St. Theoctiste of Lesbos // Alice-Mary Talbot, ed. Holy Women of Byzantium. Ten Saints’ Lives in English Translation. Washington D.C., 1996.
22. Hunger H. Die hochsprachliche profane Literatur der Byzantiner. Greek trans. T. Koliass et al., Βυζαντινή Λογοτεχνία. Η λόγια κοσμική γραμματεία των Βυζαντινών. Ιστοριογραφία, Φιλολογία, Ποίησ. Vol. II. Athens, 1992. P. 211–216.
23. Ibn al-Abbār. *Hullah al-Siyarā*. Ed. Ḥ. Mu‘nis. I. Cairo, 1963.
24. Ibn al-Dāya. *Kitāb al-Mukāfa’a*. Ed. M. Muhammad Shākir. Beirut, 1998.
25. Ibn al-Manqali. *Ahkām*. Ed. M. ‘Abd al-Rāim. Cairo, n.d. (Typewritten dissertation).
26. Ivanof S. Leo Diaconus’ History. Moscow, 1988. (In Russian).
27. Jenkins R. The Imperial Centuries AD 610–1071. New York, 1969.
28. Karapli Katerina. Κατευόδωσις Στρατού. Athens, 2010.
29. Karpozilos A. Βυζαντινοί Ιστορικοί και Χρονογράφοι (11^{ος}–12^{ος} αι.). Vol. III. Athens, 2009. P. 239–258.
30. Kremp M. Arabisches Kreta. Das Emirat der Ansalusier (827–961). Frankfurt, 1995.
31. Koliass T. G. Byzantinische Waffen. Ein Beitrag zur byzantinischen Waffenkunde von den Anfängen bis zur lateinischen Eroberung. Vienna, 1988.
32. Koliass T. G. Νικηφόρος Β΄ Φωκάς (963–969). Athens, 1993.
33. Leonis Diaconi Historiae. Bonn, 1828.
34. Levi-Provençal É. Histoire de l’Espagne musulmane. Vol. I. Paris — Leiden, 1950.
35. Ljubarskij J. N. Nikeforus Phocas in Byzantine Historical Writings // *Byzantinoslavica* 54 (1993). P. 245–253.
36. Makki M. A., Corriente F., trans., and commentary. Ibn Hayyān. Crónica de los emires Alhakam I y ‘Abdarrahmān II entre los años 796 y 847 [*Al-muqtabis* II-1]. Zaragoza, 2001.
37. Makki M. A., ed. *Al-Sifr al-ġānī min kitāb al-Muqtabis*. Riyad, 2003.
38. McCormick M. Eternal Victory: Triumphal Rulership in Late Antiquity, Byzantium and the Early Medieval West. Cambridge — Paris, 1986.

39. Makrypoulias Ch. Byzantine Expeditions against the Emirate of Crete c. 825–949 // *Graeco-Arabica* 7–8 (2000). P. 347–362.
40. Markopoulos A. Ζητήματα κοινωνικού φύλου στον Λέοντα Διάκονο // *Ενθυμίσεις Νικολάου Μ. Παναγιωτάκη*. Herakleion, 2000. P. 475–493.
41. El “Menologio de Basilio II”: Città del Vaticano, Biblioteca Apostolica Vaticana, Vat. Gr. 1613: libro de estudios con ocasión de la edición facsímil. Ed. Francesco d’Aiuto; Spanish ed. Inmaculada Perez Martin. Athens: Αποστολική Διακονία της Εκκλησίας της Ελλάδος, 2008.
42. Molina L. La Historia de los Omeyas de Al-Andalus en los *Masālik al-Abṣār* // *Al-Qanṭara* 26.1 (2005).
43. Morris Rosemary. The Two faces of Nicephorus Phocas // *Byzantine and Modern Greek Studies* 12 (1988). P. 83–115.
44. Muiz W. The Caliphate: Its Rise, Decline and Fall. Beirut, 1963.
45. Nicolle David. The Mamluks 1250–1517. Oxford, 1993, reprinted 1998.
46. Oikonomides N. Η στολή του επάρχου και ο Σκυλίτζης της Μαδρίτης // *Ευφρόσυνον*. Αφιέρωμα στο Μανόλη Χατζηδάκη. Vol. 2. Athens, 1992. P. 422–432.
47. Panagiotakis N. Θεοδόσιος ο Διάκονος και το ποίημα αυτού “Άλωσις της Κρήτης”. Heraklion, 1960.
48. Penelas M., Molina, L. Dos fragmentos inéditos del volumen II del Muqtabis de Ibn Hayyān // *Al-Qanṭara* 32.1 (2011). P. 229–241.
49. Pryor J. H., Jeffreys Elizabeth M. The Age of the ΔΡΟΜΩΝ. The Byzantine Navy ca 500–1204. Leiden — Boston, 2006.
50. Rémondon R. Papyrus grecs d’Apollōnos Anō. Cairo, 1953.
51. Sevcenko I. The Illuminators of the Menologium of Basil II // *DOP* 16 (1962). P. 245–276.
52. Sevcenko I. The Madrid Manuscript of the Chronicle of Skylitzes in the Light of its New Dating // I. Hutter. Byzanz und der Westen, Studien zur Kunst des europäischen Mittelalters. Vienna, 1984. P. 117–130.
53. Shaw J. T. Oar Mechanics and Oar Power in Ancient Galleys // Robert Gardiner, John Morrison. The Age of the Galley. London, 1995. P. 163–171.
54. Skylitzes I. Ed. H. Thurn. Ioannis Scylitzae Synopsis Historiarum. Berlin — New York, 1973.
55. Spatharakis I. The Illustrations of the Cynēgētica in Venice. Leiden, 2004.

56. Talbot Alice-Mary, Sullivan Denis F., trans. *The History of Leo the Deacon. Byzantine Military Expansion in the Tenth Century*. Washington D.C., 2005.
57. Tsamakda Vasiliki. *The Illustrated Chronicle of Ioannes Skylitzes in Madrid*. Leiden, 2002.
58. Tselikas A., ed. *Joannis Scylitzae Synopsis Historiarum, Codex Matri-tensis Graecus Vitr. 26–2*. Athens, 2000.
59. Tsougarakis D. *Byzantine Crete from the 5th Century to the Venetian Conquest*. Athens, 1988.
60. Vasiliev A. A. *La dynastie d'Amorium 820–867 // Byzance et les Arabes*. Vol. I. Brussels, 1935.
61. Weitzmann K. Illustrations for the Chronicle of Sozomenos, Theodoret and Malalas // *Byzantion* 16 (1942–43). P. 87–134; repr. in Weitzmann K. *Byzantine Book Illumination and Ivories*. London, 1980. No. IV.

Dimitrios G. Letsios

**Leo VI the Wise and
the Saracens: The Image
of the Arabs in His Military
Collection¹**

Summary. Leon VI composed his military compendium in the tenth century, in conformity with the spirit of the “Macedonian renaissance”. In his *Taktika* Leo endeavored to supply his generals and military leaders with guidance, derived from ancient wisdom, in order to properly and successfully counter the Empire’s opponents. A non-campaign Emperor, in the spirit of the Macedonian antiquarianism, renovates the Byzantine experience in warfare by elaborating mostly upon existing military manuals. The *Taktika* of Leo VI express the literary encyclopedism in the field of military handbooks. Leo’s *Taktika*

¹ This is an amended version of a paper published in the volume: *APETHN THN KALLIETHN*, Mélanges en l’honneur de Kalliope (Kelly) A. Bourdara, eds. Ioannis A. Tzamtzis, Panayotis Antonopoulos and Christos Stavrakos. II vols. Athens 2021. Vol. II, 1629–1647.

is important, because it is the first in a series of military treatises characteristic for the tenth century.

Islam and the Muslims have had replaced the Persians as Byzantium's main rival and this political reality is the background reflected in the *Taktika* of Leo VI. Leo's effort with this endeavor reflects the will to adapt old strategies and tactics to a new enemy. Despite religious polemic, Leo VI's *Taktika* reveals a feeling of respect for the Empire's Muslim adversaries on the battlefield. A long treatment of the Arabs has been incorporated in *Taktika*, Constitution 18, and an original work on naval warfare has been added, *Taktika*, Constitution 19.

Keywords. Holy war; Jihad; Macedonian renaissance; military manuals; Arabs; Saracens; Leo VI's *Taktika*; ideal leadership; "mirrors of princes"; Arab Caliphate; naval warfare; *Naumachica*.

The Roman soldiers, in order to fight the barbarians should be encouraged by faith, countering the barbarians' fervor inflamed by religious motives; this is the wisdom delivered by Byzantine strategists.¹ Religious symbols and rhetoric were extensively used in battle fields, as it is explicitly testified in the historiography.² War ethics and religious

¹ Erani, ed., *Siriano, Discorsi di Guerra*, Bari 2010, Rhetorica, 10, 1. The compendium of *Syrianos magistros* is currently dated to the mid-9th century. Cf. Y. Stouraitis, ed. *A Companion to the Byzantine Culture of War, ca. 300–1204* (Brill's Companions to the Byzantine World 3), Leiden 2018, 77 and n. 89; Ph. Rance, "The date of the military compendium of Syrianus Magister (formerly the sixth century Anonymus Byzantinus)", *BZ* 100/2(2007), 701–737, with extensive additional literature.

² *Theophanes Continuatus*, ed. I. Bekker, [CSHB], Bonn 1838, 388, 13–17, 388, 23–389, 4; *Ioannis Scylitzae Synopsis historiarum*, ed. I. Thurn, [CFHB 5], Berlin — New York 1973, 202–203, 86. Cf. Y. Stoyanov, "Norms of war in Eastern Orthodox Christianity", in V. Popovski, G. M. Reichberg and N. Turner, eds., *World religions and norms of war*, New York 2009, 166–219. Cf. *ibid.*, 178: "This Christianized "just war" tradition became a fundamental part of Byzantine imperial ideology, closely interwoven with the reinterpreted and actualized Romano-Byzantine paradigms of God-guidedness in battle and imperial victory ("Victoria Augustorum"); G.T. Dennis, "Religious Services in the Byzantine Army", in: E. CARR, ed., *Eulogema: Studies in Honor of Robert Taft S. J.* = *Studia Anselmiana* 110 (1993), 107–117. On the perennial use of

motivation of warfare have been often discussed in the framework of the distinction or perhaps convergence between “Holy war” and “Jihad”; this theoretical approach demonstrates the central role of religious identity in the ongoing process of ideological refinement of the concept of Christian-Roman just war since the early 7th century.¹

Leon VI, composing his military compendium in the tenth century,² was in conformity with the spirit of the cultural and intellectual

such themes in imperial propaganda see also N. Koutrakou, “Soldiers and propaganda. Some Remarks on military propaganda methods and messages in Middle Byzantine Politics”, in A. Kolia-Dermizaki et al., eds, *Histories of War in South Eastern Europe. An Approach in the longue durée*, Athens 2108, 279–306, esp. 286–292; Karapli, K., *ΚΑΤΕΥΘΛΩΣΙΣ ΣΤΡΑΤΟΥ. Ἡ ὀργάνωση καὶ ἡ ψυχολογικὴ προετοιμασία τοῦ βυζαντινοῦ στρατοῦ πρὶν ἀπὸ τὸν πόλεμο (610–1081)*, vol. I, Athens 2010.

¹ For relevant literature, Stouraitis, *A companion*, especially: Byzantine Just War Vis-à-vis Jihad, 75ff. with additional literature. On the issue remains valuable as reference: A. Kolia-Dermizaki, *Ὁ βυζαντινὸς “ιερός πόλεμος”. Ἡ ἔννοια καὶ ἡ προβολὴ τοῦ θρησκευτικοῦ πολέμου στο Βυζάντιο* (Historical Monographs 10), Athens 1991. In a broader historical perspective, Ph. Buc, *Holy War, Martyrdom and Terror*, Pennsylvania 2015: German trans., by M. Haupt, *Heilige Krieg. Gewalt im Namen des Christentums*, Darmstadt 2015.

² For the compilation of the *Taktika* different dating has been proposed in the scientific research, for instance: between 904 and 908: R. Vári, “Desiderata der byzantinischen Philologie auf dem Gebiet der mittelgriechischen Kriegswissenschaftlichen Literatur”, *Byzantinisch-neugriechische Jahrbücher* 8(1931), 225–232, here 226; after 904: G. Moravcsik, *Byzantinoturcica*, vol. I: Die byzantinischen Quellen der Geschichte der Türkvölker, vol. II: Sprachreste der Türkvölker in den byzantinischen Quellen (*BBA* 10–11), Berlin²1958, I 404; ca 895: G. Dagron, “Byzance et le modèle islamique au Xe siècle. A propos des Constitutions tactiques de l'empereur Léon VI”, [Comptes rendus des séances de l'Académie des Inscriptions et Belles-Lettres, 127 (1983)], 219–243, here 219; around 900: J. Haldon, *A Critical Commentary on the Taktika of Leo VI*, Washington, DC 2014, 254; “in the second half of his (sc. Leo's) reign”: P. Magdalino, “The Non-Juridical legislation of Leo VI”, in S., Troianos, ed., *Analecta Atheniensi ad Jus Byzantinum spectantia I* (Forschungen zur byzantinischen Rechtsgeschichte, Athener Reihe 10), Athen-Komitini 1997, 169–182, here 174 and n. 24; A. Schminck, *Studien zu mittelbyzantinischen Rechtsbüchern* (Forschungen zur byzantinischen Rechtsgeschichte 13), Frankfurt am Main 1986, after a thorough investigation of the manuscript tradition of the

movement, conventionally labeled “Macedonian renaissance”;¹ an explicit tendency to identify the present developments with the antique spirit and interpret the policy of the “Macedonian” dynasty as a prolongation of the glorious past and, specifically in the field of jurisprudence, as a “return to Justinian”.²

The Macedonian enterprise in the codification of the ancient law consisted of the “purification and reordering” of the Justinianic law, a work repeatedly declared in the sources as “ἀνακάθαρσις τῶν παλαιῶν νόμων”.³ In his *Taktika* Leo, motivated by comparable principles, endeavored to supply his generals and military leaders with guidance,

Taktika, concludes that there was a second, revised and extended version of the compendium, which has been promulgated in the late time of Leo’s reign, 98: “Die ‘zweite Auflage’ der ‘Τακτικά’ ist... auf Leons spätere Regierungszeit zu datieren”. Edition and English trans.: G. T. Dennis, *Leonis VI Taktika* (CFHB XLIX), Washington, D. C. 2010. In following, references to this collection as: *Taktika*, with constitution number, lines and page number in Dennis edition.

¹ Always fundamental, P. Lemerle, *Le premier humanisme byzantine*, Paris 1961. This cultural and spiritual movement is identified by P. Magdalino, “Knowledge in authority and authorised history: the imperial intellectual programme of Leo VI and Constantine VII”, in *Authority in Byzantium*, ed. P. Armstrong, Farnham 2013, 187–209, as “the review and reform programme of the Macedonian emperors”, 195. An actual reassessment of the issue: J.-M. Spieser, “La ‘renaissance macédonienne’: de son invention à sa mise en cause”, *TM* 21/2(2017), 43–52; Th. Antonopoulou, “Emperor Leo VI the wise and the “first Byzantine humanism”: on the quest of renovation and cultural synthesis”, *TM* 21/2 (2017), 187–233. It should be noticed however, that this spirit of “revival” predated the accession to power of the “Macedonian” dynasty and the term is misleading. W. Treadgold, ed., *Renaissances before the Renaissance: Cultural Revivals of Late Antiquity and the Middle Ages*, Stanford 1984, 75–98.

² Magdalino, *The Non-Judicial legislation* (1977), 169.

³ For instance: *Eisagoge*, Prooimion, ed. Schminck, *Studien*, 6, 1. 31–32: “Καὶ πρῶτον μὲν τὰ ἐν πλάτει τῶν παλαιῶν νόμων κείμενα πάντα ἀνακαθάρασα...”. *Prochiron*, Prooimion, ed. Schminck, *ibid.*, 60, 1. 77: “Ἐπειδὴ δὲ ἀνωτέρω ἀνακαθάρσεως τῶν παλαιῶν νόμων ἐμνημονεύσαμεν...”. This aspect of the Macedonian legislation is studied on the basis of the Basilica by P. Pieler, “Ἀνακάθαρσις τῶν παλαιῶν νόμων und makedonische Renaissance”, *SubGron* III(1989), 61–77. Cf. J. H. A. Lokin, “The Novels of Leo and the decisions of Justinian”, in: *Analecta Atheniensia ad Jus Byzantinum Spectantia I*, 131–140.

derived from ancient wisdom, in order to properly and successfully counter the Empire's opponents. Surprisingly enough, a non-campaign Emperor, in the spirit of the Macedonian antiquarianism and encyclopedism¹ renovates the Byzantine experience in warfare by elaborating mostly upon existing military manuals; even if indebtedness is not explicitly always stated,² he highly praises the war experience and the knowledge transmitted by his father.³ First and foremost however, he actualizes and adapts war tactics to the present-day, most serious threat, the Arabs, and the need to counter their naval activity. In this context, faith and religion became a main armament in the arsenal for the Byzantine warriors.

The *Taktika*, main subject of this paper, is in many respects attractive in the scientific research, not only as fundamental turn in the Byzantine views on warfare and military tactics, but also as expression of the ideal leadership in traditional, standardized qualities, deriving from antique models, adapted for prominent rulers and military leaders.⁴ In a broader context, comparable to the model of the ideal military leader, which

¹ Some of the compilations elaborated during this period have been classified as “specialized Encyclopedias” from Lemerle, *Le premier humanisme*, 288ff. Cf. however, the interesting analysis by P. Odorico, “Du premiere humanisme à l’encyclopédisme: une construction à revoir”, *TM* 21/2 (2017), 23–42 and especially his remarks on the *Taktika*, 27–30.

² It is remarkable that in the spirit of the “return to Justinian”, Leo’s extensive reliance to Maurice’s *Strategikon* remains silent. Cf. Magdalino, *The Non-Judicial legislation* (1977), 177, who offers as possible explanation Leo’s “less respect for Maurice than for Justinian”. Further, Haldon, *A Critical Commentary*, passim.

³ For instance, *Taktika* 18, 133, 672–674 (p. 488f.), advising the generals to attack and plunder the enemy’s land in the way Basil I, Leo’s father, has acted: “καὶ οὕτω τῶν ληστῶν ἐκείνων καταληψίη τὴν χώραν, οἷόν ποτε ὁ ἡμέτερος μακαριώτατος πατήρ καὶ Ῥωμαίων αὐτοκράτωρ ἐν τοῖς αὐτοῦ χρόνοις διὰ κελεύσεως αὐτοῦ θείας πεποίηκε” (“In this way you will plunder the land of those bandits, as our most blessed father and autokrator of the Romans once did in his days by his sacred command”).

⁴ *Taktika*, Constituion 2: “Περὶ τοῦ οἷον εἶναι δεῖ τὸν στρατηγόν”, Dennis, *Leonis VI Taktika*, 16–36, is based on Onasander, Chap. 1 “Περὶ αἰρέσεως στρατηγοῦ”. An extensive presentation of all other comparable and possibly used sources for the compilation of this chapter by Haldon, *A Critical Commentary*, 131. Cf. D. Letsios, “Die Kriegsgefangenschaft nach Auffassung der Byzantiner”, *Bsl* 53(1992), 213–227.

was the main concern of the *Taktika*, Prof. K. Bourdara has thoroughly investigated “le Modèle du bon souverain à l’époque de Léon VI le sage”, a blueprint of the political theory, that stressed the power awarded to the Emperor by God, a model which is outlined in many literary products grouped together under the title “mirrors of princes”.¹

The image of an enemy who was expanding its realm exploiting the religious fervor was by the 10th century fully shaped. Islam and the Muslims have had replaced the Persians as Byzantium’s main rival² and this political reality is the background reflected in the *Taktika* of Leo VI. Even if war is in principle an evil deed, the Orthodox believers are justified to defend themselves against the attacks of their enemies, spreading the false faith.³

After the defeat at the Yarmuk River in 636, the reality of the Muslim threat had been acknowledged by every Byzantine emperor. Heraclius, like all Emperors from Justinian until Leo VI, had personally confronted the enemy at the battle-field. As far as Leo VI is concerned, it comes so surprising, that a non-campaign emperor initiated the writing of a military manual.⁴ M. Riedel answers this question by Leo’s will

¹ K. A. Bourdara, “Le Modèle du bon souverain à l’époque de Léon VI le sage et la vie de sainte Euphrosynè”, in *Εὐψυχία — Mélanges offerts à Hélène Ahrweiler (Byzantina Sorbonensia 16(1998))*, 109–117; K. A. Μπουρδαρα, *Επιλογή μελετών ιστορίας δικαίου* (Ρωμαϊκό — Βυζαντινό — Μεταβυζαντινό δίκαιο και θεσμοί), Αθήνα 2017, 11–23. Many other studies of the author, selected in this volume, refer to Leo VI and his law reform. Some central elements, outlined in the “mirror of princes” have been discussed by D. Letsios, “Die vigilantia Caesaris am Beispiel des “schlaflosen” Justinian”, in E. Chrysos and A. Furlas, eds., *Festgabe für Professor Johannes Straub*, Athen 1989, 122–146. Cf. Idem, “Η “Ἐκθεσις κεφαλαίων παραινετικών” του Διακόνου Αγαπητού”, *Δωδώνη* 14(1985) 175–202.

² The Saracens’ threat and its comparison with the ancient enemy, the Persians, is several times stressed by Leo, e. g., *Taktika*, 18, 135, 690–692 (p. 488f.): “This people that borders on our commonwealth causes us no less trouble now than the Persian people of old did to former emperors”.

³ *Taktika* 18, 123, 599–606 (p. 482f.). Cf. Haldon, *A Critical Commentary*, 5: “Byzantium was not a warlike society... warfare was seen as an evil, often even by the soldiers most actively involved”.

⁴ M. Riedel, *Leo VI and the Transformation of the Byzantine Christian Identity*, Cambridge 2018, 2.

to motivate his generals through religious motives, to fight for their Christian faith. The author stresses the fact that Leo consistently uses “Θεός rather than τύχη” and this particular Christian moral is dominant in fighting against the Caliphate.¹

Leo’s attitude and care to inspire religious morale and motivation is as means to counter the enemy’s stance, since Leo had perceived that religious fervor underscored Arab military actions. This was essential: “For the Saracens do not go on campaign out of servitude and military service but rather for love of gain and freedom or, to put it better, for robbery and for their own faith, rather, superstitious regard for their non-faith. Because of this, when they suffer evil from us, they think God has become their enemy and they cannot bear the injury.”² Despite this religious polemic, Leo VI’s *Taktika* reveals a feeling of respect for the empire’s Muslim adversaries on the battlefield. In *Taktika*, Leo describes them as formidable enemies who excel all foreign nations in intelligence and who have adopted Roman weapons and often copied Roman tactics.³

The *Taktika* of Leo VI express the literary encyclopedism in the field of military handbooks, a trend established in the time of Leo and continued later in the environment of Nikephorus Phocas and Nikephorus Ouranos. The cod. *Laurentianus* 55, 4 (mid-10th cent.), which contains a corpus of military treatises from antiquity and Byzantium plus Leo’s works, is regarded as representing a military encyclopaedia conceived by Constantine VII.⁴

The *Sylloge Tacticorum*, or *Συλλογή Τακτικῶν*, written in Greek, is another military handbook, concerned likewise with the situation in the eastern frontier, which gave the impetus for the production of military manuals. It reflects the cultural dimension of revival and belongs to the same literary milieu but the exact date of its compilation is problematic. In any case, it is regarded as “a typical product of the Macedonian renaissance in that much of its material is recycled from previous

¹ Riedel, *Leo VI*, 3f.

² *Taktika* 18, 24, 133–136 (p. 446f.).

³ G. Theotokis, *Byzantine Military Tactics in Syria and Mesopotamia in the Tenth Century, a comparative study*, Edinburgh 2018, 15.

⁴ Antonopoulou, *Emperor Leo VI* (2017), here 188.

works”.¹ Some scholars have concluded that it may have been composed at the time of Constantine VII, as it is included in the same manuscript tradition with other products of his time. Although there is not yet consensus among scholars on the dating issue, a possible drafting at the time of Leo VI has been suggested, with an addition of material in 950s.²

Two military treatises are ascribed to Leo, which have been often studied and still are interesting in scientific research: the *Problemata* ([Military] problems), which survived in a single manuscript (Laurentianus 55–4)³ and the *Taktika* (Tactical constitutions or treatise on military tactics). The *Problemata* was eventually compiled also by Leo, sometime before the *Taktika*; however only the second treatise is of relevance for the subject discussed here.

Leo’s *Taktika* is important, because it is the first in a series of military treatises characteristic for the tenth century⁴ and the study of G. Dagron⁵, has drawn attention to the treatment of the Arabs in this collection. Furthermore, T. Kolias⁶ has summarized Leo’s military

¹ A Tenth-Century Byzantine Military Manual: The *SyllogeTacticorum*, translated by G. Chatzelis and J. Harris, Birmingham 2017, 5. Ed. A. Dain, *Sylloge Tacticorum, quae olim ‘Inedita Leonis Tactica’ Dicebatur, Paris 1938*.

² T. G. Kolias, *Νίκηφόρος Β Φωκᾶς* (963–969). Ὁ στρατηγός αὐτοκράτωρ καί τό μεταρρυθμιστικό του ἔργο, Athens 1993, 24–6; Haldon, *A Critical Commentary*, 66–8; A Tenth-Century Byzantine Military Manual: The *Sylloge Tacticorum*, 6.

³ *Leonis VI Sapientis Problemata*, nunc primum ed., adnotatione critica et indice auxit A. Dain, Paris 1935. This collection “is the presentation of Maurice’s *Strategicon* in question-and-answer form (*erotapokriseis*)”, Antonopoulou, *Emperor Leo VI* (2017), 207. Cf. Haldon, *A Critical Commentary*, 15.

⁴ Among them the so-called *Sylloge tacticorum*, which “may or may not have been produced during Leo’s reign”, Haldon, *A Critical Commentary*, 15. The model that has been established by Leo was followed, with more or less dependence in many cases in the tenth century: *Sylloge tacticorum*, *Tactika* of Nikephoros Ouranos, *De velitatione bellica, Praecepta militaria Nicephori imperatoris*, and an anonymous *Campaign Organisation*, cf. Haldon, *A Critical Commentary*, 17 and *passim*.

⁵ Dagron, *Byzance et le modèle islamique* (1983).

⁶ T. Kolias, “The *Taktika* of Leo VI the Wise and the Arabs”, *Graeco-Arabica* 3(1984), 129–135.

advices in his *Taktika*, in order to successfully resist the Arab attacks and V. Christides¹ has drawn attention to Leo's commands on naval warfare tactics, especially searching an Arab translation of Leo's *Naumachica*.

Leo's effort with this endeavor reflects the will to adapt old strategies and tactics to a new enemy. The twenty-two constitutions mainly serve the purpose to reorganize the available material and suppress obsolete information, meeting actual realities; however, the need to face the contemporary situation and counter the Arab threat, was the reason to incorporate a long treatment of the Arabs, in *Taktika*, Constitution 18 and add an original work on naval warfare, *Taktika*, Constitution 19.² Leo's advices on naval warfare were excerpted later in a series of similar sea war guides.³

Despite the stressed adaptation to his times and the remarkable addition on naval warfare, the *Taktika*, commissioned by Leo at

¹ V. Christides, "Two Parallel Naval Guides of the Tenth Century: Qudama's Document and Leo VI's Naumachica: A Study of Byzantine and Muslim Preparedness", *Graeco-Arabica* 1(1982) 51–103; Idem, "Naval Warfare in the Eastern Mediterranean (6th–14th Century). An Arab Translation of Leo VI's *Naumachica*", *Graeco-Arabica* 3(1984), 137–148; Idem, "Ibn al-Manqali (Mangli) and Leo VI: New Evidence on Arabo-Byzantine Ship Construction and Naval Warfare", *ByzSlav* 56(1995) 83–96.

² Dennis, *Leonis VI Taktika*, XIX, Πολεμικῶν προπαρασκευῶν διάταξις ἰθ', περ Περί ναυμαχίας: Preparation for War, Constitution XIX, about naval warfare, 1–83, p. 502–535. Naumachica, edition: A. Dain, *Naumachica partim and adhuc inedita in unum nunc primum congegssit et indice auxit*, Paris 1943. Useful the edition with modern Greek translation by I. Dimitroukas, *Ναυμαχικά, Λέοντος ΣΤ', Μαυρικίου, Συριανοῦ Μαγίστρου, Βασιλείου Πατρικίου, Νικηφόρου Ουρανοῦ*, Athens 2005. Cf. Idem, "Τα βυζαντινά πολεμικά πλοία και τα πληρώματά τους", *Graeco-Arabica* 12(2017), 293–407.

³ Συριανοῦ Μαγίστρου Ναυμαχία: ed. A. Dain, *Naumachica partim adhuc inedita*, Paris 1943, 43–55; J. H. Pryor — E. M. Jeffreys, *The Age of the ΔΡΟΜΩΝ. The Byzantine Navy ca 500–1204* (The Medieval Mediterranean 62), Leiden — Boston 2006, 455–481; Ναυμαχικά συνταχθέντα παρὰ Βασιλείου παρακοιμωμένου καὶ Πατρικίου: ed. Dain, *Naumachica*, 57–48; Pryor–Jeffreys, *The Age of the ΔΡΟΜΩΝ*, 521–545; Ἐκ τῶν Τακτικῶν Νικηφόρου Οὔρανοῦ, κεφάλαιον νδ', Περί θαλασσομαχίας και κεφάλαια ριθ'–ργγ': ed. Dain, *Naumachica*, 371–373; Pryor–Jeffreys, *The Age of the ΔΡΟΜΩΝ*, 571–605.

around 900,¹ as a whole were perceived as a replacement of the *Strategikon*;² thus it keeps the latter's geographical division, with adjustments to the reality of the time. Of course, Leo is aware that the "Saracens"³ are at present the major threat for the Byzantine Empire. But in fact they are portrayed along the same lines as the previous rival, the Persians, as equally determined and ferocious; in a traditional manner, which was patterned in the *Strategikon*, the Arabs are examined upon following query: "What are they really like? What weapons do they make use of in military campaigns? What are their practices? How does one arm himself and campaign against them and thus carry out operations against them?"⁴ As G. Theotokis properly stresses, this is a structural analysis which follows the main elements, determined by the *Strategikon*, in order to specify military strategy and tactics.⁵

As an introduction to this topic, Leo gives some elements defining the racial origin and the starting point of the Arab/Saracen expansion:

"The Saracens... are Arabs by race, who formerly lived near the entrance to Blessed Arabia, but in time came to be scattered about toward Syria and Palestine... When Muhammad founded their superstition, they took possession of those provinces by force of arms... Mesopotamia, Egypt, and the other lands at that time, when the devastation of the Roman land by the Persians allowed them to occupy those lands".⁶

For Byzantines, as well as the Persians, there was a distinction between Arabs and Saracens, on the basis of their habitat customs. The Arab nomads were designated as Saracens, while as proper Arabs were

¹ "Composed early in the tenth century", Haldon, *A Critical Commentary*, 3. Cf. above, p. 342, footnote 2, on the various proposal for the date of the compendium and the possible two versions of the *Taktika*.

² G. T. Dennis and E. Gamillscheg, *Das Strategikon des Maurikios* (CFHB 17), Wien 1981.

³ V. Christides, "The names Ἀραβες, Σαρακηνοί etc. and their false Byzantine etymologies", *BZ* 65 (1972) 329–333.

⁴ *Taktika* 18, 103, 495–500 (p. 474f.).

⁵ Theotokis, *Byzantine Military Tactics*, 110.

⁶ *Taktika*, 18, 104, 501–507 (p. 474f.).

considered the citizens of *Province Arabia*¹. This notion underlies Leo's conception and he is more or less correct, in linking the Arab expansion with the devastation of these lands referred to by the Persians.²

Furthermore, the refutation of the Muslim faith is essential for the Emperor Leo, since his main endeavor was to inspire Christian military morale: "As far as the divinity is concerned, they appear to show proper reverence, but their apparent reverence must be recognized as blasphemy".³ "They argue that God is the cause of every evil deed and they claim that God rejoices in war and scatters abroad the peoples that want to fight. They observe their own laws as inviolable, fattening their flesh and bringing dishonor on their souls. Fighting, therefore, against such impiety by means of our own piety and orthodox faith and observing divine and civil laws as all the more inviolate, we wage war against them".⁴ The points that Leo stresses reflect several elements of an established Christian polemic directed against Islam.

Concerning Arab battle tactics and their campaign formation primarily the "use of camels, asses, and mules to bear their baggage, instead of wagons and pack animals" is stressed; "hordes of camels and pack animals are often used to give the impression of a great number", when they are placed in the middle of the multitude. Drums and cymbals were in use in their battle formations; their horses became accustomed to these noises and the horses of their adversaries were

¹ J. Haldon, and H. Kennedy, "Regional Identities and Military Power: Byzantium and Islam ca. 600–750", in *Visions of Community in the Post-Roman World*, eds. W. Pohl, W. Cl. Gantner, and R. Payne, Farnham-Burlington (Ashgate) 2012, 317–353, here 325–327; R. G. Hoyland, *In God's path: The Arab conquests and the creation of an Islamic Empire*, Oxford 2014, 26; Cf. E. Chrysos, "Arabia minor, Arabia magna in Theophanes. A Short Reflection on the Late Antique World-View" (in print).

² Hoyland, *In God's path*, 31–103; Donner, Fr., *The Early Islamic Conquests*, Princeton 1981, 94–6, 101–10; W. E. Kaegi, *Byzantium and the early Islamic conquests*, Cambridge 1995.

³ *Taktika*, 18, 104, 501–2 (p. 474f.): "Εἰσὶ δὲ περὶ μὲν τὸ θεῖον δοκοῦντες εὐσεβεῖν, βλασφημίαν δὲ τὴν αὐτῶν δοκοῦσαν εὐσεβείαν ἀποδεικνύντες".

⁴ *Taktika*, 18, 104, 501–507 (p. 474f.). Cf. below, footnote 87.

disturbed.¹ The use of camels together with the noise of drums and cymbals was a strange situation, out of the experience of the Byzantine troops. Leo rightly observes that this appearance “has often caused the Romans to rush into flight”.² Accordingly, especially in waging war against the Saracens of Syria dwelling near Mesopotamia, the general should take this into consideration and the horses should be used to camels, drums and cymbals, by using them in drillings.³ Similar methods have been employed in the recapturing of Theodosiupolis⁴ and have been proved successful. The general should learn from these lessons and prepare adequately its army to face the new way of war with the Saracens.

The use of Ethiopians as light-armed foot soldiers in front of their cavalry, carrying bows and being irresistible to their opponents when they shoot, seems to be impressive and decisive in the Arab’s way of warfare.⁵ Leo does not make any distinction between the Saracens and the other groups, which were attached to the Arab armies and fighting with the Hamdanids of Syria, with the exception of the Ethiopians; other authors draw attention on the differences among various groups, included in those armies, e.g. Bedouins, Turks etc, which might appear as Saracens in the sources.⁶

To come back to the ‘image’ of the Arabs in the *Taktika*, Leo stressed that: “They transport their infantry either riding on their own horses or sitting behind the cavalrymen, when the campaign takes place near their country. They make use of armament, and their cavalry uses bows, swords, lances, shields, and axes. They wear full armor, including body armor, cuirasses, helmets, shin guards, gauntlets, and all the rest in the

¹ *Taktika*, 18, 106–107, 516–526 (p. 476f).

² *Taktika*, 18, 134, 680–681 (p. 488f.): “This tactic has often caused the Romans to rush into flight”.

³ *Taktika*, 18, 134, 681–685 (pp.488f).

⁴ A reference to the campaign led by Leo Katakalon in 902. Theodosiupolis was again in Arab hands soon after, finally taken only in 949. Cf. Haldon, *A Critical Commentary*, 382; *PmBZ* 3639 and 24329; *TIB* 5, 46f., 56.

⁵ *Taktika* 18, 109, 528–530 (p. 476f.).

⁶ Cf. G. Dagron — H. Mihaescu, *Le traité sur la guerilla de l'empereur Nicéphore Phocas*, Paris 1986, 179; E. McGeer, *Sowing the dragon's teeth. Byzantine warfare in the tenth century*, Washington 1995, 230–242.

Roman manner. They decorate their belts and bridles and swords very richly with silver”.¹

“Their native battle formations are both square and oblong”; the same formation was used in marching as well and Leo comments that this formation was more secure and not easy to break and he believes, that though they have trained in various formations, they imitate the Romans in many respects; they learned from the damages they have suffered from the Romans and they used this experience in war tactics.² The Saracen’s military tactics were determined by firm resistance to opponents’ attacks and the same steadfast resistance was noticed on foot battles and in sea confrontations.³ For Leo, the fact that “neither when they are pursuing nor are being pursued do they break their formation”, was decisive. If they break their formation, they loose their cohesion, they don’t turn back and they are racing to save themselves.⁴

A natural attribute, due to the climate of the hot environment in which they dwell, is their hot temperament.⁵ This remark is coupled with Leo’s observations that “this people is hurt by cold... and heavy rain” and that consequently “attacks against them should be launched in such times”.⁶ It’s in accordance with this observation, the fact that

¹ *Taktika*, 18, 110, (p. 476f.). On the armor, the use of helmets, bows etc., cf. Koliass, *The Taktika* (1984); T. G. Koliass, *Byzantinische Waffen. Ein Beitrag zur byzantinischen Waffenkunde von den Anfängen bis zur lateinischen Eroberung*, Vienna 1988, 112f., 135f., 141, 206f., 224.

² *Taktika*, 18, 113–114, 550–556 (p. 478f.), specifically 114, 555–6: “ἐξ ὧν ἔλαθον παρὰ Ῥωμαίων δρᾶν κατ’ αὐτῶν ἐπιτηδεύοντες”: “so the very things they suffered from the Romans they are now busily putting into practice against them”.

³ *Taktika*, 18, 116–117, 560–572 (p. 480f.).

⁴ *Taktika*, 18, 111, 538–540 (p. 478f.).

⁵ *Taktika*, 18, 108, 522 (p. 476f.): “Θερμοὶ δὲ εἰσι τὴν κράσιν ἐν τοιοῦτῳ κλίματι θερμῷ κατοικοῦντες”.

⁶ *Taktika*, 18, 118 (p. 480f.): “This people are hurt by cold, by winter, and by heavy rain. It is best, therefore, to launch attacks against them at such times rather than in good weather. Their bow strings become slack when it is wet and because of the cold their whole body will become sluggish. Often while making their incursions and plundering raids at such times, they have been overcome by the Romans and destroyed”. Cf. *Taktika*, 18, 120, 584–588 (p. 482f.).

in warmer seasons they gather their forces and launch their attacks in September.¹ Leo's notice, that the Arabs prefer to camp safely in night time and avoid night fighting, because they are "sleepy",² belongs to the same context: observe and properly use the opponent's specifics, natural characteristics and attitudes and make them your advantage.

"The Saracens are barbaric and faithless people", but however, Leo admits "they come together, each man of his own free will and with his whole household". Leo states, as motive for their war participation, for the noble ones the will "to die on behalf of their nation", while for the poor he stresses "the shake of acquiring booty".³ Nevertheless, the picture drawn in this paragraph, concerning the Saracens recruitment

¹ "They join up with the inhabitants of Tarsus in Cilicia and set out on campaign. At other times of the year only the men from Tarsus, Adana, and other cities of Cilicia launch raids against the Romans", *Taktika*, 18, 119, 574–583 (p. 481f.). Leo adapts this directly from Maurice, *Strategikon*, 11.1.41–42, and some of his remarks seem not to accurate and indeed Arab raids took place even in winter. Cf. *De velitatione*, ed. G. Dennis, *Three Byzantine military treatises* (Dumbarton Oaks texts 9, CFHB 28), Washington 1985, 144–239, *De Velitatione* 7 (p. 163): "The general should be on the alert for news about the equipping and movement of a large army, especially at that time of the year when one expects large armies to be assembled, usually in August. In that month large numbers would come from Egypt, Palestine, Phoenicia, and southern Syria to Cilicia, to the country around Antioch, and to Aleppo, and adding some Arabs to their force, they would invade Roman territory in September". On the Cilicia front and routes to invade Byzantine territory, cf. J. Haldon, — H. Kennedy, "The Arab–Byzantine frontier in the eighth and ninth centuries", *ZRVI* 19 (1980) 79–116; C. E., Bosworth, "The City of Tarsus and the Arab Byzantine Frontiers in Early and Middle Abbasid Times." *Oriens* 33 (1992), 268–86; Haldon, *A Critical Commentary*, 361ff., with additional literature.

² *Taktika*, 18, 112, 543–549 (p. 478f.): "They are given to sleep and for this reason have a fear of battle at night and all that is connected with it, especially when they are raiding in a country foreign to them. And so they withdraw to strong places and there set up a guard for the night or else they will securely fortify their camp so as not to be subjected to night attacks by their adversaries".

³ *Taktika* 18, 122, 592–598 (p. 482f.): "Their fellow tribesmen, men and especially women, provide them with weapons, as if sharing with them in the expedition. Because their physical weakness does not enable them to bear arms themselves, they consider it a reward to provide armament for the soldiers".

and war engagement, is all in all rather positive. All things considered, Leo was always cautious to go to war against the Saracens and his main advice was to avoid a direct engagement with them: “It is very dangerous, as we have frequently said, for anyone to run the risk of a pitched battle, even when it seems perfectly clear that our forces far outnumber the enemy. The result of fortune is unseen”.¹

Those are the Saracens and in this way they plunder and ravage our lands, Leo sates; but: “If we are well armed and drawn up in formation, with God fighting along beside us, we charge against them bravely and in good spirits on behalf of the salvation of our souls, and we carry on the struggle without hesitation on behalf of God himself, our kinsmen, and our brothers the other Christians, then we place our hopes in God. We shall not fail to achieve, rather, we shall certainly achieve the glory of victory over them”.² Leo goes further and suggests to counter attacking them, if they raid inside Taurus, following them in the passes of this mountainous region, in their return journey, when they are exhausted, carrying back some booty. Laying ambushes, barricading and other appropriate means should be used in pursuing them.³ As appropriate moment to realize the attack against them, the right timing is according to Leo’s advice, when “their horses, the so-called *pharia*, are being shot at, as well as the Ethiopians or other archers being wounded, because they do not wear armor, so they will quickly rush off in flight”.⁴

As noticed above,⁵ among other remarks Leo notices that comparable tactics were utilized by the Saracens in land and sea battles. Specifically for the Saracens of Cilicia, he points out that “they place great value on thoroughly training all their infantry forces to engage in battle on two fronts, that is, on land along the road leading out from the Taurus mountains and on sea by means of their ships, called *koumbaria*”.⁶ Especially for this region, the actions of the enemies should be carefully

¹ *Taktika* 18, 121, 589–591 (p. 482f.).

² *Taktika* 18, 127, 620–625 (p. 484f.).

³ *Taktika* 18, 128, 626–634 (p. 484f.).

⁴ *Taktika* 18, 129, 637–642 (p. 484–487).

⁵ Cf. above, footnotes 2, 4.

⁶ *Taktika* 18, 131, 654–660 (p. 486f.).

followed, and the use of spies,¹ in order to collect the relevant information was suggested; it is critical to detect, whether they were preparing for land or sea attack, because they were using the same infantry for both kinds of attack. For this reason, coordination is suggested and the commander of the *Kibyrraiotai* fleet should be properly informed.² Simultaneous assaults of infantry and battle fleet were successful in combating this people in Taurus and Leo notices that his father, Basil I, by this tactic has defeated them.³ Leo, referring to Cilicians, states his father's campaign of 877–878, which set an example as he preferred to follow the minor roads, in order to surprise the enemy and minimize their numbers. As J. Haldon comments, Cilicians and the army of Tarsos, “were a major thorn in the side of the empire throughout the second half of the ninth century and well into the tenth century;”⁴ of course the campaign of Nikephoros Phocas the elder in 890s could be referred as well.⁵

¹ *Taktika* 18, 132, 662–668 (p. 486–489). Cf. N. Koutrakou, “Diplomacy and Espionage. Their Role in Byzantine Foreign Relations, 8th–10th Centuries”, in Haldon, J., ed., *Byzantine warfare*, Aldershot 2007, 529–548; V. Christides, “Military Intelligence in Arabo-Byzantine Naval Warfare”, in *Byzantium at war (9th–12th c.)*, ed. K. Tsiknakis (The National Hellenic Research Foundation, Institute for Byzantine Research, International Symposium 4), Athens 1997, 269–81.

² *Taktika* 18, 132, 664–5 (p. 486f.): “...you should advise the commander of *Kibyrraiotai*...” Cf. P. A. Yannopoulos, “Cibyrra et Cibyrréotes”, *Byz* 61 (1991) 520–529.

³ *Taktika* 18, 133, 672–674 (p. 488f.): “as our most blessed father and *autokrator* of the Romans once did in his days by his sacred command”. Cf. *Taktika* 9, 14, 60–66 (p. 158f.).

⁴ J. G. C. Anderson, “The Campaign of Basil I against the Paulicians in 872”, *Classical Review* 10 (1896), 138–39; E. Honigman, *Die Ostgrenze des byzantinischen Reiches von 363 bis 1071*, Brussels 1935, 62–63; Bosworth, *The City of Tarsus* (1992); Fr. Hild, *Das byzantinische Strassensystem in Kappadokien* (Denkschriften, phil.–hist. Klasse 131), Vienna 1977, 134–35; Haldon, *A Critical Commentary*, 320, 379ff.

⁵ J.-C., Cheynet, ‘Les Phocas’, in G. Dagron and H. Mihaescu, eds., *Le traité sur la guérilla (De velitatione) de l'Empereur Nicéphore Phocas (963–969)*, Paris 1986, 289–315, here 291–296; PmBZ 20769 [Βάρδαξ / Bardas Phocas (der ältere)]; For the maritime context, see Pryor and Jeffreys, *Age of the Δρόμων*, 50–71.

In *Taktika* 18, 135, Leo sums up the purpose of his military collection, of all what has been written from the beginning to the end, “all that was said about weapons, armament, drills, battle formations, and other military methods in connection with the Saracen people”: transmitted information has been collected and set forth, in order to properly equip the military leaders with advice to fight against the Saracens, people who “cause harm to our subjects every day”.¹ In the following paragraphs of *Taktika* 18 (136–150) the Emperor repeats other military formations, which are material of older military manuals and Leo notices that they could possibly be employed in concrete cases, as amendment or alternative to those which were presented with reference to the Saracens.

Leo, starting the following chapter, *Taktika* 19: “about naval warfare”, stresses, that he has not found relevant material in the older tactical books.² Even if this remark is not accurate, Leo’s contribution in collecting and systematizing the material about naval warfare was essential.³ Most importantly, this constitution (*Taktika* 19), on naval

¹ *Taktika* 18, 133, 691–692 (p. 488): “τὰ νῦν ἡμῖν ἔνοχλεῖ καὶ παραλυπεῖ τοὺς ἡμετέρους ὑπηκόους τὸ καθεκástην”.

² *Taktika* 19, 1, 3–4 (p. 503f.): “Ἦδη δὲ περὶ ναυμαχίας διαταξόμεθα, οὐδὲν μὲν ἐν τοῖς παλαιοῖς τακτικοῖς περὶ αὐτῆς κεκανονισμένον εὐρόντες”. Certainly, Leo, even in the part on naval warfare of his *Taktika*, draws upon various ancient writers, among others *Syrianos magistros*, cf. above, p. 341, footnote 1. Further: C. Zuckerman, “The Military Compendium of Syrianos Magister”, *JÖB* 40 (1990), 209–24; S. Cosentino, “The Syrianos’ Strategikon — a 9th-century source?”, *Bizantinistica: Rivista di studi bizantini e slavi* 2 (2000) 243–280; Dimitroukas, *Ναυμαχικά* 9–35; Ph. Rance, “The date of the military compendium of Syrianos Magister (formerly the sixth century Anonymus Byzantinus)”, *BZ* 100/2(2007), 701–737; Haldon, *A critical commentary*, 389f., with additional literature.

³ “The impression that Leo was concerned with contemporary issues is further confirmed by other elements of the work (sc. the *Taktika*), perhaps most obviously the constitution on naval warfare, the *Naumachika*”, S. Tougher, *The reign of Leo VI (886–912), politics and people* (The Medieval Mediterranean, Peoples, Economies and Cultures, 400–1453, 15), Leiden–New York–Köln, 1997, 171, 190 and passim; Idem, “The Imperial Thought-World of Leo VI: the non-Campaigning Emperor of the Ninth Century,” in *Byzantium in the Ninth Century: Dead or Alive?*, ed. L. Brubaker, Aldershot 1998, 51–60.

warfare as whole, was not composed as re-elaboration or rephrasing as other constitutions of the compendium. In addition, it seems that Leo's recommendations on sea engagement were composed at the final stage of composing the *Taktika* collection, possibly around 907.¹

The material collected and conveyed in this chapter puts together information about many general military issues, such as communication, weather forecast, food and water supplies, training, military moral etc. Out of it, a good part is dealing with war and transport ships; horses' transport being an important means for the confrontation.

The *dromon*, a term used with reference to some Romano-Byzantine war galleys, its construction, the crew, its training and other aspects of its role in naval warfare are treated.² Leo considers the size of the ships decisive for a naval engagement. After commenting on various naval engagement formations, he concludes the presentation with a comparison between Saracens and Scythians and he addresses the following advice to the naval commander: "Get large and small *dromons* ready that match the kind used by hostile ethnic forces. For the fleet of ships of the barbarian Saracens is not the same as that of those called Northern Scythians. For the Saracens make use of larger and slower <ships called> *koumbaria*, whereas the Scythians use ships that are smaller, lighter, and faster. Because they come into the Euxine Sea from rivers, they cannot use larger vessels".³

The crew and its armament is decisive concerning war tactics; with reference to the Saracens, Leo advised: "The Saracens bear up under the force of a barrage and when they see that their opponents are getting weary and running out of weapons, whether arrows, stones, or other

¹ Dimitroukas, *Ναυμαχικά*, 30.

² D. G. Letsios, *Νόμος Ροδίων Ναυτικός. Das Seegesetz der Rhodier* (Institut der Ägäis für das See- und Schifffahrtsrecht, Veröffentlichungen zum Schifffahrtsrecht 1), Rhodos 1966, 103f.; Pryor — Jeffreys, *The Age of the ΔΡΟΜΩΝ*, 175ff.

³ *Taktika* 19, 77, 425–430 (p. 532f.). Dimitroukas, *Ναυμαχικά*, 269f.; *Koumbaria* is from the Arabic, Christides, *Two Parallel Naval Guides* (1982), 62, 97; Pryor — Jeffreys, *The Age of the ΔΡΟΜΩΝ*, 513, n. 61. Northern Scythians, in this case, designate the people known as *Rhos* who sailed down the Dnieper to the Black Sea in small ships. Cf. Dennis, *Leonis VI Taktika*, 533, n. 16.

things then, all together they leap up and striking hard they charge vigorously”¹. The general should bear this in mind and “carry out the shooting, with proper goal... and regulate it throughout the battle”², an advice of practical wisdom, applicable to both land and sea warfare.

Only few paragraphs of *Taktika* 19 have significance for a proper naval engagement and these are only occasionally related with the Saracens.

Sudden attacks and stratagems, involving the whole fleet or a part of it are commented as appropriate tactic to counter the enemy. “A pitched battle” should be avoided and here the tactic is similar to general advices addressed to war leaders not to engage in an open confrontation with the Saracens.³ Both sides, Byzantines and Saracens, had a similar cautious approach to maritime conflicts. Leo’s admonition to avoid pitched battles at water “except where the Byzantine fleet commander has an absolute superiority in vessels and manpower”⁴, is for Haldon “indicative both of Byzantine distrust of the sea as a medium for successful warfare and of remembered defeats”⁵.

The naval commander should choose the convenient time for the battle and “line up the *dromons* in a varied and diverse manner, as both the time and the place may call for”. Decisive is, as it is repeated, that the commander is confident and far superior to the enemy, so as to overpower the adversaries. In any case, it’s desirable to engage in battle close to the enemy’s country. The reason behind is that the soldier “under pressure of battle, fails into cowardice”; Leo promptly admits: “When the time comes for forming up for battle, few judge it better to die than to flee ingloriously, whether you are speaking of the

¹ *Taktika* 19, 16, 104–107 (p. 510f.). Cf. *Taktika* 18, 116.

² *Taktika* 19, 17, 108–112 (p. 510f.). Cf. *Taktika* 18, 129.

³ *Taktika* 19, 36, 210–214 (p. 516f.). Cf. *Taktika* 18, 121, 589–591 (p. 482f.).

⁴ *Taktika* 19, 38, 219–221 (p. 518f.). On the fear of the sea, cf. among others, G. T. Dennis, “Perils of the Deep”, in *Novum Millenium: Studies on Byzantine History and Culture, dedicated to Paul Speck*, eds. C. Sode and S. Takacs, Aldershot 2001, 81–88.

⁵ *Taktika* 19, 36–38, 210–221 (p. 516–519). The information is based on Syrianos, *Naumachiae*, 9.15, who is more detailed to the point. Pryor — Jeffreys, *The Age of the ΔΡΟΜΩΝ*, 387–88.

barbarians or of the Romans”. Consequently, the advice is to choose the battle field far from your country and close to the enemy’s country.¹

The elements of consultation and coordination are essential in Leo’s thinking for a successful engagement. Before the day of the battle, the commander should elaborate the battle plan in consultation with the officers under his command; “whatever this common counsel judges advantageous should be presented in detail and announced to the officers of the *dromons* so they may be prepared to put those plans into action”.² The commander should have a special ship, “called *pamphylian*”, outstanding ship, compared to the *dromons*, lining up in the battle formation; the size and the armament of commander’s ship should be excellent and should be manned by the elite soldiers.³ The sub commanders, in charge of group of *dromons*, should likewise “select men from those *dromons* and enroll them among their personal troops, different from the others”.⁴

In addition to the decisive elements for the battle formation already stressed, at the time of the battle the formation should be adapted, in a way “corresponding to the armament and battle line of the enemy”.⁵ A “crescent-shaped or semicircular formation” could be chosen and properly organized, with the purpose “to cut off the enemy who have fallen into the encirclement”.⁶ The front in the straight line was the choice, in order to fall upon the enemy with the prow and set ablaze

¹ *Taktika* 19, 40, 329–339 (p. 518f.). Specifically, 338–339: “ὄλιγοι γὰρ οἱ ἐν καιρῷ παρατάξεως τὸ ἀποθανεῖν ὑπὲρ τοῦ ἀδόξως φυγεῖν προκρίνοντες, εἴτε ἐν τοῖς βαρβάροις εἴπηρ εἴτε ἐν τοῖς Ῥωμαίοις”. Stressing especially this phrase, Haldon, *A Critical Commentary*, 8, notices that this is a “pragmatic advice and an illustration of Leo’s awareness of the serious problems in discipline and motivation facing east Roman forces at sea”.

² *Taktika* 19, 41, 240–246 (p. 518f.).

³ *Taktika* 19, 42, 246–252 (p. 518–521). Whether the ship type called *pamphylos* was originally associated with Paphylia can’t be proven. It describes a subtype or variant of *chelandia* or *dromons*. Pryor — Jeffreys, *The Age of the ΔΡΟΜΩΝ*, 192; Haldon, *A Critical Commentary*, 399f., 409, with additional literature.

⁴ *Taktika* 19, 43, 253–258 (p. 520f.).

⁵ *Taktika* 19, 49, 287–391 (p. 522f.).

⁶ *Taktika* 19, 50, 292–298 (p. 522f.).

to their ships.¹ Other tactical formations advised are: dividing the *dromons*, in two or three groups, depending on their number and “fall upon the enemy, already heavily engaged, either from the rear or from the side”;² the ships could be arranged in ambushes, if the enemy is attacking in some disorder.³ Light and fast *dromons* could be used to attack the enemy and pretend to flee; as the heavy enemy ships while have problems in pursuing them, other *dromons* with rested crews “will charge out against the exhausted foe and overpower them”.⁴

The outcome and the success of the naval engagement do not depend on the number or the size of the ships; as with battles on land,⁵ the courage of the soldiers is decisive, ships should be carrying men “who are robust, stout of heart, and eager to engage the enemy”. Soldiers’ morale together with God’s benevolence, granted for justice and purity, assure success: “That depends on their purity of life and their justice in relating to property owners, as well as to the enemy, that is, doing nothing unholy, shameful, or inhumane to the prisoners. If you have not been treated unjustly, do not act unjustly; with the help of God, ward off those acting unjustly”.⁶ Bad treatment of prisoners and looting were most likely the more usual offences perpetuated, so Leo admonishes the army commanders to control troopers’ behavior and links this suggestion with the instruction and the general pattern of the “just war”, referred to at the opening remarks.⁷

P. Magdalino stressed the fact that Leo’s conception of law and legislation extended beyond Justinian’s *Corpus iuris* and that his *Taktika*

¹ *Taktika* 19, 51, 299–301 (p. 522f.). The presentation of the battle formations is short in Leo’s compendium, compared to Syrianos magistros, *Naumachiae*, 9.35–41. Dimitroukas, *Ναυμαχικά*, 265f.; Haldon, *A Critical Commentary*, 410f.; V. Christides, “Greek fire”, *ΕΓ*³, III, Leiden-Boston 2013, 146–148.

² *Taktika* 19, 52, 302–306 (p. 524f.).

³ *Taktika* 19, 53, 307–309 (p. 524f.).

⁴ *Taktika* 19, 54, 310–315 (p. 524f.). Christides. *Ibn al-Manqali (Mangli) and Leo VI* (1995), 97.

⁵ Cf. above, p. 346, footnote 2.

⁶ *Taktika* 19, 39, 222–228 (p. 518f.).

⁷ Cf. above, p. 342, footnote 1.

aimed “to provide a specialized corps of imperial personnel, in this case army officers, with systematic instruction in the principles of their professional expertise”.¹ In this military collection Leo drew on extensive mass in existing military treatises, mainly the *Strategikon*, and incorporated substantial part of its *prooimion* in the *Taktika*.

Leo’s military handbook was drafted as binding legislation to force the military leaders in their actions; the language used in the imperial instructions makes clear that they were obligations in performing war. The religious motivation is clearly reflected in the *Taktika* and this emerged from the ninth century context. “Leo combines the exigencies of battle with the doctrines of Christianity and casts the conflict in broader terms of religious distinction” and it is obvious in his military legislation that he contests at first place the Arab sea power. The Muslim pirates’ raids threatened to turn the Mediterranean into “a Saracen lake”, as it has been pointed out,² and Leo, fully aware of the Arab challenge, wanted to address every kind of military operation, on land as well as naval campaigns in a systematic manner. Thus, Leo’s most original military instructions, included in constitutions 18 and 19 update the Byzantine battle tactics to 9th century reality. Leo explicitly admits that his entire military legislation was perceived in order to systematize the Byzantine response to the problems caused by the Saracens, which in his view were equally troublesome to the previous Persian threat.³

¹ Magdalino, *The Non-Juridical Legislation* (1997), 174–75.

² Riedel, *Leo VI*, 32–34; M. Riedel, “The Sacrality of a Sovereign: Leo VI and Politics in Middle Byzantium,” in *Zwei Sonnen am Goldenen Horn?*, ed. M. Grunbart, L. Rickelt and M. M. Vučetić, Berlin 2011, Band 3/1, 127–135; C. Picard, *La mer des Califes, Une histoire de la Méditerranée musulmane*, Paris 2015, 83–121.

³ Dagron, *Byzance et le modèle islamique* (1983), 220–221: «tout l’ouvrage a été conçu par lui ‘en pensant au peuple des Saracènes, car ce peuple voisin de notre État ne nous cause pas moins d’ennuis aujourd’hui que le peuple perse n’en a causés aux empereurs d’autrefois, et il n’afflige pas moins quotidiennement nos sujets’». *Taktika* 18, 103, 495–497 (p. 474f.): “Ἐπειδὴ δὲ διαφόρων ἐθνικῶν παρατάξεων τε καὶ διαθέσεων ἐμνημονεύσαμεν, φέρε λοιπὸν καὶ τοῦ νῦν ἐνοχλοῦντος τῇ Ῥωμαϊκῇ ἡμῶν πολιτεία ἔθνους τῶν Σαρακηνῶν ἐπιμνησθῶμεν κατὰ δύναμιν”.

To conclude these remarks on Leo's *Tactica*, we could use Haldon's summary assessment: "the treatise was indented to serve as both a corrective and a reminder of earlier 'good practice,' as well as a statement of imperial authority and power" and "the *Taktika*... is perhaps one of the best-known and least understood text of its type".¹

T. Nakada, in evaluating Leo's *Taktika*, underlines an interesting point, the fact that, in certain cases, the Emperor's remarks 'describe manoeuvres against raiding Arabs on the eastern frontier, which depict autonomous regional defence undertaken by local forces'; in the author's view, this indicates that Leo VI 'ratified the existing form of flexible response by local forces led by potentates, established over a long period of time'; this fact is interpreted as an indication that Leo recognized, that 'it was both effective and indispensable to delegate power to these potentates in order to resist the incessant Arab razzias, despite the possible centrifugal effects on political and military power'.²

Indeed, traditional forms of armies' deployment, guerilla strategies and similar tactics did exist before Leo's reign and it's true, as well, that transmitting ancient wisdom could indicate imperial authority in the Byzantine world.³ However, contemporary material in Leo's *Taktika*, if it is included in restricted extent, could be extremely valuable.

Selected Bibliography

1. Antonopoulou Th. Emperor Leo VI the wise and the "first Byzantine humanism": on the quest of renovation and cultural synthesis // *TM* 21/2 (2017). P. 187–233.
2. Bourdara K. A. Le Modèle du bon souverain à l'époque de Léon VI le sage et la vie de sainte Euphrosynè // *Εὐψυχία* — Mélanges offerts à Hélené

¹ Haldon, *A Critical Commentary*, 3.

² K. Nakada, "The *Taktika* of Leo VI and the Byzantine eastern frontier during the ninth and tenth centuries", *Spricilegium, Online Journal of Japan Society for Medieval European Studies* 1(2017), 17–27, esp. 26.

³ C. Holmes, "Byzantine Political Culture and Compilation Literature in the Tenth and Eleventh Centuries: Some Preliminary Inquiries", *DOP* 64(2010), 55–80; D. F. Sullivan, "Byzantine Military Manuals: Prescriptions, Practice and Paedagogy," in *Byzantine World*, ed. P. Stephenson, New York 2010, p. 149–161.

Ahrweiler (*Byzantina Sorbonensia* 16 (1998). P. 109–117 (Κ. Α. Μπουρδαρα, Επιλογή μελετών ιστορίας δικαίου (Ρωμαϊκό — Βυζαντινό — Μεταβυζαντινό δίκαιο και θεσμοί). Αθήνα, 2017. P. 11–23.

3. Buc Ph. Holy War, Martyrdom and Terror. Pennsylvania, 2015: German trans., by M. Haupt, Hielige Krieg. Gewalt im Namen des Christentums. Darmstadt, 2015.

4. Cheynet J.-C. ‘Les Phocas’ // Dagron G. and Mihaescu H., eds. Le traité sur la guérilla (De velitatione) de l’Empereur Nicéphore Phocas (963–969). Paris, 1986. P. 89–315.

5. Christides V. The names etc. and their false Byzantine etymologies // *BZ* 65 (1972). P. 329–333.

6. Christides V. Two Parallel Naval Guides of the Tenth Century: Qudama’s Document and Leo VI’s Naumachica: A Study of Byzantine and Muslim Preparedness // *Graeco-Arabica* 1 (1982). P. 51–103.

7. Christides V. Naval Warfare in the Eastern Mediterranean (6th-14th Century). An Arab Translation of Leo VI’s Naumachica // *Graeco-Arabica* 3 (1984). P. 137–148.

8. Christides V. Ibn al-Manqali (Mangli) and Leo VI: New Evidence on Arabo-Byzantine Ship Construction and Naval Warfare // *ByzSlav* 56 (1995). P. 83–96.

9. Christides V. Military Intelligence in Arabo-Byzantine Naval Warfare // *Byzantium at war* (9th–12th c.). Ed. K. Tsiknakis (The National Hellenic Research Foundation, Institute for Byzantine Research, International Symposium 4). Athens, 1997. P. 269–81.

10. Chrysos E. Arabia minor, Arabia magna in Theophanes. A Short Reflection on the Late Antique World-View (in print).

11. Dagron G. Byzance et le modèle islamique au Xe siècle. A propos des Constitutions tactiques de l’empereur Léon VI [Comptes rendus des séances de l’Académie des Inscriptions et Belles-Lettres, 127 (1983)]. P. 219–243.

12. Dagron G. and Mihaescu H., eds. Le traité sur la guérilla (De velitatione) de l’Empereur Nicéphore Phocas (963–969). Paris, 1986.

13. Dain A. Naumachica partim and adhuc inedita in unum nunc primum congescit et indice auxit. Paris, 1943.

14. Dennis G. T. Three Byzantine military treatises (Dumbarton Oaks texts 9, CFHB 28). Washington, 1985.

15. Dennis G. T. Leonis VI Taktika (CFHB 49). Washington, D. C., 2010.

16. Dennis G. T. and Gamillscheg E. Das Strategikon des Maurikios (CFHB 17). Wien, 1981.

17. Dimitroukas I. *Ναυμαχικά, Λέοντος ΣΤ', Μαυρικίου, Συριανού Μαγίστρου, Βασιλείου Πατρικίου, Νικηφόρου Ουρανού*. Athens, 2005.
18. Donner Fr. *The Early Islamic Conquests*. Princeton, 1981.
19. Haldon J. *A Critical Commentary on the Taktika of Leo VI*. Washington, DC, 2014.
20. Haldon J. and Kennedy H. *The Arab–Byzantine frontier in the eighth and ninth centuries // ZRVI 19 (1980)*. P. 79–116.
21. Haldon J. and Kennedy H. *Regional Identities and Military Power: Byzantium and Islam ca. 600–750 // Visions of Community in the Post-Roman World*. Eds. Pohl W., Gantner Cl. and Payne R. Farnham-Burlington. Ashgate, 2012.
22. Holmes C. *Byzantine Political Culture and Compilation Literature in the Tenth and Eleventh Centuries: Some Preliminary Inquiries // DOP 64 (2010)*. P. 55–80.
23. Hoyland R. G. *In God's path: The Arab conquests and the creation of an Islamic Empire*. Oxford, 2014.
24. Kaegi W. E. *Byzantium and the early Islamic conquests*. Cambridge, 1995.
25. Karapli K. *ΚΑΤΕΥΘΔΩΣΙΣ ΣΤΡΑΤΟΥ. Ἡ ὀργάνωση καὶ ἡ ψυχολογικὴ προετοιμασία τοῦ βυζαντινοῦ στρατοῦ πρὶν ἀπὸ τὸν πόλεμο (610–1081)*, vol. I. Athens, 2010.
26. Kolia-Dermitzaki A. *Ο βυζαντινός “ιερός πόλεμος”. Η έννοια και η προβολή του θρησκευτικού πολέμου στο Βυζάντιο (Historical Monographies 10)*. Athens, 1991.
27. Kolia T. *The Taktika of Leo VI the Wise and the Arabs // Graeco-Arabica 3 (1984)*. P. 129–135.
28. Koutrakou N. *Diplomacy and Espionage. Their Role in Byzantine Foreign Relations, 8th–10th Centuries // Haldon J., ed. Byzantine warfare*. Aldershot, 2007. P. 529–548.
29. Koutrakou N. *Soldiers and propaganda. Some Remarks on military propaganda methods and messages in Middle Byzantine Politics // Kolia-Dermitzaki A., et al. eds. Histories of War in South-Eastern Europe. An Approach in the longue durée*. Athens, 2108. P. 279–306.
30. Letsios D. *Die Kriegsgefangenschaft nach Auffassung der Byzantiner // ByzSlav 53 (1992)*. P. 213–227.
31. Letsios D. *Die vigilantia Caesaris am Beispiel des “schlaflosen Justinian” // E. Chrysos and A. Fourlas, eds. Festgabe für Professor Johannes Straub*. Athen, 1989. P. 122–146.

32. Magdalino P. Knowledge in authority and authorised history: the imperial intellectual programme of Leo VI and Constantine VII // *Authority in Byzantium*, ed. Armstrong P. Farnham, 2013. P. 187–209.

33. Mcgeer E. *Sowing the dragon's teeth. Byzantine warfare in the tenth century*. Washington, 1995.

34. Nakada N. The Taktika of Leo VI and the Byzantine eastern frontier during the ninth and tenth centuries // *Spricilegium, Online Journal of Japan Society for Medieval European Studies* 1 (2017). P. 17–27.

35. Odorico P. Du première humanisme à l'encyclopédisme: une construction à revoir // *TM* 21/2 (2017). P. 23–42.

36. Picard C. *La mer des Califes, Une histoire de la Méditerranée musulmane*. Paris, 2015.

37. Pieler P. Ἀνακάθαρσις τῶν παλαιῶν νόμων und makedonische Renaissance // *SubGron* III (1989). P. 61–77.

38. Pryor J. H., Jeffreys E. M. *The Age of the ΔΡΟΜΩΝ. The Byzantine Navy ca 500–1204 (The Medieval Mediterranean 62)*. Leiden — Boston, 2006.

39. Riedel M. *Leo VI and the Transformation of the Byzantine Christian Identity*. Cambridge, 2018.

40. Schminck A. *Studien zu mittelbyzantinischen Rechtsbüchern (Forschungen zur byzantinischen Rechtsgeschichte 13)*. Frankfurt am Main, 1986.

41. Spieser J.-M. La 'renaissance macédonienne': de son invention à sa mise en cause // *TM* 21/2 (2017). P. 43–52.

42. Stouraitis Y., ed. *A Companion to the Byzantine Culture of War, ca. 300–1204 (Brill's Companions to the Byzantine World 3)*. Leiden, 2018.

43. Stoyanov Y. Norms of war in Eastern Orthodox Christianity // Popovski, V., Reichberg G. M. and Turner N., eds. *World religions and norms of war*. New York, 2009. P. 166–219.

44. Sullivan D. F. *Byzantine Military Manuals: Prescriptions, Practice and Paedagogy* // *Byzantine World*, ed. Stephenson, P. New York, 2010. P. 149–161.

45. Theotokis G. *Byzantine Military Tactics in Syria and Mesopotamia in the Tenth Century, a comparative study*. Edinburgh, 2018.

46. Tougher S. *The reign of Leo VI (886–912), politics and people (The Medieval Mediterranean, Peoples, Economies and Cultures, 400–1453, 15)*. Leiden-New York-Köln, 1997.

47. Tougher S. *The Imperial Thought-World of Leo VI: the non-Campaigning Emperor of the Ninth Century* // *Byzantium in the Ninth Century: Dead or Alive?* Ed. L. Brubaker. Aldershot, 1998. P. 51–60.

А. А. Хисматулин

**Результаты текстологии
в серии «Назидательная
литература эпохи
Салджукидов
на персидском языке:
оригиналы и подделки»**

Аннотация. Статья представляет собой часть Послесловия к серии «Назидательная литература эпохи Салджукидов на персидском языке: оригиналы и подделки», которое планируется к публикации в третьей, заключительной книге этой серии под названием «Три текста из салджукидских провинций». Статья сосредоточена на нескольких ключевых результатах текстологии в данной серии. В ней различаются три основных типа подделок и фальсификаций, скомпилированных в категории средневековой назидательной литературы: а) преднамеренное добавление текста со своей иллюстративно-доказательной

базой в конце глав и/или в конце всего аутентичного текста и приписывание итоговой компиляции какому-то известному автору — двухслойный пирог; б) преднамеренная комбинация фрагментов аутентичного текста с неаутентичными и приписывание итоговой компиляции какому-то известному автору — многослойный пирог; в) сокрытие авторства объёмных фрагментов, украденных из других текстов, т. е. плагиат, сопровождающийся искажением содержания этих фрагментов, — пирог с неаутентичной начинкой.

Ключевые слова. Арабиграфичная текстология; персидские зеркала для принцев; средневековые литературные подделки; *Сийар ал-мулук*; *Сийасат-нама*; *Айууха ал-валад*; *Панд-нама*; *Насихат ал-мулук*; *Фустат ал-'адала*.

Alexey A. Khismatulin

Results of textual criticism in the series The Persian Mirrors for Princes Written in the Saljuq Period: Originals and Fabrications

Abstract. The article is a part of the Afterword to the book series The Persian Mirrors for Princes Written in the Saljuq Period: Originals and Fabrications, which is planned for publication in the third and last book in this series under the title *Three texts from the Saljuqi provinces*. The article focuses on a few key results of textual studies in the series and distinguishes three main types of forgeries and fabrications compiled in the category of medieval advice literature: а) deliberate adding a text with its own illustrative and evidentiary base at the end of chapters and/or at the end of an authentic work and attributing the whole resulting compilation to a famous author — a double layer pie; б) deliberate combining fragments of an authentic text with inauthentic ones and attributing the resulting compilation to a famous author — a multi-layered pie; в) concealment of the authorship of voluminous fragments stolen from other texts, i. e. plagiarism accompanied by distortion of the content of these fragments — a pie with inauthentic filling.

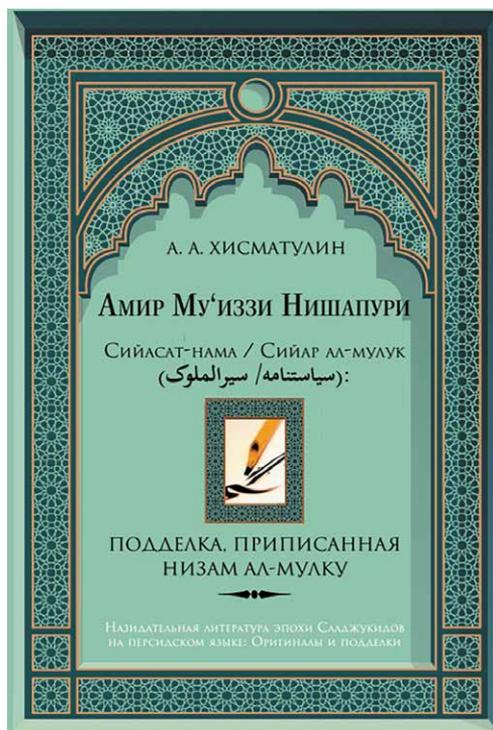
Keywords. Arabographic textual studies; Persian Mirrors for Princes; medieval literary forgeries; *Siyar al-muluk*; *Siyasat-nama*; *Ayyuha al-walad*; *Pand-nama*; *Nasihah al-muluk*; *Fustat al-'adala*.

Систематическое изучение средневековых научно-литературных подделок — это новое направление в арабографической текстологии. Нельзя сказать, что исследователи, занимаясь арабографическими текстами, совсем не сталкивались с проблемой подделок. Время от времени это происходило. Но дело всегда сводилось к каким-то частным случаям с финальными лаконичными формулировками: текст «приписывается такому-то» или текст в авторстве «псевдо-такого-то»¹. Иными словами, научный анализ никогда не доходил до систематизации разрозненных фактов о таких подделках, до определения критериев для их оценки и разработки методологии их изучения. Научно-исследовательский проект, а следом и серия из трёх книг, начатая в 2017 г. и завершённая в 2023 г. при поддержке Фонда исследований исламской культуры им. Ибн Сины, — это первая попытка систематического анализа небольшого числа подобных фактов.

Серию начинает подделка, которая вошла в классику персидской литературы под двумя названиями: *Siyasat-nama* (سیاستنامه) — «Книга о правлении» и *Siyar al-muluk* (سیر الملوك) — «Жития владык»². Этот текст до сих пор издаётся и переиздаётся в Иране под

¹ См., например, совсем свежие результаты исторического и текстологического анализа арабоязычного «Совета владыкам» (*Nasihah al-muluk*) и определение его автора как Pseudo-Mawardi в: Marlow L. Counsel for Kings: Wisdom and Politics in Tenth-Century Iran. 2 vols. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2016; и статью об аутентичности одного из сочинений, приписываемых Ибн Сине: Griffel Frank. On the Authenticity of the Throne Epistle (*al-Risāla al-'arshīyya*) Ascribed to Avicenna // D. De Smet, M. Sebti (eds.). *Penser avec Avicenne De l'héritage grec à la réception latine, en hommage à Jules Janssens*. Leuven-Paris-Bristol: Peeters, 2022. P. 193–229.

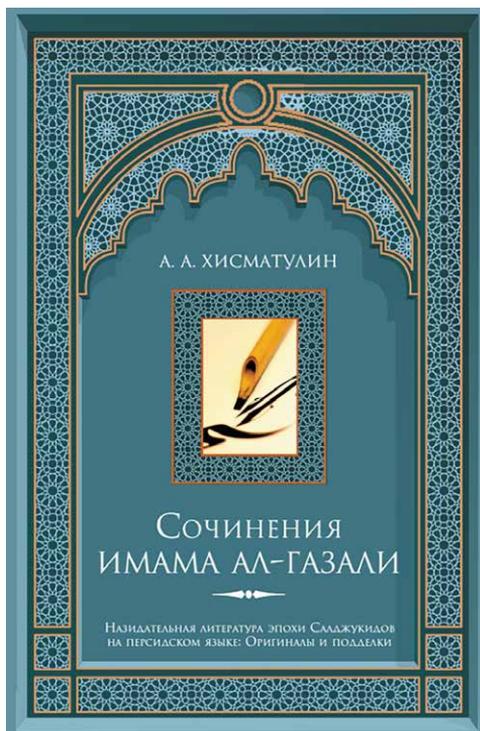
² Хисматулин А. А. Амир Му'иззи Нишапури. *Siyasat-nama/Siyar al-muluk* («Книга о правлении/Жития владык»): подделка, приписанная Низам ал-мулук. Серия: «Назидательная литература эпохи Салджукидов

авторством Низам ал-мулка (уб. 485/1092), выдающегося премьер-министра Салджукидов. Однако, как показывают результаты исторического и текстологического анализов, текст был скопирован Мухаммадом Му'иззи Нишапури (ум. между 518–522/1124–1128), главой департамента поэтов при салджукидских правителях Малик-шахе и его сыне Санджаре (ум. 552/1157), а затем приписан им перу убитого Низам ал-мулка с совершенно определёнными целями.

Вторая книга включает в себя практически все широко известные небольшие и назидательные сочинения на персидском языке, вышедшие из-под пера имама ал-Газали под конец его жизни либо

на персидском языке: оригиналы и подделки» (I). СПб.: «Петербургское Востоковедение»; М.: Садра, 2020.

позже ему приписанные¹. Книга состоит из двух частей. В первой представлены подлинные тексты имама: руководство-пособие для студентов, озаглавленное автором как *Зад-и ахират* (زاد آخرت) — «Путевой припас для грядущей жизни»; аутентичная часть послания ал-Газали султану Санджару под названием *Насихат ал-мулук* (نصيحت الملوك) — «Совет владыкам»; сборник писем имама к различным адресатам под заглавием *Фаза'ил ал-анам мин раса'ил Худжжат ал-ислам* (فضائل الامام من رسائل حجة الاسلام) — «Достоинства людей из посланий Довода ислама». Во второй части опублико-

¹ Хисматулин А. А. Сочинения имама ал-Газали. Серия: «Назидательная литература эпохи Салджукидов на персидском языке: оригиналы и подделки» (II). СПб.: Петербургское Востоковедение; М.: Садра, 2017, 2021².

ваны: до сих пор считавшееся подлинным письмо ал-Газали к его уже зрелому ученику, получившее известность в персидском оригинале и арабском переводе под двумя названиями — *Эй, фарзанд/Аййуха ал-валад* (ای فرزندان/ایها الولد) — «О дитя», а также две известные подделки под сочинения имама. Одна из них — это компилятивное письмо к некоему правителю под названием *Панд-нама* (پندنامه) — «Письмо с советами». Другая — текст, который был адресован салджукидскому султану и стал известен как под своим собственным названием — *ал-Фарк байна ас-салих ва-гайр ас-салих* (الفرق بين الصالح وغير الصالح) — «Разница между благочестивым и неблагочестивым», так и в качестве «второй части» *Насихат ал-мулук*, намеренно или механически присоединённой к аутентичному тексту.

Третья книга для облегчения каталогизации дана под заглавием «Три текста из салджукидских провинций», которое отражает общую особенность их происхождения — вдали от столичных городов империи Салджукидов. Сначала в книге планировалось издать лишь два хорошо известных текста: *Кабус-нама* (قابوس نامه) — «Книга Кабуса» Кай Кавуса б. Искандара б. Кабуса и *Чахар макала/Маджма' ан-навадир* (چهار مقاله/مجمع النواذر) — «Четыре беседы»/«Собрание анекдотов» Низами 'Арузи Самарканди. Но затем в изначальный план была внесена небольшая коррекция, и в серию был включён ещё один текст — *Фустат ал-'адала фи кава'ид ас-салтана* (فسطاط العدالة في قواعد السلطنة) — «Шатёр справедливости в правилах султаната», скомпилированный неким Мухаммадом ал-Хатибом в 683/1284–85 г. В связи с его значительным объёмом и для удобства пользования он публикуется отдельно во второй части третьей книги и, надеюсь, станет приятным бонусом для читателя, которому приглянулась эта серия.

Текстологический анализ опубликованных текстов ограничен: хронологическими рамками — эпоха правления Салджукидов; категорией — назидательная литература; языком — персидский. В связи с введёнными ограничениями данный анализ не претендует на всеохватность предложенной методологии. Тем не менее какие-то методы исследования, использованные при текстологическом анализе выявленных подделок, надеюсь, смогут пригодиться при изучении текстов с сомнительным авторством,

которые были созданы в другие эпохи и на других языках, прежде всего на арабском. Быть может, эти методы также дадут толчок для дальнейших исследований в указанном направлении, которым должен предшествовать общий предварительный анализ каждого конкретного случая.

Прежде чем начинать исследование текста с сомнительным авторством, необходимо ясно представлять зону ответственности тех специалистов, которые так или иначе вовлечены в работу с любым текстом. Это поможет предвидеть, на каком этапе работы при определении подлинности текста и его авторства может возникнуть или уже возникла методологическая ошибка, которая в дальнейшем с большим трудом поддаётся исправлению.

Манускриптологи и кодикологи. С них всё начинается. Они исследуют рукописи как артефакты материальной культуры и лишь отчасти соприкасаются с текстом. Судя по опубликованным каталогам, в полной форме описания их работа с ним, как правило, ограничивается указанием его автора, названия, иногда приведением резюме содержания, инсипитов и эксипитов (колофонов), определением его жанровой принадлежности, даты и места переписки (если они даны в тексте), имени переписчика (если указан) и вида почерка. Реже к описанию добавляется кодикологическая информация — наличие художественного оформления, владельческих записей и штампов, записей на полях, характеристики бумаги и чернил и т. п. Если для простоты прибегнуть к бытовому сравнению, то работа этих специалистов сводится к описанию стола (рукописи) как материального носителя обеда (текста): из чего сделан стол, когда, в каком виде и т. п. Анализ входящих в такой обед блюд даётся в сжатом виде: первое блюдо, второе и компот; приготовлены тогда-то таким-то поваром (автором); доставлены таким-то официантом (переписчиком).

На данном этапе иногда допускаются ошибки в названии текста и его атрибуции. Причина проста. Если рукописники сталкиваются со средневековой подделкой или ложной атрибуцией, то у них зачастую нет иного выбора, кроме как повторить то же название и ту же атрибуцию текста, которые указаны в рукописи, находящейся в их распоряжении. Результат их труда — подго-

товка каталогов с более или менее полным описанием рукописей в основном в тех хранилищах, где манускриптологи работают. Сопоставление подготовленного описания рукописи с описаниями других рукописей с таким же названием и авторством, которые были уже опубликованы по другим хранилищам, не даёт ничего принципиально нового для анализа представленного в них текста (разумеется, исключая отличия в тех позициях, по которым сделано описание), т. к. опубликованной информации недостаточно для его проведения.

Кроме того, количество специалистов в данной области крайне ограничено. С одной стороны, это вызвано объективной необходимостью иметь огромный опыт работы с рукописями, который появляется только с годами, и большой трудоёмкостью, когда одно краткое описание в каталоге требует, порой, нескольких недель кропотливых поисков, отнюдь не всегда успешных. С другой стороны, подготовка таких специалистов в профильных научно-исследовательских институтах и рукописных хранилищах становится весьма проблематичной, если среди преподавателей вузов нет представителей этой специальности. Студенты зачастую просто не получают представления об огромной базе данных рукописных текстов на восточных языках и способах работы с ней. Но даже получив такое представление, считанные единицы решаются предпочесть уникальную специализацию моментальной материальной отдаче от своей учёбы в вузе. В результате возникает неизбежный дефицит кадров, который особенно остро ощущается сейчас не только в РФ. Даже усиливающаяся тенденция размещать в свободном доступе на сайтах крупнейших библиотек цифровые копии рукописей не спасает ситуацию — прочесть их могут единицы, а их машинное оптическое распознавание (OCR) и перевод в полноценный текстовый формат пока ещё не достигли требуемого качества даже в основных видах арабграфических почерков, не говоря уже об индивидуальных.

Тектологи. Эти специалисты работают непосредственно с текстом, анализируя его, сравнивая разные редакции и выявляя различия. Если вернуться к бытовому примеру с сервированным

под обед столом, то здесь акцент делается на анализе блюд: их состав, рецепт приготовления, квалификация повара и т. д. Результатом работы текстологов становятся два вида публикаций.

Во-первых, публикация статьи (статей), которая основана на проведённом экспресс-анализе одного или нескольких рукописных текстов, выбранных по теме статьи. При отработанной методологии и имеющихся навыках такой подход позволяет охватить достаточно большое количество текстов, оперативно провести их анализ и опубликовать его результаты. Яркий пример — исследования В. В. Бартольда (ум. 1930). Основной недостаток этого подхода — недоступность рукописей для других исследователей и, как следствие, невозможность проведения ими критической оценки результатов исследования. Хадис: по устному свидетельству О. Ф. Акимушкина (ум. 2010), В. Бартольд, поняв, что некоторые из коллег, не упоминая его работ, ссылаются на те же рукописи, которые были использованы им, стал преднамеренно давать неверные ссылки на листы рукописей, тем самым сразу понимая, кто действительно их читал, а кто втихомолку использовал результаты его исследований, не имея непосредственного доступа к ним.

Большинство средневековых арабографичных текстов до сих пор доступны только в рукописях. Это внушительная база данных, которая является ключевым источником информации об исторических событиях прошлых эпох. Поэтому на практике от текстологического экспресс-анализа рукописных текстов никуда не уйти. Отличительная черта сегодняшнего дня состоит в том, что благодаря повальной оцифровке всего и вся рукописные тексты стали более доступны, чем во времена того же В. Бартольда, и с ними может ознакомиться большее число специалистов, разумеется, из тех, кто обладает навыками их чтения.

Во-вторых, это подготовка и издание критического текста, если он представлен в нескольких рукописях¹, или его факси-

¹ О понятии «критический текст», в частности применительно к изданию арабографичных текстов, см. информативную статью: Акимушкин О. Ф. Научное изучение текста памятника и «критический текст» // Акимушкин О. Ф. Средневековый Иран: Культура, история, философия. СПб.: Наука, 2004. С. 161–180.

мильное издание (современный вариант — цифровая копия на сайте), если он уникальный. Публикация того или другого вводит текст в широкий научный оборот, предоставляя возможность большому числу исследователей с ним ознакомиться и высказать своё мнение. Иногда критическое издание предваряется аналитическим введением, в котором проведён текстологический анализ выявленных редакций. Но чаще при отсутствии редакций или их игнорировании введения ограничиваются тем, что предлагают информацию об авторе и его эпохе, дате создания текста, рукописях, собранных для подготовки издания, особенностях почерка и языка и т. п., а в комментариях к тексту помимо разночтений даются биографические и лексикологические справки.

Численность текстологов чуть больше, чем манускриптологов, но тоже весьма ограничена, опять-таки из-за крайней трудоёмкости и больших затрат по времени, необходимых на поиск и анализ ключевых рукописей по мировым хранилищам, заказ их копий, построчное сопоставление текстов, фиксирование разночтений и финальную подготовку критического текста. Усугубляет ситуацию то, что к проблемам подготовки критического текста добавляются ещё и проблемы финансирования его издания, особенно если он ориентирован на узкий круг специалистов.

Литературоведы и историографы. Эти специалисты завершают работу с текстом, полагаясь на выводы, к которым пришли текстологи. Они анализируют текст уже с точки зрения литературоведения и историографии, жанровой принадлежности, литературных приёмов и т. п., определяя его место среди ему подобных. Численность учёных в данной области куда выше их численности в двух первых областях. Их публикации — это по сути дальнейшее продвижение текста на интеллектуальном рынке, сопровождаемое результатами как их собственной работы, так и работы текстологов, ну и финальное достижение консенсуса по поводу его места и роли в той или иной культуре.

Переводчики. Они вводят текст в иноязычную культуру, полагаясь на работу текстологов и литературоведов, представляют автора и знакомят с ним специалистов и читателей, не владеющих языком оригинала. Численность профессиональных

переводчиков в данной области нельзя назвать большой, т. к. она во многом определяется качеством их подготовки в образовательных учреждениях, их дальнейшей специализацией и собственным опытом переводческой деятельности. Результат их работы — тиражирование текста в иноязычной культуре и ознакомление её читателя с результатами, уже достигнутыми другими исследователями.

Перечисленные категории специалистов очень часто выступают на практике в каком-то сочетании: манускриптолог-текстолог, текстолог-переводчик, литературовед-переводчик и т. д. При этом если в работе манускриптолога допущена ошибка или неточность, возникающая, как правило, из-за ограниченного числа рукописей, к которым он имел доступ при подготовке каталога, то шанс её исправить всегда есть у текстолога, который перепроверяет рукописи для анализа текста. А вот если ошибка допущена текстологом, то далее она ретранслируется многочисленными литературоведами, историографами и переводчиками и исправить её крайне сложно. Здесь экспресс-анализ текста, сделанный без критического издания на основе лишь одного-двух списков, может оказать медвежью услугу, а опубликованные выводы зададут в дальнейшем ошибочный тренд. Ситуация становится куда плачевнее, если текст вообще не подвергается никакому анализу, а сразу вводится в научный оборот через иноязычный перевод на основе какой-то рукописи или печатного издания, сопровождается только литературоведческим введением и лишь вскользь затрагивает вопросы манускриптологии и текстологии.

Если речь идёт о тексте сомнительного авторства и подлинности, то с учётом перечисленных этапов работы с текстом основная нагрузка по его атрибуции ложится на текстологов. Они обязаны проверить работу манускриптологов и дать своё беспристрастное заключение для его дальнейшего распространения литературоведами и историографами. При этом они могут столкнуться с препятствиями, которые не позволят им выделить различные редакции текстов и/или идентифицировать подделку.

В число препятствий входят: предпочтение одной редакции текста в ущерб другой, исходя лишь из датировки рукописи;

отсутствие исчерпывающей информации об историческом и идеологическом контексте, в котором был создан текст; неверная интерпретация специфической и профессиональной терминологии, использованной в тексте; работа с неавторским переводом текста на другом языке; средневековая ложная атрибуция текста или его целенаправленная фабрикация с припиской известному автору, послужившие причиной формирования общепринятого мнения об авторстве этого текста.

Здесь имеет смысл отдельно остановиться на последнем препятствии и подчеркнуть один нюанс. Любая подделка, созданная с какими-то целями ещё в Средневековье, получившая уже тогда ложное авторство и растиражированная в таком виде, была рассчитана на свою целевую читательскую аудиторию. Если эта целевая аудитория до сих пор присутствует в обществе, то она будет поддерживать и ретранслировать то мнение об авторстве текста, которое имел в виду его фальсификатор. Особенно это касается подделок, рассчитанных на целевую аудиторию, которая представляет какой-то *мазхаб* внутри ислама, находящийся в постоянной конкуренции со своими оппонентами: шииты vs сунниты, суфизм vs традиционный ислам и т. п. Подделки, приписанные имаму ал-Газали, наглядный пример попыток создать предпосылки для формирования общепринятого мнения среди определённых религиозных общин внутри ислама. Просто уму непостижимо, чего только ему не приписывалось ранее и приписывается до сих пор! Поэтому беспристрастное заключение текстолога напрямую связано с его профессиональной честностью в условиях уже сформировавшегося консенсуса по поводу аутентичности того или иного текста.

Итоги серии

Три книги серии были посвящены трём известным и профессиональным иранским текстологам-историкам, которые внесли очень серьёзный вклад в мировую иранистику исламского периода: Муджтабе Минуви (Mujtaba Minuwi, ум. 1977), 'Аббасу

Икбалу Ашти́йани (‘Abbas Iqbal Ashtiyani, ум. 1956) и Мухаммаду Казвини (Muhammad Qazwini, ум. 1949)¹. Наряду с изучением оригиналов рукописей, сбором их копий и публикацией научных статей по представленным в них текстам — повседневной рутинной востоковеда конца XIX—XX в., они подготовили качественные критические издания и опубликовали ряд важнейших средневековых источников классической персидской литературы, без которых обучение будущих специалистов в этой области сейчас просто немыслимо ни в самом Иране, ни за рубежом. Поэтому, пожалуй, самый главный результат их работы — это наглядная демонстрация исследователям того, как надо вводить средневековые тексты в научный оборот и как критически относиться к тому, что написали их авторы.

Некоторые из опубликованных ими текстов вошли в данную серию по критерию их принадлежности к категории назидательной литературы. Под определения «назидательная литература» (*advice literature*), «зеркала для принцев» (*the Mirrors for Princes, der Fürstenspiegel*), «княжеские зеркала» (*speculum principum*), или в персидских терминах *андарз-нама* (اندرزنامه) и *адабийат-и та‘лими/андарзи* (ادبیات تعلیمی/اندرزی) подпадает достаточно большое число внешне очень разных текстов, которые содержат назидания, нравоучения, советы, увещевания, наставления, афоризмы и указания поступать так или эдак в любой области.

As a literary designation, the term andarz denotes the type of literature which contains advice and injunctions for proper behavior, whether in matters of state, everyday life, or religion. In a wider sense it may be applied to the whole range of wisdom literature, i.e. literature which presents instructive material in an attractive style making it accessible to those without specialized education. <...> In the strict application of the

¹ О них см.: Omidšalar M. Minovi, Mojtabā; Afšār Īraj. Eqbāl Aštīāni, ‘Abbās; Omidšalar M. Qazwini, Mohammad // *EIr*, online edn.; see Литература (Bibliography) for online ref.

*term, andarz compositions consist of short, didactic sentences of gnomic character, most often only loosely grouped together*¹.

В качестве литературного определения термин «андарз» обозначает тип литературы, которая содержит советы и предписания для правильного поведения, будь то в вопросах государства, повседневной жизни или религии. В более широком смысле его можно применить ко всему спектру литературы мудрости, т. е. к литературе, которая представляет поучительный материал в привлекательном стиле, что делает его доступным для тех, кто не имеет специального образования. <...> В строгом применении этого термина андарз-композиции состоят из коротких дидактических предложений гномического характера, чаще всего слабо сгруппированных вместе.

Единственное, на чём сходятся столь разнообразные определения, это стремление передать некий практический опыт, основанный на Законе Божьем и традициях и доказавший свою эффективность в прошлом. Но при этом адресаты — разные, зона их профессиональной и/или религиозной ответственности — разная, опыт — тоже разный. То, что пригодится в жизни ученику имама ал-Газали, лишь отчасти подойдёт султану. Отсюда выделение из всего корпуса назидательной литературы группы текстов, адресованных специфической целевой аудитории, элите общества — султанам, халифам и их ближайшему окружению, от практического опыта которых зависело принятие решений во многих сферах жизни тогдашнего социума. В самом общем виде эту группу текстов сегодня причисляют к жанру «зерцал для принцев» / «княжеских зерцал», исходя, по-видимому, из лексического значения понятия *genre* («род») и тем самым выделяя некий подвид назидательной литературы.

If the 'mirror for princes' constitutes a 'genre', its identifying features tend to be functional rather than formal: the term has been applied to compositions

¹ Shaked S., Safa Z. *Andarz and andarz literature in pre-Islamic Iran; Andarz literature in New Persian // EIr*, online edn.; see Литература (Bibliography) for online ref.

ranging from brief sententiae to collections of stories to long epic poems. In Arabic, Persian and Turkish contexts, the raison d'être of the mirror literature lies in its overt advisory function. The phrases nasihat al-muluk (Arabic), 'counsel for kings', as well as andarz-nameh (Persian), pand-nameh (Persian) and nasihatname (Turkish), 'book of advice', came to be used to describe the genre and to identify compositions that belonged to it¹.

Если 'зерцало для принцев' представляет собой 'жанр', то его отличительные черты, как правило, носят скорее функциональный, чем формальный характер: этот термин применялся к сочинениям, начиная от кратких сентенций и заканчивая сборниками рассказов и длинными эпическими поэмами. В арабском, персидском и турецком контекстах смысл существования литературы зеркал заключается в её явной консультативной функции. Фразы насихат ал-мулук (араб.) — 'советы царям', а также андарз-нама (перс.), панд-нама (перс.) и насихат-нама (тюрк.) — 'книга назиданий', стали использоваться для описания этого жанра и определения принадлежавших ему сочинений.

Но лишь только введя понятие или даже термин «литературный жанр», мы тут же сталкиваемся с массой его определений в зависимости от того, на чём делают акцент исследователи и какой аспект жанра они ставят во главу угла. Большинство из них всё-таки сходятся на формальном аспекте, в целом определяя жанр как набор компонентов жанровой формы. Эти компоненты всегда были подвижными в зависимости от времени и эволюции общества: отмирали, появлялись, видоизменялись, заменялись.

Наглядный пример — самый древний и до сих пор сохранившийся в литературе эпистолярный жанр (*the epistolary genre*), т. е. текст либо в форме полноценного письма, либо ужатый до размеров, который позволяет формат открытки, либо в виде чеканной телеграммы, либо в виде набора куцых сообщений в современных мессенджерах. Похожий ряд можно выстроить и для исламского эпистолярного жанра: *мактуб/нама* (مکتوب/نامه) —

¹ Marlow L. *Medieval Muslim Mirrors for Princes: An Anthology of Arabic, Persian and Turkish Political Advice*. Cambridge: Cambridge University Press, 2023. P. 5.

полноценное ‘письмо’; *рисала* (رساله) — ‘послание’; *хатт* (خط) — ‘записка’; *рук‘а* (رقعه) — ‘цедула’; *мулаттафа* (مطافه) — ‘депеша’/‘спешное донесение’; *инха* (انهاء) — ‘донос’; *пайам* (پیام) — ‘сообщение’ в мессенджерах.

Разница между ними разительная не только по объёму и эволюционировавшим средствам связи (голубиная vs электронная почта). Текст в них может отличаться и по стилю — официально-деловой, разговорный, публицистический или художественный. Официально-деловые письма в свою очередь делятся на множество разновидностей в зависимости от конкретных целей. Но во всех этих формах есть и общие черты по сравнению с другими жанрами — чёткое выделение адресата и адресанта, их разделённость в физическом пространстве, которая отражается в тексте, лаконичность композиции, конкретика ключевого сообщения и ряд других. Если письма в художественном стиле придуманы одним автором и объединены одной сюжетной линией, то мы получаем уже эпистолярный роман (*the epistolary novel*) — роман в письмах, совсем другой жанр. Но, пожалуй, ни один литературный жанр за исключением ‘зерцал для принцев’/ ‘княжеских зеркал’ не определяется в связи с адресатом.

Так, если рассматривать письма имама ал-Газали, опубликованные во второй книге серии под заглавием *Фаза‘ил ал-анам мин раса‘ил Худжжат ал-ислам* (فضائل الامام من رسائل حجة الاسلام) — «Достоинства людей из посланий Довода ислама», то они несомненно имеют все признаки эпистолярного жанра. Но при этом многие из них содержат советы имама своим высокопоставленным адресатам. Тогда, что в них первично: эпистолярный жанр или жанр ‘княжеских зеркал’? Этот вопрос останется открытым, если не перевести назидательную литературу в наджанровую категорию либо сформулировать такое определение для литературного жанра, которое наряду с описанием формы учитывало бы и конечного адресата, например, жанр детектива для следователя/преступника/адвоката/свидетеля/...

Ещё один вопрос связан с «явной консультативной функцией» (*overt advisory function*) назидательных текстов, которые были созданы при Дворах салджукидских султанов. Формально это

так и есть. Необходимость эффективно управлять обширными территориями привела к развитию бюрократической системы как в Арабском халифате, так и в Салджукидской империи. Практический опыт, накопленный за исламский период, а также опыт, адаптированный из доисламской истории, передавался через сочинения, руководства и пособия в самых разных областях. По сути, эти тексты адресовались различным представителям исполнительной власти, начиная с премьер-министра, и обслуживали их интересы, становясь административной литературой. По мнению К. Босворта (С. Bosworth, ум. 2015), в таком же качестве функционировала и назидательная литература для представителей законодательной власти.

Mirrors for princes and manuals of statecraft. This genre of medieval Arabic literature, although limited in its surviving extent and fated to have a subsequent development more in Persian and Turkish literature, can legitimately be included in a survey of administrative literature¹.

Зерцала для принцев и руководства по государственному управлению. Этот жанр средневековой арабской литературы, хотя и ограниченный в своём дожившем до нас объёме и предназначенный получить дальнейшее развитие больше в персидской и турецкой литературе, может быть законно включён в обзор административной литературы.

Тексты в этой категории могли выражать адресату-султану только полную лояльность и выполнять лишь консультативную функцию в отличие, скажем, от сочинений по медицине, астрономии, налогообложению, географии и т. п. С другой стороны, их авторы, в основном представители тогдашней богемы, — хорошо образованные секретари, литераторы и поэты преследовали сугубо утилитарные цели, создавая такие тексты в качестве

¹ Bosworth C. Administrative literature // M. Young, J. Latham, & R. Serjeant (eds.). *Religion, Learning and Science in the 'Abbasid Period*. The Cambridge History of Arabic Literature Cambridge: Cambridge University Press, 1990. P. 165.

письменного обоснования для приёма на работу при Дворе, своего карьерного роста и получения вознаграждения.

Some desired a stable position in court, such as that of a secretary, a scribe in the office of correspondence (diwan al-rasa'il), a librarian, or a boon companion, whereas others pursued their patron's occasional gifts and allowances <...> Ideally, the candidate's reputation should have preceded him, but he might have had to establish (or reestablish) ties with a patron by sending along a writing sample—a letter, poem, or book—that demonstrated his talent. The litterateur might explicitly declare his wish to visit the court. If returning to a court, it was opportune for the litterateur to justify his absence and apologize for it¹.

Некоторые хотели постоянной должности при Дворе, например, секретаря, переписчика при Министерстве канцелярии (diwan al-rasa'il), библиотекаря или наперсника, тогда как другие гнались за эпизодическими подарками и пособиями своего покровителя <...> В идеале репутация кандидата должна была предшествовать ему, но он мог быть вынужден устанавливать (или восстанавливать) связи с покровителем, отправляя написанный образец — письмо, стихотворение или книгу, — который демонстрировал его талант. Литератор мог прямо заявить о своём желании посетить Двор. В случае возвращения ко Двору литератор должен был оправдать своё отсутствие и извиниться за него.

Репутация кандидата — это наследственная преемственность в профессии, таланты и опыт работы, лояльность к действующему султану и его администрации. Идеальный вариант — сочетание в одном кандидате всех факторов. Созданный им текст — средство достижения перечисленных выше целей. При таком взгляде на назидательные тексты, адресованные правителям, их подлинное предназначение выглядит уже несколько иным, а соблюдение

¹ Orfali Bilal. Employment opportunities in literature in tenth-century Islamic courts // Sabine Schmidtke (ed.). *Studying the Near and Middle East at the Institute for Advanced Study, Princeton, 1935–2018*. Piscataway, NJ: Gorgias Press, 2018. P. 244–245.

консультативной функции становится чистой формальностью. Обладая определёнными навыками, эту формальность можно было воспроизвести, создав назидательный текст, который ни к чему не обязывал его автора, но при удачном стечении обстоятельств мог дать ему приличные дивиденды. Благодатная почва для возникновения целенаправленных подделок, некоторые из которых представлены в данной серии.

Текстология

Создание любого научно-литературного текста требует от автора наличия иллюстративно-доказательной базы (*the illustrative and evidentiary base*, далее — ИДБ). По сути это — индивидуальная база данных тех источников, сведения из которых автор запомнил и выучил наизусть в процессе обучения, имел под рукой в рукописном варианте, услышал от кого-то в изустной передаче, привлёк из личного жизненного и профессионального опыта или даже придумал. Понятие ИДБ применимо для анализа многих прозаических текстов, к какой бы категории они ни относились, потому что оно подразумевает авторскую логику. Делая какое-то заключение или вывод, автор должен его чем-то обосновать. Из этого неизбежно следует, что ИДБ у каждого автора своя: у литератора — одна, у имама — другая, у медика — третья. Это отнюдь не значит, что литератор не может использовать в качестве аргумента хадисы, а имам стихи. Вопрос в составе и соотношении компонентов ИДБ. С учётом того, что многие мусульманские авторы были разносторонне образованы и, зарабатывая на жизнь в одной сфере, могли одновременно писать серьёзные книги в другой, состав ИДБ определялся целевой аудиторией и задачами, которые ставил перед собой тот или иной автор при создании текста, и соответствовал его точке зрения на обсуждаемый вопрос, его образованию и духовному развитию.

Несмотря на комбинацию разных компонентов ИДБ, у одного мусульманского автора такая база больше доказательная. Прежде всего ему нужны цитаты из Корана, хадисов и выдержки из трудов авторитетных предшественников, чтобы подтвердить свои слова или опровергнуть слова оппонента, а уж потом проиллюстриро-

вать их сведениями из других источников. К началу эпохи Салджукидов Коран был давно письменно зафиксирован, сборники хадисов для последователей разных мазхабов всюду циркулировали, высказывания авторитетных предшественников в разных антологиях уже собраны. Выбирай, что хочешь, и аргументируй.

Например, ИДБ у имама ал-Газали при анализе практически любого значимого вопроса в его *Ихйа’ ‘улум ад-дин* (احياء علوم الدين) — «Воскрешение религиозных наук» — состоит в основном из доказательных компонентов: а) коранических цитат (если есть); б) хадисов от пророка Мухаммада и доисламских пророков, сподвижников и последователей; в) высказываний суфийских авторитетов; г) примеров из повседневной жизни. По грубым подсчётам, такая база, подобранная имамом во многих его произведениях, занимает в среднем 2/3 от общего текста. В её составе прежде всего видны результаты работ предшественников, принадлежавших к его собственной религиозно-правовой школе-мазхабу, а уже потом все остальные. На оригинальные выводы ал-Газали приходится оставшаяся 1/3 или того меньше, что вполне соответствует соотношению синтеза и анализа, которое характерно и для современных аналитических работ.

У другого автора ИДБ больше иллюстративная. В ней преобладают рассказы, притчи, стихи, примеры из жизни и фантазии, которые иллюстрируют авторские тезисы или выводы. Попытки собрать антологию рассказов и поучительных историй предпринимались арабоязычными авторами ещё до начала эпохи Салджукидов. Наглядный пример — многотомная антология *Нишвар ал-мухадара ва-ахбар ал-музакара* (نشوار المحاضرة واخبار المذاكرة) — «Жвачка для обсуждения и известия для упоминания»¹ и *Ал-Фарадж ба’д аш-шидда* (الفرج بعد الشدة) — «Утешение вслед за тягостью» буйидского судьи и по совместительству литератора Абу ‘Али

¹ Извлечения из этой книги доступны в русском переводе: Абу Али аль-Мухассин ат-Танухи. Занимательные истории и примечательные события из рассказов собеседников / пер. с араб. И. Фильштинского. М.: Наука, 1985. Нишвар (نشوار) арабиз. от перс. нушхар (نشخوار) — ‘жвачка’. Один из вариантов английского перевода — Snippets of conversation and memorable tales.

ал-Мухассина ат-Танухи (ум. 384/994). Потребность в подобных антологиях на персидском языке ощущалась на протяжении всего правления Салджукидов, но была удовлетворена лишь в первой трети VII/XIII в. в труде *Джавами' ал-хикайат ва-лавами' ар-ривайат* (جوامع الحكايات ولوامع الزوايات) — «Собрания рассказов и блески изводов» Мухаммада ал-'Ауфи¹. Переведя на персидский *Ал-Фарадж ба'д аш-шидда*, он решил написать нечто более грандиозное, чем ат-Танухи, в результате собрав базу данных из более чем 2100 исторических рассказов и полуисторических анекдотов о знаменитых людях разных эпох.

Имея такие базы данных, средневековые авторы могли куда быстрее и легче подбирать компоненты для своей ИДБ. Её выделение из общего текста показывает объём собственно авторского текста, позволяя соотнести работу в целом либо с чистой компиляцией (*та'лиф*), чья оригинальность определяется подборкой источников для её составления, либо с сочинением (*тасниф*), в котором автор развивает и обосновывает свои новаторские мысли и идеи². В обоих случаях индивидуальная авторская ИДБ может выступать объектом сравнительного текстологического анализа при определении подлинности авторства.

¹ О книге: Kargar D. *Jawāme' al-hekāyāt* // *EIr*, online edn.; see Литература (Bibliography) for online ref. Русский перевод 215 рассказов см.: 'Ауфи, Садид ад-дин Мухаммад. *Джавами' ал-хикайат ва лавами' ар-ривайат* («Собрание рассказов и блестящие истории») / предисл., пер. с перс., коммент., приложения и указатель Тимура К. Бейсембиева. Алма-Ата: ТОО «Print-S», 2005. Переводы Т. К. Бейсембиевым (ум. 2016) отдельных групп рассказов можно с лёгкостью найти в Интернете в свободном доступе.

² О *таснифах* и *та'лифах* см.: Khismatulin A. Islamic Education Reflected in the Forms of Medieval Scholarly Literature: *Jam'*, *Ta'lif*, and *Tasnif* in Classical Islam // Sebastian Günther (ed.). *Knowledge and Education in Classical Islam: Religious Learning between Continuity and Change*. Leiden: Brill, 2019. In 2 vols. Vol. I. P. 475–487. Русская версия: Хисматулин А. Виды мусульманской научной литературы в X–XV вв.: сочинения (*тасниф*) и компиляции (*та'лиф*) // *Рахмат-наме: сб. статей в честь 70-летия Р. Р. Рахимова* / отв. ред. М. Е. Резван. СПб.: МАЭ РАН, 2008. С. 410–443.

Такой анализ был проведён в трёх книгах серии, в которых представлено 10 основных текстов. Пять из них — это аутентичные тексты, причисляемые сегодня к категории назидательной и административной литературы. Они дают возможность увидеть разницу между оригиналами и подделками. Оставшиеся пять относятся к разряду преднамеренных подделок или текстов с ложной атрибуцией, скомпилированных с вполне конкретными целями и для конкретной целевой аудитории. Обобщённые результаты исследовательских введений к опубликованным подделкам представлены ниже по четырём основным критериям: способ подделки, ИДБ, адресат и цель.

1. Двуслойный пирог. Если второй автор целенаправленно добавляет текст со своей ИДБ в конце глав и/или в конце всего аутентичного сочинения первого автора, при этом приписывая ему всю получившуюся компиляцию, то можно говорить об умышленной подделке — намеренное присоединение неаутентичного текста к подлинному. Если это происходит непреднамеренно, а по вине нерадивых переписчиков, выпустивших заголовок второго текста, или переплётчиков, неправильно сшивших тетради и в результате запустивших объединённый текст в дальнейшую переписку, то речь идёт о ложной атрибуции. Способ идентификации в обоих случаях — обоснованное отделение текста первого автора от приписанных ему добавлений.

Сийар ал-мулук (سير الملوك). Как показали результаты исторического, кодикологического и текстологического анализов, текст был скомпилирован Мухаммадом Му‘иззи Нишапури, главой департамента поэтов при салджукидском правителе Малик-шахе, а затем приписан им перу убитого Низам ал-мулка. Способ подделки — присоединение комментария со своей ИДБ сначала в конце большинства статей подлинного юридического документа, а затем и в конце всего документа. Этот документ, имеющий свою структуру и стиль, был положен в основу подделки и выделен в исследовательском введении в качестве независимого текста. Адресат подделки — Мухаммад-Тапар б. Малик-шах (ум. 511/1118), новый верховный правитель Салджукидов. Цель подделки — получение статусной должности при его Дворе.

«Вторая часть» *Насихат ал-мулук* (بخش دوم نصیحت الملوك). Она долгое время считалась принадлежавшей перу ал-Газали, но общими усилиями разных учёных было неоспоримо доказано, что это не так. Способ подделки — присоединение «второй части» к подлинной первой в авторстве ал-Газали, несмотря на совершенно разные ИДБ в двух частях. Если это было сделано преднамеренно, то получившийся в результате текст из двух разных частей, но под одним заголовком становится подделкой. В такую же подделку превращается его перевод на арабский *Am-Tibr ал-масбук фи насихат ал-мулук* (التبر المسبوك في نصيحة الملوك) — «Золотой слиток в совете владыкам». Адресат подделки по первой, аутентичной, части — султан Санджар. Цель подделки по второй, неаутентичной, части — получение должности при Дворе.

2. Многослойный пирог. Если второй автор целенаправленно перемежает фрагменты подлинного текста с неаутентичными, приписывая получившийся текст первому автору. В результате ИДБ становится смешанной, а иной раз подвергается целенаправленному редактированию. Это наиболее сложная категория подделки с точки зрения обоснования её неаутентичности. Ведь всегда можно резонно возразить, что со временем автор на что-то поменял свою точку зрения или вовсе пересмотрел свои взгляды, особенно когда для этого есть формальный повод.

Эй, фарзанд/Аййуха ал-валад (ای فرزندانِ اَیها الولد) — текст, долгое время приписывавшийся перу ал-Газали, а некоторыми приписывается ему до сих пор. Способ подделки — целенаправленная компиляция, созданная одно-два поколения спустя после смерти имама из фрагментов разных текстов, написанных по-персидски: двух его подлинных писем (№ 4 — частично, № 33 — полностью); *‘Айнийя* (عینیة) — «Адресованное ‘Айну» — письма его младшего брата Ахмада ал-Газали (ум. 520/1126) своему знаменитому ученику ‘Айн ал-Кудату ал-Хамадани (казнён 526/1131); собственного письма ‘Айн ал-Кудата (№ 73). Взятая из *‘Айнийя* ИДБ была преднамеренно искажена при компиляции. Хадисы, процитированные в ней без указания авторов, приобрели их буквально «с потолка» в *Эй, фарзанд*. Позднее созданная подделка была переведена на арабский язык, став популярной под заглавием

Аййуха ал-валад, а с арабского — на староосманский. Адресат подделки — некий ученик, получивший образование якобы у Мухаммада ал-Газали. Цель подделки — привлечение этого ученика к суфийской практике.

Панд-нама (پندنامه) — поздняя компиляция, приписанная ал-Газали. Способ подделки — целенаправленная комбинация фрагментов, взятых из разных сочинений имама, но в основном из его *Кимийя-йи са'адат* (کیمیای سعادت) — «Эликсир счастья»¹, с неаутентичными фрагментами. Адресат подделки — некий правитель преклонного возраста. Цель подделки, судя по фрагментам, внедрённым от себя компилятором, — убедить адресата в необходимости религиозной практики.

3. Пирог с неаутентичной начинкой. Преднамеренное редактирование содержания аутентичного текста. Речь не идёт об ошибках переписчиков или осовременивании текста путём замены в нём устаревших слов и фразеологизмов, своего рода апдейте — практике, к которой нередко прибегали средневековые переписчики и редакторы, пытаясь расширить современную им читательскую аудиторию. Здесь имеется в виду сокрытие авторства объёмных фрагментов, украденных из других текстов, т. е. о плагиате, сопровождавшемся искажением содержания этих фрагментов. Если последовательность приведения компонентов ИДБ конкретного сочинения одного автора полностью повторяется в сочинении другого без ссылок на первого (допустим, сначала приводится определённая сура Корана, следом — определённый хадис, затем — высказывание конкретного религиозного авторитета, после чего — иллюстрирующий конкретный рассказ и т. д.), а объём таких «заимствований» превышает остальной текст, то можно говорить о наличии плагиата. Ведь второй автор заимствует уже не просто фрагменты текста, которые он заучил и освоил в процессе обучения, забыв имя их автора, а саму идею аргументации и логику первого автора, заполняя чужими идеями свой текст и прибегая к разным способам их маскировки.

¹ О тексте: Khismatulin A. *Kimiā-ye sa'ādat* // *EIr*, online edn.; see Литература (Bibliography) for online ref.

Фустат ал-‘адала фи кава‘идас-салтана (فسطاط العدالة في قواعد السلطنة) — плагиатная компиляция из нескольких текстов¹. Автор-компилятор — Мухаммад ал-Хатиб, чьё прозвище ал-Хатиб (‘Проповедник’) может указывать на род его занятий. Адресаты подделки — румский салджукидский султан Мас‘уд б. Кай Кавус, известный как Гийас ад-дин Мас‘уд II (ум. 708/1308); военачальник Музаффар ад-дин б. Алп Йурак (ум. 691/1292) из семьи Чубанидов, правитель региона Кастамону (Kastamonu). Способ подделки — преднамеренное редактирование объёмных фрагментов из нескольких текстов с целью сделать их неузнаваемыми с искажением оригинальной ИДБ. Цель подделки — получение должности при Дворе.

Завершение серии отнюдь не означает, что в ней представлены все тексты в категории назидательной и административной литературы, написанные на персидском языке в эпоху Великих Салджуков (ок. 431–552/1040–1157) и их анатолийских преемников, Салджуков Рума (ок. 483–707/1081–1308). Многие из них остались за рамками серии из-за сроков, определённых для реализации одноимённого научно-исследовательского проекта. Однако опубликованных текстов, как оригиналов, так и подделок, вполне достаточно, чтобы получить объективное представление обо всех аспектах категории, в которой они были созданы.

Литература²

1. Afšār Īraj. Eqbāl Āšṭiāni, ‘Abbās // *Encyclopædia Iranica* (henceforth — *EtI*), online edn. URL: <https://www.iranicaonline.org/articles/eqbal-astiani>.

¹ О тексте см.: Де Никола Б. *Фустат ал-‘адала*: уникальная рукопись о религиозном ландшафте средневековой Анатолии // *Ориенталистика*. 4 (1). 2021. С. 121–147, по изданию: De Nicola, Bruno. *The Fustat al-‘Adala: A Unique Manuscript on the Religious Landscape of Medieval Anatolia* // A. C. S. Peacock & Sara Nur Yıldız (eds.). *Islamic Literature and Intellectual Life in Fourteenth- and Fifteenth-Century Anatolia*. Würzburg: Ergon Verlag, 2016. P. 49–72; Хисматулин А. А. Связь *Фустат ал-‘адала* с *Сийар ал-мулук*: текстологический анализ // *Ориенталистика*. 4 (1). 2021. С. 150–189. Обе статьи размещены в свободном доступе на сайте журнала.

² Все онлайн-ссылки активны на 09.01.2024.

2. Bosworth C. Administrative literature // M. Young, J. Latham, & R. Serjeant (eds.). Religion, Learning and Science in the 'Abbasid Period. The Cambridge History of Arabic Literature. Cambridge: Cambridge University Press, 1990. P. 155–167. URL: <https://archive.org/details/M.J.L.YoungJ.D.LathamR.B.SerjeantEdsReligionLearningAndScienceInTheAbbasidPeriod>.

3. De Nicola Bruno. The *Fustat al-'Adala*: A Unique Manuscript on the Religious Landscape of Medieval Anatolia // A.C.S. Peacock & Sara Nur Yıldız (eds.). Islamic Literature and Intellectual Life in Fourteenth- and Fifteenth-Century Anatolia. Würzburg: Ergon Verlag, 2016. P. 49–72. URL: <https://goldsmiths.academia.edu/BrunoDeNicola>.

4. Griffel Frank. On the Authenticity of the Throne Epistle (*al-Risāla al-'arshiyya*) Ascribed to Avicenna // D. De Smet, M. Sebtı (eds.). Penser avec Avicenne De l'héritage grec à la réception latine, en hommage à Jules Janssens. Leuven-Paris-Bristol: Peeters, 2022. P. 193–229. URL: <https://yale.academia.edu/FrankGriffel>.

5. Kargar D. Jawāme' al-hekāyāt // *EIr*, online edn. URL: <https://www.iranicaonline.org/articles/jawame-al-hekayat>.

6. Khismatulin A. Islamic Education Reflected in the Forms of Medieval Scholarly Literature: *Jam'*, *Ta'lif*, and *Tasnif* in Classical Islam // Sebastian Günther (ed.). Knowledge and Education in Classical Islam: Religious Learning between Continuity and Change. Leiden: Brill, 2019. 2 vols. Vol. I. P. 475–487. URL: <https://orientalstudies.academia.edu/AlexeyKhismatulin>.

7. Khismatulin A. Kimiā-ye sa'ādat // *EIr*, online edn. URL: https://referenceworks.brillonline.com/entries/encyclopedia-iranica-online/*-COM_362424.

8. Marlow L. Counsel for Kings: Wisdom and Politics in Tenth-Century Iran. 2 vls. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2016.

9. Marlow L. Medieval Muslim Mirrors for Princes: An Anthology of Arabic, Persian and Turkish Political Advice. Cambridge: Cambridge University Press, 2023.

10. Omidsalar Mahmoud. Minovi, Mojtabā // *EIr*, online edn. URL: <https://www.iranicaonline.org/articles/minovi-mojtaba>.

11. Omidsalar Mahmoud. Qazvini, Mohammad // *EIr*, online edn. URL: <https://iranicaonline.org/articles/qazvini-mohammad>.

12. Orfali Bilal. Employment opportunities in literature in tenth-century Islamic courts // Sabine Schmidtke (ed.). Studying the Near and Middle East at the Institute for Advanced Study, Princeton, 1935–2018. P. 243–250. Piscataway, NJ: Gorgias Press, 2018. URL: <https://aub-lb.academia.edu/BilalOrfali>.

13. Shaked S., Safa Z. *Andarz* and *andarz* literature in pre-Islamic Iran; *Andarz* literature in New Persian // *Elr*, online edn. URL: <https://www.iranicaonline.org/articles/andarz-precept-instruction-advice>.

14. Абу Али аль-Мухассин ат-Танухи. Занимательные истории и примечательные события из рассказов собеседников / пер. с араб. И. Фильштинского. М.: Наука, 1985. URL: <https://coollib.net/b/509780-abu-ali-al-muhassin-at-tanuhi-zanimatelnyie-istorii/read>.

15. Акимушкин О. Ф. Научное изучение текста памятника и «критический текст» // Акимушкин О. Ф. Средневековый Иран: Культура, история, философия. СПб.: Наука, 2004. С. 161–180.

16. Ауфи, Садид ад-дин Мухаммад. Джавами‘ ал-хикайат ва лавами‘ ар-ривайат («Собрание рассказов и блестящие истории») / предисл., пер. с перс., коммент., приложения и указатель Тимура К. Бейсембиева. Алма-Ата: ТОО «Print-S», 2005.

17. Де Никола Б. Фустат ал-‘адала: уникальная рукопись о религиозном ландшафте средневековой Анатолии // *Ориенталистика*. 4 (1). 2021. С. 121–147. URL: <https://www.orientalistica.su/jour/article/view/392/475>.

18. Хисматулин А. А. Амир Му‘иззи Нишапури. Сийасат-нама/Сийар ал-мулук («Книга о правлении/Жития владык»): подделка, приписанная Низам ал-мулку / Серия: «Назидательная литература эпохи Салджукидов на персидском языке: оригиналы и подделки» (I). СПб.: «Петербургское Востоковедение»; М.: Садра, 2020.

Хисматулин А. А. Виды мусульманской научной литературы в X–XV вв.: сочинения (*масниф*) и компиляции (*та‘лиф*) // Рахмат-наме: сб. статей в честь 70-летия Р. Р. Рахимова / отв. ред. М. Е. Резван. СПб.: МАЭ РАН, 2008. С. 410–443. URL: <https://orientalstudies.academia.edu/AlexeyKhismatulin>.

19. Хисматулин А. А. Связь Фустат ал-‘адала с Сийар ал-мулук: текстологический анализ // *Ориенталистика*. 4 (1). 2021. С. 150–189. URL: <https://www.orientalistica.su/jour/article/view/395>.

20. Хисматулин А. А. Сочинения имама ал-Газали / Серия: «Назидательная литература эпохи Салджукидов на персидском языке: оригиналы и подделки» (II). СПб.: Петербургское Востоковедение; М.: Садра, 2017, 2021².

Абу-л-Хасан ал-Маварди

**Из книги *Ал-'Ахкам
ас-султаниййа ва-л-
вилаят ад-диниййа*
(«Законы власти
и религиозное правление»)
Глава *Фи 'акд ал-'имама*
(«Об утверждении имама»)**

Перевод с арабского языка выполнен

Т. Г. Туманяном по изданию:

Ал-Маварди, Абу-л-Хасан. *Ал-Ахкам ас-султаниййа ва-л-вилаят ад-диниййа*. [Ал-Маварди, Абу-л-Хасан. Законы власти и религиозное правление.] Миср: Шарика мактаба ва-матба'ат Мустафа ал-Бабийй ал-Халабийй, 1966.

Аннотация. Вниманию читателя предлагается перевод фрагмента первой главы средневекового трактата *Ал-Ахкам ас-султаниййа ва-л-вилаят ад-диниййа* («Законы власти и религиозное правление»). Автор этого сочинения — Абу-л-Хасан ал-Маварди (974–1058) — выдающийся исламский богослов и правовед. Его перу принадлежит несколько значительных сочинений в области шафиитского фикха, этики и политики. Вместе с тем свою известность Абу-л-Хасан ал-Маварди приобрел, прежде всего, благодаря трактату *Ал-Ахкам ас-султаниййа*. Этот труд принят

рассматривать как наиболее ранний в истории ислама опыт комплексного изучения теории государства и управления.

Ключевые слова. *Ал-Ахкам ас-султаниййа*; ал-Маварди; халифат; имамат; ислам; исламское право; государство; власть.

Abu-l-Hasan al-Mawardi

***Al-Ahkam as-sultaniyya wa-l-wilayat ad-diniyya* ("Laws of power and religious government"): Chapter *Fi 'aqd al-imama*.
Tr. with comments by Tigran G. Tumanian**

Abstract. The proposed translation of the fragment is a part of the First chapter of the medieval treatise *al-Ahkam as-sultaniyya wa-l-wilayat ad-diniyya* ("Laws of power and religious government"). The author of this treatise is Abu-l-Hasan al-Mawardi (974–1058) — an outstanding Islamic jurist and theologian. He is the author of a number of works on Shafi‘ite Fiqh, theology, ethics and politics. However, Abu-l-Hasan al-Mawardi acquired his real fame thanks to the treatise *al-Ahkam as-sultaniyya*. This work is usually viewed as the first experience in the history of Islam of a comprehensive study of the theory of state and government.

Keywords. *Al-Ahkam as-sultaniyya*; al-Mawardi; Caliphate; Imamate; Islam; Islamic law; State; Governance.

<...> Если имам назначил преемником кого-либо, кто отвечает необходимым условиям, то назначение зависит [лишь] от согласия наследника. Ученые расходятся во мнениях относительно времени выражения согласия; [некоторые] говорят, [что согласие выражается] после смерти завещателя, в тот момент, когда осуществляется (утверждение); [другие] считают — и это вернее, — что это происходит в период между назначением завещателя и его смертью, чтобы власть имама перешла от него к назначенному наследнику, будучи утвержденной заранее выраженным согласием.

Имам, назначивший преемника, не может отстранить того, кого назначил, если только не изменится положение последнего, хотя он может отстранить других назначенных им наместников, ибо он назначает их, опираясь на свое собственное право,

а следовательно, может смещать; однако своего наследника он назначает, пользуясь правом всех мусульман, а значит, не может сместить его, так же как и лица, наделенные правом выбора, не имеют права отстранять того, кому они присягнули, если его положение не изменилось. И если имам после отстранения первого наследника назначит второго, то это второе назначение незаконно, и первый остается утвержденным. Если же первый сам отрекся от власти, нельзя присягать другому, пока [первый] не вступит в свои права. Если наследник отказался от должности, его назначение не утрачивает силу при его отказе до тех пор, пока завещатель не признает необходимость этого и не рассмотрит [дело], и если он найдет другого, то допустимо принять отказ первого. Назначенный ранее считается освобожденным при согласии наследника отказаться, а завещателя — принять отказ. Если не найден другой [наследник], то назначенный ранее не может отказаться, а завещатель — принять его отказ, и назначение остается в силе как для завещателя, так и для наследника.

Назначенный наследник должен отвечать необходимым условиям с момента назначения. Если в момент назначения наследник был несовершеннолетним или непорядочным [аморальным], а к моменту смерти завещателя он достиг совершеннолетия или стал порядочным, его преемство не считается действительным, пока лица, наделенные правом выбора, не возобновят его назначение [бай'а].

Если имам назначил наследником отсутствующего, о ком неизвестно, жив он или нет, это назначение недействительно; то же и в случае, если известно, что он жив, — [назначение недействительно], пока он не приедет. Если завещатель умер, а наследник отсутствует, лица, наделенные правом выбора, ожидают его приезда. Если же он отсутствует в течение длительного времени и мусульмане несут ущерб от задержки в управлении их делами, лица, наделенные правом выбора, избирают заместителя и приносят ему присягу как заместителю, но не преемнику, когда же прибудет отсутствовавший преемник, избранный заместитель отстраняется от власти. Решения, принятые им до прибытия преемника, имеют силу, а принятые после его прибытия недействительны.

Если бы наследник до смерти завещателя захотел передать завещанную ему власть другому, это было бы недопустимо, потому что он вступает в эту должность только после смерти завещателя. Таким образом, если он скажет: «Я назначаю [такого-то] своим наследником в случае, если власть перейдет ко мне», — это недопустимо, поскольку в настоящий момент он не является имамом, а следовательно, не может назначать преемника — имама. Если имам сам откажется от власти, она переходит к его наследнику, и его отказ равносителен его смерти. Если же он назначил двух преемников, не отдав предпочтения кому-то одному из них, это допустимо, и [тогда] лица, наделенные правом выбора, избирают одного из них после его смерти, подобно тому, как это сделали члены совета, [назначенного ‘Умаром], потому что ‘Умар (да будет доволен им Господь!)¹ назначил шесть преемников [из которых следовало выбрать].

Ибн Исхак² передавал со слов аз-Зухри³, а тот — со слов Ибн ‘Аббаса⁴, который рассказывал следующее:

¹ ‘Умар ибн ал-Хаттаб (ум. 644) — сподвижник Пророка из его ближайшего окружения, второй «праведный халиф» (634–644). Сыграл выдающуюся роль в деле укрепления (становления) молодого мусульманского государства и утверждения ислама за пределами Аравии. Первым среди халифов получил почетный титул *амир ал-му’минин* (повелитель верующих). Зачинатель составления первого единого свода Корана. В годы его правления введено мусульманское летосчисление по хиджре (с 622 г.).

² Ибн Исхак, Мухаммад (ум. 767) — признанный знаток хадисов, создатель основного корпуса «Жизнеописания посланника Божьего» — первой связной биографии Мухаммада, появившейся только в середине VIII в., но дошедшей до нас лишь в позднейшей обработке Ибн Хишама (ум. 834). Сочинение этих двух авторов стало важнейшим источником сведений о жизни Мухаммада.

³ Аз-Зухри, Мухаммад ибн Муслим (ум. 742) — главный и единственный предшественник Ибн Исхака, знаменитый передатчик хадисов, первым стал их записывать и сводить разнородные сведения из Предания в цельное повествование, каковое составило основу для жизнеописания Мухаммада и истории раннего ислама.

⁴ Ибн ‘Аббас, ‘Абд Аллах (ум. 686) — двоюродный брат пророка Мухаммада. В исламской литературе именуется «отцом тафсира», по праву считается родоначальником традиции коранической экзегетики

«Однажды я застал ‘Умара опечаленным, и он сказал мне: “Я не знаю, как поступить в этом деле. Оно постоянно заботит меня”. Я сказал: “Не хочешь ли ты выбрать ‘Али?”¹ Он ответил: “Он, конечно, достоин этого, но он человек склонный к легкомыслию, и я думаю, если он станет управлять вами, сами знаете, какую справедливость он установит”. Я сказал ему, — продолжал Ибн ‘Аббас, — “А как ты относишься к ‘Усману?”² ‘Умар ответил: “Ибн Аби Му‘айт, если я назначу его, так нагрузит людей, что, как только арабы это поймут, они отрежут ему голову. Богом клянусь, именно так все и будет” (букв. — если я так поступлю, то и он так поступит, и они так поступят). Я спросил: “А Талха?”³ Он ответил: “Он человек гордый и тщеславный. Господь,

и основателем мекканской школы толкования Корана. Хранитель и передатчик хадисов, биограф Мухаммада.

¹ ‘Али ибн Аби Талиб (ум. 661) — четвертый «праведный халиф» (656–661), двоюродный брат и зять Пророка (муж его любимой дочери Фатимы). Одним из первых принял ислам, верный сподвижник Мухаммада, непременный участник его военных походов. Считается первым шиитским имамом. ‘Али — особая фигура в истории ислама. Непосредственно связанное с его именем возникновение мощного шиитского движения в различных формах, впоследствии сложение шиитского учения о природе и носителе верховной власти стало важной вехой в истории ислама и существенным образом влияет на судьбу всего исламского мира.

² ‘Усман ибн ‘Аффан (ум. 656) — третий «праведный халиф» (644–656), богатый мекканец из рода умаййа, один из ранних последователей Мухаммада, его зять. ‘Усман был первоначально женат Рукаййе, старшей дочери Мухаммада и Хадиджи. После смерти Рукаййи женился на другой их дочери — Умм Кулсум. В числе первых приверженцев Пророка он переселялся в Абиссинию, откуда вернулся уже в Медину. В его правление продолжились обширные арабские завоевания. По его почину установлен единый полный свод Корана, ставший основой его нынешнего канонического текста. В годы его правления впервые возникла оппозиция халифу. Его смерть положила начало многолетней гражданской войне в Халифате.

³ Талха ибн ‘Убайд Аллах ал-Джуд (ум. 656) — старейший сподвижник Мухаммада из курайшитского рода тайм. Входил в число десяти, кому Мухаммадом еще при их жизни был обещан Рай, один из шести членов «совета» (шурa), назначенного ‘Умаром перед смертью для

ведая о его тщеславии, никак не захочет вручить ему управление общиной Мухаммада (да благословит его Господь и да приветствует!)”. “Тогда аз-Зубайр?”¹ — сказал я. ‘Умар ответил: “Он, конечно, герой, но его заботит, почем мешок на рынке, — и такой человек будет управлять мусульманами?!” “Са’д ибн Аби Ваккас?”² — спросил я тогда. “Только не он, — ответил ‘Умар, — он хорош в седле, когда сражается, а как правитель — нет”. Я сказал: “А ‘Абд ар-Рахман ибн ‘Ауф?”³ Он сказал: “Да, ты подходящего человека вспомнил — но он слаб. Клянусь Богом, на эту должность, Ибн ‘Аббас, годится только человек сильный, но без насилия, гибкий, но без слабости, рачительный, но без скупости и щедрый, но без расточительства”. Когда же Абу Лу’лу’а⁴ ранил его, — продолжал Ибн ‘Аббас, — и врач отчаялся спасти его, и ему сказали: “Назначь [преемника]!” — он назначил совет из шестерых для выбора, сказал: “Это выбор между ‘Али против Зубайра,

выбора нового халифа. Погиб в первой в Халифате гражданской войне (656—661) (в так называемой «Верблюжьей битве» 656 г.), сражаясь на стороне ‘А’иши (вдовы Пророка) против ‘Али.

¹ Аз-Зубайр ибн ал-‘Аввам (ум. 656) — ближайший сподвижник Пророка, из числа первых новообращенных. Участвовал во всех походах и сражениях Мухаммада. Один из тех десяти сподвижников, кому, по словам Мухаммада, обещан Рай еще при жизни. Один из шести членов «совета», назначенного Умаром перед смертью для выбора нового халифа. Погиб в ходе «Верблюжьей битвы».

² Са’д ибн Аби Ваккас (ум. 675) — ближайший сподвижник Мухаммада, один из тех десяти, кто, согласно традиции, был удостоен благой вести о Рае еще при жизни. Выдающийся мусульманский полководец, завоеватель Ирака, победитель сасанидской армии в битве при Кадисийи (636).

³ ‘Абд ар-Рахман ибн ‘Ауф (ум. 652) — ближайший сподвижник Мухаммада, одним из первых принял ислам. Участник всех походов Мухаммада. Один из шести наиболее авторитетных мусульман, назначенных ‘Умаром перед смертью для выбора его преемника, оставаясь при этом одним из четверых претендентов на место халифа. Входил в число десяти, кому Мухаммадом еще при их жизни был обещан Рай.

⁴ Абу Лу’лу’а (уб. 644) — под этим именем был известен пленный ремесленник, поселенный в Медине, перс Файруз, убийца халифа ‘Умара ибн ал-Хаттаба.

или 'Усманом против 'Абд ар-Рахмана ибн 'Ауфа, или Талхой против Са'да ибн Аби Ваккаса". Когда настало время выбирать среди членов совета после смерти ['Умара] (да будет доволен им Господь!), 'Абд ар-Рахман сказал: "Выберите среди вас троих". Тогда Зубайр сказал: "Я выбираю 'Али". Талха сказал: "Я поддерживаю 'Усмана". А Са'д сказал: "Я отказываюсь в пользу 'Абд ар-Рахмана". И таким образом выбор вместо шести свелся к этим троим, а другие трое больше не участвовали в выборе. Тогда 'Абд ар-Рахман сказал: "Кто из вас готов отказаться от участия в выборе, чтобы мы предоставили ему выбирать [одного из оставшихся], и Бог ему свидетель, чтобы он заботился об интересах общины?" Никто не согласился, и 'Абд ар-Рахман сказал: "Готовы ли вы предоставить выбор мне, если я откажусь от участия в нем, и Бог мне свидетель, что я приложу все усилия, чтобы дать вам хороший совет?" Они согласились. И он сказал: "Тогда я так и сделаю". Итак, выбор из шести сократился до трех, а потом из трех до двух, 'Али и 'Усмана. Затем 'Абд ар-Рахман удалился, чтобы выяснить, что думают люди. А когда настала ночь, он призвал ал-Мисвара ибн Махраму¹ и взял его в товарищи. Затем он вернулся и взял с обоих [претендентов] обет, что кого бы из них ни избрали, он будет действовать, согласуясь с Книгой Господа и обычаем Его Пророка, и если изберут не его, он будет слушаться и повиноваться [избранному]. После этого он избрал 'Усмана ибн 'Аффана". Итак, этот совет, в который вошли люди, достойные быть имамами, и который был утвержден всеобщим согласием (иджма'), стал основанием, [во-первых], для назначения преемника и, [во-вторых], для избрания на эту должность группы людей с тем, чтобы люди, наделенные правом выбора, окончательно избрали имамом кого-то из этой группы. Нет разницы, входят ли в такую группу два человека или больше, при условии, что их число ограничено. И отсюда следует, что власть имама не должна быть передана кому-то вне ее. Когда же выбор падет на одного из

¹ Ал-Мисвар ибн Махрама (ум. 683) – племянник 'Абд ар-Рахмана ибн 'Ауфа, выполнявший его поручения. Получил известность как передатчик хадисов.

членов группы, тот из них, к кому перешла власть имама, может передать ее кому-то другому вне этой группы.

Если имам завещал власть группе людей на дальнейшее усмотрение тех, кто наделен правом выбора, они могут избрать одного из них при жизни завещателя, только если имам позволит им сделать выбор заранее, при его жизни, ибо у него больше права распоряжаться имаматом, и недопустимо участвовать в этом наравне с ним. Если же опасаются, что после его смерти наступит хаос, они могут испросить его разрешения осуществить выбор [заранее], если он это позволит. В особых случаях, если выясняется, что правящий имам утратил способность управлять и принимать решения, то допустимо избирать [преемника], как если бы имам умер. Если же он способен рассуждать и принимать решения, тогда они могут избирать только с его позволения.

Ибн Исхак передавал: «‘Умар (да будет доволен им Господь!), когда вернулся домой после того, как его ранили, услышал шум и спросил: “Что с людьми?” Ему ответили, что люди желают его видеть, и он позволил им войти. И люди сказали: “Назначь преемника, о повелитель правоверных! Назначь нам правителем ‘Усмана!” ‘Умар отвечал: “Как он может [одновременно] любить и деньги, и рай?!” — и они вышли. Затем ‘Умар вновь услышал, как они шумят, и спросил: “Что с людьми?” Ему ответили, что люди желают его видеть, и он позволил им войти. И люди сказали: “Назначь преемником ‘Али ибн Аби Талиба!” ‘Умар ответил: “Значит, [вы думаете], он поведет вас по пути истины?” Далее, как рассказывал ‘Абдаллах ибн ‘Умар¹, а я передаю, опираясь на его слова, он сказал: “А почему ты не хочешь назначить его?” А ‘Умар отвечал: “Сын, эта ответственность на мне, жив я или мертв”». Имам может назначать лиц, которые имеют право выбора, так же как он может назначать тех, из кого надлежит выбирать. Следовательно, только выбор, сделанный теми, кого он назначил, будет законным. Так же из этого следует, что законно облечение властью только того, кому он завещал ее, потому что оба действия относятся к правам имама.

¹ ‘Абд Аллах ибн ‘Умар (ум. 693) — сын халифа ‘Умара ибн ал-Хаттаба.

Если имам завещал власть двоим или большему количеству лиц и определил очередность среди них, т. е. сказал: «После меня имамом будет такой-то, а если он умрет, то после его смерти имамом должен быть такой-то, а если [и] он умрет, после его смерти имамом станет такой-то», — это допустимо, и считается, что власть имама переходит к троем в определенной последовательности. Ведь Посланник Божий (да благословит его Господь и да приветствует!), назначая преемником для войска Му'ты¹ Зайда ибн Харису², сказал: «Если же он падет в битве, тогда пусть командовать будет Джа'фар ибн Аби Талиб³, а если он погибнет, то 'Абдаллах ибн Раваха⁴, а если и он падет, тогда пусть мусуль-

¹ Му'та — город в Заиорданье, находившийся ко времени возникновения ислама во владениях Гассанидов, сирийских вассалов Византии. Здесь речь идет о большом войске в три тысячи человек, снаряженном Мухаммадом для усмирения Гассанидов, один из вождей которых учинил возле Му'ты расправу над посланником Пророка, направленным к византийскому императору или же главе Бусры с письмом, содержащим призыв к принятию ислама. Целью похода на Му'ту, в котором Мухаммад не принимал участия, было отмщение за убийство посланца Пророка. Битва под Му'той (629), в которой мусульмане вступили в сражение с византийской армией — значительно превосходившими их численностью византийцами и их союзниками — арабами-гассанидами, явилась будто бы первым известным противостоянием мусульман и Византийской империи.

² Зайд ибн Хариса (уб. 629) — бывший раб (?) вольноотпущенник и приемный сын Мухаммада, его любимец. Единственный из сподвижников Пророка, упомянутый по имени в Коране (33: 37). Мухаммад поставил его предводителем войска мусульман, направленного в поход на Му'ту. Мученически погиб в начале сражении при Му'те.

³ Джа'фар ибн Аби Талиб (уб. 629) — двоюродный брат пророка Мухаммада, один из первых новообращенных мекканцев, стоял во главе мусульман во время второй хиджры в Абиссинию (616), откуда вернулся одним из последних уже в Медину (628). Участвовал в битве под Му'той (629); после гибели Зайда ибн Харисы, взяв командование на себя, погиб в этом сражении. Над гробницей Джа'фара в долине Му'та возведена мечеть.

⁴ 'Абд Аллах ибн Раваха ал-Хазраджи (уб. 629) — сподвижник из ансаров, влиятельный представитель одного из родов хазраджитов,

мане выберут себе военачальника». Зайд повел войско вперед и был убит. Тогда знамя взял Джа'фар и повел войско, и его тоже убили. Тогда 'Абдаллах ибн Раваха взял знамя и повел войско. Он тоже был убит, и мусульмане избрали командующим Халида ибн ал-Валида¹. А раз Посланник Божий (да благословит его Господь и да приветствует!) поступил так с командованием, то так допустимо поступать и с имаматом. Если же возразят, что при этом власть передается при [определенных] качествах и условиях, а власть не может так передаваться, то на такое возражение следует ответить, что здесь речь идет о всеобщем благе, и на такие случаи не распространяются ограничения, действующие в частных случаях. Подобным образом действовали правители двух династий, и современные им ученые не высказывали неодобрения. Один из тех, кто так действовал — Сулайман ибн 'Абд ал-Малик², завещавший власть 'Умару ибн 'Абд ал-'Азизу³, а после него — Йазиду ибн 'Абд ал-Малику⁴. И хотя решение

один из двенадцати накибов-предводителей — вестников Мухаммада, назначенных после второй присяги мединцев у Акабы (622?). Из числа знающих грамоту мединцев, случалось, выполнял секретарские обязанности при Мухаммаде. Предводительствовал мусульманским войском в битве при Му'те и пал в том сражении.

¹ Халид ибн ал-Валид (ум. 642) — в начале проповеднической деятельности Мухаммада принял сторону активных противников ислама, командовал отрядом конницы язычников-мекканцев в битве при Ухуде (625). Позднее обратился в новую веру и стал прославленным мусульманским полководцем, который не проиграл ни одного сражения. Благодаря своим решительным действиям в битве под Му'той уберег мусульман от больших потерь.

² Сулайман ибн 'Абд ал-Малик (ум. 717) — седьмой халиф из династии Умаййадов, сын 'Абд ал-Малика — одного из наиболее выдающихся халифов этой династии.

³ 'Умар ибн 'Абд ал-'Азиз ['Умар II] (ум. 720) — (пра)внук халифа 'Умара ибн ал-Хаттаба, восьмой халиф из династии Умаййадов, в поздней суннитской традиции предстал особенно благочестивым правителем и даже единственным праведным халифом среди Умаййадов.

⁴ Йазид ибн 'Абд ал-Малик (ум. 724) — преемник 'Умара ибн 'Абд ал-'Азиза на халифском престоле, девятый халиф из династии Умаййадов.

самого Сулаймана — это непризнанный аргумент, таким аргументом является одобрение современных ему ученых — сподвижников [второго поколения ислама] (*таби'ун*), которые, стремясь к Истине, не боялись ничьих упреков. Затем [Харун] ар-Рашид (да будет доволен им Господь!)¹ завещал власть по очереди трем своим сыновьям: сначала ал-Амину², затем ал-Ма'муну³, а после него — ал-Му'таману⁴, по совету наиболее выдающихся современных ему ученых.

Если имам назначил троих наследников, определив очередность наследования среди них и на момент смерти имама все трое живы, то имамом становится первый из них. Если же первый наследник умер при жизни имама, преемником (халифом) после его смерти становится второй. Если при жизни имама умерли и первый, и второй, то халифат переходит к третьему, ибо каждый из троих по очереди имеет право наследовать ему.

Если имам умер, а трое наследников живы и к первому из них перешла власть, а он решил завещать ее другому лицу в обход оставшихся двоих, некоторые правоведы считают, что это незаконно, опираясь на предписания очередности [, установленные предыдущим имамом], если только тот, к кому власть должна перейти по праву, добровольно не откажется от нее. [В качестве

¹ Харун ар-Рашид (ум. 809) — пятый халиф из династии 'Аббасидов (786–809), знаменитый правитель, с именем которого обычно связывают подъем экономической и духовной жизни Халифата.

² Абу 'Абд Аллах Мухаммад ал-Амин ибн Харун ар-Рашид (ум. 813), известен под именем ал-Амин (809–813) — шестой халиф из династии 'Аббасидов, сын Харуна ар-Рашида и Зубейды бинт Джа'фар из рода хашимитов.

³ Абу ал-Аббас 'Абд Аллах ал-Ма'мун ибн Харун ар-Рашид (ум. 833), более известен под именем ал-Ма'мун. Седьмой халиф (813–833) из династии Аббасидов. Его мать имела персидское происхождение.

⁴ В тексте приводится имя в форме ал-Му'таман. Имеется в виду Абу Исхак Мухаммад ал-Му'тасим Биллах ибн Харун ар-Рашид (ум. 842). В некоторых случаях может встречаться форма имени ал-Мусамман. Был восьмым аббасидским халифом (833–842) и восьмым ребенком Харуна ар-Рашида, за что и получил прозвище «ал-Мусамман».

аргумента приводят тот факт, что] ас-Саффах¹ завещал власть ал-Мансуру (да будет доволен Господь ими обоими!)², а после него — ‘Исе ибн Мусе³. Ал-Мансур же хотел, чтобы ‘Исе предшествовал ал-Махди⁴, и он попросил ‘Ису отказаться от своего права наследования, ибо законоведы того времени — а их было немало — не смогли найти для него возможности силой отстранить ‘Ису от наследования, пока он не откажется по доброй воле и согласию. Однако как явно следует из учения [*мазхаба*] аш-Шафи‘и (да помилует его Господь!)⁵ и как согласно большинство законоведов, наследник, к которому перешла власть, может передать ее, кому пожелает, отстранив от наследования того, кто был назначен прежде, ибо этот установленный прежде порядок определяет лишь то, к кому должна по праву перейти власть в случае смерти [первого] назначенного наследника. Если же власть перешла, согласно установленному порядку, к одному из них, он имеет преимущественное право передать ее, кому пожелает, потому что с переходом к нему власти он получает право распоряжаться всем, а его приказы обязательны для выполнения. Следовательно, он имеет больше всех прав на власть и на передачу власти. Это противоречит [, однако,] тому, как поступал Посланник Божий (да благословит его Господь и да приветствует!) при назначении командующих для войска

¹ Ас-Саффах, Абу ал-Аббас ‘Абд Аллах (ум. 754), первый халиф династии Аббасидов, годы правления 750–754.

² Абу Джа‘фар ‘Абд Аллах ал-Мансур ибн Мухаммад или просто ал-Мансур (ум. 775) — второй аббасидский халиф. С именем этого правителя связывают многие достижения в жизни Халифата, в том числе основание Багдада.

³ ‘Иса ибн Муса (ум. 783?) — близкий родственник первых двух аббасидских халифов, продолжительное время рассматривался в качестве преемника халифа ал-Мансура.

⁴ Ал-Махди, Абу ‘Абд Аллах Мухаммад (ум. 785) — третий халиф (775–785) из династии Аббасидов, сын и преемник халифа ал-Мансура.

⁵ Аш-Шафи‘и, Абу ‘Абд Аллах Мухаммад ибн Идрис (ум. 820) — один из наиболее авторитетных исламских законоведов, богослов, *мухаддис*. Основатель и эпоним шафиитского мазхаба.

Му'ты, поскольку тогда он был еще жив и право распоряжаться делами не перешло к другому, а в данном случае власть перешла к другому человеку после смерти имама, а значит, это две разные ситуации. Что касается ал-Мансура, просившего о согласии 'Исы ибн Мусы, он всего лишь хотел заручиться благорасположением его родственников, ведь это было при основании династии, и разница между претендентами на власть была невелика, права их были приблизительно одинаковы, и [оттого] в сердцах их была враждебность, ослаблявшая [государство]. Поэтому ал-Мансур действовал из политических соображений, хотя и имел право распоряжаться самостоятельно. Итак, если первый из трех наследников, к которому перешла власть, умер и не назначил другого преемника вместо оставшихся двоих, правителем становится второй, по первоначальному завещанию, и он предшествует третьему, согласно установленному ранее порядку очередности. Если же этот второй умрет раньше, чем наступит момент наследования, тогда правителем становится третий, поскольку, покуда завещание прежнего имама сохраняет силу, эти трое в соответствии с ним имеют право на власть, если только после смерти прежнего имама не появится другого завещания, противоречащего ему. Таким образом, первый из трех наследников получает власть обязательно и безусловно, а второй и третий — только при условии, поскольку первый не может быть отстранен, и [его назначение] окончательно, а второй и третий, согласно данному мазхабу, могут быть отстранены и [их назначение] условно. Если же первый наследник, придя к власти, умер, не завещав ее никому, и люди, наделенные правом выбора, пожелают избрать преемником не второго наследника, а другого человека, это недопустимо. Точно так же, если умер второй, получив перед этим власть, недопустимо избирать кого-либо, кроме третьего, хотя [сам] второй наследник может завещать власть кому-либо другому. Ибо назначение наследника — изъявление воли имама (*насс*), и только при его отсутствии прибегают к выбору.

Однако если правитель, назначающий наследника, объявил: «завещаю власть после себя такому-то, а когда он, придя к власти, умрет, то после него должен править такой-то», — переход

власти ко второму незаконен, и его назначение не утверждается, потому что имам не назначил его непосредственно, а сделал его наследником при условии перехода власти к первому. А первый наследник может умереть еще до того, как станет правителем, и в таком случае условие для назначения второго не выполняется, и поэтому оно становится недействительным. Первый наследник, вступив в должность, может назначить наследником другого человека; если же он умер, не назначив наследника, люди, наделенные правом выбора, также могут избрать другого человека.

Когда же утверждена власть правителя и он вступил в должность либо по завещанию, либо будучи избранным, следует, чтобы вся община узнала о том, что властью облечен достойный [ее по своим качествам] человек. Однако знать его лично и по имени необходимо только лицам, наделенным правом выбора, ибо их свидетельство является достаточным [для общины] и их присягой утверждается власть правителя. Сулайман ибн Джарир утверждал, что всем людям необходимо знать имама лично и по имени, так же как им надлежит знать Господа и Посланника Его. Большинство же людей согласно, что следует знать имама в общем, без подробностей, знать же его каждому лично и по имени необходимо, только если бедственная ситуация нуждается [обратиться к его помощи]. Равным образом и судей, которые выносят решения и приговоры, и законоведов, дающих фетвы о том, что дозволено, а что греховно, простые люди должны знать в общем, без подробностей, за исключением тяжелых и бедственных случаев, когда требуется их помощь. Если бы каждый член общины обязан был знать имама лично и по имени, жителям страны пришлось бы совершать всеобщее путешествие к месту его пребывания, и тем, кто проживает в отдаленных областях, также следовало бы ехать. Это, конечно, опустошило бы людские селения, было бы противно обычаю и повлекло за собой большой вред.

Итак, когда вся община узнает его в той определенной мере, как мы упомянули, следует препоручить ему свои общие заботы, не преступая и не восставая против его власти, дабы он мог исполнять вверенные ему дела и заботиться о благе и интересах

[общины], ибо его называют наместником (халифом), потому что он замещает посланника Божьего (да благословит его Господь и да приветствует!) для его общины, и к нему можно обращаться: «О наместник (халиф) посланника Господа!» или же просто: «халиф». Что касается того, допустимо ли называть его «наместник Божий», здесь мнения ученых расходятся. Один из них счел это допустимым, ибо халиф-наместник принимает на себя права, принадлежащие Богу относительно Его народа, и потому, что Господь Всевышний сказал: «Он — тот, который сделал вас преемниками на земле и возвысил одних из вас над другими по степеням» (Коран 6:165). Большинство ученых, однако, воздержались от такого утверждения и сочли его греховным, полагая, что наместник назначается для того, кто отсутствует или умер, Господь же — Вечносущий, Живой. К Абу Бакру (да будет доволен им Господь!) однажды обратились: «О наместник Божий!» — и он ответил: «Я не наместник Божий, но наместник Посланника Божьего». <...>

В. Н. Блондин

**Отражение «йеменского патриотизма»
в позднесредневековой
йеменской хронике
«Известия современников
по истории Йемена» (XVII в.)**

Аннотация. В статье рассматривается понятие особого «йеменского патриотизма», сформировавшегося у йеменцев в ходе их длительной борьбы против всех чужеземных завоевателей, когда-либо вторгавшихся на территорию Йемена, и нашедшего свое отражение в хронике известного йеменского историка XVII в. Йахьи ибн ал-Хусейна «Известия современников по истории Йемена»¹.

¹ Копия этого сочинения представляет собой неописанный в научной литературе список из «Новой серии» арабских рукописей, хранящихся в Российской Национальной библиотеке в Санкт-Петербурге (шифр АРНС 606/1 (часть 1, 401 л.), шифр АРНС 606/2 (часть 2, 129 л.). Подробнее см.: Блондин В. Н. Публицистический фрагмент как одна

Ключевые слова. Хроника «Известия современников по истории Йемена»; османское завоевание Йемена; йеменский патриотизм; египетские мамлюки; йеменские тахириды; турки-османы; зейдиты Йемена; касимиды.

Vladimir N. Blondin

The Manifestation of «the Yemeni Patriotism» in the Late Medieval Yemeni Chronicle «News of Contemporaries on the History of Yemen» (XVII C.)

Abstract. The article examines the concept of a distinct «Yemeni patriotism» formed among the Yemenis during their long struggle against foreign conquerors who have been invading the territory of Yemen. It is particularly reflected in the chronicle of famous Yemeni historian of the 17th century, Yahya b. al-Hussein, «News of the Contemporaries on the history of Yemen».

Key words. Chronicle “News of Contemporaries on the history of Yemen”; Ottoman conquest of Yemen; Yemeni patriotism; Egyptian Mamluks; Yemeni Tahirids; Ottoman Turks; Zaydis of Yemen; Qasimids.

По единодушному признанию как отечественных, так и зарубежных востоковедов, арабо-мусульманская культура сыграла весьма важную роль в истории культуры всего человечества. Её влияние испытали многие народы мира: от Франции, Испании, Португалии и Италии на юге Европы до Индии и Индонезии в Южной Азии, Египта, Судана и Мали в Африке. При этом арабская литература — древнеарабская поэзия и средневековая арабо-мусульманская поэзия и проза — давно и прочно вошла в золотой фонд мировой литературы как «бессмертный памятник, созданный не одним народом, а целой цивилизацией»¹. Выдающийся

из составляющих арабского исторического сочинения // С любовью к Востоку: сборник статей памяти проф. О. Б. Фроловой / отв. ред.: В. Н. Блондин, И. В. Герасимов СПб.: Арт-Экспресс, 2019. С. 42, примеч. 1.

¹ Гибб Х. А. Р. Арабская литература. Классический период. М.: Издательство Восточной литературы, 1960. С. 9.

отечественный востоковед-арабист академик И. Ю. Крачковский, исследуя различные аспекты этой литературы, отмечал, что «целый ряд отраслей арабской письменности представляют значение, выходящее далеко за пределы данной специальности»¹. По его мнению, это касалось прежде всего средневековой арабской исторической и географической литературы. И действительно, средневековая арабская историографическая литература, отличающаяся определённым синкретическим характером, с одной стороны, тяготела к науке, а с другой — к художественной литературе, «поднимаясь в некоторых произведениях этой категории до высокой степени художественного совершенства»².

Характеристика, данная академиком И. Ю. Крачковским арабской средневековой историографической литературе, в равной степени «применима и к исторической литературе Йемена эпохи Позднего Средневековья и, в частности, к йеменским историческим хроникам XVII века»³. XV и XVII века в истории Османской Турции были временем великих завоеваний и включения практически всех арабских стран в состав Османской империи. В одних случаях дорогу победоносному движению османского оружия прокладывал миф о так называемой «крестьянской правде», защите «маленького человека» от гнёта феодалов и других представителей «господствующих классов средневекового арабского общества... в лице мамлюков, йеменских абидов, альмохадских шейхов, бедуинских эмиров и других местных властителей, не говоря уже о членах царствующих фамилий, которые были отстранены от власти, репрессированы и изгнаны...»⁴ Османы отменили все, по их мнению,

¹ Крачковский И. Ю. Избранные сочинения [в 6 т.]. Т. IV. [Арабская географическая литература]. М.; Л., 1957. С. 15.

² Там же. С. 16.

³ Блондин В. Н. Фольклор в структуре йеменских исторических хроник эпохи Позднего Средневековья как способ сохранения национальной литературной традиции // КЛИО: ежемесячный журнал для учёных. СПб.: ООО «Полтораки». 3 (195). Март 2023. С. 50.

⁴ Иванов Н. А. Османское завоевание арабских стран, 1516–1574. М.: Наука, ГРВЛ, 1984. С. 207.

«незаконные» подати, налоги и иные поборы, которое вызывали гнев и возмущение как у арабских феллахов, так и у представителей городских низов. При этом турки-османы делали упор на то, что их завоевание арабских регионов и вовлечение широких арабских народных масс в общественно-политическую жизнь Османской империи «имело не национальный, а социальный характер»¹. В других же случаях турки-османы силой подавляли любое сопротивление недовольных арабских вождей и приводили их к покорности и подчинению османским властям.

Империя мамлюков Египта и Сирии попыталась дать отпор османскому нашествию. Но после того как войска османского султана Селима I 5 августа 1516 года в битве на Дабикском поле, к северу от Алеппо, наголову разгромили армию мамлюков султана Кансуха аль-Гури и захватили Сирию и Египет, установив контроль над основными областями арабо-мусульманского мира, лишь на юге Аравии, в Йемене, местное население в лице шиитских сект зейдитов и исмаилитов на севере и в центральной части страны, а также суннитов на юге, в соответствии с древней традицией «йеменского патриотизма» и борьбы с любыми чужеземными завоевателями в отстаивании своей свободы и независимости, оказало яростное сопротивление иноземным захватчикам — египетским мамлюкам и туркам-османам. Так, жители Забида, столицы суннитского султана Тахиридов, вооружённые лишь холодным оружием, вступили в неравную схватку с грозной, имеющей пушки и ружья, армией египетских мамлюков, а йеменские шииты-зейдиты оказались полностью равнодушны и невосприимчивы к османскому мифу о «крестьянской правде», который относительно легко и почти без всякого сопротивления прокладывал путь османам по всему Арабскому Востоку.

Господство турок-суннитов на юге Аравии, не желавших принимать во внимание традиционный уклад жизни и кастовые обычаи йеменских зейдитов, повсюду «насаждавших османское правосознание и османский шариат, явилось фактором деста-

¹ Иванов Н. А. Османское завоевание арабских стран, 1516–1574. С. 206.

билизации политического положения на юге Аравии. В анти-османскую оппозицию вступили не только зейдитские имамы Йемена, но и суннитские шейхи Хадрамаута»¹.

Все попытки османов либо путём мирных переговоров, либо силой принудить йеменских вождей: зейдитских имамов, касиридских эмиров, суннитских «маша'их» Хадрамаута и сеййидов бедуинских племён — к подчинению власти Высокой Порты и в дальнейшем к «османизации» Йемена окончились полным провалом.

Несмотря на установление формально полного османского контроля над Йеменом, в стране постоянно вспыхивали анти-османские восстания. Причём во главе освободительного анти-османского движения стояли йеменские зейдиты, возглавляемые вначале имамами из клана шараф ад-динов (восстания 1547—1551 и 1567—1570 годов), а затем имамами из клана касимидов (восстание 1598—1628 гг.)².

Можно с полной уверенностью утверждать, что на мусульманском Востоке с давних пор вплоть до настоящего времени интересы противоборствующих сторон нередко прикрываются завесой религиозной вражды, конфессиональных или политико-идеологических разногласий. Свидетельством этого в настоящее время является гражданская война в Йемене (конец 1990-х годов XX в. — начало XXI в.) и шиитско-суннитское противостояние в виде боевых действий суннитской коалиции во главе с Саудовской Аравией и ОАЭ против зейдитского движения «хуситы»/ «Ансар Аллах», поддержанного Исламской Республикой Иран.

Ожесточённые и кровопролитные столкновения на полях сражений, как правило, сопровождаются острейшим противо-

¹ Блондин В. Н. Тема освободительного движения в позднесредневековой литературе (на материале хроники XVII века «Известия современников» Йахьи ибн ал-Хусейна) // II Восточный сборник ГПБ. Вып. 4. Л., 1990. С. 68.

² Al-Batriq, Abd al-Hamid. *Min ta'rikh al-Yaman al-hadith*, 1517—1840 [Из истории современного Йемена, 1517—1840]. Aden : Ma'had al-buhuth wa-d-dirasat al-arabiyya, 1969. С. 35—37.

борством в сфере духовной жизни: идеологии, политике и культуре. Закономерно, что подобное противостояние происходило в Средневековье и на поприще литературы: богословской, исторической и географической. В частности, эпоха Позднего Средневековья (XV–XVIII вв.) на арабо-мусульманском Востоке, полная бурных и драматических событий, характеризовалась обострением борьбы в духовной сфере, вызванной подъёмом патриотизма и национального самосознания, в том числе и активизацией в Йемене процесса литературного творчества, особенно в жанре исторической хроники. Именно в этот исторический период жил и творил известный йеменский историк, литератор и богослов XVII века Йахья ибн ал-Хусейн. Он родился в Сане в 1626 г. во влиятельной и просвещённой зейдитской семье из рода Касимидов. Его дед, зейдитский имиам ал-Касим ибн Мухаммад (1598–1620) по прозвищу «ал-Мансур билах» («Победитель с помощью Аллаха»), был не только известным зейдитским учёным-теологом, но и лидером антиосманской оппозиции в Йемене, изгнавшей впервых османских захватчиков из Йемена.

Йахья ибн ал-Хусейн получил превосходное богословское и литературное образование. Среди его учителей была целая плеяда таких авторитетных йеменских богословов и литераторов XVII века, как историк Ахмад ибн Са'д ал-Мисвари (ум. в 1668 г.), один из старейших зейдитских преподавателей исламского богословия Ахмад ибн Салах ал-Анси (ум. в 1633 г.), историк и законовед, верховный шариатский судья города Са'ады шейх Шамс ад-дин Ахмад ибн Йахья ас-Са'ди (ум. в 1651 г.), и ряд других известных зейдитских богословов, историков и литераторов. Приведённый перечень учителей и наставников Йахьи ибн ал-Хусейна подтверждает факт получения им блестящего по тому времени образования, включающего весь комплекс существовавших тогда отраслей научного знания: мусульманской теологии и права, философии и истории, коранических наук и хадисоведения. Если добавить к этому несомненный литературный талант в сочетании с упорством, трудолюбием, исключительной научной объективностью и беспристрастностью, склонностью к критическому осмыслению опыта предыдущих

поколений, то всё это и помогло ему стать, по словам египетского исследователя историко-литературного творчества Йахьи ибн ал-Хусейна — профессора университета «Айн Шамс» в Каире Мустафы Салима, «одним из выдающихся йеменских историков XVII столетия и самым объективным из них»¹.

Историко-литературное и богословское наследие Йахьи ибн ал-Хусейна насчитывает свыше 40 различных сочинений, посвящённых древней и средневековой истории Йемена, а также различным разделам мусульманского богословия (хадисам, фикху, комментариям к Корану и др.). Однако самым значительным его произведением, принесшим ему славу одного из самых выдающихся йеменских историков-хронистов XVII в., является историческая хроника «*Анба' абна' аз-заман фи та'рих ал-Йаман*» («Известия современников по истории Йемена»). Это сочинение является одним из важнейших источников по истории и истории культуры позднесредневекового Йемена. Автор создал своё произведение в жанре «погодной» (летописной) хроники, но в характерной для выработанной позднесредневековой йеменской исторической школой форме, представляющей собой синтез жанров исторической и географической литературы, а именно: жанра исторической хроники, жанра *табакат* и жанра *фада'ул* («достоинства»).

Многие исследователи позднесредневековой йеменской исторической литературы в качестве её особой отличительной черты отмечали «местный колорит» йеменских исторических хроник, проявляющийся в особом акцентировании основополагающей роли истории Йемена в общеарабской истории². В частности, египетский учёный Мустафа Салим указывает на это в своей работе «Йеменские историки периода первого османского завоевания (1538–1635 гг.)»: «Этот местный характер выкристал-

¹ Salim, As-Sayyid Mustafa. *Al-Mu'arrikhun al-yamaniyn fi-l-ahd al-uthmani al-awwal*, 1538–1635 [Йеменские историки периода первого османского завоевания 1538–1635]. Cairo: Al-Djam'iyya al-misriya li-l-dirasat al-ta'rikhiyya, 1971. P. 82.

² Пиотровский М. Б. Южная Аравия в раннее средневековье. М.: Наука, ГРВЛ, 1985. С. 14–15, 137.

лизовался ещё и в другой форме, а именно: странном желании йеменских историков упоминать о “достоинствах Йемена” во вступительных разделах своих хроник, чем они отличаются от других стран, приводя в качестве доказательства айаты из Корана и хадисы о пророке Мухаммаде¹. Подобного мнения придерживается и другой исследователь литературы средневекового Йемена Айман Фу’ад Саййид.² По мнению академика М. Б. Пиотровского, эта особенность средневековой йеменской исторической литературы отражает «своеобразное самосознание йеменцев», «йеменский патриотизм», сочетающий «арабизм» и «химйаритство», «ислам и гордость языческим прошлым»³. Это всё в высшей степени характерно и для хроники «Известия современников по истории Йемена» Йахьи ибн ал-Хусейна⁴. Особенно в тех эпизодах, где он обосновывает кахтанидское происхождение мединских сторонников пророка Мухаммада — ансаров⁵ и йеменское происхождение самого Мухаммада⁶.

Идея специфически «йеменского патриотизма», нашедшая своё место на страницах хроники «Известия современников по истории Йемена» и активно предлагаемая автором читателю, уходит своими корнями в деятельность комментаторов — «выходцев из Йемена, пытавшихся как можно более восславить и облагородить прошлое своей родины»⁷. По словам российского востоковеда-арабиста академика М. Б. Пиотровского, занимавшегося изучением материальной и духовной культуры древнего

¹ Salim, As-Sayyid Mustafa. *Al-Mu’arrikhun al-yamaniyn fi-l-ahd al-uthmani al-awwal*, 1538–1635. P. 19.

² Sayyid, Ayman Fu’ad. *Masadir ta’rikh al-Yaman fi-l-‘asr al-islamiy* [Источники по истории Йемена в исламскую эпоху]. Cairo: Al-Ma’had al-‘ilmiy al-faransiy li-l-athar al-sharqiyya, 1974. Vol. 7. P. 11–12.

³ Пиотровский М. Б. Указ. соч. С. 174.

⁴ Ibn al-Husayn, Yahya. *Anba’ abna’ az-zaman fi ta’rikh al-Yaman* [Известия современников по истории Йемена]. Российская Национальная Библиотека, СПб. АРНС 606/1 (ч. 1, 401 л.). Л. 9 об. — 10 об.

⁵ Там же. АРНС 606/1. Л. 6 об. — 7 об.

⁶ Там же. АРНС 606/1. Л. 9 об.

⁷ Пиотровский М. Б. Указ. соч. С. 14.

и средневекового Йемена, «все эти комментарии и хадисы явно тенденциозны, но их нельзя отбрасывать без анализа»¹. Среди авторов исторических сочинений в средневековом Йемене, впервые оформивших и отчётливо выразивших идею «йеменского патриотизма», следует в первую очередь назвать классика йеменской истории и генеалогии ал-Хасана ибн Ахмада ал-Хадани (ум. ок. 360/970—71 г.). В историко-литературном творчестве Йахьи ибн ал-Хусейна тема «йеменского патриотизма» получила ещё и антиосманскую направленность, учитывая тот факт, что это было время разгара освободительной борьбы йеменского народа против османского господства.

«Так, обосновывая необходимость упоминания в своей хронике краткой биографии пророка Мухаммада, автор «Известий современников по истории Йемена» говорит, что он руководствуется при этом не только традицией написания арабской исторической хроники, но и идеологическими мотивами. Вот как об этом написано у автора хроники: «Этот небольшой отрывок, указывающий на его (пророка Мухаммада) биографию, приведён не только ради получения Божьего благословения из-за её (биографии) упоминания, но ещё и потому, что Пророк, да благословит Аллах его, его семью и да приветствует, — йеменский араб! Вам (читателям) следует открыть упоминание об этом в «Истории Йемена». Ведь вся его биография, да благословит Аллах его, его семью и да приветствует, — слишком обширная. С ней вас познакомят многотомные сочинения. Да дарует Аллах удачу!»².

Страстный поборник «йеменского патриотизма» и идеи национального единства, прекращения феодальных и конфессиональных усобиц Йахья ибн ал-Хусейн в своей хронике «Известия современников по истории Йемена» постоянно обращается к йеменским вождям, как зейдитам, так и суннитам, с призывом покончить с распрями и объединиться для обороны родной земли от внешних врагов: египетских мамлюков, португальских

¹ Пиотровский М. Б. Указ. соч. С. 14.

² Блондин В. Н. Публицистический фрагмент как одна из составляющих арабского исторического сочинения // С любовью к Востоку: сборник статей памяти проф. О. Б. Фроловой. С. 48.

кондотьеров, османских завоевателей. Свои пламенные призывы он подкрепляет пословицей: «*‘инда-ш-шада’ид тазхабу-л-ахкад*» («В беде исчезает вражда»)¹.

Компетентность автора как историка значительно повышается во второй части его хроники, когда он повествует о событиях относительно недавних — истории Йемена с 700/1300 по 1300/1635 гг., начиная со времени правления 4-го расулидского правителя Йемена ал-Малика ал-Муаййада Хизбар ад-Дина Дауда (697/1297 — 721/1321). Именно поэтому, в силу появления фактора личной причастности Йахьи ибн ал-Хусейна к описываемым событиям, меняется общий эмоциональный фон сочинения. Авторская модальность, связанная с «йеменским патриотизмом», становится значительно более активной и оказывает непосредственное воздействие на всю стилеобразующую систему хроники «Известия современников по истории Йемена».

Литература

1. Al-Batriq, Abd al-Hamid. *Min ta'rikh al-Yaman al-hadith*, 1517—1840 [Из истории современного Йемена, 1517—1840]. Aden : Ma'had al-buhuth wa-d-dirasat al-arabiyya, 1969. 123 p. (На араб. яз.).

2. Hitti Ph. K. *History of the Arabs*. Revised 10th edition, with a New Preface by Walid Khalidi. Basingstoke — NY: Palgrave Macmillan, 2002. 822 p.

3. Ibn al-Husayn, Yahya. *Anba' abna' az-zaman fi ta'rikh al-Yaman* [Известия современников по истории Йемена]. Российская Национальная Библиотека, СПб. АРНС 606/1 (ч. 1, 401 л.), АРНС 606/2 (ч. 2, 129 л.). (На араб. яз.).

4. Salim, As-Sayyid Mustafa. *Al-Mu'arrikhun al-yamaniyn fi-l-ahd al-uthmaniy al-awwal*, 1538—1635 [Йеменские историки периода первого османского завоевания 1538—1635]. Cairo: Al-Djam 'iyua al-misriya li-l-dirasat al-ta'rikhiyya, 1971. 96 p. (На араб. яз.).

5. Sayyid, Ayman Fu'ad. *Masadir ta'rikh al-Yaman fi-l-'asr al-islamiy* [Источники по истории Йемена в исламскую эпоху]. Cairo: Al-Ma'had al-'ilmiy al-faransiy li-l-athar al-sharqiyya, 1974. Vol. 7. 504 p. (На араб. яз.).

6. Блондин В. Н. Тема освободительного движения в позднесредневековой литературе (на материале хроники XVII века «Известия

¹ Ibn al-Husayn, Yahya. *Anba' abna' az-zaman fi ta'rikh al-Yaman*. АРНС 606/2. Л. 77 об.

современников» Йахьи ибн ал-Хусейна) // II Восточный сборник ГПБ. Вып. 4. Л., 1990. С. 68–74.

7. Блондин В. Н. Фольклор в структуре йеменских исторических хроник эпохи Позднего Средневековья как способ сохранения национальной литературной традиции // *КЛИО: ежемесячный журнал для учёных*. СПб.: ООО «Полторак». 3 (195). Март 2023. С. 49–57.

8. Блондин В. Н. Публицистический фрагмент как одна из составляющих арабского исторического сочинения // С любовью к Востоку: сборник статей памяти проф. О. Б. Фроловой / отв. ред.: Блондин В. Н., Герасимов И. В. СПб.: Арт-Экспресс, 2019.

9. Гибб Х. А. Р. Арабская литература. Классический период. М.: Издательство Восточной литературы, 1960.

10. Иванов Н. А. Османское завоевание арабских стран, 1516–1574. М.: Наука, ГРВЛ, 1984. 236 с.

11. Крачковский Н. Ю. Избранные сочинения [в 6 т.]. Т. IV. [Арабская географическая литература]. М.; Л., 1957. 919 с.

12. Пиотровский М. Б. Южная Аравия в раннее средневековье. М.: Наука, ГРВЛ, 1985. 223 с.

Н. Н. ДЪЯКОВ

**Ахмад аль-Маккари
в истории и историографии
Арабского запада
(Ал-Магриб и Ал-Андалус)**

Аннотация. Сочинение «*Нафх ат-тиб мин гусн ал-Андалус ар-ратиб*» («Благоухание свежей ветки Ал-Андалуса») видного алжирского литератора и ученого-богослова Абу-л-Аббаса Ахмада ал-Маккари (1584–1631) — уроженца г. Тлемсена, многие годы проживавшего в Фесе, Каире и Дамаске, посвящен почти тысячеклетней истории и культуре страны Ал-Андалус, ее связям с мусульманским Востоком, а также творчеству и наследию выдающегося ее представителя — ученого, дипломата и поэта Лисан ад-Дина ибн ал-Хатиба (1313–1374).

Ключевые слова. Ал-Андалус; Магриб; Машрик; Лисан ад-Дин ибн ал-Хатиб; Гранада.

Nikolay N. Dyakov

Ahmad Al-Maqqari in the History and Historiography of the Arab West (Al-Maghrib and Al-Andalus)

Abstract. A famous work “*Nafh at-Tib min ghusn al-Andalus al-ratib*”, written by a prominent Algerian scholar and theologian Ahmad al-Maqqari (1584–1631), who spent many years in the academic and religious centers of Morocco, Egypt and Syria, was dedicated to the history and culture of the Muslim Spain, Al-Andalus, and its links with the Arab East, but also to the scientific and spiritual legacy of Lisan an-Din ibn al-Khatib (1313–1374) — a key figure in the poetry, sciences and politics of the Emirate of Granada in the 14th C. AD.

Keywords. Al-Andalus; Maghrib; Mashriq; Ahmad al-Maqqari; Lisan ad-Din ibn al-Khatib.

Ставший в прямом смысле «золотым веком» для империи Габсбургов, осыпанной золотом «Вест-Индии», а также для державы Османов — наследницы Халифата, XVI век дал рождение новому поколению ученых и их трудов, отмеченных духом реформации и обновления в культурном пространстве как европейского Запада, так и мусульманского Востока.

«*Малое знание удаляет нас от Господа, а большое приближает к нему...*» — утверждал Фрэнсис Бэкон (1561–1626) в ту самую елизаветинскую эпоху, когда Англия по-новому стала осмысливать и осваивать сокровища Востока, открывая офисы «Левантийской» компании в Алеппо (1592), затем известной «Ост-Индской» компании (1600), давшей вскоре многочисленные отводки в Голландии (1602), Франции (1664) и других европейских странах.

33 года назад автору этих строк впервые довелось побывать в Сирии, исколесив ее от средиземноморского побережья до границ с Ираком, благодаря конференции на тему «Арабская культура в Испании». Этот представительный международный форум собрал арабских, испанских и европейских ученых для дискуссий об исторических связях Леванта Арабского и, кстати,

С участниками Международного симпозиума, посвященного арабскому наследию в культуре Испании. Дамаск, декабрь 1990 г.

Леванта Испанского, то есть обращенных к Средиземноморью восточных земель Иберийского / Пиренейского полуострова, а вернее, всей Испании, и значение этих связей как для истории арабов, так и для всемирной истории.

Участники этого форума, состоявшегося в канун 500-летия «открытия Америки» и посвященного истории арабо-испанского культурного сотрудничества, отмечали в своих выступлениях роль этого наследия в истории и культуре Востока и Запада.

Большое внимание докладчики уделили судьбам народов арабского Востока — Машрика и Запада — Магриба в тот самый «золотой век» на перекрестке эпох, когда сотни тысяч мусульман-морисков, наследников тысячелетней цивилизации Ал-Андалуса, вынуждены были скитаться в поисках очага-убежища по берегам Средиземного моря от Геракловых Столпов до Греческого архипелага и Малой Азии, от Марокко и Алжира, Туниса и Триполи — до Сирии и Анатолии.

Восемь веков арабского владычества в Испании сформировали особое отношение жителей Ал-Андалуса к Сирии и к Машрику в целом. «...Арабы Ал-Андалуса, бывшие в основном выходцами из Сирии, испытывали ностальгию по Востоку,

сравнивали Гранаду с Дамаском, Кордову называли “вторым Багдадом”... а Средиземное море именовали Сирийским...»¹

Начавшийся при первых Габсбургах массовый исход *морисков* и «крипто-иудеев»-*марранов* из Испании в североафриканские и переднеазиатские владения Османов, особенно в хорошо известный сегодня любителям сериалов «Великолепный век» эпохи Селима Явуза и Сулеймана Кануни (1512–1520, 1520–1566), получил далее логическое завершение при молодом императоре Филиппе III (1598–1621), подписавшем в июле 1607 г. указ с обвинением *морисков* в ереси и святотатстве и указанием им покинуть Испанию...²

К 1610–1611 гг. последние общины *морисков* покинули земли Арагона и Валенсии, Кастилии, Португалии и других областей полуострова. Сотни и тысячи *морисков* и *марранов*, минувя земли Магриба, расселились затем в Египте, Сирии и Палестине, а также в окрестностях Стамбула и Салоник...

Историческим связям арабов с Испанией был посвящен труд Абу-л-Аббаса Ахмада ал-Маккари (1584–1631) — видного представителя арабо-мусульманской культуры своей эпохи, уроженца алжирского Тлемсена, долго проживавшего в Гранаде и Фесе, в Каире и Дамаске и решившегося по просьбе своих сирийских друзей, в частности известного ученого Ахмада аш-Шахини, описать страну Ал-Андалус и творчество и наследие ее выдающегося мыслителя Лисан ад-Дина ибн ал-Хатиба (1313–1374).

«Испания внесла свой вклад в историю человечества, став мостом, соединившим две цивилизации — арабскую и европейскую — и передав свою уникальную культуру народам Европы и Америки — Иберо-Латинской...» — писала во введении к дамасскому изданию сочинения ал-Маккари д-р Наджах ал-Аттар — министр культуры и советник президента САР, возглавившая организационный комитет упомянутого международного форума «Арабская и испанская культура в истории», организованного в Дамаске в декабре 1990 г. в преддверии

¹ Ланда Р.Г. Судьба морисков. М.: ИВ РАН, 2013. С. 26.

² Там же. С. 233.

Цитадель-касба Альмерии — важного средиземноморского порта страны Ал-Андалус (фото автора, 2003 г.)

500-летия падения Гранады и открытия Колумбом Америки (1492)¹.

Упомянутое дамасское издание «*Нафх ат-тиб...*» подготовил к печати известный сирийский историк д-р Аднан Дарвиш, снабдивший его предисловием, развернутым историко-биографическим, литературоведческим и лингвистическим комментарием, во многом по-новому рассматривая и оценивая фигуру автора этого сочинения.

Абу-л-‘Аббас Ахмад ал-Маккари ат-Тилимсани (ок. 1584 — 1631 гг.) и его сочинение «Нафх ат-тиб мин гусн ал-Андалус ар-ратиб»

Абу-л-‘Аббас Ахмад б. Мухаммад б. Ахмад б. Йахья б. ‘Абд ар-Рахман б. Аби-л-‘Иш б. Мухаммад ал-Маккари, тлемсенец — ат-Тилимсани — по рождению, живший в Фесе, затем в Каире.² Родился в окрестностях алжирского г. Тлемсен около

¹ الاندلس من نفخ الطيب للمقري . دمشق، 1990.

² В упомянутом сирийском издании «*Нафх ат-тиб...*» (1990) допускаются два варианта *нисбы* в имени его автора: «ал-Маккари» или «ал-Макри» с указанием на то, что она связана с одним из селений в окрестностях алжирского г. Тлемсен, где он появился на свет.

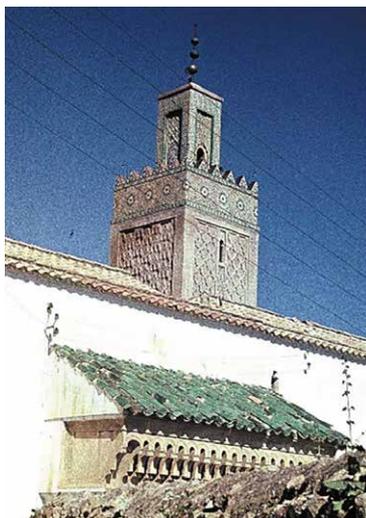
992 г. х., умер в 1041 г. х. (1584–1631). Выучил Коран и Сунну («Сахих ал-Бухари»), занимаясь в родном городе у своего дяди (по отцу) — ученого шейха Абу Османа Са‘ида б. Ахмада ал-Маккари, муфтия Тлемсена. Дважды выезжал в Фес, который называл «столицей халифов Магриба» («*Дар хилафат ал-Магриб*»: в первый раз в 1009 г. х./ 1600 г., а во второй — в 1013 г. х./1604 г.

В конце месяца *рамадан* 1027 г. х./ сентябрь 1617 г. он выехал из Марокко с попутчиком в хадж к Святому Дому Господню. После исполнения этого предписания он направился в Египет в 1028 г. х./1618 г., где проживал некоторое время. Затем из Египта он неоднократно посещал святые места: в 1029 г. х./1619 г., а в 1037 г. х./1627 г. даже пять раз побывал в Мекке и семь раз в Медине Пророка (*да благословит его Господь и да приветствует*). Он прочитал много лекций по хадисам, в т. ч. у могилы Пророка, пока не вернулся в Каир в 1039 г. х./ 1629 г.

В месяц *раджаб* того же года (февраль 1629 г.) он прибыл в Иерусалим, где провел 25 дней. Оттуда он отправился в Дамаск, вступив в него в начале месяца *ша‘абан* (март 1629 г.) и найдя там приют благодаря выходцам из Магриба.

Автор «*Краткого (описания) памятника...*» («*Хуласату-л-асар...*») М. ал-Махабби, писал:

«Если посмотришь введение к книге ал-Маккари «*Нафх ат-тиб...*», то увидишь описание Дамаска, жителей его и пейзажей, восхваление истоков их и достоинств, радости встреч с ними и печали расставания.

Тлемсен. Мавзолей и мечеть «столпа веры» — знаменитого шейха-мистика Абу Мадйана (ум. 1198) в ал-Уббаде (фото автора, 1980 г.)

Когда ал-Маккари прибыл в Дамаск, город ему понравился, и он остановился в нем на некоторое время. Там он читал лекции о хадисах («*Сахих ал-Бухари*») в Большой мечети сразу после рассветной молитвы, сначала под куполом ан-Наср, а когда аудитория его возросла — во дворе мечети, рядом с куполом ал-Ба‘унийя. На его лекции собирались многие знатные улемы Дамаска, а также учащиеся-*талаба*, и к концу его пребывания там аудитория была полна, объединяя тысячи слушателей. Во двор ему выносили преподавательскую кафедру, с которой он выступал с лекциями, блестящими и неповторимыми...

Когда же он сходил с кафедры, к нему устремлялась толпа людей, чтобы поцеловать ему руку. Так было и в среду днем 17-го дня месяца *рамадан* 1037 г. х. /май 1627 г. И никого из других ученых, прибывавших в Дамаск, не принимали люди с таким почтением и благосклонностью.

И видя все это, он с большим почтением отзывался об этом городе и его жителях, посвятив им в своей книге «*Благоухание...*» особый раздел. Под влиянием встреч в Дамаске ал-Маккари и принял решение о написании труда по истории Ал-Андалуса. Ведь именно сирийцам, славившимся энергией и отвагой, принадлежала, как известно, особая роль в завоевании Испании и распространении там арабской культуры. Самим именем своим и славой Гранада была обязана выходцам из Дамаска, которые нашли в ней те же пышные деревья, цветы, оазис и реку, так напоминавшие их родину.

Ал-Маккари — автор многих полезных и интересных трудов, отличающихся четкостью и выразительностью языка, в чем он напоминает самого Лисан ад-Дина ибн ал-Хатиба — выдающегося ученого и государственного деятеля-*вазира* из Ал-Андалуса. Правда, в отличие от работ последнего, эти сочинения отличаются многочисленными отступлениями и комментариями, что лишний раз свидетельствует о большой эрудиции их автора. За неповторимое красноречие ученые называли ал-Маккари «Джахиз Магриба», ведь именно это качество отличало знаменитого Абу Османа ‘Амра б. Бахра ал-Басри ал-Джахиза (ок. 775—868). В свою очередь этот «Джахиз Магриба» прославился как знаток *калама*, *тафсира*, *хадисов*, *адаба* и, безусловно, непревзойденный оратор и лектор.

В числе главных трудов ал-Маккари:

1. *«Итхад ал-мугра, такмил шарх ас-сугра...»* («Вознаграждение соблазненному в завершение малого толкования...») — комментарии к концепции единобожия ('илм ат-таухид).

2. *«Азхар ар-рийад фи ахбар ал-кади 'Аййад»* («Цветы сада в жизнеописании кади Аййада») — близкая по жанру к «Нафх ат-тиб...» работа, посвященная жизни марокканского кади 'Аййада б. Мусы б. Амруна б. Мусы ал-Йахсуби ас-Сабти <...>.

3. *«Азхар ал-кимама...»* («Чашечки цветка...») — к сожалению, известно лишь сокращенное название этого труда.

4. *«Ида'ат ад-дуджна фи 'ака'ид ахл ас-сунна...»* («Озарение мрака во взглядах людей сунны...») — об основах суннитской доктрины.

5. *«Ал-бад'а уа-н-наш'а»* («Начинание и сочинение») — о сочинительстве и стихотворчестве.

6. *«Хашийат 'ала шарх 'умм ал-барахин...»* («Окаймление разъяснения матери аргументов...»), а «мать аргументов» — это сануситское толкование единобожия, которому была посвящена упомянутая выше книга ал-Маккари *«Итхад ал-мугра...»*.

7. *«Ад-дурр ас-самин фи асма' ал-хади ал-амин...»* («Драгоценный жемчуг имен вернейшего наставника...»).

8. *«Рауд ал-'ас ал-'атир ал-анфас фи зикр ман лакийтуху мин 'улама' Марракеш уа Фас...»* («Миртовый сад, полный благоуханий, в рассказе о тех, кого я встречал из ученых Марракеша и Феса...»).

9. *«Арф ат-тайиб фи ахбар Ибн ал-Хатиб...»* («Доброе познание известий об Ибн ал-Хатибе...»), как он назвал сначала свою книгу *«Нафх ат-тиб мин гусн ал-Андалус ар-ратиб...»*.

10. *«'Арф ан-нашк фи ахбар Димашк...»* («Познание чутьем известий о Дамаске...»).

11. *«Ал-гас с уа-с-самин уа-р-рас с уа-самин...»* [الغث والسمين والرتث] («Тощий и жирный, ветхий и ценный...»).

12. *«Фатх ал-Мута'али...»* («Постижение Всевышнего...») — его сочинение, посвященное сандалиям Пророка.

13. *«Катф ал-мухтасар фи ахбар ал-мухтасар...»* («Срывание наклоненной грозди в кратком изложении...»). И, наконец,

14. *«Нафх ат-тиб мин гусн ал-Андалус ар-ратиб уа зикр уазириха Лисан ад-дин бни-л-Хатиб» («Благоухание свежей ветви Ал-Андалуса и повествование о его везире Лисан ад-дине ибн ал-Хатибе»).*

Что касается последней из перечисленных работ, то первоначальным намерением автора было познакомить читателя и в первую очередь читателя мусульманского Востока — Машрика с упомянутым Лисан ад-Дином ибн ал-Хатибом, с его происхождением, многогранной деятельностью, с его наставниками, сочинениями и т. д. Поэтому изначально ал-Маккари хотел озаглавить свою книгу *«Знакомство с Ибн ал-Хатибом...»*. Затем он счел необходимым познакомить также читателя с общей историей страны Ал-Андалус — как доисламской, так и собственно мусульманской — с его населением и хозяйством, с городами-крепостями и местными правителями. В связи с этим решил он изменить и название книги, чтобы лучше отразить в нем описание Ал-Андалуса: *«Благоухание свежей ветви Ал-Андалуса и повествование о его вазире Лисан ад-Дине...»*

Каир, куда ал-Маккари впервые прибыл в 1618 г., стал для него основным прибежищем вплоть до его кончины. После развода со своей законной женой, он было вознамерился вновь отправиться в Дамаск, чтобы обосноваться там. Но скоропостижно скончался, так и не осуществив своего намерения. Он умер в Каире в месяц *джумада-л-ахира* в 1041 г. х. / 1631 г. и был похоронен на ближайшем к его жилищу соседнем кладбище (*«би-макбарат ал-муджауирин»*)...

Ал-Маккари о Дамаске («Местоположение Дамаска и достоинства его жителей...»)

Рассказывает ал-Маккари:

«...В середине месяца *ша'бан* [1030 г. х. / (июнь) 1620] я принял твердое решение отправиться в город, известный своими достоинствами, поскольку Дамаск в Сирии славится и прелестью и блеском, скромностью и благопристойностью, пышными деревьями и благоуханными ветрами, там — почитаемые святыни и уважаемые заведения, богатый оазис-*гута* и сады, человек там состязается

в достоинствах и с противником, и с другом, повсюду там тень и раскидистые ветви, цветы добавляют ему улыбки, а роса — свежести, гибкие стволы восхищают наблюдающего этот вечный рай.

Город этот имеет свое лицо, его кварталы обустроены и полны добродетели и благополучия».

«Я прибыл в него в конце месяца *ша'бан*, и было мое путешествие славным, благодаря помощи Божьей... Я увидел его прекрасное расположение и замечательные строения, узрел его богатства, не подвластные описанию, сколько бы ни описывал я их, даже если бы переполнен был даром красноречия.

Соборная мечеть там — это (мечеть), превосходящая (все) мыслимое. Оазис Гута преисполнен прелести и чарует сердца, особенно когда оживляет его дыхание свежего утра. Господь наделил его прекрасным величественным видом, дома его не нарушают этого приятного зрелища. Сама земля его благодаря достоинствам его и его обитателей служит лучшим указателем, вид ее привлекает к этой красоте утомленный взор...

Хвала жителям Дамаска

Еще до моего путешествия и прибытия в него я много слышал о жителях его, да увеличит Господь их благополучие, что усилило во мне жажду лицезреть его и стремление встретиться с ними, дабы побывать у них дома. Приняли меня они, да возвысит их Всевышний, самым радушным образом, являя искусство угощения и насыщения...

*У входа в Большую мечеть
Омейядов в Дамаске, где читал
лекции ал-Маккари
(фото автора. 2019 г.)*

**Упоминание Дамаска в связи
с историей страны Ал-Андалус**

Во время пребывания в Дамаске и знакомства с его Большой мечетью, строениями и дворцами Гуты, на встречах и в беседах со знатными жителями его и учеными нередко заходил разговор о разных странах, звучали просьбы поделиться воспоминаниями и сведениями о стране андалусской, о необходимости изложить их и записать, касаясь, в частности, судьбы и деяний известного ее вазира Лисан ад-Дина ибн ал-Хатиба ас-Салмани, да низольет Всевышний на него потоки своей милости!..

***О просьбе жителей Дамаска написать книгу об ученом
из Ал-Андалуса Лисан ад-Дине ибн ал-Хатибе***

Когда же стало повторяться это неоднократно, и звучало это как принятое общее мнение, попросил меня тогда достопопеченный господин мой Ахмад аш-Шахини [т.е. Ахмад б. Шахин ал-Кубруси, известный как аш-Шахини — писатель и поэт, автор изяшных стихов; род. в Дамаске в 995 г. х. /1587 г. и там же умер в 1053 г. х. /1643 г. — А. Дарвиш] взяться за описание Лисан ад-Дина, рассказать о делах его и чертах, о деяниях и службах при разных правителях его века, об ученых и писателях, о достоинствах его, составивших славу того времени. (Рассказать) о драгоценных трудах его в прозе и поэзии, о крупнейших его сочинениях, получивших известность в разных городах и странах, дабы снять с них завесу неизвестности в странах Востока — мусульманского Машрика...

Извинения автора за неспособность его написать эту книгу

Ответил я ему, да возвысит Господь его дар, что задача эта непроста, и не могу я пока приступить к ней по разным причинам.

Во-первых: неспособность моя возложить на себя столь тяжелое бремя, которое достойно лишь поистине искусного и многознающего (автора).

*Медресе султана аз-Захира Байбарса ал-Бундукдари (1260–1277),
осн. в 1362–1363. Каир, улица ал-Муизза (фото автора, 2018 г.)*

Во-вторых: отсутствие подходящих книг, к которым надо было бы обратиться и которые я оставил на западе (в Магрибе), а большинство их редки на востоке (в Машрике).

В-третьих: дело это очень важное и трудное, требующее немало времени и размышлений...

Согласие его написать эту книгу

Затем, после того как не раз напоминали мне об этом деле и никак не принимали моих отговорок и извинений, дал я свое согласие и обещание выполнить это по возвращении в Каир — город ал-Му‘изза — и отправился туда известной дорогой от самого Дамаска».

Путь его в Египет и начало написания этой книги

«Мы покинули те края, но сердца наши остались с ними и с теми, кто там оставался. Мы вспоминали о пребывании в Дамаске, да хранит его Господь. Наш путь в Египет был долгим и непростым, а когда прибыл я в Каир, то не забыл о времени, проведенном в Сирии, о моих беседах и договоренностях...

Я помнил о своем обещании, когда получил письмо от упомянутого господина, и приступил к собиранию и записи сведений... Крепко мое намерение рассказать о тех, кто принес ислам и славу его, об их достоинствах и деяниях...

Я приступил к рассказу о требуемом, в прозе и стихах, к описанию ученых мужей Ал-Андалуса и жителей его... С именем Пророка и со словами имама его Малика ибн Анаса (ум. 179 г. х./795): “*Всякое слово берется от него и находит ответ... Да благословит его Всевышний и да приветствует! Хвала Ему, кто даровал мне эту силу — ал-Кадар...*”»

Разделы и главы этой книги

«...После всех размышлений об устройстве и содержании моего сочинения, я решил разделить его на две самостоятельные части и озаглавить их в соответствии с имеющимся материалом.

Часть первая содержит сведения об Ал-Андалусе и включает 8 глав, в которых коротко или подробнее рассказывается о разных сторонах его жизни...

1-я глава содержит общее описание Ал-Андалуса, его особенностей и достоинств, всех благ и милостей, дарованных ему, его городам и весям...

2-я глава о переходе Ал-Андалуса мусульманам и завоевании его под руководством Мусы ибн Нусайра и его вольноотпущенника-*маула* Тарика ибн Зайада...

3-я глава о религии в стране Ал-Андалус, усердии и борьбе, выступлениях и столкновениях населения его в горах и долинах...

4-я глава рассказывает о Кордобе и ее халифате, победившем врагов, о ее соборной мечети Омейядов, известной своими красотами, о городе аз-Захра и других прекрасных селениях, их замечательных ремеслах и промыслах...

5-я глава рассказывает о некоторых путешественниках из Ал-Андалуса, посетивших страны Машрика, в том числе Сирию — аш-Шам и оставивших сведения о нем и о Дамаске, а также о беседах самого автора, состоявшихся до 1037 г. х. /1627 г. ...

6-я глава знакомит с некоторыми гостями с Востока-Машрика, которые побывали в стране Ал-Андалус и рассказали о ней...

7-я глава о тех, кто был дарован Всевышним жителям Ал-Андалуса с их знаниями и достоинствами, о жизни их и деяниях...

8-я глава повествует о том, как смог победить неверный враг и покорить тот остров (Ал-Андалус), одолев его правителей и овладев им, да поразит его Всевышний...

И не оставил я в этой (первой) части ни одной главы без слов Лисан ад-Дина ибн ал-Хатиба, хотя бы и самых немногочисленных, при том, что вторая часть стала при этом самостоятельной...

Часть вторая книги знакомит с Лисан ад-Дином ибн ал-Хатибом и рассказывает о делах его, которые восхищают слышащих и славятся вдохновением своим, и о тех, кто под стать ему из ученых мужей, о которых также будет упомянуто. Эта часть тоже состоит из восьми глав, раскрывающих сады учености, где каждая ветвь свежа.

1-я глава о происхождении и предках Лисан ад-Дина, от которых унаследовал он славу свою и кто вскормил потомков, не идя наперекор справедливому...

2-я глава посвящена его творчеству, его деятельности в правительстве и успехам его и вкладу в дела его века... а также о дворцах его и богатствах и прочих делах вплоть до кончины его...

3-я глава о старцах-наставниках его, благодетелях мира и о том, что связано с излечением от недуга и спасительным увещанием от темной страсти...

4-я глава касается правителей и знатных властителей, с которыми он имел дела и беседы, с восхвалением многих из знатных людей его времени...

5-я глава посвящена сочинениям его (Лисан ад-Дина), благоуханному языку прозы его и поэзии на страницах стихов в жанрах *заджаля* и *мувашишаха* с описанием литературного его мастерства и особого языка...

6-я глава с разбором его навыков и искусств, его сочинений, мыслей и чаяний, о созданном им и незавершенном...

7-я глава повествует о некоторых его учениках и последователях, пошедших его путем и методом, усвоивших от него науки и принявших его пылающий факел познания и понимания...

8-я глава посвящена его детям и потомкам, унаследовавшим славные его черты и способности к наукам и управлению, принявшим завещание его к изучению наук религии и этого мира, с его советами и пояснениями, также к целительному лечению от любой болезни во славу Пророка...

Поначалу назвал я ее (эту книгу) “*Знание благого в знакомстве с везиром Ибн ал-Хатибом...*” Затем переименовал ее, добавив сведений об Ал-Андалусе и окончательно назвав свой труд “*Благое дыхание (благоухание) от свежей ветви Ал-Андалуса и повествование о его везире Лисан ад-Дине ибн ал-Хатибе*”.

Многое в ней связано с Сирией — страной Аш-Шам:

Во-первых, сам повод и идею ее написания дали жители Дамаска — Аш-Шама, да хранит Аллах их достоинство и да убережет их на долгие времена.

Во-вторых, победители и завоеватели Ал-Андалуса — сирийцы, пришедшие из Аш-Шама, — это люди мужества и железной стойкости.

В-третьих, большинство арабов Ал-Андалуса из Аш-Шама, сделавших Ал-Андалус своей родиной и местом своего обитания...

В-четвертых, Гранада была заселена именно уроженцами Дамаска...

Именно поэтому я и обращаюсь ко всем, кто видит ее, чтобы взглянули на нее снисходительно, подобно тому, как прошу я всех, кто вызвал ее к жизни и был причиной ее написания, отнестись к ней с доверием и благорасположением, даже если не достигла она всех поставленных целей. Отнесся я к ней со всем усердием и надеждой, что станет она приемлемым даром и поучительным назиданием...

Таковы обстоятельства вступления, истоки и корни этого сочинения, и хвала Всевышнему, на которого я опираюсь и на чью помощь уповаю», — писал ал-Маккари во введении...¹

¹ الاندلس، من نفع الطيب للمقرّي . دمشق، 1990. 5—33. С.

И. В. Зайцев

**«Благородные
сандалии Пророка»,
или Ахмад ал-Маккари
в Поволжье**

Аннотация. Статья рассказывает о найденном недавно в Астрахани новом списке арабского сочинения под названием فتح المتعال فى مدح النعال المشرفة («Высочайшая победа в восхвалении благородных сандалий [Пророка]») шейха Шихаб ад-Дина Абу л-Аббаса Ахмада б. Мухаммада б. Ахмада б. Йахьи ал-Маккари ал-Магриби ал-Тлимсани (ум. в 1041/1631 г.). Рукопись этого труда (закончен в 1030/1620 г.) сохранилась в собрании Астраханского объединенного музея и выполнена с автографа автора, законченного 3 рамадана 1033/ 18 июня 1624 г. в Медине. Текст повествует о сандалиях Пророка Мухаммада, их внешнем облике, достоинствах и истории этих реликвий после смерти их обладателя.

В Поволжье хорошо знали этот текст: в самом начале XX в. цитаты и изображения из ал-Маккари помещались даже на казанских шамаилях.

Ключевые слова. Реликвии ислама; Шихаб ад-Дин Абу-л-Аббас Ахмад б. Мухаммад б. Ахмад б. Йахйа ал-Маккари ал-Магриби ал-Тлимсани; арабские рукописи в России; татарский шамаиль.

«Передают со слов Катады, что он спросил Анаса ибн Малика: “*Какими были сандалии Посланника Аллаха, мир ему и благословение Аллаха*”? Он сказал: “*С двумя ремешками, которые проходили между пальцами*”».

Достоверный хадис (ал-Бухари, Муслим, ан-Насаи, Абу Давуд, ат-Тирмизи)

Известно, что Пророк носил сандалии из кожи, дубленой с помощью сока растения *караз* (камеденосной акации). Согласно хадисам, у этих сандалий были два ремешка-тесемки («*кибал*», или «*зимам*»), которые проходили между пальцами спереди. Форму сандалий хадисы описывают как «*му'аккаба*» (согласно словарю Э. Лейна — с широким ремешком вокруг пятки), «*мухассара*» (центральная часть подошвы сужена внутрь), «*мулассана*» (передняя часть подошвы заострена). Цвет этих сандалий был желтый. Согласно достоверным преданиям, Пророк время от времени лично ремонтировал свою обувь, а иногда это делал Али, и за это его называли «*хасифу-н-на'л*». В хранении одежды и обуви Пророку помогал его сподвижник Абдалла б. Масуд (ум. в 650 г.), за что его прозвали «*сахиб ан-на'лейн*» («хранитель двух сандалий»). Длина сандалий Мухаммада составляла пядь и два пальца¹.

Обувь Пророка сохранилась после его смерти. Так, одна пара осталась у Анаса б. Малика и прослужила ему десять лет.

¹ Bozkurt N. Na'l-i Şerif // TDV İslâm Ansiklopedisi. 32. Cild. Ankara, 2006. P. 346.

Согласно «Истории Дамаска» Ибн Асакира, одной парой также владел Шаддад б. Аус, а затем передал ее своему сыну Мухаммаду, который в свою очередь передал племени хазрадж. Третий аббасидский халиф ал-Махди (775–785) попытался получить хазраджийские сандалии в обмен на большое пожертвование, но не преуспел в этом.

Сандалии Пророка, хранившиеся у одного из его сподвижников по имени Сулайман б. Абу-л-Хадид ас-Сулами, попали потом к айюбидскому эмиру Ашрафу Мусе (номинальному правителю Египта в 1250–1254), но после его кончины они были помещены в медресе (*дар ал-хадис*) Ашрафийа в Дамаске и впоследствии были утеряны.

Другая пара сандалий Пророка, хранившаяся у Айши, перешла к ее сестре Умм Кульсум, затем к ее супругу Талхе б. Убайдаллаху. Последний, как известно, был убит в «битве верблюда» (10 декабря 656 г.), после чего эти сандалии перешли во владение Абд ар-Рахмана б. Абдаллаха б. Абу Раби ал-Махзуми и его потомкам. По образцу этих сандалий, а также тех, что хранились у Фатимы (дочери Убайдуллаха б. Аббаса), похоже, были изготовлены поздние повторения.

Согласно другим преданиям, у Пророка была и пара волшебных сандалий, присланных эфиопским негусом Асхамой (правителем Аксума, тем самым, что ок. 615 г. приютил мусульман): это была простая обувь черной кожи безо всяких узоров¹.

Этими сведениями мы обязаны не только хадисам, но, во многом, арабскому сочинению под названием *فتح المتعال في مدح النعال المشرفة* («Высочайшая победа в восхвалении благородных сандалий [Пророка]»), которое посвящено именно истории священной обуви пророка Мухаммада.

Автор этого текста — шейх Шихаб ад-Дин Абу-л-Аббас Ахмад б. Мухаммад б. Ахмад б. Йахйа ал-Маккари ал-Магриби ал-Тлим-

¹ В Музее Топкапы хранится сейчас три пары сандалий, которые по преданию, принадлежали Пророку. Об одной из них, между прочим, упоминает еще Эвлия Челеби (он считал, что ее привезли из Египта). Другая была обретаена в Битлисе при падишахе Абд ал-Азизе и в Топкапы попала в 1872 г.

Ил. 1. «Благородная сандалия». Рисунок из рукописи ал-Маккари (Süleymaniye Kır., Bağdatlı Vehbi Efendi, nr. 1307, vr. 1^b, 42^a)

сани (ум. в 1041/1631 г.). Сочинение, посвященное описанию благородных башмаков Пророка, было написано им в 1030/1620 г. Мне известно о трех изданиях этого сочинения: в Хайдерабаде, 1334/1916 г.; в Рабате, 1983 г.¹; и Каире 1417/1997 г.

Рукописей труда ал-Маккари также сохранилось несколько. Только в Турции есть три списка этого сочинения — в Кайсери (Библиотека Решид-эфенди, шифр Râşid Efendi 534), Стамбуле (Стамбульская национальная библиотека, коллекция Фейзуллах-эфенди, шифр 34 Fe 1264) и Сулейманийе (Bağdatlı Vehbi Efendi, № 1307). В нашей стране, насколько я знаю, до недавнего времени списки «Высочайшей победы» в каталогах учтены не были. Совсем недавно в фондах Астраханского государственного

¹ Özdemir M. Makkarî, Ahmed b. Muhammed // TDV İslâm Ansiklopedisi. 27. Cild. Ankara, 2003. С. 445–446.

объединенного историко-архитектурного музея-заповедника¹ обнаружилась арабская рукопись этого сочинения².

Астраханская рукопись выполнена с автографа автора, сдвигланного 3 рамадана 1033/ 18 июня 1624 г. в Медине (طيبه المنوره). Список сделан неким «бедняком», которого звали Абу-л-Асā'д б. Вафа, скорее всего, близко ко времени переписки автографа. Астраханский список весьма интересен прежде всего тем, что дает нам представление о путях распространения арабской письменной продукции по всему исламскому миру и его отдаленным уголкам³.

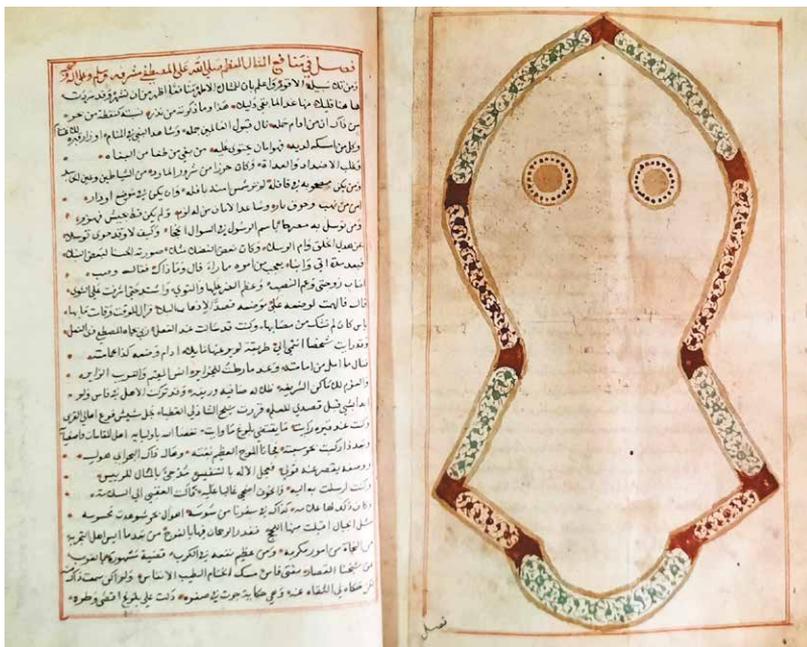
Рисунки башмаков в данной рукописи ближе всего по стилю к североафриканским образцам: например, списку «Даляиль ал-Хайрат» Мухаммада ал-Газули из библиотеки Честер Битти, датированному 1048/1638—39 г., в котором на развороте листов 2 об.—3 изображен почти такой же башмак⁴. Впрочем, сандалии пророка изображались не только в рукописях этих сочинений. Например, такой рисунок мы видим в рукописи «*Tuxfat*

¹ Об исламских рукописях Музея и Астрахани в целом, а также их истории см.: Ислам в истории Нижнего Поволжья. Издание к выставке / текст, переводы: И. В. Зайцев. Астрахань: Астраханский музей-заповедник, 2022.

² Зайцев И. В. Рукопись арабского сочинения шейха Ахмада ал-Маккари в собрании Астраханского государственного объединенного историко-архитектурного музея-заповедника // XXXII Международный конгресс по источниковедению и историографии стран Азии и Африки: Россия и Восток. К 300-летию СПбГУ. 26—28 апреля 2023 г.: Материалы конгресса / отв. ред.: Н. Н. Дьяков, А. О. Победоносцева-Кая, П. И. Рысакова. СПб.: Изд-во РХГА, 2023. С. 12—13.

³ Но не только этим. В рукопись оказалось вложено письмо на языке тюрки (почерк — северокавказский), адресованное «эмиру эмиров и султану везиров» ас-Сейиду ал-Джалилю ...шах-бику (?), с упоминанием некоего Каспулата-эфенди, который назван «подателем этой бумаги». Вполне возможно, что речь в письме идет о крупном русском военном и государственном деятеле второй половины XVII века Каспулате Муцаловиче Черкасском (Каспулат-мурза) (ум. 1681).

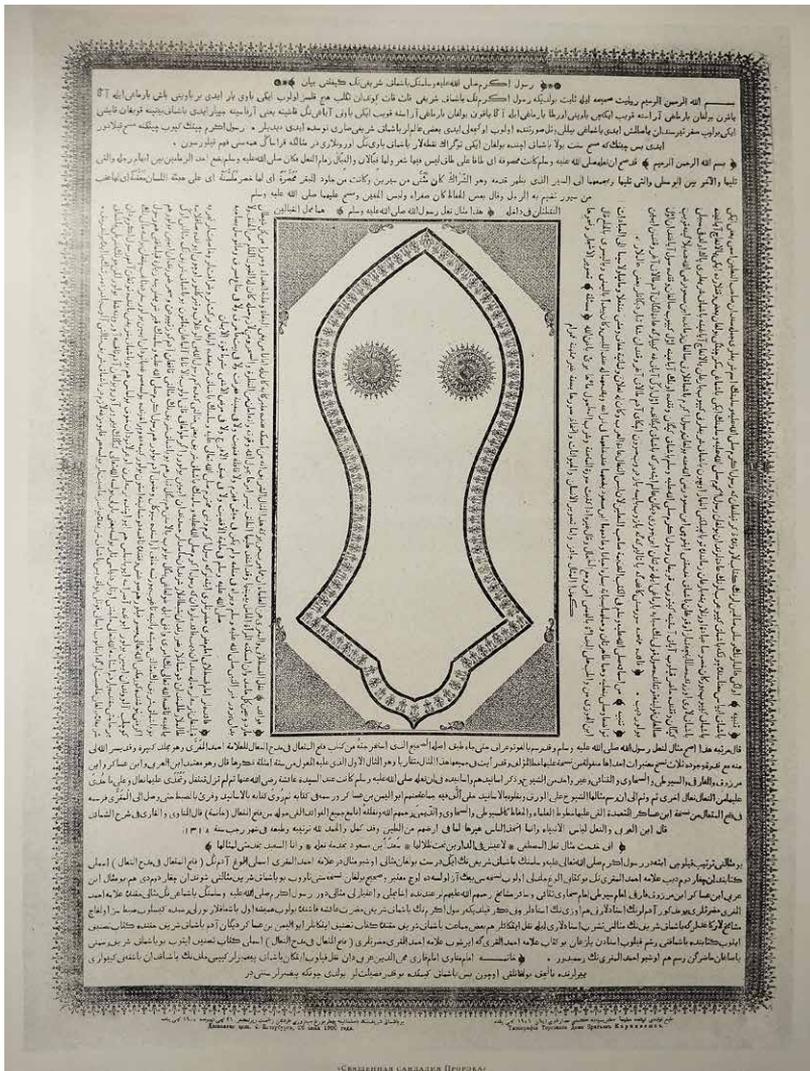
⁴ Wright E. Islam. Faith. Art. Culture. Manuscripts of the Chester Beatty Library. London, 2009. С. 166, ил. 122.

Илл. 2. «Благородная сандалия». Рисунок из рукописи ал-Маккари (Астраханский государственный объединенный историко-архитектурный музей-заповедник, НВ 6581)

аш-шарифа» Мухаммада б. Хусайн ал-Джавани в собрании Салихи-хатун в библиотеке Сулейманийе (Saliha Hatun Mektebi (Azarqari)).

Кроме того, сандали являлись и непременным атрибутом в изображениях исламских святых. На рубеже XIX—XX вв. с совершенствованием технологии тиражирования образы этих святых стали весьма активно распространяться в виде отдельных плакатов, отчасти напоминающих русскую лубочную картинку. В Османской империи такие лубки назывались *левха*. Печатались они и в Северной Африке. Замечательный русский арабист Ю. Н. Завадовский собрал в 1930-х годах в странах Магриба, а также Ираке и Турции целую коллекцию таких картинок и даже посвятил им отдельное научное исследование. Встречались среди

Ил. 3. «Благородная сандалия». Шамайль. Казань, Типо-литография и словолитня Торгового дома братьев Каримовых, 1901 (Фонд Марджани, ИМ/III-61)

Ил. 4. «Благородная сандалия». Рукопись «Тухфат аш-шарифа» Мухаммада б. Хусайна ал-Джавани в собрании Салихи-хатун в библиотеке Сулейманийе (Saliha Hatun Mektebi (Azarkari))

этих плакатов и изображения атрибутов Мухаммада и принадлежностей паломников¹.

Вернемся, однако, в Россию. У нас этот вид искусств получил название *шамайль*. И благодаря *шамайлям*, становится совершенно очевидным, что сочинение Маккари не просто было известно в Поволжье, но пользовалось там известной популярностью. В 1901 г. в Типо-литографии и словолитне Торгового дома братьев Каримовых в Казани был отпечатан *шамайль* с изображением Священной сандалии Пророка². Арабский текст *шамайля* цитирует ал-Маккари, а татарская часть поясняет, что это «многотомное сочинение», а его автор — чрезвычайно уважаемый ученый и достоверный источник. Татарский текст ссылается и на других великих шейхов — Ибн Араби (1165–1240), Ибн Асакира (1105–1176), ас-Суйути (1445–1505), Ибн Марзука (ок. 1310–1379) и др. Само изображение сандалии, как поясняет арабский текст, сделано с помощью фотографии. Ясно, что эта фотография не могла быть сделана с издания: его к тому моменту, кажется, вовсе не существовало. Это фото с рукописи. Но вот какая именно рукопись ал-Маккари была в распоряжении авторов *шамайля*, мы пока не знаем...

Литература

1. Bozkurt N. Na'l-i Şerif // TDV İslâm Ansiklopedisi. 32. Cild. Ankara, 2006.
2. Özdemir M. Makkarî, Ahmed b. Muhammed // TDV İslâm Ansiklopedisi. 27. Cild. Ankara, 2003.
3. Wright E. Islam. Faith. Art. Culture. Manuscripts of the Chester Beatty Library. London, 2009.

¹ Например, алжирская хромофотография начала XX в. из коллекции Ю. Н. Завадовского. См.: Пророки и герои. Арабская народная картина XIX–XX веков из собраний И. Я. Билибина и Ю. Н. Завадовского: каталог выставки / авторы-составители каталога: Е. М. Карлова, И. В. Зайцев; переводы арабских текстов: И. В. Зайцев. М.: ГМВ, 2020. С. 74–75.

² Фонд Марджани, ИМ/III-61. См.: Татарский шамайль. Традиции и современность. М: Издательский дом Марджани, 2015. С. 100.

4. Зайцев И. В. Рукопись арабского сочинения шейха Ахмада ал-Маккари в собрании Астраханского государственного объединенного историко-архитектурного музея-заповедника // XXXII Международный конгресс по источниковедению и историографии стран Азии и Африки: Россия и Восток. К 300-летию СПбГУ. 26–28 апреля 2023 г.: Материалы конгресса / отв. ред.: Н. Н. Дьяков, А. О. Победоносцева-Кая, П. И. Рысакова. СПб.: Изд-во РХГА, 2023.

5. Ислам в истории Нижнего Поволжья. Издание к выставке / текст, переводы: И. В. Зайцев. Астрахань: Астраханский музей-заповедник, 2022.

6. Пророки и герои. Арабская народная картина XIX–XX веков из собраний И. Я. Билибина и Ю. Н. Завадовского: каталог выставки / авторы-составители: Е. М. Карлова, И. В. Зайцев; переводы арабских текстов: И. В. Зайцев. М.: ГМВ, 2020.

7. Татарский шамайль. Традиции и современность. М: Издательский дом Марджани, 2015.

В. В. Палладес

Вежливость и невежливость в арабской лингвокультуре

Аннотация. Теории вежливости/невежливости, разработанные применительно к западной культуре, практически не учитывают особенности восточных цивилизаций, в частности арабской. С одной стороны, это снижает универсальность данных теорий, с другой — оставляет неосвещенными вопросы восприятия и выражения вежливости арабами. В фокусе настоящей статьи находится культурно-специфическая характеристика отношения арабов к вежливости/невежливости. С опорой на работы А. Самары, Э. Шагаля, Х. Шараби проводится анализ влияния религии и традиционной системы ценностей жителей арабских стран на формирование их представлений о вежливом поведении. Так, необходимость поиска баланса между требованиями религии (в первую очередь, ислама) и социальными установками в значительной степени определяет выбор стратегии коммуникативного поведения арабов, а коллективистская сущность общественного

уклада заставляет уделять большое внимание сохранению лица в социуме, что приводит к высокой важности соблюдения традиций гостеприимства и защиты семейной чести. На этом фоне снижается значение личных границ отдельных индивидов. Эти и другие особенности, формируя модель вежливого поведения в арабской лингвокультуре, также определяют основные стратегии грубости (невежливости), которые наиболее распространены среди арабов.

Ключевые слова. Вежливость; невежливость; арабский язык; коммуникативные стратегии; лингвокультура; арабы.

Victor Pallades

The Concepts of Politeness and Impoliteness in the Arabic Language and Culture

Abstract. Existing theories of politeness/ impoliteness developed for the Western culture, virtually do not take into account the characteristics of Eastern civilizations, in particular the Arabic one. On the one hand, this limits the universality of those theories, on the other hand, it leaves the issue of perception and expression of politeness by Arabs unexamined. The paper is focused on the culturally specific characteristics of Arab attitudes towards politeness/ impoliteness. Based on the works of A. Samara, E. Shagal, H. Sharabi, the influence of religion and the traditional value system of the Arabs on the formation of their ideas about polite behavior was analyzed.

Thus, the need to find a balance between the requirements of religion (primarily Islam) and social attitudes largely determines the choice of communicative strategies by the Arabs. The collectivist nature of the Arab society forces them to pay greater attention to maintaining their social face, which determine the high importance of observing traditions of hospitality and preserving family honor. Against this backdrop, the importance of personal boundaries of individuals decreases. These and other features, forming a model of polite behavior in Arabic linguistic culture, also determine the basic and most common among the Arabs strategies of rudeness (impoliteness).

Keywords. Politeness; impoliteness; Arabic language; communication strategies; linguistic culture; Arabs.

Арабские лингвисты сравнительно недавно обратили свое внимание на проблему изучения вежливости/невежливости в языке. Несмотря на то, что современные теории, опирающиеся в основном на западную (в частности, англоязычную) культуру, справедливо критикуются учеными, в том числе представителями стран Ближнего Востока, как не учитывающие особенности восточных цивилизаций (см. работы Акбари¹, Ал-Хиндави и Алхазаали², Ал-Дулейми, Рашид и Абдулла³, Алабдали⁴), практически отсутствуют работы, в которых предлагался бы иной взгляд на вежливость/невежливость применимый в полной мере к арабской лингвокультуре. Как справедливо отмечает Н. Аль-Зиджали⁵, исследования в области реализации невежливости в арабском языке или полностью принимают модель, предложенную Дж. Калпепером, лишь применяя ее в неизменном виде к новому языковому материалу (например, в исследованиях Хаммод и Абдул-Рассул⁶, Мохаммед и Аббас⁷), или уделяют основное внимание отдельным типам речевых актов/ дискурсов, в рамках которых прослеживаются некоторые особенности коммуникативного поведения, так или иначе связанные с понятиями (не)вежливости и характерные для носителей различных арабс-

¹ Akbari Z. The realization of politeness principles in Persian // *Karen's Linguistic Issues*. 12. 2002. P. 120–135.

² Al-Hindawi F., Alkhazaali M. A critique of politeness theories // *Theory and Practice in Language Studies*. 6 (8). 2016. P. 1537–1545.

³ Al-Duleimi H. Y., Rashid S. M., Abdullah A. N. A critical review of prominent theories of politeness // *Advances in Language and Literary Studies*. 7. 2016. P. 262–270.

⁴ Alabdali T. S. Revisiting Brown and Levinson's Politeness Theory: A Middle-Eastern Perspective // *Bulletin of Advanced English Studies*. 2 (2). 2019. P. 73–78.

⁵ Al Zidjaly N. Divine impoliteness: how Arabs negotiate Islamic moral order on Twitter // *Russian Journal of Linguistics*. 23 (4). 2019. P. 1039–1064.

⁶ Hammod N., Abdul-Rassul A. Impoliteness strategies in English and Arabic Facebook comments // *International Journal of Linguistics*. 9 (5). 2017. P. 97–112

⁷ Mohammed H. N., Abbas N. F. Pragmatics of impoliteness and rudeness // *American International Journal of Social Science*. 4 (6). 2015. P. 195–205.

ких идиом (см. Нуреддин¹, Ал-Адаиле², Алаоуи³, Ал-Шлул⁴, Эбади и Салман⁵).

Для составления культурно-специфической характеристики отношения арабов к (не)вежливости нам приходится в значительной степени опираться на собственный языковой опыт и немногочисленные работы, так или иначе затрагивающие этот вопрос. Как и в случае с исследователями-пионерами данного направления лингвопрагматики, мы изначально вынуждены отталкиваться от представлений носителей арабской лингвокультуры о вежливости, предполагая невежливость ее антиподом. Учитывая довольно сильную традиционность и консервативность ближневосточного общества, диктующую важность соблюдения установленных социальных норм, такая презумпция коренным образом не исказит представление арабских народов о невежливости.

Говоря о культурном фоне коммуникации, прежде всего следует учитывать наличие в арабском социуме двух основных элементов, определяющих норму общения, — общественного уклада и религии. Последняя является неотъемлемой частью жизни арабов, в значительной степени определяя речевое поведение коммуникантов. А так как большинство арабов-мусульмане, то говоря о религии, мы подразумеваем ислам. Таким образом,

¹ Nureddein F. Cross cultural pragmatics: Apology strategies in Sudanese Arabic // *Journal of Pragmatics*. 40. 2008. P. 279–306.

² Al-Adaileh B. A. When the strategic displacement of the main topic of discussion is used as a face-saving technique: Evidence from Jordanian Arabic // *Journal of Politeness Research*. 7. 2011. P. 239–257.

³ Alaoui S. Politeness principle: A comparative study of English and Moroccan Arabic requests, offers and thanks // *European Journal of Social Sciences*. 20 (1). 2011. P. 7–15.

⁴ Al-Shloul S. (Im)politeness and gender in the Arabic discourse of social Media Network Websites: Facebook as a norm // *International Journal of Linguistics*. 8 (3). 2016. P. 31–58.

⁵ Ebadi S., Salman A. R. Using Compliment Responses in Arabic and English: Focusing on Male and Female EFL Learners in Iraq // *Journal of Applied Linguistics and Language Research*. 2. 2015. P. 157–178.

по мнению А. Самара¹, каждый представитель лингвокультуры в своей речи вынужден балансировать, пытаясь учитывать порой противоречащие друг другу требования религии и социальных установок. Например, ислам учит своих последователей демонстрировать смирение и покорность в общении с другими людьми. С другой стороны, общество поощряет проявление собственного достоинства. Стремление следовать и тем и другим нормам, которые вместе формируют арабское видение вежливости, ставит говорящего в затруднительное положение — демонстрируя покорность, неминуемо теряешь достоинство, и наоборот. В качестве примера, наглядно показывающего данное противоречие, А. Самара приводит ситуацию, в которой говорящий просит слушателя одолжить ему немного денег. Такая просьба может быть реализована несколькими способами²:

1. С демонстрацией скромности и смирения:

‘может быть,	<i>mumkin law</i>	ممکن لو سمحت اتسلفني
если позволишь,	<i>samaħt itsallifni</i>	فلوس
одолжишь мне	<i>flūs</i>	
денег’		

С важностью и чувством собственного достоинства:

‘одолжи мне денег’	<i>sallifni flūs</i>	سلفني فلوس
--------------------	----------------------	------------

Компромиссный (вежливый) вариант:

‘ради Бога,	<i>billahi ‘alek</i>	بالله عليك اتسلفني فلوس
одолжишь мне	<i>itsallifni flūs</i>	
денег’		

В этих примерах можно ясно увидеть различия, когда говорящий тяготеет больше к соблюдению предписаний ислама (первый случай) или скорее ориентируется на социальные уста-

¹ Samarah A. Politeness in Arabic culture // *Theory and Practice in Language Studies*. 5 (10). 2015. P. 2005–2016.

² Ibid.

новки (второй случай). В первом случае он использует конструкцию, ориентированную на адресата и максимально превозносящую его над говорящим — последний демонстрирует неуверенность (с помощью неопределенной модальности *ممکن اتسلفني mumkin itsallifni* ‘может быть, одолжишь’) и всецело ставит себя в зависимость от доброй воли собеседника. Во втором же случае адресант не оставляет своему партнеру по коммуникации никакого выбора, употребляя императив *سلفني sallifni* ‘одолжи’ и оберегая таким образом свое достоинство от принижения. Компромиссный вариант предполагает баланс, учитывающий религиозную и общественную составляющие вежливости — во фразе уже значительно меньше неопределенности (осталась только личная форма глагола *اتسلفني itsallifni* ‘одолжишь’), но повелительность смягчается отсылкой к Богу, что очевидно выглядит попыткой пойти навстречу религиозной составляющей вежливости.

Данный пример служит подтверждением идеи о дуализме арабской вежливости, формирующейся из двух источников: ислама и общественных установок, которые не всегда согласуются друг с другом, вынуждая коммуникантов искать баланс в каждой конкретной ситуации.

Кроме того, как подчеркивает А. Самара, влияние религии на выбор стратегии коммуникативного поведения нельзя недооценивать — зачастую то, что может быть воспринято как неискренность, является поиском подходящей стратегии, а намеренная потеря лица или достоинства — религиозностью и желанием показать смиренность¹.

На неотделимость религии от норм вежливости указывает и Т. Алабдали², при этом базовые социальные установки арабов основываются еще на доисламских ценностях бедуинских племен и включают в себя коллективизм, гостеприимство и честь³.

¹ Samarah A. Op. cit.

² Alabdali T. S. Op. cit.

³ Feghali E. Arab culture communication patterns // *International Journal of Intercultural Relations*. 21. 1997. P. 345–378.

Арабскую культуру, как другие восточные цивилизации, многие ученые относят к коллективистскому типу, противопоставляя его западным цивилизациям, построенным вокруг личности и ее индивидуальности (см. Найделл¹, Юсеф², Халид³). Это отношение к жизни проявляется в меньшей значимости индивида, его меньшей самостоятельности, в то время как связи и положение в обществе, и особенно семья, являются крайне важными для араба. Х. Шараби⁴ отмечает, что основная воспитательная мера для детей в арабском обществе — это застыдить ребенка за то, что другие видели его совершающим какой-либо проступок. Таким образом, общественная оценка становится важнее внутреннего отношения к нему человека. Важность семьи для араба отмечает также В. Э. Шагаль, характеризующий ее как «тесно сплоченную социально-экономическую единицу»⁵, которая, благодаря близости входящих в нее членов, формирует у них чувство безопасности и защищенности. Подобное восприятие характерно для народов, ориентированных на социальную взаимозависимость, вместо принятой на Западе автономии личности, и вследствие этого отношения между людьми приобретают очень большое значение. Одним из ключевых механизмов приобретения и поддержания связей для арабов стало гостеприимство⁶.

¹ Nydell M. *Understanding Arabs: A guide for Westerners*. Yarmouth, ME: Intercultural Press, 1987.

² Yousef F. S. Cross-cultural communication aspects of contrastive social values between North Americans and Middle Easterners // *Human Organization*. 33 (4). 1974. P. 383–387.

³ Khalid M. The sociocultural determinants of Arab diplomacy // G. N. Atiyeh (ed.). *Arab and American cultures*. Washington, DC: American Enterprise Institute for Public Policy Research. 1977. P. 123–142.

⁴ Sharabi H. Impact of class and culture on social behavior: The feudal bourgeois family in Arab society // L. C. Brown, N. Itzhowitz (eds.). *Psycho-logical dimensions of Near Eastern studies*. Princeton, NJ: The Darwin Press. 1977. P. 240–256.

⁵ Шагаль В. Э. Арабский мир: пути познания. Межкультурная коммуникация и арабский язык. М.: ИВ РАН, 2001. С. 147.

⁶ Feghali E. Op. cit.

Культура приема гостей — важный элемент в системе социальных норм, формирующих арабскую вежливость. Хозяин считает важным встретить любого, даже незваного, посетителя в своем доме так, чтобы ни у кого не закралось мысли о его скупости или негостеприимстве — к тому же, это еще и вопрос престижа хозяина, который должен быть достаточно состоятелен, чтобы принимать гостей на должном уровне¹. Отказ от приглашения, особенно это касается родственников, также может трактоваться как неуважение к приглашаемому, который может воспринять это как оскорбление и нанесение ущерба его социальному образу, и в ответ прекратит привычное общение с обидчиком пока ситуация не будет урегулирована².

Больше всего, однако, образ человека в арабском обществе зависит от чести. Понятие о чести имеет изначально светскую природу, но многие религиозные учения его так или иначе поддерживают³. Честь проявляется в различных областях — в отношениях между полами, мужественности поведения и в том числе упоминавшемся ранее гостеприимстве: «честь человека определяет его образ в обществе, и сохранить свое лицо можно только избеганием позора»⁴. Поскольку обладателями чести являются в первую очередь мужчины, они строго контролируют женщин, следя за соблюдением последними всех норм, обеспечивающих семье хорошую репутацию⁵. Потеря чести — это тяжелый удар для рода с учетом коллективистского уклада, который неминуемо скажется на его положении в обществе, что заставляет мужчин крайне трепетно относиться к любым угрозам задеть их честь. Есте-

¹ Feghali E. Op. cit.

² Campo J. E. *The other sides of paradise: Explorations into the religious meanings of domestic space in Islam*. Columbia, SC: University of South Carolina Press, 1991.

³ Dodd P. C. Family honor and the forces of change in Arab society // *International Journal of Middle East Studies*. 4. 1973. P. 40–54.

⁴ Mackey S. *Saudis: Inside the desert kingdom*. New York: Signet, 1987. P. 125.

⁵ Feghali E. Op. cit.

ственным образом такое положение вещей непосредственно влияет на понимание арабами вежливости, заставляя проявлять большую аккуратность в общении, когда речь заходит о чувствительных с точки зрения чести темах.

Тесно связаны с коллективистской сущностью культуры и такие параметры как социальная (горизонтальная) и статусная (вертикальная) дистанции — первая поддерживается сокращенной, обеспечивая сплоченность, вторая же, наоборот, обычно выше среднего, увеличивая индекс власти и подчеркивая различия социальных ролей (см. Хофстед Г., Хофстед Г. Дж. и Минков М.¹, Ларина Т. В.²). Большая вертикальная дистанция накладывает на коммуникантов дополнительную ответственность по ее соблюдению, что выражается в достаточно жесткой регламентации социально приемлемых форматов общения между людьми с различающимися статусами. Очевидно, отклонение от этих норм будет воспринято как невежливость и вызов носителю более высокого общественного статуса.

Культурная специфика накладывает на язык арабов свои особенности, которые, являясь нормой, диссонируют с принятым в западных теориях пониманием вежливости. Среди прочего арабской речи свойственна повышенная эмоциональность, многословность, уклончивость. Последнюю черту носителей арабского языка можно сравнить со стратегией косвенной речи (*indirect speech*), широко используемой в английской культуре для поддержания высокого уровня вежливости в общении³, однако несмотря на схожую конечную цель, механизм их действия все-таки отличается. Уклончивость в арабском языке направлена в первую очередь на сохранение взаимоотношений с собеседником, нежелание разрушать их из-за возможных раз-

¹ Hofstede G., Hofstede G. J., Minkov M. *Cultures and organizations: Software of the mind, revised and expanded* (3rd ed.). New York: McGraw-Hill, 2010.

² Ларина Т. В. Категория вежливости в английской и русской коммуникативных культурах. М.: Изд-во РУДН, 2003.

³ Ibid.

ногласий¹, в то время как косвенная речь англичан призвана смягчить давление на собеседника, демонстрировать уважение его личного пространства².

Задаче поддержания связей между людьми в условиях короткой социальной дистанции служит и многословность арабов, вызывающая порой раздражение у непривыкших к ней представителей западной цивилизации. Как отмечает В. Э. Шагаль, «арабы любят много рассуждать, разглагольствовать, часто повторять ранее высказанные мысли, возбуждись, они порой начинают даже кричать, прибегают к разного рода жестам, сложным словесным приемам»³. Такое речевое поведение не только не выходит за рамки вежливости, но является ее нормой. Когда же арабы сталкиваются с сухостью, безэмоциональностью, сосредоточенным исключительно на практической стороне стилем общения, они могут воспринять его неубедительным или даже высокомерным.

Таким образом, культурные ценности арабов, включающие коллективизм, гостеприимство и честь, тесно связаны с национальным коммуникативным стилем, подразумевающим уделение значительного внимания процессу общения для поддержания и сохранения отношений между людьми, чему служит эмоциональность, многословность и уклончивость. Представления о вежливости, формируемые данными социокультурными установками с одной стороны, с другой стороны испытывают сильнейшее влияние ислама, предписывающего стремиться к покорности, смиряя личное достоинство. Учитывая данный факт, можно прийти к тому, что вежливость в рамках арабской лингвокультуры имеет следующие особенности, отличающие ее от вежливости, описываемой в рамках классических западных теорий.

¹ Katriel T. Talking straight: Dugri speech in Israeli Sabra culture. Cambridge: Cambridge University Press, 1986.

² Ларина Т. В. Ук. соч.

³ Шагаль В. Э. Op. cit. С. 255.

1. Стремление в первую очередь сохранить собственное (а не собеседника) лицо, представляющее собой публичный образ личности, определяющийся тем, как соответствует человек принятым в обществе ценностям и как он соблюдает социальные и религиозные предписания.
2. Значительно меньшая роль негативной вежливости, поскольку коллективистская сущность общества изначально не предоставляет личности широкой автономии, которая могла бы подвергаться существенным угрозам со стороны других индивидов.
3. Большая вертикальная дистанция между коммуникантами заставляет говорящего особенно тщательно следить за выбором стратегий общения, а слушающего — контролировать этот выбор, чтобы не допустить угрозу своему социальному статусу, составляющему часть публичного образа личности.

Исходя из вышеназванных характерных черт арабского представления о вежливости можно заключить, что грубость, проявленная в арабском обществе, зачастую способна поражать самого говорящего, так как на нем лежит ответственность за нарушение норм, которое повлечет за собой серьезный ущерб его публичному образу. Возможными стратегиями, целенаправленное использование которых выглядит оправданным для говорящего, могут быть те, которые не связаны с активными действиями (например, игнорирование, отказ, отмена, разрыв отношений), а также активные способы уязвить лицо оппонента в тех случаях, когда используемые средства способны нанести несоизмеримо больший ущерб адресату, чем понесет адресант (например, открытые посягательства на честь или статус личности).

Литература

4. Akbari Z. The realization of politeness principles in Persian // *Karen's Linguistic Issues*. 12. 2002. P. 120–135.
5. Al Zidjaly N. Divine impoliteness: how Arabs negotiate Islamic moral order on Twitter // *Russian Journal of Linguistics*. 23 (4). 2019. P. 1039–1064.

6. Alabdali T. S. Revisiting Brown and Levinson's Politeness Theory: A Middle-Eastern Perspective // *Bulletin of Advanced English Studies*. 2 (2). 2019. P. 73–78.
7. Al-Adaileh B. A. When the strategic displacement of the main topic of discussion is used as a face-saving technique: Evidence from Jordanian Arabic // *Journal of Politeness Research*. 7. 2011. P. 239–257.
8. Alaoui S. Politeness principle: A comparative study of English and Moroccan Arabic requests, offers and thanks // *European Journal of Social Sciences*. 20 (1). 2011. P. 7–15.
9. Al-Duleimi H. Y., Rashid S. M., Abdullah A. N. A critical review of prominent theories of politeness // *Advances in Language and Literary Studies*. 7. 2016. P. 262–270.
10. Al-Hindawi F., Alkhazaali M. A critique of politeness theories. *Theory and Practice in Language Studies*. 6 (8). 2016. P. 1537–1545.
11. Al-Shlool S. (Im)politeness and gender in the Arabic discourse of social Media Network Websites: Facebook as a norm // *International Journal of Linguistics*. 8 (3). 2016. P. 31–58.
12. Campo J. E. The other sides of paradise: Explorations into the religious meanings of domestic space in Islam. Columbia, SC: University of South Carolina Press, 1991.
13. Dodd P. C. Family honor and the forces of change in Arab society // *International Journal of Middle East Studies*. 4. 1973. P. 40–54.
14. Ebadi S., Salman A. R. Using Compliment Responses in Arabic and English: Focusing on Male and Female EFL Learners in Iraq // *Journal of Applied Linguistics and Language Research*. 2. 2015. P. 157–178.
15. Feghali E. Arab culture communication patterns // *International Journal of Intercultural Relations*. 21. 1997. P. 345–378.
16. Hammod N., Abdul-Rassul A. Impoliteness strategies in English and Arabic Facebook comments // *International Journal of Linguistics*. 9 (5). 2017. P. 97–112.
17. Hofstede G., Hofstede G. J., Minkov M. Cultures and organizations: Software of the mind, revised and expanded (3rd ed.). New York: McGraw-Hill, 2010.
18. Katriel T. Talking straight: Dugri speech in Israeli Sabra culture. Cambridge: Cambridge University Press, 1986.
19. Khalid M. The sociocultural determinants of Arab diplomacy // G. N. Atiyeh (ed.). Arab and American cultures. Washington, DC: American Enterprise Institute for Public Policy Research. 1977. P. 123–142.
20. Mackey S. Saudis: Inside the desert kingdom. New York: Signet, 1987.

21. Mohammed H. N., Abbas N. F. Pragmatics of impoliteness and rudeness // *American International Journal of Social Science*. 4 (6). 2015. P. 195–205.

22. Nureddeen F. Cross cultural pragmatics: Apology strategies in Sudanese Arabic // *Journal of Pragmatics*. 40. 2008. P. 279–306.

23. Nydell M. Understanding Arabs: A guide for Westerners. Yarmouth, ME: Intercultural Press, 1987.

24. Samarah A. Politeness in Arabic culture // *Theory and Practice in Language Studies*. 5 (10). 2015. P. 2005–2016.

25. Sharabi H. Impact of class and culture on social behavior: The feudal bourgeois family in Arab society // L. C. Brown, N. Itzhowitz (eds.). *Psychological dimensions of Near Eastern studies*. Princeton, NJ: The Darwin Press, 1977. P. 240–256.

26. Yousef F. S. Cross-cultural communication aspects of contrastive social values between North Americans and Middle Easterners // *Human Organization*. 33 (4). 1974. P. 383–387.

27. Ларина Т. В. Категория вежливости в английской и русской коммуникативных культурах. М.: Изд-во РУДН, 2003.

28. Шагаль В. Э. Арабский мир: пути познания. Межкультурная коммуникация и арабский язык. М.: ИВ РАН, 2001.

И. В. Базиленко

О российско-иранской войне 1804–1813 гг.

Аннотация. Статья посвящена первой в XIX в. российско-иранской войне как неотъемлемой части наиболее сложного периода российско-иранских отношений, который пришелся на конец XVIII в. и первые три десятилетия XIX в. Автор подчеркивает «Персидскую» и «Кавказскую» составляющие «Восточного вопроса», подробно освещает обстановку в регионе накануне начала боестолкновений и отвергает общепринятую точку зрения о России как инициаторе российско-иранской войны 1804–1813 гг. В статье рассмотрены причины возникновения вооруженного противостояния, ход военных действий и следствия.

Ключевые слова. Российско-иранские отношения; «Восточный вопрос»; российско-иранская война 1804–1813 гг.; Фатх-Али-шах;

Джавад-хан; П. Д. Цицианов; Аббас-мирза; И. В. Гудович; П. С. Котляревский; Гюлистанский мирный договор; русская историческая песня.

Igor V. Bazilenko

On the 1804–1813 Russian-Iranian war

Abstract. The article is devoted to the first Russian-Iranian war in the 19th century as an integral part of the most difficult period of Russian-Iranian relations, which falls on the end of the 18th century and the first three decades of the 19th century.

The author emphasizes the “Persian” and “Caucasian” components of the “Eastern Question”, covers in detail the situation in the region on the eve of the outbreak of hostilities and rejects the generally accepted point of view about Russia as the initiator of the Russian-Iranian war of 1804–1813.

The article discusses the reasons for the emergence of armed confrontation, the course of hostilities and their consequences.

Keywords. Russian-Iranian relations; “Eastern Question”; Russian-Iranian war of 1804–1813; Fath Ali Shah; Javad Khan; P. D. Tsitsianov; Abbas Mirza; I. V. Gudovich; P. S. Kotlyarevsky; Gulistan Peace Treaty; Russian historical song.

С точки зрения «узнавания» друг друга XIX в. в истории российско-иранских отношений был чрезвычайно богатым на события и контакты, однако к сожалению, приходится признать, что очень многие из них носили далеко не дружественный характер. По количеству вооруженных столкновений и конфликтов конец XVIII в. и первые три десятилетия XIX в. занимают печальное первое место в отношениях между россиянами и иранцами в сравнении со всем предыдущим периодом достоверной истории.

Век XIX не в последнюю очередь стал таковым в российско-иранских связях вследствие крайнего обострения «Восточного вопроса» в мировой политике, когда коммерческие

и политические интересы европейских держав вступили в острое противоречие. Еще в начальный этап деятельности основателя Каджарской династии Ага-Мухаммад-шаха (1796–1797) Франция и Великобритания (каждая из стран независимо от другой) прилагали всевозможные усилия для разрыва российско-иранских отношений, для организации затяжной войны между Россией и Ираном, которая призвана была отвлечь Россию от европейских дел и дележа османского наследства.

В зарубежной и отечественной историографии зачастую принято рассматривать «Восточный вопрос» как вопрос, связанный исключительно с отношением европейских государств к Османской империи, которая в XVIII в. столкнулась с рядом серьезных проблем и вступила к концу столетия в стадию распада.

Не ставя под сомнение приоритетное значение борьбы государств Западной Европы и России за «турецкое наследство», представляется вполне оправданным рассматривать «Восточный вопрос» в более широком контексте борьбы европейских держав за контроль над регионами Ближнего и Среднего Востока. «Восточный вопрос» всегда содержал несколько составляющих, таких как «Средиземноморский вопрос» (соперничество за господство в Средиземном море и на его побережье), «Балканский вопрос» (борьба за контроль над Балканским полуостровом, осложнявшаяся национально-освободительным движением народов), «Арабский вопрос» (борьба арабов за независимость от османских правителей) и др. В рамках «Восточного вопроса» следует рассматривать также «Кавказский» и «Персидский» вопросы, которые со временем приобрели чрезвычайную актуальность.

«Персидский вопрос», связанный с борьбой держав за преобладание в Иране, на Кавказе, в Средней Азии и в Индии, был традиционно обусловлен устойчивым многовековым стремлением России и Европы использовать Иран как противовес Османской империи. Успеху в реализации этого стремления способствовали суннитско-шиитские религиозные противоречия, осложненные наличием подвластных султану общемусульманских святынь в Хиджазе и основных шиитских святынь в Ираке, территориальные споры, вызванные отсутствием признанных сухопутных

и водных границ между Османской и Сафавидской империями, проблема исторического Курдистана и ряд других болезненных вопросов. Турецко-иранское региональное противостояние Великобритания, Франция и Россия неизменно использовали в своих интересах с большей или меньшей эффективностью в зависимости от активности соперников и складывавшейся вследствие этого международной обстановки.

Россия при Павле I (1796–1801) после удачных войн с Турцией и присоединения Крыма взяла курс на непосредственное включение православной Грузии, Армении и ряда закавказских ханств в империю. 18 января 1801 г. Павел подписал манифест о присоединении Восточной Грузии к России и договорился с Наполеоном I (1769–1821) о совместном походе в Британскую Индию через Иран. Как известно, в марте того же года Павел был убит в результате заговора, в котором самое активное участие приняли отечественные и европейские масоны, и поход не состоялся¹.

После некоторых колебаний новый император Александр I (1801–1825) 12 сентября 1801 г. подписал «Манифест об учреждении нового правления в Грузии». Согласно статьям манифеста, генерал-лейтенанту К. Ф. Кноррингу (1762–1802), назначенному главнокомандующим на Кавказе, предписывалось договориться о создании антииранского союза с закавказскими ханами на фоне энергичных усилий иранского Фатх-Али-шаха (1798–1834) по захвату Грузии и мусульманских ханств Закавказья. Весной 1803 г. шах по просьбе грузинских царевичей Юлона, Александра и других проирански настроенных грузинских правителей намеревался вторгнуться с войсками в Грузию. Тем временем Картли-Кахетинское царство вошло в состав России и стало Грузинской губернией империи. Чуть позднее добровольно присоединились Бакинское, Кубинское, Дагестанское и другие царства. В 1803 г. присоединились Менгрелия и Имеретинское царство.

¹ Брачев В. С. Масоны и власть в России. М., 2003. С. 225–227.

В острую политическую борьбу оказались вовлеченными не только грузинские, но и армянские правители и мусульманские ханы, интересы которых разделились между Россией и Ираном сообразно симпатиям к той или иной стороне. Напряжение в регионе усиливалось и вскоре переросло в открытое военное столкновение, положившее начало российско-иранской войне 1804–1813 гг.

В зарубежной и даже в современной отечественной историографии считается, что непосредственным поводом к войне стало взятие 16 января 1804 г. российскими войсками города-крепости Ганджа, и Россия, согласно этой версии, выглядит стороной, развязавшей войну¹.

Если принять подобную расхожую версию о том, что Россия начала запланированную войну с Ираном, остается без ответа принципиально важный вопрос об установлении причин, по которым российское военное командование после взятия Ганджи не стремилось развивать военный успех, не отдало приказа о продвижении вглубь территории противника с целью захвата основных административно-политических центров, включая новую столицу Каджаров — Тегеран. Ведь объективные обстоятельства, которые следует при этом учесть,

Фатх-Али-шах Каджар

¹ История Ирана. М., 1977. С. 226; Кузнецова Н. А. Иран в первой половине XIX в. М., 1983. С. 34.

благоприятствовали возможному российскому наступлению. Среди них: относительная непопулярность новой династии, пришедшей к власти лишь в самом конце XVIII в.; невысокий авторитет центральной власти; отсутствие единой и внятной системы управления провинциями, каждая из которых за малым исключением представляла собой, в сущности, суверенное княжество, руководство которого признавало тегеранского шаха лишь формально (а порой и совсем не признавало); этнически и конфессионально разнородный состав подвластного населения; полное отсутствие регулярной армии (даже нехватка соответственно обученных и вооруженных современным оружием разрозненных ханских отрядов); объективная враждебность Каджаров по отношению к России, ставшая следствием целой цепи предшествующих исторических событий, начало которым было положено Екатериной II и основателем династии Каджаров Ага-Мухаммад-ханом еще в 80-е гг. XVIII в.

Признавая Россию инициатором российско-иранской войны 1804–1813 гг., невозможно логически объяснить отсутствие в течение *полугода* (с января до июня 1804 г.) каких-либо значимых военных действий со стороны П. Д. Цицианова, который, таким образом, отдал стратегическую инициативу иранской стороне, то есть, по сути, ждал, пока противник соберется с силами и подготовится к контрнаступлению.

На самом деле командующий войсками России князь П. Д. Цицианов (1754–1804) был отправлен из Санкт-Петербурга для разрешения ряда наболевших вопросов российско-грузинских и российско-иранских отношений. Однако по прибытии в Грузию он столкнулся с неприятной необходимостью принимать срочные меры по делу об аресте и ограблении грузинских купцов, которое произошло в 1803 г. при попустительстве проиранского правителя Ганджи Джавад-хана (1786–1803). Дело осложнялось тем широко известным обстоятельством, что до прихода к власти в Иране династии Каджаров Ганджа платила дань грузинскому царю Ираклию. Именно Джавад-хан в период борьбы различных сил за власть в Иране перешел на сторону Каджаров, стал одним из инициаторов карательного похода иран-

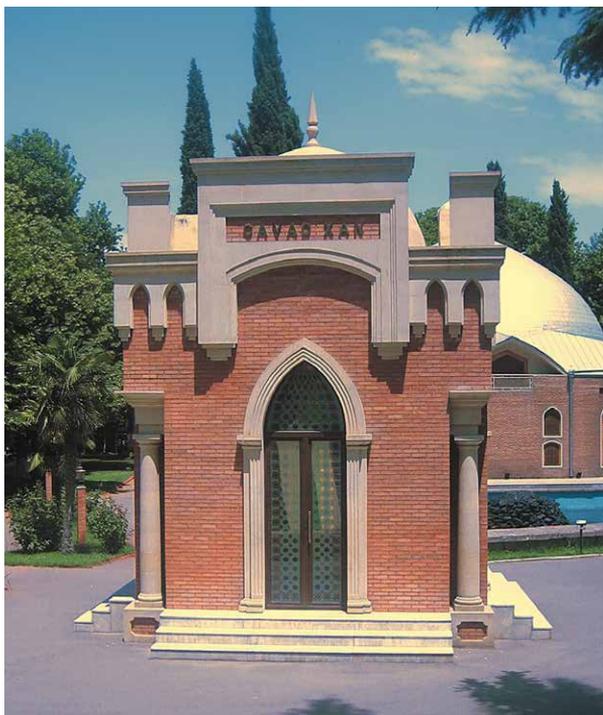
цев в Грузию в 1795 г. и являлся одним из основных виновников страшного разорения Тбилиси. В 1796 г. во время Зубовского похода он просил о скорейшем прибытии российских войск в Ганджу, добровольно открыл ворота города для них и даже подписал клятву верности русским, за что позднее был брошен в тюрьму Ага-Мухаммад-шахом и сумел избежать казни только после убийства шаха заговорщиками 17 июня 1797 г. в крепости Шуша.

Поскольку Джавад-хан всячески уклонялся от компенсации ущерба, нанесенного грузинским торговцам, П. Д. Цицианов (по происхождению грузин из княжеского рода Цицишвили) предложил хану перейти в российское подданство по примеру соседних ханств с тем, чтобы вернуть выплату Ганджой прежней дани грузинским царям. После очередного отказа П. Д. Цицианов принял решение наказать хана захватом Ганджи с областью и присоединением ее к Грузии¹. Таким образом Цицианов, очевидно, намеревался возратить status quo, существовавший в регионе до воцарения Каджаров, и восстановить поправную, по его мнению, справедливость по отношению к грузинскому населению, большая часть которого приняла российское подданство. Никакого официального или полуофициального объявления войны Ирану со стороны Цицианова от имени России не последовало и, как представляется, не могло последовать при непредвзятом рассмотрении известных обстоятельств «ганджийского дела».

П. Д. Цицианов

¹ [Броневский С. М.] Историческая выписки о сношениях России с Персиею, Грузией и вообще с горскими народами, в Кавказе обитающими, со времен царя Иоанна Васильевича донине / изд., предисл., указ. И. К. Павловой. СПб., 1996. С. 152.

Мавзолей Джавад-хана в Гандже¹

Примечательно, что штурм, захват Ганджи и гибель Джавад-хана были первоначально восприняты в Тегеране достаточно сдержанно, что объяснялось практически независимым положением ханства, находившегося на окраине децентрализованного

¹ Иранские потомки Джавад-хана взяли фамилию Джавадхани. Потомки Джавад-хана в Российской империи носили фамилию Зиядхановы. Исмаил-хан Зиядханов (1867–1920) был членом I Государственной думы Российской империи, позднее — видным активистом Азербайджанской Демократической Республики. Шахверди-хан Зиядханов (1869–1919) был известным российским и азербайджанским военным деятелем, воевал за Россию в Русско-японской (1904–1905) и I мировой войнах (1914–1918). Адиль-хан Зиядханов (1870–1957) был и. о. министра иностранных дел Азербайджана и послом в Иране в 1919–1921 гг.

Каджарского государства. По крайней мере, эти события не стали поводом для немедленной военной реакции Фатх-Али-шаха.

Однако усиления России в регионе не могли допустить такие европейские державы, как Великобритания и Франция. Заручившись их поддержкой и надеясь на действенную помощь, главным образом Великобритании, после заключения англо-иранского договора в 1801 г., Фатх-Али-шах в конце мая 1804 г. в категорической форме потребовал, чтобы Россия вывела все свои войска с территории Грузии и всех вошедших в состав России ханств. Официально именно Иран объявил войну России в июне 1804 г. 8 июня 1804 г. авангард отряда П. Д. Цицианова под командованием генерал-майора С. А. Тучкова (1767–1839) выступил по направлению к Эривани. Первое реальное боестолкновение противоборствующих сил произошло лишь 10 июня 1804 г. у урочища Гюмри, по итогам которого русский отряд заставил отступить персидскую конницу¹.

Ход и итоги войны, продлившейся формально до 1813 г. и закончившейся полным поражением Ирана, достаточно хорошо известны; многократно привлекали к себе внимание русских дореволюционных, советских, иранских и зарубежных (западноевропейских и американских) исследователей.

19 июня отряд Цицианова подошел к Эривани, где встретился с армией наследника иранского престола Аббас-мирзы (1789–1833). Авангард генерал-майора С. А. Портнягина (1764–1827) в тот же день не смог с ходу овладеть Эчмиадзинским монастырем и вынужден был отступить. 20 июня в ходе битвы под Эриванью основные силы русских разбили персов и вынудили их бежать. 30 июня отряд Цицианова перешел р. Зангу, где в ходе яростного боя захватил иранские редуты. 2 июля русские полностью окружили Эриванскую крепость. 17 июля под Эриванью армия под командованием Фатх Али-шаха атаковала русские позиции, однако успеха не достигла. 4 сентября из-за больших потерь россияне сняли осаду с Эриванской крепости и отступили в Грузию².

¹ Шишов А. В. Схватка за Кавказ. М., 2007. С. 172.

² Там же. С. 178.

В начале 1805 г. отряд генерал-майора П. Д. Несветаева (ум. 1808) занял Шурагельский султанат и присоединил его к владениям Российской империи. 14 мая 1805 г. между Россией и Карабахским ханством был подписан Кюрекчайский договор. По его условиям хан, его наследники и все население ханства переходило под власть России. Незадолго до этого карабахский Ибрагим-хан наголову разбил при Дизане иранское войско. Вслед за этим 21 мая шекинский Селим-хан изъявил желание вступить в подданство России, и с ним был подписан аналогичный договор¹.

В июне 1805 г. Аббас-мирза занял крепость Аскеран. В ответ русский отряд под командованием полковника П. М. Карягина (ум. 1807) 29 июня выбил персов из замка Шах-Булах. Узнав об этом, Аббас-мирза окружил замок и начал вести переговоры о его сдаче. Однако русские не планировали сдаваться, их главной целью было задержать персидские войска Аббас-мирзы. Узнав о приближении иранской армии под командованием Фатх Али-шаха, русский отряд ночью покинул замок и ушел к Шуше. У Аскеранского ущелья отряд столкнулся с войском Аббас-мирзы, но все попытки последнего разбить русских не имели успеха². Персы были рассеяны, но после того как к ним подошли сильные подкрепления, русский отряд под командованием П. М. Карягина и майора П. С. Котляревского (1782–1852), имевший на вооружении всего две пушки, был вынужден отходить с боями. Русский батальон шел к замку Мухрат форсированным маршем, но путь преградил ров, непреодолимый для пушек. Деревьев для моста поблизости не было, и тогда четверо русских егерей, перекрестившись, добровольно легли в ров, и орудия перевезли по ним. При этом двое заплатили жизнями за героическое самопожертвование³.

¹ [Броневский С. М.] Исторические выписки... С. 157.

² Шишов А. В. Схватка за Кавказ. С. 184.

³ Существует и другая версия вышеописанных событий, согласно которой инициатором создания живого моста был рядовой Гавриил Сидоров, сказавший: «...пушка — солдатская барыня, надобно ей помочь; так перекатим-ка ее на ружьях». Несколько ружей тотчас же

Ф. А. Рубо. Живой мост, эпизод из похода полковника Карягина в Мухрат в 1805 году (1897)

Заняв крепость Мухрат 9 июля, отряд восемь суток выдерживал атаку двадцатитысячного персидского войска и в составе оставшейся сотни воинов пробился к спешившему на помощь Цицианову.

были воткнуты в землю штыками и образовали сваи, несколько других положены на них как перекладины, несколько солдат подперли их плечами, и импровизированный мост был готов. Первая пушка разом перелетела по живому мосту и только слегка помяла молодецкие плечи, но вторая сорвалась и со всего размаху ударила колесом по голове двух солдат. Пушка была спасена, но люди заплатили за это своими жизнями. В их числе был и батальонный запевала Гаврила Сидоров. Похоронив героев, отряд продолжил марш (Потто В. А. Кавказская война. Т. 1: С древнейших времен до Ермолова. С. 386–387). Это событие стало сюжетом картины автора будущей панорамы «Бородинская битва» Ф. А. Рубо (1856–1928) «Живой мост, эпизод из похода полковника Карягина в Мухрат в 1805 году», впервые экспонировавшейся в 1898 г. на выставке Императорской академии художеств. Картина произвела необычайно сильное впечатление на императора Николая II (1868–1918), и он распорядился приобрести картину для Зимнего дворца.

15 июля 1805 г. русские войска деблокировали Шушу. Аббас-мирза, узнав о том, что основные силы русских покинули Елизаветполь (Ганджу), прошел обходным путем и осадил город. В случае успеха Аббас-мирзе открывался путь на Тбилиси, который оставался без прикрытия. Однако его планам не суждено было сбыться, поскольку 27 июля 1805 г. русский отряд в 600 штыков неожиданно атаковал лагерь Аббас-мирзы под Шамхором и наголову разбил персов.

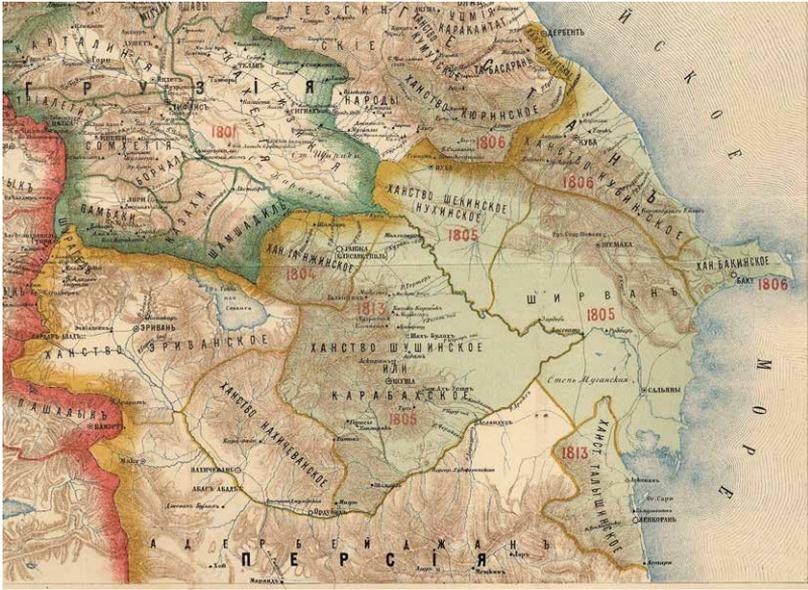
Тем временем 23 июня каспийская флотилия под командованием генерал-майора И. И. Завалишина (1769—1821) заняла порт Энзели и высадила десант. 20 июля им было приказано покинуть Энзели и взять курс на Баку. 12 августа 1805 г. каспийская флотилия бросила якорь в Бакинской бухте. Завалишин предложил бакинскому хану проект договора о переходе в подданство Российской империи. Дальнейшие переговоры успеха не имели, так как бакинцы решили оказать сопротивление. В течение последующих 11 дней каспийская флотилия обстреливала Баку. В конце августа 1805 г. высадившийся отряд овладел передовыми укреплениями перед городом. Ханские войска, вышедшие из крепости, были разбиты. Однако вследствие понесенных потерь от столкновений, а также из-за нехватки боеприпасов русские вынуждены были 3 сентября снять осаду с Баку и 9 сентября полностью покинули бакинскую бухту¹.

30 ноября 1805 г. отряд Цицианова форсировал р. Куру и вошел в пределы Ширванского ханства. После переговоров 27 декабря ширванский Мустафа-хан подписал договор о переходе в российское подданство².

30 января 1806 г. Цицианов подошел к Баку с двухтысячным войском. Одновременно к Баку вновь приблизилась каспийская флотилия и высадила десант. Цицианов потребовал немедленной сдачи города. По предварительной договоренности торжественная церемония мирной сдачи города и перехода Бакинского ханства в подданство Российской империи должна была состояться 8 февраля. Во время встречи с Хусайн-кули-ханом

¹ Шишов А. В. Схватка за Кавказ. С. 185.

² [Броневский С. М.] Историческая выписки. С. 158.

Карта Кавказского края с обозначением границ 1806 г., Тифлис 1901 г.

главнокомандующий генерал П. Д. Цицианов и подполковник Э. Е. Эрстов были предательски убиты двоюродным братом хана Ибрахим-беком. Когда хан вручал ключи от Баку, Ибрахим внезапным выстрелом из пистолета наповал сразил Цицианова, убит был и князь Эрстов. Выхавший после выстрелов в российских военачальников отряд иранской конницы изрубил тела обоих и увез их в бакинскую крепость. После этого генерал-майор Завалишин принял решение покинуть Баку. Потеряв главнокомандование, небольшое российское войско было вынуждено отступить. Отрезанную голову князя П. Д. Цицианова бакинцы отправили в Тегеран в качестве дара Фатх Али-шаху¹.

После трехмесячного пребывания на посту главнокомандующего на Кавказе с февраля до мая 1806 г. генерал Г. И. Глазенап (1751–1819) был сменен недолюбливавшим его графом

¹ [Броневский С. М.] Историческая выписки. С. 159.

Убийство П. Д. Цицианова и Г. Э. Эриванского у стен Баку 8 февраля 1806 г.

И. В. Гудовичем (1741—1820), который летом 1806 г. разгромил Аббас-мирзу при Каракапете (Карабах).

Вероломный бакинский Хусайн-кули-хан также торжествовал недолго: в октябре 1806 г., когда русские войска вновь подошли к Баку, он бежал, а его ханство перешло к России.

Г. И. Глазун

Начавшаяся в ноябре 1806 г. очередная российско-турецкая война заставила русское командование заключить зимой 1806—1807 гг. Узун-Килисское перемирие с Ираном. В мае 1807 г. Фатх-Али-шах заключил антирусский союз с наполеоновской Францией, и в 1808 г. военные действия возобновились. Русские взяли Эчмиадзин, в октябре 1808 г. разбили Аббас-мирзу при Карабабе (к югу от оз. Севан) и заняли Нахичевань.

И. В. Гудович

А. П. Тормасов

После неудачного штурма Эривани 17 ноября 1808 г. генерал-фельдмаршал И. В. Гудович отвел войска в Грузию. Тяжелая болезнь, завершившаяся потерей глаза, вынудила Гудовича в 1809 г. оставить Кавказ.

Назначенный новым главнокомандующим граф А. П. Тормасов (1752–1819) во главе российских войск в 1809 г. отразил наступление иранской армии во главе с Фатх-Али-шахом в районе Гюмри-Артик и тем самым сорвал попытку Аббас-мирзы захватить Ганджу.

В марте 1809 г. Иран разорвал договор с Францией и восстановил союз с Великобританией, которая инициировала заключение ирано-турецкого соглашения о совместных операциях на кавказском фронте. В мае 1810 г. армия Аббас-мирзы вторглась в Карабах, но немногочисленный (около 400 штыков, без артиллерии) отряд полковника П. С. Котляревского в июне нанес ей поражение у крепости Мигри. Обойдя хорошо укрепленную крепость ночью по горным кручам с тыла и произведя ложную атаку с одного фронта, он атаковал крепость с другого и взял ее приступом. В течение двух недель отряд Котляревского оборонялся в крепости от подошедших войск Аббас-мирзы. Когда иранцы под командованием Ахмад-хана

сняли осаду и двинулись к границе, Котляревский дерзко вышел из крепости, настиг их на переправе у р. Аракс и разгромил, получив при этом пятое ранение с начала кампании.

5–6 сентября 1810 г. иранские войска под командованием Хусайн-кули-хана были разбиты под Ахалкалаки отрядом генерал-майора Ф. О. Паулуччи (1779–1849). В 1811 г. Котляревскому было поручено остановить наступление иранцев и турок со стороны Ахалциха, для чего он решил овладеть крепостью Ахалкалаки. Взяв с собой всего два батальона своего полка и сотню казаков, Котляревский в три дня перевалил горы, покрытые глубоким снегом, и ночью штурмом взял Ахалкалаки. В результате этой блестящей военной операции иранское войско потеряло возможность соединиться с турецкой армией и выступить совместно против россиян на Кавказе.

После завершения в январе 1812 г. российско-турецкой войны и заключения мирного договора Иран стал склоняться к мысли о примирении с Россией. Однако известия о нападении объединенной Наполеоном I (1769–1821) Европы на Россию в 1812 г. и о вступлении французов в Москву укрепили военную партию при шахском дворе. В Южном Азербайджане для нападения на Грузию была сформирована армия под началом Аббас-мирзы. Почти

все силы России были брошены на войну с Наполеоном, а на Кавказе борьбу с Ираном продолжали российские войска в ослабленном составе.

Новый (после А. П. Тормасова) главнокомандующий на Кавказе (с 1811 г.) генерал-лейтенант Н. Ф. Ртищев (1754–1835) надеялся на скорейшее заключение мира и старался не предпринимать активных военных действий, однако Котляревский считал, что персы понимают только язык силы, и готовился к новым сражениям.

Н. Ф. Ртищев

Последовавшие события подтвердили правоту Котляревского. Когда войска Аббас-мирзы внезапно вторглись в Талышинское ханство и взяли Ленкорань, Котляревский получил от главнокомандующего разрешение действовать на свой страх и риск. Переправившись 19 октября 1812 г. через р. Аракс, отряд русского генерала атаковал иранские войска под Асландузом, обратил их в бегство и штурмом взял крепость. Во время бегства наследник престола Аббас-мирза свалился с лошади в глубокую яму. Иранцы, потеряв главнокомандующего, посчитали его погибшим и предались совершенной панике.

Впоследствии известный историограф и придворный летописец Реза-кули-хан Хедаят (1800–1871), объясняя причину поражения многочисленного иранского войска, так описал это анекдотическое событие:

«В самый разгар боя замечательный и удивительный случай превратности судьбы проявил себя в армии Ирана: когда принц, воодушевляя ратников, предался размышлению о средствах к спасению, лошадь его внезапно споткнулась и оборвалась в глубокую яму, отчего его высочество изволил свое благородство перенести с седла на землю. Прислуга не могла заметить такого неприятного казуса и, не видя своего повелителя, исполнилась невыразимого смущения, вообразив, что его высочество, подобный Александру Македонскому и равный славными деяниями знаменитому государю Дарию, погиб»¹.

13 января 1813 г. после отказа иранского коменданта сдать крепость Котляревский в кровопролитном сражении отбил Ленкорань. В критический момент, когда атака стала захлебываться, тридцатилетний русский генерал встал во весь рост, лично повел солдат на приступ и выиграл битву. Об ожесточенном характере боя свидетельствуют серьезные жертвы: от русского отряда осталось около трети личного состава. Самого Котляревского, получившего пулю в ногу и две в голову, с трудом нашли в груди

¹ Реза-кули-хан Хедаят. Роузат ас-Сафа. Цит. по: Утверждение русского владычества на Кавказе / под ред. генерал-майора В. А. Потто. Тифлис: Типография штаба Кавказского военного округа, 1902. Т. II. С. 467–468.

Аббас-мирза

П. С. Котляревский

павших тел и еле спасли стараниями врачей. До конца дней он остался инвалидом¹. Потери иранцев были еще более впечатляющими. Комендант Ленкорани Садык-хан и десять других ханов, оставшиеся верными своему обещанию не сдаваться и не бежать, пали вместе с гарнизоном на стенах крепости. Русские казаки едва не захватили в плен самого принца Аббас-мирзу.

¹ «Тяжелые раны не заставили Котляревского сдать командование, и он с одра страдания продолжал распоряжаться отрядом. «Я сам получил три раны, — писал он в своем донесении главнокомандующему. — Благодарю Бога, благословившего меня запечатлеть успех дела моей собственной кровью». Печально возвращались победоносные остатки отряда в Тифлис. Офицеры и солдаты, поникнув головами, без песен и со слезами на глазах, благоговейно шли за носилками, на которых лежал обезображенный и измученный страданиями любимый вождь их. Лицо его все сведено было на сторону, правого глаза не было, челюсть раздроблена, и из уха торчали разбитые черепные кости. Полумертвого привезли его в Тифлис. Главнокомандующий в полной парадной форме и в Александровской ленте, полученной им за асландузскую победу, немедленно отправился к больному, а скоро он имел удовольствие поздравить Котляревского с орденом Св. Георгия 2-й степени — наградой, необычайной на тридцать первом году жизни». Цит. по: Потто В. А. Кавказская война. Т. 1. С. 536.

Рубо Ф. Штурм Ленкорани, 1893 г.

Ближайшим следствием ленкоранской сечи стало полное прекращение военных действий. Победа русского оружия в Отечественной войне 1812 г. окончательно убедила Фатх-Али-шаха в том, что его надежды на ослабление России в борьбе с европейскими оккупантами оказались тщетными.

Иранцам пришлось вступить в мирные переговоры, и 24 октября 1813 г. был подписан российско-иранский Гюлистанский мирный договор, по которому Иран признал навечно вхождение в состав Российской империи Восточной Грузии и Северного Азербайджана, Имеретии, Гурии, Менгрелии, Абхазии и пр. (ст. II–III). Обе страны обязались помогать мореплавателям соседа при кораблекрушениях, Россия получила исключительное право держать военный флот на Каспийском море (ст. V), обязалась быть гарантом стабильности иранского престолонаследия, пообещав поддерживать по просьбе иранской стороны законного преемника, назначенного предшествующим шахом (ст. IV). В тексте договора также содержались условия возвращения и амнистии для всех пленных, дезертиров и пожелавших выбрать свободно страну

проживания (ст. VI), определено количество людей свиты послов обеих стран (ст. VII), установлены взаимовыгодные правила торговых отношений (ст. VIII) и единовременная пятипроцентная ввозная пошлина на российские и иранские товары (ст. IX).

При более или менее подробно изложенной политической и дипломатической истории российско-иранской войны 1804—1813 гг. хотелось бы затронуть малоосвоенные аспекты этого напряженного периода общей истории наших стран, связанные с народными представлениями о происходивших событиях. В этой связи неизбежно встает вопрос о достоверных источниках, могущих пролить свет на эту тему, поскольку своеобразный отбор материалов, свойственный летописному типу источников или официальной хронике, безусловно, отсеивал все повседневное и часто оставлял в стороне «низкие» подробности мироощущения простых людей — основной «массы» народонаселения обеих стран. Для российской действительности начала XIX в. важнейшим источником для исследования обыденного сознания, которому зачастую не уделяется должное внимание, является русская историческая песня, представляющая собой истинно особый вид истории народа, рассказанной самим народом. Всем видам историко-песенного фольклора в определенной степени присуща конкретность отражения, например, вышеупомянутому былинному мифологическому эпосу — предшественнику исторической песни. Однако лишь историческая песня обладает несомненной связью с определенным событием, подтверждение которому можно найти в документальных данных.

При рассмотрении исторических песен о российско-иранской войне необходимо отметить, что в сравнении с песнями, посвященными российско-турецким, Северной, Семилетней, Восточной и прочим войнам, они не отличаются в выигрышном отношении ни количеством, ни качеством репертуара¹.

Последнее обстоятельство может отчасти свидетельствовать о небольшой популярности войн России с Ираном в глазах

¹ Русская историческая песня / сост., примеч. Л. И. Емельянова. Л., 1990.

Карта основных сражений и итоги российско-иранской войны 1804–1813 гг.

русского солдата. Что касается боевого духа иранцев, о котором много писали придворные иранские историографы, употреблявшие главным образом сравнительные и превосходные степени прилагательных для изображения героических подвигов иранской армии, то лучшим свидетельством отношения иранского народа к войне с Россией можно считать слова французского генерала и дипломата Клода-Матье де Гардана (1766–1818). Гардан, прибывший в Иран после подписания франко-иранского договора 1804 г. с миссией по реорганизации иранской армии в ходе войны с Россией, всемерно содействовал разжиганию антирусских настроений при тегеранском дворе и в обществе. В то же время в своих посланиях французскому министру иностранных дел знаменитому Ш. Талейрану (1754–1838) он безрадно признавал: «...Аббас-мирза и его братья жаждут войны, но сановники и вообще народ любят покой»¹. Только упрямство

¹ Gardane A. Mission du general Gardane en Perse sous le Premier Empire. P., 1868. P. 73–74.

тегеранского двора в сочетании с англо-французскими усилиями по затягиванию военных действий между Ираном и Россией не позволили заключить мирный договор в 1808 г. или даже в 1807 г., когда исход кампании уже был очевиден для многих. Отношения русских и иранцев были несравнимо лучшими, чем отношения с турками — давними и общими противниками. Российские солдаты чаще дезертировали в Иран, где отношение местного населения было вполне терпимым, особенно в вопросах вероисповедания, которые зачастую являлись основными для мировосприятия россиян в рассматриваемую эпоху.

Традиционными причинами дезертирства российских солдат во время войны 1804—1813 гг. были: плохая забота командиров о своих подчиненных, некачественное питание, задержка или невыплата положенного жалованья, деятельность иранских агентов, подстрекавших к переходу в лагерь противника, а также рассказы вернувшихся из Ирана военнопленных, которые описывали иранскую жизнь беглецов «в обворожительном виде для солдата»¹.

Литература

1. Atkin M. *Russia and Iran, 1780–1828*. Minneapolis: Univ. of Minnesota Press, 1980.
2. Gardane A. *Mission du general Gardane en Perse sous le Premier Empire*. P., 1868.
3. *Russians in Iran: Diplomacy and Power in the Qajar Era and Beyond* / Edited by Rudi Matthee & Elena Andreeva. London & New York: I. B. Tauris, 2018. 314 p.
4. Suny R. G. *The Making of the Georgian Nation*. 2nd ed. Bloomington: Indiana University Press, 1994.
5. Авалов З. Д. *Присоединение Грузии к России*. СПб.: Тип. А. С. Суворина, 1901.
6. *Акты, собранные кавказской археографической комиссией (АКАК)*. Тифлис, 1866. Т. 6.
7. Али Асгар Шамим. *Иран дар доуре-йе салтанат-е Каджар. Гарн-е сиздахом ва нима аввал-е гарн-е чахардахом-е хеджри камари*. Тегран, 1393. (На перс. яз.).

¹ *Акты, собранные кавказской археографической комиссией (АКАК)*. Тифлис, 1866. Т. 6. Ч. 2. С. 348.

8. Базиленко И. В. *Историография, религиоведение и культурология Востока: учебное пособие*. СПб.: Изд-во СПбГПУ, 2011. 344 с.
9. Базиленко И. В. *Очерки истории российско-иранских отношений (конец XVI — начало XX в.)*. СПб.: Аргус СПб, 2017. 432 с.
10. Базиленко И. В. *Россия — Иран: история отношений и эволюция религиозных идей (конец XVI в. — нач. XX в.)*. Saarbrücken: LAP LAMBERT Academic Publishing, 2012. 316 с.
11. Базиленко И. В. *Россия и Иран (страницы мифической и достоверной истории) // Россия и Восток*. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 2000. С. 139–174.
12. Базиленко И. В. *Россия и Иран // История России: Россия и Восток*. СПб.: Лексикон, 2002. С. 389–424.
13. Базиленко И. В. *Россия и Иран: военно-политический и культурологический аспекты двусторонних отношений в Новое время // Россия и Восток: феноменология взаимодействия и идентификации в Новое время: коллективная монография*. СПб.: Студия НП-Принт, 2011. С. 33–71.
14. Базиленко И. В., Дьяков Н. Н., Жуков К. А. *Россия и мусульманский Ближний Восток (арабские страны, Турция, Иран): учебно-методическое пособие*. СПб.: СПбГУ; Президентская библиотека, 2015. 232 с.
15. Балаян Б. П. *Международные отношения Ирана в 1813–1828 гг.* Ереван: Изд-во АН Армянской ССР, 1967.
16. Брачев В. С. *Масоны и власть в России*. М., 2003.
17. Бриммер Э.В. *О Грибоедове. Серия литературных мемуаров / под общей редакцией: В. Э. Вацура (редактор тома), Н. К. Гая, С. А. Макашина, А. С. Мясникова, В. Н. Орлова*. М.: Художественная литература, 1980.
18. [Броневский С. М.] *Исторические выписки о сношениях России с Персиею, Грузией и вообще с горскими народами, в Кавказе обитающими, со времен царя Иоанна Васильевича донныне / изд., предисл., указ. И. К. Павловой*. СПб., 1996. 232 с.
19. *Военная энциклопедия / под ред. В. Ф. Новицкого и др.* СПб.: Товарищество И. В. Сытина, 1911–1915. Т. 9.
20. Грибоедов А. С. *Сочинения*. М.: Правда, 1971.
21. Дубровин Н. Ф. *Закавказье от 1803–1806 года*. СПб., 1866.
22. *История Ирана*. М.: Издательство Московского университета, 1977. 497 с.
23. Керсновский А. А. *История русской армии*. М.: Издательство АСТ, 2023.

24. Ковалевский Е. П. Восточные дела в двадцатых годах. *Вестник Европы*. Т. 2. 1868.
25. Кузнецова Н. А. Иран в первой половине XIX в. М.: Наука, 1983.
26. Махмуд Махмуд. *Тарих-е равабет-е сиаси-йе Иран ва инглиз дар гарн-е нуздахом-е милади*. Т. 1. Тегеран, 1328. (На перс. яз).
27. Отечественная война и русское общество: 1812–1912. Юбил. изд. в 7 т. / под ред. А. К. Дживелегова, С. П. Мельгунова, В. И. Пичета / Историческая комиссия Учебного отдела ОРТЗ. М.: Т-во И. Д. Сытина, 1912. Т. 3.
28. Потто В. А. Кавказская война в отдельных очерках, эпизодах, легендах и биографиях: в 5 т. (2-е изд.). СПб.: Тип. Е. Евдокимова, 1887–1889.
29. Рейфилд Д. Грузия. Перекресток империй. История длиной в три тысячи лет. М.: КоЛибри, 2019.
30. Русская историческая песня / сост., примеч. Л. И. Емельянова. Л., 1990.
31. Русский биографический словарь: в 25 т. / изд. под наблюдением А. А. Половцова. СПб, 1897. Т. 8. 756 с.
32. Советско-иранские отношения в договорах, конвенциях и соглашениях. М.: Изд-во Министерства иностранных дел СССР, 1946. 216 с.
33. Тучков С. А. Из Записок. Кавказская война: истоки и начало. СПб., 2002.
34. Утверждение русского владычества на Кавказе / под ред. генерал-майора В. А. Потто. Тифлис: Типография штаба Кавказского военного округа, 1902. Т. II.
35. Фадеев А. В. Россия и Кавказ в первой трети XIX века. М.: АН СССР, 1960. 455 с.
36. Хасан Пирнийя (Мошир ад-Доуле), Аббас Игбал Аштиани, Али-Реза Амини. *Тарих-е Иран аз пейдаеш та ингираз-е селселе-йе Пахлави*. Тегеран, 1392. (На перс. яз.).
37. Цагарели А. Грамоты и другие исторические документы XVIII столетия, относящиеся к Грузии. Т. 2, вып. 2. СПб., 1902.
38. Шильдер Н. К. Император Николай Первый, его жизнь и царствование. Т. 2. СПб., 1903.
39. Шишов А. В. Схватка за Кавказ. М., 2007.

Ю. Д. Балащенко

Пример мирного разрешения серьезного межгосударственного конфликта в первой половине XIX века

Аннотация. Вхождение Грузии в состав России после подписания в 1783 г. «Георгиевского трактата» послужило поводом для Персии дважды развязать войны с Россией в 1804–1813 и 1826–1828 гг. Обе войны закончились полным разгромом Персии. Результатом поражения во второй войне явились территориальные потери и огромная контрибуция в 20 млн рублей.

Для ускорения ее получения в Тегеран в начале 1829 г. был направлен посол России А. С. Грибоедов. Во время его пребывания в Тегеране в российскую резиденцию сбежали две армянки из гарема родственника шаха, а из шахского гарема — евнух, что послужило поводом для разгрома посольства России, убийства

А. С. Грибоедова и остальных членов миссии 30 января 1829 г. Это злодеяние поставило Россию и Персию на грань войны, но так как Россия в это время воевала с Турцией, то руководство страны приняло решение ограничиться дипломатическим урегулированием инцидента.

Персия направила в Петербург обширное Искупительное посольство во главе с внуком Фатх-Али-шаха Каджара принцем Хосров-Мирзой. Посольство, миновав границу с Россией 2 мая 1829 г., проехало практически через всю европейскую часть страны и прибыло в Петербург 4 сентября 1829 г. Персов прекрасно принимали на всем пути следования, знакомя с достижениями России.

Торжественная аудиенция состоялась 10 сентября 1829 г. в Зимнем дворце Петербурга. На ней Хосров-Мирза, произнеся извинительную речь, вручил Николаю I грамоту Фатх-Али-шаха. Извинения персов были приняты, выплата части контрибуции была прощена, а выплата оставшейся — отсрочена на пять лет. Принц и его спутники получили множество подарков, среди которых было 12 новейших орудий.

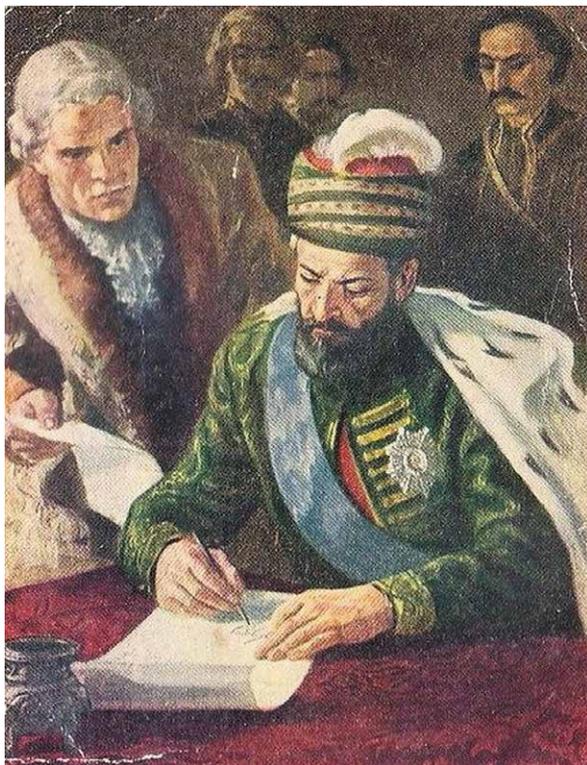
Ключевые слова. Персия; Россия; А. С. Грибоедов; Хосров-Мирза.

Мы живем в достаточно сложное время, наполненное разнообразными конфликтами, в том числе и вооруженными, как между отдельными государствами, так и между различными народами, живущими по соседству. Тем ценнее для нас опыт прошлого.

Статья посвящена уникальному случаю в истории России, когда, казалось бы неразрешимое противостояние между Российской Империей и Персией¹, грозившее перерасти в полномасштабную войну, разрешилось мирным путем.

Руководство Персии почти десятилетия начала XIX века боролось с Россией за господство в Закавказье. Противостояние между Персидской и Российской империями старались использовать в своих целях Англия и Франция. Особой активностью

¹ Персия — официальное название Ирана в России и странах Европы до 1935 года.

Грузинский царь Ираклий II (1720–1798) подписывает 24.07.1783 года «Георгиевский трактат», по которому Грузия добровольно вошла в состав России

отличалась Великобритания, прикрывая свои истинные цели в Персии мнимой угрозой Индии.

В конце XVIII в самом начале XIX веков грузинское Картли-Кахетинское царство¹ добровольно вошло в состав

¹ Картли-Кахетинское царство — грузинское государственное образование, созданное в 1762 г. в результате объединения двух восточно-грузинских государств, существовавших независимо с момента распада Грузии в XV в.

Российской империи после заключения Ираклием II¹ в 1783 году «Георгиевского трактата»².

Дружественный договор с Россией спас население страны от насильственной исламизации, ассимиляции и поглощения страны Персией или Османской Турцией. Укрепление позиций России на Кавказе способствовало усилению ее значения на Среднем Востоке, тем самым ослабляя влияние Великобритании в этом регионе.

Включение значительных территорий на Кавказе под юрисдикцию Российской империи, послужило поводом для Персии развязать войну с Россией, которая продолжалась с 1804 по 1813 год. Вторгшиеся в пределы России персидские войска под командованием Фатх-Али-шаха Каджара³ и его наследника Аббас-Мирзы,⁴ в конечном счете были разбиты. 12 октября

¹ Ираклий II (1720–1798) — царь Кахетии (1744–1762), а затем объединённого Картли-Кахетинского восточно-грузинского царства (1762–1798). Ираклий II, происходя из кахетинской ветви династии Багратионов, учредил регулярную грузинскую армию, ограничил права феодалов, основал школы и семинарии в Тбилиси и Телави, занимался заселением пустующих районов Грузии. Проведённые им реформы способствовали централизации власти.

² «Георгиевский трактат» — договор, заключенный между Россией и Грузией 24 июля 1783 г. в городе-крепости Георгиевск, со стороны Российской империи его подписал генерал граф П. С. Потемкин (1743–1796) дальний родственник всесильного фаворита Екатерины II (1729–1796) светлейшего князя Г. А. Потемкина (1739–1791), а со стороны Картли-Кахетинского царства — князя И. К. Багратион-Мухранский (1755–1801) и Г. Р. Чавчавадзе (1783–1801).

³ Фатх-Али-шах (1772–1834) — второй правитель и племянник основателя династии Каджаров Ага-Мухаммад-шаха (1741–1797). Придя к власти в 1797 г., установил регулярные дипломатические связи с Европой и модернизировал армию. Несмотря на перемены Персия, дважды потерпев сокрушительное поражение от России в 1813 и 1828 годах, потеряла часть своей территории. Обе войны в немалой степени были спровоцированы державами Европы.

⁴ Аббас-Мирза (1783–1833) — старший сын и наследник Фатх-Али-шаха, главнокомандующий персидской армией и фактический правитель страны. Его резиденция находилась в столице Персидского

*Шah Персии Фатх-Али-шах
Каджар (1772–1834)*

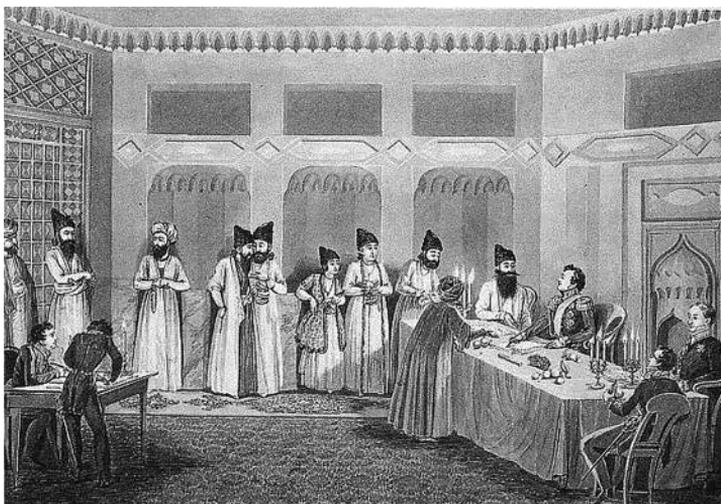
*Аббас-Мирза (1789–1833)
наследный принц и командующий
персидской армией*

1813 года в местечке Гюлистан был подписан мирный договор, по которому Персия потеряла контроль над значительной частью Закавказья.

Персия не смирилась с поражением и, подталкиваемая Великобританией, развязала новую войну с Россией в 1826 году. В ходе боевых действий 1826–1828 годов агрессор был вновь полностью разгромлен. 28 февраля 1828 года в селении Туркманчай был подписан мирный договор¹ между Российской империей и Персией.

Азербайджана городе Тебризе. У Аббас-Мирзы было 26 сыновей и 22 дочери.

¹ Туркманчайский мирный договор — был подписан 28 февраля 1828 г. в местечке Туркманчай в окрестностях Тебриза. В соответствии с ним между Россией и Персией устанавливалась новая граница по реке

Подписание 10.02.1828 г. мирного договора между Персией и Россией в селении Туркманчай. Фактическим автором договора был А. С. Грибоедов

Его подписали — граф И. Ф. Паскевич¹ и Аббас-Мирза. Знаменитый русский поэт и дипломат А. С. Грибоедов² принимал

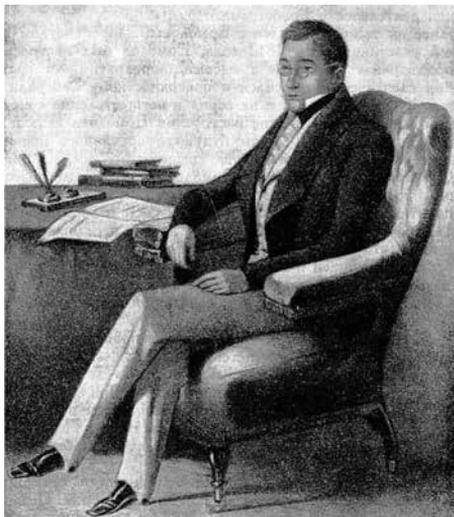
Аракс. Персия отказывалась от притязаний на Грузию и Северный Азербайджан. К России были присоединены Восточная Армения: ханства Эриванское и Нахичеванское. Подтверждалось исключительное право России иметь военный флот на Каспийском море; Персия обязывалась выплатить России контрибуцию в размере 20 миллионов рублей.

¹ Паскевич Иван Федорович (1782—1856) — светлейший князь Варшавский, граф Эриванский — генерал-фельдмаршал. С 1806 г. по 1812 г. он принимал участие в войне против Турции. В Отечественную войну 1812 г. доблестно сражался с французами. В 1814 г. участвовал во взятии Парижа русскими войсками. В 1826 г. Паскевич, получив назначение на Кавказ, успешно вел боевые действия против Персии. В 1828—1829 гг. Паскевич искусно руководил военными действиями против Турции в Малой Азии. Летом 1831 г. он был назначен главнокомандующим войсками в Польше. Паскевич был женат на двоюродной сестре Грибоедова.

² Грибоедов Александр Сергеевич (1795—1829) — поэт, драматург и блестящий дипломат, владевший персидским, арабским, турецким и грузинским языками. В 1817 г. Грибоедов поступил на дипломатичес-

Наместник на Кавказе граф Иван Федорович Паскевич (1782–1856). Портрет кисти Франца Крюгера (1797–1857)

Поэт и дипломат Александр Сергеевич Грибоедов (1790–1829). Его прижизненный портрет, был написан актером Большого театра Санкт-Петербурга П. А. Каратыгиным (1805–1879)

непосредственное участие как в выработке условий договора, так и в церемонии его подписания и в марте 1828 года доставил его в Санкт-Петербург.

В апреле того же года А.С. Грибоедов был назначен Российским Полномочным министром¹ в Персии. По дороге к месту службы Александр Сергеевич заехал в Тифлис. Там он женился

кую службу. В 1818 г. Грибоедов, получив назначение в Персию, попал в Тегеран в марте 1819 г., но позже переехал в Тебриз. В 1824 г. завершил «Горе от ума». В апреле 1828 г. Грибоедов был назначен Российским послом в Персию. По пути к месту назначения Александр Сергеевич, проведя несколько месяцев в Тифлисе, женился 22 августа 1828 г. на княжне Нине Чавчавадзе (1812–1857).

¹ Полномочный министр — официальное звание Чрезвычайного и Полномочного Посла России в царствование императора Николая I (1796–1855).

*Подсчет и передача России контрибуционных платежей
в Тебризе в размере 20 млн руб.*

22 августа 1828 года на 15-летней дочери своего друга княжне Нине Александровне Чавчавадзе¹. Осенью 1828 года члены российского посольства во главе с А. С. Грибоедовым прибыли в персидский город Тебриз², где находились как ставка Аббас-Мирзы, так и основная резиденция посольства России.

¹ Чавчавадзе Нина Александровна (1812–1857) — дочь князя А. Г. Чавчавадзе (1786–1846). Ещё в ранней юности княжна отличалась необыкновенной красотой, изысканными манерами и душевной добротой. Грибоедов, служивший в 1822 г. в Тифлисе, был частым гостем князя Чавчавадзе и давал его дочери уроки музыки.

² Тебриз — древний город, расположенный на севере Ирана у озера Урмия, является административным центром провинции Восточный Азербайджан и четвёртым по величине городом страны. Город трижды был разрушен мощными землетрясениями — в 858, 1041 и 1721 гг. На протяжении всей истории Тебриз неоднократно становился столицей различных государств иранского севера. В 1293–1294 город посетил Марко Поло, а около 1474 г. Тебриз посетил Афанасий Никитин, упомянувший его в своих путевых записках «Хождение за три моря». В XV в. Тебриз имел важное экономическое значение, он был перевалочным пунктом на Великом шёлковом пути. Город сильно пострадал в ходе боевых действий во время ирано-иракской войны 1980–1988 гг.

Основной задачей, поставленной правительством России перед А. С. Грибоедовым, было наблюдение за неукоснительным соблюдением Персией условий Туркманчайского договора, выполнение которых всячески затягивалось. В основном это касалось выплаты персами контрибуции, составлявшей 20 млн руб. Фатх-Али-шах не спешил расставаться с золотом, а вице-канцлер России граф К. В. Нессельроде¹ требовал от А. С. Грибоедова более активных действий. Здесь уместно упомянуть интереснейший факт — отец великого русского художника И. Е. Репина, принимал участие в войне с Персией, за что был награжден медалью. Он участвовал в перевозке персидской контрибуции в Россию. Позднее Ефим Васильевич Репин² вспоминал, что «у каждого солдата через седло были перекинуты тюки с золотом»³.

В результате А.С. Грибоедов в начале 1829 года отправился в Тегеран⁴ для встречи с Фатх-Али-шахом. Пребывание

Граф Карл Васильевич Нессельроде (1780–1862). С 1844 г. канцлер Российской империи. Портрет выполнен П. Ф. Соколовым (1787–1848) после 1829 г.

¹ Нессельроде Карл Васильевич (1780–1862) — граф, русский государственный и политический деятель. В 1816 г. он был назначен управляющим иностранной коллегией. Основной целью его внешней политики был тесный союз с Австрией и Пруссией. В 1844 г. Нессельроде был сделан государственным канцлером, а в 1856 г. уволен от управления Министерством иностранных дел.

² Репин Ефим Васильевич (1804–1894) — военный поселенин города Чугуева близ Харькова. Служил в Чугуевском уланском полку.

³ Репин И. Е. Далекое близкое. М.-Л.: Искусство, 1937. С. 579.

⁴ Тегеран — столица и крупнейший город Ирана, является политическим, экономическим, транспортным, торгово-финансовым

Транспортировка контрибуционных платежей в Россию

А.С. Грибоедова в персидской столице проходило вполне успешно. Александр Сергеевич, принятый Фатх-Али-шахом с подобающими его рангу почестями, изложил персидскому шаху требования России. Но во время пребывания А. С. Грибоедова в Тегеране случилось непредвиденное. В резиденцию российского посланника прибежали две этнические армянки из гарема родственника шаха Аллаяр-хана¹, а затем уже из шахского гарема сбежал евнух-армянин Мирза Якуб. Беглецы просили у посла защиты и содействия отправления их на родину, ставшую частью Российской империи. В соответствии с 13-й статьёй Туркманчай-

и культурным центром страны. Город вытянут вдоль горного склона с севера на юг на 26 км и с запада на восток на 40 км. Перепад высоты в пределах городской черты составляет почти 700 м. Ага-Мухаммад-хан Каджар, придя к власти, сделал Тегеран столицей страны в 1786 г. При Фатх-Али-шахе город был значительно перестроен.

¹ Аллаяр-хан Каджар (1757–1832) — был зятем Фатх-Али-шаха и премьер-министром Персии с 1824 по 1827 г. Аллаяр-хан был ярим врагом России.

ского мирного договора армяне имели право покинуть Персию. Предоставление убежища сбежавшим армянам на территории русского посольства послужило причиной для возбуждения недовольства среди жителей персидской столицы, вылившегося в кровавую бойню.

В результате 30 января 1829 года толпа религиозных фанатиков, разгромив российское посольство, зверски убила А. С. Грибоедова и остальных членов миссии, кроме первого секретаря посольства И. С. Мальцова¹ и двух курьеров. «Всего убито в сей ужасный день 37 человек наших и 19 тегеранских жителей»², — писал И. С. Мальцов наместнику на Кавказе графу И. Ф. Паскевичу. Одной из основных причин трагедии было то, что шахский евнух Мирза Якуб, обладая практически всей информацией о состоянии дел в государстве, мог передать эти сведения России, что для персидского правительства было абсолютно не приемлемо.

Спустя некоторое время, после завершения беспорядков в Тегеране, тело А. С. Грибоедова перевезли на территорию Российской империи, похоронив в Тифлисе в церкви Святого Давида на горе Мтацминда³.

Разгром русской миссии вновь поставил Россию и Персию на грань военного столкновения, что стало бы вполне естественным результатом трагических событий, произошедших в Тегеране. Но начинать новую войну, было далеко не лучшим решением

¹ Мальцов Иван Сергеевич (1807–1880) — действительный тайный советник, дипломат и крупный фабрикант. В 1823 г. унаследовал Гусевскую хрустальную фабрику. В апреле 1828 г. И. С. Мальцов был назначен в Персию первым секретарём посольства, возглавляемого А. С. Грибоедовым. Он оказался единственным оставшимся в живых сотрудником посольства во время его разгрома. Мальцов спасся благодаря тому, что во время трагических событий находился в соседнем доме.

² Акты, собранные кавказской археографической комиссией (АКАК). Тифлис, 1878. Т. 7. С. 701.

³ Мтацминда — гора практически в центре столицы Грузии. На ее склоне расположена одна из главных святынь страны — церковь Св. Давида, где находится гробница А. С. Грибоедова и его жены Н. А. Чавчавадзе.

возникшей проблемы, так как Россия находилась в состоянии войны с Османской империей. Война на два фронта представлялась российскому руководству нежелательным и весьма обременительным делом. Кроме того, новый вооруженный конфликт, затруднив сам по себе положение России, мог привести к значительному осложнению русско-английских отношений. Учитывая все выше перечисленное, вице-канцлер России граф К. В. Нессельроде принял решение, поддержанное императором Николаем I (1796–1855), ограничиться дипломатическим урегулированием инцидента.

В результате длительной переписки между правительствами двух стран была достигнута договоренность об отправлении в Россию представительного персидского посольства с искупительной миссией. При этом в Тегеране долго не могли решить, кого из Каджарских принцев отправить в Россию в качестве главы посольства. В итоге выбор пал на принца Хосров-Мирзу¹, седьмого сына Аббас-Мирзы.

На момент поездки в Россию Хосров-Мирзе, по воспоминаниям графа П. П. Сухтелена², «было лет 16, он был красив, весьма умен и, имея некоторый дипломатический опыт, состоял в звании статс-секретаря по внешним сношениям».³ Состав

¹ Хосров-Мирза (1813–1875) — сын Аббас-Мирзы. После возвращения из России принц был щедро награжден шахом. Этому в немалой степени способствовали результаты, достигнутые персидским посольством в Санкт-Петербурге. Выплата части контрибуции была прощена, а выплата оставшейся отсрочена. После смерти отца в 1833 г. Хосров-Мирза был арестован за участие в дворцовых интригах, а после смерти деда в 1834 г. был ослеплен по приказу своего старшего брата Мухаммада (1808–1848), ставшего персидским шахиншахом (правил 1834–1848 гг.).

² Сухтелен Павел Петрович (1788–1833) — граф, генерал-адъютант, герой Отечественной войны 1812 г., с 1830 г. — военный губернатор Оренбурга. Поступив на военную службу в 1802 г., принимал участие во всех войнах, которые в те годы вела Россия. Один из немногих русских офицеров, который участвовал в выработке условий Туркманчайского мирного договора.

³ Розанов М. Г. Персидское посольство в России в 1829 г. (по бумагам графа П. П. Сухтелена) // *Русский архив*. 1889. Кн. 1. С. 209.

*Принц Хосров-Мирза (1813–1875)
внук Фатх-Али Шаха. Глава
искупительного посольства.
Портрет кисти Филиппа Берже
(1783–1867)*

*Генерал-адъютант граф Павел
Петрович Сухтелен (1788–1833).
Портрет кисти Дж. Доу
(1781–1829)*

посольства был обширен, в него входили — как представители правящей элиты Персии, так и значительное количество обслуживающего персонала. Под вещами посольства находилось 300 лошадей.

Главными лицами в искупительном посольстве были — Амир-низам, т. е. командующий регулярными войсками Ирана — Мирза Мухаммад-хан Зангане¹, фактически он возглавлял Посольство, лейб-медик Аббас-Мирзы Мирза Хаджи Баба² и два

¹ Амир-низам, то есть командующий регулярными войсками Ирана — Мирза Мухаммад-хан Зангане — фактически главное лицо в искупительном посольстве, родился в Керманшахе и происходил из старинной фамилии, известной богатством и множеством принадлежавших им караван-сараяв. Скончался в 1842 г.

² Мирза Хаджи Баба — лейб-медик Аббас-Мирзы с 1811 по 1819 г. учился в Англии. Граф П. П. Сухтелен считал его английским шпионом при посольстве, вероятно, Мирза Хаджи Баба послужил прообразом героя романа Джеймса Морьера «Похождения Хаджи Бабы из Исфагана».

статс-секретаря Аббас-Мирзы — Мирза Салих¹ и Мирза Масуд². Официальным персидским летописцем искупительного посольства был Мирза Афшар.³ Он, являясь секретарем Мирзы Масуда, вел подробный дневник, отмечая все наиболее интересные моменты путешествия по России.

В конце апреля 1829 года Посольство, покинув Тебриз, 2 мая пересекло границу России. В Тифлис искупительное посольство прибыло 6 мая 1829 года. «Сразу же по прибытии в город Хосров-Мирза — как записал в своем дневнике Мирза Афшар — отправился представиться наместнику на Кавказе графу И. Ф. Паскевичу. После взаимных приветствий и чаепития принц и граф Паскевич, сев в экипаж, отправились в резиденцию принца»⁴.

Во время первой беседы с принцем Иван Федорович сообщил ему о победе русских войск под командованием князя

¹ Мирза Мухаммад Салих Ширази — статс-секретарь Аббас-Мирзы, при дворе, которого исполнял обязанности переводчика и инженера. Учился в Англии с 1815 по 1819 гг., куда был послан Аббас-Мирзой. Мирза Салих постоянно находился в разъездах, выполняя дипломатические поручения наследного принца. Даты его жизни не установлены.

² Мирза Масуд Ансари Гармруди — статс-секретарь и главный переводчик Аббас-Мирзы довольно свободно владел французским языком. Мирза Масуд, участвуя в разработке Туркманчайского мирного договора, неоднократно встречался с А. С. Грибоедовым. Он дважды — в 1834—1838 и в 1845—1849 гг. был министром иностранных дел Персии. Умер в 1849 г.

³ Мирза Мустауфи Насруллах Афшар — секретарь Мирзы Масуда. По его поручению вел официальный дневник миссии — «Рузнаме-йе сафар-е Петербург» («Дневник путешествия в Петербург»). В 1853 г. Мирза Афшар занимал должность управляющего делами по сношению с иностранцами в Азербайджане. В 1862—1863 гг. он был управляющим делами в Мазандаране, а в 1865 г. Мирза Афшар стал министром юстиции. Даты жизни Мирзы Афшара не установлены.

⁴ Мирза Афшар. *Рузнаме-йе сафар-е Петербург // Нашир-йе ваза-рат-е умур-е харидже*. Тегеран, Шахривар 1345/1966 г. С. 192.

В. О. Бебутова¹ над турками под Ахалцихом², тем самым дав понять Хосров-Мирзе о своевременном приезде искупительной миссии в Россию. На следующий день в Тифлисе в честь победы русского оружия был произведен салют в 101 залп и до самого вечера звонили в колокола. В тот же день принцу представились высшие военные и гражданские чины города. В последующие дни И. Ф. Паскевич неоднократно встречался с принцем, приглашая его на балы, званые обеды и просто прогулки. В дневнике Мирзы Афшара было особо отмечено, что «граф каждые несколько дней посылал своего сына к принцу для услуг».³

¹ Бебутов Василий Осипович (1791–1858) — князь, российский полководец, генерал от инфантерии. Герой Кавказских походов и Крымской войны. Награждён практически всеми российскими орденами того времени. В. О. Бебутов родился в Тифлисе в армянской семье карабахского происхождения. Во время войны с Турцией стал одним из главных участников взятия штурмом крепости Ахалцих. В 1830 г. Бебутов был назначен начальником вновь образованной Армянской области, управляя которой в течение восьми лет, упорядочил правильное распределение податей и казённых доходов. Бебутовым было завершено разграничение российских владений с Персией. В 1840 г. князь Бебутов переведён в Польшу. Венцом его славы послужила кровопролитная битва 24 июля 1854 г. при селении Кюрюк-Дара, где князь с 18-тысячным отрядом нанёс решительное поражение 60 тысячам турок. За этот подвиг князь был награжден орденом Святого Андрея Первозванного. Живя в Тифлисе, за месяц до смерти Бебутов был назначен членом Государственного совета.

² Ахалцих (груз. Ахалцихе, буквально — *Новая крепость*) — город на юге Грузии, был основан в первой половине XII в. В 1579 г. город попал под власть Османской империи, став с 1628 г. центром Ахалцихской провинции Османской Турции. В ходе Русско-турецкой войны (1828–1829) в августе 1828 г. турецкие войска были разбиты у стен Ахалциха генералом И. Ф. Паскевичем, после чего крепость была занята русскими войсками. В феврале 1829 г. турки попытались отбить крепость. Оборону Ахалциха возглавил генерал В. О. Бебутов, она длилась с 20 февраля по 4 марта 1829 г., после чего турки отступили. По итогам Адрианопольского мира (2 сентября 1829) с Турцией, крепость Ахалцих в 1829 г. вошла в состав Российской империи.

³ Мирза Афшар. *Рузнаме-йе сафар-е Петербург*. С. 192.

Генерал-лейтенант барон Павел Яковлевич Ренненкампф (1790–1857), сопровождавший персов во время путешествия по России. Портрет 1833 г кисти Леопольда Фертбауэра (1802–1875)

Для почетного сопровождения персов в их путешествии по просторам Российской империи граф И. Ф. Паскевич назначил барона П. Я. Ренненкампфа¹, который с 29 мая 1829 года вел подробный дневник с ежедневными записями. Судя по дневнику, персы у него особых симпатий не вызывали.

16 мая граф И. Ф. Паскевич был вынужден покинуть Тифлис в связи с обстановкой на русско-турецком фронте. Перед отъездом граф возложил «обязанности по оказанию гостеприимства» на военного губернатора Тифлиса генерал-лейтенанта С. С. Стрекалова², который с честью выполнил, возложенные на него почетные обязанности. 19 мая в ознаменование пребывания

посольства в Тифлисе был устроен бал. На персов он произвел неизгладимое впечатление. Особенно их поразили грандиозный

¹ Ренненкампф Павел Яковлевич (1790–1857) — барон, генерал-лейтенант, во время второй русско-персидской кампании (1826–1828) он находился непосредственно при И.Ф. Паскевиче, а по окончании войны участвовал в определении границ между Россией и Персией.

² Стрекалов Степан Степанович (1782–1856) — генерал-лейтенант, действительный тайный советник, сенатор. Участник всех войн с Наполеоном. В конце 1828 г. он был назначен Тифлиским военным губернатором. Стрекалов в 1831 г. покинул Тифлис, получив назначение в Казань, где стал военным губернатором и управляющим гражданской частью. В конце 1841 г. Стрекалов переведен в Москву, а в 1843 г. он получил звание сенатора.

Вид Тифлиса середины XIX века художника В. Ф. Тимма (1820–1895)

фейерверк. «В разноцветном пламени горящей серы появились контуры зданий и минаретов, а в самом центре — герб России, двуглавый орел», — записал в дневнике Мирза Афшар¹.

Персы в столице Грузии не только развлекались, но и, осмотрев основные достопримечательности города, побывали в арсенале. Интерес персов к военным объектам и к организации российской армии вполне объясним, учитывая недавний полный разгром их вооруженных сил. Участники посольства использовали все возможности для детального знакомства с первым крупным военным, гражданским и административным центром России.

Описание Тифлиса и рассказ о пребывании там иранского посольства занимает в дневнике Мирзы Афшара значительное место, большее внимание им уделено только Москве и Петербургу.

Отношение к Тифлису у персов и русских диаметрально противоположно, если персы считали его первым европейским

¹ Мирза Афшар. *Рузнаме-йе сафар-е Петербург*. С. 192.

городом на пути следования посольства, то русские — азиатским. А. С. Пушкин дал описание города в заметках «Путешествие в Арзрум»: «Большая часть города выстроена по-азиатски; дома низкие, кровли плоские. В северной части возвышаются дома европейской архитектуры, и около них начинают образовываться правильные площади»¹. Александр Сергеевич приехал в Тифлис буквально через несколько дней после отъезда оттуда искупительного посольства, которое он встретил у подножья Казбека и где имел непродолжительную беседу с придворным поэтом Фазиль Ханом², сопровождавшим Хосров-Мирзу.

Нужно отметить, что персов, в Тифлисе, да и в других местах по пути их следования по России, интересовали не столько достопримечательности, сколько полезные, с их точки зрения, гражданские и военные объекты.

23 мая персидское посольство, покинув Тифлис, направилось во Владикавказ³ по Военно-Грузинской дороге⁴. Оттуда

¹ Пушкин А. С. Путешествие в Арзрум. Собр. соч. Т. 4. М.; Л. 1936. С. 400.

² Фазиль Хан Гарруси (1783/84–1852) — придворный поэт и учитель детей Аббас-Мирзы. В сентябре 1838 года Фазиль Хан, бежав в Россию, поселился в Тифлисе, где стал преподавать восточные языки. В 1842 г. он принял присягу на русское подданство.

³ Владикавказ — город, расположенный по берегам реки Терек в центральной части Северного Кавказа, был основан в 1784 г. как русская крепость, замыкая вход в Дарьяльское ущелье. По указу императрицы Екатерины II (1729–1796) город был назван Владикавказом. От него берёт начало Военно-Грузинская дорога. В советское время город носил имя Орджоникидзе. В 1990 г. ему возвращено историческое название. В настоящее время Владикавказ является столицей Республики Северная Осетия — Алания.

⁴ Военно-Грузинская дорога — протяженностью 208 км получила это название в начале XIX в. Она была известна с древних времён как Дарьяльский проход, соединявший Северный Кавказ и Закавказье. Ее описание имелось ещё у древних греков. Дорога проходит через Главный Кавказский хребет, соединяя города Владикавказ и Тифлис.

оно проследовало по территории Северного Кавказа, посетив города — Пятигорск¹, Ставрополь² и Новочеркасск³.

В Пятигорске Хосров-Мирза совершил восхождение на гору Машук, где по указанию генерала Г. А. Эмануэля⁴ архитектор Иосиф Бернардацци⁵ установил каменную стелу, на которой высекли имя принца, его стихи и дату посещения. К сожалению,

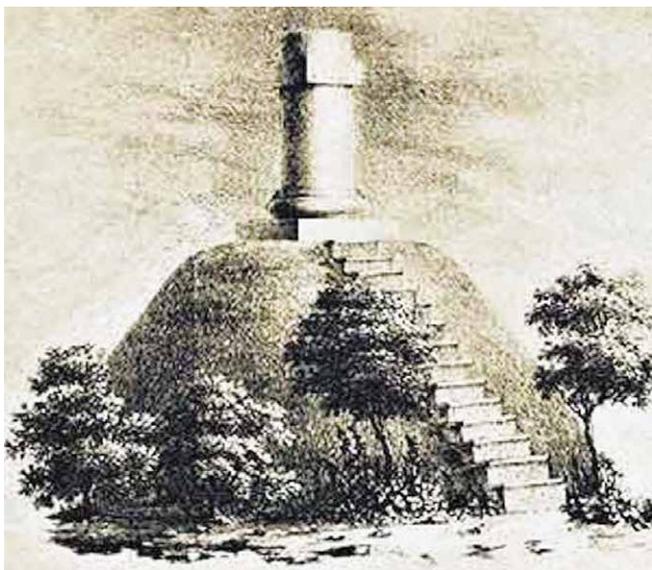
¹ Пятигорск — старейший город-курорт на Северном Кавказе. Получил свое название по имени горы Бештау (Пять вершин). Город расположен на склонах горы Машук и южного подножья горы Бештау на высоте 500–600 м над уровнем моря. Первое письменное упоминание о данной местности, имеющей источники горячей воды, оставил в 1334 г. арабский путешественник Ибн Баттута (1304–1369). Официальная история Пятигорска как города-курорта начинается 24 апреля 1803 г. после подписания Александром I (1777–1825) рескрипта — «О признании государственного значения Кавказских Минеральных Вод и необходимости их устройства».

² Ставрополь (город креста, греч.) — название города отражает распространённую в Российской империи в конце XVIII в. практику присвоения новым населённым пунктам псевдо-греческих названий. Основанный в 1777 г. как крепость, он расположен на одной из самых высоких точек Предкавказья, на водоразделе бассейнов Азовского и Каспийского морей. Один из крупнейших городов Северного Кавказа.

³ Новочеркасск — был основан 18.05.1805 г. как столица Области Войска Донского. Основателем города был атаман М. И. Платов (1753–1818). До этого казачья столица располагалась в Черкасске (ныне станция Старочеркасская). Город был спроектирован в лучших традициях европейских образцов градостроительства, с просторными площадями, широкими проспектами и утопающими в зелени бульварами. Переезд в новую столицу во главе с Войсковым Атаманом М. И. Платовым состоялся 9.05.1806 г. и сопровождался пушечным салютом в 101 залп.

⁴ Эммануэль (Эмануэль) Георг Арсеньевич (1775–1837) — уроженец Венгрии. Командир 4-й драгунской дивизии (1814–1826), с 1826 г. — командующий войсками на Кавказской линии и начальник Кавказской линии.

⁵ Бернардацци (Джузеппе-Марко) Иосиф Карлович (1788–1840) — русский архитектор, родился в Швейцарии. В 1820 г. приехал работать в Санкт-Петербург, где участвовал в строительстве Исаакиевского собора и перестройке Аничкова дворца. Осенью 1822 г. был направлен на Кавказ для строительства курорта у подножия горы Машук.

Вид горы Машук с каменной стелой архитектора И. Бернардацци (1788–1840), на ней высекли имя принца, его стихи и дату посещения. Рисунок Ф. Берже (1783–1867). Июнь 1829 г.

этот памятник, не сохранился, остались только его зарисовки. Хотя этот монумент являлся прямым напоминанием возможности мирного разрешения межгосударственного конфликта в самых неблагоприятных условиях.

Дальнейший маршрут персов в столицу Российской империи пролегал через города Воронеж, Тулу, Москву и Новгород. В Москве принц посетил мать Грибоедова¹. Как отметил А. П. Берже, Хосров-Мирза «употребил все старание утешить и успокоить ее в невозвратной потере единственного сына. Такое искреннее соболезнование к положению госпожи Грибоедовой, само собой разумеется, сразу расположило москвичей в пользу

¹ Грибоедова Анастасия (Настасья) Федоровна (1768–1839) — в девичестве также Грибоедова, из смоленской ветви рода Грибоедовых. Мать поэта и дипломата Александра Сергеевича Грибоедова.

принца»¹. Этому событию поэт и государственный деятель граф Д. И. Хвостов² посвятил стихи, приведенные в журнале «Русский архив» за 1889 год в статье «Персидское посольство в России 1829 года». В Новгороде к посольству присоединился генерал-адъютант граф П. П. Сухтелен для почетного сопровождения Хосров-Мирзы.

На всем пути следования Искупительного посольства, персов прекрасно принимали, они получали многочисленные подарки, в их честь устраивали балы, знакомили с достопримечательностями и при этом не скрывали военных достижений России. Можно вполне согласиться со словами военного историка В. А. Потто, отметившего, что «везде встречая широкое русское гостеприимство, персияне могли убедиться воочию, как русские люди легко забывают обиды, даже затрагивающие их национальную честь и самолюбие»³. Нужно отметить, что персы усиленно интересовались всем, что касалось вооружения и численного состава армии. Русское командование этому не препятствовало, вероятно, считая, что персы, оценив мощь России, в дальнейшем будут остерегаться военных авантюр. И следует заметить, что с той поры серьезных конфликтов между Ираном и Россией больше не было.

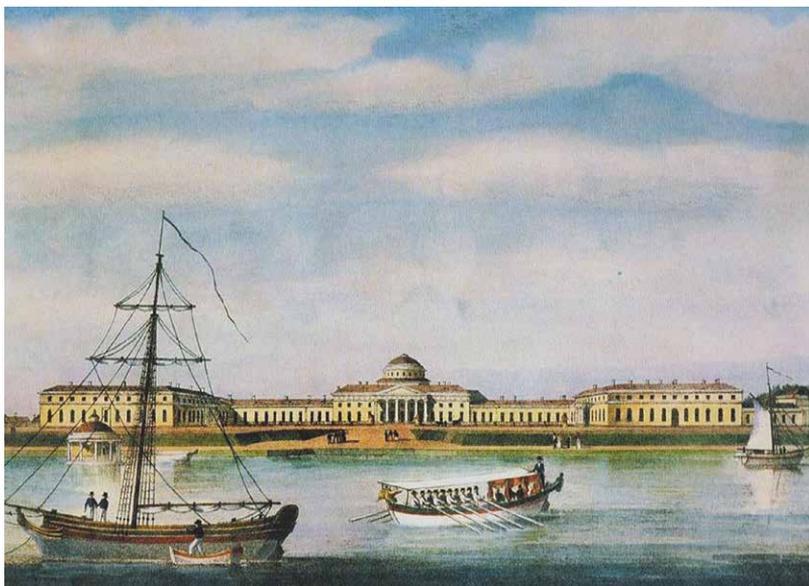
4 августа 1829 года Искупительное посольство Хосров-Мирзы прибыло в Петербург. В качестве резиденции принцу и его свите был предоставлен Таврический дворец⁴, куда Хосров-Мирза и направился сразу же после прибытия в столицу России.

¹ Берже А. П. Хосров-Мирза, персидский принц // Русская старина. 1879. Т. 25. № 6–7. С. 341.

² Хвостов, Дмитрий Иванович (1757–1835) — поэт, военный и государственный деятель. В 1831 г. произведён в действительные тайные советники. В истории русской литературы считался графоманом. При жизни граф Хвостов выпустил четыре полных собрания своих поэтических произведений.

³ Потто В. А. Кавказская война. Т. 3. СПб., 1888. С. 637.

⁴ Таврический дворец — резиденция князя Г. А. Потемкина (1739–1791) в Санкт-Петербурге. Дворец возведен в стиле классицизма в период с 1783 по 1789 год по проекту архитектора И. Е. Старова (1745–1808).

Вид Таврического дворца, построенного по проекту архитектора И. Е. Старова (1745–1808), со стороны Невы. В 1829 г. дворец был предоставлен Хосров-Мирзе в качестве резиденции в Санкт-Петербурге

Во время пребывания в Петербурге принц часто посещал Большой театр¹. Известный русский актер П. А. Каратыгин²

¹ Большой Каменный театр — петербургский театр, существовавший в 1783–1886 гг. Театр был крупнейшим в России и одним из самых больших в Европе. Здание театра начали возводить в 1775 г. по проекту Антонио Ринальди. В 1811 г. театр сгорел, но был восстановлен. После реконструкции в 1835–1836 гг. зрительный зал стал вмещать до 3 тыс. зрителей. Первоначально зрительный зал имел 3, впоследствии — 5 ярусов. В 1886 г. здание Большого театра было частично разобрано и перестроено в современное здание Петербургской консерватории.

² Каратыгин Пётр Андреевич (1805–1879) — известный русский актёр и драматург. Образование получил в Петербургской театральной школе. Артистическую карьеру он начал, исполняя роли любовников в драмах, комедиях и водевилях. Каратыгин написал 73 пьесы, большинство из которых — переводы и переделки иностранных пьес и русских повестей. Неоднократно писал акварельные портреты известных людей с натуры.

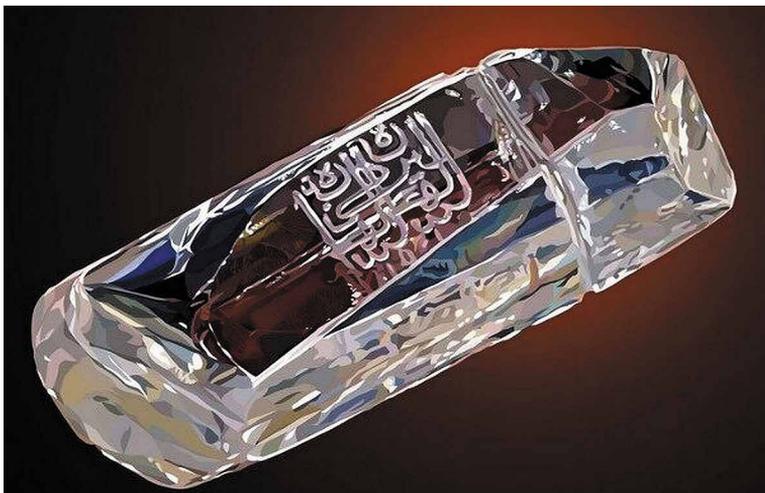
Вид Большого Каменного театра в СПб-ге, существовавшего в 1783–1886 гг. Возведение театра начато в 1775 г. по проекту Антонио Ринальди (1710–1794)

отмечал, что «он очень заинтересовал петербургское общество, но особенно дамы были от него в восхищении и не давали ему проходу на гуляньях»¹. Во время одного из спектаклей Петр Андреевич «набросал карандашом его [Хосров-Мирзы] профильный портрет и после перерисовал его акварелью на кости»². В дальнейшем Каратыгин передал этот портрет принцу через графа Сухтелена.

10 августа 1829 года состоялась торжественная аудиенция в Зимнем дворце Санкт-Петербурга. На ней Хосров-Мирза, произнеся извинительную речь, вручил Николаю I грамоту Фатх-Алишаха, в которой излагались трагические события, произошедшие в Тегеране, и приносились извинения за убийство А. С. Грибоедова.

¹ Каратыгин П. А. Воспоминания о русском театре // Русская старина. 1876. Т. 15. С. 104.

² Там же. С. 105.

Алмаз «Шах», привезенный принцем Хосров-Мирзой в Санкт Петербург, как часть контрибуции. Вес камня 88,7 карата, он является вторым по ценности в России

В конце аудиенции император Николай I, «взяв Хосров-Мирзу за руку, произнес: — Я предаю вечному забвению злополучное тегеранское происшествие»¹. Среди подарков, преподнесенных персами, был алмаз «Шах» весом в 88,7 карата. В свою очередь правительство России осыпало разнообразными подарками принца Хосров-Мирзу и его свиту. Кроме прочего, в подарок Персии было отправлено 12 орудий новейшего производства с дарственной надписью на каждой пушке. В настоящее время эти орудия, выставлены в музее под открытым небом в окрестностях Тегерана.

Покинув Санкт-Петербург 17 октября 1829 года, искупительное посольство, проехав по тому же маршруту, 15 февраля 1830 года торжественно въехало в Тебриз.

Основным результатом искупительного посольства Хосров-Мирзы для Персии стало то, что выплата части контрибуции в размере 2 млн руб. была прощена, а выплата оставшейся — отсрочена на пять лет.

¹ Берже А. П. Хосров-Мирза, персидский принц. С. 346.

Одна из пушек, подаренных персам

Путешествие в Россию в составе искупительного посольства оказало огромное влияние на последующую судьбу многих его участников. Что касается принца Хосров-Мирзы, то начало его карьеры было безоблачным, а конец был печален из-за участия в дворцовых интригах. После смерти отца Аббас-Мирзы и деда Фатх-Али-шаха он был арестован и ослеплен по приказу своего старшего брата Мухаммад-шаха,¹ ставшего к тому времени

¹ Мухаммад-Шах (1810–1848) — третий правитель Персии из династии Каджаров, правивший (23.10.1834–05.09.1848 гг.) Став шахом, Мухаммад перевел Тебризский двор целиком в Тегеран. В июле 1837 г. шах Мухаммад вторгся в Афганистан с более чем 30-тысячной армией.

владыкой страны. Другие участники искупительной миссии в дворцовых заговорах не участвовали, следствием чего карьера их шла по восходящей линии.

Основными источниками для данной статьи послужили дневники, сопровождавших искупительное посольство Хосров-Мирзы — Мирзы Афшара, барона Р. Я. Ренненкампа и графа П. П. Сухтелена.

Все иллюстрации к данной статье взяты из источников открытого доступа.

Литература

1. Акты, собранные кавказской археографической комиссией (АКАК). Тифлис, 1878. Т.7.
2. Берже А. П. Хосров-Мирза, персидский принц // Русская старина. 1879. Т. 25. № 6—7. С. 333—351.
3. Каратыгин П. А. Воспоминания о русском театре // Русская старина. 1876. Т. 15.
4. Мирза Афшар. *Рузнаме-йе сафар-е Петербург // Нашрий-а-йе вазарат-е умур-е харидже*. Тегеран: Шахривар, 1345/ 1966 г.
5. Потто В. А. Кавказская война. Т. 3. СПб., 1888.
6. Пушкин А. С. Путешествие в Арзрум. Собр. соч. Т. 4. М.-Л. 1936.
7. Репин И. Е. Далекое близкое. М.; Л.: Искусство, 1937. 624 с.
8. Розанов М. Г. Персидское посольство в России в 1829 г. (по бумагам графа П. П. Сухтелена) // Русский архив. 1889. Кн. 1.

Целью похода было завоевание Герата. Афганцы с помощью британцев отразили атаки персидской армии на Герат. В начале сентября 1838 г. осада города была снята и армия Мухаммад-шаха вернулась на родину. В дальнейшем шах отказался от походов на Герат, избегая войны с Британией.

М. А. Козинцев

**Верительная
грамота резидента
в Константинополе
А. М. Обрескова от 1753 г.**

Аннотация. В статье дается анализ двух документов, связанных с русско-турецкими отношениями елизаветинской эпохи, которые приведены в рукописи İÜNEKTY 5943 из собрания Библиотеки редких книг Стамбульского университета. Рукопись содержит обширную подборку документов различной тематики, включающую образцы писем русских монархов, которая была составлена, как считается, османским чиновником и историографом второй половины XVIII в. Кесби. Нами сделана попытка обратного перевода с османского языка на русский верительной грамоты императрицы Елизаветы Петровны, направленной турецкому султану Махмуду I в связи с назначением А. М. Обрескова (1718–1787) на должность российского резидента

в Константинополе. Подобно другим образцам официальной дипломатической переписки, данная грамота, записанная Кесби в незначительно сокращенном виде, используется им главным образом для того, чтобы проиллюстрировать общую картину развития русско-турецких отношений.

Ключевые слова. Русско-турецкие отношения в середине XVIII века; дипломатическая переписка; турецкое посольство в Россию; Мехмед Эмни-паша; русские резиденты в Стамбуле; Адриан Иванович Неплюев; Алексей Михайлович Обресков; Кесби.

XVIII в. отмечен рядом крупных военных конфликтов между стремительно усиливающейся Россией и пришедшей в упадок Османской империей. Отношения двух государств в период царствования императрицы Елизаветы Петровны (1741–1762) отличаются сохранением шаткого мира, установившегося после подписания Белградского договора 1739 г. В это время сложная международная обстановка в Европе вынуждала русское правительство проявлять осторожность в отношении с султаном. Внимание османских властей тогда также было больше сосредоточено на внутренних вопросах: поправке бедственного финансового положения, сложившегося после серии войн с Ираном, а также сохранении контроля над собственными провинциями. Поддержанию мира с Россией также немало способствовала деятельность русских резидентов в Константинополе — А. И. Неплюева (1745–1750)¹, а затем А. М. Обрескова (1751–1772)². Благодаря усилиям последнего удалось, в частности, избежать участия турок в Семилетней войне (1756–1763) на стороне Пруссии.

События этого времени достаточно подробно отражены в традиционной османской историографии, которая оперирует большим массивом источников, относящихся к русско-турецким

¹ О нем см.: Корсакова В. Неплюев, Адриан Иванович // Русский биографический словарь. Т. 11. СПб., 1914. С. 227–229.

² О нем см.: Зинько М. А. Обресков Алексей Михайлович // Большая российская энциклопедия. Т. 23. М., 2013. С. 543–544.

отношениям. Среди дошедших до нас переводов на османский язык русских дипломатических документов представлены грамоты императоров и императриц: Петра I, Анны Иоанновны, Иоанна Антоновича, Елизаветы Петровны, Екатерины II. Несколько таких переводов содержится в рукописи, хранящейся в Библиотеке редких книг Стамбульского университета под шифром İÜNEKTY 5943. В данной рукописи подобраны документы различной тематики, по большей части относящиеся к финансовой сфере и области отношений Османской империи с государствами Европы и мусульманского Востока. Подборка составлена хорошо знакомым с султанскими архивами османским финансовым чиновником Мехмедом Хашимом (ум. после 1798), писавшим под псевдонимом Кесби¹. Значительная ее часть позднее была использована им при написании сочинения «Ибретнюма-йы девлет» («Назидание государству»)².

Грамоты русских монархов, включенные в подборку, хронологически и тематически разнородны. Они не выделены составителем в отдельную группу, а идут в ряду образцов переписки с главами других европейских стран. В дальнейшем тексты официальной корреспонденции практически не были включены Кесби в состав «Назидания государству», что также можно объяснить их внушительным объемом и разнообразием, избыточным для указанного сочинения. Обилие источников, по-видимому, стало мешать Кесби, который, согласно В. Д. Смирнову, написанием «Назидания государству» «хотел создать нечто цельное,

¹ По поводу исторической личности Кесби существуют разные точки зрения. Аргументы в пользу тождественности данного автора с чиновником Мехмедом Хашимом изложены турецким исследователем Ф. М. Эмедженом в статье: Emecen F. M. İbretnüma-yı Devlet Adlı Eserin Yazarı Mustafa Kesbî midir? XVIII. Yüzyılın Bilinmeyen Bir Tarihçisi Üzerine Notlar // *Tarih Dergisi — Turkish Journal of History*. 1 (71). 2020. P. 197–221.

² Издание текста данного сочинения см.: Сборник некоторых важных известий и официальных документов касательно Турции, России и Крыма / издал с приложениями В. Д. Смирнов. СПб., 1881; Mustafa Kesbî. İbretnüma-yı Devlet (Tahlil ve Tenkitli Metin) / Ed. A. Öğreten. Ankara, 2002.

имеющее предметом своим Крымское ханство и его отношения к Высокой Порте»¹. Наблюдение над текстом рукописи İÜNEKTY 5943 позволяет отметить проявление этой тенденции у Кесби уже на этапе сбора материала. Подчеркнутой документальностью изложения, когда вместо авторского нарратива говорит сам документ, османский историограф стремится наглядно проиллюстрировать сложный процесс международных отношений.

С императрицей Елизаветой Петровной в рукописи İÜNEKTY 5943 связаны два документа. Первый по хронологии представляет собой краткую выдержку, касающуюся султанской грамоты от 16 раби I 1155 г. х. (20 мая 1742 г.). Упомянутая грамота, текст которой Кесби не приводит, составлена в период возобновления дипломатических отношений Османского государства с Россией и Австрией после окончания войны 1735–1739 гг. Для указанной цели в 1740 г. в Россию было направлено османское посольство во главе с Мехмедом Эмни² (ум. 1750), которому незадолго до того был пожалован титул бейлербея Анатолии с возведением в ранг паши. По окончании миссии в 1742 г. Мехмед Эмни-паша, как и прочие османские послы, составил подробное *сефарет-наме*³ с изложением в том числе событий собственной биографии, а также описанием дворцового переворота 1741 г., в ходе которого к власти в России пришла Елизавета⁴. Что касается Кесби, то в своей подборке он не ссылается и нигде не упоминает о существовании данного *сефарет-наме*, однако приводит тексты документов, связанных с событиями тех лет⁵.

¹ Сборник некоторых важных известий и официальных документов... С. IV.

² В рукописи İÜNEKTY 5943 указан как Мехмед Эмин-паша.

³ Посольский отчет. Текст известен в рукописи Библиотеки Мурада Моллы (Стамбул): Murad Molla Kütüphanesi, No. 1435.

⁴ Подробнее о посольстве см.: Unat F. R. Osmanlı Sefirleri ve Sefaretnameleri. Ankara, 1968. S. 73–82; Aktepe M. Mehmed Emnî Beyefendi (Paşa)'nın Rusya Sefâreti ve Sefâret-nâmesi. Ankara, 1989.

⁵ Ср. переводы на османский язык Дополнительного соглашения от 27 августа 1741 г. к Белградскому мирному договору 1739 г., а также грамоты от 24 мухаррама 1154 г. х. (10 апреля 1741 г. от Р. Х.), написанной

دارقشا دن ارحال و ستوفيزه موملارها نك حال حيانته اصدار اوضاع
و حسب نام ادره غاما روسا ممالكك امپراطورته نام اولدولموز
ركاب جا بونه استونا نه مزايه اخبار ادره شمه جابا دوشا نام نر به متوفيزه
موملارها بنينه حسن موالات سبقت اميد كينه بناه مرافقه هف حسن نوجو است
موكاه لر صلح اولموشه استودت كدر زم طرف هما يولموزم كسبت خاطر
مراسته مساعده و متوفيزه موملارها نك حيانته بكت بر بون اولموز لطفه
مستحق خواجه قرانك قوسطى و كفايتي ايه جناب كرت شاهه زير رسا
امپراطور لفر بنينه منفقد دايي حوت مرافقه و برنگه موزم و لطفه
ايه تا كيد اولموز اوله مصالحه موده نك شرط و خود مرافقه موزم
قرار دام اوله مصانات حفظ و مراعاتي و استونا نام حيا و موزم
امپراطور كرت كسبت امورر حاله موملارها نك بيوك نومه موزم
انام و الوه مز داعديه منفق اولموشه موملار مرافقه موزم ساير اوله
مصانانك تا كيد و وجهه اهم دلو بابه اعتقاد بور موزم اوله
عسكرك بيشه موزم و الك مزه نام مرافقه اوله توالم موزم
نام مرخص بيوك امپير تا كيد اميس ساير اولموشه

۱۶۰۰ البيناية اوله روسيه امپراطور كيه نام موزم
كسطن كحمود خان زمانه بيوك و مرخص امپريك ابو ان طوى
موزم امين بيشه عودت اميد كينه و حيا صلح موزم مراعات اوله موزم
روسه ابو له امورر و آخر خواجه امپريك لغز موزم
روسه عسكردلارا صندون عن حزب مرر ابره موزم لهو موزم
زنده سنك قيوبي دغدغدون خاني اولموز موزم موزم
قوت عليه نك ماعظم اولموشه ار موزم برسه قرانك حركات
تا موزم عسكردلور ك اولموشه موزم سبب اولموشه له موزم
لغز موزم اوله موزم موزم موزم موزم موزم موزم

کاظمی

Ил. 1. Стамбульский университет, Библиотека редких книг, İÜNEKTY 5943, л. 157 об.
(Courtesy of Istanbul University Rare Works Library, Library and Documentation Department)

Текст выдержки из грамоты на османском языке (рукопись İÜNEKTY 5943, л. 157 об.)

فی ۶۱ ربیع الأول سنه ۵۵۱۱ الیزابتہ اولہ روسیہ ایمپراطوریجہ سی
نامہ سی ترجمہ سندہ^۱ |
سلطان محمود خان زمانندہ بیوک و مرخص ایل چیلک ایلہ اناطولی بکر بکیسی |
محمد امین پاشا عودت ایلدیکنی و بلا خلل صلح مؤبد مراعات اولنه جغنی بیان
ایلمک

Перевод

**В переводе грамоты русской императрице Елизавете I
от 16 раби аль-авваля года 1155**

сообщить, что султан Махмуд² в свое время в статусе полномочного посла отправил бейлербея Анатолии Мехмеда Эмина-пашу и что нерушимо будет соблюдаться вечный мир.

Второй документ, представляет собой практически полный (за исключением монаршей титулатуры и сведений о дате и месте написания³) перевод на османский язык верительной грамоты Елизаветы, адресованной султану Махмуду I. Хронологически он более поздний, датирован 22 джумада I 1166 г. х. (26 марта 1753 г.), но в рукописи предшествует ранее приведенной выписке. В грамоте сообщается о назначении А. М. Обрескова резидентом в Константинополе в связи со смертью А. И. Неплюева.

от имени младенца-императора Иоанна III (VI) Антоновича (İÜNEKTY 5943, л. 154–156, 119–119 об.).

¹ Арабиграфичный текст заголовка, выделенный жирным шрифтом, в рукописи написан красной тушью.

² Махмуд I (1696–1754) — османский султан, сын султана Мустафы II; правил в 1730–1754 гг.

³ Эти сведения указаны составителем в заглавии текста.

Ниже приводится текст грамоты на османском языке в арабской графике и делается попытка его перевода на русский язык¹. Поскольку в каких-либо других документах стамбульской рукописи ни Неплюев, ни Обресков не упоминаются, представляется, что включение данной грамоты в подборку не стоит связывать с вниманием Кесби к их персонам. Скорее всего, причиной упоминания этого текста послужило стремление османского историографа подчеркнуть мирный характер русско-турецких отношений в годы правления Елизаветы.

Текст грамоты на османском языке (рукопись İÜNEKY 5943, л. 156–156 об.)

ركاب همايون شهريارى يه اليزآبته اوله نام روسيه ايمپراطوريجه سى نندن
كلان نامهنك ترجمه سيدر | فى ٢٢ جمادى الأولى سنة ١١٦١ |

بعد القاب مرسومه اعظم سلاطين عظام واکرم حواقين کرام اولان | مکة
مکرمه ومدینه منوره وقدس مبارکه نک حاميسى وروم ايلي | واناطولیده واقع
نیجه ممالک فسیخته المسالکک وادکز وقره دکزک صاحبی | ومالکی شوکتلو
قدرتلو عظمتلو پادشاه ال عثمان سلطان محمود خان بن سلطان | مصطفى خان
حضر تلرینک پیشگاه همايون شهريارىلرینه طرفمزدن صحت کامله | وشوکت
دائمه پادشاهانه لر ینک دعوات لایقه سى تقدیمندن صکره | دوستانه عرض
واعلام اولنورکه جناب همايون ملوکانه لری ودولت | علیه لریله بینمзде قرارداده
اولان شرایط مصالحه مؤبده ودوستلق ومصافاتک | کماینبغی حفظ ومراعاتی
بابنده ثبات ومتانت جایکیر درونمز اولدیغنه بناء | بوندن اقدم در علیه لرنده مقیم
نپلیوف نام قپوکتخدامزک وفاتی خبری | طرفمزه ورود ایلدکده خدمت مذکوره
یه دائر امور وخصوصک عدم تعطیلنه | احتیاط ایله در علیه پادشاهانه لرنده

¹ Синтаксические особенности османского языка рассматриваемого периода затрудняют реконструкцию оригинального русского текста. Перевод ориентирован на современную языковую норму за некоторыми исключениями. Так, при передаче султанской титулатуры сохранена стилистика переводов XVIII в.

Ил. 2. Стамбульский университет, Библиотека редких книг, İÜNEKTY 5943, л. 156

بیخ و تقدیم امور دولتی نامه مصداقات علامه سزود معلوم عم عالم
 ارای مولکانه در بر بولعه چونکه از مومنانه داعیه حضور لامع التور
 بادشاهانه ربه رسم و فاعده اوزره رمالایه حجاب و سوت اقامنده
 طرفه زنده و کندی اسمعزاجه وقت به وقت اعلام و افاده سنده نامور اولوقی
 باجده امور و حضوره اعتقادگی مولکانه در بر بدین و ساینده منعقد
 اولان شروط و وجود مفتضیحی و دستلفه لابقی و لوازم مصداقاته موافق
 اجوبه مستقیمه کرمانه ربه موافق اولسنه ساعده بالمشاهنه در ارزانی
 بولسی مایل و مستعدر باقی سهر کفایت مقبرینه اوزره مولانگر دولت
 و شوکت برله دانم و بیزار اولمدر در کما حضرت حفده معنی دستعدار

ربابه جان شیری قاترینه ثانیه نام رسیده ایچره طوریکه سوزونک نامه بیخ و تقدیم
 قزایچه اولوقی مشعر

بلاه تحزیر و بیان اولوقی اوزره راسته معنای قاننده اعظم سولاین
 عظام و اولوقی این کرام اولک مکه مدومه و سینه موزع و قوس مبارکته
 حاسمی دروم ای و ان طویح واقع نجیجه ممالک قسجه المسالک
 و اولوقی و خزه کزک صاحبی و ماعلی مؤکفو قدرتمو عظمتو پادشاه
 اول عثمان کسک مرفظک کسک بر کسک احمدنا حضرت لایک بیضا به ایون
 شهر یاریدینه طرفه زنده صحت کما مده و شوکت دانه اشایانه لر لایک دعوات
 لایقتم تقدیمده مده دستسانه عوض دعوم اولوقی که عون عنایت
 بابر و تقدیر ازیله و رعیت کجاست و انفاق عامه ملت روسیه ایسه
 کبچون ه خیر انک بگری سزگی کوزره کمال بمن و اقبالایه ناما رسیده
 ایچره اولوقی کسک خسته حضور دار انفا کز واقع اولوب باقی معتمد رعیت کز
 قانونی تقییب و خاطر زینه مراعات ایسه رکت اقد زمام حکومت ایچیز
 ابلندن جناب شوکتاب پادشاهانه ربه انبوی کفایت اعلام و اخباری افرم
 امور سزده عمدا و سوزب مواظبن عابا و بر ایاریک تمنع شافع عتلیه

۲۰.

Ил. 3. Стамбульский университет, Библиотека редких книг, İÜNEKTY 5943, л. 156 об.

مصلحتکذار لوق خدمتيله مکث واقامت | ايلمک ايچون ارباب استشاره مزدن رغبتلو
 الکسيو ايرشوقوف نام بکزاده مز ارسال وتسيير ومومى اليهک خدمت مسبوکه
 سى مقابله سنده | در سلطنت سنیه لرنده بروجه معتاد قيوکتخدالوق رتبه سيله
 طرفمزدن بودفعه تعيين | اولنوب بينمزده جارى روابطه مصالحه مؤبده ودوستلق
 وموالات ومراسم | حسن جوارينک بتمامها رعابتنده طرفمزدن قطعاً قصوره
 جواز ويرلميه جکنى | اعلام وافاده ايلمسى تنبيه وتوصيه اولنديغى پيشگاه همايون
 شهر ياريلرينه || تبليغ وتقديمه مأمور اولديغى نامه مصادقات علامه مزدن معلوم
 علم عالم | آراى ملوكانه لرى بيورلدقده قيوکتخدازم مومى اليه داغيلرى حضور
 لامع النور | پادشاهانه لرينه رسم وقاعده اوزره رومال ايله فحرياب ومدت
 اقامتنده | طرفمزدن وکندى اسممز ايله وقت به وقت اعلام وافاده سنه مأمور
 اولديغى | بالجمله امور وخصوصلره اعتماد کلى ملوكانه لرى بيدريغ وميانه ده
 منعقد | اولان شروط وقويد مقتضاسنجه دوستلغه لايق ولوازم مصافاته موافق
 | اجوبه مستصوبه کريمانه لرينه موفق اولمسنه مساعده پادشاهانه لرى ارزانى
 | بيورلمسى مأمول وملتمسدر باقى سرير سلطنت مصير سنیه لرنده طول عمر
 ودولت | وشوکت برله دائم وبرقرار اولملرى درگاه حضرت حقن متمنى
 ومستدعادر

Перевод

Перевод грамоты, поступившей от Ее Величества Елизаветы I, Императрицы Российской,

от 22 джумада аль-уля года 1166

Вслед за упоминанием титулов¹ Пресветлейшему Державнейшему Вашему Салтанову Величеству, преизрядных Салтанов Великому и почтеннейшему Королю, Лепотнейшему

¹ Пропуск монарших титулов в настоящем случае можно объяснить стремлением составителя избежать повторов. Данной грамоте в подборке документов предшествует другая, направленная царем Петром I султану Ахмеду III по случаю завершения Северной войны. Подробнее о ней см.: Kozintcev M. A. The Letter of Tsar Peter I to Sultan Ahmed III on the Occasion of the End of the Northern War // *Written Monuments of the Orient*. Vol. 8. No. 2 (16). 2022. P. 124–135.

Меккскому и Мединскому и защитителю Святого Иерусалима, Королю и Императору пространнейших Провинций, поселенных в странах Европейских, Азийских, и на Белом и на Черном море, Светлейшему и Державнейшему и Великому Императору Салтану сыну Салтанову, и Королю и сыну Королей, Салтану, Магмуту, Хану сыну Салтана Мустафы Хана, с нашей стороны вслед за пожеланием исключительного здоровья и постоянного Императорского могущества дружески объявляется: основываясь на имеющейся у нас сердечной твердости и непоколебимости относительно надлежащего сохранения и поддержания установленных условий вечного мира, дружбы и приязни с Вашим Монаршим Величеством и Вашим Высоким государством, когда [до нас] дошло известие о кончине нашего резидента¹ Неплюева, до этого находившегося при Вашей Высокой Порте, из предосторожности, дабы не прерывать хода дел, касающихся указанной службы, посылаем нашего достойного дворянина Алексея Обрескова из числа наших доверенных людей для постоянного пребывания и исполнения обязанностей посла при Вашей августейшей Высокой Порте, и в воздаяние за прошлую службу, в Вашей Высокой державе, по обыкновению, он был на этот раз возведен нами в ранг резидента, в полном следовании существующим между нами связям вечного примирения, дружбы, благорасположения и обычая добрососедства мы со своей стороны никогда не допустим нерадивости, о чем объявить и сообщить Пресветлейшему Державнейшему Вашему Салтанову Величеству ему было дано наставление и рекомендация и предназначена для сообщения и вручения грамота наша о взаимной дружбе, когда на то будет от нашего Всеведущего [Господа] пожаловано знаменитое украшающее мир царственное знание, молящегося [о Вашем здравии] упомянутого нашего резидента на аудиенции у Вашей Сияющей Царственной Светлости, согласно порядку и обычаю, до лица земли кланяющегося, удостоить почета и в течение его пребывания по отношению ко всем тем делам

¹ В османском переводе в качестве эквивалента термина «резидент» (или «агент») употребляется термин *кану-кетхюда*.

и вопросам, о которых поручено ему время от времени с нашей стороны и от нашего собственного имени объявлять и сообщать, всецелого Ваше Монаршее доверие подавать, и к тому, чтобы сообразно заключенным между нами условиям и соглашениям достойные дружбы и соответствующие необходимой приязни ответные Ваши великодушные благодеяния на пользу шли, желаемо и испрашивается подобающее соизволение Вашего Величества. Желаем и просим у Господа Бога Вам на вечном троне Вашего Высокого государства долгих лет жизни вместе с постоянным благополучием и непоколебимым могуществом.

Литература

1. Aktepe M. Mehmed Emnî Beyefendi (Paşa)'nın Rusya Sefâreti ve Sefâret-nâmesi. Ankara, 1989.
2. Emecen F. M. İbretnüma-yı Devlet Adlı Eserin Yazarı Mustafa Kesbî midir? XVIII. Yüzyılın Bilinmeyen Bir Tarihçisi Üzerine Notlar // *Tarih Dergisi — Turkish Journal of History*. 1 (71). 2020. P. 197–221.
3. Kozintcev M. A. The Letter of Tsar Peter I to Sultan Ahmed III on the Occasion of the End of the Northern War // *Written Monuments of the Orient*. Vol. 8. No. 2 (16). 2022. P. 124–135.
4. Mustafa Kesbî. İbretnüma-yı Devlet (Tahlil ve Tenkitli Metin) / Ed. A. Öğreten. Ankara, 2002.
5. Unat F. R. Osmanlı Sefirleri ve Sefaretnameleri / Ed. and publ. B. S. Baykal. Ankara, 1968.
6. Зинько М. А. Обресков Алексей Михайлович // Большая российская энциклопедия. Т. 23. Москва, 2013. С. 543–544.
7. Корсакова В. Неплюев Адриан Иванович // Русский биографический словарь. Т. 11. СПб., 1914. С. 227–229.
8. Сборник некоторых важных известий и официальных документов касательно Турции, России и Крыма / Издал с приложениями В. Д. Смирнов. СПб., 1881.

С. Х. Шомахмадов

**Шесть способов
«сотрясения земли» в аспекте
буддийского религиозного
подвижничества**

Аннотация. В статье представлены три варианта интерпретации распространенного в буддийских канонических источниках образа шести способов «сотрясения земли». Все три трактовки неразрывно связаны с описанием йогической практики буддийских подвижников, подробно представленной в авторитетном постканоническом трактате «Энциклопедия Абхидхармы» Васубандху (V в.). Наиболее полная интерпретация анализируемого образа стала возможной благодаря опоре на объемный тезаурус буддийской терминологии — Махавьютпатти, а также на Пролог (Нидану) знакового памятника махаянской традиции — «Сутро о Совершенной мудрости в 25000 строф» (Панчавимшати-сахасрика-праджняпарамита-сутра).

Ключевые слова. Буддийские канонические источники; Абхидхармакоша; йогического сосредоточение; этапы религиозной практики.

В буддийских канонических источниках есть множество упоминаний о «сотрясании земли», производимом Бхагаваном Буддой. Данный сюжет присутствует в Дивья-авадане, «Сутре золотого блеска» (Суварна-прабхаса), «О расколе общины» (Сангхабхеда-васту), «Лotosовой сутре» (Саддхармапундарика-сутра), «Сутре о совершенной мудрости в 25000 строф» (Панчавимшати-сахасрика-праджняпарамита-сутра; далее — Панчавимшати) и др. Но практически нигде не обнаруживается какого-либо указания на значение данного «сотрясения». Так, в III главе «Сутры о бесчисленных значениях» (Амитартха-сутра) одной из так называемых обрамляющих сутр «Лotosовой сутры», содержится следующий фрагмент: «Если тот бодхисаттва сможет услышать эту Сутру <...>, то хотя [он] и не сможет до конца постичь Истинный Принцип, однако сотрясет трехтысячный великий тысячный мир. Хотя [он] не сможет вращать Великое Колесо Дхармы, [проповедуя] громовым голосом Брахмы, все четыре группы и восемь групп будут почитать [его] и поклоняться [ему], а великие бодхисаттвы станут [его] свитой»¹. Таково стандартное упоминание данного «землетрясения», которое, конечно же, ни в коей мере не проливает свет на его значение для буддийской доктрины, которое, ввиду частого упоминания, бесспорно, должно быть.

Более конкретное описание типов «сотрясения земли» мы находим в «Большом собрании точного понимания и ключевой этимологии [буддийских терминов]» (Махавьютпатти) в разделе «Сотрясение земли» (Bhūmikampitā-kāraḥ), где представлены все шесть типов «сотрясения», причем каждый тип разделен на три

¹ Сутра о Бесчисленных Значениях. Сутра о Цветке Лотоса Чудесной Дхармы. Сутра о Постижении Деяний и Дхармы Бодхисаттвы Всеобъемлющая Мудрость / пер. с кит. А. Н. Игнатовича. М.: Научно-издательский центр «Ладомир», 1998. С. 76.

разновидности — слабую, среднюю и сильную¹. Эта типология практически слово в слово воспроизводится в Панчавимшати, в тексте которой мы читаем:

«Как [Бхагаван] свершает чудесные деяния, так и [здесь он] явил сверхъестественные способности — [сотряс] эти три тысячи великой тысячи миров шестью способами, [называемыми]: «движение» (легкое, среднее, сильное), «трепет» (легкий, средний, сильный), «дрожь» (легкая, средняя, сильная), «грохот» (легкий, средний, сильный), «волнение земли» (легкое, среднее, сильное), «грохот грома/рев слона» (легкий, средний, сильный). [При таком землетрясении Вселенная] на краю поднимается, в центре опускается, в середине поднимается, на краю опускается. [В результате она] стала мягкой и нежной, [где] все живые существа рождаются счастливыми»².

Пожалуй, для понимания смысла, заложенного в сюжет о «шести сотрясениях земли», ключевой является фраза о том, что земля после такого «колыхания» становится лучше, а живые существа обретают благое существование. Наиболее вероятными кажутся возможные трактовки, связанные с буддийской религиозной практикой, направленной на окончательное освобождение живых существ от оков сансары. В рамках данной статьи предложим три варианта интерпретации рассматриваемой типологии «сотрясаний земли».

Так, эти «шесть сотрясаний» могут быть рассмотрены в аспекте буддийской персонологии, а именно — типов Пути Благородной личности (Арьяпудгала-марга). Речь пойдет о Великой личности (Махапуруша), достигшей просветления. Таким образом, мы говорим о шести типах религиозных подвижников:

1. «Вступивший в поток» (срота-апанна) — йогин, обретший первый плод подвижничества, уничтоживший три или четыре

¹ Mahavyutpatti Index Honyaku Meigi Daishu: Bon-Zo-Kan-Wa Shiyaku Taiko. Dictionary of terms in Sanskrit, Tibetan, Chinese, and Japanese, Sanskrit and Tibetan Index. Tokyo: Suzuki Gakujutsu Zaidan, 1937. P. 214–215.

² The Pañcaviṃśatisāhasrikā Prajñāpāramitā. Ed. by N. Dutt. Calcutta, 1934. P. 8.

категории аффектов¹ и характеризуемый как обладающий средними психическими способностями; до обретения нирваны ему предстоит не более семи рождений среди людей и богов².

2. «Возвращающийся [в сансару] еще один раз» (сакридагамин) устраняет шесть из девяти категорий аффектов (от сильных-сильных до средних-слабых)³.

3. «Невозвращающийся» (анагамин) — подвижник, устранивший восьмую категорию аффектов.

4. Архат — «Уничтоживший [всех] врагов»; йогин, одолевший последнюю, девятую (слабую-слабую), категорию аффектов и таким образом постигший знание об уничтожении [ментальных помрачений] (кшаяджняна) и «не нуждающийся [более] в религиозном обучении»⁴;

5. Пратьекабудда — «Просветленный-для-себя».

6. Самьяksamбудда — «Полностью просветленный».

Для возможности рассмотреть другой вариант интерпретации «шести сотрясаний» обратимся к тексту «Учения о Пути Благородной личности» (Арьяпудгала-марга-нирдеша) — VI раздела всеобъемлющего буддийского трактата Васубандху «Энциклопедия буддийской канонической философии» (Абхидхармакоша) (V в.), где описаны три последовательно проходимых подвижниками пути — Путь видения Благородных истин; Путь йогического сосредоточения; Путь «необучающегося» (архата),

¹ Буддийская каноническая традиция выделяет девять категорий аффектов — три «ключевые» группы (сильные—средние—слабые); внутри каждой группы ментальные помрачения также делятся на аналогичные подгруппы. Самые ярко выраженные аффекты — сильные—сильные — легче всего устранить ввиду их очевидности; самые трудные для уничтожения — аффекты слабые—слабые, поскольку их сложнее выявить.

² Васубандху. Энциклопедия буддийской канонической философии. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2006. С. 378–379.

³ Asaṅga. Abhidharmasamuccaya. Compendium of the higher teaching (philosophy). Fremont: Asian Humanities Press, 2001. P. 208.

⁴ Васубандху. Энциклопедия буддийской канонической философии. С. 390.

каждый из которых в свою очередь делится на два направления, образуя в итоге шесть путей.

Путь видения Благородных истин делится на путь веры и путь Дхармы. Подвижник, «следующий путем веры», обладает слабыми способностями веры, энергии, памятования, сосредоточения сознания и мудрости. Он постигает Благородные истины, руководствуясь наставлениями, полученными от других, чьим словам он безоговорочно доверяет, то есть всецело опираясь на силу веры¹. Следующего «Путем Дхармы» буддийский мыслитель Асанга описывает так: «Это тот, кто, обретя должные качества и обладая острыми способностями, устремляется к постижению Истины, [непрестанно] памятуя о Дхарме, где господствует Истина»².

По второму пути — йогического сосредоточения — идут «ревностные в вере» и обретшие истинное видение. Первые, именуемые шраддха-адхимукта, вступая «в поток», получают (в перспективе) возможность достижения статуса архата, но могут его утратить. Подвижник, обретший истинные воззрения, следуя путем Дхармы, благодаря мудрости — интеллектуальному постижению Благородных истин — наделен острыми способностями, оттачивание которых препятствует отпадению от достигнутого статуса.

И на пути архата находятся те, кто достигает освобождения ситуативно и полностью освобожденные³. Именно этим объясняется описание вселенского благоденствия, которое следует сразу после этих сотрясаний.

Третий вариант интерпретации «шести сотрясаний» кажется нам наиболее подходящим и согласующимся с представленным выше их описанием. Так, в Панчавимшати перечислены шесть способов «сотрясения земли»: 1) «движение» (kampata/kampita); 2) «колебание» (cala/calita); 3) «дрожь» (vedha/vedhita); 4) «грохот»

¹ Васубандху. Энциклопедия буддийской канонической философии. С. 265, 373–374.

² Asaṅga. *Abhidharmasamuccaya*. Compendium of the higher teaching (philosophy). Fremont: Asian Humanities Press, 2001. P. 203.

³ Подробнее об этом см.: Васубандху. Энциклопедия буддийской канонической философии. С. 373–375; 408.

(raṇa/raṇita); 5) «волнение» (kṣubhita); 6) «рев [слона]» (garja/garjita). Причем каждый из «способов» делится на слабый, средний и сильный¹, что, конечно же, отсылает к упомянутым ранее трем градациям ментальных аффектов.

Рассмотрим первый «способ сотрясения» — «движение» (kampita). В четвертом разделе «Энциклопедии Абхидхармы» — «Учения о карме» (Карма-нирдеша) — говорится о том, что состояние «движение»² характерно для сознания, пребывающего в первых трех дхьянах (состояниях йогического сосредоточения). Такое сознание определяется как «находящееся в постоянном движении», что свидетельствует об определенном несовершенстве подвижников, пребывающих в данных состояниях сосредоточения³.

Перейдем к рассмотрению второго «способа» — «колебание, трепет» (cala/calita). В нетерминологическом значении cala обнаруживает семантическое сходство с vitarka/vicikitsā («различение; сомнение, неопределенность, рассеянность»). Так, у Васубандху мы находим: «Действительно, сомнение не может быть корнем

¹ Например, «движение» (kampita) может быть слабым (a-kampita — (букв.) «не-движение», т. е. его отсутствие; в природе это сравнимо с той ситуацией, когда подземные толчки не ощущаются людьми, но животные их уже чувствуют), средним (grākampita — явно ощущаемое движение земли) и сильным (samgrākampita — разрушительное землетрясение).

² В своем комментарии к карике 46 данного раздела Е. П. Островская и В. И. Рудой указывают на синонимичность глаголов kampate и iṅjati («движется»). Ссылаясь на Л. де ла Валле Пуссена, Санкт-Петербургские буддологи замечают, что контекст употребления слова iṅjita связан с устранением любой эмоциональной привязанности, избирательности и рефлексии в процессе психофизической практики, вследствие чего «очищенный поток сознания, освобожденный от любых содержаний, не может быть поколеблен» (Васубандху. Энциклопедия Абхидхармы (Абхидхармакоша). Раздел III: Учение о мире; Раздел IV: Учение о карме. Изд. подгот. Е. П. Островская, В. И. Рудой. М.: Ладомир, 2001. Т. 2. С. 672).

³ Васубандху. Энциклопедия Абхидхармы (Абхидхармакоша). Раздел III: Учение о мире; Раздел IV: Учение о карме. Т. 2. С. 555.

ввиду двойственного характера проявления и своей подвижности¹ — vicikitsā kila dvaidhavṛtterna mūlam bhaviturmahati | calatvāt².

В «Энциклопедии Абхидхармы» витарка («избирательность»; «неотчетливый шепот ума» (mano-jalpa)³) — это «грубость» сознания (cittaudārika) и как основа оценочных суждений обеспечивает первичный отбор объекта сознания, однако данное свойство может проявляться вплоть до высоких уровней йогического сосредоточения⁴. К колебанию-чала как определенному этапу йогической практики может относиться обретение четырех корней благого: 1) «внутреннего тепла» (uṣmagata); 2) «вершин» (mūrdhan); 3) готовности к принятию (kṣānti) Благородных истин; 4) «высших мирских дхарм» (laukikāgradharma)⁵.

Йогин, переходя на следующий после «высших мирских дхарм» уровень практики, вступает на так называемый сверхмирской путь, утрачивая прежние качества «обычного человека» (pṛthagjana) и становясь Благородной личностью (āra). Поэтому данный вид «сотрясения земли» характеризуется как «утрата [прежних] качеств». Согласно Васубандху, «внутреннее тепло» и «вершины» легко утратить в силу их подвижности, неустойчивости (cala)⁶.

По своему содержанию первый (кампита) и второй (чалита) способы «сотрясения земли» весьма схожи и тесно взаимосвязаны, поскольку оба относятся к области мирской практики. Обретение четырех корней благого открывает возможность

¹ Васубандху. Энциклопедия буддийской канонической философии. С. 68–69.

² Abhidharmakośabhāṣya of Vasubandhu. Ed. by P. Pradhan. Patna, 1967. P. 291.

³ Scherbatsky Th. The Central Conception of Buddhism and the Meaning of the Word 'Dharma'. London: Royal Asiatic Society, 1923. P. 104–105.

⁴ Васубандху. Энциклопедия Абхидхармы (Абхидхармакоша). Раздел I: Учение о классах элементов; Раздел II: Учение о факторах доминирования в психике. Изд. подгот. Е. П. Островская, В. И. Рудой. М.: Ладомир, 1998. Т. 1. С. 466.

⁵ Васубандху. Энциклопедия буддийской канонической философии. С. 362–364.

⁶ Там же. С. 364; Abhidharmakośabhāṣya of Vasubandhu. P. 246.

перехода на следующий этап — «проникновение» в Благородные истины (*nirvedhabhāgīya*), когда «устраняется сомнение, и происходит различение Истин»¹.

Рассмотрим третий способ — «дрожь» (*vedha/vedhita*). Существует два толкования термина *vedha*. Согласно одному из них (от $\sqrt{\text{vidh}}$), *ведха* — «благочестивый, набожный», то есть Благородный-арья, вступивший на Путь сверхмирской практики. Если принимать во внимание вторую возможную интерпретацию (от $\sqrt{\text{vyadh}}$; редук. форма — также $\sqrt{\text{vidh}}$), *ведха* — «пронизывание, проникновение». То есть проникновение в суть Учения (нирведхабхагья — «благо проникновения»). Согласно Васубандху, проникновение характеризуется как ментальное различение и безусловно истинная проницательность²; тот, кто достигает состояния «проникновения», переходит в статус «непоколебимого», то есть не может утратить обретенный плод религиозной заслуги³; благо проникновения различается по трем семействам (гортам) — шраваков («обучающихся»), пратьекабудд и будд⁴.

Весьма интересен для рассмотрения термин, используемый для обозначения четвертого способа «сотрясения земли» — *gaṇa/raṇita*. И если с *raṇita* все более-менее понятно — «гул, рев» и т.д., то *gaṇa* означает (букв.) «удовольствие, наслаждение, радость», а также «битва (как объект наслаждения), поединок, спор, соперничество». По всей видимости, здесь мы имеем дело с отражением характеристики воинской (кшатрийской) доблести — непоколебимой решимости вступить в битву. Примечательно, в Махавьютпатти для санскритского термина *gaṇa* есть тибетский эквивалент — *nyon mongs pa 'am 'thab pa 'am gyul*, означающий «битва/разъединение с аффектами-клеша»⁵. Таким

¹ Васубандху. Энциклопедия буддийской канонической философии. С. 365.

² Там же. С. 365.

³ Там же. С. 400.

⁴ Там же. С. 367.

⁵ *Mahavyutpatti Index Honyaku Meigi Daishu: Bon-Zo-Kan-Wa Shiyaku Taiko. Dictionary of terms in Sanskrit, Tibetan, Chinese, and Japanese, Sanskrit and Tibetan Index.* P. 483.

образом, в данном случае синонимами *gaṇa* выступают *saṃgrāma*, *vigraha*, а также *adhikaraṇa* («превосходство, подчинение»), что означает окончательную победу над аффектами. Е. П. Островская и В. И. Рудой указывают, что типология буддийских подвижников раскрывала способы реализации конечной цели йогической практики — победы над аффектами и, как следствие, прерывание безначальной череды рождений-смертей — сансары¹.

Таким образом, опираясь на значение термина *gaṇa* как кшатрийской доблести в бою с [аффектами], решимостью вести этот бой до конца, мы можем рассмотреть в этом аспекте практику буддийских подвижников. Так, шраваки следуют Благородному пути видения Истин, который благодаря эффективности отсечения аффектов «срезает» ментальные помрачения, подобно острому ножу. Решимость шраваков в поединке с аффектами направлена на обретение чистой мудрости. Им необходимо овладеть всеми четырьмя корнями благого. В этом и заключается благо проникновения (нирведхабхагия) шраваков. Решимость будд заключается в том, что они, достигнув лишь стадии «внутреннее тепло» и «вершины» и практикуя затем совершенства-парамиты, действуют ради пользы для других, видя в этом пользу для себя — таково благо проникновения семейства будд. Пратьекабудды же, овладев первыми тремя корнями благого, полны решимости обрести просветление самостоятельно — это благо проникновения их готры².

Перейдем к рассмотрению пятого способа «сотрясения земли» — «волнению» (*kṣubhita/kṣobha*), одно из значений которого — «подниматься и опускаться», то есть, буквально, «ходить ходуном». Синонимами *kṣubhita* выступают следующие слова: *urāyāsa* (тиб. *'khrug pa*), означающее переход в какое-либо иное состояние, равно как и средство, обеспечивающее этот переход; *vikāya* (тиб. *'khrugs*; «измененный, подверженный изменению»); *vyākula* («наполненный, исполненный»); *vibhrama* (тиб. *'khrugs*

¹ Васубандху. Энциклопедия буддийской канонической философии. С. 251.

² Там же. С. 256.

ра; «движение по направлению к...»), а также ранее рассмотренное гаџа.

Поэтому рассмотрение этого этапа религиозной практики буддийского подвижника может выглядеть следующим образом. Йогин, полностью завершивший практику (то есть «исполненный» — вяжула) предыдущих (включая настоящую) стадий, готов к изменению (викарья) — переходу (вибхрама, упаяса) на более высокую, последнюю, ступень. Таким подвижником является архат, который посредством практики «беспрепятственных путей» и «путей освобождения» уничтожил все аффективные предрасположенности.

Наконец рассмотрим последний этап — шестой способ «сотрясения земли», именуемый «рев слона» (garja/garjita). Эквивалентом этого санскритского термина в тибетском языке будет chem chem — (досл.) «грохот грома». Синонимом же на санскрите как раз и выступает gaja-garjita («рев [слона]»; тиб. glan po che 'i nga ro). В тибето-буддийском тезаурусе можно найти схожий термин, имеющий то же значение — glan po che'i sgra skad (санскр. nāga-svara-śabda). А, как известно, тиб. glan po chen po (санскр. mahānāga; «Великий змей/слон») — распространенный эпитет Будды. Таким образом, очевидно, что «сотрясение», именуемое «рев слона» (то есть «[громовой] возглас Будды»), связано с завершающим этапом на пути к Просветлению.

Описывая состояние абсолютного освобождения, Васубандху характеризует его тремя аспектами — устранение, отвержение и уничтожение, — подразумевающими полное разрушение всех аффектов, включая страстное влечение, а также устранение из сознания объектов влечения¹. В ключевом буддийском трактате «Вибхаша» приводится фрагмент сутры, где указывается, что устранение достигается посредством двух дхарм — шаматхи (śamatha; полный покой сознания) и випашьяны (vipaśyanā; истинное понимание, проникновение [в сущность дхарм])².

¹ Васубандху. Энциклопедия буддийской канонической философии. С. 418.

² Abhidharmakośabhāṣyam of Vasubandhu. Vol. IV. Berkeley: Asian Humanities Press, 1990. P. 1086.

Кроме того, кульминация сюжета «О посрамлении шести учителей»¹ из «Сутры о мудрости и глупости» представляется прекрасным примером «сотрясения», именуемого «рев слона»: восседая на Львином троне (симха-асана), Бхагаван Будда надавил на него, и в этот момент раздался рев, «подобный реву слона», и тотчас появились пять ракшасов, которые низвергли «шестерых учителей» с их «наставнических тронов»². Таким образом было продемонстрировано преимущество Пути освобождения, проповедуемое Буддой, перед практиками, предлагаемыми «шестью учителями».

Подведем итог. Нами были рассмотрены три варианта трактовки шести способов «сотрясения земли» — распространенного образа в буддийской канонической литературе. Во всех трех интерпретациях, полагаем, символически представлены этапы религиозного подвижничества — Пути Благородной личности (Арьяпудгала-марга). Наиболее полное описание этих «сотрясаний» представлено в махаянском произведении «Сутре о совершенной мудрости в 25 000 строф», что позволило нам подробнее рассмотреть анализируемые способы в аспекте практики йогического сосредоточения, опираясь на представительный трактат буддийской философской мысли — «Энциклопедию буддийской канонической философии» Васубандху.

Литература

1. Abhidharmakośabhāṣya of Vasubandhu. Ed. by P. Pradhan. Patna, 1967.
2. Abhidharmakośabhāṣyam of Vasubandhu. Vol. IV. Berkeley: Asian Humanities Press, 1990.
3. Asaṅga. Abhidharmasamuccaya. Compendium of the higher teaching (philosophy). Fremont: Asian Humanities Press, 2001.

¹ Имеются в виду шесть ортодоксальных школ индийской религиозно-философской традиции: миманса, веданта, йога, санкхья, ньяя, вайшешика.

² Сутра о мудрости и глупости (Дзанлундо) / пер. с тиб., введ. и коммент. Ю. М. Парфионовича. М.: Вост. лит., 2002. С. 80.

4. Mahavyutpatti Index Honyaku Meigi Daishu: Bon-Zo-Kan-Wa Shiyaku Taiko. Dictionary of terms in Sanskrit, Tibetan, Chinese, and Japanese, Sanskrit and Tibetan Index. Tokyo: Suzuki Gakujutsu Zaidan, 1937.

5. Scherbatsky Th. The Central Conception of Buddhism and the Meaning of the Word 'Dharma'. London: Royal Asiatic Society, 1923.

6. The Pañcaviṃśatisāhasrikā Prajñāpāramitā. Ed. By N. Dutt. Calcutta, 1934.

7. Васубандху. Энциклопедия Абхидхармы (Абхидхармакоша). Т. 1. Раздел I: Учение о классах элементов; Раздел II: Учение о факторах доминирования в психике. Изд. подгот. Е. П. Островская, В. И. Рудой. М.: Ладомир, 1998.

8. Васубандху. Энциклопедия Абхидхармы (Абхидхармакоша). Т. 2. Раздел III: Учение о мире; Раздел IV: Учение о карме. Изд. подгот. Е. П. Островская, В. И. Рудой. М.: Ладомир, 2001.

9. Васубандху. Энциклопедия буддийской канонической философии. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2006.

10. Сутра о Бесчисленных Значениях. Сутра о Цветке Лотоса Чудесной Дхармы. Сутра о Постижении Деяний и Дхармы Бодхисаттвы Всеобъемлющая Мудрость / пер. с кит. А. Н. Игнатовича. М.: Научно-издательский центр «Ладомир», 1998.

11. Сутра о мудрости и глупости (Дзанлундо) / пер. с тиб., введ. и коммент. Ю. М. Парфионовича. М.: Вост. лит., 2002.

О. В. Дегтярева

**Перепись населения
как символическая
репрезентация социальной
памяти в украинском
медиадискурсе**

Аннотация. Игорь Вячеславович Герасимов имеет серьезный научный и педагогический опыт не только в области востоковедения, но и журналистики, поэтому следует отметить его роль и значимость в развитии медиасферы в СПбГУ. На протяжении своей деятельности профессор способствовал развитию образовательного хаба университета и расширению кругозора студентов и преподавателей, а также выпускников факультета журналистики СПбГУ, в том числе работающих сегодня в смежных областях международных отношений и политологии, где изучение национальных медиаресурсов и генерируемых ими медиадискурсов играет исключительно важную роль.

Процесс формирования имиджа Украины предполагает выбор идентичностей и лексем (языковых средств), выходящих на

поверхность оценочного и метафорического слоев. На этом фоне пример решения проблемы утраты этническими россиянами в УССР в 20-е гг. XX в. статуса титульной нации приобрел особое значение для современных украинских исследователей и политиков. Анализ подобных нарративов необходим для выявления идеологических ценностей дискурса и стереотипов, которые медиа формируют в сознании населения. Под воздействием «семиотических инверсий»¹ происходит искаженная подача или полное изменение смыслов (в том числе его онтологических, аксиологических и когнитивных параметров) в заранее предусмотренных дискурсом отношениях с последующим его укоренением в определенной знаковой и культурной системе (включая язык). В ходе данных процессов формируется идентичность государства как национально-территориального и культурного образования. Можно утверждать, что познание государством самого себя не может протекать без восприятия и анализа всех участников отношений и тех дискурсов, которые существуют в публичном пространстве. Медийные практики рассмотрены в статье через призму антропологических концепций, составляющих основу современного анализа в области дискурсологии, касающейся проблемы национальной идентичности.

Ключевые слова. Перепись населения; Украина; медиадискурс; идентичность.

Olga V. Degtyareva

Population Census as a Symbolic Representation of Social Memory in the Ukrainian Media

Abstract. Prof Igor Gerasimov has serious scientific and pedagogical experience not only in the field of oriental studies, but also in journalism, so it is necessary to note his role and importance in the development of

¹ Берендеев М. В. Семиотические инверсии в формировании политического образа в медиадискурсе (на примере образа России в СМИ Германии) // *Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта*. Сер.: «Гуманитарные и общественные науки». № 3. 2017. С. 94–102.

the media sphere in St Petersburg University. Throughout his activity, Prof Gerasimov contributed *inter alia* to the expansion of the horizon of students and professors, as well as graduates of the Faculty of Journalism of SPbU, including those currently working in the field of international relations and political science, where the study of national media and the media products generated by them plays a crucial role.

The process of forming the image of Ukraine involves the choice of identities and tokens (language means), coming to the surface of the evaluation and metaphorical layers. Against this background, an example of a solution to the problem of loss of ethnic Russians in the USSR in the 1920s. XX century. the status of the titular nation has acquired special significance for modern Ukrainian researchers and politicians. The analysis of these narratives is necessary to identify the ideological values of discourse and stereotypes that media form in the consciousness of the population. Under the influence of semiotic inversions, there is a distorted presentation or complete change of meanings (including its ontological, axiological and cognitive parameters) In a pre-established discourse, and then embedded in a certain symbolic and cultural system (including language). During these processes, the identity of the State as a national-territorial and cultural entity is formed. It can be argued that the state's knowledge of itself cannot proceed without the perception and analysis of all participants in relations and those discourses that exist in the public space. Media practices are considered in the article through the prism of anthropological concepts, which form the basis of modern analysis in the field of discourse, concerning the problem of national identity.

Keywords. Population census; Ukraine; media discourse; identity.

Сутверждением в XIX–XX вв. идеи суверенитета народа государство начало использовать перепись населения для легитимации властного режима, которая опиралась на репрезентацию власти как олицетворение политической демократии, социальной справедливости и культурной традиции. Именно единогласие в восприятии статистических показателей как неоспоримых фактов превращает их в мощный политический инструмент в руках противоборствующих групп, которые соревнуются не только за власть и ресурсы, а и за право утвердить свое видение общественных

процессов как единственно верное. Статистика превратилась в мощный инструмент воздействия на аудиторию. При этом перепись, вопреки тому, что она совершается нечасто и в большинстве случаев вызывает споры и даже протесты, в основном воспринимается обществом как рутинная бюрократическая процедура, «что-то наподобие национального бухгалтерского отчета»¹.

В историографии вопроса о переписных практиках исследователи все чаще приходят к выводу о том, что «перепись делает намного больше, чем просто отображает общественную реальность; скорее перепись играет ключевую роль в создании этой реальности»². С такой точки зрения натурализацию представления об объективности переписи можно считать свидетельством эффективности властных групп в утверждении приемлемой для них истинности.

Исторически одним из важнейших факторов, который стимулировал появление нового знания о человеке и обществе, было желание государства контролировать все аспекты жизни своего населения как можно полнее с целью их регулирования и усовершенствования. Перепись населения, наряду с другими видами статистики, которую собирает государство о своих гражданах, составляет «парадигмальный пример знания как власти»³. Тезис о фундаментальной взаимообусловленности власти и знания предложил Мишель Фуко, доказав, что «комплекс “власть — знание”, процессы и борьба, которые его пронизывают и из которых он состоит, определяет возможные формы и области познания»⁴. По мнению М. Фуко, это стремление как раз и отли-

¹ Kertzer D. I., Arel D. *Censuses, identity formation, and the struggle for political power // Census and Identity: The politics of race, ethnicity, and language in national censuses / Ed. David I. Kertzer and Dominique Arel. Cambridge: Cambridge University Press, 2002. P. 2.*

² Ibid.

³ Uehling G. *The first independent Ukrainian census in Crimea: myths, miscoding and missed opportunities // Ethnic and Racial Studies. 27 (1). 2004. P. 166.*

⁴ Фуко М. *Наглядати й карати: народження в'язниці. Київ: Основи, 1998. С. 37.*

чает современное государство от предшествующих, требующих от подданных только покорности, в частности, выполнение повинностей¹. Наряду с «искусством управления», эмпирическими знаниями о том, чем и как полагается управлять, важной составляющей «новой политической рациональности» стали расположенные на подконтрольной территории человеческие и другие ресурсы².

Ярче всего роль переписи проявляется в делении населения на определенные группы. Стремясь сделать общество пригодным для управления, государство с помощью переписных категорий отводит каждому члену общества «свое — единственное — абсолютно четкое место»³. Исходя из представлений М. Фуко о влиянии властных отношений на определение возможных областей и форм познания, государство не всегда учитывает, какие идентификации люди сами считают наиболее важными, и порой не допускает сложных, нечетких или изменчивых характеристик⁴. Особенно произвольно — исходя из приоритета управленческой рациональности над общественной реальностью — устанавливали классификационные категории колониальные администрации. По мнению Бенедикта Андерсона, с одной стороны, метрополии навязывали колониям сословную структуру, а с другой — причисляли все население больших территорий к одной «расе», игнорируя религиозное и языковое разнообразие⁵.

Однако эта способность государства влиять на представления граждан о мире и о себе присуща не только колониальным режимам. Полученное из переписи населения знание часто идентично предложенному государством. Иными словами, власть пред-

¹ Фуко М. Наглядати й карати: народження в'язниці. С. 12–20.

² Rabinov P. The Foucault reader. New York: Pantheon Books, 1984. P. 16.

³ Андерсон Б. Уявлені спільноти: міркування щодо походження й поширення націоналізму. Київ: Критика, 2001. С. 206.

⁴ Фуко М. Наглядати й карати: народження в'язниці. Київ: Основи, 1998.

⁵ Андерсон Б. Уявлені спільноти: міркування щодо походження й поширення націоналізму. С. 204–216.

лагает гражданам определить себя в категориях, которые сама создала, натурализовала и внедрила. Впрочем, это обстоятельство усиливает действенность переписи как способа «символической репрезентации»¹, которая добавляет государственной власти легитимности.

Люди взаимодействуют в дискурсе не только как индивиды, а и как члены различных групп. Поэтому каждый дискурсивный акт является не только межличностным, а и межгрупповым, соответственно, поддерживая/изменяя отношения между определенными группами.

Для современной украинской историографии характерно рассмотрение проблемы этнических русских в УССР в 20-е гг. XX в. с позиции потери ими статуса титульной нации и приобретения статуса национального меньшинства². Целью данной работы стал анализ сложных и противоречивых процессов в национальной политике правящей элиты относительно русских и русскоговорящих граждан Украины на основе данных, полученных из первоисточников. Нами рассматривается роль, значение и отличия переписи населения 1897 г. (Российская империя)³ и 1926 г. (УССР)⁴, а также объясняются причины отсутствия переписи

¹ Urla J. Cultural politics in an age of statistics: numbers, nations and the making of Basque identity // *American Ethnologist*. 20 (4). P. 819.

² Рафальський О. Є. Національні меншини України у XX столітті: Історіографічний нарис. К., 2000.; Скрипник М. Перебудовними шляхами (Проблема культурного будівництва національностей на Україні) // *Більшовик України*. 11. 1931; Шлихтер А. Борьба с национальными уклонами на современном этапе. Харьков, 1933.

³ Первое Всеукраинское совещание по работе среди национальных меньшинств (8–11 января 1927 г.). Стенографический отчет, резолюции, постановления и материалы. Харьков, 1927; Постановление по русской секции // Первое Всеукраинское совещание по работе среди национальных меньшинств (8–11 января 1927 г.). Стенографический отчет, резолюции, постановления и материалы. Харьков, 1927.

⁴ Короткі підсумки перепису населення України 17 грудня 1926 р. Національний і віковий склад, рідна мова та письменність населення. Харків, 1928; Национальный состав Советской Украины. Объяснительная записка к этнографической карте УССР. Харьков, 1925;

и нежелание ее проводить в течение более чем 20 последних лет. Среди ведущих западных исследователей также встречаются расхождения. Например, исследователь Арел характеризует Украину как «нерешительное национализирующееся государство с проницаемыми языковыми границами» из-за политического контекста, который выступает ведущим фактором формирования этнических и языковых категорий¹. Изначально термин «национализирующееся государство» («nationalizing state») ввел в научный оборот Роджерс Брубейкер² для обозначения стран, которые считают себя национальными, проводят политику, направленную на достижение этого положения, то есть предоставляют преференции титульной этнокультурной нации и дискриминируют и/или ассимилируют членов меньшинств. Арел же использовал этот термин в ранних работах, где определял Украину как национализирующееся государство, которое дискриминирует не этническую, а языковую группу: русскоговорящее население.

Перепись населения продемонстрировала соединение постсоветского политического контекста и советской традиции проведения таких широкомасштабных национальных мероприятий. На основе анализа медийного дискурса как составной части публичного дискурса украинского общества, на результатах переписи отразились и традиция, и контекст. В отличие от переписи населения, которая была проведена в Российской империи в 1897 году, когда народность респондентов определялась лишь согласно вопросу о родном языке, перепись 1926 г. уже рассматривала этот вопрос иначе: отдельно ставился вопрос о национальности, отдельно — о родном языке. Населению разъясняли, что ответ на вопрос о языке может и не совпадать с ответом на вопрос о национальности. И независимо от определенной

Національний склад сільського населення України. Попередні підсумки Всесоюзного перепису населення 1926 р. Харків, 1927.

¹ Arel D. Interpreting «nationality» and «language» in the 2001 Ukrainian census // *Post-Soviet Affairs*. 18 (3). 2002. P. 213–249.

² Brubaker R. Nationhood and the national question in the Soviet Union and post-Soviet Eurasia: an institutionalist account // *Theory and Society*. 23 (1). 1994. P. 47–78.

национальности родным языком считался тот язык, которым опрашиваемый владел или обычно использовал¹. В дальнейшем в украинском медийном дискурсе доминировал критичный взгляд, согласно которому россияне рассматривали как национальное меньшинство, а политические процессы против деятелей украинской культуры, обвинения проводников украинизации в буржуазном национализме в начале 1930-х гг. трактовали как наступление политики русификации.

В инструкциях, которые были разработаны специально для переписи 1926 г., статистическому персоналу предписывали особенно внимательно относиться к ответам респондентов относительно их национальной самоидентификации. Эти дополнения украинского текста инструкции в сравнении с общесоюзными преследовали цель максимально отделить три национальности — россияне, белорусы, украинцы, так как было широко распространено использование термина «русский» в значении совокупности трех национальностей — россияне (москалей, великороссов), украинцы и белорусы. Например, в переписи 1897 г. группа «россияне» делилась на подгруппы: великороссы, малороссы, белорусы и противопоставлялась «нероссийским» народам империи. В инструкции же 1926 г. значилось, что термин «русский» необходимо использовать в одном значении — русский — россиянин: «Россиянин (великоросс) считается тем же самым, что и «русский» и в личных карточках записывается «русский»². В ряде районов Харьковского округа россияне составляли более 50 %: Алексеевский район — 87 %, Чугуевский — 69,7 %, Золоческий — 60,3 %, Старо-Салтовский — 54,3 %, Змеевской — 15,5 %, Дергачевский — 10 %.

Поскольку человек идентифицирует себя со многими различными группами, то в конкретной ситуации может отдать предпочтение какой-то одной идентичности и соответствующей

¹ Короткі підсумки перепису населення України 17 грудня 1926 р. Національний і віковий склад, рідна мова та письменність населення. Харків, 1928. С. IX.

² Там же. С. X.

Табл. 1. Этнический состав населения городов Слобожанщины в 1925 г.¹

Город	Украинцы %	Россияне %	Евреи %	Город	Украинцы %	Россияне %	Евреи %
Харьков	21,3	50,5	20,6	Богодухов	92,1	5,1	2
Сумы	64,7	24	8,7	Белополье	94,4	3,9	1,1
Охтырка	86,3	10	2,5	Змиев	87,6	10,8	0,6
Изюм	78,5	16,5	2,4	Волчанск	84,4	13,6	0,4
Лебедин	91,9	5	1,9	Золочев	77,8	15,7	2,2
Чугуев	24,2	76,8	2	Валки	87	10,8	0,6

идеологии или попытаться объединить несколько из них. С этой точки зрения выбор идентичности часто является выбором идеологии: человек идентифицирует себя с той группой, идеология которой наиболее привлекает, то есть кажется наиболее соответствующей его пониманию мира и своего места в нем, обусловленному социальным положением. Можно сказать, что не столько группа создает идеологию, которая бы защищала ее интересы, сколько идеология создает группы, вербуя ее членов с помощью дискурсов, которые ее воплощают. Эти дискурсы основаны на нарративных договоренностях, которые рассказывают о мире с точки зрения соответствующих идеологий — не только очерчивая характеристики и утверждая стоимость «своей» группы, а и дистанцируют от других групп, воспринимаемых как угроза для ее существования. Именно за такими идеологиями чаще всего и идентифицируют действующие в обществе дискурсы. В данном случае в Украине произошло агрессивное расширение западноцентричного и украиноцентричного дискурсов при одновременном вытеснении с поля политической репрезентации восточнославянского (плюралистического) дискурса.

Анализируя роль медийного дискурса в создании национальной и альтернативной к ней идентичностей, нужно отметить два аспекта формирования идентичностей в Украине: с одной стороны, это отношения между национальной идентично-

¹ Национальный состав Советской Украины. Объяснительная записка к этнографической карте УССР. Харьков, 1925. С. 119.

стью и постсоветской/восточнославянской наднациональной, а с другой стороны, соотношение советского и несоветского элементов внутри национальной идентичности. В обоих случаях происходит объединение публичных и частных дискурсов, однако медийный играет одну из ведущих ролей. Уместно вспомнить толкование Фейерклафа, который рассматривал отдельный дискурс, как «язык, применяемый в представлении определенной социальной практики с определенного взгляда». Это и стремились закрепить переписи 1897 г. (Российская империя) и 1926 г. (УССР). Именно в этом смысле говорят, например, о националистическом нарративе истории Украины.

Одним из важнейших способов медийного влияния на историческую память аудитории выступает соблюдение праздничных и памятных дней, которые устанавливают перечень и иерархию важности таких дней, и, соответственно, идеологий, которые эти дни наглядно демонстрируют. Это выделение является главной составляющей медийного вклада в создание календаря, который сопровождает деятельность общества как целостной системы, одновременно поддерживая законность устоявшихся таксономий, которые делят его на определенные части. Не менее важной чертой является маргинализация и навязывание чувства вины¹ той части украинского населения, которая соблюдает традиционные советские праздники, такие как День космонавтики, День Победы и др. Таких граждан и тех, кто, например, предпочитает использовать русский язык, украинский историк и депутат «Европейской солидарности» В. Вятрович цинично назвал «сиротами империи»². Одним первых таких актов ревизии укорененного исторического представления, которое носило пророссийскую ориентацию, была реакция СМИ на указ Л. Кучмы о праздновании юбилея Переяславского соглашения

¹ Данилова Е. А., Суляк С. Г. Праздник со слезами на глазах: об отношении ко Дню Победы на Украине // *Русин*. 65. 2021. С. 296–315.

² На Украине назвали отмечающих День космонавтики сиротами империи. [Электронный ресурс]. URL: <https://iz.ru/1150779/2021-04-13/na-ukraine-nazvali-otmechaiushchikh-den-kosmonavtiki-sirotami-imperii> (дата обращения: 30.10.2023).

1654 года. На первую страницу газет тогда был вынесен анонс статьи «Переяславська зРАДА-2», который сообщал: «Згідно з указом Президента, Україна відзначатиме 350-річний ювілей своєї національної поразки»¹. Следствием данного подхода стал проект переноса памятных дат: вместо 8 марта установили новый государственный праздник — День украинской женщины, отмечать который нынешние власти предлагают 25 февраля — день рождения Леси Украинки). Выходным днем предлагают сделать 9 марта — день рождения Тараса Шевченко, фигуру которого украиноцентричный дискурс представлял не только как официальную и популярную «икону», а и как символ протеста против несправедливой власти. Об этом свидетельствует, например, использование лозунга «Не ховайте, а вставайте...», который утверждал центральное место Т. Г. Шевченко не только в культуре, а и в жизни украинского народа, который выполняет его заветы. Схожая ситуация сложилась вокруг противоречий, которые касаются, с одной стороны, светских и религиозных праздников, а с другой, — советского и националистического нарративов истории.

Стремление В. Ющенко достичь решительного осуждения Голодомора как преступления советского режима также привело к дискурсивному взрыву по линии «мы — они». Помещая анти-советскую память в контекст политики, СМИ трактует ее как часть истории². В таком случае применяют медийную практику, основой которой выступают воспоминания очевидцев, «личные истории», например, материал о главе КГБ Крючкове, который «не дал победить путчу»³.

¹ Шиманський О. Переяславська зРАДА-2 // *Україна молода*. 16.03. С. 2.

² Бойцов В. Н. Проблема сохранения исторической памяти: история и современность // *Гуманитарный вестник Военной академии ракетных войск стратегического назначения*. 4. 2021. С. 18–23.

³ Виктор Ющенко пошел войной на советскую власть // *Сегодня*. № 268. 26.11.2007. С.2. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.segoday.ua>.

Таким образом, каждая идеология создает не только группу, интересы которой она берется представлять, а и, одновременно, одного или нескольких ее антиподов, то есть «других», отмежевание и даже маргинализация которых являются важной составной частью идентификации этой группы. Эти комплексы представлений «своих» и «чужих» в политическом контексте предстают перед нами в Украине в образе тех, кто был «за» Майдан, и тех, кто был против — «прогрессивистов» и «ретроградов»¹. Последние, «выступая от имени «масс», якобы «неспособных» говорить за себя, разные группы «знающего класса» лишают своих соотечественников голоса и их версий правды. Альтернативные дискурсы колонизированного населения, воображаемого инфантильным, необразованным, неопытным и непросвещенным, замалчиваются, маргинализируются или искажаются». Подобные представления становятся фундаментом для авторитетных дискурсов об общественных отношениях, которые легитимируют и увековечивают социально и подчас исторически случайное положение дел, которые утверждают приоритет принадлежности к нации среди разнообразных идентичностей индивида, прославляя, и одновременно творя, национальную историю, культуру и язык. Именно поэтому было выбрано метафорическое закрепление существования новой политической нации украинцев в медийном поле, а не в реальном, нормативно закрепленном новой переписью населения. Именно этим продиктован отказ от использования данной практики в последние годы.

Важным элементом определения участия в социально значимом событии, а значит, одним из оснований соотношения его с какой-либо устоявшейся нормой, — является восприятие себя и партнеров как людей определенного типа. Подобная типологизация часто имеет форму трактовки себя и других как стойких носителей определенных черт или ориентаций — биологических,

¹ Хмельцов А. И. Когда «они» говорят о «нас»: политический дискурс-анализ и семиотика внешней политики в междисциплинарной перспективе. URL: http://www.russcomm.ru/rca_biblio/h/hmeltsov.shtml (дата обращения: 18.06.2020).

культурных, социальных, идеологических, которые и определяют сущность этих людей и их место среди других. Самоопределение лица, известное в обществе как идентичность (кроме толкования сущности лица, его самости (*ipse, selfhood*), в философии и психологии идентичности называют еще тождественностью (*idem, sameness*) (Pіker), которая формируется во взаимодействии с тем, как определяют ее другие, в частности под влиянием действующих в обществе представлений о важности разных аспектов толкования человеческой сущности и места, а также надлежащие способы их выявления. Такие представления побуждают лицо толковать предполагаемое наличие у него определенной черты как свойства, что именно эту черту субъект разделяет с большим или меньшим числом других. Поэтому каждый ответ на вопрос о собственной сущности относит человека к какой-либо общественной группе. Другими словами, идентичность лица предстает перед нами как идентификация этого лица с определенной группой и представлениями о принадлежности к ней.

Утверждение коллективной идентичности группы является предпосылкой формирования индивидуальной идентичности ее членов, потому что в этом формировании лицо использует существующие в обществе идентификационные ресурсы, то есть уже признанные идентификации. Согласно теории дискурса Эрнесто Лаклау, то, как дискурсы сконструированы в публичном поле, определяет темы для обсуждения, способы обсуждения, а также политические действия, вытекающие из этих обсуждений¹. Политический популизм способен сужать как круг обсуждаемых тем, так и политические действия, вытекающие из этих обсуждений. Например, нами были проанализированы дискурсивные конструкции, которые использовали украинские журналисты «Української Правди» в период Евромайдана (декабрь 2013 — февраль 2014 г.) и СВО (февраль 2022 г.). Метафоричное представление части украинского населения, поддерживающего Евромайдан, как собрания свободных и «лучших

¹ Байша О. Дискурсивный разлом социального поля. Уроки Евромайдана / Нац. Исслед. Ун-т «Высшая школа экономики». М.: Изд. дом ВШЭ, 2021 г. С.68.

людей»¹ до границ «нации» привело к крайнему упрощению дискурса, конструированию эквивалентности между «народом Украины» и «народом Майдана» и игнорированию антимайданно настроенной остальной части населения Украины (метарегион Юго-Востока Украины). По сути, мнения миллионов украинцев, вытесненных с символического поля политической репрезентации, было маргинализировано и объявлено «инородным»². Этим политическим целям сложно было бы достичь легально, а именно с помощью нормативно закреплённой новой переписи населения современной Украины.

Каждое лицо идентифицирует себя с многими группами, очерченными относительно разных идентификационных признаков. При этом не все из этих идентификаций одинаково важны и в жизни вообще (некоторые из них воспринимаются как само собой разумеющийся способ самоопределения под давлением или влиянием извне, или вообще не используется как фактор выбора групповой принадлежности и социального поведения). Кстати, поэтому Бломарт указывает на отличие между достигнутой или усвоенной («inhabited») идентичностью, которую лицо выбирает и применяет самостоятельно, либо «приписываемой» идентичностью, которую за ним закрепляют. Примером описания вышесказанного может служить приоритетный, как для христианина, так и для атеиста, религиозный аспект идентичности, который может и не быть постоянным фактором их самоопределения.

Каждая идентификация лица делает ее подобной одним и отличной от других людей. По мнению исследователей, представления про отличия одних от других особенно важно для самоопределения лица как носителя определенной совокупности признаков. Человек получает свою особенность и принадлежность

¹ Сурмай У. Євромайдан — це... океан, який змінить країну! URL: www.pravda.com.ua/columns/2013/12/23/7008028/ (дата обращения: 28.09.2022).

² Фаріон І. Виступ Ірини Фаріон на Майдані Незалежності. URL: <http://www.youtube.com/watch?v=--QOdRudKVk> (дата обращения: 28.09.2022).

благодаря отличию от других, то есть каждое «я» и «мы» предстает вместе с какими-то «они».

Идентификация с определенной группой влияет на дискурсивную стратегию участника конкретного акта, регламентирует его речь представлениям о членских обязательствах и/или групповой интерес. Идентичность лица влияет также на выбор субъектных позиций в том или ином институциональном взаимодействии (например, христиане больше, чем атеисты стремятся занять должность священника). Одновременно, стремясь к признанию своей идентичности со стороны других людей, лицо часто выбирает способ дискурсивного поведения, которое «другие» считают соответствующим такой идентичности (использование нецензурной лексики Майдана, например, «зловонные» и «гнилые»¹, или «совки», «титушки», «люди нового типа», «недограждане»² — именно эти ключевые слова применялись в отношении антимайданно/ пророссийски настроенной части населения Украины).

Выводы. Не всегда государству удается утвердить приоритет своих категорий над альтернативными идентификациями граждан. В странах, где власть использует групповую мобилизацию как инструмент, а политическое представительство каждой группы зависит от ее численности, активисты стремятся с помощью переписи достичь их признания как объективного, научного факта, на основании которого можно пользоваться риторическими призывами, выдвигать политические требования, добиваться увеличения численности «своих» групп, оправдывать их существование. Государство, со своей стороны, больше заинтересовано в демонстрации численного преимущества той части населения, репрезентантом которой — политическим и культурным — себя считает и волей которого обосновывает свою

¹ Антипович Т. Цар-зомбі. Трешова казка // *Українська правда*. URL: <http://www.pravda.com.ua/columns/2014/02/14/152411/> (дата обращения: 28.09.2022).

² Арестович О. Майбутнє вже тут // *Українська правда*. URL: <http://www.pravda.com.ua/columns/2014/01/7/7009119/> (дата обращения: 28.09.2022).

легитимность. Власть в стране, которая репрезентирует себя как национальная, стремится к идентификации с большей частью этнических граждан и ее языком, обычно воспринимаемым как важнейшая характеристика нации. Ввиду отсутствия переписи в Украине более 20 лет, именно языковая и политическая (западноцентричная) ориентация украинского населения стала приоритетной для украиноцентричных сил. Для Украины, возникшей на постсоветском пространстве, очевидное доминирование титульной нации служит свидетельством усиления тенденции к самоопределению, репрезентации в дискурсе и политической практике именно этой «государствообразующей» нации. Представление о «других» (россиянах/русских является способом представить «свой» украинский национализм узаконенным и безальтернативным. В контексте запроса на утверждение суверенитета в Украине, ситуация сложилась выгодно для меньшинства, которое стало навязывать свое мнение большинству (теория спирали молчания Ноэль-Нойман).

Литература

1. Arel D. Interpreting «nationality» and «language» in the 2001 Ukrainian census // *Post-Soviet Affairs*. 18 (3). 2002. P. 213–249.
2. Brubaker R. Nationhood and the national question in the Soviet Union and post-Soviet Eurasia: an institutionalist account // *Theory and Society*. 23 (1). 1994. P. 47–78.
3. Foucault M. On governmentality, ideology and consciousness. New York: Pantheon Books, 1979. № 6. P. 5–21.
4. Kertzer D. I., Arel D. Censuses, identity formation, and the struggle for political power // *Census and Identity: The politics of race, ethnicity, and language in national censuses* / Ed. David I. Kertzer and Dominique Arel. Cambridge: Cambridge University Press, 2002. P. 1–42.
5. Rabinov P. The Foucault reader. New York: Pantheon Books, 1984. P. 3–29.
6. Uehling G. The first independent Ukrainian census in Crimea: myths, miscoding and missed opportunities // *Ethnic and Racial Studies*. 27 (1). 2004. P. 149–170.
7. Urla J. Cultural politics in an age of statistics: numbers, nations and the making of Basque identity // *American Ethnologist*. № 20(4). P. 818–843.

8. Андерсон Б. Уявлені спільноти: міркування щодо походження й поширення націоналізму. Київ: Критика, 2001.

9. Антипович Т. Цар-зомбі. Трешова казка // *Українська правда*. URL: <http://www.pravda.com.ua/columns/2014/02/14/152411/> (дата обращения: 28.09.2022).

10. Арестович О. Майбутнє вже тут // *Українська правда*. URL: <http://www.pravda.com.ua/columns/2014/01/7/7009119/> (дата обращения: 28.09.2022).

11. Байша О. Дискурсивный разлом социального поля. Уроки Евро-майдаана / Нац. Исслед. Ун-т «Высшая школа экономики». М.: Изд. дом ВШЭ, 2021. 184 с.

12. Берендеев М. В. Семиотические инверсии в формировании политического образа в медиадискурсе (на примере образа России в СМИ Германии) // *Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта*. Сер.: «Гуманитарные и общественные науки». 3. 2017. С. 94–102.

13. Бойцов В. Н. Проблема сохранения исторической памяти: история и современность // *Гуманитарный вестник Военной академии ракетных войск стратегического назначения*. 4. 2021. С. 18–23.

14. Виктор Ющенко пошел войной на советскую власть // *Сегодня*. 268. 26.11.2007. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.segodnya.ua>. С. 2.

15. Данилова Е.А., Суляк С.Г. Праздник со слезами на глазах: об отношении ко Дню Победы на Украине // *Русин*. 65. 2021. С. 296–315.

16. Короткі підсумки перепису населення України 17 грудня 1926 р. Національний і віковий склад, рідна мова та письменність населення. Харків, 1928; Национальный состав Советской Украины. Объяснительная записка к этнографической карте УССР. Харьков, 1925; Національний склад сільського населення України. Попередні підсумки Всесоюзного перепису населення 1926 р. Харків, 1927.

17. Национальный состав Советской Украины. Объяснительная записка к этнографической карте УССР. Харьков, 1925.

18. Національний склад сільського населення України. Попередні підсумки Всесоюзного перепису населення 1926 р. Харків, 1927.

19. Первое Всеукраинское совещание по работе среди национальных меньшинств (8–11 января 1927 г.). Стенографический отчет, резолюции, постановления и материалы. Харьков, 1927.

20. Постановление по русской секции // Первое Всеукраинское совещание по работе среди национальных меньшинств (8–11 января

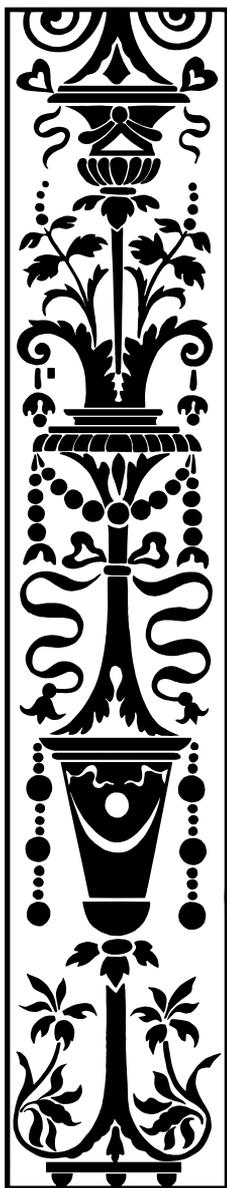
1927 г.). Стенографический отчет, резолюции, постановления и материалы. Харьков, 1927.

21. Рафальський О.Є. Національні меншини України у ХХ столітті: Історіографічний нарис. К., 2000.; Скрипник М. Перебудовними шляхами (Проблема культурного будівництва національностей на Україні) // *Більшовик України*. 11. 1931; Шлихтер А. Борьба с национальными уклонами на современном этапе. Харьков, 1933.

22. Сурмай У. Євромайдан — це... океан, який змінить країну! URL: www.pravda.com.ua/columns/2013/12/23/7008028/ (дата обращения: 28.09.2022).

23. Фаріон І. Виступ Ірини Фаріон на Майдані Незалежності. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=--QOdRudKVk> (дата обращения: 28.09.2022).

24. Фуко М. Наглядати й карати: народження в'язниці. Київ: Основи, 1998.

V.
Современная
арабская
литература:
биографии
и переводы

Мухаммад Салех аль-Джабери (1940–2009)

Мухаммад Салех аль-Джабери — тунисский писатель, исследователь, учёный. Родился в 1940 г. в г. Тозер. Среднее образование получил в школе Ибн Халдуна при университете Аз-Зитуна в г. Тунисе. В 1962–1967 гг. работал преподавателем в начальных и средних школах Туниса, одновременно публикуя в периодической печати Туниса и других арабских стран литературоведческие статьи и исследования. В 1971 г. закончил отделение арабской литературы филологического факультета Багдадского университета. В 70-е гг. работал в Министерстве культуры Туниса, был директором Тунисского культурного центра в Ливии. Участник встречи молодых писателей Азии и Африки в Ташкенте в 1976 г. В 1979 г. он стал членом ALECSO (Arab League Educational, Cultural and Scientific Organization), где руководил департаментом культуры. После отставки с этого поста в 2000 г. был назначен руководителем энциклопедического проекта о выдающихся арабских и мусульманских деятелях и ученых. Девятнадцать томов этого проекта к настоящему времени опубликованы. Умер 19 июня 2009 г. в возрасте 69 лет, Ариана, Тунис.

Аль-Джабери — автор исследований в области политических и литературных движений в странах Магриба, в частности в Алжире, Ливии и Тунисе. Писательский успех аль-Джабери

принесли короткие рассказы и романы в жанре реализма: «Один из дней в Замра» (1968), "Лайлат ас-Санават ал-Ашр" ("Ночь десятилетия"), который был опубликован в 1982 году и вошел в число 100 лучших арабских романов. Он автор сборников рассказов, в том числе «Это осень, любимая» (1971) и «Рух залетает на грядку» (1977), автор литературоведческого исследования «Современная тунисская поэзия: 1879–1970» (1974) и др.

Основные арабоязычные издания:

- يوم من أيام زمرا (Повесть «Один из дней в Зумра»), 1968.
- الرخ يجول في الرقعة (Сборник рассказов «Рух залетает на грядку»), 1977.
- ليلة السنوات العشر («Ночь десятилетия»), 1982.
- انه الخريف يا حبيبتي («Вот и осень, любимая!»), 1971.

Muhammad Saleh Al-Jaberi (1940–2009)

Muhammad Saleh al-Jaberi is a Tunisian writer, researcher, and scholar. He received his secondary education at the Ibn Khaldun School at the University of Al-Zitoun in Tunis. In 1962–1967, he worked as a teacher in primary and secondary schools in Tunisia, while simultaneously publishing literary articles in the periodicals of Tunisia and other Arab countries. In 1971, he graduated from the Department of Arabic Literature of the Faculty of Philology of Baghdad University. In the 1970s, he worked at the Tunisian Ministry of Culture, then he served as a director of the Tunisian Cultural Center in Libya. He participated in the session of young writers of Asia and Africa in Tashkent in 1976. In 1979, he became a member of ALECSO, where he headed the Department of Culture. After resigning from this post, in 2000, he was appointed head of an encyclopedic project on prominent Arab and Muslim figures and scientists. Nineteen volumes of this project have been published so far. He died on 19 June 2009 in Ariana, Tunisia.

Al-Jaberi authored papers in the field of political and literary movements in the Maghreb countries, in particular in Algeria, Libya and Tunisia. Al-Jaberi's literary success was brought by short stories and novels in the genre of realism: "One of the Days in Zamra" (1968), "Laylat al-Sanawat al-Ashr" ("The Night of the Decade"), which was

published in 1982 and was selected among the 100 best Arabic novels. He is the author of collections of short stories, including "It is Autumn, my Love" (1971) and "Rukh flies in the Patch" (1977), the author of the literary study "Modern Tunisian Poetry: 1879–1970" (1974), and others.

Major Arabic-language publications:

- 1968 , يوم من أيام زمرا , *Yawm Min Ayyam Zumra* (A Day in Zumra).
- 1977 , الرخ يحول في الرقعة , *Al-Rukh Yajul fi-l-Ruk'a* (The Rukh Flies in the Patch).
- 1982 , ليلة السنوات العشر , *Laylat al-Sanawat al-Ashr* (The Decade's Night).
- 1971 , انه الخريف يا حبيبي , *Innahu al-Kharif, Ya Ḥabibati* (It Is Autumn, My Love).

المدى الأخير

ПОСЛЕДНЯЯ ЧЕРТА

(рассказ)

Перевод с арабского О. М. Бавыкина¹

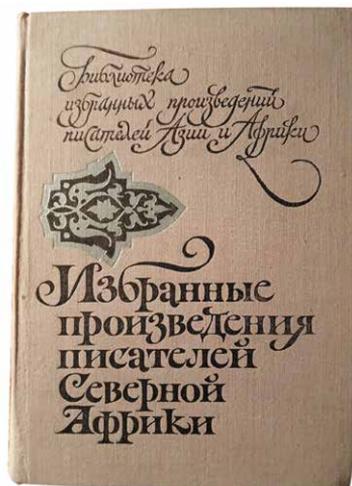
THE LAST FRONTIER

Translated from Arabic by Oleg Bavykin²

Добравшись до Бельгийской улицы, упирающейся в муниципальный парк, он уже не чувствовал под собой ног. Он был настолько изможден, что перестал даже ощущать усталость. Лишь надев башмаки, доселе зажатые под мышкой, он почувствовал боль от ушибов и ссадин, полученных за несколько минут бега; окровавленные пальцы ныли, и ему казалось, что его ноги словно раздулись от боли, стали тяжелее любого груза, который ему когда-либо приходилось нести.

¹ Избранные произведения писателей Северной Африки: романы и рассказы. М.: Прогресс, 1980. С. 461–465.

² Selected Works of Writers of North Africa: Novels and Short Stories. Moscow: Progress, 1980. P. 461–465.

Осушая рукавом струйки пота, стекающие по волосам, по лбу, проводя по толстой верхней губе и усам, на которых дрожали капли пота, он вдруг подумал: все позади. Я успею к началу. Надо доложить им о моем задании.

Тело его все еще содрогалось, грудь теснило. Не хватало воздуха, ноздри его раздувались. После нескольких глубоких вдохов тело его перестало дрожать... Он прислонился к стене, спрятав голову в тень, падающую от скрещения столбов на углу Бельгийской улицы с ее многочисленными арками.

Внимание его привлекли витрины закрытых магазинов, расположенных рядом, в европейском квартале: реклама дорогих сигарет «Салем», волнистые линии, составляющие эмблему тунисского табака. Девушка у табачного киоска потягивает из бутылки кока-колу, но никто ее не разглядывает, и ни одна детская рука не протянется к ней, чтобы стереть эту улыбку. Черты ее правильны, и ничто в этом капризном, избалованном лице не предвещает, что в один прекрасный день девушка окажется на линии огня.

Он с раздражением отвернулся от рекламы. Какое дело этим компаниям до нашей войны? Что знойным летом нет у нас кока-колы? Что нам не до смеха, не до соблазнов? Мы хотим уничтожить всякую ложь, выкинуть эти картинки с наших улиц.

Вдруг словно из каких-то глубин ему послышалось:

«Взгляни на иной предел... Поднимается клич древних охотников».

Это тот самый зов, который не смогли заглушить никакие опасности... Он звучит по-прежнему громко, вырываясь из тысяч глоток. Даже в эти мгновения он напомнил ему о морской дружбе, о ветрах, об огнях маяков... И он ответил теми же словами, решительно и твердо:

— Я взгляну!

Он перевел взгляд в другую сторону. Там нет ни волн, ни дельфинов, ни запаха влажных досок — одна лишь стена. Стена арабского города... Солнце ослепило его, и он не различал больше ничего, кроме камней на гребне стены. Эти камни были словно человеческие головы, в них воплощалось величие стены, они напоминали о смерти, об истории. От этих камней, переулков, арок его отделяли три ряда колючей проволоки, протянутой несколько часов назад... Он должен преодолеть их, чтобы поспеть туда к началу, чтобы умереть на этих мощенных камнем улицах, среди детского гомона, криков женщин, рева ишаков.

В небе промелькнули белокрылые морские чайки, из тех, что летают в начале июля, паря вокруг телеграфных столбов, устремляясь к самому краю пристани и затем исчезая в безмолвии. Они, как и девушка с кока-колой, ничего не знают о разделенном городе. Однако чайки улетают, когда им вздумается. А девушка с рекламы на противоположной стене остается узницей, как и он.

Прошел военный патруль. Он различил каски солдат, шаг за шагом исчезающих в глубине улицы Аль-Хабиб Самир; их вел высокий офицер с повязкой цвета хаки на голове. Как только солдаты скрылись, загрохотала французская артиллерия, уже второй раз в этот день. На большой скорости промчались два джипа. Во втором сидело трое солдат с пулеметом. До сих пор город с его старой стеной, чайками, вяло свисающими от зноя телеграфными проводами казался объатым страхом, и этот страх был подобен эху от грохота вагонетки в угольной шахте Эр-Радефа.

Он испугался: что, если снаряд вдруг попадет в арку, та обрушится на него и он погибнет под руинами? Он решил пробраться к муниципальному парку, находящемуся всего в нескольких шагах, а там уж решить, что делать дальше.

Снова показался военный патруль, на этот раз с другой стороны улицы. Он наблюдал за ним, уже лежа в траве парка, сквозь сплетения терновника и стебли лимонных деревьев. Он видел солдатские башмаки, подкованные гвоздями, синие лужицы на асфальте, в которых плясали разноцветные солнечные лучи. Из

своего укрытия он увидел вдруг две босые ноги, которые шли спотыкаясь. Он представил себе их владельца, пригивавшегося к земле, и сказал:

— Они уже начали!..

Потянулись горькие, тяжелые минуты. Сквозь ветви, листву и солнце он смотрел на ноги незнакомца, которые увеличивались, раздувались в колеблющихся волнах знойного марева. Они словно колыхались, погруженные в озеро. Все вдруг исчезло, даже размеренные шаги солдат. Росла тишина, а с нею подавленность и одиночество. Как спастись, как преодолеть три ряда колючей проволоки, миновать охраняющих ее солдат?.. Почему он не зовет шейха в кафтане и зеленой чалме, с четками, пахнущими амброй? Разве Абдель Кадер не дед его матери? Она завещала ему вспомнить о шейхе в трудную минуту. А разве была у него минута труднее этой?

Внутренний голос сказал ему:

«Протяни ладони».

— Я протянул.

«Подними глаза к небу. Говори, чего ты желаешь!»

Когда он поднял ладони, в одну из них впилась колючка с соседнего дерева; он отдернул руку и прервал молитву. Он начал вытаскивать занозу ногтями, молча, сдерживая гнев, покоряясь судьбе, лишившей его выхода. Пушки загремели сильнее. Пули свистели повсюду, все ближе и ближе. До его слуха долетали крики демонстрантов, их возгласы, раздававшиеся у стены. Однако эти звуки заглушались грохотом пушек и рассеивались в воздухе; крики тонули в скрежете железа.

Ему захотелось закрыть глаза и очутиться в старом городе, среди женщин и добровольцев, которые засели в окопах и на баррикадах, рассыпались по стене. Он представил себе лица парней, съехавшихся со всех концов страны, и пожалел, что он сейчас не среди тех, кого успел полюбить за короткий срок пребывания в учебном лагере. Ему казалось, будто он прожил с ними всю жизнь. Не раз, вглядываясь в их лица, он ощущал на себе их отсвет. Ему были знакомы пещеры и холмы, стволы дубов и заросли можжевельника, ему были знакомы обожженные

солнцем лица. Он знал и пальмовые рощи, и плантации оливковых деревьев, откуда пришли эти люди. Их лица как у всадников, скачущих в неизвестность.

Мысль о всадниках напомнила ему тех деревянных лошадок, которых он мастерил в детстве для своих сверстников, напомнила игру в солдатики, которую он устраивал для них, сам выступая в роли командира. Он носился по переулкам, выкрикивая приказы на французском языке, с кривой веткой на поясе, напоминавшей приклад ружья, стволом которого служила палочка, а магазином — пустая жестянка.

Обычно он собирал целую армию ребятишек, вооруженных такими вот винтовками, в касках, сделанных из больших картонок из-под помидор. Они носились по улицам с оружием наперевес, подражая жандармам и французским солдатам. Со смертью отца все изменилось... Он подрос, отрастил усы и, подобно другим жителям города, стал моряком. Теперь в его облике не было ничего военного, кроме зеленой шинели, оставшейся от минувшей войны. Он надевал эту шинель, отправляясь рыбачить.

Опять заныли ссадины; он пошевелил онемевшей ногой, чувствуя, как пульсирует кровь. До него донеслись крики, проникавшие сквозь дым, сгустившийся в воздухе над тем местом, где рвались снаряды, и скрывавший от него чаек, стены старого города и суровые лица мужчин... Надо что-то делать, это не может продолжаться бесконечно...

А что, если раны не позволят мне добраться до противоположной стороны, если я умру?.. Ну что ж, моряк Хаман сделал свое дело, выполнил наказ Отчизны. Однако неплохо было бы, если бы мои товарищи, все люди узнали бы, что я взорвал Восточную казарму, куда каждое утро таскал на взмокшей от пота спине только что пойманную рыбу для французских солдат. Проникнув туда, я подложил взрывчатку под стены — а теперь пусть приходит голод и даже смерть. Пусть приходит голод. Я не понесу им больше рыбы, не буду получать от них денег на пропитание.

Его охватило радостное волнение. Однако он взял себя в руки и, подтянув колени к груди, приготовился действовать. Он думал

только о том, как найти выход, потому что два солдата, только что заступившие на пост, приближались к Восточной аллее, находясь всего в нескольких шагах от него.

Он почувствовал, что готов сорваться с места, словно еж, которого испугнул лунный свет. Внезапно раздавшийся хохот патрульных заставил его вздрогнуть. Ему показалось, что они видят его, смеются, даже издеваются над ним. Вот один из солдат уперся винтовкой в пах, а другой прислонил свою к стволу дерева. Он не мог больше терпеть это унижение. Надо что-то сделать, прежде чем они протянут руки, чтобы схватить его.

Он ощупал влажную землю, уловив аромат трав, напоивший все вокруг, и, опершись на руки, быстро рванулся вперед, так что сердце едва не выскочило из груди. Резким движением он схватил прислоненную к дереву винтовку и, не помня себя от волнения, направил ее на солдат. Потом он бросился бежать по направлению к другому городу, забыв о линиях огня и о колючей проволоке. Заметив бегущего, солдаты открыли по нему огонь, и он, ничком падая на землю, в последний раз увидел арки и городские стены, девушку с рекламы кока-колы, стремительно надвигавшуюся на него, чаек, распростерших над ним свои белые крылья. Клич его товарищей рыбаков был последним звуком, который он услышал.

Мустафа Феси (р. 1945)

Мустафа Феси — алжирский прозаик, пишет на арабском языке. Родился в 1945 году в деревне Мусайрада провинции Тлемсен. Окончил факультет литературы алжирского университета. С 1969 года рассказы М. Феси публикуются в периодической печати. Участник встречи молодых писателей Азии и Африки в Ташкенте (1976 г.). Автор трех книг прозы и монографии «Герой тунисского рассказа до обретения независимости». Преподавал в институте арабского языка и литературы Университета Алжира.

Mustafa Fesi

Mustafa Fesi is an Algerian novelist who writes in Arabic. He was born in 1945 in the village of Musayrada, Tlemcen province. He graduated from the Faculty of Literature of the University of Algiers. Since 1969, Mustafa Fesi's stories have been published in periodicals. He is a participant of the session of young writers of Asia and Africa in Tashkent (1976). He authored three books of prose and a monograph "The hero of the Tunisian short story before the independence." He was a lecturer in the Institute of Arabic Language and Literature at the University of Algeria.

ПОЕЗД ШЕЛ ДАЛЬШЕ

(рассказ)

Перевод с арабского О. М. Бавыкина¹

THE TRAIN MOVED ON

Translated from Arabic by Oleg Bavykin²

Они уже отчаялись найти свободное место, как вдруг девушка дернула старика за рубаху и потянула к одному месту из купе.

— Сюда, отец! Тут есть свободное место.

— Где? Ну, слава Аллаху! Садись, дочка.

Он почувствовал облегчение, которое сменилось чем-то похожим на раздражение, когда, входя в купе с тяжелым чемоданом, он увидел, что в нем сидят пышущие здоровьем, развязные молодые люди.

Дочь прошла вперед, а старик, сгибаясь под тяжестью ноши, чуть поотстал. И тут ему показалось, что один из пассажиров шепотом что-то сказал его девочке. «Ну что поделаешь с этими наглецами?! Жаль, не знаю французского. Теперь и не поймешь, может быть, он и не ей вовсе шептал?.. Ну и времена пошли! Опасно девочку одну оставить. Если бы не дела, довез бы ее до самой столицы... Правда, дочка у меня — порядочная девушка, не чета нынешним. Сам ее воспитал. Не будь я уверен, что она блюдет честь семьи, не послал бы ее в столицу продолжать учебу. Уж так не хотел отпускать ее одну! Но женщина есть женщина. Всегда на своем настоит. Да направит ее Аллах на путь истинный!» Он поставил чемодан и повернулся, чтобы проститься:

— Будь умницей, дочка! Да ниспошлет Аллах тебе удачу! За нас не беспокойся, пиши письма.

¹ *Восточный альманах*. Вып. 11. «К вершине горы». М.: Художественная литература, 1983. С. 120–125.

² *Oriental Almanac*. Issue 11. “To the Top of the Mountain”. Moscow: Khudojstvennaya Literatura, 1983. P. 120–125.

Спасаясь от сигаретного дыма, старик направился к выходу из купе.

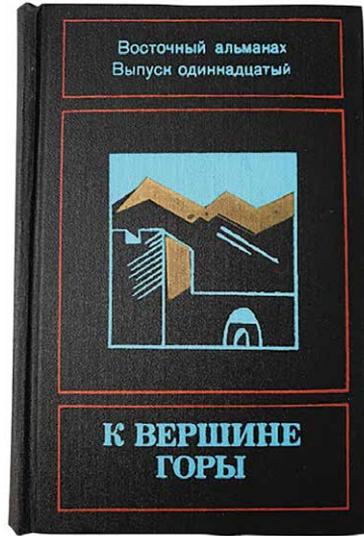
Хаджи Ибрагиму перевалило уже за шестьдесят. Его черная шерстяная рубаха до пят — джалляба, белый платок, несколько раз обмотанный вокруг головы, грубые деревенские башмаки и палка в левой руке — все это было символом дедовских времен.

У выхода из купе он еще раз обернулся к дочери:

— Счастливого пути! Будь умницей, Айша!

Она сидела в самом дальнем углу купе. От нее, этой двадцатилетней девушки, исходила непередаваемая прелесть природной красоты бедуинки: на округленном смуглом лице загадочно светились чуть печальные глаза, черные как смоль волосы ниспадали до пояса, модное, купленное в городе платье обтягивало упругое тело и высокую грудь.

Утомленный поездкой — ведь, чтобы попасть на автобус, следовавший до Орана, пришлось встать затемно, — старик брел, опустив голову и тяжело передвигая ноги. А в ушах все еще звучали слова, сказанные Айше на прощание: «Будь умницей, дочка! Держи себя достойно! Да ниспошлет Аллах тебе удачу!» Может быть, к этому следовало еще что-нибудь добавить? Пожалуй, нет. Я ведь полностью ей доверяю. По мне, уж лучше ей бросить учебу. Перед летними каникулами так и решил. К тому же многие дочку сватали, даже сын ее дяди — лучший из женихов. Хватит ей учиться, и без того грамотная. Два года, как среднюю школу закончила. Чего еще надо? Уже одно среднее образование, говорят, дело немалое... Но они с женой меня одолели. Как тут быть? Да направит ее Аллах на путь истинный!»

Огромные часы на стене станционного здания, к которому направлялся хаджи Ибрагим, показывали почти семь.

«Ничего, что пришли чуть раньше». С этими словами он вынул из внутреннего кармана рубахи часы: «Точно без четверти семь. А поезд уходит в семь тридцать». Старик обернулся к поезду, посмотрел на пассажиров, спешащих заранее занять место в поезде, чуть помедлил, наблюдая за суматохой, пожал плечами и пошел. Однако не так-то просто пробраться к выходу, когда вокруг толпится народ и тебя толкают со всех сторон. Словно все на свете сговорились ехать именно в этот день.

«Эх, а мы, бывало, как ездили, когда были молодыми...» Старик вздохнул, и тут его чуть не сбила с ног девушка, торопившаяся к поезду под руку с молодым человеком. Подобно вихрю пронеслись они мимо него. Отвернувшись, старик заворчал: «Так-то вот... на людях... без стыда и совести... Ну и времена! Ну и молодежь! Вот они, нынешние молодые... А еще говорят, что они передовых взглядов!.. Живут с друг другом не поженившись! Куда смотрят их родители! Что за воспитание! Да будь они даже из хорошей семьи, кто может положить, что они поженятся? Так-то вот просто... У всех на глазах. Мы в наше время, увидев женщину, глаза в сторону отводили. А жену только после свадьбы рассмотреть могли. Где теперь эти времена?»

Он еще острее почувствовал усталость и, выйдя из широких дверей здания, побрел к расположенной напротив кофейне, сел там за отдельный столик у входа, чтобы видеть большие станционные часы. Заказал чашечку кофе. Хаджи Ибрагим всегда пил кофе, чтобы снять усталость. После нескольких глотков утомление проходило, на душе становилось легко. Сегодня же за целый день он успел выпить только полчашки, да и то в пять часов утра, перед выходом из дома. Когда собираешься в дорогу, да еще в такую рань, не поешь и не попьешь как следует.

Посидев с четверть часа, хаджи Ибрагим поднялся и собрался уйти, как вдруг вспомнил, что не заплатил за кофе. Он подозвал официанта и, доставая из кармана кошелек, вместе с ним извлек измятый конверт с оборванным краем. Конверт упал на пол, но

старик тут же подхватил его, вынул дрожащей рукой письмо, молча взглянул на него и сразу перевел взгляд на официанта, стоявшего перед ним, словно истукан.

— Прости, дорогой. Совсем забыл, что ты тут. Да проклянет Аллах мою забывчивость! Сколько с меня?

— Полдинара.

Старик положил на стол медную монету.

— Пожалуйста, бери!

Когда официант ушел, хаджи Ибрагим снова посмотрел на письмо, затем сложил его и засунул в конверт: «Как же я мог забыть о письме? О Аллах! Память совсем отшибло. И грош ей цена, если даже о единственном брате забыл. Прошло больше десяти дней, как письмо получил, а брата родного до сих пор не повидал. Может быть, хуже стало? Да исцелит его Аллах! В любом случае надо было ехать, как только пришло письмо». Старик, раздумывая, потоптался на месте, но вот лицо его просветлело «А почему бы не повидать брата сегодня? Лучшей возможности и не будет, ведь я ж на полпути к нему. Еще столько же, и доберусь до Мухаммадии. Как это я дома не додумался? Скажи я там, что навещу сегодня брата, мои собрали бы для него каких-нибудь фруктов. Братово семейство как уехало из деревни в город, так и фруктов, наверно, досыта не ест. Да и какое сравнение — фрукты прямо с дерева или те вялые, что они покупают на рынке или в магазине. Ох уж этот город! И зачем люди рвутся туда, где все вянет?»

Старик снова вынул часы: «Сейчас семь десять. Кажется, успею на поезд. Это лучше, чем тащиться на автобусе. До чего же утомительной была утренняя поездка!» Он спрятал часы в карман и зашагал по направлению к станции. Купив билет, старик вошел в вагон и, протискиваясь по узкому проходу, стал искать, куда бы присесть. И тут он вспомнил о дочери: «Ведь я совсем о ней забыл. Как будто целая вечность прошла с тех пор, как мы расстались. Мы же едем в одном поезде. Да и вагон, кажется, тот же самый».

— Есть ли еще вагон третьего класса? — обратился он к молодому человеку, стоявшему у окна и смотревшему на перрон.

— Нет, только этот вагон.

— Спасибо, сынок.

«Значит, она здесь. Сейчас разыщу ее, и вместе доедем хотя бы до Мухаммадии. Вдвоем-то куда веселее ехать».

Поезд тронулся. Хаджи Ибрагим с трудом пробирался от одного купе к другому, высматривая дочь, и думал, как она удивится, когда увидит его в поезде. Вот еще одно купе. Из-за плотной завесы табачного дыма сразу и не разглядишь сидящих в нем людей. Он вошел в купе. «Но что это? Айша?!» старик вздрогнул, палка выпала из ослабевшей руки.

Она сидела на том самом месте, где он ее оставил, и шепотом читала стихи на французском языке. На ее коленях лежала голова юноши, в левой руке — его рука. Молодой человек, улыбаясь, слушал ее.

Старик, застыв на месте, неотрывно смотрел на дочь. Перед глазами молниеносной быстротой, подобно миражу, проносились, заполняя все вокруг, тысячи картин. Взоры окружающих устремились на старика. Молодой человек резко поднял голову.

— Отец!

Губы старика задвигались, казалось, он что-то хотел сказать. Из глаз его покатались слезы. Он попытался шагнуть вперед, но вместо этого вдруг резко осел. И тут же его подхватили протянутые со всех сторон руки. Люди вскочили и окружили старика. Молодой человек посмотрел на Айшу:

— Надо было все же сказать ему, что мы собираемся пожениться.

Поезд, извиваясь, мчался среди широких полей. Пассажиры с трудом улавливали слабый, хриплый голос старика, заглушаемый мерными ударами колес: Айша... Айша...

Камиль Хасан аль-Макхур (1935–2002)

Камиль Хасан аль-Макхур — ливийский прозаик, журналист, юрист, дипломат, государственный деятель. Родился в г. Триполи (район Дахра) в 1935 г. В 1957 г. окончил юридический факультет Каирского университета. С 1970 г. — член Верховного суда Ливии. В 1972–1976 гг. работал постоянным представителем Ливии в ООН, затем послом Ливии во Франции (1976–1978), в КНР (1978–1981), секретарем Народного бюро по внешним связям (министром иностранных дел) Великой Социалистической Народной Ливийской Арабской Джамахирии (ВСНЛАД) (1986–1987). В 1982 г. назначен секретарем (министром) по делам нефти; в 1984 г. был генеральным секретарём ОПЕК. Был представителем Ливии в Международном суде в Гааге; возглавлял ливийскую делегацию на многочисленных переговорах по «делу Локерби». В 1989 г. вернулся к частной юридической практике. В декабре 1986 года посетил СССР с официальным визитом.

Кроме того, начиная с 1950-х гг. аль-Макхур активно занимался писательской деятельностью, это один из признанных мастеров ливийского рассказа. С 1950 по 2000 г. им опубликовано 8 сборников рассказов, в том числе «14 рассказов о моем родном городе» (1965), «Вчерашний день распят» (1968) и др. Умер аль-Макхур 5 января 2002 г. в Риме.

Kamil Hassan al-Maghour (Maghur)

Kamil Hassan al-Maghour (Maghur) is a Libyan novelist, journalist and government official. He was born in 1935 in Tripoli (Dahra district). In 1957 he graduated from the Cairo University, then worked as a lawyer in Tripoli. In the public domain, he served in various diplomatic and international legal postings, including service as ambassador to the United Nations (1972–1976), ambassador to France (1976–1978), the first Libyan ambassador to the People’s Republic of China (1978–1981), Libya’s Minister for Foreign Affairs (1986–1987). In 1982 he was appointed Minister for Petroleum, and in 1984 served as Secretary General of OPEC. He was a Libyan representative at the International Court of Justice, The Hague. He was leading the defense team at the Lockerbie case, being Libya’s legal representative in handling sanctions and charges associated with the matter. In 1989 he returned to private law practice in Tripoli. He was a Member of the Royal Academy of Morocco. Besides that, al-Maghour is a renown Libyan writer. Between the 1950s and July 2000, he published eight books of short stories, including “14 Novels About My Home City” (1965), “A Crucified Yesterday” (1968), and others. He died on 5 January 2002 in Rome.

ПОСЛЕДНЕЕ ЗВЕНО

(рассказ)

Перевод с арабского Н. Н. Дьякова¹

THE LAST LINK

Translated from Arabic by Nikolay N. Dyakov²

— Да проклянет Аллах этот день!.. Да проклянет он меня, и отца моего, и дедов моих!

¹ *Восточный альманах*. Вып. 15. «Зерна мудрости». М.: Художественная литература, 1987. С. 127–131.

² *Oriental Almanac*. Issue 15. “The Seeds of Wisdom”. Moscow: Khudojstvennaya Literatura, 1987. P. 127–131.

Мучась оттошноты, Джума сидел на земле, раскачивался, яростно сгребал в пригоршню песок и подбрасывал.

На улице никого не было в этот час предвечерней молитвы... Стояла тишина. Но скоро появятся рабочие, группами возвращающиеся домой. Выбегут из школы дети, поднимут облака пыли, гоня мяч... Столпятся у большой колонки в начале улицы девушки, гремя ведрами и переругиваясь...

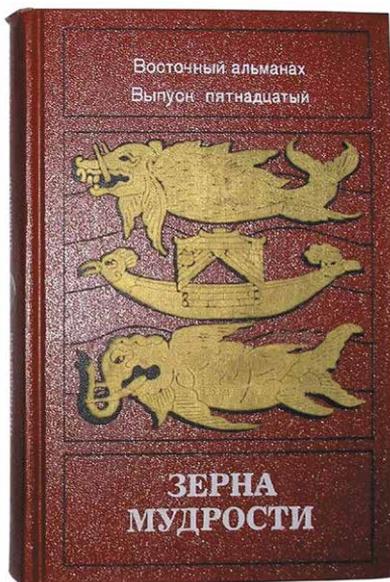
Выйдет из лавки старик, сыграв свою партию в карты. Возьмет шланг, перекиннет через окошко мечети и станет поливать внутренний двор. Постелет циновки и приготовит все для вечернего чаепития. За углом, за полуразвалившимся домом, из которого доносится запах съестного, сидит в своей лавке Салим, дожидаясь захода солнца, когда лавку заполнят дети и взрослые. У Салима темное лицо, за ухом химический карандаш, он держит большую, похожую на муниципальную книгу тетрадь, где записаны имена всех жителей улицы. На каждом листке — имя и запись, словно курица лапой писала... Кто вечером идет мимо лавки, непременно заглянет.

— Ведь не собака же я! Есть у меня хоть капля достоинства, есть!..

Но даже торговец углем и керосином Ахмед, человек жизнерадостный, истинный оптимист, говорит ему, понизив свой бас:

— С чего ты взял, что у тебя есть достоинство, «достойнейший из людей»?!

То же он читал во взгляде Марьюмы, жены, когда она давала желтую увядшую грудь малышке. Все ему так говорили после того, что случилось.

— У тебя есть достоинство?

А ведь в тот день он проклял и предков своих, и потомков, и самого себя, но все осталось по-прежнему. Не было ему теперь места ни в тетради Салима, ни в компании любителей чая. После того, что произошло в тот день...

— ...Я знаю, кем я стал...

Это был черный день, поистине черный... Салим не дал ему даже пачки сигарет, слишком много он задолжал лавочнику. Переполненная машина везла в тот день рабочих на аэродром. Разговор шел о разном. И только ему одному — одному среди сотни других — все не нравилось. Он ругал и американцев, и работу, которую они давали, и даже их деньги.

— Им не хватает рабочих?.. Ну и что?!

Все подняли посиневшие от холода лица и прыгавшие на ходу головы и уставились на него. А он уверенно продолжал:

— Для чего это все? Они ничего не сказали! Да проклянет Аллах и эту работу, и тех, кому она нужна!

Рядом сидел Хамза, стуча зубами от холода.

— Чепуха, — сказал он. — Работа как работа...

В противоположном конце машины вынырнула голова с редкими волосами, сидевшая на тощей шее. Ее обладатель сказал:

— Я собственными ушами слышал... позавчера... С сегодняшнего дня у них сократилась потребность в рабочей силе.

Новость была не из приятных. А вдруг это правда? По машине прокатился глухой рокот.

У Джумы затряслись руки. И хотя он сильно озяб, его бросило в жар. Он вспомнил, что собирался в конце недели после покупки купить на базаре брюки, что задолжал лавочнику Салиму, что у жены порвалась накидка. Вспомнил об их золотушной малышке, о родителях — обо всем, что цепью приковало его к работе: он должен таскать песок, утрамбовывать землю. В зной, в холод, в любую погоду. Таскать и таскать...

— Скоро избавишься от этой каторги — найдешь другую работу.

Воцарилось тягостное молчание. Все сидели понурившись, одолеваемые мрачным предчувствием. Первым заговорил сосед Джумы:

— Почему каторги? Работа на базе не хуже любой другой...

На него напустился тот, плешивый:

— Не верите? Сержант сам мне сказал!

Ему верили и продолжали молчать. Кто-то спросил с робкой надеждой:

— А ты разве понимаешь по-американски?

Все снова зашумели.

Плешивый что-то буркнул в ответ. Джума громко сказал:

— Ладно, ладно. Знаем мы тебя...

Каждый думал: неужели сегодняшний день будет черным в его жизни?.. А Джума размышлял о цепи, приковавшей его к работе.

— Ничего, найдем заработок в порту...

Сосед толкнул его, прошептал:

— Я убежал из порта, — помолчал и добавил: — Там нет никакой работы. Стоишь, бывало, с утра и до вечера и так и уходишь ни с чем...

Плешивый тем временем хвастался, как разговаривал с ним сержант — будто жевал свой язык, как предложил ему сигарету, сообщил, как и когда познакомился с ним...

— Он и сказал мне об этом. А вы не верите!

Люди опять загудели. И те, что сидели, и те, что стояли. Джума внимательно обвел их взглядом. Для кого сегодняшний день окажется черным? Посмотрел на соседа. Тот как будто поверил плешивому, потому что сказал взволнованно:

— Вздор. Вышка на базе еще не закончена. А пока есть работа, выгонять никого не будут.

Спорщики разбились на несколько групп. Джума мысленно разделил всех на сильных и слабых. Оставят, конечно, сильных. Слабые в аду не нужны. Себя он не причислил ни к тем, ни к другим. Что принесет ему сегодняшний день?

— Люди хорошие! — вдруг крикнул он. — Что же мы будем есть?.. Камни?!

Перед глазами вытянулась цепь, звено за звеном: мать, отец, Марьюма, золотушная дочка...

Когда же волнение улеглось, споры стихли и замолчал плешивый, появился сержант. Он что-то говорил — будто жевал свой язык. Плешивый кивал, наклонившись к нему, и, кажется, был очень доволен. Потом произнес негромко:

— Что я вам говорил! А вы не верили. Послушайте сами!..

Все сбились в кучки, стараясь не встречаться взглядом с сержантом, рядом с которым стоял старший рабочий, прятали лица в поднятые воротники и бормотали что-то о своих трудностях. Джума кипел от злости, но не терял надежды.

Посмотрел на соседа. У того зубы выбивали дробь, на кончике носа повисла капля пота, по лицу разлилась желтизна. Джума попытался его утешить:

— Плевать нам на них, другую работу найдем...

Сосед посмотрел на Джуму, вымученно улыбнулся:

— О'кей! Ремесло у меня в этих самых руках...

— О'кей?

Джума тоже улыбнулся, похлопал его по плечу.

— Будь проклята их работа! Чего тебе мучиться? Плюнь...

Джуме показалось, что сосед готов бросить все и уйти.

...Сержант поднял руку и стал тыкать пальцем:

— You, you and you!

Группы людей начали таять, по лицам оставшихся струился пот. Джуме опять представилась цепь с ее последним звеном — золотушной малышкой. Сосед прошептал:

— Говоришь, о'кей? Я целый год сидел без работы с этими вот руками...

Джума ничего не ответил, он смотрел на сержанта.

— You, you and you. Come on!¹

Группы продолжали таять. Джума похлопал соседа по спине:

— Будь проклята эта работа и те, кому она нужна!

Его услышал старший рабочий. Он что-то шепнул на ухо сержанту. Тот поднял руку и ткнул пальцем:

¹ Ты, ты и ты. Идите сюда! (англ.)

— You. Come on! Hurry!¹

От группы отделился еще один... Сосед смотрел на него, и капельки пота скатывались у него со лба на кончик носа. Плешивый вышел из толпы и залопотал что-то «по-американски», не веря, что его не взяли...

...Тянулась и тянулась цепь, звено за звеном, до самого последнего: золотушной дочки...

— Да проклянет Аллах этот день! Да проклянет Аллах меня самого, и отца моего, и всех моих предков!..

...И деньги, которых почти не осталось. И листок в тетради Салима, который он перечеркнул и надписал сверху: «Всего: гинья».

Поздно вечером на улице поднялся шум. Зазвенели жестяные ведра, заспорили, переругиваясь, пришедшие за водой девушки. Взметнулась вверх пыль от мячей, которые гоняли мальчишки. В маленьких стаканчиках темнел чай. Салим стоял за прилавком с карандашом в руке и завертывал покупки девочкам, мальчикам и взрослым, заглядывавшим в его лавку. Рабочие небольшими группами возвращались домой. Шум достигал ушей Джумы. Словно гремела цепь... Звено за звеном — до самого последнего — золотушной дочки с крохотным желтым личиком, покрытым сыпью.

¹ Ты. Иди сюда! Пошевеливайся! (англ.)

ЗЕЛЕНЫЙ СУНДУК

(рассказ)

Перевод с арабского Н. Н. Дьякова¹

THE GREEN CHEST

Translated from Arabic by Nikolay N. Dyakov²

Это случилось пять лет назад, в первые дни праздника. Салим умер у меня на руках. Я мучительно вспоминаю это всякий раз, когда ощущаю в воздухе дыхание праздника... С тех пор минуло пять лет. Салим в то время кормил всю нашу семью: меня, мать, младшего братишку. После того, что случилось, мы больше не осмеливались произносить слово «праздник». Люди смотрели на нас во все глаза, но то и дело поглядывали на небо, боясь упустить миг, когда молодой месяц возвестит о начале праздника. В эти страшные минуты, пять лет назад, Салим остановил на мне взгляд своих выпуклых глаз, на полуоткрытых губах запеклась кровь, живот раздулся от воды.

Я никак не мог поверить, что Салим умрет в тот день. Ведь он так любил этот праздник, так ждал эти чудесные, исполненные надеждой дни.

Ту ночь я провел в чайной у Османа, по соседству с нашим домом. Посетители играли в карты и улыбались. У каждого был подарок, заранее купленный к празднику... Накануне Осман, поглядывая на меня из-за струйки чая, тянувшейся к чашке, спросил:

— Махмуд, а Салим где?

— В море, — рассеянно ответил я, бросая карты на стол перед партнером.

Я будто снова слышу голос Османа, вижу его ухмылку:

¹ *Восточный альманах*. Вып. 15. «Зерна мудрости». М.: Художественная литература, 1987. С. 132–136.

² *Oriental Almanac*. Issue 15. “The Seeds of Wisdom”. Moscow: Khudojstvennaya Literatura, 1987. P. 132–136.

— О, всемогущий Аллах! Он работает даже по праздникам?..

Я почти физически ошущаю эти мгновения — как удар ножа в спину... Сколько раз Салим, снисходительно на меня поглядывая и шуточно теребя за ухо, говорил:

— Ты уже взрослый мужчина, Махмуд...

Мать тут же спешила на выручку, протяжно произнося, как умеют произносить только женщины:

— Ради Аллаха, оставь его в покое...

Подходя к дому в один из последних дней рамадана, я вдруг с особой остротой почувствовал, как много значит Салим в моей жизни, как заботится о всех нас. К празднику купил мне новый костюм, младшему брату — кучу игрушек, матери обещал помочь отправиться в паломничество.

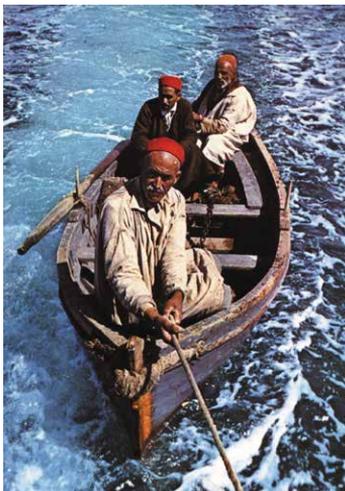
Перекинув сумку через плечо и уже выходя из дома, Салим с улыбкой шепнул мне:

— Будь осторожен. Поздно уже...

Мне кажется, будто я вижу, как морская пена с шипением лижет его уши, как волны, набегая друг на друга, мешают дышать, как его большие сильные руки борются за кусок хлеба для нас.

В доме стоял деревянный зеленый сундук с медными украшениями и с замком, на котором висел колокольчик. Мать бережно хранила этот сундук, складывала в его деревянное чрево самые ценные вещи. В те дни она особенно дорожила праздничным одеянием Салима, купленным им в конце месяца рамадана: серые, тщательно отутюженные брюки, белая рубашка с отложным воротником и черные лакированные ботинки.

Той ночью, перед самым рассветом, зазвонил колокольчик, мать нежно погладила рукой праздничный наряд Салима,

посыпала его цветочными лепестками и что-то пробормотала. Мой же костюм и одежда малыша валялись на циновке.

Все жили ожиданием праздника, а я думал только о том, когда наконец мать положит и мой костюм в полупустой сундук со звонким колокольчиком.

С красными после бессонной ночи глазами, но улыбаясь, я подошел к дому и с порога весело произнес:

— Счастливого года тебе...

Мать подняла голову. Из-под тяжелых век на меня смотрели ее полные тоски глаза.

— Что-то случилось с Салимом, Махмуд...

— Скоро пройдет. Ты что, волнуешься?! — усмехнулся я с плохо скрываемым раздражением, поглядывая то на сундук, то на свой костюм, валявшийся на циновке.

Как ни старалась мать подавить вздохи, они вырывались у нее из груди. Я слышал их даже во сне, и они все больше и больше ранили сердце... Разбудил меня шум снаружи. Закричала, запричитала мать. Малыш сидел в глубине комнаты, протирая глаза и силясь понять, что происходит. События развивались стремительно.

Салима уже положили в комнату. Его глаза, в которых застыла печаль, казалось, просили прощения за испорченный праздник. Потемневшее лицо сморщилось и потеряло свои очертания. Живот казался огромной вздувшейся волной. Так и не надел он своих отутюженных брюк и белоснежной рубашки с широким воротником. Лежал голый. Между пальцами босых ног с почерневшими ногтями застряли водоросли.

Вопли матери перемежались с замечаниями соседей, ни на минуту не забывавших о предстоящем празднике:

— О, благословенная ночь Аллаха!

— Что-нибудь случилось? Какой ужас!

— Перевернулась лодка. О, Аллах всемогущий!

В глазах Салима, устремленных вверх, словно просящих прощения у самого праздника, я увидел, как в зеркале, наше отражение...

С того дня праздник каждый раз тонул в слезах матери. Зеленый сундук с желтыми медными украшениями был заперт

навек. Ключ висел у матери на поясе, скрытом складками ветхой накидки, а в молчавшем пустом чреве сундука покоился праздничный наряд Салима.

Все, что осталось от Салима в ту ночь, — его старая, засаленная сумка и пропахшая рыбой и морем одежда.

Не верилось, что нет с нами Салима. Его серая сумка долго висела на своем обычном месте, у двери... Бушующее море все еще напоминает мне ту страшную ночь, водоросли, прилипшие к ногам Салима, его раздутый живот, а рыбацкие лодки кажутся ненасытными могилами, жаждущими новых жертв.

Как-то спустя месяц после смерти Салима я заметил, что мать выжидающе на меня смотрит. Мой костюм и одежда младшего братишки по-прежнему валялись в углу... Зеленый сундук, как и прежде, охранял по ночам колокольчик. Наконец мать со вздохом сказала:

— Мы много задолжали, Махмуд...

Опасаясь, что я не расслышал, она, тяжело переставляя ноги, подошла ближе и снова на меня взглянула. Затем достала из сумки сеть, иглу и остаток ниток, села под окном и принялась чинить сеть.

И вот я сам узнал вкус моря. Волны лизали мне уши, соленые от пота и морской воды руки тянули сеть. Но ни разу не довелось мне пережить того, что пережил Салим в ту ночь, когда мечтал достать под звон колокольчика свой костюм и утром в праздник надеть.

Каждый праздник мать тихонько плакала у зеленого сундука, боясь даже его приоткрыть. С тех пор как не стало Салима, не стало для нас и праздников.

Я сторонился людей. Старался не возвращаться домой в предпраздничную ночь. Боялся, что она проглотит меня, как проглотила несколько лет назад Салима. Я не расставался с костюмом, подаренным мне Салимом, хотя с каждым годом он становился мне все теснее, брюки стали короткими. Я не мог спокойно смотреть, как младший брат, надев обновку, идет к морю, чтобы посвистеть там в свой игрушечный свисток, купить сладости или же просто поболтать с детворой.

Сердце мое было закрыто для праздничного веселья. То ли слезами матери, то ли позвякиванием колокольчика на мертвом сундуке, то ли медными украшениями на нем, покрытыми пылью.

И вот опять наступил праздничный вечер. Дыхание города становилось все жарче, на море легли серые тени, люди тихонько переговаривались в ожидании праздника. Новая одежда младшего брата лежала на циновке рядом с сундуком, и он, засыпая, радостно на нее смотрел в предвкушении праздника... Когда я перекинул через плечо сумку, мать робко сказала:

— Завтра праздник, а, Махмуд?.. — голос ее звучал глухо.

Эти слова криком отчаяния отозвались в каждой клеточке моего тела. Закружилась голова, как перед штормом. Рука замерла, так и не открыв дверь, и я увидел в темноте глаза Салима, устремленные вверх, словно извиняющиеся за испорченный праздник.

— Может быть... Ты не спишь?.. — она искала в своем сердце самые нежные, полные любви слова. — Что ты завтра наденешь, Махмуд?..

Смутное предчувствие охватило меня... Я представил себе младшего брата, его новый серый костюм, бросил рассеянный взгляд на пол, затем на потолок... Мне почудился шум волн, я представил себе, как дно лодки уходит из-под ног и меня, умирающего, несут на плечах... Мысли мои прервал голос матери:

— Будь осторожен, сынок!

Эти слова звучали у меня в ушах, пока я не вошел в дом на рассвете и, уже засыпая, не услышал голос Османа:

— Благополучия тебе, Хамида... Счастливого года!

Нахлынула усталость, и я сразу уснул. Во сне видел прозрачные волны, слышал, как плещется рыба, как дует ветер. Проснулся от звука ключа, поворачиваемого в замке старого сундука, и позвякивания охрипшего колокольчика. С медных украшений лениво осыпалась пронизанная лучами солнца пыль. Мать достала костюм Салима и стряхивала с него высохшие лепестки. На губах ее играла улыбка.

Она что-то тихонько говорила, поглядывая на меня. Видимо, хотела разбудить.

Вскипел чайник, засвистел на весь дом. Появившаяся надежда постепенно вытесняла из дома царивший здесь последние пять лет призрак смерти. По-детски радуясь, мать расправляла на стуле серые брюки, расстегивала пуговицы на белой рубашке с широким воротником, краем накидки протерла лакированные ботинки, положила на них новые носки:

— Эй, соня, надень-ка все это и благослови наш праздник...

У меня дух захватило от нахлынувшей радости. Каждое слово матери проникало глубоко в сердце. Задыхаясь и едва шевеля губами над ее влажным от волнения лбом, я тихо произнес:

— Доброго года тебе!..

Даже наш старый деревянный сундук, казалось, просиял от счастья, засверкав всеми своими медными украшениями.

Список авторов / Contributors

1. Vassilios Christides — Director of the Institute for Graeco-Oriental and African Studies (IGOAS), Greece; formerly Professor of Columbia University, USA, and the University of Ioannina, Greece (Kryoneri Attikis, Greece)¹

2. Dimitrios G. Letsios — PhD, Ambassador, a.h.; Member of the Board of Directors, University of Peloponnese, Greece (Athens, Greece)

3. Айман Аламин Яхья Бабикер — независимый исследователь (Судан)

Ayman Alamin Yahia Babiker (أيمن الأمين يحيى بابكر) — Independent Researcher (Sudan)

4. Акель Ясер Хишамович — ст. преп., кафедра языков и культур исламского мира, Институт востоковедения, РГПУ им. А. И. Герцена; приглашенный преп., кафедра истории стран Ближнего Востока, Восточный факультет, СПбГУ (Санкт-Петербург, Россия)

Yasser H. Akel — Senior Lecturer, Department of Languages and Cultures of the Islamic World, Institute of Oriental Studies, Herzen University, St Petersburg; Visiting Lecturer, Department of Middle Eastern History, Faculty of Asian and African Studies, St Petersburg State University (St Petersburg, Russia)

¹ City and Country in brackets indicatethe the place of residence of a scholar, not the geographic location of an an academic institution.

5. Алферов Даниил Андреевич — к. и. н., ст. преп., кафедра теории общественного развития стран Азии и Африки, Восточный факультет СПбГУ (Санкт-Петербург, Россия)

Daniil A. Alferov — **PhD in History**, Senior Lecturer, Department of Theory of Social Development of Asian and African Countries, Faculty of Asian and African Studies, St Petersburg University (St Petersburg, Russia)

6. Бавыкин Олег Митрофанович — член Союза писателей России, председатель Иностранной комиссии СПР; член Постоянного бюро, Ассоциация писателей Африки и Азии (Москва, Россия)

Oleg M. Vavykin — **Head of the Foreign Relations Department**, Writers' Union of Russia; member of the Permanent Bureau, Afro-Asian Authors' Association (Moscow, Russia)

7. Базиленко Игорь Вадимович — д. и. н., профессор, кафедра истории стран Ближнего Востока, Восточный факультет СПбГУ (Санкт-Петербург, Россия)

Igor V. Bazilenko — **Dr Habil in History**, Professor, Department of Middle Eastern History, Faculty of Asian and African Studies, St Petersburg State University (St Petersburg, Russia)

8. Балащенко Юрий Дмитриевич — ст. преп., кафедра истории стран Ближнего Востока, Восточный факультет СПбГУ; с. н. с. Музея-усадьбы И. Е. Репина «Пенаты» (Санкт-Петербург, Россия)

Yuriy D. Balatsenko — Senior lecturer, Department of Middle Eastern History, Faculty of Asian and African Studies, St Petersburg University; Senior Research Fellow, Ilya Repin's 'Penaty' Memorial Estate (St Petersburg, Russia)

9. Блондин Владимир Николаевич — к. ф. н., ст. преп., кафедра сопоставительного изучения языков и культур, филологический факультет; кафедра истории стран Ближнего Востока, Восточный факультет, СПбГУ (Санкт-Петербург, Россия)

Vladimir N. Blondin — **PhD in Philology**, Senior Lecturer, Department of Comparative Study of Languages and Cultures, Philological Faculty; Department of Middle Eastern History, Faculty of Asian and African Studies, St Petersburg University (St Petersburg, Russia)

10. Валеев Рамиль Миргасимович — д. и. н., профессор, кафедра китаеведения и азиатско-тихоокеанских исследований Института международных отношений Казанского (Приволжского) федерального университета (Казань, Россия)

Ramil M. Valeev — Dr Habil in History, Professor, Department of Chinese and Asian Studies, Institute of International Relations, Kazan (Volga Region) Federal University (Kazan, Russia)

11. Валеева Роза Закариевна — к. пед. н., доцент, заведующий кафедрой иностранных языков в профессиональной коммуникации, декан факультета лингвистики и межкультурной коммуникации Казанского инновационного университета им. В. Г. Тимирязова (Казань, Россия)

Roza Z. Valeeva — PhD in Pedagogy, Associate Professor, Dean, Faculty of Linguistics in International Communication, Kazan Innovative University (IEMU) (Kazan, Russia)

12. Гордеев Фёдор Игоревич — асп., Институт Африки РАН; ст. лаборант НИИ и Музея антропологии МГУ (Москва, Россия)

Fedor I. Gordeev — Postgraduate Student, Institute of African Studies of the Russian Academy of Sciences; Senior Laboratory Assistant, Anuchin Research Institute and Museum of Anthropology, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia)

13. Дегтярева Ольга Викторовна — к. полит. н., зав. кафедрой журналистики и медиакоммуникаций Херсонского ГПУ; доцент, СЗИУ РАНХиГС (Санкт-Петербург, Россия)

Olga V. Degtyareva — PhD in Politics, Head of the Department of Journalism, Kherson State Pedagogical University; Associate Professor, North-West Institute of Management, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA) — St Petersburg branch (St Petersburg, Russia)

14. Добронравин Николай Александрович — д. филол. н., профессор, кафедра мировой политики, факультет международных отношений СПбГУ (Санкт-Петербург, Россия)

Nikolay A. Dobronravin — Dr Habil in Philology, Professor, Department of World Politics, School of International Relations, St Petersburg University (St Petersburg, Russia)

15. Дьяков Николай Николаевич — д. и. н., проф., зав. кафедрой истории стран Ближнего Востока, Восточный факультет, СПбГУ (Санкт-Петербург, Россия)

Nikolay N. Dyakov — Dr Habil in History, Professor, Head of the Department of Middle Eastern History, Faculty of Asian and African Studies, St Petersburg State University (St Petersburg, Russia)

16. Завельская Светлана Юрьевна — Восточный факультет, СПбГУ (Санкт-Петербург, Россия)

Svetlana Yu. Zavel'skaya — Faculty of Asian and African Studies, St Petersburg State University (St Petersburg, Russia)

17. Зайцев Илья Владимирович — д. и. н., в. н. с. Института востоковедения РАН; зам. директора Государственного музея Востока (Москва, Россия)

Ilya Zaycev — Dr Habil in History, Research Fellow, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences; Deputy Director of the State Museum of Oriental Art (Moscow, Russia)

18. Зданевич Александр Сергеевич — к. и. н., ст. преп., кафедра африканистики, Восточный факультет СПбГУ (Санкт-Петербург, Россия)

Alexander S. Zdanevich — PhD in History, Senior Lecturer, Department of African Studies, Faculty of Asian and African Studies, St Petersburg University (St Petersburg, Russia)

19. Козинцев Марк Альвиевич — м. н. с., отдел Центральной и Южной Азии ИВР РАН; ст. преп., кафедра ближневосточных и африканских исследований Института востоковедения и африканистики НИУ ВШЭ — Санкт-Петербург (Санкт-Петербург, Россия)

Mark A. Kozintcev — Junior Researcher, Department of Central Asian and South Asian Studies, Institute of Oriental Manuscripts of the Russian Academy of Sciences; Senior Lecturer, Department of Middle Eastern and African Studies, Institute of Asian and African Studies, HSE University — St Petersburg (St Petersburg, Russia)

20. Крол Алексей Александрович — к. и. н., с. н. с., НИИ и Музей Антропологии МГУ (Москва, Россия)

Alexei A. Krol — PhD in History, Senior Researcher, Anuchin Research Institute and Museum of Anthropology, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia)

21. Матвеев Александр Сергеевич — ст. преп., кафедра истории стран Ближнего Востока, Восточный факультет СПбГУ (Санкт-Петербург, Россия)

Alexander S. Matveyev — Senior Lecturer, Department of Middle Eastern History, Faculty of Asian and African Studies, St Petersburg State University (St Petersburg, Russia)

22. Палладес Виктор Вячеславович — к. ф. н., факультет международных отношений СПбГУ (Санкт-Петербург, Россия)

Victor V. Pallades — PhD in Philology, School of International Relations, St Petersburg University (St Petersburg, Russia)

23. Пан Татьяна Александровна — к. и. н., в. н. с., зам. директора ИВР РАН по науке, зав. отделом Дальнего Востока ИВР РАН (Санкт-Петербург, Россия)

Tatiana A. Pang — PhD in History, Senior Research Fellow, Head of the Department of Far Eastern Studies, Deputy Director for Academic Affairs, Institute of Oriental Manuscripts of the Russian Academy of Sciences (St Petersburg, Russia)

24. Петрова Мария Павловна — к. ф. н., доцент, кафедра монголоведения и тибетологии, Восточный факультет СПбГУ (Санкт-Петербург, Россия)

Maria P. Petrova — PhD in Philology, Associate Professor, Department of Mongolian Studies and Tibetology, Faculty of Asian and African Studies, St Petersburg University (St Petersburg, Russia)

25. Пиотровский Михаил Борисович — д. и. н., проф., акад. РАН, заведующий кафедрой Древнего Востока, декан Восточного факультета СПбГУ; ген. дир. Государственного Эрмитажа (Санкт-Петербург, Россия)

Mikhail B. Piotrovsky — Dr Habil in History, Professor, Member of the Russian Academy of Sciences and Russian Academy of Arts, Dean of the Faculty of Asian and African Studies, St Petersburg University; Director of the State Hermitage Museum (St Petersburg, Russia)

27. Суворов Михаил Николаевич — д. филол. н., проф., кафедра арабской филологии, Восточный факультет СПбГУ (Санкт-Петербург, Россия)

Mikhail N. Suvorov — Dr Habil in Philology, Professor, Department of Arabic Philology, Faculty of Asian and African Studies, St Petersburg University (St Petersburg, Russia)

28. Туманян Тигран Гургенович — д. филос. н., проф., зав. кафедрой философии и культурологии Востока, Институт философии СПбГУ (Санкт-Петербург, Россия)

Tigran G. Tumanian — Dr Habil in Philosophy, Professor, Chair of the Oriental Philosophy and Cultural Studies Department, St Petersburg University (St Petersburg, Russia)

29. Хисматулин Алексей Александрович — к. и. н., в. н. с., ИВР РАН (Санкт-Петербург, Россия)

Alexey A. Khismatulin — PhD in History, Leading Researcher, Institute of Oriental Manuscripts of the Russian Academy of Sciences (St Petersburg, Russia)

30. Шомахмадов Сафарали Хайбуллоевич — к. и. н., с. н. с., лаборатория «Сериндика», Институт восточных рукописей РАН (Санкт-Петербург, Россия)

Safarali Kh. Shomakhmadov — PhD in History, Senior Researcher, Laboratory 'Serindica', Institute of Oriental Manuscripts of the Russian Academy of Sciences (St Petersburg, Russia)

Содержание

I. К юбилею профессора И. В. Герасимова

<i>М. Б. Пиотровский.</i> Судан как судьба	7
Поздравления	10
<i>Tabula Gratulatoria</i>	20
<i>Н. Н. Дьяков.</i> Профессор Игорь Вячеславович Герасимов — ученый-востоковед, педагог, переводчик	24
Библиография научных трудов проф. И. В. Герасимова	33
<i>М. П. Петрова.</i> И. В. Герасимов в Монголии и Китае.	49
<i>Т. А. Пан.</i> Арабист в Китае	57

II. Россия — Восток

<i>М. Н. Суворов</i> Несколько слов о традиции наставничества в петербургской арабистике	81
--	----

Я. Х. Акель

Хишам Акель — основоположник системы преподавания
русского языка в современной Сирии 87

Р. М. Валеев, Р. З. Валеева

Арабо-мусульманские штудии в России: воспитанники
германских университетов в Казанском университете
(Х. Д. Френ — Ф. И. Эрдман — И. Ф. Готвальд) (XIX в.) 108

Alexander S. Zdanevich

The Crisis of Autocracy in Russia (the mid-19th —
early 20th C.) and the Role of the Russian Volunteer
Movement during the Anglo-Boer War 164

III. Судан и его соседи

Д. А. Алферов

Омдурман: предпосылки основания города
и его развитие в период Махдистского государства
(1885—1898) 185

А. А. Крол, Ф. И. Гордеев

Меч и седло. Два предмета традиционной культуры беджа
в собрании НИИ и Музея антропологии МГУ
имени М. В. Ломоносова. 198

Alexander S. Matveev

A Case of Survival of an Early Medieval Straight Sword:
“Kaskara” Broadwords in Pre-Modern Sudan 225

Айман Аламин Йахйя Бабикер

Крупный рогатый скот в обществе фульбе 284

Nikolai A. Dobronravın

New sources on the Tijānī Emigration from West Africa
in the Early 20th Century 294

IV. Ближний Восток и его соседи

Vassilios Christides

The Cycle of the Arab-Byzantine Struggle in Crete (ca 824/6–961 AD) in the Illuminated Manuscript of Skylitzes (Codex Matritensis Graecus Vitr. 26–2) 305

Dimitrios G. Letsios

Leo VI the Wise and the Saracens: The Image of the Arabs in His Military Collection. 340

A. A. Хисматулин

Результаты текстологии в серии «Назидательная литература эпохи Салджукидов на персидском языке: оригиналы и подделки» 366

T. Г. Туманян

Абу-л-Хасан ал-Маварди. Из книги Ал-'Ахкам ас-султаниййа ва-л-вилаят ад-диниййа («Законы власти и религиозное правление») Глава Фи 'акд ал-'имама («Об утверждении имама»). 393

В. Н. Блондин

Отражение «йеменского патриотизма» в позднесредневековой йеменской хронике «Известия современников по истории Йемена» (XVII в.) . . . 408

Н. Н. Дьяков

Ахмад аль-Маккари в истории и историографии Арабского запада (Ал-Магриб и Ал-Андалус) 419

И. В. Зайцев

«Благородные сандалии Пророка», или Ахмад ал-Маккари в Поволжье 434

В. В. Палладес

Вежливость и невежливость в арабской лингвокультуре . . . 444

И. В. Базиленко

О российско-иранской войне 1804–1813 гг. 457

Ю. Д. Балащенко

- Пример мирного разрешения серьезного
межгосударственного конфликта
в первой половине XIX века 481

М. А. Козинцев

- Верительная грамота резидента в Константинополе
А. М. Обрескова от 1753 г. 507

С. Х. Шомахмадов

- Шесть способов «сотрясения земли» в аспекте
буддийского религиозного подвижничества 519

О. В. Дегтярева

- Перепись населения как символическая репрезентация
социальной памяти в украинском медиадискурсе 531

V. Современная арабская литература: биографии и переводы

- Мухаммад Салех аль-Джабери* 551
Последняя черта (Перевод с арабского О. М. Бавыкина) 553
- Мустафа Феси* 559
Поезд шел дальше (Перевод с арабского О. М. Бавыкина) 560
- Камиль Хасан аль-Макхур* 565
Последнее звено (Перевод с арабского Н. Н. Дьякова) 566
Зеленый сундук (Перевод с арабского Н. Н. Дьякова) 572
- Список авторов / Contributors 578

Contents

I. On the Occasion of Professor Igor V. Gerasimov's 60th Birthday Anniversary

<i>Mikhail B. Piotrovsky. Sudan as a Destiny</i>	7
Greetings.....	10
<i>Tabula Gratulatoria</i>	20
<i>Nikolay N. Dyakov. Professor Igor V. Gerasimov: An Orientalist, A Teacher, An Interpreter</i>	24
Bibliography of Professor Igor V. Gerasimov (<i>Compiled by Svetlana Yu. Zavel'skaya</i>).....	33
<i>Maria P. Petrova. Igor V. Gerasimov in Mongolia and China</i>	49
<i>Tatiana A. Pang. An Arabist in China</i>	57

II. Russia and Orient

<i>Mikhail N. Suvorov</i> On the Tradition of Tutelage in the St Petersburg Arabic Studies.....	81
---	----

Yasser H. Akel

Hisham Akel: a Founder of the Russian Language
Tuition in Sirya 87

Ramil M. Valeev, Roza Z. Valeeva

The Arabic and Islamic Studies in Russia: Graduates
of the German Universities at Kazan University in the 19th C.
(Ch. Frähn, F. Erdmann, I. Gottwaldt)..... 108

Alexander S. Zdanevich

The Crisis of Autocracy in Russia (the mid-19th — early 20th C.)
and the Role of the Russian Volunteer Movement
during the Anglo-Boer War..... 164

III. Sudan and its Neighbours

Daniil A. Alferov

Omdurman: A Background Note on the City Establishment
and its Development during the Mahdist State (1885–1898)..... 185

Alexei A. Krol, Fedor I. Gordeev

The Sword and the Saddle: Two Traditional Beja Culture Artefacts
in the Collections of the Museum of Anthropology
at the Moscow State University..... 198

Alexander S. Matveyev

A Case of Survival of an Early Medieval Straight Sword:
“*Kaskara*” Broadwords in Pre-Modern Sudan 225

Ayman Alamin Yahia Babiker

Cattle in the Fulbe Community 284

Nikolay A. Dobronravin

New Sources on the Tijānī Emigration from West Africa
in the Early 20th Century..... 294

IV. Middle East and its Neighbours

Vassilios Christides

- The Cycle of the Arab –Byzantine Struggle in Crete
(ca 824/6-961 AD) in the Illuminated Manuscript
of Skylitzes (Codex Matritensis Graecus Vitr. 26-2).....305

Dimitrios G. Letsios

- Leo VI the Wise and the Saracens: The Image of the Arabs
in His Military Collection..... 340

Alexey A. Khismatulin

- The Results of Textual Criticism in the Series *The Persian
Mirrors for Princes Written in the Saljuq Period:
Originals and Fabrications*366

Tigran G. Tumanian

- Abu-l-Hasan al-Mawardi. *Al-Ahkam al-sultaniyya wa-l-wilayat
al-diniyya* (“The Laws of Power and Religious Government”):
Chapter *Fi ‘aqd al-imama*. Translated into Russian
with comments by Tigran G. Tumanian393

Vladimir N. Blondin

- The Manifestation of «the Yemeni Patriotism» in the Late
Medieval Yemeni Chronicle «News of Contemporaries
on the History of Yemen» (the 17th C.)408

Nikolay N. Dyakov

- Ahmad Al-Maqqari in the History and Historiography
of the Arab West (Al-Maghrif and Al-Andalus)..... 419

Ilya Zaycev

- Muhammad’s Noble Sandals, or Ahmad al-Maqqari
in the Volga Region 434

Victor V. Pallades

- The Concepts of Politeness and Impoliteness
in the Arabic Language and Culture..... 444

<i>Igor V. Bazilenko</i>	
On the 1804-1813 Russian-Iranian War	457
<i>Yuriy D. Balatsenko</i>	
An Example of a Peaceful Solution to a Major Interstate Crisis in the First Half of the 19th C.	481
<i>Mark A. Kozintcev</i>	
Diplomatic Credentials given to the Russian Resident in Constantinople Alexei M. Obreskov in 1753	507
<i>Safarali Kh. Shomakhmadov</i>	
Six Methods of ‘Shaking Earth’ in the Context of Buddhist Piety	519
<i>Olga V. Degtyareva</i>	
Population Census as a Symbolic Representation of Social Memory in the Ukrainian Media	531

V. Modern Arabic Literature: Authors and Translations

<i>Mohammed Saleh Al-Jaberi</i>	551
The Last Frontier (Translated from Arabic by Oleg Bavykin)	553
<i>Mustafa Fesi</i>	559
The Train Moved On (Translated from Arabic by Oleg Bavykin) ...	560
<i>Kamil Hassan al-Maghour</i>	565
The Last Link (Translated from Arabic by Nikolay N. Dyakov) ...	566
A Green Chest (Translated from Arabic by Nikolay N. Dyakov) ...	572
List of Contributors	578

Научное издание

**Судан и Большой Ближний Восток:
сборник статей к 60-летию проф. И. В. Герасимова**

Составители: А. С. Матвеев, Н. Н. Дьяков, Т. А. Пан

Отв. редактор А. С. Матвеев

Директор издательства А. А. Галат
Корректор К. А. Александрова
Верстка и дизайн Е. В. Владимировой

Подписано в печать с авторского оригинал-макета.

Формат 60 × 90 ¹/₁₆. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 37. Тираж 200 экз.

Заказ №341

Издательство

Русской христианской гуманитарной академии
имени Ф. М. Достоевского

191011, Санкт-Петербург, наб. р. Фонтанки, 15

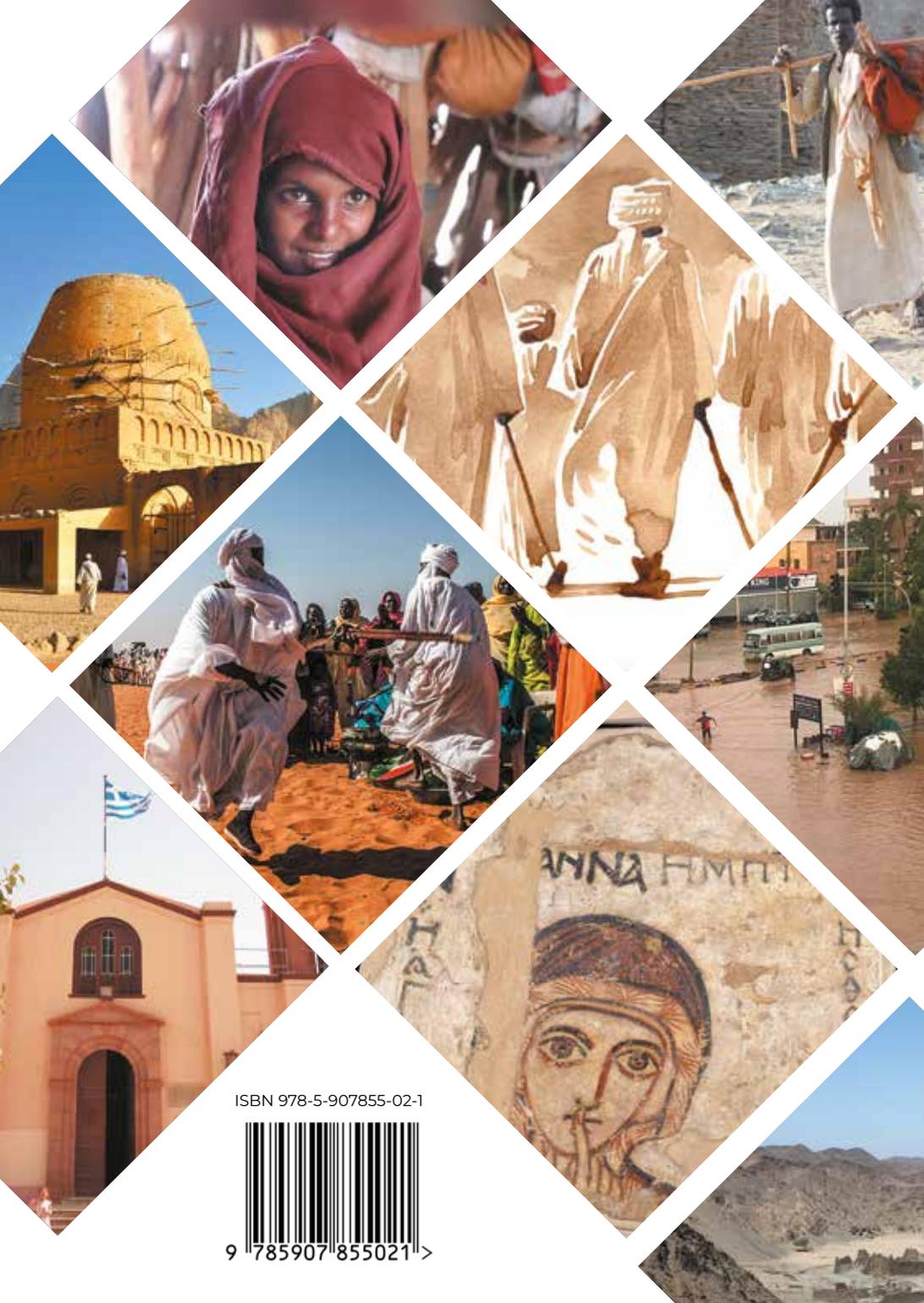
тел.: (812) 310-7929; +7 (981) 699-6595

E-mail: rhgapublisher@gmail.com. URL: <http://irhga.ru>

Отпечатано в типографии «Поликона»

(ИП А. М. Коновалов)

190020, Санкт-Петербург, наб. Обводного канала, д. 134

ISBN 978-5-907855-02-1

9 785907 855021 >